

Борис Докторов

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Историко-биографические
поиски

ТОМ 4

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСЕД С СОЦИОЛОГАМИ

Москва

2016

УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г
Д635

Докторов Б.З.
Д635 Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. Том 4: Историко-биографические поиски. Продолжение бесед с социологами. – М.: ЦСПиМ, 2016. – 570 с.

ISBN 978-5-906001-46-7.

В 9-ти томнике доктора философских наук, профессора Б.З. Докторов обсуждаются результаты его историко-наукovedческого анализа становления современной российской социологии. Оригинальность и новизна данной работы определяется установкой автора на освещение прошлого и настоящего отечественной социологии на базе воспоминаний и суждений тех, кто формировал ее основы и внес значительный вклад в ее развитие. А в последние годы – и тех, кто в настоящее время активно работает в социологии и готовит новые поколения социологов.

Том 1 – «Биографии и история» – является методологическим введением ко всему проекту. Одновременно в нем представлены теоретико-эмпирические выводы проведенного исследования.

Материалы Томов 2, 4, 7 и 8 (в двух частях) – «Беседы с социологами семи поколений» – образуют эмпирическую базу исследования и придают особую значимость проделанной работе. Это – 143 глубинных биографических интервью, которые были проведены автором в 2005–2016 годах с российскими социологами разных возрастных групп.

Тома 3 и 5 содержат историко-методологические работы Б.З. Докторов, статьи о жизни и творчестве социологов, чьи гражданские позиции особенно близки автору. Также, в них представлены его автобиографические материалы

Том 6 – включает в себя книги Б.З. Докторов о Б.А. Грушине и В.А. Ядове, ярких представителях первого поколения российских социологов.

Том 9 – впервые знакомит российского читателя с биографией и творчеством историка, философа и социолога науки Б.Г. Кузнецова и содержит пространное автобиографическое интервью Б.З. Докторов.

Книга может быть полезной широкому кругу социологов-исследователей, университетских преподавателей, аспирантов и студентов, специализирующимся в области истории российской социологии. Вместе с тем, она адресована и более широкому кругу читателей, интересующихся социологией и историей нашей страны.

УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г

ISBN 978-5-906001-46-7

© Докторов Б. З., 2016

Оглавление

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Историко-биографические поиски

Том 4

Продолжение бесед с социологами

Предисловие к тому	5
--------------------------	---

Раздел I. Интервью с социологами первого поколения

В.В. Колбановский: «В настоящее время в социологии “расцветают сто цветов”»	9
---	---

Г.В. Осипов: «Такой истории социологии нет ни у одной из зарубежных стран. Это трагическая, драматическая история»	72
--	----

Ядов В.А. «Нам одно остается: честно делать свое дело»	96
--	----

Раздел II. Интервью с социологами второго поколения

Алексеев А.Н.: «Продолжение следует...»	116
---	-----

Гилинский Я.И.: «Мое “лицо” – вроде профессионал, но все время куда-то заносит»	155
---	-----

Воспоминания о Люции Николаевне Лесохиной	173
---	-----

А.Ф. Филиппов рассказывает об отце – Ф.Р. Филиппове.	180
---	-----

Раздел III. Интервью с социологами третьего поколения

Башкирова Е.И.: «Такого уровня люди приходили на “огонек”, вели разговоры; это и были мои “университеты”»	206
---	-----

Вишневский Ю.Р.: «Нам была присуща надежда, если правильно “объяснить” мир, его легче будет “изменить”	223
--	-----

Готлиб А. С.: «Моя потребность рассказать “свою историю” счастливо совпала с исследовательским интересом к автоэтнографии»	253
--	-----

Зборовский Г.Е.: «Я ощущаю себя в первую очередь профессором»	287
Татарова Г.Г. : «Интеграция методологического знания – неизбежный этап в социологии»	337

Раздел IV. Интервью с социологами четвертого поколения

Горшков М.К. «...Пути в социологию – исповедимы»	357
Локосов В.В.: «Повседневность охлаждала накал романтического восприятия философии»	398
Омельченко Е. Л. : «Перелом пришелся на самый острый край взросления»	418

Раздел V. Интервью с социологами пятого поколения

Григорьева Л.И.: «В религиоведение я ни откуда не приходила. Я в нем родилась, сформировалась и выросла»	448
Тёмкина А.А.: «Социология – это не наука или искусство одиночек, вокруг должен кипеть академический бульон дискуссий»	542
Заключение к тому 4	565

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТОМУ 4

Десять лет продолжается мое изучение прошлого-настоящего-будущего современной российской социологии, и столько же лет не прерывается мой разговор с коллегами. Первые интервью, вошедшие в том 2, начались осенью 2004 года, последнее из публикуемых в этом томе, – завершилось в мае 2014 года. Технология интервьюирования и практика их публикации определили режим работы, при котором я параллельно веду несколько бесед: одна-две – стартуют, несколько – находятся в развитии и одна-две – завершаются. И в силу непрерывности этого коммуникационного процесса я воспринимаю мое общение с коллегами как один разговор с разными поколениями моей большой семьи. Все как в жизни. С кем-то я лично знаком и нас связывают десятилетия дружбы, с кем-то познакомился лишь в ходе интервью. Но после завершения интервью я со всеми расставался с грустью.

Настоящий том является прямым продолжением того, что было начато в томе 2, дополнением к нему. Здесь – серия новых интервью с социологами, т.е. реализация центральной – в моем представлении – линии данного историко-социологического проекта, а именно – формирование коллекции интервью с представителями разных поколений советских/российских социологов. Все интервью проведены по методологии, детально рассмотренной в томе 1 (Гл. 2), и нет смысла описывать и анализировать ее снова. Отмечу лишь, что практически все интервью проведены по электронной почте.

Так же в томе 1 (Гл. 4) обосновано строение «Лестницы поколений», или типологии, охватывающей все возрастные страты советских/российских социологов. Для удобства ознакомления с материалами приведу без объяснения границы и обобщенные названия первых пяти когорт социологов, представляющих наше профессиональное сообщество (Таблица 1).

Значимую новизну коллекции интервью, собранной в томе 4, придают два обстоятельства.

Во-первых, время обусловило необходимость обновления и дополнения ранее полученной информации. По-возможности, это будет делаться и далее, но пока – лишь три повторных интервью: с А.Н. Алексеевым, Я.И. Гилинским и В.А. Ядовым. Начало бесед с ними вошло в том 2.

Во-вторых, в 2013 году после длительных размышлений я приступил к проведению интервью с социологами пятого поколения, родившимися в интервале 1959-1970 годов. Их социализация проходила в посттоталитарный период и вхождение в социологию, даже у самых старших из этой когорты, состоялось на разных фазах перестройки или в постперестроечные годы. Проведение интервью – сложный, весьма трудоемкий процесс, потому размышления эти не носили теоретико-методологического характера, они были вызваны организационными соображениями. Основной вопрос, на который мне следовало ответить, звучал примерно так: «Продолжать лишь интервью с социологами

Таблица 1

Первые пять поколений современной советской/российской социологии

Поколение российских социологов	Годы рождения	Центр интервала рождения поколения	Социально-хронологическое название поколения
Первое	1923–1934	1928–1929	«Шестидесятники» (первая волна)
Второе	Последние годы 1920-х–1934		«Шестидесятники» (вторая волна)
Третье	1935–1946	1940–1941	Военное
Четвертое	1947–1958	1952–1953	Первое после-военное
Пятое	1959–1970	1964–1965	Постоттепельное

первых четырех поколений или расширять исследовательское поле и постепенно переходить к беседам с представителями следующих профессионально-возрастных когорт?». Ответ на этот вопрос был найден, когда стало ясно, что добавление новой группы исследователей, входивших в социологию либо накануне распада СССР, либо в первые годы независимости России, сможет в будущем углубить анализ деятельности старших поколений социологов. Специфика пятого поколения заключается в том, что его представители родились и выросли в советское время, и потому хранят в себе определенный опыт жизни в брежневской и андроповской стране. Однако лишь немногие из этой страты могут быть формально отнесены одновременно к советским и российским социологам, основная часть образует первую страту «собственно» российских социологов.

Том 2 содержит воспоминания 44 социологов о своей жизни и работе. С учетом сказанного о трех повторных интервью (из 17 расположенных ниже), наша коллекция включает в себя 58 жизненных траекторий социологов, стоявших у истоков нашей науки, их учеников и последователей (Таблица 2). 56 историй – автобиографичны, две – иные: о Л.Н. Лесохиной рассказал ее муж, В.А. Ядов, о Ф.Р. Филиппове – его сын, А.Ф. Филиппов.

В ходе интервью я часто прошу моих собеседников рассказать об их учителях и коллегах, не доживших до нашего времени; отказов я не помню. Поэтому общее число историй жизни советских/российских социологов, отраженных в этой книге, – по моим оценкам – возрастает минимум до 80.

На мой взгляд, каждое интервью – захватывающе интересно, ведь за ним – жизнь конкретного человека, а все вместе они дают уникальную картину истории нашей науки и нашего сообщества; добавлю – и

Таблица 2

**Перечень социологов, интервью с которыми и о которых,
представлены в книге (тома 2 и 4)**

Поколение	Опрошенные социологи
Первое (8 человек)	Ельмеев В. Я., Заславская Т. И., Здравомыслов А. Г., Колбановский В.В., Лапин Н. И., Осипов Г.В. Шляпентох В. Э., Ядов В.А.
Второе (12 человек)	Алексеев А. Н., Артемов В. А., Баранов А. В., Гилинский Я. И., Лесохина Л.Н., Максимов Б. И., Русалинова А. А., Столович Л. Н., Тощенко Ж. Т., Тукумцев Б. Г., Филиппов Ф.Р., Фирсов Б. М.
Третье (21 человек)	Башкирова Е.И., Беляев Э. В., Божков О. Б., Вишневский Ю.Р., Воронков В. М., Готлиб А. С., Гофман А. Б., Зборовский Г.Е., Ионин Л. Г., Кесельман Л. Е., Константиновский Д. Л., Могилевский Р. С., Панова Л. В., Петренко Е. С., Протасенко Т. З., Саганенко Г. И., Смирнова Е. Э., Татарова Г.Г., Толстова Ю. Н., Травин И. И., Шереги Ф. Э.
Четвертое (15 человек)	Бачинин В. А., Беспалова Ю. М., Горшков М.К., Давыдов А. А., Здравомыслова Е. А., Илле М. Е., Ильин В. И., Козлова Л. А., Локосов В.В., Мягков А. Ю., Омельченко Е. Л., Семенова В. В., Тарусин М. А., Чирикова А. Е., Ядов Н. В.
Пятое (2 человека)	Григорьева Л.И., Тёмкина А.А.

истории нашей страны за многие десятилетия. Они вносят в описание прошлого-настоящего ту конкретику фактов и чувств, которые невозможно познать с помощью иных исследовательских методов. Хотя, конечно же, история науки во всей ее полноте не постижима лишь через рассказы тех, кто ее вершит. Она хранится во множестве различного рода официальных и личных документов, в следах взаимодействия социологов с обществом и социологии как института с государством. И конечно же – в результатах деятельности социологов: отчетах, статьях, книгах.

Футурологический аспект автоматически присутствует в любом серьезном историческом исследовании, поскольку изучение прошлого постоянно генерирует «вопросительность» по поводу будущего. Но в нашем случае изучение накапливаемых биографий социологов включает в себя переход от первых (старших по возрасту) поколений к следующим (более молодым). И это сразу придает анализу собранной информации динамическую окрашенность. Актуализируется тема строения следующих поколений социологов, путей развития социологии и форм организации российского социологического сообщества.

Раздел I ИНТЕРВЬЮ С СОЦИОЛОГАМИ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Колбановский В.В. – окончил философский факультет МГУ, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН (Москва). Основные области исследования: теория, история и методология социологии, социология труда. Интервью состоялось: февраль 2009 – январь 2014 гг.

**В.В. КОЛБАНОВСКИЙ:
«В НАСТОЯЩЕЕ
ВРЕМЯ
В СОЦИОЛОГИИ
“РАСЦВЕТАЮТ
СТО ЦВЕТОВ”»**

Каждое из проведенных мною интервью по своему необычно и уникально. Но беседа по электронной почте с Варленом Викторовичем Колбановским (1926 г. рожд.) занимает в коллекции из более полусотни таких разговоров «за жизнь и за социологию» особое место. Прежде всего, В. В. Колбановский – старейший из моих собеседников. Второе, он не только принадлежит к узкой группе советских ученых, начинавших социологические исследования в стране, но именно он в 1958 году был одним из инициаторов многолетней дискуссии, завершившейся уже в перестроечные годы признанием социологии в качестве самостоятельной науки. Третье, Варлен Викторович имел возможность наблюдать, нередко участвуя, многие события, о которых сегодня очень мало кто помнит, и встречаться со знаковыми для истории социологии людьми, чьи фамилии сейчас многим не из-

вестны. Цепкая, живая память Варлена Викторовича позволяет ему передать и фабулу событий достаточно удаленных от настоящего, и многие ценнейшие детали, которые делают его воспоминания не сухим отчетом о прошлом, а красочной картиной «полнокровного настоящего».

Наше интервью началось 3 февраля 2009 года с моего письма Варлену, в котором я приглашал его к интервью и сформулировал несколько первых вопросов. Но прямого контакта по электронной почте у нас не было, я отослал мое письмо нашему другу и коллеге Полине Козыревой, а она по-соседски передала его В. В. Колбановскому. Ответ был получен 17 июля 2009. Потом мы все никак не могли продолжить нашу беседу, но в марте 2013 нам это удалось; а закончили в середине июля. Здесь нам помогла сотрудница Института социологии РАН Зарема Зарипова.

Особенности организации нашего интервью определили и некоторую специфичность данного текста. Но я полагаю, что лучше в нем ничего не корректировать; пусть все будет так, как есть.

Борис Докторов

Часть 1. (Вопросы от 3 февраля 2009)

Варлен, твой отец – Виктор Николаевич Колбановский – видный психолог и философ, не мог бы мы начать беседу с краткого рассказа о нем?

Мой отец – Виктор Николаевич Колбановский – родился в 1902 г. в г. Витебске в семье бухгалтера. Семья переехала в г. Ярославль, где он учился в гимназии.

В 1917 году пятнадцатилетним мальчишкой пошёл в Красную Армию, вступил в партию в 1919 году, прошел Восточный и Южный фронты, был комсомольским работником в Донбассе, потом в Московском Комитете комсомола. Перед выходом первого номера журнала «Пионер» он пришёл к Маяковскому и сказал: «Без Вас журнал не может выйти в свет!». Маяковский басом повторил эти слова и дал стихи: «Возьмем винтовки новые...». Большая дружба связывала моего отца и Антона Семёновича Макаренко. Это он написал первую позитивную рецензию «Поэзия педагогики» («Красная Новь», 1935 г.). То же самое можно сказать о Корнее Ивановиче Чуковском. Как известно, его, как и Макаренко, травили и обвиняли во всех смертных (идеологических) грехах педологи из Наркомпроса, находившиеся под покровительством Н. К. Крупской. Мой

отец определённым образом «оградил» и защитил К. И. Чуковского в середине 1930 г.г., дав развёрнутое предисловие к его книге «От двух до пяти», (7-е издание).

Отец окончил 1-й Медицинский институт, был учеником известных невропатологов Россолимо и Ганнушкина, а в начале 30-х годов учился в Институте Красной Профессуры (ИКП). С 1932 по 1936 год он был директором Института психологии. Этот институт в начале 30-х годов находился в весьма запущенном состоянии – как в материальном, так и в кадровом. Годы директорства моего отца старые психологи вспоминают как время восстановления и утверждения психологической науки в своих правах. Мой отец оказывал поддержку и сотрудничал с такими видными советскими психологами как Блонский, Выгодский, Корнилов, Теплов, Рубинштейн. Были моменты критики и полемики между ними – но они имели не «заушательский», а конструктивный характер. Это сотрудничество продолжалось и в 50 – 60 гг. , когда отец редактировал журналы «Семья и школа» и «Вопросы психологии».

С первых дней Отечественной войны мой отец – на фронте. В июле 1941 он был ранен в область сердца на станции Бологое (где находился с военным госпиталем). 16 октября 1941 года он уже в Москве и отправляется на Северо-Западный фронт. В чине подполковника медицинской службы он четыре года командует фронтовым эвакогоспиталем, награждён боевыми орденами и заканчивает войну на Втором Прибалтийском фронте.

После войны он вновь работает в Институте психологии и Академии общественных наук, выступает с лекциями в Политехническом музее и других серьёзных аудиториях. В юности он несколько лет провёл в семье А. Луначарского, слушал многих выдающихся ораторов своего времени и сам был очень одарённым оратором: никогда не выступал «по бумажке», никогда не говорил казённым и затасканным языком...

В 1950 году мой отец выступает в «Литературной Газете» со статьёй «Наболевший вопрос» – направленной против раздельного обучения мальчиков и девочек. В 1944 году Нарком просвещения Потёмкин по указанию Сталина разделил советские школы на мужские и женские. Одним из предлогов было – больше уделять внимания военному делу в мужских школах (шла война). В действительности, всё это совпадает с политической реставрации не только внешней атрибутики, но и самих общественных форм российской империи, которую инициировал Сталин. Выступить против этой «линии» – требовало немало гражданского мужества. Некоторое время в «Литературной Газете» продолжалась дискуссия по этой теме, но только

смерть Сталина позволила в 1954 году – в качестве одной из самых первых реформ хрущёвской «оттепели» – покончить с раздельным обучением и объединить мужские и женские школы.

Сегодня в печати время от времени вновь поднимают вопрос о введении раздельного обучения (в связи с ранними беременностями и браками). В. Н. Колбановский доказывал, что раздельное обучение наносит вред нормальному, в том числе и половому, воспитанию юношества, что оно отбрасывает школу к дурным традициям царской империи и изолирует её от мирового опыта европейских и американских школ.

Он одним из первых, наряду с И. С. Коном и С. И. Голодом, поднял вопрос о необходимости социологических и психологических исследований отношений полов и грамотного подхода к проблемам полового воспитания детей. В конце своей жизни В. Н. Колбановский обратился к очень актуальной теме – восстановление в правах такой серьёзной науки, как социальная психология. Совместно с известным историком Б. Ф. Поршневым он издал в 60-е годы первую книгу по этой проблематике, а в 1967 году на Всесоюзном совещании социологов в г. Сухуми был сопредседателем (совместно с грузинским психологом, профессором Прангишвили) секции «социальная психология» и докладывал о ней на пленарном заседании. Это было одно из его последних выступлений. Из жизни мой отец ушёл в 1970 году – сказалась застарелая контузия времён гражданской войны (неоперабельная опухоль мозга).

В моей семье царил атмосфера дружеских отношений между родителями и детьми. Естественно, авторитет отца был велик, и всё делалось, чтобы он мог спокойно работать в своём кабинете. Стены его составляли шкафы и полки набитые научной и художественной литературой того времени. Было здесь и первое издание Большой Советской Энциклопедии, где отец работал вместе с О. Ю. Шмидтом и вёл психологический отдел. Шкафы и мебель, в основном, были «казённые», имели бирки Института Психологии и после войны были туда и сданы. Это была достаточно «спартанская» обстановка интеллигентской семьи 30-х годов. Единственной «роскошью» было то, что в коммунальной квартире на ул. Кропоткина (Пречистенка) мы имели три комнаты – кабинет для отца, столовая для матери и сестры и восьмиметровая комната для меня. Библиотека моего отца составлялась в 30-е г.г., старых социологических публикаций (о которых ты спрашиваешь) в ней не было.

В. Н. Колбановский оставил положительный след в философской и социально-психологической науке 1930-60 г.г. Этой оценке противоречит один абзац в повести Д. Гранина

«Зубр» («Новый мир», 1987 г.), где он выведен в образе ортодоксального философа–реакционера, который одновременно громил и генетику и кибернетику; в образе, достаточно близком к персонажу А. Райкина, который читает лекцию: «Хенетика – продажная девка империализма». Тогда же, в 1987 г. я обстоятельно исследовал этот вопрос, консультировался с крупными генетиками, знавшими моего отца, и получил следующие результаты:

1. Мой отец не участвовал в пресловутой сессии ВАСХНИИЛ 1949 г., где произошел полный разгром научной генетики. Десятью годами раньше в 1939 г. в журнале «Под знаменем марксизма» он опубликовал обзор дискуссии при журнале, в которой состоялось открытое противоборство сторонников Н. И. Вавилова и Лысенко. Дискуссия еще носила «академический» характер, и сторонникам Лысенко (в частности Презенту) были выдвинуты весьма серьезные теоретические возражения.

2. В начале 50-х гг. с теоретическим анализом претензий кибернетики на универсальное решение философских и психологических вопросов выступили видный психолог профессор М.Г. Ярошевский («Литературная газета», 1952 г.) и В. Н. Колбановский («Вопросы философии» 1953 г.). Именно, не сама кибернетика, а ее чрезмерные претензии на универсальность подверглись в дальнейшем (во всей второй половине XX в.) научной критике и привели к рождению более фундаментальных наук – информатики и синергетики. Обвинение философам и психологам в том, что они «остановили» развитие кибернетики в нашей стране, является достаточно шатким. Теоретико-математическое обоснование кибернетики развивали с начала 50-х гг. А. А. Ляпунов, С. Л. Соболев и др. Первые вычислительные машины появились в 1951-1952 гг. Независимо ни от каких идеологических веяний, кибернетика получила *прикладное* применение, в первую очередь в «оборонке», ее подлинным «отцом» в нашей стране является академик Аксель Иванович Берг, опиравшийся на мощную поддержку генералов и адмиралов Советской Армии и Флота. В 1950 гг. В. Н. Колбановский неоднократно встречается с академиком А. Н. Бергом, они обсуждают и находят общий язык по философским и психологическим проблемам кибернетики. В конце 50-х г.г. В. Н. Колбановский является соавтором и редактором сборника «Философские проблемы кибернетики», где, в отличие от многих философов, критически анализирует эволюцию собственных взглядов на этот вопрос. После выхода повести «Зубр» я послал Д. Гранину свое обстоятельное исследование о позициях моего отца по поводу генетики и киберне-

тики (весна 1987 г.). К сожалению, ответа на мое исследование я не получил.

В твоей статье о становлении советской социологии сказано, что ты учился в одной из лучших московских школ. Пожалуйста, расскажи подробнее о школьных годах...

Моя школа во втором Обыденском переулке (район Остоженки) отметила свое столетие. Она была основана в 1903 г. как женская гимназия. После революции, в 18-19 гг. здесь образовалась школа-коммуна. В 20-е гг. в ней проводились многочисленные педагогические эксперименты (сочетание образования с трудом учеников и т.д.). В 30-е она получила наименование Московской опытно-показательной школы им. П.Н. Лепешинского.

Во второй половине 30-х годов это уже не была та школа-коммуна, какой она задумывалась её организаторами. Надо сказать, что мы, ученики 30-х годов, практически ничего не знали из истории школы, из её опыта и исканий. Встречи с выпускниками школы не проводились. Видимо предыдущие «чистки» и разгромы школы (я имею ввиду устранение её основателя и первого директора) не позволяли говорить о традициях и истории школы. Но несмотря ни на какие чистки и разгромы, школа сохранила свой первоначальный «энергетический импульс», свой замечательный дух дружелюбия и демократизма в отношениях между учениками и учителями, какой воцарился в ней с первых лет её существования. Помню единственную нашу встречу со старым большевиком Пантелеймоном Николаевичем Лепешинским. Было это в ленинский день в январе 1940 года. Лепешинский принадлежал к так называемой «ленинской гвардии» – был в ссылке с Лениным в Шушенском и в эмиграции в Швейцарии, входил в число «твёрдых искровцев». После революции не занимал особенно крупных постов (кроме наркомпросовских) и его миновали репрессии, которые Сталин особенно рьяно направлял против «старых большевиков».

Лепешинский – белый, как лунь старик (ему было за 70 лет) в этот день ничего не говорил нам об истории школы – коммуны, а рассказывал ярко и интересно о Ленине в ссылке и эмиграции. Сейчас я понимаю, что перед нами был человек давно ушедшей эпохи, человек, которому позволялось говорить не то, что он думает о нашем времени, а только «от и до» – о славных деяниях обожествляемого основателя большевизма – и ни о чём больше! Уже в 1920 году тоже «старый большевик» Л. Б. Красин сказал: «Наша партия состоит на 10% из идеа-

листов и на 90% из карьеристов». Перед нами был «последний из могикан», тот, который принадлежал к «идеалистам».

Можно ли было назвать нашу школу, говоря современным языком, «элитарной»? И да, и нет. В ней учились дети и рабочих, и служащих, и новой советской интеллигенции, так что она была весьма демократичной (и в этом смысле типичной) московской школой. В ней не было никаких «поборов» со стороны администрации и «спонсорства» со стороны богатых родителей, что характерно для множества современных школ. Но так как школа находилась в историческом центре Москвы и тяготела к Кремлю и Дому Правительства («Дом на Набережной»), то часть её контингента составляли дети высокопоставленных и известных родителей – членов Правительства, высших военных, крупных учёных, прославленных артистов и т.д.: Микояна, Жданова, Карахана, Петерсона (комендант Кремля), С.А. Лозовского (зам. наркоминдела), Гинзбурга (нарком строительства), П. Л. Капицы, Рубена Симонова, Бориса Щукина, А.С.Пирогова и многих других.

Только в этом смысле наша школа была «элитарной» и сопоставима с другой – 110 школой им. Фриггофа Нансена (Б. Никитская), в которой учились дети Сталина и командиров Красной Армии, расстрелянных по процессу Тухачевского.

... Я помню, как в Обыденском переулке, не доезжая до школы, останавливался большой чёрный «правительственный» лимузин и из него высыпали дети Микояна «мал мала меньше» - как мы шутили тогда. На машине они приезжали только когда возвращались с дачи, обычно ходили из Кремля пешком. Были они очень славными ребятами, без тени зазнайства. Известен только один случай, когда кто-то из Микоянов нагрубил учительнице и гордо сказал: «Я – Микоян!». Узнав об этом, Анастас Иванович снял ремень и выпорол сына, приговаривая: «Это я – Микоян, а не ты Микоян. Это я – Микоян, а не ты Микоян!».

Элитарность школы проявлялась и в том, что ведущие московские артисты взяли над ней шефство: вахтанговцы устраивали концерты, сбор от которых шёл на улучшение питания и помощь ученикам, артисты Большого театра (Политковская) вели занятия по ритмике и танцам, крупные военные теоретики (генерал-майор Н.А. Таленский) и дипломаты (С.А.Лозовский) рассказывали детям о «текущем моменте» и внешней политике (уже начиналась вторая мировая). Вот, пожалуй, и все основные позиции «элитарности», которые можно отметить в МОПШК. Сюда, конечно, надо добавить постоянное внимание со стороны Наркомпроса, которым школа пользовалась как опытом – показательная, но это уже вытекает из самого «определения» школы.

Мне хочется ещё отметить, что к этому времени советская школа переболела многими «детскими болезнями» 20 годов. Эти болезни описаны в «Республике ШКИД» (чего стоит одна трагическая фигура Викниксора – известного педагога Виктора Николаевича Сорокина!), в «Дневнике Кости Рябцева», в «Двух капитанах» Каверина, в «Педагогической Поэме» Макаренко. Уже миновало то время, когда учителей уничижительно называли «шкрабами» (школьными работниками) и всячески изводили на уроках. Уже истощились опыты ребячьего самоуправления, противостоящего педагогическому коллективу.

Наша школа середины 30-х годов была школой того периода, когда *уже* закончились многие реформаторские искания 20х годов, но *ещё* не осуществлялось то «оказёнивание» школы, которое интенсивно происходило в послевоенный период – тогда сталинское руководство вытравляло дух вольномыслия и ереси из любых сфер науки и образования. Наша школа готовила грамотных людей, патриотов и убеждённых антифашистов – вот почему так велик список её учеников, павших смертью храбрых на фронтах Великой Отечественной войны!

Это была *славная* школа! Она имела богатую историю и традиции, опытный и образованнейший по тем временам педагогический коллектив, просторные классы и огромный школьный двор – сад. Это была *демократическая* школа – она свободно соединяла детей рабочих и служащих, артистов и писателей и, так называемых, «ответственных работников» - наркомов и генералитета. Это была *добрая* школа – она прикрывала своим крылом детей из семей «врагов народа». Никто в этой школе не чувствовал себя отщепенцем.

И надо сказать: они своего добились – наши учителя!!!

Они вырастили поколение людей свободных и смелых духом, с твёрдым нравственным стержнем – то поколение, которое противостояло фашистской чуме в Великой Отечественной войне, то поколение, которое стало питательной средой «шестидесятников», то поколение, которое пробивало пути к духовному, нравственному и социально – политическому освобождению и возрождению России.

Что можно сказать об учителях?

Во-первых, они были высококлассными специалистами своего дела. У каждого из них за плечами была подготовка в российских университетах и институтах довоенного времени или послереволюционной поры, а это значит, что сами они были учениками выдающихся деятелей российской науки.

Во-вторых, они не только прекрасно знали свой предмет, но и любили свою науку, умели талантливо и не догматически передавать её детям.

В-третьих, они любили и уважали само детство, никогда не третировали и не унижали с высокомерием своих учеников, обращались с ними достойно – не как высшие с низшими, но как старшие с младшими.

И, наконец, в-четвёртых, они были *личностями* – яркими, крупными, самобытными. У каждого из них за плечами была богатая биография, может быть и неизвестная нам, но проявляющаяся в их речах и поступках так, что самой своей личностью влияли на нас.

Интегральной суммой всего этого было то, что мы *любили* свою школу, гордились ею, и учителя и ученики, а это невозможно, не будь в ней такого слаженного, даровитого и гуманного в своей основе педагогического коллектива.

Мой друг, талантливый скульптор Даниэль Митлянский поставил два памятника в Москве. Один из них – на фронтоне помянутой мной 110 школы им. Фридьофа Нансена. Четыре тонкие фигуры – три юноши и девушка, одетые в солдатские шинели, с винтовками и подсумками на плечах – это памятник всем тем мальчишкам и девчонкам, кто ушёл из московских школ и не вернулся с фронтов Отечественной войны. Другая скульптура Даниэля Митлянского «Пронзённый Пегас» поставлена недалеко от музея А.Д.Сахарова. Пегас – олицетворение мысли и творчества – летит над взрывами, над искалеченными горами металла и его пронзают взрывы. Как пояснял сам скульптор: «Пегас символизирует Дух, и его не могут остановить взрывы».

Свой памятник Д. Митлянский посвятил российской интеллигенции. Злые языки утверждают, что это надгробие интеллигенции, поскольку таковой не осталось в природе. Но я думаю, что это глубокое заблуждение. Памятники Д. Митлянского могут стоять у любой из московских, да и любой российской школы, ибо именно эти школы породили поколение победителей в Отечественной войне, и именно они производят и воспроизводят российскую интеллигенцию и сохраняют её традиции.

Такое ощущение, что ты – из тех, кого Анатолий Рыбаков назвал «детьми Арбата». Какими ты запомнил предвоенные годы?

Мы, наша школа, были детьми Арбата. Не случайно так называется книга ученика нашей школы, писателя Анатолия Рыбакова. Один из лучших, а, может быть, и самый лучший

поэт нашего поколения Булат Окуджава писал: «Арбатство, растворённое в крови неистребимо, как сама природа».

Я позволю себе привести собственные стихи, посвящённые Старому и Новому Арбату:

«Только славен Арбат
Не домами – башнями,
А ватагой ребят,
Что из дня вчерашнего,
Что ушли в сущий ад
С Королёвым Лёнькою
И у школ стали в ряд,
Бронзовые, тонкие...
...Строй домов, строй громад,
Наважденье времени...
Был Отчизной Арбат
Редкостного племени –
Из когорты из той,
Где не купишь каждого
Никакою деньгой,
Никакою лажею...»

В этих стихах – при всей их поэтической непритязательности – обозначены исторические и нравственные координаты того поколения, отрочество которых кончилось с первыми залпами войны, а юность совпала с самой суровой порой.

Мне остается добавить, что, хотя, я и могу причислить себя к «детям Арбата», но только к более поздней возрастной когорте, чем описанной А. Рыбаковым: от поколения, окончивших школу до 1941 года, осталось крайне малое число – всех забрала война.

Это было время великих сталинских «чисток»...

Я помню как единственный раз в жизни (кроме трибуны Мавзолея) видел Сталина. Это было 22 января 1937 года. Отец получил пригласительный билет и взял меня с собой в Большой Театр, где происходило траурное собрание к дате смерти Ленина. Театр был наводнен деятелями в мерлушковых «кубанках» - это была форма НКВД того времени. О чем-то вещал докладчик из музея Ленина. В президиуме было все Политбюро тогдашнего состава. Сталин сидел позади всех, отделенный от них рядами стульев. Сидел совершенно один. Никто к нему не подходил. Голова его была наклонена, и он был предельно мрачен...

Только потом, многие годы спустя, стало понятно, что он готовил чудовищный переворот и в самой партии, и во всей стра-

не. Надвигался февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б), где должен был быть запущен кровавый маховик репрессий.

Семен Захарович Гинзбург был наркомом строительства СССР. Впоследствии он рассказывал сыну – нашему однокласснику – Алеше Гинзбургу, что первоначально доклад «о вредительстве» Сталин пытался навязать Серго Орджоникидзе. Когда наркомтяжпром понял, что речь идет об избиении и истреблении выращенных им капитанов индустрии, он категорически отказался. Произошли бурные столкновения со Сталиным, а 10 февраля – самоубийство, а может быть и убийство Серго. «Сердце слабое, сердце не выдержало», - лицемерно говорил Сталин Зинаиде Орджоникидзе.

Доклад на Пленуме сделал Молотов, а погромную речь против «троцкистских и иных двурушников» произнес Сталин. Тут же на Пленуме подвергся гражданской казни и арестован Н. И. Бухарин.

Конечно, всего этого мы тогда не знали. В день первых выборов в Верховный Совет СССР – 12 декабря 1937 года мы всем четвертым классом дружно маршировали по пустынным переулкам Остоженки. Мы несли плакаты, призывающие голосовать за всенародного кандидата в депутаты товарища Сталина. О том, что существует норма не агитировать в день выборов тогда и слыхом не слыхивали. Само голосование состоялось в 6-7 утра – это было «демонстрацией патриотизма».

...Помню как в 37 году нас засадили писать сочинение о замеченных нами «враждебных вылазках». Душой этого дела был «прикрепленный» Комсорг школы некто Николай Петрович – весьма неприятная личность. Из нас хотели сделать маленьких «стукачей», доносчиков на родителей и их знакомых. Ничего, конечно, из этой затеи не получилось – даже маленькие школьники, мы были исполнены отвращением к «ябедничеству» и доносам. Но характерна сама попытка вызнать о родителях через детей.

В августе 39 года заключен пакт Молотова-Риббентропа (фактически договор Сталина - Гитлера о разделе мира на сферы влияния). Мы, школьники 6 класса, остаемся на позициях непримиримого антифашизма – Гитлера иначе как «маляром» не называем... Финская кампания 39-40 гг., атаки на «линии Маннергейма», «незнаменитая война», правды о которой мы не знали... Весна и лето 40-го - разгром Франции и захват Гитлером Западной Европы... Война подкатывается все ближе... «Завтра была война».

Весной 41 года мы окончили 7 класс. Дальнейшие наши судьбы определила война. Я уехал вместе с семьей в эвакуацию в г. Казань. Мне посчастливилось попасть в одну из лучших

школ этого города №19 им. Белинского. Там был и прекрасный педагогический коллектив, и замечательные ребята, и «любимая учительница» – преподаватель истории Надежда Евгеньевна Козырева. Это лишний раз убеждает меня, что наша МОПШК, хотя и была выдающейся школой, но рядом с ней и вместе с ней предвоенное и военное поколение воспитывали сотни и тысячи замечательных школ, душою и сердцем которых был один и тот же персонаж, и имя ему – российский учитель.

Мне хотелось бы закончить воспоминания о школе следующим: общеизвестно популярное присловье XIX в.: «В битве при Садовы победил прусский учитель». Еще с большим основанием можно сказать, что в битвах под Москвой, Ленинградом, Сталинградом и Берлином, в Великой Отечественной войне победил российский народный учитель!

В годы войны в Казани были многие московские институты, почему ты предпочел историко-филологическое образование? В силу каких обстоятельств потом склонился к философскому? И вообще, вспомним студенческий период...

В Казани, действительно, было много институтов, но в силу своих, видимо врожденных, гуманитарных склонностей я выбрал историко-филологический факультет КГУ (философского в университете не было).

В ЛГУ я учился всего несколько месяцев (февраль – май 1945г.), однокурсников практически не помню. Хорошо помню блистательного профессора Б.Г. Ананьева, который начинал читать лекцию еще в коридоре, затем входил в аудиторию и весь академический час изливал поток сложносочиненных фраз и сложносочиненных слов, которые для него были «нормальным» языком психологии, а для нас, неофитов, почти что китайской грамотой.

В МГУ мне более трех лет довелось учиться у таких прекрасных специалистов, как О.В. Трахтенберг (медиевист), М.Ф. Овсянников (философия нового времени), Т.И. Ойзерман (на семинаре у него я делал доклад о Фейербахе). Лекции по социологии читал профессор Марк Петрович Баскин. Это был один из немногих «ущелевших» представителей российской социологической школы. В 20-е г.г. он имел возможность учиться у некоторых социологов, получивших профессиональную подготовку до революции. Нам он читал курс зарубежной социологии – весьма подробно и обстоятельно по источникам, но вполне в духе «зубодробительного» времени 40-х гг.

Я допускаю, что твой отец рассказывал тебе о том, что в России до революции и в первые постреволюционные годы проводились социологические исследования, возможно в его библиотеке сохранились какие-либо социологические публикации. Так ли это?

Мой собственный интерес к социологии возник скорее из самостоятельной работы над английской литературой 30–40 гг. – представителями «фабианского социализма», «демократического социализма» Гарольда Ласки и др.

Часть 2

(Вопросы от 4 марта 2013. В значительной степени они навеяны содержанием интервью с Г.В. Осиповым, состоявшемся 19-20 ноября 2012 года. В частности, Осипов говорил о статье Колбановского о социологических законах).

Как у тебя возникла идея написания этой статьи?

Моя статья «О предмете марксистской социологии» появилась на свет в августе 1958 г. («Вопросы философии» № 8). Прошло всего пять лет, как кончился период «сталинщины» и эпохальных трудов догматического марксизма «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР». Прошло всего два года после XX съезда КПСС. Состоялись и были жестоко подавлены движения против тоталитаризма в ГДР (1953 г.) и Венгрии (1956 г.). Период хрущевской «оттепели» простирается от 1953 г. по 1964 г. Таким образом, дискуссия в «Вопросах философии» состоялась в середине этого периода, когда *уже* созрели новые идеи и веяния в общественной мысли, но *еще* не могли полностью оформиться и легализоваться. В «Вопросах философии», помимо «зубров» официозного марксизма, в те поры уже работали такие «незашоренные» молодые теоретики как Э. Араб-Оглы, Г. Арбатов, Н. Лапин, Э. Соловьев и др. Более чем вероятно, что дискуссия о социологии в этот период была именно их инициативой.

Поводом для дискуссии явилась статья Юргена Кучинского «Социологические законы» («Вопросы философии», 1957, № 5). Ю. Кучинский – социолог и экономист из ГДР, автор большого цикла работ о положении рабочего класса в Англии и других странах З. Европы. Он – социолог традиционного марксистского направления, придерживается классической работы Ф. Энгельса, но постоянно анализирует огромный экономический и статистический материал. Ряд его книг были переведе-

ны и опубликованы у нас в 50-е гг. издательством «Иностранной литературы». Его политическая и научная репутация не вызывала особых опасений ортодоксии. Именно поэтому его статья могла быть опубликована в ведущем и единственном тогда философском журнале.

Предваряя все дальнейшее изложение, хочу подчеркнуть, что смысл статьи Ю. Кучинского и дискуссии вокруг нее состоял в *легитимации* самого понятия социологии и определенном «отмежевании» или «отпочковывании» ее от социальной философии сиречь исторического материализма.

Необходимо отметить следующее. Всего десять лет назад (на философской дискуссии в ЦК ВКП(б) 1947 г.) прозвучал тезис об «отпочковывании» конкретных наук от философии – процессе, прогрессивном как для конкретных наук, так и для самой философии: Озвучил этот тезис «главный идеолог» А. А. Жданов, но его подлинным автором был академик Б. М. Кедров, который и разрабатывал потом эту позитивную идею в Институте истории естествознания и техники АН СССР.

Вопрос об «отпочковывании» социологии от философии в СССР стоял особенно сложно. «Легитимными» в период 50-х гг. были понятия *буржуазная* социология (как ненаучная и сервильная империализму) и марксизм (= «исторический материализм») как *единственно* научная социология. Это повелось еще с первой работы В. И. Ленина в полемике с Михайловским («Что такое друзья народа» и т. д.), было продолжено Н. И. Бухариным в 20-е гг., философами ИКП вначале 30-х гг. и канонизировано Сталиным в «Кратком курсе». Таким образом этому установившемуся «легитимному порядку» (коренившемуся в глубоко иррациональном понимании марксизма как непререкаемой «светской религии») надо было противопоставить некоторую другую – более гибкую и лабильную систему взглядов, которая бы рассматривала советскую социологию не как общеполитическую, а как конкретную общественную науку с собственным теоретико-понятийным аппаратом и методико-эмпирической базой. Как это можно было сделать в условиях поздней (послесталинской) идеократии?

Никакие лобовые атаки, никакие «полипарадигмальные подходы» были в этот период абсолютно невозможны. В ЦК КПСС, в его отделах науки, агитпропе, идеологическом отделе сидели бесконечно бдительные социальные цензоры, охранители и попросту «стукачи», которые особенно были натасканы на философскую и социологическую «ересь» супротив марксизма. Более того. Ортодоксальный истмат переживает в 50-х гг. эпоху своего высшего расцвета и торжества. С начала 30-х г. по середину 50-х г. не появилось ни одного учебника по

истмату. В философских сборниках разрабатывались только отдельные его категории со ссылками на вящее торжество марксизма в сталинско-советской действительности. От середины 50-х гг. появляется учебник «Основы марксистско-ленинской философии» под редакцией Ф. В. Константинова, учебник «Основы марксизма-ленинизма» под редакцией члена Политбюро О. В. Куусинен*, книга Г. Е. Глезермана «Законы общественного развития» и т.д. Второй важной особенностью этого периода было изменение *организационных* условий идеократии: а) исчезла тяжкая длань последнего живого классика марксизма, который мог обрушить свой державный гнев на любого «ортодокса», б) сами истматчики «вошли во власть»: Ф. В. Константинов возглавил агитпроп ЦК КПСС, Л. Ф. Ильичев стал секретарем ЦК, Г. Е. Глезерман стал ведущей фигурой в главном теоретическом журнале партии «Коммунисте» и т. д. Иными словами, они заменили собой верховного иерарха коллективной идеократии.

В этих условиях работа по отпочковыванию социологии от философии могла происходить только на почве истмата, в категориях истмата и в форме защиты, углубления и развития самого истмата. Необходимо было найти *modus vivendi* – форму сосуществования истмата и социологии. Поиски этой формы прошли несколько этапов, но дискуссия в «Вопросах философии» 1957-1958 гг. фактически была *первым этапом*.

Статья Юргена Кучинского давала основания для новой, более гибкой легитимации социологии, хотя оперировала она совершенно ортодоксальными марксистскими категориями и чисто формально была направлена на «дальнейшее совершенствование» и упорядочение этих категорий.

Каковы основные положения статьи Ю. Кучинского?*

Понятие «закон» определяется по Ленину: «отражение существенного в движении универсума» (Филос. тетр. 1997, с. 127).

Существуют законы, общие для всех трех сфер действительности: природы, общества и мышления, - и законы, распространяющиеся лишь на какую-либо одну ее сферу или на часть сферы (законы химии, политической экономии, диалектической логики).

* Менее ортодоксальный, т.к. в нем принимали участие А. Асмус, Г. Арбаев, И. Кон, Ф. Бурлацкий и т.д.

** Кучинский Ю. Социологические законы // Вопросы философии 1957, № 5. С. 95-100.

Наукой, изучающей эти самые общие законы (наряду с другими) является марксистская философия (= «диалектический материализм»).

Помимо того, существует еще ряд законов, которые выражают отношения между названными тремя сферами, а так же отношения между частями этих сфер. В тех случаях когда рассматриваются отношения между сферой общества в целом и сферами природы и мышления *мы имеем дело с законами исторического материализма* (подч. мной В.К.). Пример: отношение общественного бытия к сознанию (формула Маркса).

Когда рассматриваются отношения между частями общественной сферы и одной из двух сфер или отношения между различными частями общественной сферы, *законы этих отношений надо назвать социологическими* (подч. мной В.К.). Примеры: а) законы регулирующие отношения между естественным ростом населения и развитием производительных сил, б) законы, определяющие общие отношения между общественным сознанием и мышлением являются социологическими законами. Важнейшими социологическими законами являются закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил, закон соответствия базису идеологического содержания общественного сознания и учреждений надстройки.

В статье Ю. Кучинского ставится вопрос о соотношении экономических и социологических законов: первые по своей действительной силе имеют преимущество по сравнению с социологическими законами, но в процессе общественного развития бывают такие особые обстоятельства, когда социологические законы господствуют над экономическими законами. Подобные обстоятельства имеют место в периоды перехода от одного общественного строя к другому.

Все это не дает право подчинять политическую экономию социологии или же считать социологию одной из отраслей политической экономии. *«Социология является совершенно самостоятельной наукой»* - таков один из главных выводов статьи «Социологические законы».

Что (через полстолетия) обращает на себя внимание в положениях Ю. Кучинского?

а) они вращаются *строго* в рамках категорий традиционно марксизма в «сталинской упаковке»,

б) они не привлекают и не используют никакой другой опыт развития мировой социологии,

в) но они пытаются разграничить поле действия законов философских, истматовских и собственно социологических,

г) они вычлениают из области истматовских законов солидную толику общих законов сферы общества и частных законов отдельных ее компонентов как законов собственно социологических и декларируют право социологии как самостоятельной науки.

В последних двух моментах и заключается на современный взгляд *позитивное содержание* статьи Ю. Кучинского, хотя сами примеры социологических законов безнадежно устарели.

Как была воспринята эта статья в СССР в самой середине «оттепели»?

В принципе, она была воспринята положительно и отнюдь не рассматривалась как «ересь» против марксизма. В дискуссии 1957-1958 гг. приняли участие философы и экономисты, в т. ч. В. Ж. Келле*.

Моя статья «О предмете марксистской социологии» появилась в «Вопросах философии» примерно через год после начала дискуссии (№8 за 1958 г., с. 126-130).

В чем заключались основные положения статьи? В ней я не открещивался от исторического материализма как с завидной легкостью это сделали многие обществоведы в 90-е годы. Материалистическое понимание истории считаю великим научным открытием, фактически первой опорой того *универсального эволюционизма*, второй опорой которого стал дарвинизм в науках об органической материи, третьей – теория относительности А. Эйнштейна и теория самоорганизующихся систем И. Пригожина – для неорганической материи.

Другое дело, что сама «парадигма» материалистического понимания истории имеет не вечный и вневременной, но исторически преходящий характер, и с необходимостью сменяется другой, еще более точной и универсальной «парадигмой». *Позитивным* в содержании статьи я считаю разделение истмата на две области – *общую и отдельные*. Позволю себе привести обширную выдержку:

«Сама обширность исторического материализма ... заставляет различать его общие и отдельные области. Материалистическое понимание истории изучает наиболее общие законы и категории общественного движения. Здесь необходима значительная степень абстракции, отход от конкретного материала и многообразие фактов, обобщение главного, устойчивого, типичного в общественном движении. Другая область исторического материализма – это изучение конкретного исторического

* К сожалению, копии его статьи у меня нет. Был ли «диалог» с ним? Беседа Б. Фирсова с ним приводится в книге «Разномыслие 50-60 гг.»

материала, изучение специфики отдельных формаций, отдельных общественно-исторических явлений в строго определенные исторические периоды. Это изучение ведется на основе методологии исторического материализма. Оно должно не ограничиваться внешней фактической стороной явлений, а вскрывать наиболее глубокие закономерности, которые обусловили развитие и изменение изучаемого предмета. Это область к о н к р е т н о г о исследования есть необходимая область марксистской социологии. Задача марксистской социологии – изучение общества в целом, неразрывно связанная с изучением его отдельных частей, отдельных классов, отдельных общественных явлений на данном, исторически определенном этапе их развития.

Если исторический материализм охватывает в с е общественное движение за весь период его существования, то особая область исторического материализма прослеживает конкретные экономические, политические, идеологические условия в которых живет и развивается общество в каждой данной формации и при переходе от одной формации к другой» (с. 126).

Изложенные выше положения были подкреплены (фундированы) – как это требовал «этос» того времени – ссылкой на великого классика: «Маркс в предисловии к «Капиталу» говорит о двух стадиях исследовательской работы и о соотношении конкретного и абстрактного, исторического и логического в этой работе «Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена может быть надлежащим образом изображено действительное движение» («Капитал», 1951, т.1, с.19).

Употреблю расхожее ироническое выражение: «Бросая ретроспективный взгляд в прошлое» или, проще говоря, смотря на полстолетия назад, я вижу следующее: в положениях моей статьи уже заложено размежевание и разграничение истмата как общей теории, как социальной философии и *не* эмпирической науки – и другой его «отдельной» стороны – области конкретных социологических исследований, области эмпирической науки. Именно это различие теоретической и эмпирической стороны истмата послужило основанием для более точного определения предмета социологии в дискуссиях 1960-1970 –х гг. Но даже такая постановка вопроса, которая содержалась в моей статье 1958 г. требовала определенных защитных средств.

В 1961 г. академик Ю. П. Францев напомнил мне изречение Анатоля Франса: «Я всю свою жизнь только тем и занимался, что заворачивал динамит в папиюльки». Социологам моего поколения на весь период 1960-1980-х гг. постоянно требова-

лось «заворачивать динамит в папильотки» - а ими служили формальное признание лексики и «клише» марксистской ортодоксии. В этом духе были написаны следующие мои критические инвективы в адрес Ю. Кучинского:

1. Нельзя противопоставлять и отделять законы исторического материализма и социологические законы. Здесь поистине не надо двух слов, двух понятий, ибо они тождественны. От тесной связи со своей теоретической базой – материалистическим пониманием истории – социология как наука не умаляется, а лишь укрепляется.

2. Следует различать наиболее общие социологические законы, характерные для всего общественного движения в целом, и специфические, частные социологические законы, характерные для нескольких или одной общественно-экономической формации.

3. Между социологическими и экономическими законами нет непроходимой пропасти. Социологические законы определяют весь естественно исторический процесс развития общества, а экономические законы – основу этого процесса, материальное производство. За спецификой этих законов нельзя не видеть их диалектическую связь и взаимообусловленность». («Вопросы философии», 1958, №8, с. 129).

Отмечу, что вопрос о «предмете социологии» получил дальнейшее развитие в сборнике ленинградских социологов под редакцией В. П. Рожина (1962 г.), в лекциях Ю. А. Левады (1968 г. «социология – конкретная эмпирическая наука»), в статье В. Ж. Келле в «Коммунисте» (с формальным участием Г. Е. Глезермана и Н. В. Пилипенко) об истинате, как общей социологической теории, о «допустимости» частных социологических теорий среднего уровня и о конкретных исследованиях как их общей эмпирической базе. В начале перестройки академик Т. И. Заславская «сняла» этот вопрос, указав на общее отставание и бедственное положение социологии в стране. Но он постоянно возникает вновь и вновь: а) в связи с огромными изменениями в социальном устройстве, как нашей необъятной родины, так и всей планетарной «ойкумены» и б) в связи с глубокими изменениями всей мировой науки в т. ч. социологии.

Как отнеслось к твоей статье твое окружение, били ли тебя за нее?

Отвечу кратко: никакого «окружения» в 1950-х гг. у меня не было. «Государственный антисемитизм» не иссяк после дела «врачей-убийц» и кончины Сталина. Он незримо господствовал все 50-е годы. Аспирантуру Института Философии я закончил в 1951 г., защитил кандидатскую диссертацию в январе

1954 г., но практически до 1959 г. пребывал «независимым исследователем». Единственно, к чему я был «допущен» – это семинарские занятия по философии в заочных и вечерних институтах. Только весной 1959 г. (после публикации нескольких статей и брошюр) я стал штатным сотрудником философской редакции издательства «Знание», а через год перешел на работу в сектор «новых форм труда и быта» Института Философии.

Единственным моим «окружением» в этот довольно печальный для меня период был Г. В. Осипов, с которым с 1952 г. – мы были в одной комсомольской организации. Постепенно между нами завязалась сначала человеческая, а затем и творческая дружба. В этот период Г. В. Осипов после обучения в МГИМО активно осваивал социологию. Он написал хорошую диссертацию, а затем книгу «Общество и технический прогресс», а в начале 60-х гг. «Современная буржуазная социология».

Во время одной из наших ночных прогулок по Старому (тогда перестраивавшемуся) Арбату мы обсуждали вопрос о предмете социологии. Тогда у него блеснула мысль, которую он тут же мне и поведал: «Социология – отдельная от истмата и самостоятельная наука. В своей книге я раскритикую тебя за твою статью в «Вопросах философии». Это он и сделал – потому что в этот период был гораздо «левее» и надо отдать ему должное – прозорливее меня. Допускаю, что работа с «кондовыми» истматчиками в должности Ученого Секретаря Института Философии (1955-1960 гг.) показала ему каким застойным болотом и мертвечиной был официальный истмат, претендовавший быть «единственно научной социологией».

Таким образом, реакцию на мою статью я получил от Г. В. Осипова, как «единственного» моего «окружения» в 50-е гг. Один из афоризмов Бориса Грушина: «При любых социальных потрясениях и катастрофах, Геннадий Осипов встанет, отряхнется и займет место на левом фланге». Это провиденье сбывалось по 70-80-е гг. В 90-2000-е гг. Г. В. Осипов передвигается слева – направо, в то время как оставшиеся «шестидесятники» твердо удерживают левый фланг!

Меня интересует роль «мамонтов-ортодоксов», которые, по словам Бориса Грушина, лежали на пути развития социологии, но – и это ясно – без которых ее не было бы. Не мог бы ты повспоминать и охарактеризовать роль таких людей, как П. Н. Федосеев, М. Т. Иовчук, Ф. В. Константинов, М. Б. Митин, Ю. Л. Францев, М. П. Баскин?

Обвинение, которое Борис Грушин открыто бросил в лицо марксистам-ортодоксам полностью звучало так: «Вы не стои-

те, а лежите на марксизме, причем не вдоль дороги, а поперек» (Первая часть фразы принадлежит Розе Люксембург). Это было в период открытой конфронтации между ортодоксией и молодой генерацией социологов во время «погромных» обсуждений «Лекций по социологии» Ю. А. Левады в АОН при ЦК КПСС – («глухая пора листопада» – осень 1969 г. – ИКСИ только только открылся и уже «попал под выездную». Более подробно – в книге воспоминаний о Ю. А. Леваде)*.

Начну с персоналий.

М. П. Баскин – был наиболее образованным, эрудированным и высококультурным из всей этой плеяды. Как я уже писал, он получил социологическое образование еще в 20-е годы и хорошо знал как мировую, так и отечественную классику. Но в своем лекционном курсе (который я слушал у него на философском факультете) он ограничивался такими «нейтральными» фигурами как Гумплович, Мечников, практически не касаясь Макса Вебера, Питирима Сорокина и др. М. П. Баскин был одним из моих оппонентов по моей дипломной работе 1948 г. о проф. Ласки (лейбористе).

Я помню, что М. П. Баскин всегда держался несколько отдаленно от ортодоксов марксизма и не участвовал ни в одной из их «погромных» кампаний. Тем не менее, его книга о зарубежной социологии могла увидеть свет только под титулом: «На службе англо-американского империализма». Свою последнюю работу в конце 50-х гг. Марк Петрович написал как предисловие к книге Г. В. Осипова о буржуазной социологии.

Академик Ю. П. Францев был еще более колоритной фигурой. Он был высоко и всесторонне эрудирован, т.е. читал в подлиннике не только Макса, но и Альфреда Вебера, был профессиональным социологом, религиоведом и международником в одной ипостаси. Но как заметил Юрий Карякин, недолгое время работавший вместе с ним в «Проблемах мира и социализма», Ю. П. Францев «в молодости был до смерти напуган большевиками». Поэтому он представлял своеобразный тип «авгура»: он знал истинную цену ложным капищам и идолам тоталитаризма, он позволял себе подсмеиваться над ними, но никогда не выступал против них, не покушался на ортодоксию. Характерный пример: Стругацкие публикуют великий анти тоталитарный роман – предупреждение «Трудно быть богом». Академик Ю. П. Францев выступает в «Известиях» (аджубеевских) с отрицательной рецензией, где на полном серьезе доказывает, что фашизм не может зародиться

* Колбановский В.В. Глашатай российской социологии // В сб. «Памяти Юрия Александровича Левады. М. Изд. Карпов Е.В., 2011. С. 81-88.

в феодализме, в средневековьи – не та формация! (К слову сказать, Генрих Манн в «Генрихе IV», Леон Фейхтвангер в «Лже-Нероне» великолепно пользовались этим приемом «ограждения», помещая фашизм и «проскрипции» в эпоху Лиги, в императорский Рим). Ю. П. Францев, безусловно, был очень талантливый и разносторонний человек, не случайно он занимал посты ректора МГИМО, ректора АОН, шеф-редактора журнала «Проблемы мира и социализма», был первым председателем Советской Социологической Ассоциации. Но его дарование не могло развернуться в полной мере, т.к. он подчинил его «служению» тоталитарной партии-государству. Я помню, как горячо он ратовал за утопическую программу построения коммунизма в СССР к 1980 г. и как на принявшем эту программу XXII съезде КПСС он был избран членом ЦК КПСС. Наиболее подробно о Ю. П. Францеве написал Н. В. Романовский в журнале «СОЦИС».*

Остальная когорта – П. Н. Федосеев, М. Т. Иовчук, Ф. В. Константинов, М. Б. Митин – это в основном воспитанники и выходцы из Института Красной Профессуры. Они не имели и никогда не достигли того солидного социологического образования, которое получили М. П. Баскин и Ю. П. Францев. Их «боевой путь» был существенно иным. В ИКП по указанию Сталина необходимо было разгромить «меньшевиствующих идеалистов» (школа Деборина). М. Митин и П. Юдин были здесь особенно активны. Они же инициировали в 1932 г. «историческое постановление» партячейки ИКП о сопричислении И. В. Сталина к лику классиков марксизма. Деборин – единственный философ в АН СССР был снят со всех своих должностей и не публиковался в печати. В 1939 г. на выборах в Академию Наук по директиве ЦК проходят в состав академиков А. Ф. Александров и М. Б. Митин, в член-корреспонденты – П. Юдин. В 40-е годы (уже после войны) академические звания получают Ф. В. Константинов и М. Т. Иовчук (опять таки, как видные работники или руководители идеологических отделов ЦК). В черные предпогромные дни дела «врачей-убийц» (январь-февраль 1958 г.) академик М. Б. Митин и обозреватель «Известий» Я.С. Маринин (Хавинсон) собирают подписи под письмом - обращением видных представителей еврейской интеллигенции к И. В. Сталину о необходимости массовой депортации советских евреев за Урал, в Сибирь, где для них уже готовились концлагеря. На отказ они наткнулись только у Ильи Эренбурга. В 40-е годы М. Б. Митин – ответственный редактор

* Романовский Н.В. Первый президент ССА академик Г.П. Францев // Вехи российской социологии. СПб «Алетейя», 2010. С. 96-105.

коминформовской газеты «За прочный мир, за народную демократию» и активно бичует «ревизионистов» в Югославии и других социалистических странах. П. Юдин – первый посол СССР в только что возникшей КНР и активный консультант и соредактор «эпохальных» трудов Мао Цзе-Дуна. В 50-60 гг. М. П. Митин – гл. редактор «Вопросов философии». Сотрудники Института философии отзываются о его деятельности в этот период достаточно доброжелательно. Но вот эпизод из заседания ленинградского отделения ССА в 60-е годы. В. Ядов и А. Здравомыслов докладывают первые результаты изучения отношения рабочих к труду. Ими было отмечено, что не для всех 100% советских людей труд является «первой жизненной потребностью». Присутствовавший на заседании академик М. Б. Митин кривился и морщился, а в заключительном слове сказал, что цифры бывают разные – правильные и неправильные, но *Нам* (т. е. политическому и идеологическому руководству) нужно, чтобы они были правильными «Вообще-то точные данные нужны, партия нуждается в точных сведениях, но нам нужны такие данные, которые нам нужны. А тут получается, что рабочие недовольны работой» (Ленинградская социологическая школа, 1998, с.14).

В этом заключении проявилась вся противоположность двух генераций: молодые социологи стояли на позициях научной честности, объективности, доверия к фактам и выведения теории из фактов (так, как когда-то работали Маркс и Энгельс!). Генерация М. Б. Митина стояла на позициях догм и политической конъюнктуры, не обнажения, а затушевывания и замазывания реальных и все более острых противоречий и антагонизмов советской действительности.

Несколько слов об академике Ф. В. Константинове. Это был достаточно живой, демократичный и по-своему одаренный человек. Но одновременно он был весьма ретивый «охранитель устоев». Он активно и зло атаковал и обвинял Ю. А. Леваду. На статье Левады «фашизм» в Философскую энциклопедию» он начертил резолюцию: «Это он о них или о нас?!» Столь же подозрительно он относился к В. Ж. Келле «с нами, а не наш» (Слова Ленина о Троцком).

В сороковые годы – секретарь партбюро Института Философии, проводивший борьбу с космополитизмом, в 50-е годы – зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, чем то не угодил Хрущеву и переброшен на пост гл. редактора журнала «Коммунист». Затем – в начале 60-х сменяет П. Н. Федосеева в должности директора Института Философии, в конце 60-х – на долгое время – становится академиком-секретарем отделения философии и права АН СССР.

Наиболее крупной научной заслугой Ф. В. Константинова является, по моему мнению, «Философская энциклопедия» в пяти томах. Здесь работали и публиковались философы, социологи, историки, логики старшего и младшего поколения. Основную работу вел зам. гл. ред. чл.-корр. А. Г. Спиркин, в состав редколлегии и консультантов входили В. Ф. Асмус, Б. Э. Быховский, Б. М. Кедров, П. В. Копнин, В. П. Тугаринов, И. С. Кон, Н. И. Конрад, А. Н. Леонтьев, Э. Г. Юдин, Б. В. Бирюков, публиковались Ю. А. Левада, А. Ф. Лосев и другие «опальные» мыслители. Редакторская длань Ф. В. Константинова конечно накладывала свой догматический отпечаток, тем не менее «Философская энциклопедия» - достаточно капитальный и серьезный труд, в определенной степени не утративший своего значения и до нашего времени.

Еще меньше могу сказать об акад. П. Н. Федосееве. Выходец из Горького (пединститут), он в конце 30 г. – Ученый секретарь Института Философии, затем работает в Управлении пропаганды и агитации ЦК КПСС, где «дорастает» до чл.-корр. АН СССР. В 1955 г. – директор Института Социологии, с начала 60-х гг. – академик-секретарь отделения философии и права, а затем – вице-президент АН СССР по секции общественных наук. При нем и благодаря его «попечительству» образован сектор «новых форм труда и быта» (Г. В. Осипов), организована ССА (Ю. П. Францев), проводится первое социологическое совещание в Ленинграде, где он выступает с заглавным докладом (1966). С 1967-1971 гг. на время становится директором ИМЭЛ, но уже в 1972 г. в связи с «опалой» А. М. Румянцева вновь – и на долгий срок становится вице-президентом АН СССР по общественным наукам. Только в 87-88 гг. – в период перестройки его сменяет на этом посту социолог-правовед В. Н. Кудрявцев.

Подобно тому, как обиходно выражение «карьерный дипломат» в советской действительности существовали и процветали «карьерные философы». К ним в своем большинстве (кроме М. П. Баскина и Ю. П. Францева) относятся все упомянутые выше и в первую очередь П. Н. Федосеев. В своих воспоминаниях Г. В. Осипов довольно подробно рассказывает как П. Н. Федосеев его «растил и выдвигал», учил «делать карьер», но затем «опалился гневом» за одно критическое выступление и стал третировать и притеснять.

В моей памяти академик П. Н. Федосеев сохранился как крайне ограниченный и крайне осторожный человек, отнюдь не «хватающий звезд с неба» и более всего боящийся войти вразрез с «установками». Его труды о «реальном социализме» и т.д. имеют чисто архивное значение.

Теоретическое бесплодие и творческая импотенция были своеобразным «родовым клеймом» всей генерации «руководящих» философов 30-50-х гг. «В России все тайна, и ничего не секрет». Не было секретом и это обстоятельство для их идеологических хозяев – «небожителей» со Старой Площади. В письме А. Жданова на имя М. Суслова от 1948 г. говорится, что никто из философов – профессионалов «за тридцать лет советской власти не высказал ни одной новой мысли, которая вошла бы в сокровищницу марксистско-ленинской философии. Более того, никто из наших философов – профессионалов не высказал ни одной мысли, которая обогатила какую-либо конкретную область знания. Это в равной мере относится к Деборину и Митину, Юдину и Александрову, Максимову и Кедрову и всем остальным» (Цит. по Батыгину Г. С., Девятко И. Ф. Дело профессора З. Я. Белецкого. Эпизод из истории советской философии // Свободная мысль, 1993, №11).

Каждая идеология («как учит нас В. И. Ленин») имеет свои *социальные и гносеологические* корни. Генерация советских философов была детищем Октябрьской революции, она верила и защищала великие идеалы этой революции, но она не сумела уразуметь и постигнуть социальную природу того общественного строя, который утвердился *п о с л е* Октябрьской революции. Это был и не социализм, и не диктатура пролетариата, и не общенародное государство. Это была самая низшая, примитивная форма частной собственности как коллективное владение господствующего класса и его ядра – аппарата партии государства. Историк и социолог Ю. И. Семенов определяет такую форму как «азиатский (политарный) способ производства» или «индустрополитаризм». На индустриальной базе воскресают и реставрируются самые архаические и насильственные формы угнетения человека человеком. Это сумел разглядеть в период 1917-1921 гг. Питирим Сорокин. Это не сумели разглядеть – за все 74 года Советской власти ортодоксальные философы марксисты. В обществе политарной (коллективной частной собственности) с необходимостью возникает жесткая кастово-сословная иерархия, высшие этажи которой занимают сановники и дворянство, средние – жрецы и духовенство. Функция «второго сословия» или касты – идеологическая защита существующего строя и воспитание народных масс в духе его священной или светской религии. Такой «светской религией» был в СССР марксизм-ленинизм, а первая генерация советских философов - ее верными адептами и жрецами. При этом их нельзя назвать «сикофантами», т.е. людьми, которые знают истину, но тщательно ее скрывают. Думаю, все они достаточ-

но искренне верили в то, что работают на благо революции и для вящего торжества марксизма-ленинизма.

Трагедию этого поколения очень точно выразил Александр Фадеев в своем предсмертном письме после XX съезда: «Я всю жизнь думал, что стою часовым возле Храма, оказалось – возле Нужника»!

Точно так же обстоит дело с так называемыми «гносеологическими корнями». Эта генерация всю жизнь думала, что ратует за материализм, диалектику и научное понимание коммунизма. В действительности ее позиция была не чем иным, как «превращенной формой» идеализма, софистики и самого безудержного социального утопизма. Противоречие метода и системы привело Гегеля к «измене диалектики», к воплощению и завершению Абсолютной Идеи в прусской монархии и гегелевской философии. Точно так же противоречие метода и системы, заложенное еще родоначальниками марксизма, привело ведущих советских философов к «измене» материалистической диалектике и основным принципам научного исследования. Марксов материализм действительно требовал выведения теории и принципов из реальной действительности, из конкретных фактов, из социальной статистики. Советские философы подчиняли действительность основополагающим указаниям товарища Сталина и «историческим решениям» съездов ВКП (б), КПСС и пленумов ЦК! Чего стоит теория об «отмирании» государства через его неимоверное усиление, программа скоростного строительства коммунизма за 20 лет, теория об отмирании классов «в главном и основном в исторических рамках «зрелого социализма»! Это есть не что иное как материализм и диалектика «наизнанку», как величайший «отлет» от действительности, как навязывание социуму собственных социальных фантазий и утопий, как глубочайшее непонимание и игнорирование тех реальных социологических законов, которые в действительности управляют развитием общества. Очень печально говорить об этом, но первая генерация советских философов в значительной степени впустую, бессмысленно и бесследно растратила свои силы и способности на защиту и апологетику того социума, который на проверку оказался оруэлловским «скотным двором».

В вопросе упоминаются «мамонты – ортодоксы», которые лежали на пути развития социологии, но без которых ее не было бы. Отвечу на это кратко, т.к. затрагивал эту тему в статье «К истории постсталинской социологии».

После 1953 г. у партократического руководства изменилась «установка», требовались активные контакты с внешним миром, объединение со всем «прогрессивным человечеством»,

наступательная борьба с буржуазной идеологией, в т. ч. философией и социологией. Логика рассуждения была такова: если мы обладаем самой передовой в мире теорией, ее так сказать суверенные владельцы на 1/6 земного шара, то мы должны побеждать в социологических турнирах и вышибать из седла всех остальных буржуазных теоретиков, проповедовать «реальные преимущества» социализма и привлекать на свою сторону колеблющуюся западную интеллигенцию. «Железный занавес» не то чтобы пал, но был основательно приоткрыт. Ведущим философам был «дан приказ на Запад». Сдерживало незнание языков и мировой литературы, а так же отсутствие организационной базы – собственной Социологической Ассоциации. Она была организована в 1958 г. и первоначально в ее состав вошли только самые проверенные и кондовые идеологи, те самые «мамонты – ортодоксы». Но дальше логика развития потребовала организации отделений ССА в Ленинграде, столицах республик, крупных регионах РСФСР, издания периодического бюллетеня ССА (редактором которого несколько лет был я, пока мне не «вдарили по мозгам» за публикацию «Лекций по социологии» Ю. А. Левады), проведения крупных симпозиумов и совещаний в Ленинграде (1966 г.), Сухуми (1967 г.), Эстонии и т.д. Именно в эту деятельность активно включилась вторая генерация советских философов и социологов, и она стала (начиная с 1966 г., Варна) составлять значительную часть «высочайше утвержденной» советской делегации на социологические конгрессы. Роль таких фигур как П. Н. Федосеев и Ф. В. Константинов свелась к чисто формальной функции «дозволения» того или иного мероприятия, а затем – к чисто представительской функции на этих мероприятиях. Мне довелось наблюдать акад. В. Ф. Константинова на VIII конгрессе МСА. Будучи номинальным главой советской делегации, но не владея английским языком, он не мог участвовать в Пленарных заседаниях и дискутировать с Т. Парсонсом. Для него поездка на конгресс была лишь формой «научного туризма». В то время как Андрей Здравомыслов, состоявший в длительном общении и переписке с Т. Парсонсом получил отказ из ЦК КПСС в последний день перед вылетом делегации. Причина была веская: он оставил одну семью и обзавелся другой. А как же иначе?! «Руссо туристо! Облико морале!»

В социологии давно известно что есть такие процессы, которые не зависят от воли и желания людей. Первоначально, создание ССА соответствовало «воле и желанию» ведущих советских идеологов - и мир посмотреть, и себя показать. Но далее процесс вырвался у них из-под контроля. Показывать им было, собственно, нечего: он не знали не только разговор

ных языков, но и того общенаучного языка на котором говорит мировая социология. Поневоле им пришлось привлекать и выпускать в «басурманы» более мобильных и эрудированных ученых таких, как Г. В. Осипов, В. С. Семенов, В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов, И. С. Кон, Г. М. Андреева и др. Конечно, потом они спохватились и делали некоторых «невъездными» (как, например, И. С. Кона и А. Г. Здравомыслова), но в целом процесс становился необратимым: вторая генерация советских социологов получила международное признание, вошла в состав исследовательских комитетов МСА, стала президентами или вице-президентами некоторых комитетов. Именно благодаря этому советская социология вышла из «международной изоляции», прорвала «железный занавес» и получила один из необходимейших каналов *нормального* развития – общение и взаимообмен с мировым социологическим сообществом. Произошло ли это «благодаря» или «вопреки» «мамонтам – ортодоксам»? Видимо, и то, и другое:

Благодаря, потому что в их воле и власти было дозволение таких форм социологической деятельности, которые были невозможны в мертвящей обстановке сталинского тоталитаризма.

Вопреки, потому что уже не в их воле и власти было остановить того развития социологии, которое воспоследовало в 60-е гг. – развития интенсивного (вглубь), по линии превращения социологии в самостоятельную нефилософскую, теоретико-эмпирическую науку, и экстенсивного (вширь) по линии разработки особых отраслей социологического знания и на «стыках» наук – экономической социологии, исторической социологии, экосоциологии и т.д.

* * *

«Человечество смеясь расстается со своим прошлым». Эта ироничная мысль Маркса весьма подходит ко всему сказанному выше. На переломе 60-70-х гг. была сделана последняя попытка «мамонтов - ортодоксов» остановить течение советской социологии: был разгромлен ИКСИ, учинены погромы и побоища в Ленинграде, Новосибирске и т.д. Во главе социологических учреждений в 70-начале 80 гг. были поставлены своего рода «тренеры», но уже не физического, а умственного «спорта», которые безжалостно пресекали интеллектуальную «ересь» и учили клонить спину пред властью предрежущей. В 72-73 гг. я и мои друзья – «физики и лирики» сочинили спектакль «Спорт, спорт, спорт». В нем прозвучал «Зонг об Академии», совпадение которого с реальными лицами и событиями

70-х гг. имеет чисто случайный характер. Этот зонг поется на мотив «Хора охотников» из Вильгельма Телля» Россини. Им я и хочу закончить это повествование о первой генерации советских философов.*

Зонг об Академии»
О спорте – не спорьте!
В Железной когорте
Стоят в Академии
Спорт – мастера:
Есть мастер интриги,
И мастер – барыга,
И мастер кричать
«Упокой!» и «Ура!»
Хор (припев)
Трала ла, Трала ла и т.д.
Есть мастер – сразбегу
Состряпать «телегу»,
Есть мастер по следу
Крамолы идти
Здесь есть чародеи –
Присвоить идею,
Как лошадь из стойла
Ее увести!
Хор (припев)
И каждый спорт – мастер
по умственной части
Алкает у Власти
Блага бытия,
И (скажем потише!)
Он метит повыше
И злобою пышет
на други своя!
Хор (припев)

Еще раз повторяю: совпадение или сходство с отдельными лицами и событиями является чисто случайным

Часть 3

* Поповский Г. В. , Колбанавский В. В. Подмосковная приакадемическая филармония. М.: ООО Изд-во МБА, 2012, с. 64.

Ответ на вопросы от 24.06.2013

Несколько лет назад мои исторические поиски привели меня к утверждению о том, что на рубеже 1950-х – 1960-х произошло не возрождение советской/российской социологии, а ее второе рождение. Лишь перестройка дала толчок к возрождению российской социологии, но оно не может происходить стихийно, само по себе, необходима определенная программа. В какой мере ты согласен с этими положениями?

В моем понимании в конце завершившегося столетия современная российская социология мягко, безболезненно отошла от марксизма и стала развиваться на, скажем, полипарадигматической основе. Так ли это? Если не так, то какие изменения все же произошли в философской основе отечественной социологии? Если мое допущение справедливо, то чем ты объяснишь «мягкость» отказа от базовых принципов, на которых в целом успешно развивалась советская социология?

Варлен, ты принадлежишь к никогда не бывшим большим первому поколению советских социологов. Оглядывая все прошедшие годы, как бы ты кратко описал, охарактеризовал процесс развитие нашей науки?

Дорогой Борис! Ответы на многие из поставленных тобой вопросов содержаться в моей статье: «Россия – страна с непредсказуемой историей социологии» (авторское название статьи).^{*} Постараюсь еще раз подробно ответить на твои вопросы, поскольку они имеют *ключевое* значение для всего нашего диалога.

«Второе рождение» или «возрождение»?

Я согласен с твоим мнением «второе рождение» (оно совпадает с позицией Т. И. Заславской, Ж. Т. Тощенко, Б. М. Фирсова).

Концепция «возрождения» предложена А. Г. Здравомысловым (семь периодов) и Г. В. Осиповым (зарождение, XIX в., институционализация начало XX в., период запрета 1929-1955 гг., проторенессанс 1956-1957 гг., собственно возрождение и повторная институционализация – от 1958 г. и далее).

Почему концепция «второго рождения» предпочтительнее «ренессанса» как более точная и объективная?

Прежде всего сам исторический Ренессанс возник не на пустом месте, а был подготовлен несколькими столетиями раз-

^{*} Фирсов Б. История советской социологии 1950-1980 годов // СОЦИС 2013. №6. С. 148-153.

вития средневековых университетов, изучения античных философов и естествоиспытателей, широким распространением латинской и греческой грамотности, как языками обмена научными идеями, появлением классической живописи и скульптуры, изобретением и распространением книгопечатания, наконец – великими географическими открытиями и «общим кризисом» феодализма и средневекового традиционализма.

Все эти факторы, вместе взятые, и породили Ренессанс – светлый, но относительно краткий освободительный порыв человечества между «мрачным» средневековьем и кровавыми религиозными войнами XVI – XVII вв. Еще одна не менее главная особенность Ренессанса – освобождение от мертвящего давления догматов теологии и засилья римско-католической церкви, начиная от Эразма Роттердамского и Ульриха фон Гуттена вплоть до Рабле и Монтеня и далее – философов – просветителей.

«Ренессанс» – «Возрождение» – весьма заманчивая категория, но *она возникает не на пустом месте.*

В СССР в 50-е гг. над социологией еще висела заплата сталинских времен «быть месту пусту». Для *нормального* развития науки требуются пять постоянно действующих факторов: во-первых, общественные условия и гарантии для свободы теоретического мышления; во-вторых, широта и надежность эмпирической базы; в-третьих, взаимообмен научной мысли внутри страны и между странами; в-четвертых, институциональная основа (исследовательские учреждения, факультеты, кафедры, периодика и т.д.); в-пятых, пассионарность (героический энтузиазм) поколенческих когорт самих ученых. Все эти факторы блистательно отсутствовали в СССР в 50-е гг., а догматы казенного истмата были непререкаемы. В российской социологии, успешно развивавшейся в XIX – начале XX вв. и еле теплившейся в СССР 20-х гг. возник «длительный разрыв непрерывности» (математическое выражение, примененное Б. М. Фирсовым) или же «перерыв постепенности» (говоря на марксистском жаргоне). Так или иначе, требовалось именно *второе рождение* каждого из указанных пяти факторов. Оно и охватывает весь почти тридцатилетний период от «оттепели» до «перестройки». Оно происходило в условиях идеократии и приступов идеологической реакции и истерии. Оно шло с великим скрежетом зубным. Освоение каждого из пяти факторов натывало на огромное множество больших и малых козней и препон, на идиотизм, боязнь и самодурство партократии. Поэтому, если это и были «роды», то достаточно мучительные и отнюдь не бескровные. Многие из социологов – «шестидесятников» испытали это на собс-

твенном опыте: Ю. А. Левада, Н. И. Лапин, Б. А. Грушин, И. С. Кон, Ю. Н. Давыдов, Н. Ф. Наумова, И. В. Бестужев-Лада, Т. И. Заславская, А. Г. Здравомыслов, Б. М. Фирсов и многие другие в разные времена и по разным поводам «вызывались на ковер» и подвергались партийной и академической «опале», но причина была одна и та же: еретическое социодомыслие.

Я согласен с твоим выводом, что о *возрождении* социологии в России можно говорить от периода «перестройки» - именно тогда, когда сначала ослабла, а затем рухнула «идеологическая давящая» ортодоксия партаппарата.

Это возрождение связано с тремя процессами:

а) возвращением к собственным корням, т.е. богатому социологическому наследию отечественной социологии до и после революционной России (исследования И. А. Голосенко «Социологическая ретроспектива дореволюционной России», 2002, «Социология в России, 1998, под ред. В. А. Ядова и др.)

б) капитальным освоением мировой социологии и ее теоретических школ - уже не для «критики буржуазной социологии», а для «восхождения» на уровень мировой социологии (четырёхтомник «теоретической социологии» под ред. Ю. Н. Давыдова, работы А. Б. Гофмана, Л. Г. Ионина, Ю. И. Семенова, Н. В. Романовского и др.)

в) наконец, последнее по счету, но не по важности: это исследование процессов трансформации (фактически – социальной революции) в современной России. Число этих исследований огромно, но все они в конечном счете зависят от теоретической и политической позиции их авторов, от того – к какому из отрядов восхождения на «социологическую Голгофу» они принадлежат – апологетическому или социально-критическому (по терминологии В. Н. Шубкина).

В настоящее время в социологии «расцветают сто цветов». Существует ли какая-либо особая «программа» этого расцвета? Я думаю, что программу задает, прежде всего, сама жизнь, сам трудный и мучительный переход России к новой социальной системе. Такой переход от жесткого (тоталитарного) «порядка» всегда связан с «хаосизацией» системы и появлением «точек бифуркации». Социология не только отражает этот процесс, но и сама подвергается своеобразной «хаосизации», в ней появляются различные даже взаимоисключающие школы и направления – классика, модерн, постмодерн (постнеклассическая). Современная социология полипарадигмальна, но она проходит через «узкий эволюционный коридор» для выработки нового, более точного и эвристического видения мира и нашей неповторимой страны.

Еще раз скажу: какая либо заранее заданная «программа» развития науки здесь невозможна, процесс развивается достаточно стихийно и противоречиво. Постепенно обозначаются его главные направления: консервативно-традиционалистское (с уклоном к «почвенничеству»), либерально-буржуазное (с уклоном к «западничеству»), академическое (центристское), социально-критическое и демократическое. Как видишь, эти направления далеко не свободны от «ценностных суждений», но иначе и не может быть в эпоху великих революционных преобразований, которой и является ХХI век.

О «мягкости» отказа от базовых принципов, на которых в целом успешно развивалась советская социология?

Твой вопрос вполне уместен и закономерен. Ответ заключается в нескольких причинах.

Критерий «всемирно-исторической революционной практики» как великой разоблачительницы философских иллюзий и обманов. К середине 80-х гг. мировая социалистическая система в целом, СССР в особенности (социал-политаризм, коллективная частная собственность партии-государства, военно-бюрократической олигархии) показала свою политико-экономическую нежизнеспособность. Были упущены несколько научно-технических революций. На Западе (ПНР) и Востоке (Афганистан) возникли «горячие точки» распада. Внутри СССР обострялся «системный кризис» существующего строя – т.е. кризис управления, ресурсной, информационной и структурирующих систем. КПСС (18 млн. членов) плюс ВЛКСМ (30 млн. членов) стали формально-бюрократическими, а не революционно-действующими, мобильными и мобилизующими организациями. Субъективный фактор отсутствовал. Китай с 1976 по 1985 гг. уже выбирался из социальной трясины и осуществлял демонтаж социал-политарной системы под руководством КПК и по стратегии Денсяопина: изменения в экономике (смешанная) – затем – в политике – затем в мышлении. Опыт КНР приведший ее к рангу новой «сверхдержавы», был проигнорирован. Стратегия Горбачева – новое мышление – демократизация в политике – и только затем изменения в экономике – оказалась идеалистической и утопической. Новая редакция третьей программы КПСС (план на 3 пятилетки) единодушно принятая «историческим» XXVII съездом КПСС весной 1986 г. стала последней и самой безнадежной утопией советского марксизма.

В 1985-1991 гг. в стране назревала и обострялась революционная ситуация, когда «верхи» не могут, а «низы» - не

хотят по-старому. Возник и возрел «средний класс», к которому Т. И. Заславская и Р. Х. Симонян относят интеллигенцию крупных университетских городов и квалифицированных рабочих индустриальных Центров. Они были «ядром» и «мотором» поднимающейся революционной волны, но у этого отряда не было реального политического руководства и внятной теоретической программы. Движение было перехвачено Ельциным и его «демократическим» окружением, умело использовано в дни ГКЧП, а затем – интересы и идеалы революционных масс, были классически преданы и проданы нарождающемуся вдругорядь российскому капитализму – точно так за два столетия до этого сделали «герои» Термидора в эпоху Великой Французской Революции. Я помню, как после ГКЧП, в сентябре 1991 г. В. А. Ядов собрал в своем директорском кабинете в ИС АН СССР ведущих социологов – Т. И. Заславскую, Б. А. Грушина, А. А. Галкина и др. К сожалению, точных социологических оценок происшедшего политического переворота никто из нас дать не мог. Я только напомнил слова Щедрина: «Идет Чумазый (= «капитализм») и даже уже пришел. И на вопрос «Что есть истина?» Ответит: «Распивоchno и на вынос!»

«Отход» от марксизма в советской социологии начался, на мой взгляд, не в эпоху «перестройки», а еще раньше – 20 лет назад – т.е. в 60-е годы, и именно поэтому он кажется «мягким и безболезненным»!

Мне уже приходилось говорить ранее о том, что в самом марксизме, так же как в гегелевской философии, заключалось противоречие между революционным методом и консервативной системой. О том, что «идеология пролетариата» консервативна, как всяческая утопическая система, пытающаяся жестко проектировать будущее, пронизательно говорил еще К. Маннхейм (см. «Консервативная мысль» в книге «Диагноз нашего времени». М., 1994). Консервативную систему марксизма представляют научный коммунизм и истмат в той его сталинско-катехизисной форме, которая «восторжествовала» в СССР.

Так называемый «научный коммунизм» применял *чисто линейную одномерную логику*: единый (социалистически-коммунистический) базис, единое государство (диктатура пролетариата), единая (без отклонения на «шаг вправо, шаг влево») идеология и культура. «Научный коммунизм» был исторически прав в своей критике капитализма, как высшей и последней стадии саморазвития частной собственности, но он оказался от начала до конца – *высшей формой социальной утопии* в предсказаниях судеб капитализма и характеристиках послекапи-

талистического общества. Претензии научного коммунизма быть общесоциологической теорией обанкротились вместе с крахом т. н. «мировой социалистической системы». К этому следует добавить, что многочисленные кафедры «научного коммунизма» угнездившиеся в гуманитарных вузах в период 60-70-х гг. как по мановению волшебной палочки переродились и перевоплотились в «политологические».

Не лучше обстоит дело с другой «составной частью» марксизма как консервативной системы – истматом. По своей генетической природе истмат является социальной философией, а не конкретной эмпирической наукой, при этом – одной из *возможных* социальных философий, а не *единственно* научной социологией. Беда первой генерации советских философов состояла в том, что они пытались *спекулятивно* соединить философские категории высшей абстракции с *фактами* советской действительности. Это равносильно тому, чтобы пытаться пересигануть пропасть в два прыжка. На деле необходима целая лестница опосредующих (операционализирующих) категорий, и именно это дает социологию. Попытка напрямую «подвести» факты под категории истмата, или «вывести» факты из этих категорий ни к чему хорошему не приводят: истмат остается философской спекуляцией, а факты искореживаются по велениям начальства: «Нам нужны такие данные, которые нам нужны» (принцип акад. Митина).

Классическим примером служит работа проф. И. И. Чангли «Труд» (1-е изд. – 1973 г., 2-е изд. – 90-е гг.). Она свято и безоглядно уверовала в «букву» научного коммунизма и истмата, не постигнув их революционно-критического «духа». В своей книге она строит конструкции и таблицы «социалистический труд», «коммунистический труд», исходя непосредственно из соответствующих цитат «классиков» и ... опыта «бригад коммунистического труда». Собственных социологических исследований проф. И. И. Чангли не проводила, да и не умела это делать. В ИКСИ она была чуть ли не единственной из породы «мамонтов-ортодоксов». «Социалистический труд», который она воспевала, был в СССР не реальностью, а мифом. Суровой реальностью была сложившаяся и тщательно камуфлируемая система как современных (присвоение прибавочной стоимости), так и архаических (присвоение прибавочного труда) форм и видов эксплуатации труда всех производительных классов (рабочих, интеллигенции, крестьянства) во имя всевластия военно-бюрократической партолигархии (социал-политариата).

Вторая генерация советских философов, экономистов, историков с начала 60-х гг. сумела постепенно прийти к пониманию этого.

Акад. Т. И. Заславская в дневнике 1960 г. писала следующие тезисы «Причины кризисного развития советского общества» (в т. ч.)

4. Противоречие между мощными производительными силами ... и реакционно-бюрократической системой управления.

5. Эксплуатация одних общественных классов другими. Крестьянство как самый эксплуатируемый класс общества. Современное «крепостное право» ...

9. Подлинный социальный строй в СССР. Строим ли мы социализм или живем при государственном капитализме, о неизбежности и необходимости которого как этапа на пути к социализму предупреждал Ленин?

10. Какие политические силы существуют в СССР. Насколько реальны перспективы революции «сверху» или «снизу» (см. Т. И. Заславская. Избранное, т.3, с. 443-444). Как отмечает сама Татьяна Ивановна это не было «одномоментным прозрением», но отсюда тянется нить к «новосибирскому манифесту» и всей школе «экономической социологии».

По своему (более ускоренно) проделал теоретическую эволюцию Ю. А. Левада – от вполне «ортодоксальных», ученических работ о китайской революции (50-х гг.) к «Лекциям по социологии» и другим «взрывным» работам 60-70 –х гг., а с 1989-2006 – огромная эмпирико-теоретическая работа во ВЦИОМе и «Левада-Центре».

Не менее интенсивно эволюционировал И. С. Кон – от достаточно «правоверных» «Основных направлений буржуазной философии и социологии» (1961 г.) до более широкого и свободного взгляда на историю социологии (работы и проекты – конца 60-70-х гг.)

Теоретическую эволюцию проделал Н. И. Лапин – от содержательной, но достаточно «ортодоксальной» работы «Молодой Маркс» к проекту «Социальная организация» (1971-1972 гг.) и лонгитюдным исследованиям 1990-2012 гг. в России, Китае и т.д.

Это же можно сказать и о теоретической эволюции В. А. Ядова (подробнее – в моей статье в сб. «Vivat, Ядов!», 2009).*

Неверно было бы утверждать, что социологи – «шестидесятники» «отошли» от марксизма или «изменили» марксизму. Они сохранили верность его революционно-критическому «духу», но отошли от «буквы» – они просто стали работать на *ином* уровне.

* Колбановский В.В. О праве социологии на свободу мысли. Эссе о полипарадигмальности и активизме В.А. Ядова // Сб. «Vivat, Ядов!». М. «Новый хронограф», 2009. С. 284-312.

И. С. Кон отмечал, что *эмпирический характер* возрожденной (добавлю – или вновь рожденной) советской социологии был ее самой важной чертой. Потому что это была информация, разбивавшая – даже при всей ее неадекватности, при всех ограничениях – монолит – идеологической схемы общества (Цит. по Б. М. Фирсов. История советской социологии, 1950-1980 гг., с. 90).

Именно этот эмпирический характер работы на тяжелом и трудном опыте убедил генерацию «шестидесятников» в том, что к эмпирическим исследованиям нельзя перейти непосредственно и прямо от категорий истмата и научного коммунизма. Здесь требуется совершенно иной категориальный и понятийный аппарат, который *уже* наработала мировая социология, ее направления и школы, здесь требуется математический аппарат (количественные методы), наконец, здесь требуются неведомые для истмата исследовательские методы и процедуры изучения эмпирического материала – людей и их общественных отношений.

Социологи – «шестидесятники» совершили не «отход от марксизма», а *переход* от философского уровня науки (наиболее абстрактного и неverifiedируемого, точнее верифицируемого на длительном историческом пространстве-времени), на конкретно-эмпирический уровень науки, позволяющий (через собственно социологические теории и методы исследования) все более точно, объективно и критически отражать всегда противоречивую и всегда неисчерпаемую социальную действительность.

Любая сложная и сверхсложная система – *многоуровневая*. Это относится ко всем неживым, живым и социальным системам. Каждая из них имеет свой микро, мезо, макро и мега уровни, которые взаимодействуют друг с другом, нижние уровни влияют на высшие, а высшие подчиняют себе нижние (принцип подчинения или «круговой причинности», предложенный Г. Хакеном для синергетики).

В социологии к микроуровню можно отнести деятельности людей (социальные группы, социальные общности) порождающих в процессе взаимодействия социальные отношения; к мезоуровню – социальные институты – «фабрики социальности» (Э. Дюркгейм), механизмы переработки субъективного в объективное, которые «формируют людей и формируются людьми» (Д. Норт); на макроуровне – социальные процессы взаимодействия основных паритетных компонентов общества – социальности, культуры, индивидов – (по теории П. Сорокина – Н. Лапина) – взаимодействие, объективные законы которого не зависят от воли, сознания и желания людей; нако-

нец – мегауровень: естественно-исторический процесс движения общества от архаических и простых, к сложным и сверхсложным системам, от низших и незрелых форм частной собственности (азиатский или политарный способ производства) к развернутым формам (античное рабство и феодализм) и универсальным формам частной собственности (ранний, зрелый, поздний или глобальный капитализм). Это движение имеет не механическую, а вероятностную детерминацию, является нелинейно-стадиальным. Эти системы (до раннего капитализма включительно) хорошо прослежены и объяснены Марксом и Энгельсом, а более современные – теориями мир-экономик и мир-систем Ф. Броделя, И. Валлерстайна, М. Буравого.*

Вывод: Социологи «шестидесятники» не «отошли» от марксизма к полипарадигмальному подходу, а попросту вернули науку в нормальное русло ее развития.

Они отошли только от марксизма как консервативной системы, но не от его революционного метода – они сохранили и сохраняют верность принципам материализма и диалектики, которые составляют с у т ь материалистического понимания истории.

Они не отошли, а *восстановили полипарадигмальный подход*, на котором когда-то работали Маркс и Энгельс (эмпирический уровень – «Положение рабочего класса в Англии», «Синие тетради» в «Капитале»; уровень социальных институтов – «Происхождение семьи, частной собственности и государства», подготовительные работы к «Капиталу»; социетальный уровень – анализ каждой из общественно-экономических формаций; мегауровень – весь естественно-исторический или цивилизационно-формационный процесс).

Кондовый «истмат» фактически ограничивался только «высшими» уровнями, барственно игнорируя «низшие» или сводя их к «сумме примеров».

Социология 60-х и последующих годов стала работать на всех этажах социальной науки. Для этого на каждом из этих этажей надо было не ограничиваться азбучными истинами марксизма, а применять «эффективные теории» мировой социологии – П. Бурдьё для микроуровня», К. Поланьи для мезоуровня, П. Сорокина и Т. Парсонса – для макроуровня и т. д.

Аналогичные процессы идут во всех естественных науках: физика ищет способ «Великого объединения» процессов микро

* Колбановский В.В. «Социология Капитала» // СОЦИС. 2012. №6. С. 13-24; «Как нам быть с Великой Октябрьской революцией?» // СОЦИС. 2013. № 10. С. 40-49.

и мегамира (вплоть до нашей метagalактики и предполагаемой Мультивселенной или Мультиверса). Биология бьется над проблемой СТЭ – синтетической теорией эволюции – объединения процессов молекулярной биологии и дарвиновской макроэволюции. Иными словами: полипарадигмальный подход (о необходимости которого все время говорит В. А. Ядов) *есть единственно нормальный и применимый общенаучный подход*, с которым работают все естественные и общественные науки: в них для каждого «этажа» неживых, живых и социальных систем разрабатываются собственные «эффективные теории», несводимые одна к другой (проблема редукционизма и антиредукционизма), но в то же время пригодные для выработки более общих, объединяющих теорий.

Когда-то великий физик Лев Ландау сказал: *«Науки бывают естественные, неестественные и противоестественные»*. К последним он относил марксистскую философию, которая пыталась обвинить и уничтожить за «идеализм» теорию относительности и квантовую механику.

Если социологи – «шестидесятники» и «отошли» от марксизма к полипарадигмальности – то отошли они только от той «противоестественности» марксизма, в которую низвергли его «мамонты-ортодоксы». Социологи, действительно, «отошли» от схоластики, спекуляций и сектантства «казенного» марксизма, они начали (сначала примитивными подручными средствами) крушить и ломать ту железобетонную стену, тот «заборчик типа НКВД» (выражение А. Твардовского), который отделял советскую социологию от мировой социологии и ее «эффективных теорий».

При этом – я более чем уверен – активистски-деятельностный подход В. А. Ядова, социология личности И. С. Кона, антропосоциетальная теория Н. И. Лапина, работы Т. И. Заславской о селе и крестьянстве, работы Б. А. Грушина о массовом сознании, работы Ю. А. Левады об общественном мнении сохраняют «душу живую» марксизма и до сего времени. Их творчество есть и теоретическое преодоление ограниченности марксизма как теории XIX в. и, одновременно – развитие его революционной материалистической диалектики на современном уровне и применительно к реалиям сегодняшнего дня.

Не все, но значительное большинство социологов – «шестидесятников» имели достаточно основательную философскую подготовку и им требовалась очень серьезная интеллектуальная работа для того чтобы «выдавить из себя раба капля за каплей» и перейти от рабского плена у марксистского фундаментализма и сектантства к свободной мысли, опирающейся на все богатство мировой социологии и найти здесь собствен-

ную «стегию», собственное поле для эмпирического и теоретического исследования.

Для генерации социологов 70-80-х гг. это уже было не так. Они уже не имели серьезной философской подготовки и первородной приверженности к марксизму, как у их учителей – «шестидесятников». Поэтому и «отход» их от марксизма в 90-е гг. производит впечатление «мягкого и безболезненного».

Какие же изменения произошли в философской основе? Попросту говоря, она исчезла. «Вместе с грязной водой выплеснули и ребенка». Полипарадигмальный подход – при всех своих преимуществах – допускает эклектичность, а зачастую – и попросту отсутствие философской основы. Очень интересно и выразительно сказал об этом великий физик нашего времени Стивен Хокинг: Люди спрашивают: «В чем суть реальности? Откуда все это взялось? Нуждалась ли Вселенная в Творце?» – «Традиционно на такие вопросы отвечала философия, но сейчас она мертва. Она не поспевает за современным развитием науки, особенно физики. Теперь исследователи, а не философы держат в своих руках факел, освещающий наш путь к познанию» (см. Стивен Хокинг, Леонард Млодинов «Высший замысел», СПб, 2012, с.9.).

Итак – *«философия мертва»*, «наука – сама себе философия» – с этими умозаключениями согласятся и многие социологи, особенно приверженные к модернизму и постмодернизму (постнеклассическая социология). Последние отрицают «гранд-теории», общесоциологические законы и склоняются к «нарративам», описанию и перечню, а не к анализу и систематизации социальных фактов.

На мой взгляд – *мертва только та философия, которая исходит не из универсальности эволюции неживой, живой и социальной материи, а из чисто линейного понимания детерминизма, из несистемного видения мира.*

Диалектический материализм был великим теоретическим достижением для своего времени. Но прошло более полутора веков со времени появления этой формы материализма. Считать его «высшей, последней и завершающей формой материализма» (как это делали советские философы первой генерации) значит изменять самой диалектике, самому принципу вечного и бесконечного развития. Материализм умер! Да здравствует материализм! Да здравствует новая форма, уже постмарксова материализма, которая базируется на всех достижениях современного естествознания (от Эйнштейна и Бора до Пригожина и Хокинга) и обществознания (от Вебера и Дюркгейма до П. Бурдьё и И. Валлерстайна).

... Мне вспоминается: в 1993 г., войдя в зал заседаний Ученого Совета Института социологии РАН, я увидел несколько непривычную портретную галерею – вместо традиционных «классиков» марксизма на стенах висело примерно 30 персональных изображений великих социологов XIX – XX вв., в т. ч. молодые Маркс и Энгельс («крайцнахского периода»). В этой портретной галерее директор Института Социологии В. А. Ядов материализовал свою генеральную идею о полипарадигмальном подходе.

Что же касается философской основы отечественной и более глобальной социологии, то она по-прежнему может быть троякой:

а) идеалистической («Вам социологов начтем, что даже говорят иные» на языке субъективного или объективного идеализма)

б) позитивистской (нейтральной и безразличной к философии) – большинство социологов

в) материалистической, разрабатывающей новую форму постмарксова материализма, которую я определяю, как «системно-эволюционный материализм».

Какой тебе видится новая форма материализма?

Старый («диалектический») материализм должен быть подвергнут диалектическому же отрицанию – такому отрицанию, которое сохраняет и удерживает все то огромное богатство, которое он внес в философию.

Новый материализм может исходить из следующих оснований:

Между философским и естественно-научным пониманием материи нет жестких разграничительных линий – они взаимодополняют друг друга; философское понимание субстанции развивается и углубляется вместе с научным пониманием способов ее организации и усложнения.

Материя не нуждается в Творце, она сама является творцом самой себя, или самопричиной своих состояний и их изменений.

Материя не является «вечной», она эволюционирует от квантового вакуума через его флуктуации – (сингулярность) к системной (барионной) материи – и обратно; тем самым она самопроизвольно возникает из небытия («ничто») и возвращается в него.

Материя в ее системном состоянии есть единство противоположностей – массы и энергии – двух своих компонентов, способных к взаимопревращению друг в друга, а тем самым к ста-

новлению закрытых и открытых, устойчивых и неустойчивых систем, способных к самоорганизации и самоусложнению.

Атрибуты материи: пространство – время, структурность – информация так же не являются «вечными», а присущи только ее системному состоянию.

Атрибуты являются свойствами материи, но не самой материей, и в этом смысле они «нематериальны», они активно взаимодействуют с материей: становление неживых и живых систем есть результат этого взаимодействия.

Пространство и время не бесконечны, а конечны – планковские величины определяют их минимальные размеры, космологические величины – длительность существования и величину протяженности нашей Вселенной.

Пространство и время изменяются (деформируются) в зависимости от самодвижения материи (массы и скорости). Поэтому могут существовать различные «темпомиры» как в неживой, так в живой и социальной материи.

Структурность – информация так же меняют свои характеристики в зависимости от ступеней развития материи и, одновременно, сами они являются «строителями» этих новых ступеней, движущими силами систем к более сложным уровням организации материи (роль внутренней информации как генетического кода; роль внешней информации как первой и второй сигнальных систем).

Законы природы не абсолютны, а относительны: во-первых, они зависят от мировых констант и первых соотношений элементов материи в момент Большого Взрыва; во-вторых, они поэтому специфичны только для нашей Метагалактики, а не для всей Мультивселенной; в-третьих, они складываются и перестают действовать в зависимости от ступеней развития. В этом смысле – они сами *способы организации* неживой, живой и социальной материи, которые она нащупывает – методом проб и ошибок – и отбирает, путем преобразования динамической неустойчивости («хаос») в относительную устойчивость («порядок»).

В соответствии с этим детерминизм Природы является не механически-линейным (лапласовским), а вероятностно-нелинейным, допускающим многовариантность развития и движения через «узкий эволюционный коридор» - от простых к сложным и сверхсложным системам.

«Гносеологическая составляющая» нового материализма имеет свои границы – во-первых, такие фрагменты нашей Вселенной (темная материя и темная энергия) о которых очень трудно, но принципиально возможно наше познание и понимание; во-вторых - это представление о Мультивселенной, о

которой можем строить только гипотезы, быть ее «угадчиками». Поэтому, можно различать материю как онтологическую реальность, как внешний, независимый от наших теорий и нашего существования, природный и социальный МИР; и наше знание об этом мире, как гносеологическую реальность состоящую из: а) наблюдателя-исследователя; б) его научного инструментария; в) его теоретического, понятийного аппарата и суммы уже накопленных знаний. Из всего этого складывается физическая, биологическая, социологическая реальность, которая есть не что иное, как «парадигма» или «научная картина мира» своего времени.

Старый (марксов) материализм опирался только на эволюцию макросистем в органике и надорганике. Он впервые в истории дал общее понимание эволюции крупных ступеней социальной материи. но эволюция неживой природы понималась им ограниченно – только как превращение одних форм движения в другие.

Новый материализм исходит, во-первых, из *универсальности* характера эволюции во всех формах и на всех ступенях материи, во-вторых, из *системного* характера этой эволюции, когда не просто движение, а *самоорганизация и самоусложнение систем являются способом существования материи*.

Понятие «универсальный эволюционизм» сыграло свою позитивную роль при переходе от старой к новой форме философии. Но по сути дела «универсальный эволюционизм» есть не что иное, как *стыдливый материализм*.

В эпоху, когда силы консерватизма и идеализма в России «самоорганизуются» и пытаются взять реванш над естественно-научным, объективным познанием природы и общества, материализму нечего и незачем рядиться в маскировочные камуфляжи. Системно-эволюционное понимание природы и общества – есть такая форма материализма, которая в наши дни складывается и вырабатывается из всей суммы современных знаний о природе и социуме. Нет никакого сомнения, что будущее – по крайней мере, будущее XXI века – за системно-эволюционным материализмом!

Оглядывая все прошедшие годы, как бы ты кратко описал, охарактеризовал развитие нашей науки?

Кратко у меня вряд ли получится, но постараюсь ответить в нескольких пунктах. Есть такое ироническое выражение: «бросая ретроспективный взгляд в прошлое». Но мой ответ, надеюсь, не будет в стиле «ретро» - он касается процессов общенаучного движения и в нем я буду опираться на такие мировые авторитеты, как И. Валлернстайн и М. Буравой.

Общенаучное движение по И. Валлернстайну

В 2005 г. в Харьковском университете И. Валлернстайн прочитал лекцию «Эволюция структур знания в миросистемной перспективе». Здесь он прослеживает эту эволюцию с XV-XVI вв. как

а) высвобождение философии от теологии (XVI-XVIII вв.),
б) высвобождение науки от философии (XIX в.),
в) раскол естественных и гуманитарных наук,
г) «три культуры» - естественные, гуманитарные и собственно социальные науки. «В конце XIX в. возникают и институционализируются три новых дисциплины, которые занимают современностью: экономика, политология и социология» (И. Валлернстайн. Миросистемный анализ. Введение. М., 2005, с. 239). Либеральная идеология, господствовавшая в XIX в., делила общество на три отдельные сферы – рынок, государство и гражданское общество. «Экономика должна была изучать то, что происходит на рынке, политическая наука – то, что происходит в государстве, и социология – все остальное» (с. 241).

д) следующий этап – выбор методологии. Прогресс естествознания и его точных методов увлекает гуманитариев: социальные науки, не обладавшие собственной методологией оказались в ситуации выбора между двумя существующими методами. В результате, три дисциплины, изучавшие современный западный мир – экономика, политология и социология – перешли на сциентистские позиции. Другие социальные дисциплины перешли на сторону гуманитарного герменевтического познания – история, антропология и ориенталистика» (с. 241-242).

Две мировые войны XX в. и подъем т.н. «третьего мира» или мировой полупериферии вновь сотрясают устоявшееся «равновесие» наук. Центр тяжести смещается с Запада на Восток, и социальные науки получают мощный толчок от культур, не входивших ранее в реестр мировой истории.

Второй «точкой бифуркации» вновь является естествознание последней трети XX в. И. Валлернстайн находился в дружеском контакте с И. Р. Пригожиным и высоко оценивает его теорию сложных самоорганизующихся систем: «Вместо старых представлений возникает идея о том, что все процессы, происходящие в сложных системах, с течением времени подвергаются постоянной трансформации, все дальше удаляясь от точки равновесия. Максимальный сдвиг от точки равновесия приводит к состоянию бифуркации. И все процессы развиваются по «стреле времени». Время необратимо даже для атомных структур» (с. 244-245).

В результате «сдвигов» XX в. эволюция социальных наук идет в трех направлениях:

а) сближение наук Запада и Востока, утрата «монополии» западной либеральной или консервативной мысли на истину в последней инстанции.

б) сближение социальных наук с естествознанием, их содружество с синергетикой и теорией самоорганизующихся систем, их оперирование как количественными так и качественными методами, их отход от описания и перечня «нарративов» (постмодернизм) к более содержательной «парадигме» поиска и формулировки социальных закономерностей и законов.

в) сближение самих социальных наук, появление «смежных дисциплин» на «стыках» социологии, политологии, экономики, истории, этнологии и т. д., т. е. «синтез» социальных наук в некоторую более общую науку, опирающуюся как на качественные методы познания (в т. ч. диалектику) так и на количественные (в т. ч. синергетику).

На мой (ретроспективный) взгляд наша советская, а затем российская социология в сжатом, «спрессованном» виде повторила исторический путь развития мировой социологии в целом.

Во-первых, в 60-80-е гг. она, как Иона из чрева китового, освободилась от Левиафана – коммунистической *теологии* (диамат).

Во-вторых, она в 90-е гг. освободилась от «единственно верной» социальной философии – истмата и перешла на полипарадигмальные рельсы – т. е. стала применять различные социологические теории и подходы, там, где они «эффективны», там, где они дают основание (категориальный аппарат) и для эмпирического исследования, и для - на этой социально-статистической основе – теоретического обобщения.

В-третьих, в 70-90-е гг. идет интенсивный процесс как институционализации социальных наук – социологии, политологии, экономики, так и появления «смежных» между ними дисциплин.

В-четвертых, идеи нашего великого соотечественника И. Р. Пригожина возвращаются в Россию, получают развитие в трудах акад. Н. И. Моисеева, акад. В. С. Степина, проф. Е. Н. Князевой, С. П. Курдюмова, проф. Д. С. Чернавского, проф. Г. Г. Малинецкого, что в свою очередь становится основанием первых попыток применения синергетики в социологии и экономике. Наука, таким образом, получает два «аналога действительности» - качественный – диалектику, и количественный – синергетику. Тем самым, она может выискывать «анalogии» не только между смежными дисциплинами, но и «анalogии между аналогиями»: общие принципы

и механизмы саморазвития неживых, живых и социальных систем.

Общесоциологическое движение по М. Буравому

Если И. Валлернстайн прослеживает эволюцию социальных наук «на фоне» изменения форм и содержания университетских центров З. Европы, Сев. Америки, а затем и во всем мире, то М. Буравой прослеживает эволюцию и науки, и собственно социологии на гораздо более широком «фоне», а именно – на фоне судеб «исторического капитализма» и трех волн маркетизации или «товаризации». Первая волна – превращение труда в товар (ранний капитализм – от XVIII в. до начала XX в.); вторая – превращение денег в товар (зрелый капитализм – XX в. от Великой депрессии); и, наконец, превращение природы в товар (воздух, вода, органы человеческого тела и т. д. – поздний капитализм – перелом XX-XXI вв. и второй Великий кризис). Позиция М. Буравого и дискуссия вокруг нее содержится в журнале «Социологические исследования» (2009, №4). Я изложил свое позитивное отношение к ней в статьях («Социологические исследования», 2010, №3, 2012, №6).

На основе теории трех волн маркетизации М. Буравой предлагает следующую общую схему социальной и социологической эволюции.*

Таблица №1

Волны маркетизации и формы социологии

	Маркетизация первой волны	Маркетизация второй волны	Маркетизация третьей волны
Фиктивный товар	Труд	Деньги	Природа
Локус реакции	Местное сообщество	Национальное государство	Мировое гражданское общество
Права	Трудовые	Общественные	Человека
Направления социологии	Утопическая	Прикладная // Заказная	Публичная
Наука	Спекулятивная	Позитивистская	Рефлексивная
Географическое положение (происхождение)	Западная Европа	США	Полупериферийные страны

* М. Буравой. «За публичную социологию. Публичная социология versus рынок» // Сб. Общественная роль социологии. М., 2008

Таблица М. Буравого дает богатый «социальный фон» для понимания эволюции науки в т. ч. социологии.

а) Вслед за И. Валлернстайном он расширяет границы научной и социологической «ойкумены», включая сюда полупериферийные страны (т. е. БРИКС – Россию, Индию, Китай, Бразилию, ЮАР и молодых азиатских «тигров»).

б) Для него наука до XX в. является спекулятивной, т. к. не применяет точных методов, в XX в. – позитивистской (или академической) так как чурается острых социальных проблем и критического отношения к самой себе, и только сейчас становится рефлексивной – т. е. критически анализирующей саму себя, собственные методы и «парадигмы», равно как и социальную действительность.

в) социология на этом фоне остается «утопической» вплоть до конца XIX в. Это в равной мере относится к марксизму, так как его версия о «научном коммунизме» остается высшей и непревзойденной до нашего времени *формой социальной утопии*.

Социология XX в. разветвляется на прикладную и заказную. Прикладная (или академическая) социология дает позитивные сведения о сферах и процессах социальной жизни, но редко поднимается до серьезной социальной критики. Заказная (или политическая) социология ориентирована на Власть Препедрержающую и Капитал Глобализирующий. Соответственно, она не может быть ничем иным как *сервильной* социологией.

Но самое безудержное шествие «исторического капитализма» по миру рождает социальное сопротивление в ограбленных им «рабочих классах» и неокOLONиальных странах. Марксов закон «абсолютного обнищания пролетариата» был скоропалительно отменен либеральной мыслью для «золотого миллиарда» - но этот закон обрушивается на остальные 5 миллиардов населения земного шара, в т. ч. на 70-80% населения России. Поэтому – по М. Буравому – неизбежно и необходимо появление публичной, или лучше сказать – гражданственной социологии – социологии депривированных классов и слоев.

Советская и российская социология прodelывает исторический путь мировой социологии (200 лет) от утопической – к прикладной//заказной – и к публичной – гражданственной за более краткие и сжатые сроки (примерно за 50 лет).

В советский период СССР был искусственно огражден от мирового рынка. Даже труд не был здесь «товаром», т. к. отсутствовал сам рынок труда и естественного передвижения рабочей силы к центрам спроса и предложения. Не удивительно, что советская социология в начальный период носила именно *утопический характер* – она задается вопросами о превращении

труда в первую жизненную потребность, о сближении классов и социальных групп, о социалистическом «образе жизни» - и расшибает себе лоб о полученные эмпирические данные. Поэтому – 60-80-е гг. – это период достаточно мучительного отхода от утопических догматов и иллюзий и выработки более реалистического подхода к «реальному социализму». Именно в этот период, как точно подметил В. Н. Шубкин, начинается восхождение на социологическую Голгофу двумя отрядами. М. Буравой называет их прикладной и заказной социологией, но более точно будет сказать, что это был отряд академической и отряд государственно-сервильной социологии. «Перестройка» уже открыла в России шлюзы для всех трех волн маркетизации, поэтому неудивительно, что именно в 1985-1991 гг. происходит расцвет публичной или гражданственной социологии, связанной с яркими именами Т. И. Заславской, Б. А. Грушина, Ю. А. Левады, И. С. Кона, В. А. Ядова, З. И. Файнбурга, Л. А. Гордона, В. Н. Шубкина и рядом других «шестидесятников», достойно представлявших в этот период демократическое крыло нашей социологии.

После 1991 г. Россию накрыли с головой все три волны маркетизации. Поэтому неудивительно и то, что доживает свой век утопическая социология (представленная различными течениями консерватизма и религиозности), буйно цветет прикладная в противоборстве с «заказной», и вновь оживает (особенно на волне всемирного экономического кризиса) публичная или гражданственная социология.

В России вырастают новые поколения людей уже не знавшие «плена египетского» и социально-идеологического рабства. В России, невзирая ни на какие ограничения, – развивается и растет гражданское общество и его устойчивая сердцевина – средние классы. В России растет и сопротивление всевластия финансово-бюрократической олигархии – унии крупного Капитала и крупного Чиновничества. В России вполне реален «новый исторический блок» между демократической интеллигенцией и «людьми знания» – квалифицированным рабочим классом.

Все эти условия, взятые вместе, делают необходимым и неизбежным становление и развитие публичной – гражданственной социологии, как науки о самосознании производительных классов, как теоретического оружия гражданского общества в борьбе за демократию и социальную справедливость против всевластия Бюрократии и Капитала.

Подведем итоги. Российская социология сегодня подходит к своеобразной точке бифуркации, которая имеет три основных вектора:

а) *спекулятивный* – назад к традиционализму, когда социология становится «служанкой теологии» - светской или религиозной.

б) *позитивистский* – когда социология повторяет «зады» новомодных учений, становится «служанкой» либо государства, либо финансовых корпораций и приобретает все более провинциальный характер.

в) *рефлексивный*, когда усиливается публичный, гражданственный и социально-критический характер социологии, когда она становится самосознанием гражданского общества и его производительных классов. Только на этом пути она вновь приобретает мировое значение. Только на этом пути она следует великому пушкинскому завету: *«Для власти, для ливреи не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи»*.

Ты – активный участник исследования изменений в социальной структуре рабочего класса (в Горьком и Горьковской области). Г. В. Осипов подарил мне 2-е издание вашей книги «Рабочий класс и технический прогресс». Не мог бы ты рассказать, как вы по ходу исследования овладевали методологией социологического исследования и методами сбора, анализа информации?

Мне уже приходилось писать в статье «К истории постсталинской социологии», что есть глубокая разница между первыми социологическими книгами «Человек и его работа» (Ядова – Здравомыслова) и «Рабочий класс и технический прогресс» (Осипова).

Книга ленинградской школы базировалась на достаточно разработанной социологической программе, очень основательных методиках и постоянной и плодотворной семинарской работе по освоению «азов» эмпирических исследований в социологии. Именно поэтому Ядов и Здравомыслов могли повторить свое исследование в книге «Человек и его работа в СССР и после» (2003). *Ничего подобного не было* в московской школе (которую и нельзя назвать «школой»). Какой-либо методологический семинар отсутствовал. Работа над зарубежными методиками, над методиками хотя бы 20-х гг. (школа Гастева) не велась. Книга «Рабочий класс и технический прогресс» родилась, как я предполагаю, по инициативе академика П. Н. Федосеева (нижегородского уроженца) и по согласованию с могущественным Горьковским обкомом КПСС (в редколлегии – 2-й секретарь В. А. Тихомиров). Никакой предварительной обсужденной и отработанной на семинарах программы не было. Не было и серьезных методов исследования. Те, которые помещены в «Приложении» - крайне поверхностны и представляют

пересказ методик ЦСУ СССР и некоторых публикаций (по внерабочему времени – Пруденского).

Предложение В. А. Ядова, объединить ленинградские и московские методики, было Г. В. Осиповым отвергнуто. Каждый из авторов глав книги исходил не из материала, собранного по единой программе, а только из собственных, весьма «кустарных» работ.

Я хочу особенно сильно подчеркнуть, что книги 1965 и 1985 гг. – это *совершенно разные книги*. Книга «Рабочий класс и научно-технический прогресс» (1985 г.) *не является* 2-м изданием книги «Рабочий класс и технический прогресс» (1965 г.).

У этих книг: а) совершенно разные редколлегии, б) разные авторские коллективы, в) разные исследовательские концепции, г) разные структуры изложения материала. Объединяют их только два обстоятельства: а) эмпирия собиралась на промышленных предприятиях г. Горького и Горьковской области, б) редактором и той и другой книги был Г. В. Осипов.

Для того чтобы не быть голословным перечислю:

По книге (1965 г.)

Редколлегия: Г. В. Осипов, В. А. Тихомиров, С. Ф. Фролов, И. И. Чангли.

Авторский коллектив: А. М. Гелюта, Б. Н. Еремеев, В. П. Зайцева, А. Д. Козлова, В. В. Колбановский, Г. В. Осипов, И. Е. Рубцов, Г. А. Слесарев, И. И. Чангли, З. А. Янкова – с участием Н. Ф. Наумовой, А. А. Зворыкина, Ю. Н. Козырева. В основном – весь состав сектора «Новых форм труда и быта» Института Философии АН СССР в период 1960-1965-х гг.).

Структура книги:

Введение.

Глава 1. Социальные вопросы техники и труда в современном обществе.

1. Человек и труд (И. И. Чангли)

2. Социальные аспекты разделения труда (Н. Ф. Наумова)

3. Разделение труда и отчуждение труда (Н. Ф. Наумова)

4. Социальная обусловленность отношения к труду и мотивации труда (А. А. Зворыкин)

Глава 2. Основные направления развития производства на промышленных предприятиях.

Глава 3. Изменение характера и содержания труда.

Глава 4. Изменение профессионально-квалификационной структуры промышленного предприятия.

Глава 5. Становление и развитие научного и творческого труда (А. М. Гелюта).

Глава 6. Труд и внерабочее время (С. Ф. Фролов, М. С. Айвазян).

Глава 7. Формы трудовой и внеуродовой деятельности (Г. А. Слесарев, З. А. Янкова)

Глава 8. Техника, труд и коммунизм (И. И. Чангли)

Заключение.

Приложение: Методы, применявшиеся в социальном исследовании.

Сбор материала проводился в 1-й половине 1961 г. на нескольких предприятиях г. Горького. Очень ценную помощь оказывал начальник отдела труда и заработной платы завода «Красное Сормово» С. Ф. Фролов. Впоследствии он защитил кандидатскую и докторскую диссертацию в Москве и стал одним из ведущих специалистов по проблемам труда и производства в 80-90-е гг. Перфокарты его исследования по внерабочему времени я в альпийском рюкзаке перевез в ИКСИ – там они и сгинули...

Собранный материал и уже написанные главы книги, лежали несколько лет, пока – по поручению Г. В. Осипова за них не взялась проф. И. И. Чангли. Именно она дала окончательную редакцию и «товарный» вид этой книге. Эта «товарность» заключалась в том, чтобы книга соответствовала «установкам» директивных органов *после* снятия Н. Хрущева, но *до* «исторического» XXIII съезда КПСС. Характеристику И. И. Чангли я уже дал в ответе на вопрос об отношении социологов к марксизму. И. И. Чангли была яркой сторонницей «научного коммунизма» и почти наизусть знала соответствующие цитаты классиков марксизма. В этом деле она и редактировала (точнее – переписывала и перекраивала) полученный материал. Поэтому многие разделы сегодня окрашены в «красные тона», что по терминологии Остапа Бендера означает «слишком верноподданнические». Но надо и воздать должное Ирине Ивановне Чангли: именно благодаря этим «тонам» позитивный эмпирический материал, содержащийся в этой книге, мог увидеть свет и войти в научный обиход своего времени. Сегодня ссылок на эту книгу (в отличие от «Человека и его работы») я не нахожу...

Двадцать лет отделяет эту книгу от выхода книги «Рабочий класс и научно-технический прогресс», которая является не вторым ее изданием, а совершенно *иной* – по своим эмпирическим основаниям и структуре – книгой. Для того, чтобы это обосновать я должен кратко остановиться на следующих событиях, которые происходят в 70-е годы.

Ведется очень серьезная работа над программами, методикой и процедурами социологических исследований. По иници-

ативе Г. В. Осипова в 1973-1976 гг. готовится «Рабочая книга социолога» - фактически следующий (после книги В. А. Ядова) учебник – пособие по проведению эмпирических исследований. «Мозговым центром» этого пособия были уже социологи третьей генерации - Г. М. Денисовский, В. Г. Андреенков, П. М. Козырева. Книга вышла первым изданием в 1976 г., вторым (переработанным и дополненным) в 1983 г. Благодаря такого рода пособиям социологические исследования «в центре и на местах» стали проводиться более грамотно и надежнее, переставали быть «выхватыванием» фактов, но становились систематизацией фактов.

В 1971-1972 гг., работая в отделе Н. И. Лапина (ИКСИ) я и Г. М. Денисовский были подключены к международному исследованию «Автоматизация и промышленные рабочие». В нем принимали участие 15 стран, головной организацией был ИМРД АН СССР (проф. В. И. Усенин, В. В. Кривневич). В этом исследовании применялась очень тщательно и подробно разработанная методика обследования рабочего места, которые давала исключительно богатую информацию о содержании и характере труда. Впоследствии она была переработана Манфредом Лечем (ГДР) и широко применялась в исследованиях по СССР (в т. ч. по г. Горькому).

Наиболее важным фактором стало образование и деятельность Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран. «Эволюция социальной структуры социалистического общества. Социальное планирование и прогнозирование». Проблемная комиссия была образована в 1974 г. по инициативе видного польского социолога Влодека Веселовского – ученика Яна Щепаньского и члена ЦК ПОРП. Осенью 1976 г. в Берлине состоялось совместное заседание 1-й и 2-й рабочих групп этой Комиссии. Было решено подготовить и осуществить исследовательский проект: «Сближение рабочего класса и интеллигенции в социалистических странах». Координаторы – от СССР В. Колбановский, от ГДР – М. Леч.

В 1977-1978 гг. шла интенсивная работа над программами и методиками. Весной 1978 г. я, Г. М. Денисовский, В. Г. Андреенков отправились в стольный город Ленинград на консультацию к В. А. Ядову. Было несколько встреч с ним на ул. Пестеля и в Летнем саду, а затем обсуждение методик в его секторе. По поводу методик В. А. Ядов сказал своим сотрудникам: «Вот как надо работать в социологии!». Привожу эти слова не из бахвальства, но токмо исторической правды ради.

В 1979 г. были проведены полигоны по всем странам – участницам проекта, в 1981 г. осуществлена первая обработ-

ка данных, в 1985 г. полная обработка, изданная в 5 томах в Праге.

Программы и методики исследования готовили по направлениям:

а) содержание и характер труда (СССР – В. Колбановский, ГДР – М. Леч)

б) материальные условия жизни (НРБ – К. Димитров, А. Атанасов)

в) образование и квалификация (ПНР – М. Ярославска, Л. Бескид, Э. Внук-Люпинский)

г) общественно-политическая активность (ЧССР – Ф. Харват)

д) социальные мобильности и перемещения (ВНР – Т. Колоши, Ф. Ковач)

В методическую группу входили Г. Аксентиевич, О. Атанасов, Г. Денисовский, А. Ратомски, М. Тучек, И. Фрайтаг, М. Ярославска. Обработку информации осуществляли А. Афанасьев и М. Тучек.

Направление исследования определили структуру двух будущих книг, которые излагали их результаты по СССР и социалистическим странам.

Когда началось международное исследование перед «ядром» рабочей группы (В. В. Колбановский, Г. М. Денисовский, П. М. Козырева) встал законный вопрос: как собирать репрезентативный материал по СССР? Подчеркну: ни о каких общесоюзных или даже региональных «выборках» и речи быть не могло. На все существовало строжайшее «табу». Только ВЦИОМ (Заславская, Грушин, Левада) и только в конце «перестройки» ломают этот запрет.

В 1979 г. мы пошли по следующему пути – г. Горький и область были достаточно показательны как среднестатистические для страны. Охватить весь регион нам было не велено, но по решению Горьковского Обкома КПСС было выделено около пяти предприятий: ГАЗ, Красное Сормово, Заволжский моторный завод, Балахнинский бумажный комбинат, Химзавод. На некоторых из них (первых двух) обследование проводилось 20 лет назад. Новацией была случайная выборка из всего коллектива предприятия, затем – обследование рабочего места и подробное интервью по международному «Вопроснику». Все это дало основной массив для дальнейшей работы.

На этом этапе к работе подключился Г. В. Осипов, который предложил проводить по этой же методике исследование по регионам СССР под названием «Показатели социального развития». Номинальным руководителем проекта был он, фактически всю работу осуществляли Г. М. Денисовский,

П. М. Козырева и сотрудники сектора «Социальная структура рабочего класса», который в период 1972-1982 гг. возглавлял я. Полигоны (с великими трудностями и только «по милости» местных партийных «верхов») были проведены в Днепропетровской области, Белорусской ССР, Азербайджанской ССР и ряде других. В ЦК КП Украины был получен категорический отказ (там были более «правовверные», чем «москаля» на Старой площади). Так же сорвалось исследование по Новосибирской области. Но, так или иначе – исследование – пусть недостаточно репрезентативное – велось по регионам СССР до 1985 г.

В «самом начале» перестройки Г. В. Осипов, Г. М. Денисовский и П. М. Козырева едут в Прагу и там осуществляют обработку данных по всему международному массиву (в т. ч. по СССР, которые фактически являются данными по г. Горькому и области).

Г. В. Осипов предлагает на основе горьковского массива выпустить книгу «Рабочий класс и научно-технический прогресс». Ответственным редактором является он сам, членами редколлегии – Г. М. Денисовский, П. М. Козырева, В. В. Колбановский, Ф. Р. Филиппов. В авторский коллектив входят сотрудники и аспиранты моего бывшего сектора: Н. Б. Иванова-Тучкова, А. Э. Низамова, Е. М. Смирнов, А. И. Кравченко, Н. В. Казаринова, А. Н. Кинсбургский, Ю. П. Коваленко. Структура книги воспроизводит основные направления международного исследования. Первые три главы: Проблемы научно-технического прогресса, содержание, затем - характер и условие труда, мотивация труда, материальное благосостояние и условие жизни, образование, социальная активность, социальные перемещения.

По структуре книга 1986 г. «как бы» перекликается с книгой 1965 г. – но это сугубо внешнее отличие, говоря на гегелевском жаргоне «кажимость».

В чем состоят существенные отличия двух книг? Да, они базировались на одном и том же «социальном пространстве», - предприятиях г. Горького и области, но на разных научных основаниях, у них были несопоставимые методики:

а) В основе книги 1986 г. находились международные, хорошо отработанные методики, которых у нас попросту не было в 1969-1965 гг.

б) Были применены количественные методы, весь материал был математически обработан по единой программе, поэтому был сопоставим с другими регионами СССР и другими странами.

в) авторский коллектив составили преимущественно социологи третьей генерации, хорошо владеющие различными методами анализа.

г) книга 1965 г. еще отражала социальные иллюзии и надежды периода «оттепели». Книга 1986 г. – появилась после брежневского «застоя» и отражала социальные иллюзии и надежды самого начального периода «перестройки». От первого абзаца до последнего она представляет «цитатник» решений горбачевского XXVII съезда КПСС и новой редакции Программы КПСС. В книге 1986 г. делаются попытки сопоставления с книгой 1965 г. Но следует сказать, что это – весьма натянутые и неосновательные попытки. Как можно сравнивать содержание и характер труда рабочих, мастеров, инженеров, когда в основе такого сравнения лежат совершенно различные методики и подходы?! Это же относится и к другим разделам двух книг. Перечитывая книгу 1986 г. нетрудно убедиться, что материалы и данные 1965 г. упоминаются в каждом разделе лишь в нескольких первых абзацах, а затем следует анализ конкретики конца 1970-х гг., густо пересыпанной цитатами из только что (весной 1986 гг.) принятых «основополагающих» партийных документов. О работе «Проблемной комиссии АН социалистических стран» и ее рабочих групп в книге не говорится ни слова.

Теперь я несколько отвлекусь от темы двух изданий книги и обращусь к книге 1989 г. Как я уже говорил – в основе всей нашей работы в конце 70-х - начале 80-х гг. лежали программы и методики международного коллектива Проблемной комиссии сотрудничества АН соцстран. Структура и эмпирический материал книги «Рабочий класс и научно-технический прогресс» 1986 г. от начала до конца базируется на этой основе, но ограничивается рамками СССР (на материалах горьковского полигона). В 1986-1989 гг. работа была продолжена. Данные по всем странам (обработанные в Праге еще в 1985 г.) были систематизированы и представлены в книге «Рабочий класс и инженерно-техническая интеллигенция в социалистических странах. Социальная информация», издательство «Наука», 1989 г. Редколлегия: Г. Денисовский, В. Колбановский, П. Козырева; Авторский коллектив – все упомянутые выше члены рабочих групп Проблемной комиссии и сотрудники ИСИ АН СССР. Структура книги воспроизводит направления международного исследования и практически совпадает со структурой книги 1986 г.

Особенности этой книги:

она выходит на «излете» горбачевской перестройки. Поэтому в ней гораздо меньше «радужных» тонов. В книге отмечается, что международное исследование 1976-1982 гг. происходило в обстановке, неблагоприятной по трем основаниям:

- экономическому (общее замедление темпов развития),
- социальному (стагнация социальной сферы),
- идеологическому (расцвет парадных, упрощающих, иллюзорных концепций «социальной однородности» (стр. 6).

Анализ показателей социального развития выявляет возрастающую неравномерность развития «соцстран», когда:

ГДР и ЧССР дают наиболее высокие показатели по многим направлениям,

ПНР и ВНР – средние,

СССР и НРБ – наиболее низкие.

Прошедшие четверть века (1989-2013) только подтвердили эти измерения и выводы: Восточная Германия и Чехия вписываются в ЕС, Польша и Венгрия – его неустойчивая периферия, Болгария – одна из беднейших и самых проблемных стран ЕС, а Россия (правопреемница СССР) резко ухудшила свои социальные показатели по сравнению с советским периодом (для 70-80% населения).

Один из главных научных результатов исследования: *внутриклассовые различия становятся более значительными, чем межклассовые*, происходит социальная дифференциация и внутри инженерной интеллигенции. *Миф «социальной однородности» тем самым атаковался и развенчивался* – выявлялись иные источники социальной дифференциации (прежде всего – по характеру и содержанию труда), которые особенно нарастают сегодня, в период «информационной революции».

В исследовании был поставлен вопрос о соотношении планируемых и непланируемых процессов (как развитие тех идей, которые были заложены в проекте «Социальная организация промышленного предприятия», под руководством Н. И. Лапина в 1971-1972 гг.).

В международном проекте 1976-1982 гг. была выдвинута и подтверждена гипотеза о том, что «при рассогласовании планируемых и спонтанных процессов все развитие новой интеграции общества, сближение классов и социальных групп, уменьшение классовых различий существенно замедляется; *негативно-спонтанные процессы объективно ведут к консервации или возрастанию социальной дифференциации старого типа, основанной на существенном различии общественного положения социальных групп, их имущественном, культурном, образовательном неравенстве*» (стр. 263).

Именно эту гипотезу подтвердил эмпирический материал международного исследования, как своеобразное «memento mori» т. н. «мировой социалистической системы».

Теперь я вновь обращаюсь к главному выводу: Ленинградская школа В. А. Ядова – А. Г. Здравомыслова имела основание

провести повторное исследование «Человек и его работа» и выпустить второе издание в 2003 г., так как в основе двух книг лежала одна и та же *единая* методика.

О книгах под ред. Г. В. Осипова этого сказать нельзя никоим образом. Сопоставление двух периодов (1965 г. и 1986 г.) идет здесь преимущественно на экономико и социально-статистическом уровне, но не на уровне *глубокого социологического анализа*, ибо за 1965 г. нет исходных эмпирических данных.

Я допускаю, что книга 1965 г. – при всех своих недостатках – была позитивной, как одна из первых – пусть и не совсем удачных – попыток соединения теории труда, быта, гендерных проблем с эмпирическими данными.

Я тем более могу согласиться, что книга 1986 г. была *позитивной*, т. к. впервые дала если не «портрет», то хотя бы «эскиз» крупного промышленного региона СССР, но выполненного «в строгих правилах искусства», т. е. по хорошо разработанным международным методикам сбора и анализа эмпирических данных.

С чем я категорически не согласен – это то, что книга 1986 г. является «вторым изданием» книги 1965 г.!

В современном русском разговорном языке затесалось слово-паразит «как бы». В данном случае оно очень уместно. Книга 1986 г. – это «как бы» второе издание или квази-второе издание книги 1965 г.

Дорогой Борис! Ты знаком с моей статьей «Россия - страна с непредсказуемой историей социологии». Я специально столь подробно остановился на истории этих двух книг, для того, чтобы проиллюстрировать, что история социологии России перекраивается и перелицовывается в угоду тем или иным конъюнктурным соображениям. И есть великие мастера этого дела! Как пел наш незабвенный Булат Окуджава:

«... Сулит нам новые удачи
Искусство кройки и шитья!»

Но некоторые радужные одеяния шиты белыми нитками. В этом суть моего ответа на твой вопрос.

Какими сегодня, по твоему мнению, является российское общество и наука об этом обществе?

1. «Россия поднимается с колен». Но как пронизательно заметил наш пожизненный «дежурный по стране» Михаил Михайлович Жванецкий «*С колен-то она уже поднялась – но ей еще надо подняться с дивана!*» - с дивана социальных иллюзий и мифов, с дивана вековой российской «обломовщины».

Точкой опоры в этом процессе возрождения может быть в первую очередь – наука, и в первую очередь – социальная

наука, и в первую очередь – развитая на современном уровне социология.

2. Подобно тому, как у России есть только два союзника – армия и флот, у социологии есть только два союзника – естественные науки и гуманитарные науки. В каждой из них происходят великие преобразования, каждая из них мучительно обретает свою философскую основу, каждая из них рождает современную форму материализма (наряду с другими «побочными» продуктами).

3. Такой современной формой материализма является «универсальный эволюционизм», охватывающий наиболее общие законы и механизмы развития неживой, живой и социальной материи. Системно-эволюционное понимание природы и общества выходит за пределы марксова материализма, преодолевает его консервативную систему, но сохраняет его революционную «душу» – диалектику.

4. Наше настоящее, в соответствии со «стрелой времени» всегда есть переход от «прошлого» к «будущему», от старых (традиционалистских) общественных форм к новым (модернизационным). Как пронизательно заметил тот же пожизненный «дежурный по стране»: *«Россия от недоразвитого социализма перешла к недоразвитому капитализму»*. Недоразвитость – это отсталость, а за отсталость – бьют! Советская Россия базировалась на самых неразвитых, примитивных, грубых, а именно – *политарных* формах частной собственности, реальными владыками которой была военно-бюрократическая партократия.

Современная Россия так же базируется на неразвитых формах частной собственности, узурпированных в 1991 г. и фактически принадлежащих финансово-бюрократической олигархии – унии или симбиозу крупного (в основном компрадорского) капитала и крупной бюрократии. Депривированными, обездоленными, «униженными и оскорбленными» являются 70-80% населения России – ее основные производительные классы – интеллигенция, рабочий класс, крестьянство.

Место и роль гражданственной (публичной) социологии – пробуждать самосознание этих классов для того, чтобы они стали активными субъектами только еще формирующегося в России гражданского общества.

Завершающий вопрос: В какую эпоху мы живем? Каковы ее исторические координаты?

Я позволяю себе обратиться к Николаю Бердяеву. Он был не только религиозным философом, но и блистательным диалектиком и социальным мыслителем.

В 1924 г. в Берлине он опубликовал книгу этюдов о русской революции.* Согласно Н. Бердяеву рациональный день Новой истории кончается, солнце его заходит, наступают сумерки, мы приближаемся к ночи.

«Новым средневековьем я называю ритмическую смену эпох, переход от рационализма новой истории к иррационализму или сверхрационализму средневекового типа» (с.3). «Старый мир, который рушится и к которому не должно быть возврата и есть мир новой истории с его рационалистическим просвещением, с его индивидуализмом и гуманизмом, с его либерализмом и демократизмом, с его чудовищной индустриально-капиталистической системой хозяйства, с безудержной и безграничной похотью жизни, с его безбожием и бездушием, с разъяренной борьбой классов и социализмом, как увенчанием всего пути новой истории» (с. 4).

Подобно тому, как за днем следует ночь, за Новой историей следует поворот к Новому средневековью. Перед глазами Н. Бердяева фашизм в его итальянском (муссолиниевском) варианте и коммунизм в его российском (ленинском) варианте. «И фашизм, единственное творческое явление в политической жизни современной Европы, есть в такой же мере новое средневековье, как и коммунизм» (с. 8).

Новое средневековье по Н. Бердяеву – это господство иррационального начала и универсальная религиозность. «Духовным центром в грядущую эпоху может быть только Церковь, как в средние века» (с. 14). Место классовых делений заменяют цеховые корпорации. Социальные иерархии и неравенство восстанавливаются, как восстанавливается аристократия, но «аристократия духа».

Этого достаточно. Если Н. Бердяев велик в своей критике Новой истории (читай – капиталистической системы), то его позитивная программа есть не что иное, как религиозно-консервативная утопия.

Однако, я не случайно обратился к этой, достаточно забытой работе Н. Бердяева. Разве мы не видим по всему миру и в нашей России «зримые черты» надвигающегося Нового средневековья? Речь идет не только об исламском фундаментализме и «Великом халифате». К новому средневековью ведет либеральный (рыночный) фундаментализм, который прикрываясь флером «прав человека», пытается осуществить гегемонию крупных индустриальных держав над полупериферией и периферией Европы и гегемонию «золотого миллиарда» - над

* Бердяев Н.А. «Новое средневековье. Размышление о судьбе России». Берлин, 1924.

всеми остальными народами земли. К новому средневековью ведут и те ультра-консервативные силы в России, которые хотят восстановить ее имперские начала и полностью пере-черкнуть начала демократические и гуманистические, начала социальной справедливости, человеческого достоинства и равенства, которые были завоеваны и выстраданы народами России в великих битвах XX века.

Новое средневековье отрицает в первую очередь *рациональность, демократизм и гуманизм*. И надо сказать, что в XX веке ему удалось достичь высочайших вершин этого «отрицания». Тоталитаризм (в его правой - гитлеровской или «левой» - сталинской форме) есть безудержный иррационализм («взрыв архаики» по определению Томаса Манна), есть универсальный антидемократизм, есть попираемое кованым сапогом всего человеческого и ликующее торжество звериного. Иными словами, он есть отрицание той социальности, культуры и личности, которые за 10 тысячелетий были выработаны всей мировой историей.

Антифашистская песня 30-х годов гласила:

«И так как все мы – люди,
Не дадим бить в лицо кулаком,
Никто на других не поднимет плетль
И сам не будет рабом!»

Социальное рабство есть единство физического и духовного порабощения, и именно его несло Новое средневековье, и именно его отвергали антифашисты СССР и всего мира, которые в 1945 году сразили Господина Дракона в его логове. Но «Убить Дракона» не так-то просто – он способен к бесчисленным трансформациям, он селится и воскресает в людских душах. Советского «Господина Дракона» атаковали с разных позиций, но с рыцарской доблестью и отвагой – Булгаков и Платонов, Солженицын и Астафьев, Варлам Шаламов и Юрий Домбровский. Ахматова и Мандельштам, Твардовский и Пастернак, Высоцкий и Галич. Тремя головами Господина Дракона были культ собственной личности, бюрократический абсолютизм и государственно-крепостническое раболепие. Об этом «остаточном средневековьи» очень точно сказал Булат Окуджава:

«Я кланяюсь низко
познания морю безбрежному,
Разумный свой век,
многоопытный век свой любя,

А все-таки жаль,
что кумиры нам снятся по-прежнему
И мы иногда
все холопами числим себя»

Новому – тоталитарному Средневековью – может быть противопоставлено только Новое Возрождение – социальное и культурное, но в первую очередь – ренессансная научная и художественная мысль!

Социальной основой этого Нового Возрождения могут быть в первую голову производительные классы, люди труда и знания, а основным рычагом и механизмом их пробуждения – «информационная революция» - переход от индустриального к научно-информационному производству, и новые системы общественных отношений, выходящие за узкие рамки глобального капитализма и универсальной частной собственности.

Рациональность Нового Возрождения базируется на пяти веках развития культуры – ее науки – от Коперника и Галилея до Эйнштейна и Пригожина, ее философии – от Бэкона, Декарта, Спинозы – до Канта и Гегеля, Маркса и Энгельса, ее социологии – от Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма – до И. Валлерстайна и М. Буравого, ее искусства – от Леонардо и Микеланджело – до «импрессионистов» и «передвижников», ее литературы – от Рабле и Шекспира – до Гёте и Гейне, до Пушкина и Гоголя, Толстого и Достоевского, Горького и Маяковского, до великих исследователей и беспощадных критиков капитализма и тоталитаризма – Бальзака и Анатоля Франса, Диккенса и Теккерея, Марка Твена и Джека Лондона, Бернарда Шоу и Герберта Уэллса, Леона Фейхтвангера и братьев Маннов, Драйзера и Синклеров, Фолкнера и Хемингуэя, Рэя Бредбери и Джорджа Оруэлла, Аркадия и Бориса Стругацких – этот список блистательных умов может быть многократно продолжен, но их всех объединяет одно – вера в человека, защита человека от физического и духовного насилия, защита самой человечности как основы основ социального общества, как высшей нормы существования самого социума.

Новое Возрождение – это, безусловно, восстановление рационального начала в его правах, это всемерное развитие естественно-научной и гуманитарной мысли, это применение системно-эволюционного, стадияльно-нелинейного подхода к явлениям Природы и событиям Истории.

Наконец, Новое Возрождение – это обеспечение устойчивого (бескризисного) развития как в международном, так и национальном плане, а для этого – применение разумных, пла-

нирующих и регулирующих начал в мировой и национальной экономике и политике, исключаящее гегемонизм и диктат и основанное на демократических принципах и уважении интересов, прав и культуры всех народов – больших и малых, центра и периферии мира.

Есть ли такой потенциал для Нового Возрождения в современном обществе? Это может показать только переход от «прошлого» к «будущему». Но перед человечеством стоит дилемма:

- либо путь глобального капитализма, ведущий, в конечном счете, к перманентной неустойчивости, кризисам, катастрофам, коллапсу – самоуничтожению не только социосферы, но и биосферы Земли.

- либо выход за пределы глобального капитализма к обществу более высокой и сложной самоорганизации и саморазвития, которое наш великий Вернадский наименовал «ноосфера». Но, как говорят Стругацкие, «это уже совсем другая История»!

Postscriptum

Дорогой Борис!

В своем письме от 4 января 2014 г. ты пишешь: «осенью этого года будет ровно 10 лет моему проекту по истории российской социологии... все началось со статьи (еще прижизненной) о Грушине, написанной летом 2004 года... таким образом, есть «ключ» к 5-томнику; это итоги десяти лет работы местного (калифорнийского) сумасшедшего...»

Я со своей стороны хочу напомнить, что работу с бойцами, которые «вспоминают минувшие дни и битвы где вместе рубились они» начал в 90-е гг. светлой памяти Геннадий Батыгин. Он разработал стандартную анкету, раздал ее социологам-шестидесятникам (как «левым», так и «правым»), собрал нас на совещание в Институте социологии РАН, провел либо устное интервью, либо получил письменные ответы – и в 1999 г. выпустил книгу о социологии 60-х гг. Поскольку я дал очень обстоятельный ответ на вопросы анкеты, мне оказали честь открыть эту книгу статьей «К истории постсталинской социологии».

Ты приступил к работе в тот год, когда Геннадия Батыгина уже не стало, но в моих глазах (думаю, и остальных «шестидесятников») ты являешься *преемником* этого зачинателя истории советской социологии (разумеется, наряду с В.А. Ядовым, Б.М. Фирсовым, А.Н. Алексеевым).

Я думаю, что имею право поблагодарить «калифорнийского сумасшедшего» за эти 50 интервью – и от имени ныне

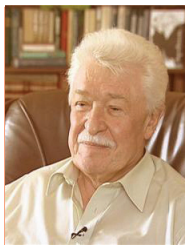
живущих, и от имени уже ушедших от нас друзей. Твои пять томов – это пять «кирпичей» Нового Возрождения и ренессансной мысли. Более того – это то, что объединяет и сплачивает тот отряд, каждый из ратников которого отличается «лица необщим выраженьем», но все вместе они представляют интеллектуальную и боеспособную дружину, а имя ей – социологи России. Всем нам надо помнить вещие слова Булата Окуджавы:

«Как вожделенно жаждет век
Нащупать брешь у нас в цепочке –
Возьмемся за руки, друзья,
Возьмемся за руки, друзья,
Чтоб не пропасть поодиночке!»

P.P.S. Что же касается «калифорнийского сумасшедшего», то напомним: наши коллеги – физики ставят вопрос так: «Достаточно ли сумасшедшая эта идея, чтобы быть правильной?!» Твоя идея – охватить «электронной почтой» из-за океана активную и многопоколенную часть российских социологов – была настолько «сумасшедшей», что оказалась – правильной.

С товарищеским приветом,
Варлен Колбановский

15.01.2014

Осипов Г.В. – окончил Московский государственный институт международных отношений, доктор философских наук, академик РАН, Института социально-политических исследований РАН, президент Российской академии социальных наук. Основные области исследования: теория, методология, методы, история, образ жизни, качество жизни, власть, социальные институты, социальная структура, социология труда, экономических отношений. Интервью состоялось в 2012 г.

**Г.В. ОСИПОВ:
«ТАКОЙ
ИСТОРИИ
СОЦИОЛОГИИ НЕТ
НИ У ОДНОЙ
ИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ
СТРАН.
ЭТО ТРАГИЧЕСКАЯ,
ДРАМАТИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ»***

Интервью с академиком Геннадием Васильевичем Осиповым состоялось 19 и 20 ноября 2012 года в его кабинете в Институте социально-политических исследований РАН (Москва), общая продолжительность – несколько менее шести часов.

Это была наша первая встреча, ранее мы не были знакомы, поэтому начальному вопросу по программе интервью предшествует достаточно продолжительное рассмотрение историко-биографической тематики, да и в процессе интервью обсуждения нередко выходили за рамки задававшихся вопросов. В целом интервью носило характер дружеской, неформальной беседы.

Я благодарен заместителю директора ИСПИ РАН, доктору соци-

* Г. В. Осипов: «Такой истории социологии нет ни у одной из зарубежных стран. Это трагическая, драматическая история» (Интервью Б. З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 4. С. 2-9

ологических наук Ю.Ю. Синелиной, которая присутствовала на интервью и записывала его на диктофон*.

Затем мною были осуществлены транскрибирование аудио-записи и простейшее редактирование текста. Полный текст интервью – 3 авторских листа. Финальный вид интервью был рассмотрен Г.В.Осиповым и передан мне для опубликования. С ним была оговорена возможность сокращенных журнальных публикаций.

Когда интервью еще не началось

Геннадий Осипов: Самые лучшие времена – это когда вся наша социология располагалась в подвале на Писцовой улице. Всюду вода текла, провисшая электрическая проводка.

Борис Докторов: Мне повезло. А.Г. Здравомыслов пригласил меня работать в Ленинградскую партийную школу, это - Таврический Дворец, совсем не подвал.

ГО: Да, далеко не подвал.

БД: Но Вы, наверное, помните Ядовские секторы – это были самые настоящие подвалы.

ГО: Многие, кто помнит, говорят, как хорошо у нас было. У меня кабинет был размером примерно как этот, был большой стол, который от Института философии мне достался по наследству, из Германии привезли. Стол Геринга.

БД: Действительно стол Геринга? Где он сейчас?

ГО: Ищем... Две вывески шикарные были: Отдел социологии Института философии АН СССР и Советская социологическая ассоциация. В этот подвал – об этом говорил – М.С. Горбачев приходил с Раисой Максимовной, она аспиранткой у меня была.

БД: Я об этом читал.

ГО: Приходил с ней какой-то мужчина, сидел, ждал ее в коридоре, я его не воспринимал; только запомнил, что у него были ярко-зеленые носки.

БД: Я читал в воспоминаниях у М.С.Горбачева, как он приходил к вам на Писцову улицу, когда ухаживал за своей будущей женой. Она жила в одной комнате с первой женой Ю.А.Левады.

ГО: Раиса Максимовна училась в одной группе с Н.И. Лапиным, Н.Б. Биккениным.

* В начале апреля этого года Ю. Ю. Синелина трагически погибла. Памяти Юлии Юрьевны Синелиной (1972-2013) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 3.

БД: И еще с будущими лидерами чешской революции, так что время было интересное. Я провел с Лапиным большое интервью [1], но он не рассказывал этого. Вообще его интервьюировать было легко, он реактивный, и на каждый вопрос отвечал подробно. Он хорошо пишет, по-видимому, ему легко это дается.

ГО: Лапин опубликовал первую мою статью о предмете социологии в «Вопросах философии», которую ранее все отвергли. Говорили, она объективистская, льет воду на мельницу американского империализма, надо ее снять. Лапин ее опубликовал, и я взял его себе в заместители.

БД: Н.И.Лапин говорит в своем интервью, что он работал в издательстве, сообщает о работе над книгой о молодом Марксе, о том, что Вы его пригласили к себе в Отдел, где он участвовал в разработке концепции Института.

ГО: Да, так и было.

БД: Таких людей, которые помнят те давние времена, осталось очень мало. Ушел из жизни Андрей Здравомыслов. Мы с ним многое обсуждали. В.А.Ядов ряд вещей не знает, он все же в Ленинграде жил, а варилось многое здесь, в Москве... Игорь Кон вообще в эти вещи не очень-то включался. С И.С. Коном мы никогда не обсуждали социологию как науку, обсуждали что-либо конкретное, с ним было приятно общаться. Со Здравомысловым, да, обсуждали социологию как науку.

ГО: Я хотел бы рассказать особо о Здравомысловом. У нас с ним были доверительные хорошие отношения, но судьба его сложилась сложно.

БД: Я задал вам вопрос о Здравомысловом, потому что считаю его своим учителем. Считаю, что он сделал очень много для российской социологии, но это не нашло должного отражения.

ГО: Его вклад в социологию надо обязательно отразить. У нас с ним судьбы перекликались. Когда его в Ленинграде фактически уволили, я его немедленно взял в Институт с нарушением всех законов.

БД: Он мне говорил.

ГО: Ну, в общем, много чего между нами было. У меня сохранились стихи, которые он мне посвятил.

БД: Я публиковал стихи, которые он написал на день рождения Ядова, а других стихов он мне не высылал.

ГО: Здравомыслова пытались представить как тень Ядова. К Ядову я идеально отношусь, но все же Здравомыслов – фигура самостоятельная.

БД: Абсолютно. И Володя это прекрасно понимает, он даже не рассматривает его как человека своей команды, они вообще разные.

ГО: Да, разные, но в общественном мнении он был как бы тенью Ядова.

БД: Какие-то годы Здравомыслов был больше социолог, чем Ядов. Он на протяжении длительного времени считал себя социальным психологом, когда изучал ценностные ориентации. Здравомыслов же всегда отчетливо позиционировал себя социологом.

ГО: Когда они проводили исследования «Человек и его работа», Здравомыслов очень многое сделал. Ядов тогда для работы этой находился в Англии. Здравомыслов и Ядов – это индивидуальности, причем, очень различные, противоречивые. Поэтому вступали в конфликты.

Возможно, я сделал ошибку. Мы должны были выдвинуть кандидата на премию им. М.М.Ковалевского. Не хватало для принятия решения одного голоса, и тогда я включил в комиссию Здравомыслова; думал, они долго работали вместе. Ядов не возражал. В итоге же Здравомыслов проголосовал против Ядова.

БД: Да, мне Володя рассказывал.

ГО: Все эти премии – суэта, не более. Но тогда вопрос так стоял: «Кто станет первым?».

БД: Здравомыслов был очень принципиальным человеком. Вы знаете связанные с ним истории с конгрессами, со съездами, с президентством Советской социологической ассоциации и т.д. Татьяна Ивановна Заславская рассказала мне то, о чем я не знал. Я был на выборах, когда Здравомыслова «прокатили». Он сильно переживал, хотя виду не подавал. Мы были с ним в очень добрых отношениях.

ГО: Мы к этому вопросу вернемся. Конечно, если бы не было искусственной конфронтации, которую создали вокруг некоторых знаковых фигур. Если бы не было конфронтации...

БД: ... всегда будет. Это плата за известность.

ГО: Да, если бы не было этого, то я с полной ответственностью утверждаю, что и социология была бы иной, и, может быть, и судьба страны сложилась несколько иначе. Социология уже играла очень большую роль. Сейчас принесут несколько книг, которые станут иллюстрацией к нашему разговору.

<...> Может быть перед интервью я расскажу немного об Институте?

БД: С удовольствием выслушаю.

ГО: Я не стану говорить об истории Института, это – специальный вопрос, очень объемный. Почему он учрежден и зачем? Скажу так: Институт проделал очень большую работу, издал множество полезных, временами уникальных книг. Несмотря на то, что он называется Институтом социально-политических

исследований, это Институт социологии; социология и политология являются дочерьми, сыновьями этого Института.

С самого начала, еще до ядовитого периода, мы изучали все, что происходило в России, по горячим следам. Каждый год мы составляли доклады. Но главное заключается в том, что мы никогда не выступали в апологетической роли, всегда занимали свою принципиальную позицию. Из-за этого нас побаивались, но уважали.

Мы свой курс не меняли и в этом – суть нашего Института. Мы сейчас пытаемся оказывать влияние на принятие государственных решений, на исправление курса реформ. Несмотря на то, что наше видение курса реформирования часто противоречит официальным концепциям. Суть заключается в том, что люди, стоящие у власти, прорывающиеся к власти, нуждаются в социально-детерминированном образовании, в реальном понимании действительности. Это понимание может дать только наука. Метод «проб и ошибок», который сейчас господствует, влечет за собой такие мощные политические и экономические издержки, что мы теряем миллиарды рублей, теряем авторитет. Поэтому наше кредо неизменно: ни в коей степени не приспособливаться, но отстаивать свое «я». Сейчас мы предложили систему нового регламента для принятия государственных решений. Как не удивительно, начинают нас слушать.

БД: Вы, наверное, работаете с Академией государства и права или у вас есть отделы юридического характера?

ГО: Нет, у нас принята иная система. Мы сейчас включены в экспертные советы ряда систем власти: Государственная Дума, Совет федерации, Совет безопасности и Счетная палата. Мы выполняем их заказы на актуальные исследования, оказывая при этом влияние на наших партнеров, чтобы ими принимались всесторонне проработанные, научно-обоснованные текущие решения и перспективные программы.

БД: А получается то, что получается.

ГО: К примеру, один депутат Думы предлагает ввести «налог на удовольствие».

БД: Налог на роскошь? Я слышал.

ГО: Если взять историю нашего русского языка, то удовольствие было синонимом понятия «сексуальные отношения». Таким образом, наша задача не только давать рекомендации, но пытаться как-то воздействовать на культуру.

Сейчас мы предлагаем реформировать Академию госслужбы. Там все были марксистами-ленинцами, научными коммунистами. Они стали политологами, а мировоззрение сохранилось старое. Беседуешь с человеком, удивляешься его невежеству и ксности. Поэтому мы выдвинули термин «просвещенная демократия», но это так, лирическое отступление...

Как бы Вы в целом охарактеризовали потребность в проведении исследований по истории российской социологии на всем пути (начиная со второй половины XIX века) ее развития? В частности ее современного (послевоенного) периода.

ГО: Этот вопрос из наиболее серьезных. Вы, думаю, смотрели мои работы и не нашли ни одного места, где я бы преувеличивал свое значение в сложном и трудном процессе возрождения отечественной социологии. Я лишь писал о том, что было. Но не все коллеги оказались столь же щепетильными. Скажем, Ядов под влиянием окружения написал, что я – фашист. Я не стал с ним полемизировать, просто сказал ему: «Что ты глупость пишешь». Он ответил: «Извини, меня подбили на это, могу публично покаяться». На что я ответил: «Не стоит, зачем нужны нам эти бесконечные выяснения отношений?».

Но как всегда бывает в истории, не только в истории социологической науки, одни делают науку, другие рвутся к власти, как Ф.М. Бурлацкий. Я ни слова плохого не написал о нем, но я говорю конкретно, что было. И сейчас многие вопросы истории становления социологии часто извращаются, что-то преувеличивается, что-то искажается. Кто-то хочет считать себя героем, и мне просто обидно за людей, которые говорят, что у нас не было социологии, что социология...

БД: ... начинается с меня...

ГО: да, как находятся подхалимы, которые утверждают, что новейшая история государства Российского начинается с... Д.А. Медведева! Словно и не было 20-ти сложнейших лет постсоветской российской государственности. И даже сын [2] Ф. Р. Филиппова утверждает, что нет никакой теории, ее, видите ли, надо создавать. Это мальчишество.

БД: Это опасно. Если мы не признаем общую историю, не опираемся на историю, то могут возникать такие «откровения».

ГО: Должен Вам сказать, что такой истории становления, возрождения социологии именно в послевоенный период, такой истории социологии нет ни у одной из зарубежных стран. Это трагическая, драматическая история.

БД: Наша послевоенная социология уникальна еще и тем, что до сих пор живы представители всех ее поколений. Вы активно работаете, Ядов работает, только-только ушел из жизни Здравомыслов, Лапин продолжает работать, Заславская. Таким образом, одновременно работают представители первого поколения, второго и так далее. Уникальная ситуация, подобного ни в одной из стран нет, потому что там социология давно развивается.

ГО: Да, согласен, что если взять историю нашу, она уникальна. О ней очень много может быть написано серьезного. Необходимо зафиксировать все ее трагические моменты, все несправедливые судебные процессы, как исключали из партии, как корежили судьбы ни в чем не повинных честных ученых. В результате, я должен сказать, по некоторым вопросам понимания действительности, современной реальной ситуации наша отечественная социология превзошла западную. Я не преувеличиваю.

БД: По каким темам?

ГО: Вот только некоторые из них: изменение учета социальных реалий; переход к новой системе управления как национальным, так и международным сообществом; включение науки в систему научного управления; понимание социальной реальности; рождение новых понятий. Она в известной степени превзошла Западную социологию. О конкретизации превосходства отечественной социологии над западной мы с Вами можем специально поговорить.

БД: Интересный тезис.

ГО: Мне интересно Ваше мнение как специалиста, не переоцениваем ли мы свою роль? Мы не утверждаем, что у нас есть вот такие-то и такие достижения, мы просто работаем. Но Ваше отношение к этому вопросу и наша полемика могут быть очень интересными.

БД: Боюсь, полемики не будет. Я исхожу из того, что российские социологи в последние 20 лет имеют возможность наблюдать огромное многообразие политических, социальных, экономических процессов. Ни у кого другого нет такого полигона. К тому еще и серия конференций: в Вашем институте, у Т.И. Заславской и Т. Шанина «Куда идет Россия?». Подобную активность Грушин называл «социотрясением». Нечто подобное говорил по этому поводу Левада. Так что, конечно, я признаю очень высоким уровень советских/российских социологов, которые были одновременно и философами, и историкам. У нас появился очень интересный симбиоз, а реальность, которую российские социологи наблюдают, в которой живут, которую изучают, это – уникальный материал для науки.

ГО: Борис Зусманович, Вам надо приехать на месяц сюда, с тем, чтобы лучше изучить ситуацию.

БД: Может быть, летом.

ГО: Кстати, у нас сейчас создано общество социальных наук. Мы высоко ценим философское знание, но философия никогда не была наукой.

БД: Да, это только в России.

ГО: Как-то сказал в интервью, которые не люблю давать, что

если бы я знал, что будет твориться в социологии в горбачевскую перестройку и после нее, как будут использовать социологию в апологетических целях для решения проблем антинародных и антироссийских, я бы, наверное, был одним из тех, кто с самого начала боролся против введения социологии в России. Может быть, это особенность российского менталитета, может быть – традиция, но в российской социологии ширится круг дилетантов, невежд, которые пытаются использовать нашу науку в своих интересах.

Может быть, я несколько преувеличиваю, у нас сейчас 60-70% социологических исследований используются в качестве орудия властных структур для фальсификации действительности в интересах власти и аффилированных с ней структур.

БД: Исследования каких же коллективов?

ГО: Определенная часть социологов фальсифицирует действительность, дает извращенную информацию, которая дезориентирует общество и которая по существу дела носит ярко выраженный апологетический характер. Другая часть социологов просто констатирует факты, но не на основе выборочных исследований. Выборочные исследования у нас вообще сейчас в загоне. Потому, что они требуют затрат больших сил, энергии. Есть и те, кто выдвигает ряд иллюзорных теорий, концепций. Вроде того, что социологии нет, или вот я, любимый, создал новую биосоциологию.

Кроме того, учреждено огромное количество социологических кафедр и близких к социологии политологических факультетов, которые преподают социологию, ее отрасли на весьма примитивном уровне. Причем, многие еще находятся под влиянием идеологии марксизма-ленинизма, где Маркс – это первый социолог, основоположник демографической науки, основоположник социальной психологии и прочее. Пишутся и издаются явные глупости. Далее, многие люди, не имеющие отношения к социологии, тоже включены в социологическую орбиту. Скажем, В.И. Вернадский как великий основоположник организационной науки. Эта лекция читается в Университете. Глупости. Или, тот же Гастев. Мы его хорошо знаем по всем работам, можно писать, что Гастев сделал то-то и то, воздать ему по заслугам. Но когда начинают приписывать Гастеву того, чего нет, это – глупости; сделал второе, третье.. это глупости.

БД: Нужна серия статей, книг о том периоде, которые развеют мифы и опишут реальность.

ГО: Животрепещущий вопрос о суверенитете Украины. В Институте работал моим заместителем В.Г. Кремень с Украины. На его родине провели – это лишь один из сотни примеров – исследование: «Вы за суверенитет Украины?»

БД: Это еще при Л.Д. Кучме?

ГО: Нет, при Л.М. Кравчуке. 80% или даже 95% ответили: «Мы за суверенитет». Мой Кремень, он вошел в партию Кравчука, провел исследование; два вопроса: первый - «Вы за суверенитет Украины?» и второй - «В составе или нет Советского Союза?». За суверенитет в составе Союза проголосовало 90%. Но решение было принято Верховной Радой на основе первого социологического исследования. Вот Вам – социология сыграла. Это исторический факт, от него никуда не деться.

Позже у меня состоялась интересная беседа с В.Н. Кудрявцевым. Когда мы фиксировали все события, которые происходили в нашей стране, по реформированию России, он назвал меня «катастрофистом», а позже сам стал «катастрофистом» и в тысячу раз превзошел меня. Утверждал, что кончен Светский Союз, а России не будет.

Обсуждали мы с ним и вопрос о введении на муниципальном уровне должности мэра, это был интересный эксперимент. Я спрашиваю: «Эта должность нужна или нет?». Мне в ответ: «Ну как же, это очень важно». Я говорю: «Владимир Николаевич, через три минуты Вы измените свое мнение». - «Нет, не изменю». Пospорили на бутылку коньяка. Я изложил аргументы: «Для введения должности мэра при сохранении существующей системы управления Москвой необходимо увеличение того-то и того-то, что с неизбежностью приведет к тому-то и тому-то. Он сказал: «Вы правы», достал бутылку коньяка, и мы ее распили.

Понимаете, до сих пор реформы в стране осуществляют на основе мифов, на основе мифологии. Могу перечислить 15-20 мифов. Скажем: «Все, что находится на территории России, принадлежит России». А Байконур, а база нашего Черноморского Флота и – так далее... Кто создавал все это?

Или еще миф: «Что не запрещено законом, то разрешено». Глупость. Я как-то шел здесь недалеко, так по Ленинскому проспекту раздетые мужчины и женщины ходили с портфелями. Ведь это не запрещено.

Многие, не прорабы, а их называю – подмастерьями, перестройки наделали очень много глупостей. Р.И. Хасбулатов – он одно время работал у меня Ученым секретарем Совета при Д.М. Гвишиани – в подавлении путча сыграл в тысячу раз большую роль, чем Ельцин. Ельцин тогда искал пути, как сбежать в американское Посольство, это – факт, а Хасбулатов выдвинул лозунг: «Все что находится на территории России, в том числе – армия подчинено Верховному Совету России». Несмотря на то, что еще был Советский Союз. Это сразу все парализовало. Органы внутреннего порядка, они находятся на

территории России, выполняют решения Верховного Совета России как высшего органа власти.

Сейчас мы говорим о включении именно социологической науки в систему государственного управления. Но это должно быть тщательно изучено; затем цель, которая ставится, должна быть научно обоснована и научно, с математической точностью, выверены ее результаты с точки зрения человека и общества. Ничего подобного у нас нет: то и дело сталкиваешься с субъективными т. с. «научными» выводами тех ученых, кто занимается апологетикой, старается вопреки научной истине услужить власти, услужить губернаторам.

БД: Я бы так сказал, очень низкое понимание социального.

ГО: Все, что окружает нас, все – социальное; даже природа сейчас творится человеком, а все, что сделано человеком, носит социальный аспект.

Недавно прошло заседание в Экспертном совете Думы. Опять: надо принять такой-то Закон в экономической области, вызвать юристов и так далее. А я говорю: «Где составляющая социальная, связанная с человеком, как это экономическое решение воздействует на положение определенных групп людей, что изменится в результате принятия этого закона?». Никто мне так и не ответил на эти основополагающие вопросы.

В Совете Безопасности сейчас выделено 800 миллиардов рублей на инновации. Я спрашиваю: «Что мы, как государство, получим от реализации этих 800 миллиардов? Считаю, что эти деньги в значительной мере пойдут опять на «распил». Опять никто не может ответить.

Сейчас господствует как бы денежный фетишизм; дай деньги и все решим. При этом как никогда ранее буйным цветом расцвели всевозможные злоупотребления и преступления в финансовой сфере. Утвердилась печальная присказка, что, мол, живем мы в пору расцвета РОЗ (распил, откат, занос). Конкретный вопрос обсуждался у С.В. Степашина: выделять ли одному министерству по его настойчивой просьбе дополнительные финансы. Я предлагаю: «Давайте поддержим это обращение о выделении дополнительно 200 миллионов рублей. Но кто мне ответит, что нового будет создано за счет этих 200 миллионов?». Степашин подумал и в просьбе отказал.

Без учета мнения социальной науки наше общество движется к неминуемому краху.

БД: Возможно, особенность нынешнего периода страны заключается в том, что от социальных наук, от академических институтов и больше не от кого ожидать не то, чтобы ответов, но даже постановки вопросов.

ГО: Мы разработали в последнее время теоретико-методологические основы трех научных дисциплин: экономики знаний, социологии знаний и государственного аудита. Это – фундаментальные исследования. Их прикладное значение – это уже другой вопрос. У нас все начинается с лозунгов. Вдруг все стали специалистами в области экономики знания. Приглашаю одного, другого и слышу на свои расспросы: «Ученых надо поставить на конвейер, пусть они делают те или иные открытия, а я как менеджер буду эти открытия продавать». Так многими в нынешнем истеблишменте понимается экономика знаний.

А в чем истинная суть экономики знаний? Это перспективная, математически точная оценка возможных результатов тех или иных открытий и достижений в области фундаментальных наук, которые могут быть даже не осознаны сейчас обществом. Скажем, информационные системы были созданы В.А. Котельниковым. Если бы это выдающееся научное открытие было оценено своевременно, то Котельникову не перед смертью дали бы высшую награду. Или Ж.И. Алферов – Нобелевский лауреат. Не было бы Алферова, не было бы мобильных телефонов.

Социология знания призвана дать четкий обоснованный ответ какое влияние оказывает то или иное решение на положение людей, на качество и уровень их жизни и соответствующим образом на их поведение. Я никогда не служил власти и не буду ей служить. Но, к сожалению, система, которую я сейчас описал – ужасна.

В.В. Путин издает указ Федеральным органам власти дать точку отсчета по социальным индикаторам и показателям, определить, сколько больничных коек, телевизоров, того, другого необходимо нам для нормального развития общества. В результате число коек увеличивается, но отдача от них минимальная. Направляют в школы компьютеры, но нет специалистов, которые могут обучать работе на них; компьютеры остаются на складе. Т.е. вопрос заключается в том, что в век информационного числового общества, традиционными методами управления нельзя действовать. Нужны четкие социальные показатели и индикаторы для объективного мониторинга состояния общества, нужна грамотная социальная экспертиза управленческих решений до их применения на практике. Мы четко должны понимать во имя чего и как будут реализовываться властные решения. И кроме того, должна многократно возрасти персональная ответственность управленцев за принятые ими решения. Если, скажем, сталевар уронит свою табакерку в домну, то на розливе уже не то качество стали будет. Всего от одной табакерки. Значит он несет за это ответствен-

ность. У нас на воздух пускаются миллиарды рублей, кто за это ответственность несет? Никто. Это вопросы к власти, но им все до лампочки.

Однако, мы несколько отвлеклись от темы.

БД: Отвлеклись, но интенция ответа прозвучала.

ГО: Если бы Вы или какая-либо группа под Вашим руководством взялись поработать над созданием объективной и максимально полной истории отечественной социологии нового времени, мы предоставили бы все объективные материалы, их огромное количество. Архив в здании ИСПИ РАН на Борисоглебском переулке занимает место больше этой комнаты. Причем, неопубликованные материалы восстановили бы историю социологии по документам, по фактам, могла бы получиться удивительная книга.

БД: Очень интересное предложение. А у Вас здесь есть люди, которым Вы могли бы доверить эту работу?

ГО: Можно подумать, причем, когда мы будем слушать Ваш доклад...

БД: ... но я буду говорить об американских выборах, не по этим сюжетам.

ГО: Да, это одна сторона, мы знаем, мы избирали Вас действительным членом Российской академии социальных наук.

БД: Спасибо.

ГО: Но это не просто ради почета. Российская академия социальных наук носит особый характер; ее членами являются зарубежные ученые, которые имеют равные права и обязанности, как и российские члены Академии.

БД: Я себя считаю российским социологом, живущим в Америке. Можно жить в Москве, Ленинграде, Тюмени. А почему нельзя жить в Америке?

ГО: Конечно можно жить и в Америке. Мы давно хотели создать в Америке отделение общества социальных наук. Может быть, действительно подумать. Мы Вам дадим поручение, продумать этот вопрос о создании Отделения Российской академии социальных наук в США. Я несколько раз пытался сделать это с Э.Д. Лозанским [3]. Вам знакома эта фамилия?

БД: Нет.

ГО: В свое время он был диссидентом. Прославился тем, что женился на дочери главнокомандующего нашими войсками, которые вошли в Чехословакию в период подавления Пражской Весны. Она и он вышли на Красную площадь демонстрировать в знак протеста.

БД: Как-то эта история мимо меня прошла.

ГО: Лозанский – физик. Сделал много полезного, хорошего и в социальной, и политической сферах. Пытался создать

пророссийское лобби в американском Сенате. Как-то встретившись с ним в Париже, мы решили провести в Москве, еще при Ельцине дело было, встречу инакомыслящих, или так называемых диссидентов для обсуждения проблем состояния современного российского общества. Она называлась «Возрождение России». Были приглашены В.П.Аксенов, В.К.Буковский, А.А.Зиновьев, он тогда жил за границей, В.Е.Максимов, с которым мы были в хороших отношениях, и здесь была проведена эта конференция. Участники дали очень трезвую оценку именно того курса, который совпал с курсом, который обосновывал Институт. В том числе, Аксенов, его пилили на части пилой, он не изменил своего мнения.

На заседаниях Российской Академии социальных наук обсуждаем положение в России. И у нас выступали и Н.А. Назарбаев, и А.Г. Лукашенко. И очень любопытно, люди, которые нередко находились у власти, когда выступали в Академии, говорили совершенное иное, чем делали на практике.

Мы занимались в свое время и чеченской, и абхазской проблемами, Нагорным Карабахом. Люди повсюду нормальные. Когда мы приглашали азербайджанцев и армян из Азербайджана, они за столом поднимали тосты друг за друга,

Но есть люди, которые разжигали конфликтные ситуации.

БД: Да, интересы за людьми стоят разные, и ничего не попишешь.

ГО: У меня сложились очень хорошие отношения с Ахматом Кадыровым, отцом Рамзана Кадырова. Со смертью его в результате коварного подлого убийства я потерял настоящего близкого друга. Он был мудрый человек, мы с ним составили план возрождения Чечни, с которым он должен был идти к В.В.Путину. И буквально за неделю до этого его убили.

БД: То есть, Вашей Академии уже 20 лет?

ГО: Суть заключается в следующем. Когда была создана Советская социологическая ассоциация, она являлась структурным элементом Академии Наук СССР. Но когда я уже отошел от деятельности Ассоциации, Ядов ее распустил. Советская социологическая ассоциация должна была просто изменить свой статус «Всесоюзной» на статус «Российской» социологической ассоциации, но взяли и распустили ее. Само слово «ассоциация» решили изменить, поскольку оно, видите ли, отдает духом солипсизма.

БД: Подождите, а как называется ассоциация, которой руководит В.А. Мансуров?

ГО: Российское общество социологов. Причем оно было создано лишь через два года; мы, чтобы сохранить традицию, создали Российскую академию социальных наук.

У нас сейчас две ассоциации создается. И кроме того, в России существует две системы классификации наук. Американская система и Западно-европейская. Это экономика, социология и прочее. Кроме того — классификация социальных наук, это — экономика, социология, экология, социальная демография и так далее. Но сейчас, поскольку у нас разработана новая концепция и поскольку в основе всего лежит социальный фактор, которым и занимается главным образом социология, то сейчас уже приоритет социологии признали и академические и социологические, экономические науки, то по их инициативе сейчас создается Общество социальных наук, которое будет зарегистрировано 5 декабря этого года [4]. Оно объединяет специалистов, работающих в университетах, академические институты по отраслям науки. Т.е. интеграция, во-первых, вузовской и академической науки, и, во-вторых, интеграция различных специалистов, работающих в разных университетах.

БД: Как Вы думаете, там люди будут понимать друг друга?

ГО: Будут понимать. Непонимание основано на амбициях, на престиже. Вы же знаете из истории сколько выдающихся деятелей стали выдающимися деятелями благодаря чувству неполноценности физической или психической.

БД: Да, бывает.

ГО: И тут тоже так происходит, в какой-то степени. Сейчас делить нечего. Придерживаешься точки зрения, что есть биосоциология, ради Бога, занимайся биосоциологией, предлагай аргументы, проводи исследования. Т.е. никакого запрета и никакой конфронтации сейчас быть не может. У каждого есть возможность заниматься наукой. Конфронтация переносится на внешнюю область, борьбу амбиций. Я должен возглавить эту организацию, чтобы смиривать нежелательные проявления.

БД: Как говорит Теодор Шанин, конфликт не социологии, а социологов.

ГО: Да, конфликт социологов, причем абсолютно необоснованный.

Что потеряли мы из достижений советской социологии за истекшие четверть века? Что приобрели?

ГО: Потери были велики. Во-первых, мы потеряли мощную силу, организацию, которая объединяла советских социологов, Советскую социологическую ассоциацию (ССА). Она имела до роспуска более 30 исследовательских комитетов по стране, свои отделения во всех регионах. В результате нарушились

связи с республиками, начался разброд и парад местечковых амбиций, серьезное нарушение связей с республиками, которые были отделениями ССА. Во-вторых, резко упал наш авторитет в Международной социологической ассоциации. Раньше советские социологи находились в центре внимания всей социологической общественности, выступали на всех конгрессах. Теперь каждый говорил от себя, нередко – откровенные глупости. На каких-то этапах мы теряли места и в Исполкоме Международной ассоциации. В советский период мы начали проводить мощное исследование по индикаторам и показателям общества, исследовали в этом аспекте Азербайджан, Горьковскую область, Днепропетровскую область, Удмуртию, и еще один регион. Эти исследования тоже были свернуты, традиция прервалась. И, наконец, в-третьих, социологи потеряли возможностью хоть какой-то степени ориентировать руководство страны относительно реального положения дел в стране. Про последний доклад, который мы представили Горбачеву, мне прямо было сказано, что то, что вы делаете, грозит серьезными карами; около 20 пунктов было указано.

А что мы приобрели? Мы открыто стали говорить, что философия – это не научное знание, а социология – это социально-научное знание. Мы вышли из философского плена, из философской тюрьмы, когда нас заставляли жестко следовать тем канонам, которые были провозглашены философской наукой и теми апологетическими науками, которые были связаны с философией. Это – самое большое достижение. Несмотря на очень тяжкие запреты, мы старались и в советское время обходить те положения, которые были обязательны для цитирования, ссылок: диалектический материализм, исторический материализм, Ленин. Мы брали у Маркса то, что действительно было достойно, потому что он достойный ученый. Ленин же... не будем говорить об этом. Мы приобрели свободу, это – первое. Второе, мы получили возможность проводить исследования социально-политической ситуации, которая сложилась в самом начале перестройки и фиксировали все каждый год. Уже 24 тома у нас опубликовано, это уникальная серия. Сейчас можно говорить что угодно, интерпретировать события как угодно, а там зафиксированы люди, события, как это было в реальности; это – летопись реформирования России в период смуты.

В летопись помещены также и некоторые документальные источники. Скажем, свидетельства того, как расстреливали Белый дом, кто и как принимал участие.

Третье, мы, наконец, получили возможность создания публикации нормальных учебников по социологии, социологическим дисциплинам, получили свободу проведения исследе-

дований по самым различным проблемам жизни российского общества. Но в то же время, эта свобода породила огромное множество социологических центров, когда все марксисты-ленинцы стали заниматься социологией, и поэтому резко упал уровень социологической науки. В науку пришли дилетанты.

Конечно, потери случились большие, серьезные, но с другой стороны, то, что мы получили, несмотря на издержки и дискредитацию социологической науки: свободу исследований, свободу публикации различных точек зрения, свободу конфронтации, свободу, которую никто не ограничивал. Это, пожалуй, самое главное.

Но атавизм авторитаризма сохранился среди социологов. Все хотят управлять, командовать, навязывать свои точки зрения. И для этого иногда прибегают, я бы сказал, к непорядочным методам. Это тоже есть.

Сейчас что? Пусть соберется 20 человек и решат создать какое либо общество в соответствии с их интересами. И зачем им препятствовать? Но когда одно общество решило взять в руки всю социологию и командовать социологами, когда начали возникать другие общества, такая буря поднялась. Документы есть. Но все равно издержки не затмевают благих обретений. В подтверждение тому – наш учебник «Социология». Сравнил его с учебником гарвардским. Мы уступаем только по одной позиции – по иллюстрациям.

БД: Учебники американские невозможно носить, нужна машина.

ГО: У нас тоже большой, может быть, больше гарвардского.

БД: Я знаю эту систему, там все выделено, поля, картинки.

ГО: У нас тоже была попытка создать такой же учебник на основе тех конкретных социологических исследований, которые мы сами проводили. Попытка, бесспорно, удалась.

БД: Это учебник для какого-либо специального ВУЗа или общий?

ГО: Общий. А вот мой учебник на основе изучения индикаторов и показателей советского общества. Наш учебник по истории социологии – один из лучших учебников по истории мировой социологии: от Западных учебников отличается тем, что впервые в него включена российская социология. Дореволюционная и современная. Она включена наравне со всеми. У нас сложилось самоуничижительное мнение, что есть Западная социология и где-то там на задворках Ковалевский, Михайловский, Данилевский... Но если взять Данилевского, то он на десять лет превзошел Шпенглера. Или возьмите Ковалевского. Была бы во Франции социология на таком уровне без Ковалевского? Т.е. речь идет о восстановлении истории как единого процесса воз-

никновения науки, которая выходила как позитивистская наука из философии, социальной философии.

У меня собраны лучшие в мире учебники по истории социологии, я держу их дома, даже боюсь выпустить из рук. Есть учебник Эмори Богардуса, в основном – американский крен. И целый ряд других учебников. Один из лучших – это учебник Льюиса Козера «Мастера социологической мысли» [5]. Мы его переиздали на русском языке. Не в полном объеме, но это один из лучших учебников. Мы попытались идти по этому пути, но объем не позволил. Сначала было маленькое издание, мы расширяли, работали.

Мы уже говорили, что значит в СССР подготовить социологический словарь, социологическую энциклопедию. В стране, где многие понятия застыли и не подлежат трансформации. Вы потом посмотрите протокол обсуждения социологического словаря, это вам доставит удовольствие.

Скажем, выступает Г.Е. Глезерман: «У них там есть понятие первичных и вторичных групп. К первичным группам они относят семью и так далее, это – безобразие; первичные группы образует рабочий класс». У меня таких текстов много. Несмотря на то, что я был ведущим участником этого обсуждения, я перечитываю этот протокол раз в месяц. Для удовольствия.

Видите ли Вы особый путь развития российской социологии? В чем он заключается, каково его назначение? В частности меня интересуют перспективы развития православной социологии: какие особые проблемы ей предстоит решать? Здесь же уместен и вопрос о мусульманской социологии. Обсуждаются ли перспективы такого направления в российской социологии?

ГО: Прежде всего я Вас спрошу: «Есть мусульманская физика?».

БД: С физикой ясно: «Нет».

ГО: А химия православная?

БД: Тоже нет.

ГО: Наука не может быть ни православной, ни марксистской. Наука – есть наука. То или иное исследование становится научным, если оно изучает закономерности, которые не важно, являются ли они природными закономерностями или закономерностями той ситуации, которая создана людьми. Нет американской социологии или российской. Можно говорить о социологии, созданной в Америке, о социологии, созданной в России. Но социология это – наука, она подобна другим наукам.

БД: Да, я говорил Ядову, что есть социология в Америке, есть — в России, но вообще, это единая наука.

ГО: Конечно. И я считаю одной из заслуг нашей школы социологии, если можно так назвать, то, что мы впервые в истории социологии рассматриваем социологию как единство социальной мысли. Как она рассматривается? Мы можем анализировать, скажем, Э. Дюркгейма, М. Вебера и прочее, но суть заключается в том, что мы сейчас рассматриваем тот камень, тот блок, который Дюркгеймом заложен в основание социологии как науки. Тот блок, который вложил Макс Вебер в науку. Или Вильфредо Паретто. Т.е. - блоки. Но кроме того интересны также биографии людей, как они к этому шли, как это все развивалось. Но, с другой стороны, изучать человека, из-за того, что он считает себя социологом, читает лекции, написал 45 книг по социологии. Кое-кому из наших коллег покажется, по меньшей мере, странным занятием.

Когда человека спрашиваешь, что ты сделал, что внес в науку, он говорит я написал книгу, я сделал вывод о том-то. Подожди, как обоснован твой вывод? Обоснован – и все. Поэтому-то, если взять социологическое сообщество, то людей, которые вносят полновесные кирпичики в становление социологической науки, окажется мало.

Есть много физиков. Но на десять тысяч физиков – два-три серьезных исследователя. И у нас такая же ситуация. Зачем, говорят нам, на факультет журналистики набирать 300 студентов. Необходимо отбирать небольшую группу. Но суть заключается в том, что человек может вырасти гениальным на основе отбора из тысячи... если из 300 студентов один станет нормальным журналистом, это уже будет достижение факультета. Также в физике и других науках.

Мы готовим социологов. Речь не идет о том, что мы подготовим гениев, будут специалисты, которые будут включены в какие-то области, но для того, чтобы быть выдающимся социологом, надо сотворить свой «кирпичик», который вошел бы естественно в структуру социального здания.

И здесь встает вопрос о специфике нашей социологии. Прежде всего, это проведение исследований, которые имеют как практическое значение, так и фундаментальное. Фундаментальные или академические исследования изучают социальную реальность во всех аспектах, но ставят вопрос о том, как конкретные проблемы и задачи социума, как использовать конкретные результаты научных исследований, пока не пройдет какой-то период времени. Сейчас мы переломили обыденное дилетантское отношение к экономике знаний, к социологии знаний. Но это не значит, что экономика и социология знаний овладела всеми. Для этого нужно, во-первых, чтобы это знание вошло в общественное сознание социальных ученых, во-вторых, чтобы

на основе этого знания готовились квалифицированные специалисты. Только тогда можно перейти к практике.

Одно из исследований, которые мы проводим, связано с осмыслением новой социальной реальности, которая складывается не только в России, но во всем мире. Это – с позиции законотворчества, с позиции поведения властных структур, создания той среды, в которой находятся люди, той ситуации, которая порождает определенные социальные закономерности, оказывая воздействие на поведение людей.

Недавно обсуждали еще раз этот вопрос, проанализировали полученные данные. Выявлены определенные закономерности, что дальше? Нужна солидная цель для развития, если мы хотим изменить ситуацию, руководить эффективно обществом. Казалось бы, у нас сейчас основные усилия истеблишмента нацелены на модернизацию, инновацию, но так это только на бумаге. На практике же основные усилия и средства от чиновников при науке направлены не на развитие, а на их функционирование в т.н. «инновационном процессе». Такой вывод подтверждают вскрытые недавно злоупотребления в расходовании бюджетных средств чиновничьим аппаратом «Сколково». Их зарплаты за 2 года выросли, в среднем, с 65 тыс. руб. до 450 тыс. руб. Два года существует при «Сколково» таможенный отдел с уровнем зарплат от 300 до 600 тыс. руб., который за все это время провел лишь ... одну (!) таможенную операцию. На какие реальные инновационные проекты может рассчитывать общество в гнилой атмосфере такой «растациловки»? Необходимо как можно скорее кардинальным образом изменить ситуацию в управлении научным процессом. И не только в одном конкретном Инновационном центре «Сколково», а по всей системе. Естественно, мы – научное сообщество социологов России – готовы принять самое активное участие в этом благом начинании, направленном на очищение научным рядом от случайных рвачей под видом управленцев, но все же инициатива и главные действия – за властью.

Важный проект нашего Института, который с этим связан, это – экономика и социология науки и образования, т. е. экономика и социология социальной науки. Хотим разобраться в том, как наука входит в систему образования и как эта система образования готовит кадры, которые смогут войти в систему научного управления обществом. На этом пути мы подошли к конструированию новой системы показателей и индикаторов развития науки, показателей и индикаторов системы образования. Я думаю, как на Сталинградском фронте, мы подтянем все резервы, все делаем, а после мощно ударим. Поэтому особенно не пропагандируем заранее эту работу. Это первое.

Второе, мы поддерживаем и даем научное обоснование некоторым проектам, сотрудничаем с представителями естественных наук. Скажем, наше общество часто в искаженном виде воспроизводит советское общество: какие могут быть инновации, если есть план и под него предусмотрены ресурсы?

Для того, чтобы инновации внедрить во что-то, нужны средства, нужны новые решения. Мы поддерживаем в этом плане группу ученых-естественников, которые решают проблему утилизации парниковых газов. Обеспечиваем их открытиям социальную экспертизу, способствуем популяризации их идей среди истеблишмента. Парниковые газы могут быть преобразованы в энергию, т.е. речь идет о непрерывном процессе воспроизводства энергии.

Одновременно с нами англичане разрабатывают проект парниковых газов, на что выделяются миллиарды фунтов стерлингов. У нас, когда для этого проекта требуется выделить 50 или 100 миллионов рублей, это уже проблема, которую не может решить даже Президент страны. Причем ему докладывали, проблема-то решена лабораторным способом, речь идет о том, чтобы еще раз воспроизвести процессы утилизации парниковых газов на более широком уровне.

БД: А какие-либо зарубежные структуры, знают о том, что вы решили эту задачу?

ГО: Понимаете, это настолько сложная задача, что зарубежные структуры, десятки, сотни научных организаций, даже в кошмарном сне не представляют, что в России эта проблема может быть решена. Они рассматривают это как шутку или какое-то приближение к возможному решению проблемы. Да и мы не можем публиковать научные материалы, ряд из них засекречен.

Следующий наш большущий проект, который имеет практическое значение, очень важное для изменения ситуации в мире, это - трансконтинентальный, интегральный коридор, который свяжет через Азию – северо-восточную и Юго-восточную – Америку с Европой. Конечно, мы не являемся специалистами в области транспорта, но над этим проектом мы работали с огромной группой инженеров, техников, ученых. Во-первых, он изменит ситуацию, связанную с положением наших регионов в Сибири и на Дальнем Востоке, предотвратит развитие целого ряда негативных процессов, но самое главное – это решение проблемы нормального, серьезного партнерства с США. С тем, чтобы избежать, в конце концов, шантаж со стороны других стран, которые на наших противоречиях только и живут.

БД: Ну да, Вы об этом вчера говорили.

ГО: И кроме того, у нас уже есть ряд локальных проектов.

Скажем, проект, связанный с изучением единства духовно-нравственных основ главных мировых религий. Если взять Коран, Талмуд, Библию, если выделить суть этих верований, то они не противоречат друг другу. Этот проект осуществляет Институт с тем, чтобы показать, что идеология ислама – это не ваххабизм, а идеология, направленная на совершенствование человечества. То же самое и с другими основными религиями.

Раскрою еще большой проект, он связан с социальным риском, который заложен в фундамент перехода к информационно-вычислительному обществу и, кроме того, предполагает подготовку по-настоящему современных, углубленных учебников, учебных пособий с тем, чтобы студенты, аспиранты овладевали новыми знаниями, по-новому понимали ту реальность, которая их окружает.

БД: Сколько сейчас в стране факультетов социологии?

ГО: Не менее пятидесяти, а кафедр, наверное, полторы тысячи. И некоторые кафедры называются социологии и социальной антропологии, социологии и политологии. Это очень много, но причем, к сожалению, многие социологи не знают иностранных языков, не знакомы серьезно с зарубежной литературой, что необходимо, чтобы понимать целостный процесс развития науки, и в результате переписывают друг у друга, причем, на очень низком уровне понимания отдельные положения. Может ли социолог, который готовит и издает учебник по социологии Италии, социологии Франции, Германии, Англии, наконец, пусть даже по социологии России, не знать ни одного иностранного языка? Для меня это нонсенс, который, увы, в современной России широко распространен.

Настоящий специалист по социологии Франции должен знать не только этот предмет, но и экономику Франции, ее культуру и так далее во всех деталях. Должен знать, какой вклад Дюркгейм, Вебер, другие социальные ученые внесли в становление социологии во Франции и в целом в мировую социологию. Вот о чем речь идет.

БД: У нас только один Александр Гофман мощно углубился во Францию.

ГО: Во Францию, да. Но когда выходит за пределы... Я не хочу его критиковать, ведь принимал его в свое время на работу.

Я ответил на Ваш вопрос? Будете создавать мусульманскую социологию?

БД: Создавать – нет. Но проблема взаимоотношений социологии и религиозного сознания меня по-прежнему живо занимает. В прошлом году я провел интервью с петербургским социологом Владиславом Бачининым, Ядов не хотел публиковать его, но потом написал, что коллеги рекомендовали ему

опубликовать интервью [6]. Бачинин – убежденный протестант, и он вообще не видит возможности существования атеистической социологии. Моя точка зрения значительно ближе к тому, что Вы сказали, чем к Бачинину, но я думаю, что он – не единственный, кто так считает. Потому я ожидаю, что в ближайшее время у В. Бачинина появятся сторонники – к примеру, А.Г. Дугин – считающие, что социология должна базироваться также и на религиозной основе.

ГО: Борис Зусманович, тот, кто так говорит – экстремист, мы против навязывания точек зрения. Пусть человек придерживается протестантской социологии, но есть определенное понятие Науки. А наука не может быть ни русской, ни армянской. Возьмем того же Дугина, Бог с ним. Я потерял время, когда стал смотреть его работу. Пусть занимается самовыражением, человеку естественно заниматься самовыражением. Из моих друзей в Израиле, тамошних социологов, никто не станет утверждать, что есть еврейская социология.

БД: Конечно, ученый так никогда не скажет.

ГО: Есть наука, с другой стороны, есть вера. Он верит, слава Богу. Вы можете быть верующим, я могу быть верующим, мы по-разному можем относиться к вере, соблюдать обычаи или не соблюдать, верить или не верить. Но, с другой стороны, это все схоластические споры.

БД: Я как-то беседовал с Андреем Здравомысловым. Он был в этом вопросе очень категоричен, и мне это нравилось.

Чем вызвано проведение в этом году двух конгрессов российских социологов? По-вашему мнению, такое размежевание надолго или наше научное сообщество заинтересовано в единстве? Возможно ли оно в ближайшие годы?

ГО: Мне бы не хотелось особенно этот вопрос поднимать, будировать. Это вызвано только амбициями и стремлением одной группы людей руководить всеми социологами России. Только амбиции. Вспомним, Советская социологическая ассоциация распущена, через два года создается РОС. В промежутке создается Российская академия социальных наук. Меня и ряд других социологов даже не пригласили поучаствовать в создании РОС. Не спросили мнения об этом вопросе. Т.е. большая группа социологов, которая создавала ССА, оказалась вне этого общества. РОС хочет командовать всеми. Вот они сейчас проводили конгресс в Уфе, и слава Богу. Мы пальцем не пошевелили, что-бы им помешать.

Руководство РОС претендует на статус преемников, наследников ССА, но они же ее и разрушили. У меня стенограмма их

заседания есть, М.К. Горшков передал в свое время. Я даже не дам Вам этот документ для публикации, так как он очень неприятный. РОС претендует на преемственность, но объявил войну Академии наук. Но социологи-то сосредоточены в двух академических институтах, которые заслужили огромное уважение со стороны общества! Сплошные парадоксы!..

Оказалось, между прочим, что социологическими обществами, которые имеют общероссийский статус, являются только Российская академия социальных наук и, хотя я считаю это не совсем оправданным, но так получилось, - Российская социологическая ассоциация, созданная на базе МГУ. Они имеют общероссийский статус. Это ассоциации, созданные на основе решений всех регионов России. Других таких в российской социологии нет, и больше не будет зарегистрировано, так как на это наложен запрет.

БД: Как Вы считаете, в ближайшее время возможно здесь какое-то успокоение? Движение к единению?

ГО: Мы работаем в этом направлении. 5 декабря будет утверждено Общество социальных наук, которое имеет соответствующую структуру и открыто для приема всех ученых.

БД: Это в рамках Академии наук?

ГО: Нет, оно создано на базе ведущих университетов страны, на базе институтов социального и гуманитарного профиля Академии наук и при активном участии представителей деловых кругов. Общество ставит следующие вопросы. Первое: интеграция в области экономики, всех кафедр, факультетов, которые занимаются экономикой, с тем, чтобы было определенное единство. Это то, что касается университетов. Второе: интеграция, опять же, в области экономики университетской и академической науки. Это общественное образование будет иметь Директорат. Я избран Президентом. Все это делается для того, чтобы сблизить и координировать деятельность различных кафедр, занимающихся экономикой. Это будет серия совместных изданий, конференций. С другой стороны, кафедры экономики различных университетов сближаются с научными организациями, работающими в области экономики; наука и образование, но ни наука не поглощает образование, ни образование не поглощает науку. Такая же система разработана в области социологии и сближения экономики и социологии.

БД: И сюда же входит демография, антропология?

ГО: Да, все это в единой системе: экономика, социология, политология, демография, социальная психология. Университеты, наука и их интеграция...

БД: Интересно, а какой-либо аналог этого есть? Вы знаете? В Европе, скажем.

ГО: Нет в Европе. Иногда приятно идти своим собственным путем. И мы Вас на будущий год, может быть, в это же время или пораньше, пригласим на Первый Всемирный конгресс социальных наук.

БД: Интересно. Приеду.

ГО: Мы сейчас связываемся с ЮНЕСКО с тем, чтобы мероприятие это включили в его план и оказали патронирование по линии этого подразделения ООН.

БД: Возникает совсем иной образ науки. Я как-то об этом не размышлял. Это уже дальше социологии... надо думать.

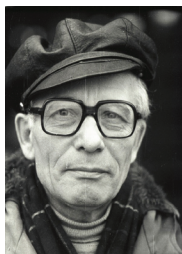
ГО: Возьмите нашу экономику. У нас нет серьезной экономической науки. Есть философия экономики.

БД: Да, наша экономика совсем иного плана, чем в мире.

ГО: Один мой друг всю жизнь был плановиком и вдруг стал рыночником. Ну как можно сейчас стать рыночником, специалистом в области менеджеризма, не зная математики? С другой стороны, все экономисты придерживаются позиции экономического детерминизм. Будут деньги, все будет. Но будут деньги, а общество продолжает загнивать. Люди будут деградировать. Мир в XXI веке кардинально меняется, и поэтому главной фигурой становится человек во всех его аспектах. Если упустить этот момент, то неизвестно, чем это нам всем аукнется.

Примечания

1. Лапин Н.И. Наша социология стала полем профессиональных исследований, свободных от идеологического диктата // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 111-148.
2. Филиппов Александр Фридрихович (1958 г.р.) — российский социолог.
3. Лозанский Эдуард Дмитриевич (1941 г. р.) - американско-российский публицист и общественный деятель.
4. Учредительная конференция Общества социальных наук состоялась 12 декабря 2012 года в Институте социально-политических исследований Российской академии наук. Председателем общества избран академик РАН Г.В. Осипов
5. Козер Л.А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Изд-во Норма. 2006.
6. Бачинин В.А.: «...Объединяющим началом веры и науки выступает личность ученого-социолога, его мировоззрение» // Социологический журнал, 2010. №3. С. 123-147.

Ядов В.А. – окончил философский факультет Ленинградского государственного университета, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН, руководитель Центра теории и историко-социологических исследований ИС РАН, профессор факультета социологии Государственного академического университета гуманитарных наук, главный редактор «Социологического журнала», Москва. Основные области исследования: методология и методы социологии, социология труда, социальных изменений, личности, современные теории.

Интервью с В.А. Ядовым, проведенное в 2005 году, см. в томе 2. Настоящая беседа с ним состоялась в 2013-2014 гг.

**В.А. ЯДОВ:
«НАМ ОДНО
ОСТАЕТСЯ:
ЧЕСТНО ДЕЛАТЬ
СВОЕ ДЕЛО»***

У меня есть все называть проект по истории современной/русской социологии, который уже почти десять лет присутствует на страницах «Телескопа», «ядовским». И это не только потому, что Владимир Александрович Ядов принадлежит к весьма немногочисленной группе ученых, которые стояли у истоков отечественной социологии. Причины называть его ядовским – значительно более конкретные, осязаемые. В 2004 году он позитивно отозвался о моем первом историко-биографическом опыте – статье о Б. А. Грушине [1]. В 2005 году наш обстоятельный разговор через океан – интервью с ним, проведенное по электронной почте, стало сильнейшим импульсом к проведению продолжающейся и

* В.А. Ядов: «Нам одно остается: честно делать свое дело» (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2014. № 2.

сейчас серии интервью с российскими социологами разных поколений. В 2007 году В.А. Ядов предложил мне ответить на его вопросы о методологии интервью и первых выводах моего историко-биографического исследования. Этот «разговор через океан» дал мне возможность обобщить сделанное и уточнить направления моих дальнейших поисков. В начале 2013 года Европейский университет в Санкт-Петербурге опубликовал мою книгу «Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории», которая с глубоким уважением и признательностью посвящена В.А. Ядову. Таким образом, публикуемое ниже интервью с В.А. Ядовым – лишь один из фрагментов наших постоянных обсуждений процесса становления и более чем полувекового развития отечественной социологии. И я благодарен судьбе за то, что она предоставила мне такую возможность.

Борис Докторов

Володя, какие чувства ты как один из тех, кто стоял у истоков нашей науки, испытываешь, видя такую метаморфозу: «ничего» превратилось в институционализированную науку?

Институализация наряду с пользой принесла немало вреда. Дурные ее последствия ощущаются сильнее – естественная защитная реакция, свойственная всему живому. Признание социологии (как и политологии), нормальной наукой имело следствием торопливое создание кафедр, кое-где и факультетов при отсутствии кадров преподавателей. «Научные коммунисты» объявились политологами, философы – социологами. Новоявленные социологи преподавали по имевшимся на то время учебникам, т.е. осиповской «Рабочей книге социолога», книге Яна Щепаньского «Элементарные понятия социологии», моему пособию и паре других. Собственного исследовательского опыта у неофитов не было, теоретические знания ограничивались истматом и работами Игоря Кона, да Юрия Замошкина. Труды классиков (Вебера, Дюркгейма и других) явились в переводе на русский лишь в 90-е. Огромную роль сыграло принятое в начале 90-х по настоянию «ветеранов» социологии, тогда сорокалетних наших коллег, постановление Правительства относительно неперемного повышения квалификации с сертификатом Института повышения квалификации (ИПК) при Московском и Ленинградском университетах. По существу ИПК осуществляли переквалификацию упомянутых выше преподавателей на основе программ, подготовленных теми же советскими первыми социологами и приглашенными для этого зарубежными консультантами. Мы работали над составлением

программ с Энтони Гидденсом и Штомпкой. Гидденсна на двое суток вынужден был отключиться: его желудок не принял московскую пищу. Петр Штомпка, хорошо владеющий русским, трудился за двоих.

Я договорился с ЦК ВЛКСМ о создании на базе Высшей комсомольской школы (ВКШ) Высших социологических курсов Российской социологической ассоциации, которыми руководила С. В. Наталушко. Место великолепное – благоустроенные общежития с комнатами на двоих для слушателей и апартаментами для профессуры, библиотека, концертный и танцевальный залы, и все это в ухоженном парке в лучшем месте от центра Москвы. Преподавали там Заславская и Грушин, Левада и Ядов, были очень сильные выпускники.

Трудно переоценить вклад Теодора Шанина. Его программа полугодового обучения наших ребят на курсах при Манчестерском университете с полевой практикой и защитой выпускной работы на английском подарила нам таких профессионалов, как Вадим Радаев, Елена Ярская-Смирнова и будущий ее супруг Павел Романов, Лена Данилова и еще многих, ставших наставниками десятков молодых специалистов (по твоей схеме – пятого, шестого поколений социологов).

К сожалению упомянутые ИПК через полтора года закрылись из-за финансового кризиса, а Центр на базе ВКШ протянул три года и выпустил около ста молодых энтузиастов нашей профессии. Шанинские курсы до сего дня успешно продолжают действовать, теперь как стационарное учебное заведение – Московская высшая школа социальных и экономических наук, выпускники получают наряду с московским диплом Манчестерского университета.

Сегодня мы наблюдаем и невольно участвуем в попятном движении в образовании, начиная со школьного. Ситуация с образованием общеизвестна. Что же касается университетской подготовки по нашей профессии, то качество ее очень различается: с одной стороны НИУ ВШЭ, с другой – соцфак МГУ, декан коего был уличен в плагиате и где создан Центр консервативных исследований во главе с Е.Г.Дугиным, лидером неоевразийского движения к тому же старообрядцем.

Само собой было бы непростительным недооценивать факт институализации социологии. При всех огрехах ситуация с подготовкой профессионалов в нашей области меняется к лучшему. Так, последний Госстандарт по социологии позволяет университету самостоятельно программировать почти половину учебной нагрузки магистратуры. Это приведет к большей специализации обучения и вместе с тем выявит лидирующих в профессии. Все зависит от нас самих.

Вспомним, как активно в СССР развивались исследования образа жизни, сколько было сделано в области социального планирования трудовых коллективов (в том числе, и в Ленинграде) и по ряду других тем. Как ты думаешь, в обозримом будущем результаты этой работы будут востребованы или останутся лишь частью истории нашей социологии?

Почти уверен, что исследования качества жизни останутся востребованными в той же мере, как незаконченный труд Бориса Грушина о четырех жизнях России. Это же бесценный материал для историков страны, это наша социальная история. Боюсь, что не легко будет найти архивы этих исследований. Надо немедленно заняться их поисками. Попрошу Валерия Мансурова обратиться к региональным вице-президентам РОС.

Как ты думаешь, может ли произойти, если уже не произошло, расщепление послевоенной советской/российской социологии на две, скажем: доперестроечную и постперестроечную. И затем – забвение своего прошлого, аналогичное тому, что мы уже пережили: до недавнего времени почти полное незнание дореволюционной и ранне советской социологии.

Расщепление, как мы знаем, это свершившийся факт. Незнание дореволюционного прошлого нашей социологии объяснялось в первую очередь стремлением освоить современные ее достижения, преимущественно в методологии. Поэтому я полагаю, что ситуация не повторится. Есть известные тебе доказательства. Команда Шубкина, к примеру, продолжает работу, используя его инструменты. И правильно: получаем надежно сопоставимые данные о сдвигах в критериях социального расслоения.

Володя, твой пример про команду Шубкина – о другом. Это Давид Константиновский, его ученик и друг... Я имею в виду 40-летних и моложе... Будут ли они рассматривать себя продолжателями советской социологии или «отгородятся» от нее?

Прости, но я не понимаю что означает твое «продолжатели советской социологии». Советская и постсоветская различаются прежде всего проблематикой и, во-вторых, в некоторой мере – приверженностью к той или иной методологии. Качественники размножаются стремительно. Есть и будут продолжатели определенной школы, т.е. определенной проблематики и методологии. Шубкинская школа жива, и почему не предположить, что сохраниться надолго? Грушинские чтения, как и конференции в память Геннадия Батыгина определенно свидетельствуют об интересе к научному наследию лидеров

этих школ. Давай согласимся с Тютчевым: «Нам не дано предугадать как слово наше отзовется»...

В последние годы ушло несколько человек, дорогих нам не только как профессионалы, но и как личности. Давай поговорим о них, это тема трудная, но нам надо и с ней справиться...

Ты задал непростую задачу, сказать о наших товарищах что-то ранее не сказанное. Мне представляется, что стоит поговорить о стиле их работы: «человек это стиль». Википедия приписывает фразу французскому натуралисту 18 века Бюфону, который, правда, сказал несколько иначе – «стиль – это человек». Хочу напомнить, что советский психолог Вольф Соломонович Мерлин целенаправленно исследовал проблему индивидуального стиля деятельности и пришел к выводу, что разные люди способны решать поставленные им задачи разными индивидуальными «манерами».

Игорь Кон, например, прежде, чем приступить к работе над некоторой проблемой, затрачивал уйму времени на поиски литературы, исчерпывающей предмет к данному времени. Я уже говорил, что проект «Ценностные ориентации» мы начали с переходом всей командой в ленинградский отдел ИКСИ, которым руководил Игорь. Долгое время мы не могли сколь-нибудь продвинуться в разработке программы по той причине, что Игорь, выслушав каждого, неизменно заключал: об этом писал такой, а проблема, о которой говорил (обращается к «неучу») хорошо известна. И называет источники. Игорь сам предложил мне взять на себя руководство, продолжая приходить на рабочие обсуждения программы. Я пытался, как считал, в меру дозировать знакомство с литературой, отсекая все пограничное, и мы начали продвигаться.

В общем скажу, что стиль работы Игоря Кона – это стиль ученого книжника, притом работающего в одиночку, о чем он рассказывает в своих мемуарах.

Стиль Бориса Грушина – прямо противоположный. Борис предпочитал командную работу, поскольку это были массовые обследования и программу проекта сочиняли коллективно [2]. Подобный стиль деятельности идеально отвечал его характеру и темпераменту крайнего экстраверта, в отличие от явного интроверта Кона. Игорь, к слову сказать, начиная говорить, не был способен прерваться, а Борис немедля подавал реплику, а затем продолжал свое. Замечу, что мы с ним в смысле стиля очень похожи.

Стиль деятельности Юрия Левады, я бы сказал, – нечто среднее между двумя описанными. Он, был книжник, но не «книжный червь», как Игорь Кон. И вместе с тем он являл-

ся великолепным лидером в коллективной работе. Не говорю о ВЦИОМе, в самые мрачные годы Левада вел свои знаменитые семинары, участвовать в которых стремились и зарубежные коллеги. Интересно, что по характеру Юрий был интровертом, что сказывалось и на его отношении к другим исследователям. Одних он полагал интересными для себя и был готов часами обсуждать интересующую его, или собеседника проблему, быстро вникал в нее и мобилизовал свои знания по предмету. Неинтересных для себя он сторонился, экономил время ради дела, которым был занят в данное время.

Володю Шубкина читаем литературы по предмету я бы не назвал. Но он запоем читал беллетристику и стихи. Любил театр, в любимовском «Современнике» был своим человеком и, кажется, входил в художественный совет непослушного театра. Он, как известно, публиковался в «Литгазете» и являлся членом Союза писателей. В шубкинском стиле отличительной чертой было товарищество; не случайно он предпринял мини-исследование в своем отделе в Академгородке и составил социо-матрицу тесноты взаимосвязей в группе. Матрица удостоверила сплоченность их коллектива, никого не обидела. Володя, как и Грушин, отличался методологическим я бы сказал изобретательством. Если Грушин придумал выборку опрашиваемых пассажиров поезда дальнего следования (люди из разных регионов страны), то Шубкин нашел простейший и «невинный» способ выявить, в какой мере в стране социализма наличествует социальное расслоение: опрос выпускников школ и данные о продолжении образования. Этот проект стал классикой нашей социологии, продолжается его учениками до сего времени. Шубкин первым инициировал исследования качественными методами, которые в то время в мировой социологической практике модными вовсе не были. Он утверждал, что личность статистически исчислить нельзя [3]. Кстати о социометрии Морено Володя тоже не знал, сам изобрел методику. Писал он легко и быстро великолепным и доступным непрофессионалам стилем. Был, как мы говорим сегодня, подлинно публичным социологом. Впрочем здесь он не отличался от Кона, Грушина и Левады.

На стиль деятельности Андрея Здравомыслова наложило отпечаток его тяжелое ранение, полученное в блокадном Ленинграде; он долгие годы провел в больницах, там закончил школу и поступил в Ленинградский университет, и всю жизнь сильно сутулился. Уверен, что по этой причине Андрей инстинктивно подчеркивал, и вполне заслуженно, свое первенство и, выступая, обычно вставлял фразу «как я писал». Он предпочитал публиковаться самостоятельно, коллективные публикации противились его натуре. Андрей основательно

«перелопачивал» литературу по предмету, в отличие, например, от того же Грушина (и меня) и был склонен к историко-социологическим сюжетам.

... а что ты мог бы сказать о стиле работы Татьяны Ивановны Заславской?

Татьяна – мужественная труженица на поприще науки. Она отличается от всех нас не свойственным другим «благородным происхождением», она – из профессорской семьи с глубокими научными и культурными традициями. Она с юности вела дневник и бережно хранит переписку с членами их дружной семьи. Татьяна никогда не позволяет себе воспользоваться «рыбой» в отзыве на диссертации, внимательно вчитывается в многостраничный текст диссертаций, не авторефератов, как многие это делают. Столь же тщательно правит она собственные сочинения – привычка экономиста перепроверять расчеты. Работает и сейчас очень много, не смотря на не лучшее самочувствие. Работоголик, как и другие из нашей компании, она предпочитает строго академический стиль изложения. В коллективной работе – строгий руководитель, очень требовательна. Круг ее друзей, как правило, остается постоянным, новые знакомства дальше приятельских не заходят*.

В последние годы в статьях Л.Д. Гудкова, А.Ф. Филиппова и ряда других наших коллег звучат резко критические замечания относительно проводимых российскими социологами теоретико-методологических поисков. Что ты скажешь по этому поводу?

В этой области россияне далеко не лидируют, согласен. Но и ожидать особых успехов после многолетнего «втискивания» интерпретации данных в марксистские категории было бы наивно. Не говорю уж о выдвижении оригинальных теоретических идей. И все же я бы не стал так резко судить о нынешнем состоянии концептуальных, скажем более осторожно, продвижений. Новации Александра Фридриховича представляются мне сомнительными, о чем уже приходилось говорить. Я думаю, что заслуживают серьезного внимания изыскания Леонида Ионина, который по сути предвосхитил Дж.Александра в том, что сейчас называют культуральной социологией. Я имею в виду его концепцию «инсценировок», т.е. публичной демонстрации личности тех или иных сообществ, опиравшуюся на отечественные реалии. Сейчас эта проблематика стала модной под наименованием новых меньшинств

* БД: Это было написано В. А. Ядовым за несколько недель до смерти Т.И. Заславской.

[4]. Можно смело утверждать, что Виктория Семенова и Елена Рождественская лидируют в области современной социологической биографики. Виктория возглавляет соответствующий исследовательский комитет в МСА и издает двуязычный журнал «INTER». К настоящему времени вышло шесть номеров, последний – в 2011 году.

Не буду продолжать перечень достойных упоминания коллег, а мог бы. Я сто раз говорил тебе, что, не смотря ни на что, остаюсь оптимистом. Стоит ли сомневаться, что в новых поколениях отечественных социологов, активно включающихся в мировое сообщество, найдутся и выдающиеся таланты?

Хороший вопрос. Напрямую диспо-концепция описывает индивидуальное социальное поведение. Сумма индивидуальных, как известно, не есть массовое сознание. Массовым сознанием Борис называл сознание многочисленных групп, а точнее восприятие этими группами определенных событий, явлений и т.п., притом по разному. И это не массовое сознание по Ортеге-и-Гассету как деиндивидуализированное, индокринированное тотальной пропагандой или массмедиа. Полагаю, что специфические особенности массового сознания социальных групп в грушинской трактовке диспо-концепция вполне схватывает. В электоральных опросах фиксируются различия в доминирующих ценностях и одновременно в диспозициях двух нижележащих уровней: отношением к некоторой типичной жизненной ситуации (например, выборам Президента) и к поведенческой готовности (намерен ли участвовать в голосовании). Обычно спрашивают: Каковы Ваши общественно-политические ориентации (свободный рынок или рынок с участием государства)? Какая из партий Вам ближе (список партий кандидатов)? Если сегодня выборы, пойдете голосовать (варианты действий)?

Есть интереснейшая проблема, связанная с влиянием общесоциальных условий на диспо-регуляцию социального поведения людей. Позволю себе пространную ссылку из книги, это заключительный пассаж. Вот он: « Если рассматривать диспозиционную регуляцию поведения сограждан в нынешнем российском обществе, то можно с большой уверенностью предположить, что высший диспозиционный уровень – концепция жизни, определяющая стратегию социального поведения, – резко ослаблен. Доминирующий у подавляющего большинства населения прагматизм «переадресует» функцию основного регулятора действий людей в их жизненном пространстве обобщенным аттитудам, т.е. регуляторам поведения в типичных ситуациях повседневности. Конечно, остаются политические деятели, отверженцы тех или иных идеалов, самоотверженные исследова-

тели и деятели культуры, страстные фанаты спорта и т.п. Доля таких граждан не сопоставима с массой обывателей. Пока что не удалось провести аккуратное исследование, чтобы проверить высказанное здесь предположение. Будем надеяться, что кого-нибудь этот проект заинтересует». Следовало бы уточнить, что прагматизм может быть осознанной доминирующей ценностью. Хотя вряд ли многие готовы в этом признаться интервьюеру.

Как можно было осуществить такую проверку?

Лучше всего повторить исследование на современных инженерах конструкторских бюро с применением тех же инструментов, не всех, конечно – 25 методик не потребуются. Важно фиксировать общую направленность интересов в отношении работы и внерабочего времени. На этом диспо-уровне доминируют когнитии. Массовые опросы демонстрируют резкий сдвиг интересов сограждан в сторону обустройства своей жизни и отношения к работе как к вынужденной деятельности ради желательного лучшего обустройства. Мы переживаем историческую стадию потребительского общества как реакцию на прежнее катастрофическое недопотребление – эффект так называемой относительной депривации потребностей, в данном случае – общенациональной зависти к преуспевающим странам Золотого миллиарда.

Второй диспо-уровень обобщенных аттитюдов согласно теории характеризуется относительным равновесием когнитий, эмоций и поведенческих намерений (коннотаций). Здесь уместно использовать индексные признаки «инженеров по призванию» и «инженеров поневоле». Ожидаем, что доля первых будет существенно меньше, чем в 60-е годы.

Низший диспо-уровень поведенческой готовности – когнитивно-эмоциональный, когнитии явно не выражены. Соответствующая методика «Проективные ситуации», которую разработали мы с Галей Саганенко и всей командой долго вымучивали в пробах, имела очень высокую устойчивость 81%. Инженеры должны были сделать выбор из нескольких воображаемых вариантов. Например, вопрос №4. Вам предстоит выполнить довольно большую работу, состоящую из множества операций (или этапов), причем операции типа «А» сложны и требуют самостоятельных решений, операции типа «Б» несложны или могут быть выполнены по имеющемуся образцу. Эта работа дана Вам вместе с инженером «Х». Как Вы разделите обязанности, имея в виду, что уровень подготовки у Вас и инженера «Х» примерно одинаков, но решение о распределении работы принадлежит только Вам? Ответы: а) операции «А» и «Б» распределю равномерно между нами; б) большинство операций типа «А» — ему, остальное — себе; в) большин-

ство операций типа «Б» — ему, остальное себе.

Можно ожидать, что любителей выполнять сложную работу сегодня окажется гораздо меньше, чем тех, кто захочет быстрее сплавить чертеж, сделанный по привычному шаблону.

Следует вычислить корреляционные графы по Л. Выханду*, чтобы установить прямые и опосредованные взаимосвязи между тремя диспо-уровнями. Имеются серьезные основания ожидать «отслаивания» высшего уровня с доминантой когний от нижележащих. Исследование такого типа гарантирует добротную кандидатскую защиту. Это было бы интереснейшим свидетельством трансформации массового сознания на примере социальной общности «инженеры постсоветской России».

Я примерно такого содержания ответ и ожидал, ранее ты просто заметил, что диспо-концепция описывает лишь индивидуальное социальное поведение. А теперь задача. В начале 1980-х американский историк Алан Лихтман и российский геофизик Владимир Гейлис-Борок создали метод прогнозирования итогов очередных выборов президента США. Впервые они опубликовали свой прогноз в 1984 году, последний – в 2012 году. 8 прогнозов из 8 – верные. Принципиально, что прогнозы базируются не на опросах общественного мнения, а на 13 экспертных шкалах, которые характеризуют социально-экономическую ситуацию в стране; при этом, эксперт один – сам Лихтман. Потому прогноз делался за много месяцев до дня голосования, когда не было известно даже, кто будет представлять на выборах Демократическую и Республиканскую партию. Лихтман утверждает, что через 1,5-2 года после начала президентства нового главы государства избиратели знают (настраиваются), переизберут они его или нет, поддержат нового кандидата от партии президента или призовут в Белый дом представителя другой партии. И потому замеры динамики общественного мнения избирателей не очень-то и нужны. Можешь ли ты, исходя из диспо-концепции, предложить объяснение такой стабильности установок избирателей (в целом, не на индивидуальн

Я знаю об этом методе электорального прогноза из твоей публикации. Диспо-концепция в данном случае не релевантна. Лихтман и Гейлис-Борок анализируют статистики реального поведения граждан в динамике, а не их намерения. Намерения же, как мы знаем, далеко не всегда реализуются. Что же до стабильности электоральных предпочтений, то объяснения следует искать в особенностях американской культуры и мента-

* БД: Корреляционный граф – особое графическое представление корреляционной матрицы, предложенное эстонским математиком и биологом Лео Выханду. Этот способ описания и анализа зависимостей между набором переменных использовался советскими социологами до начала применения многомерного факторного анализа.

литета американцев. Ты, наверное, сможешь это прокомментировать. Теперь представь, что алгоритм двух названных авторов использует российский предсказатель. Стоит ли говорить, что он позорно оскандалится. Я помню как мы с Мансуровым в начале 90-х придумали вопрос для проверки знаний избирателей: в перечень партий наряду с КПСС, ЛДПР и не помню еще какими значились «Кухтеристы» (Сережа Кухтерин был тогда помощником директора). Партия Жириновского уступала мнимым кухтеристам. Сегодня картина не лучше. Избиратели понятия не имеют о программах новых партий, да и названия многих из них впервые узнают из предложенного списка.

Скажи мне пожалуйста, появились ли, скажем, в последние 10 лет результаты социологических исследований, по масштабам сопоставимые с «Человеком и его работой», «Человеком после работы», грушинским «Таганрогом», шубкинским исследованием выпускников, изучением Т.И.Заславской Сибирской деревни? Если «да», что это за проекты? Если нет, то почему? Финансовые причины, неверие в то, что результаты исследования будут использоваться властью, нежелание ввязываться, отсутствие куража...?

Думаю, что здесь прежде всего надо иметь в виду радикальное различие в общеполитической ситуации. Тогда названные исследования воспринимались как прорыв к знанию реалий советского общества плюс пособие по методологии в новой дисциплине. Нынче такой фокус восприятия отсутствует. Фундаментальные дорогостоящие и требующие немало времени проекты сейчас практически невозможны. Исключение – проект Полины Козыревой «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE); это – длительный общероссийский мониторинг на основе опроса по выборке домохозяйств (разработана Кишем) и охватывающий решительно все стороны повседневной жизни граждан. Исследование было начато в 1992 году под эгидой Росстата и до сих пор остается важнейшим источником информации об условиях жизни россиян и состоянии умов сограждан.

Проект Николая Лапина, так же мониторинг, позволяет отслеживать вяло текущие процессы преодоления социо-экономических разрывов между регионами страны. Его же мониторинг ценностных ориентаций, об интегрирующих и дезинтегрирующих ценностях – отличный источник информации о состоянии общественного сознания в этом случае по Марксу как надстройкой над экономическим базисом в переходный период от госкапитализма к рыночному капитализму.

Я полагаю особо важными компаративные межстрановые

проекты, в особенности посткоммунистических стран. Здесь и вторичный анализ статистик глобальных и европейских исследований (В.Магун, О.Шкаратан, другие), и межстрановой проект с нашим ключевым участием (НИУ-ГУ ВШЭ) под руководством израильского ученого Шмуля Айзенштата, и наш российско-польский проект об идентификационных сдвигах, российско-китайские и российско-монгольский проекты ИС РАН, российско-украинский проект, который проводился под руководством Татьяны Заславской.

Боюсь, что перечень достойных упоминания исследований займет много места. Следует принять во внимание важность отслеживания не только макро-трансформационных сдвигов, но и казалось бы микро-изменений, каковые способны побудить волну изменений. Вспомним Илью Пригожина: в неустойчивой системе и малый импульс оборачивается трансформационным зарядом. Путинская стабильность кажется сегодня чуть ли не вечной. И не хотелось бы очередной судьбоносной перестройки. Но Россия – часть общеглобальной системы в турбулентном режиме экономических, политических и военных потрясений.

Поскольку речь зашла о путинском периоде, то как бы ты охарактеризовал политико-нравственную ситуацию последних лет в России? Ты не припомнишь, на серии конференций Т.И.Заславской с первоначальным названием «Куда идет Россия?», а с 2004 года – «Пути России», вы допускали, что в стране сложится подобная ситуация?

В деталях подобное не предполагалось. Вместе с тем, историки говорили о циклизме социально политических процессов в России, о всегдашней апатии населения, следующей за резкими переменами, а социологи демонстрировали соответствующие тренды. На конференции «Кто и куда стремится вести Россию» обсуждали возрастание роли крупного бизнеса и бюрократии. Постоянно говорилось об отсутствии конструктивной мобилизирующей национальной идеи, место которой занимает поиск внешнего врага. Так что можно сказать, что в принципе ухудшение общей ситуации достаточно обоснованно ожидалось. Больше того вследствие единодушия относительно ближайшего будущего страны, темами конференции становились более «частные» проблемы, например, состояние социальных наук и др.

Как на твой взгляд будет развиваться ситуация с Законом об «иностранных агентах» и, в частности» – что реально угрожает «Левада-Центру» и социологическому сообществу в целом?

Это очень важный вопрос. Мне представляется, что здесь имеет место хорошо продуманная «пошаговая» провокация.

Смотри сам. Власть не могла не предвидеть бурную реакцию со стороны «либералов». Чем больше шума в массмедиа, тем более широкие слои населения узнают о происках закулисы. Своими протестами мы, значит, подливаем горючее в огонь. А тут еще кто-то надоумил вмешаться германских интеллектуалов: десятки подписей в защиту «агентов Запада». Что и требовалось. Простые люди должны сомневаться в данных неблагоприятных для власти результатов опросов (подтасовки), еще лучше, если нагнетаемая атмосфера недоверия к «людям с анкетой» побудит респондентов отвечать в духе поддержки властных структур подобно тому, как в известном фильме бандюга Суходрищев кричал американскому послу «Не тронь наших», когда тот протестовал против действий полиции по задержанию похитителя алмаза – национального достояния России.

Применительно к Левада-центру и другим НКО это есть принуждение к перерегистрации в статусе коммерческой структуры. Тогда возникнут дополнительные финансовые затруднения (налоги) и, что более существенно, люди станут соответственно относиться к подобным организациям: ради прибыли они готовы на все. Еще хуже с другими НКО. Хороши защитники прав человека, зарабатывающие на своей «благотворительности»! Тупик.

Не берусь заглядывать слишком далеко, коль скоро на общую ситуацию в России влияет множество факторов, не в последнюю очередь опасность всемирного экономического кризиса. Нам одно остается: честно делать свое дело.

Мне представляется, что Геннадий Батыгин – один из совсем немногих, возможно, единственный из своего поколения, кто и в смысле научных поисков, и по части гражданских представлений был близок к твоему социологическому поколению. В какой степени я прав?

«Близок» – понятие не вполне определено. Близок, конечно, как, скажем Нина Наумова и не только она. Но все же он закончил свое философское образование на четверть века позже социологов моего поколения и сазу же вошел в среду социологов ИКСИ. Там помнили и левадовские семинары, продолжали гореть корридорные страсти по части действий Бульдозера. Мы же самообразовывались в совершенно иной среде, о чем писан переписано. Поколение, согласись с Маннгеймом, это люди, формировавшиеся в период некоторого социально важного события. Наше поколение дружно сопротивлялось истматчикам и научкоммунистам, поколение Геннадия не столько защищало свою науку, сколько утверждало ее. Это совсем не одно и то же.

А научные интересы в обоих поколениях были разными. Геннадий особенно близок тебе как инициатор социологической биографии. Биографиями, между прочим, он заинтересовался после публикации интервью с советскими «первопроходцами», каковую инициировал Ричард Градхоф из Билефельда. А истинной страстью Геннадия была все же методология, здесь он был непревзойденным исследователем: обратил внимание на невозможность полного доказательства теоретической гипотезы эмпирическими данными (потому штудировал Новака), начал серию экспериментов по проекту вординг, т.е. адекватности понимания смыслов терминов интервьюером и респондентом. В нынешней «моде» на межкультурные компаративные исследования эта проблема что называется вопиет. Нет пока что такого страстного приверженца обоснования достоверности вывода на основе полевых данных, каким был Геннадий Батыгин.

Володя, у нас был летний перерыв в интервью, спасибо, что согласился на продолжение беседы. Есть два события, по поводу которых я хотел бы спросить тебя в первую очередь.

Выше я задавал тебе вопрос о стиле работы Татьяны Ивановны Заславской... но недавно ее не стало, еще не прошло и 40 дней после ее смерти. Вы долгие годы дружили, ею многое сделано для развития социологии в СССР/России. Что бы ты сказал о Заславской как об ученом и личности?

Думаю, что Татьяну Ивановну отличало обостренное, мучительно даже, восприятие социальной несправедливости. Это находило свое проявление и в тематике ее исследований как социального экономиста, и в гражданской позиции. Почему она инициировала экономсоциологию? Да по той причине, что следовало понять как экономические процессы воздействуют на повседневную жизнь людей и структурные изменения в обществе с тем, чтобы ослабить многообразные детерминанты социальной несправедливости. Не экономика сельского хозяйства, но условия жизни людей в деревнях были в фокусе исследований школы Заславской. «Новосибирский манифест» утверждал необходимость перестройки системы государственного управления экономикой, отказа от администрирования сверху донизу и «перехода к экономическим методам регулирования производства» (Заславская Т.И. «Новосибирский манифест», 1983 г.).

Сам термин «перестройка» впервые прозвучал в этом историческом докладе Заславской и Аганбегяна. Прорабы перестройки, подготовили к апрельскому пленуму ЦК КПСС 1988

г. публицистический сборник под редакцией Ю.Афанасьева «Иного не дано», который начинался статьей Заславской «О стратегии социального управления перестройкой». Увы, «дано» было совсем не то, к чему стремились романтики шестидесятники. И Татьяна Ивановна вместе с Теодором Шаниным инициировала ежегодные международные конференции «Куда идет Россия?». 20 томов материалов этих конференций обществоведов – глубокий анализ процессов «постперестройки». Ведущие Россию [5], однако, преследуют свои интересы, лишь спорадически перед очередными выборами бросая подачки гражданам страны.

Татьяна радикально перестроила деятельность ССА, президентом которой была избрана в 1991 г. Ассоциация заявила себя как независимая гражданская структура. Президиум ССА во главе с Т. Заславской выступил против кровавого разгона демонстрантов в Тбилиси 9 апреля 1989 г. и Вильнюсе (май того же года), создал рабочую группу из армянских и азербайджанских социологов для поддержания диалога в период нагорно-карабахского конфликта (1987 – 88 гг). Именно от ССА она была избрана на первый Съезд Народных депутатов и стала деятельным членом непослушной Межрегиональной депутатской группы, противостоящей «агрессивно послушно-му большинству».

Общеизвестна ее роль в создании ВЦИОМ вместе с Грушиным и Левадой. Трудно перечислить заслуги Татьяны Ивановны как ученого и гражданина. Ко всему прочему Татьяна фантастически скрупулезно вычитывала тексты коллег, испещряя их замечаниями и советами. Была предельно внимательна к собеседнику, вживалась в его заботы. Общаться с нею было удовольствием, а дружить – истинной жизненной наградой.

Вторая тема – затеянное правительством и некоторыми академиками преобразование Российской академии наук. Чем, на твой взгляд, обернется для российской науки эта реформа? Какие последствия реформы ты ожидал бы для социологии?

В настоящее время, т.е. в начале 2014 г., на какие-либо организационные преобразования в Академии наложен запрет. По окончании срока действия этого моратория можно ожидать основательного «передела собственности», сокращения штатов и не исключая укрупнения институтов РАН. Многое будет зависеть от гражданской активности занятых в институтах сотрудников. Массовые протесты в период обсуждения проекта закона, инициированные объединенным профсоюзом РАН, дали свои плоды – тот же мораторий. Если мы будем достаточно активны и если к тому же сограждане вне акаде-

мического сообщества так же не будут безразличны к судьбам академической науки, можно надеяться на то, что преобразования осуществляются «без большой крови».

Мне представляется, что идея самостоятельности социологии как науки, на отстаивание которой ваше поколение социологов, в частности, и ты, и Г.В. Осипов, затратила несколько десятилетий, не исчерпала себя. Так что вряд ли возможно сведение социологии к статусу одной из социальных наук. Но в интервью с Г.В. Осиповым меня заинтересовало его замечание о роспуске ССА. Ты не помнишь, почему не произошло простое изменение статуса «Всесоюзной» на статус «Российской» социологической ассоциации?

Поначалу в 1989 г. до распада Союза ССР РОС было создано в рамках ССА, т.е. из республиканского отделения было преобразовано в национальную ассоциацию. Напомню, что РСФСР была единственная из республик, не имевшая аналогичного другим республикам статуса, даже своего парламента-Верховного совета. Мы следовали тем же путем. Понятно, что после распада Союза надо было дать возможность социологическим ассоциациям всех бывших республик для их самостоятельного вхождения в МСА в статусе национальных членов. РОС приняло на себя выплату долгов ССА по членским взносам, отнюдь не малую сумму по тогдашнему безденежью. В 1990 г. одну тысячу долларов внес я сам из двух тысяч, полученных из бюджета МСА после избрания вице-президентом, остальные две трети долга в последующие пару лет погасил Президиум РАН. Последнее хочу подчеркнуть, т.к. РОС было зарегистрировано как научное сообщество при АН СССР.

В 2012 году прошло два конгресса российских социологов, по отчетам их организаторов и участников, оба прошли успешно. Как ты считаешь, это нормально в плане развития науки или следует вернуться к проведению одного конгресса?

Два общероссийских конгресса раскалывают наше сообщество defacto. Очень немногие приняли участие в обоих конгрессах. Надо сказать также, что московский конгресс был организован столь скоропалительно, что тезисы участников не были к его началу опубликованы. Не видел я этих тезисов и позже. Конгресс в Уфе готовился планомерно и тщательно, тезисы отбирались руководителями соответствующих секций, в которые были направлены, или по согласованию с автором передавались в иную более соответствующую. Все тексты были вывешены на сайте РОС до начала конгресса.

Надо как – то договариваться с коллегами из других ас-

социаций и не допускать в дальнейшем подобного. Хорошо вместе с тем созвать национальные конгрессы в различных регионах. Уфа позволила сибирякам и дальневосточным коллегам дискутировать с москвичами и питерцами, студенты Башкортостана работали в секциях и посещали мастер-классы видных социологов.

Володя, мне кажется, что московский конгресс российских социологов, состоявшийся в 2008 году, не только подвел итоги 50 лет нашей науки, но знаменовал собою конец того периода становления и развития отечественной социологии, когда все в той или иной степени знали друг друга, по крайней мере, по публикациям. За последние два десятилетия наше сообщество заметно выросло в численном отношении, многообразнее стала тематика наших исследований, видимо, складываются региональные школы и т.д. Может быть, практика «больших» единых конгрессов исчерпала себя?

Не ожидал такого вопроса от тебя, Боря. Согласись, что национальные и международные научные конгрессы тем и важны, что позволяют исследователям и преподавателям любой отрасли знания быть в курсе происходящего в их науках. На всемирных социологических конгрессах доклады на пленарных заседаниях обращают внимание научного сообщества к наиболее острой проблематике данного времени. Я был счастлив и безмерно горд, когда на конгрессе в Билефельде удостоился чести выступить с докладом о сдвигах социальной идентичности в постсоветской России. Не могу не похвастаться тем, что я выступал следом за Энтони Гидденсом и при председательстве Штомпки.

Программный комитет нашел проблему наиважнейшей для так называемых посткоммунистических стран. После доклада ко мне подошел социолог из Южно-африканского союза и высказал такую мысль. С ликвидацией апартеида мы, чернокожие граждане, начали более пристально вглядываться в белых африкандеров, чтобы найти самих себя, лучше понять кто теперь мы сами. Вы, русские, тоже обеспокоены своей новой идентичностью, отличающуюся от привычной советской. Хотя апартеида мусульман или других народов у вас не было, видно по вашему выступлению, что и вы смотрите в других, чтобы понять себя.

На всемирных конгрессах для заседаний исследовательских комитетов по теории и по методологии отводятся наибольшие аудитории, всегда переполненные, студенты чуть ли не на плечи друг другу встают, чтобы разглядеть своих социологических звезд. Большую часть аудитории составляют преподаватели.

Штомпка говорил мне, что иногда члены ИЖ по теории устраивают свои внепрограммные посиделки дабы серьезнее обсудить проблемы, не отвлекаясь на вопросы массовой аудитории.

Наши конгрессы также дают возможность познакомиться с ведущими фигурами, что особенно важно нестоличным коллегам, также высвечивают актуальную для общества проблематику, также становятся событием в жизни студентов. Все это – решающий аргумент против «соперничающих» всероссийских конгрессов.

Один вопрос почти личного характера. В 2012 года и в начале текущего года Европейский университет в С.-Петербурге выпустил две книги по истории советской социологии: монографию Бориса Фирсова и мою. Как ты думаешь, это притормозит появление новых историко-социологических исследований или, наоборот, активизирует их?

Твой биографический подход вполне может заинтересовать молодых коллег, хотя по мере ухода стариков интерес к этому будет угасать. Названные труды могут приостановить работу в изучении советского периода. Другое дело – методология историко-социологических исследований, которую предложили Борис Фирсов, ты и Дима Шалин, разная методология, она определенно будет востребована. Фирсов рассматривает ваш общий предмет в социо-культурном контекста, Дима Шалин концентрирует внимание на мотивации персонажей, идейно-политической в особенности, а ты обосновываешь поколенческий подход. Думаю, что найдутся исследователи нынешнего и ближайшего десятилетия нашей «социологической» истории, которые постараются проанализировать причины нынешнего раскола в сообществе и документально плюс «в лицах» описать историю его преодоления. Дополнительным стимулом является нынешнее состояние мирового социологического сообщества, интенсивно фрагментирующегося на региональные ассоциации со своими особыми проблемами. Турбулентный социум требует основательного социологического анализа и по существу в теории и путем описания различных фаз протекания этого процесса в глобальном и национальном масштабах. Российское, по-грушенски, социотрясение – очень даже «диссертательная» тематика для историко-социологического анализа.

Задам и тебе вопрос, который обсуждался с Осиповым: «Что потеряли мы из достижений советской социологии за истекшие четверть века? Что приобрели?»

Я уже отвечал на такой вопрос. В данном контексте повто-

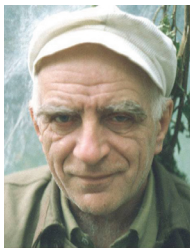
рю, что потеряли мы сплочённость своей корпорации, а приобрели свободу творчества. Как мы этой свободой распоряжаемся – вопрос другой, выступления на конгрессах это хорошо демонстрируют.

Володя, спасибо тебе большое за новый разговор «через Океан».

1. Докторов Б. Б.А. Грушин. [Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения](#) // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2004. №4. С. 2-13.
2. Массовая информация в советском промышленном городе: опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б. А. Грушина, Л. А. О니кова. М.: Изд-во политической литературы, 1980.
3. Шубкин В.Н Социология и общество: Научное познание и этика науки. Монография. — М.: ЦСПиМ, 2010.
4. Ионин Л. Г. Восстание меньшинств. СПб.: Университетская книга, 2012.
5. Кто и куда ведет Россию? Сборник докладов симпозиума. — М.: МВШСЭН, 2001.

Раздел II. ИНТЕРВЬЮ С СОЦИОЛОГАМИ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ

Алексеев А. Н. – окончил филологический факультет ЛГУ, кандидат философских наук, Санкт-Петербург. Основные области исследования: социология средств массовой информации, культуры, производства, образа жизни, методология и методика социологических исследований. Первое наше интервью состоялось в 2006 году, настоящее — в августе 2013-январе 2014 гг.

**АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВ:
«ПРОДОЛЖЕНИЕ
СЛЕДУЕТ...»**

Все интервью этой книге начинаются с моего представления моих собеседников. Здесь в силу двух веских причин я нарушил эту традицию. Во-первых, данное интервью с А.Н. Алексеевым – продолжение нашей беседы, состоявшейся в 2006 году; а она сопровождалась моими вводными словами См.: Том 2. Во-вторых, Алексеев – предпослал этому интервью такое введение, которое снимает необходимость моих «открывающих» слов.

В 2006 г. Борис Докторов, тогда еще только начинавший свой замечательный и теперь уже знаменитый проект истории советской / российской социологии «в лицах», обратился ко мне с предложением о биографическом интервью. Как и все другие его интервью (теперь их уже более 50), оно проводилось on line, путем электронной переписки. Мы с увлечением вникали в перипетии житейской и интел-

лектуальной биографии интервьюируемого (то есть меня) и добрались где-то до середины «земного пути».

Потом отвлекли какие-то неотложные заботы, дело не довели до конца, ограничились публикацией лишь одной, не биографической части интервью - *«Познание через действие (Так что же такое «драматическая социология»?)»*; (Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2006, 5).

Несколько лет спустя я почти случайно обнаружил наше неоконченное интервью в своем электронном архиве и, под названием *«Рыба ищет где глубже, а человек – где не так мелко...»* включил этот текст в книгу: *Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог... М.: Норма, 2010 (том 2, Приложение 2 к главе 6)*. Нашел свое место он и в двух электронных книгах Б.З. Докторов: *Биографические интервью с коллегами-социологами [электронный ресурс]. (Третье издание. М.: ЦСПиМ, 2013)* и *Современная российская социология: Историко-биографические поиски [электронный ресурс] (В 3-х тт. М.: ЦСПиМ, 2012)*. Представлено это интервью и на сайте *«Международная биографическая инициатива»*.

Между тем, совсем недавно вдруг обнаружился еще один «затерявшийся» фрагмент этого же биографического интервью. Он был тут же включен в нашу с Б. Докторовым соавторскую работу *«В поисках адресата» (2012)* (см. на сайте МБИ), а также в том 1 *«Из неопубликованных глав «Драматической социологии...»» (2012)* (см. на сайте ЦСПиМ). Приведу его здесь, поскольку в упомянутых выше собраниях биографических интервью Б. Докторов наша беседа представлена без этого фрагмента.

А. Алексеев. Июль 2012 – август 2013

Дополнение к биографическому интервью «Рыба ищет где глубже, а человек – где не так мелко...» (2006)

...Вот, просмотрел мозаику своих, уже отправленных тебе автобиографических фрагментов и нахожу, что 1970-е, т. е. период активной профессионализации, представлен чем-то вроде описи: под чьей “рукой” (руководством), с кем сотрудничал (соавторствовал...), в каких областях специализировался... Да еще недолгое партийное секретарство выперло на первый план... Пусть даже все “инвентаризации” в соответствующем отрывке хронологически выстроены, однако логика “научной эволюции” не просматривается: откуда куда и — почему так?

Если коротко, то я бы определил сегодня эту логику следующим образом: **от идеологических спекуляций — к апологии научной строгости, а от этой последней — к “мягким” методам и акционистским подходам.**

Начальный этап (конец 60-х гг.) с его попытками построения марксистской теории массовой коммуникации был охарактеризован выше. Последовавшие затем (70-е гг.) контент-аналитические разработки, опросы читательских и зрительских аудиторий, изучение структуры и динамики репертуара драматических театров страны или конкретного культурного центра (Ленинград), при посредстве экспертов-театроведов, опросы, направленные на изучение образа жизни, потребительской и культурной активности, будь то населения мегаполиса, будь то строителей Байкало-Амурской магистрали, наконец, участие в панельном исследовании “Человек и его работа. 1976”, — все это были “социологические опыты” в рамках “дискурсивной” (пользуясь термином В. Шубкина из его замечательной новомировской статьи “Пределы”, 1978 г.), колличественной парадигмы.

К 1975 г. относится моя (совместно с Борисом Беликовым, ныне покойным) работа “О понятии “строгое исследование” в гуманитарных науках”, где, кажется, впервые серьезно задумался над тем, что “строгость” (предполагающая использование так называемых “жестких” методов) — отнюдь не синоним “объективности” или “истинности”. Были выдвинуты два реалистичных **критерия строгости**, а именно — критерий **соответствия цели** и критерий **воспроизводимости результатов** (чему в эмпирической социологии соответствуют требования обоснованности операциональных определений и надежности инструментов измерения). Это был первый шаг к преодолению сайентистских иллюзий...

Переход к “качественной” социологии произошел на рубеже 70-80-х гг. (я говорю, разумеется, не о мировой социологии, и не об отечественной, а о себе лично). Наиболее отчетливо это проявилось в попытке экспертно-прогностического исследования (“Ожидаете ли Вы перемен?”) и в так называемом “эксперименте социолога-рабочего”, или исследовании производственной жизни “изнутри”, глазами рабочего. (То и другое подробно рассмотрены в книге [“Драматическая социология и социологическая ауторефлексия”, 2003-2005](#)).

Впрочем, сразу оговорю, что в продолжающемся и по сей день “парадигмальном” споре между приверженцами количественных и качественных методов социологии я вовсе не беру сторону последних, “в ущерб” первым, а полагаю равноправными и взаимодополняющими три элемента системной (по

Р. Баранцеву) триады: субъект-объектная социология, субъект-субъектная социология и социальная философия (соотносимые с фундаментальным семантическим архетипом: *рацио — эмоцио — интуицио*).

Другая линия персональной “научной эволюции” (в целом протекавшей, пожалуй, “скачкообразно”, включая “смены веков”) — это возрастающий интерес к динамике, будь то общественного, будь то личностного развития. Так, мне казалось принципиально важным (во второй половине 70-х) выдвижение понятия *жизненный процесс* в качестве категориальной пары к понятию *образ жизни* (взятому на уровне индивида; на уровне общества такой категориальной парой к “образу жизни” я полагал “социальное развитие”...).

Постулировался (мною) принцип приоритета исторического, генетического подхода (в исследованиях образа жизни) перед структурно-функциональным. Сам же образ жизни, поначалу полагавшийся “системой” эмпирически наблюдаемых форм повседневного поведения, получил у автора этих строк существенно новую трактовку — как **способ взаимосвязи условий, сознания и деятельности субъекта**.

К тому же времени (вторая половина 70-х) относится повышенный интерес (я о себе говорю...) к занятиям проблематикой *жизненных путей*. Жизненный путь трактовался как смена способов жизни (поначалу речь шла о “жизненных ситуациях”), каждый из которых характеризуется своими жизненными обстоятельствами, стереотипами поведения и направленностью личности. Придумывались (в соавторстве с С. Минаковой), сценарии фокусированных и даже отчасти формализованных биографических интервью (“Ваша жизнь — вчера, сегодня, завтра”), а также тесты на определение поведенческой и ценностной направленностей личности (вопросники “Как Вам живется...” и “Ради чего мы живем?”).

Понятие “жизненного пути” оказалось одним из ключевых и в исследовании проблем социальной адаптации строителей БАМа (проводившегося совместно с В. Дьяченко в 1977–78 гг.).

Помню, в 1981 г. (тогда уже работал на заводе...) я попытался обобщить все мало-мальски значимые результаты собственных исследований за 10 лет в докладе под названием “Образ жизни и жизненный процесс”. Приведу здесь три из пары десятков выводов этого доклада:

“<...> 3. Вывод о доминирующей роли “отложенных” эффектов пройденного исторического или жизненного пути в ряде ключевых моментов образа жизни поколений и структуры жизнедеятельности индивидов.

Нами получены разнообразные подтверждения выдвинутой ранее гипотезы об относительно высокой (а в некоторых отношениях и преобладающей!) роли прошлых обстоятельств жизненного пути (таких, как социальное происхождение, условия социализации, “стартовое” образование и др.) для формирования различных аспектов актуальной жизнедеятельности человека.

Особенно заметна связь между социально-биографическими переменными и характеристиками социокультурной активности людей.

Может показаться даже удивительным, что зависимость “культурного ценза” семьи опрошенного (измерявшегося, впрочем, довольно грубо — размерами домашней библиотеки) от “образовательного ценза” родителей (учитывался наивысший уровень образования среди родителей) больше, чем от собственного образовательного статуса (уровня образования) опрошенного (данные ленинградского обследования “100 вопросов о Вашей жизни”, начало 70-х гг.).

Еще более существенно обусловленными социальным происхождением и условиями социализации предстают образовательный и социально-профессиональный статусы обследованных. Широкий круг данных подобного рода получен также в исследованиях зрительской аудитории ленинградских театров (70-е гг.).

Разнообразные “отложенные” эффекты исторического пути, пройденного целыми поколениями (участие в войне, общественная ситуация середины 50-х гг. и проч.), на наш взгляд, могут оказаться ключом к объяснению многих современных явлений в сферах труда, быта, досуга, а также особенностей жизненной позиции представителей этих поколений.

<...> 4. Вывод-гипотеза о складывающейся диспропорции между семейно-бытовой, индивидуально-потребительской, и социально-творческой, общественно-гражданственной компонентами в структуре жизнедеятельности личности.

Этот вывод базируется на разнообразных социологических данных, в том числе полученных нашим научным коллективом [сектор социальных проблем личности и образа жизни ИСЭП АН СССР. — А.А.] — насчет распространения и укрепления “инструментального” отношения к труду (труд как средство для жизни), в отличие от отношения к труду как к “самоценной” деятельности.

Многokrатно отмечающийся рост индивидуально-потребительских тенденций, усугубляющаяся вовлеченность людей в семейно-бытовую сферу, “рецидивы мещанской психологии”

(упоминаемые в партийных документах) — все это позволяет говорить о том, что на передний план сегодня выдвигается потребительская компонента образа жизни, в отличие от компоненты социально-творческой, а также — общественно-гражданственной.

Дополнительное подтверждение этому получено недавно нами в совместном с С. Минаковой исследовании структуры и динамики жизнеощущения личности после завершения вуза без отрыва от производства.

Мы задавали, в частности, вопросы о том, насколько человек удовлетворен своими нынешними жизненными обстоятельствами, “счастлив ли он”, а также о том, насколько ему удается удовлетворять свои потребности (материальные и культурные) и насколько удастся развивать и реализовать свои способности. Анализ связей между ответами на эти вопросы показывает, что развитие и реализация способностей (вкуче с удовлетворением культурных потребностей) относительно автономны от удовлетворения материальных потребностей.

Примечательно, что “дух” не выдерживает конкуренции с “бытом” — в формировании “ощущения счастья”. Счастливым (в картине данных упомянутого исследования), предстает скорее тот, кто удовлетворяет свои материальные потребности, чем тот, кто реализует свои способности или развивает их. Кстати, “наиболее счастливыми” оказываются люди с доминирующей вовлеченностью в общественно-трудовую сферу (в нашей выборке это, как правило, хозяйственные руководители среднего и высшего звена). Но, как показывает анализ, жизненный мотив удовлетворения материальных потребностей у людей даже и с такой направленностью личности — превалирует над мотивом реализации способностей.

<...> 7. Вывод о прогрессирующем развитии феномена “ситуационно-ролевой” морали в сферах трудовой, общественной, бытовой и т.д. активности.

На термине не настаиваем. Но речь идет о развитии особого социально-нормативного комплекса, в котором рассогласование норм-требований и норм-стереотипов поведения является минимальным.

Массово одобряемым и общественно-санкционируемым все более становится поведение, которое иногда называют конформным, но точнее его характеризовать как “ситуационно-ролевое”. Это поведение, направленное на сохранение системы взаимосвязей субъекта с окружающей средой или на такое изменение этой системы, которое способствует увеличению ее стабильности. Отсюда — феномен “ситуационно-ролевой” мо-

рали, в пределе приближающейся к абсолютной адаптивности. Один и тот же человек ведет себя прямо противоположным образом в зависимости от ситуации, в которой он оказался, или той из своих социальных ролей, которая в этой ситуации актуализируется. Внутренние максимы поведения как бы “стираются”, отступают перед внешними императивами и теряют всякую регулятивную роль.

При этом человек не осознает этой своей ситуативно-ролевой зависимости. Он равно убежден в своей “правоте”: и в роли дружинника, задерживающего того, кто выпивает в садики, и в роли пьющего водку у пивного ларька; и в ситуации хронометража рабочего времени, когда надо скрыть свои производственные резервы, чтобы не пересмотрели нормы, и в ситуации инициативного (со стороны рабочих) пересмотра норм, упреждающего их (эти нормы) неизбежный административный пересмотр.

Это мораль не “двойная”, а именно ситуационная, в ней нет сознательного “лицемерия”. При этом достигается относительная свобода поведения (не осознаваемого в качестве вынужденного).

Само по себе инициативное (не “ситуационное”!) поведение оказывается эффективным тогда, когда оно предстает — в общем мнении — как **“инициатива вынужденная”**. Принцип вынужденной инициативы может выступать также и своеобразным адаптационным средством, если человек ставит перед собой цели “овладения ситуацией”, творчески-преобразовательной или нормотворческой деятельности.

(Конечно, это уже не “чистая” социология! Но социология, по нашему убеждению, должна не только способствовать формированию личности согласно общественным требованиям, но и “учить” личность эффективно действовать в социальной среде). <...>“

(Цит. по: Алексеев А.Н. [Драматическая социология и социологическая ауторефлексия](#). Том 1. СПб.: Норма, 2003, с. 450-453).

[Итак, ауторефлексия по поводу профессиональной биографии автора ныне этим фрагментом автобиографического интервью 2006 г. оказалась существенно дополнена и отчасти резюмирована. - А. А.]

Андрей, давно, в 2006 году, я начал расспрашивать тебя о твоей жизни, а ты приступил к рассказу... С тех пор (или даже раньше) мы находимся в плотной переписке, так что можно сказать, что интервью продолжалось все это время. Тем не менее, не мог бы

ты выделить опорные моменты твоей профессиональной жизни в последние годы?

Да, при высокой плотности нашего общения последние 7 лет, можно сказать, что вся моя профессиональная жизнь эти годы разворачивалась даже не то, чтобы у Тебя на глазах, но с твоим непосредственным участием. Этому способствовали и максимальное использование возможностей электронной связи, и взаимная заинтересованность в судьбе друг друга, и растущая общность научных интересов.

Достаточно сказать, что из наших контактов в течение февраля-октября 2006 года (как раз период нашего первого интервью) удалось потом сделать совместную книжку: [«В поисках Адресата \(Переписка двоих с постепенным расширением круга тем и участников\)»](#).

Ну, а потом Ты писал обо мне очерки (то для «Телескопа», то для «Социологического журнала»), а я оказался «редактором-инициатором» (официально – редактором-составителем) твоего знаменитого собрания ныне уже свыше 50 биографических интервью с коллегами-социологами пяти поколений.

Из событий моей жизни этого времени, наверное, важнейшей, судьбоносной вехой явилось увольнение из Социологического института в 2008 году. Формальное обоснование – «по сокращению штатов», а по существу, я бы сказал, «по совокупности заслуг», причем для этого тогдашний (да и нынешний) директор СИ РАН так старалась, что впору возгордиться.

Я, действительно, не укладывался в некоторые институциональные нормативы профессиональной деятельности, хоть и не могу сказать, что уж совсем ими пренебрегал. Так что к усилиям институтского начальства освободить это учреждение от моего присутствия, я отношусь с пониманием, а по совокупности последствий – так даже и с благодарностью.

Во-первых, мне удалось благополучно перейти из положения сочинителя заявок, планов и отчетов в положение этакого freelancer'a, «свободного художника», независимого исследователя – статус, в каком-то надеюсь пребывать всю оставшуюся жизнь.

Во-вторых, сама ситуация увольнения оказалась настолько социологически интересной, модельной, или моделирующей определенные социальные процессы и тенденции («моделирующая ситуация», как Ты знаешь, это мое терминологическое нововведение, как и «наблюдающее участие»), что мне осталось только строго фиксировать ее истоки и развитие, с сопутствующим анализом.

Большого подарка администрация СИ РАН своему неугодному сотруднику преподнести не могла, став при этом сама актором (группой акторов) в кейсе экспериментальной, или драматической социологии. Все как в «эксперименте социолога-рабочего» - то ли гонимого, то ли преследующего социального институты, чтобы дать им раскрыться «во всей красе» и опасной для них транспарентности.

Этого кейса хватило на целый том с лишним из 4-томника «Профессия – социолог...», написанного и изданного нами с Р. Ленчевским в 2008-2010 гг. (Автопрезентацию этой книги см. в «Украинском социологическом журнале» и в журнале «Семь искусств»).

В силу ли этого счастливого стечения жизненных обстоятельств, в силу ли внутренне сложившегося нарушения законов акмеологии (что, кстати сказать, и Тебе знакомо), последующие пять лет оказались едва ли не самыми продуктивными в моей профессиональной биографии, хотя бы солнце жизни естественно и склонялось к закату. Коль скоро Ты просишь «выделить» опорные моменты, я назову несколько сфер приложение сил (они же - формы самореализации):

1) Занятия *биографикой*, скажем так, в социологическом и историческом аспектах, иногда с претензией на междисциплинарный синтез. В основном теоретико-методологические изыскания, но также и «прикладные». Работа «в точке пересечения биографии и истории общества» (по выражению Ч. Р. Миллса). Этому немало способствовал и наш коллективный мета-проект, который назову привычным словом «Международная биографическая инициатива», и «невидимый колледж», сложившийся на его базе.

2) Наблюдающее участие в жизни *социологического сообщества* Питера, да, пожалуй, и России, от попыток консолидации сопротивления мракобесным тенденциям в развитии социального института отечественной социологии, особенно активизировавшимся во второй половине «нулевых» годов, до волонтерского «социологического сопровождения» подготовки и проведения двух - Московского и Уфимского - «Четвертых» всероссийских социологических конгрессов в 2012 году.

3) Довольно активное участие в делах Научно-информационного центра «Мемориал» (СПб). Этой замечательной команде энтузиастов (одной из тех некоммерческих организаций, кого наши бдительно/бдящие власти пытаются записать в «иностранные агенты»), мне удалось передать свой многострадальный (во времена пребывания в Социологическом институте) «Алексеевский архив». Участвую и в других мемориальских проектах.

4) Своего рода *камеральная* работа (так это называется, например, у геологов), как ее можно обозначить, если считать всю жизнь работой *полевой*. Каждому камушку и сколу поро- ды, привезенному когда-то из экспедиции, нужно найти свое место в коллекции, описать, истолковать в контексте и т. д. Работа с архивом (не «в», а именно «с»), причем по преимуществу – с собственным. Итог – [три тома «Из неопубликованных глав» «Драматической социологии...»](#) (тома 1, 1/1, 1/ 2). Вот ответу на твои вопросы, и займусь четвертым (том 3).

Не так давно, я опубликовал на портале «Когита.ру» две своих сетевых библиографии за последние 15 лет: [«Сезам, от- врисы!»](#) (там, кстати, и некоторые работы коллег и друзей, выешенные мною на Яндекс.Народ.ру и на Диск.ру) и [«ППСС Андрея Алексеева»](#). (ППСС – почти полное собрание сочинений. Эта остроумная аббревиатура заимствована у красноярского историка-мемориальца Алексея Бабия).

5) Продолжение *«драматической социологии»*, во времени и пространстве (то и другое – социальные), причем с отчетливым пониманием, что «жизненные приключения» на надо искать (тем более на склоне лет), они сами тебя найдут, и надо только не отказываться от предлагаемых самой жизнью предметов и поводов для наблюдения, описания, анализа и рефлексии. Собственная жизнь, во всех ее связях и опосредованиях, как включенное наблюдение, а лучше - наблюдающее участие.

6) *Мониторинг* современной общественной жизни («бывали хуже времена, но не было подлей», впрочем, и интереснее не так уж много было). 2008-2009 годы так или иначе резюмиро- вались в томах 2 и 3 книги «Профессия – социолог...». Вообще же, мониторинг реализовался через рассылки-обозрения для коллег и друзей, начиная с 2007 года по сей день.

Начиная с осени 2012 г. произошла своего рода институ- ционализация этой деятельности, в форме так называемого краудсорсинга на информационно-аналитическом портале [«Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада»](#). Это рабо- та повседневная, состоящая в том, чтобы вывешивать на этом интерне-портале в среднем в день по три-четыре материа- ла – не своих собственных, так других людей, не перво-, так ре-публикации, но всегда по своему вкусу отобранные и от- комментированные.

Теперь мои ежемесячные рассылки приобрели вид хроноло- гически упорядоченного архива и навигатора по порталу – для тех, кто не успевает следить за динамикой панорамы на нем регулярно.

Вот, пожалуй, я кратко осветил (перечислил) «опорные мо- менты» или направления деятельности социолога-волонтера.

Они расставлены здесь не в порядке приоритетов, а, так сказать, хроно-тематически.

Разрешу себе задать вопрос в весьма нетрадиционной (для меня) форме, но логичной для нашей переписки. На мой взгляд, ты абсолютно верно начал «новое летоисчисление» с увольнения из Социологического института РАН в 2008 году. Случившееся изменило твою жизнь и позволило последующим пяти годам стать «едва ли не самыми продуктивными» в твоей жизни. Уход из Института Вячеслава Бачинина и Якова Гилинского (у каждого из вас троих эта процедура была несколько различной) тоже оказался весьма полезным для их профессиональной – а это важнейший элемент нашей жизни – деятельности. В опубликованном несколько лет назад журнальном варианте моего интервью с Бачининым есть описанная им фабула увольнения, но нет того, что в полном тексте интервью названо им ее следствиями и плодами. Они были обозначены тремя тезисами: «Первый тезис имеет для меня вид обращения к Богу из всё той же молитвы Оптиных старцев: “Во всех непредвиденных обстоятельствах помоги помнить, что всё ниспослано Тобою...” Второй: для христианина случайностей не бывает, в его лексиконе нет даже такого слова. Третий – это слова апостола Павла о том, что любящим Господа всё содействует ко благу».

Ты обозначил опорные формы самореализации в прошедшие годы, а не мог бы ты поразмышлять о том, почему – в силу каких обстоятельств – увольнение из Института стало для тебя, пусть лишь в определенном смысле, благом? Ведь видны и другие варианты продолжения жизни: чтение газет и просмотр телевидения, «домино во дворе», просто ничего-не-делание...

Из Социологического института РАН ушли не только я, Бачинин и Гилинский (перечисляю в порядке очередности). Кто сам захотел уйти, кого «попросили», кого уж нет на этом свете. Просто увольнение названных Тобою оказалось наиболее «громким» событием, стоившим Институту определенного репутационного урона.

По сравнению с теми временами, когда Ты там работал (до 1994 г.), состав обновился едва ли не наполовину. Из расставшихся с Институтом я не знаю никого, кто бы об этом жалел. В «Профессии – социолог» эта тенденция детально прослеживается. Бачинин дает религиозное истолкование совершившимся событиям. Я, как человек не религиозный (хоть и вовсе не анти-религиозный!), нахожу вполне «земное» объяснение.

Человек, в частности, в нашей науке страдает от *несвобо*ды (раньше – прежде всего идеологической, а теперь – по преимуществу экономической и социально-психологической).

Покидая забюрократизированную систему, он избавляется от множества социальных пут и зависимостей, а поводов и *случаев* для такого освобождения – хоть Господь-бог, хоть естественные стечения обстоятельств предлагают ему великое множество. Так что человеку остается лишь делать выбор в *свою* пользу (кстати, вовсе не обязательно в пользу свободы).

Ладно, довольно уместовать (умничать?). Но из сказанного вытекает и ответ на твой вопрос: почему увольнение из Института оказалось благом. Помнишь название нашего первого интервью 2006 г.: «Рыба ищет где глубже, а человек – где не так мелко». Глядя издали на коллег – тех, кто еще там, слушая их рассказы или рассказы о них, думаешь, «Боже, на что они тратят жизнь (молодые) или остаток жизни (ровесники)!». Чтобы заработать очередные баллы так называемой результативности научной деятельности – к очередной премии или аттестации?..

Я же – могу теперь себе позволить даже не вести списка научных публикаций. Я отчитываюсь только перед самим собой, ну и друзьями, может быть, еще – перед теми, кто придет на смену. Мне никого ни о чем не надо *просить*. Я могу исключительно *дарить*. Ради этого стоит пожертвовать и зарплатой (кстати, все равно нищенской).

Ну а «другие варианты продолжения жизни», вроде пассивного телесмотрения или «домино во дворе», конечно, тоже распространены. И они даже для кого-то благо. Поначалу. Но потом или человек находит себе пусть самое скромное, но дело, или подступает деградация. И тогда человек уже не живет, а «доживает».

Воспользуюсь обозначенным тобою хроно-тематическим порядком сфер приложения твоих сил и потому начну с вопросов о твоих занятиях биографикой. Прежде всего, не мог бы ты наметить путь, который привел тебя к этой тематике: это произошло в результате некоего «скачка» или в результате естественного развития твоих научных интересов?

Пожалуйста, раскрой смысл слов «с претензией на междисциплинарный синтез»?

Ты не раз писал о месте биографического анализа в изучении истории российской социологии. Не мог бы ты просуммировать твое сегодняшнее видение этой проблематики. Думаю, здесь еще есть тема для обсуждения. Так, в защищенной в начале лета интересной докторской диссертации Елены Рождетсвенской «Биография как социальный феномен и объект социологического анализа» (сужу по автореферату) биографический анализ как метод историко-научоведческих (социология социологии) исследований вообще не рассматривался.

Ну, если Ты начнешь спрашивать последовательно, по моим пунктам (1-6), так, глядишь, и полный жизненный отчет получится.

...но ты знаешь, ничто меня так не «заводит», как стремление увидеть в жизни собеседника истоки его деятельности, на мой взгляд, в этом и есть одна из особенностей историко-биографического исследования...

Мои нынешние занятия биографикой, как водится, имеют свои предпосылки, истоки, стимулы и непосредственные поводы. Кажется, еще в пору самых первых моих подходов к исследованию образа жизни (в начале 70-х) пришли наблюдения, а потом и убеждение, что нынешнее состояние системы жизнедеятельности человека существенно зависит от ее прошлых состояний, а точнее - от интериоризованных воздействий предшествующего жизненного опыта.

Позднее я даже сформулировал ряд методологических принципов изучения образа жизни, среди которых был такой: *принцип приоритета динамического (исторического, генетического) подхода* (к исследованиям образа жизни) *перед структурно-функциональным* (см. главу 6 «Драматической социологии...»). Афористически это можно сформулировать так: человек есть его жизнь, или его биография.

Поначалу я еще как-то пытался уложить жизненную историю в более или менее формализованные вопросы интервью (или даже анкеты) или же в некие рамки схемы, модели жизнеописания, пока качественная, гуманистическая интенция во мне не поглотила сайентистскую, и не стало ясно, что оптимальным для меня (но вовсе не универсально!) является собственно биографическое исследование, на грани науки и словесности.

Немало тому способствовал и опыт «драматической социологии», где личность исследователя выступает и наблюдателем, и актором, и – в известном смысле – инструментом исследования.

Ну а непосредственным поводом теоретико-методологических штудий в области биографики явились – вовсе не научно стимулированные, хотя и профессионально выполненные – опыты написания семейных хроник - своей собственной и своих родственников. Это было уже где-то в конце 90-х гг.

Наша «Международная биографическая инициатива» (с ее «незримым колледжем») и ежегодные [мемориальные Биографические чтения памяти В.В. Иофе](#), продолжающиеся уже свыше 10 лет, явились мощным стимулом и трибуной для этих занятий, чему уже Ты сам являешься непосредственным свидетелем.

Говоря о «претензии на междисциплинарный синтез» в своих занятиях биографикой я имел в виду, что менее всего при этом озабочен тем, в рамках какой научной отрасли это совершается. Биографические исследования осуществляются на стыке («пересечении») истории, социологии, психологии, социальной психологии, антропологии, других гуманитарных дисциплин, а также сфер деятельности, к науке вовсе не относящихся (вплоть до художественной литературы).

В той мере, в какой биограф или биографист не осознает этих пересечений, его деятельность *синкретична* (причем синкретичность может быть поистине гениальной). В той мере, в коей это соединение (переплетение, взаимодополнение...) частно-научных подходов является *отрефлексированным*, можно говорить если не о *синтезе*, то о движении в его сторону.

Биографический метод в историко-наукovedческих исследованиях столь же правомерен, мало того – необходим, как и другие сферы науковедения, будь то его классические или не классические формы. (Кстати, сказать, биографический метод *de facto* активно используется и в искусствознании, и в религиоведении, и в истории техники, и в политической истории и т. д.).

Тут представляется уместным такое рассуждение: в той мере, в какой исторический процесс является продуктом жизнедеятельности людей (а чьей же еще!), он есть не что иное, как некий поток сменяющих друг друга поколений, в свою очередь составленных из множества индивидов, каждого со своей биографией. Так куда же деваться от биографического исследования человеку, желающему постигать закономерности социального бытия и сознания, в статике и динамике того и другого?

Деваться от биографики некуда. Да она и давно насыщает собой все человеческое познание, только стихийно и синкретически. Задача в том, чтобы сделать ее применение осознанным и организованным.

Похоже, что триггером проекта изучения жизни социологического сообщества стала цепочка событий, результатом которых твое увольнение из Социологического института РАН. Как получилось, что этот, в твоей (более поздней терминологии?) кейс стал основой длительного исследования, завершившегося книгой «Профессия – социолог»? Что общего и отличного в методологии этого проекта и «Драматической социологией...»?

Скорее всего проект «Профессия – социолог» - тоже междисциплинарный, но можно ли сказать, что прежде всего он относится к области социологии социологии?

Не фиксирует ли твой проект того, что указывало бы на перераспределение ролей поколений внутри социологического сообщества Питера и России, на возникновение каких-либо новых моделей функционирования профессионального сообщества?

Нет, Борис, изучение жизни социологического сообщества: а) никогда не было для меня особым «проектом»; б) уж во всяком случае не лично-профессиональными событиями или обстоятельствами было спровоцировано. Просто, принадлежность к сообществу не может не побуждать к рефлексии и к действиям в отношении него, если тебе «не наплевать».

Очередной импульс к анализу положения дел в отечественной социологии, как социальном институте, был лично мною получен от того, что называлось событиями на соцфаке Московского университета 2006–2007 гг. («студенческий бунт» против насаждаемого деканом В. Добреньковым и иже с ним мракобесия в социологическом образовании). В 2007 г. академиками Г. Осиповым и В. Жуковым была проявлена, я бы сказал, злоеца активность в плане попытки «консолидировать» отечественную социологию путем учреждения так называемого Союза социологов России (ССР), по существу, альтернативного легитимному (в том числе на международной арене) Российскому обществу социологов (РОС).

(Попытка, кстати, не первая и не последняя: до этого теми же персонами, включая Добренькова, создавалась еще РоСА – Российская социологическая ассоциация.. А после – еще какие-то подобные организации, вплоть до совсем недавнего Общества социальных наук (о котором я узнал из твоего интервью с академиком Г. Осиповым).

В 2007 году мне довелось в этой связи быть инициатором [Открытого письма 40 петербургских социологов коллегам-социологам России](#), получившего известный общественный резонанс, прослеженный мною в статье [«Виртуальное _____»](#), первопубликация которой состоялась на сайте Санкт-Петербургской ассоциации социологов.

В этом же ряду событий и, соответственно, осуществлявшегося, в том числе и мною, мониторинга - история двух «четвертых» всероссийских социологических конгрессов, состоявшихся в 2012 году: один [очередной, организованный РОС и проходивший в октябре в г. Уфе](#), а другой – [«внеочередной», организованный в феврале, в Москве](#), все теми же академиками Г. Осиповым и В. Жуковым на средства РАН, согласно специальному постановлению Президиума Академии наук.

(Ситуацию, сложившуюся в этой связи, без обиняков определил В. Ядов в своей статье [«Скверная история»](#), опубликованной в декабре 2011 года в газете «Троицкий вариант. Наука»).

Все эти «вехи» жизни и истории российского социологического сообщества последнего времени, признаться, были интересны мне как предметы наблюдения и анализа не сами по себе, а как выражение *общих* тенденций движения нашего общества сторону квазидемократии, псевдопатриотизма и интолерантности (иначе говоря – ксенофобии).

В частности, социальный институт социологической науки и образования, как и большинство других общественных институций, все более приобретает имитационный характер, при котором о социальном *познании* говорить не приходится.

Но, повторяю, социологическое сообщество – это просто наиболее мне известная сфера, которую мне или таким, как я, можно изучать «изнутри», используя весь арсенал социологических методов, не исключая и включенного наблюдения, и наблюдающего участия. В этом смысле и книга «Профессия – социолог...» – это не столько книга о социологах, сколько книга *социологов* (кроме меня самого – моего главного соавтора Р. Ленчовского и множества других со-участников, со-беседников и со-авторов)

Социологичны, я думаю, здесь *взгляд, подход, метод*, а предметная область, эмпирический объект – к «социологической жизни» вовсе не сводятся, хотя бы главный кейс и разворачивался (по крайней мере, в первом томе) в стенах Социологического института. Отсюда, и на принадлежность этого проекта к «социологии социологии» я вовсе не претендую.

Кстати, «Профессия – социолог...» едва ли не прямое продолжение «Драматической социологии...», методология во всяком случае – та же. Что отражено и в подзаголовке: «Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только»

Что касается моделей функционирования профессионального сообщества, то они, конечно, обновляются, роли поколений внутри этого сообщества перераспределяются в пользу молодежи, которая, впрочем, по моим наблюдениям, куда «ученее» ветеранов, но и в меньшей степени гражданственно «озабочена». Карьерно-статусные проблемы (особенно связанные с зарубежными стажировками) выходят на передний план перед исследованием социальных проблем, как таковых.

Так что свои надежды я связываю не столько с научной молодежью в целом, сколько с той ее частью, которая все же тяготеет к социологии гражданской, не герметичной, ориентированной на *диалог* – не только с коллегами, но и с *обществом*, которое есть не только объект, но и субъект.

Мне кажется, что два тома «из неопубликованного» по проекту «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» не только заметно раздвинули хронологические рамки этого проекта и надстроили его методологию, но стали своеобразным «входом из прошлого» в твоё и Романа Ленчовского исследование «Профессия – социолог». Можно ли так рассуждать? И еще такой вопрос: «Что же это за профессия – социолог?»

Коль скоро наша беседа отчасти «на публику», надо пояснить не посвященным, о чем идет речь. Год назад, благодаря Тебе, Ф. Шереги и Е. Григорьевой, мой 4-томник «Драматическая социология...» (2003-2005) появился в Сети на весьма «людном» перекрестке – на сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>. А вместе с ним – и новый продукт, на бумаге уже не издававшийся, а только в качестве «электронного издания».

Это – том 1 произведения, обозначенного мною как «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав».

Такую акцию можно сравнить с выставкой из музейных запасников. Дело в том, что 10 лет назад, при издании своей «Драматической социологии...», я вынужден был отказаться от использования там значительного количества материалов, входивших в первоначальную рукопись 1999–2001 гг., которая сама по себе, ввиду ее циклопических размеров, была совершенно неподъемна для печатного издания.

Но это было еще чуть ли не в прошлом веке, когда об электронных изданиях еще и не заикались. Тогда можно было сказать «Все, что не издано, хотя бы малым тиражом препринта, есть частное дело автора». Теперь же в ходу поговорка: «То, чего нет в интернете, хотя бы и было издано на бумаге, как бы не существует».

«Безразмерная» Сеть может вместить все, что автору не стыдно вывесить. Вот и я взялся пустить свои «отвалы» во вторичную переработку. Причем сделал это довольно оригинальным образом: я отнесся к ним как к документам Личности, и Времени и позволил себе их только перетасовывать, но не «дорабатывать» и редактировать.

Итогом оказался этот цикл (теперь принято говорить – «проект»): «...из неопубликованных глав». Буквально на днях я завершил работу еще над двумя томами: 2/1 и 2/2, – и они тоже вывешены по тому же адресу на сайте ЦСПиМ. Параллельно я разослал их тем коллегам, кто ранее имел возможность ознакомиться с томом 1. Сопроводив эту рассылку комментарием в виде фрагмента из личной переписки. Приведу его здесь:

<...> 1) Если «Драматическая социология...» - материнский ствол, то наша с Тобой «Профессия – социолог...» (письмо адресовалось моему соавтору Р. Ленčovскому. – А. А.) и вот эти «Неопубликованные главы...» – две «дочерние» ветви, переплетающиеся в кронах. Так уж получилось, что каждая из трех – тетралогия.

2) Оглавление, композиция, – лицо и суть всякого произведения, своего рода автопрезентация, зачастую имеющая самостоятельное значение и смысл.

3) Как нам с Тобой объяснил В. Бачинин (в своей рецензии на «Профессию – социолог...»), это некий доморощенный, «стихийный» постмодернизм, кстати, как парадигма отображения вполне соответствующий современной реальности. Но при этом каждый «фрактальчик» - вполне классичен, традиционен, сколь бы ни было экзотично целое.

4) Отважусь еще на одно нескромное сопоставление – с архитектурой Антонио Гауди, прославившей Барселону.

5) Всякое мало-мальски творческое дело стоит делать вот именно - как Бог положит на душу, но и проходя по лезвию бритвы между Скукой и Безумием.

6) «Драматическая социология», похоже, и впрямь довольно амбициозная особа, претендующая на некую философичность, в меру своей эмпиричности. В конце концов, вся философия есть осознание человеком себя в Мире и Мира в самом себе.

7) При всем уважении ко всякому чужому мнению остается незыблемой истина: «Ты сам свой высший суд». Этот суд должен быть всегда хоть сколько-нибудь самоироничен. <...>».

Я не думаю, что это некий «переход» или «выход» из прошлого в современные сюжеты нашего с Р. Ленčovским 4-томника «Профессия – социолог...» (2010). Во-первых, эти тома сделаны (имея в виду не составные части, а целое) именно сегодня (т.е. после названной книги). А во-вторых, я там к «делам давно минувших дней» начал добавлять современные резонансы и контрапункты.

Так, в последних двух томах можно встретить тексты совсем «свежие» (например, хорошо известную Тебе [«Дискуссию через океан»](#)). А заключительный том 3, за который я сейчас предполагаю приняться, так и вообще будет состоять исключительно из таких «глав» «Драматической социологии...», которые к моменту ее издания еще не были и не могли быть написаны.

Вопрос «Что же это за профессия – социолог?» к одному из авторов книги под похожим названием, по-видимому, предполагает не пересказ ее содержания, а некий «остроумный» лаконичный ответ. Для меня социолог – не автор диссертации

на соискание ученой степени кандидата или доктора социологических наук, а носитель *социологического воображения* (по Ч. Р. Миллсу), человек, который способен усмотреть или представить («вообразить») скрытые «пружины» социального механизма или «физиологию» социального организма (это – точнее). Или – еще точнее – естественно складывающиеся «правила», по которым совершается функционирование и развития социальной реальности (как материальной, так и идеальной).

Впрочем, это скорее определение не *профессии*, но *призвания* (по М. Веберу). Устроит ли Тебя такой ответ?

Забавно, если бы ты не закончил свой ответ этим вопросом, я не вспомнил бы мое интервью с Леонидом Иониным и один из его ответов, о котором я тогда думал. Приведу и мой вопрос Ионину и фрагмент его ответа, непосредственно связанный с содержанием твоих рассуждений:

Не приходилось ли тебе посещать семинар Ю.А. Левады? Если да, что ты мог бы сказать об этом форуме?

Посещать не приходилось, хотя я многих из участников знал, да и вообще все это происходило рядом, буквально в соседней комнате. Но дело в том, что это было психологически затруднительно. Они были надменные, гордые собой, приобщенные к мудрости, так сказать, и свысока посматривали на профанную публику вокруг. Мне такая позиция никогда не нравилась. Да и вообще наука – не подходящее место для эзотерических кружков. Я поясню: эзотерических не в том смысле, что они были закрытыми и чужие не допускались (допускались: приходите, кто угодно!), но в том смысле, что надо было принять какую-то особую установку благоговения по отношению к руководителю семинара и провозглашаемому им, в общем-то, как это позднее стало видно, достаточно вторичному знанию. Поэтому я и не ходил. Наука – это все-таки профессия, а не служение.

Так вот, по твоему мнению, в какой мере (если) наука – это профессия и в какой мере – служение.

Признаться, я не понял, к чему Ты сейчас припомнил ответ Л. Ионина насчет левадовских семинаров. Похоже, Л. И. ассоциирует СЛУЖЕНИЕ с неким «священнодействием» («круг посвященных» и т. п.). У меня примерно такое же впечатление осталось от разового посещения Г. Щедровицкого – то ли в конце 60-х, то ли в начале 70-х. (Кстати, заочно это

методологическое направление тогда оказало значительное влияние на мое формирование как социолога).

Но по мне – служение вовсе не требует ритуализации. Это скорее ценностная мотивация деятельности, и таковая возможна – в компании и в одиночку, в профессии и вне ее. Я бы не искал соотношения между «профессией» и «служением» в социологии. Это как бы разные измерения или разные плоскости. Конечно, хорошо, когда то и другое подкрепляют друг друга.

Вторым направлением приложения сил в твоей новой свободной профессиональной деятельности ты назвал «наблюдающее участие в жизни российского социологического сообщества. Уже довольно много времени прошло после «двух социологических конгрессов». Какие изменения в наблюдаемой тобой сфере происходят, произошли?

Будем считать, что про идейные размежевания в социологическом сообществе, резюмировавшиеся аж в двух «Четвертых» всероссийских социологических конгрессах в 2012 году, мы уже поговорили. С тех пор произошло не то чтобы примирение, а своего рода конвергенция социально-критического и социально-апологетического «лагерей». Начать с того, что некоторые заметные фигуры оказались представлены в руководящих органах того и другого конгрессов. Ряду наших коллег, которых вот так (без их согласия) записали себе в «сообщники» организаторы внеочередного, Московского конгресса, пришлось заявлять о своей непричастности к этому и настаивать на исключении их из списков руководителей секций и т. п.

Впрочем, некоторых коллег такая «амбивалентность» как раз вполне устроила. А определенная часть профессиональных социологов уже давно демонстрирует свою индифферентность (неразборчивость?) и приятие как гражданской, так и сервильной социологии (да! сервильная социология в России – это теперь уже не только советский феномен). Они-де (эти социологи) не желают разбираться в противоречиях «просвещенной» и «мракобесной» тенденций в социальном институте социологии; они – адепты «объективности», «беспристрастности», «научности» (тоже – форма «служения», кстати сказать).

Так вот, именно эта – отчасти снобистская, отчасти всеядная – позиция в последнее время стала как будто распространяться. Причем тяготение в сторону этой позиции имеет различные мотивы у разных сторон. Одним желательно приобщиться к символическому капиталу своих оппонентов, а другим – к административному ресурсу первых. В этой схематизации я, понятно, упрощаю и отвлекаюсь от многих

подробностей личных и деловых внутрипрофессиональных взаимоотношений.

Еще, что можно отметить среди примет последнего времени, – это повышенная, порой утрированная самоидентификация и своего рода нагнетание корпоративизма. Социологи (впрочем, только ли они?) все чаще говорят о своей роли в деле служения – хоть власти, хоть обществу (нередко это путают). Я бы сказал, растет озабоченность собственным имиджем. Получается, что не так важно *быть*, как *казаться*.

Известную неудачу в предсказании результатов выборов московского мэра в сентябре этого года (чуть ли на 10 пунктов ошиблись с прогнозом явки, соответственно – и с распределением голосов между Собяниным и Навальным; это при том, что обычно электоральные результаты довольно точно «угадывались»!), так вот, эту неудачу – общественность, а отчасти и сами авторы прогноза восприняли как скандал, так что даже стали говорить – кто с огорчением, кто со злорадством – о «фиаско» социологов-полстеров. Мне тогда довелось заметить по этому поводу:

«...Парадоксально, но весь этот журналистский и полит-технологический «наезд» на социологию (вообще-то на полстерство, но кто там станет разбираться в нюансах!), отчасти спровоцированный и жесткой самокритикой ФОМа, – на пользу самому профессиональному социолого-полстерскому сообществу. Которое в итоге имеет шанс стать а) более открытым, б) менее заносчивым, в) более методологически и методически ответственным». (См. [«Социология и политика. Переписка А. Алексеева и А. Ослона. Продолжение разговора»](#))

Ну, понятно, полученный шанс не означает его полноценного использования. Совсем недавно статья политолога и публициста, обозревателя «Новой газеты» К. Рогова [«Фикция «дремучего обывателя»](#)», где выдвинута гипотеза о систематическом искажении (смещении в сторону «оглупления») картины общественных настроений и мнений в современных массовых опросах, вызвала яростную дискуссию. В которой, на мой взгляд, со стороны «обиженных» социологов, были заведомо превышены пределы необходимой обороны (См. [И. Задорин. «Фикция «дремучего обозревателя»](#)»).

Я привел лишь один пример из множества проблем, возникающих при попытках ответа нашей социологии на вызовы современности. Но вызовы бывают всякие. Бывают и «вызовы-заказы».

14 ноября (меньше месяца назад), отмечался День социолога. И вот в этот день в Москве состоялась презентация проекта [«Россия удивляет»](#), осуществляемого рядом крупнейших оп-

росных фирм и направленного на... формирование позитивного образа России в глазах общественного мнения. Ты, пожалуй, усомнишься, но воспользуюсь цитатами.

Проект направлен на то, «чтобы с помощью фактов улучшить мнение (! – А. А.) граждан о самих себе, стране и происходящих в ней процессах». Мол, «восприятие сегодняшних реалий как у власти, так и у общества сильно перекошено в негатив...». Необходимо «постоянное расширение индикаторов, которые будут свидетельствовать о том, что Россия удивляет (своими достижениями.- А. А.)». (См. об этом подробнее: [Социологи в роли имиджмейкеров?! День социолога](#)).

...До сих пор социологи имиджмейкерством не занимались, а если и занимались, то стеснялись в том признаться. Теперь уже некоторые из них (в том числе такие, от кого не ожидал) заявляют об этом «во весь голос».

Может показаться удивительным, что этот скандальный, в сущности, эпизод преобразования социологии в пропаганду не вызвал никакого (хоть профессионального, хоть гражданского) протеста в социологическом сообществе, зато такое возмущение вызвали критические сообщения социального аналитика относительно вероятной (неплохо бы проверить методическими экспериментами!) систематической ошибки в материалах социологических опросов. (8.12.2013)

Чем, на твой взгляд, обернется для российской социологии затеянное правительством и некоторыми академиками преобразование Российской академии наук?

А каких академиков Ты имеешь в виду? По-моему, это тот случай, когда власть вытерла ноги об Академию наук и ее сотрудников, включая академиков, независимо от готовности столпов науки этому сопротивляться или, напротив, отдаться на произвол судьбы. Но я не знаю ни одного академика, который был бы среди инициаторов этой «реформы» или хотя бы приветствовал ее.

Для российской социологии указанное преобразование (чтобы не сказать – ликвидация) РАН тоже будет иметь деструктивные последствия, но чуть меньшие, хотя бы потому, что «академическая социология» уже давно и без всяких реорганизаций и переподчинений уступает в авторитете и символическом капитале иным, не академическим научным учреждениям. В качестве примера достаточно привести [петербургский Социологический институт РАН](#), ассоциированным членом которого Ты являешься.

Я помню, еще в годы работы в ИСЭП АН СССР ты начал собирать то, что тогда называлось «независимой прессой». Именно эта коллекция послужила началом «Алексеевского архива»? Что он собой представляет сегодня?

Нет, работая в ИСЭПе (т. е. во второй половине 1970-х гг.) я сбором «независимой прессы» не занимался, уже хотя бы потому, что пресса была тогда только «партийно-советская» (диссидентский самиздат – не в счет; а если бы я собирал его, то 80-е гг. провел бы скорее не на заводе, а в заключении). Вот с началом перестройки (примерно с 1989 года; я тогда работал в Ленинградском филиале Института социологии АН СССР), я действительно затеял собирать «Архив-коллекцию нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений», который к середине 90-х гг. стал едва ли не самым крупным таким собранием в стране.

Когда я несколько лет назад предпринял составление электронного каталога этой коллекции (в дополнение к ручному каталогу), то оказалось, что только периодические издания в ней исчислялись примерно 10 тысячами названий (в большинстве своем – новых изданий, возникших уже после 1986 г.). Из них свыше одной тысячи названий составлял «периодический самиздат» (его называют также и «независимой прессой», и «альтернативной прессой»), распространявшийся в годы перестройки и после уже открыто.

Территориально этот архив дислоцировался в помещении Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. В течение 90-х гг. «Алексеевский архив» (это название возникло чуть позже) был открыт для специалистов в области социологии, истории, политологии, культурологии, да и для гражданских активистов, являвшихся, кстати сказать, главным источником пополнения его фондов.

Ко времени возникновения Социологического института РАН (рубеж 90-х – 2000-х гг.) произошел «наезд» со стороны пожарников и пришлось общественный научно-информационный центр, каким был этот архив, закрыть, а материалы коллекции законсервировать. Несколько лет длились поиски подходящего для фондов «Алексеевского архива» помещения, для чего даже была создана соответствующая некоммерческая организация, получившая грант Фонда Форда (тогда еще не было речи об «иностранных агентах»).

Кончилось дело тем, что я, как главный держатель (собственник?) архива-коллекции, подарил все это богатство в хорошие руки, а именно НИЦ (Научно-информационный центр) «Мемориал», который сумел приобрести для этого архива подходящее помещение, вот только для расконсервации фон-

дов и обеспечения возможности работы в архиве (с архивом) пока не хватает ресурсов.

Зато решена важнейшая задача – обеспечение сохранности этих материалов. А сколько таких самостоятельных собраний ценнейших артефактов времени (коллекций документов, независимых библиотек и т. п.) растворились, погибли, ушли в макулатуру! Так что «Алексеевскому архиву», можно сказать, повезло.

К какому из направлений (или сфер приложения сил) своей деятельности ты относишь онлайнный «продукт», названный «В поисках Адресата»? Какое место в логическом, методологическом отношении занимает эта работа в ряду книг «Драматическая социология...» и «Профессия – социолог...»?

Я рад, что Ты вспомнил эту работу. Уже по одному тому, что она наша совместная, мы оба – на титуле. В сущности, это наша с Тобой эпистолярная хроника за 2006 год (когда Ты, кстати сказать, брал у меня первое биографическое интервью). Я тогда еще не имел своей электронной почты и мы обменивались письмами через посредников (Леонида Кесельмана, Аллу Родионову).

Переписка затрагивала широкий круг тем и сюжетов – не только биографическое интервью. «По ходу дела» в рамках этой переписки мне довелось изготовить пару статей-эссе, которые впоследствии публиковались и по отдельности. Переписка – вообще самый свободный из жанров, в котором сочетаются (синтезируются?) творчество, познание и общение, а человек выступает во всем многообразии своих жизненных сил, интересов и проявлений.

С развитием интернета, точнее сказать – с моим овладением этой технологией коммуникации, именно переписка по электронной почте (в отличие, кстати, от так называемых социальных сетей и блогов) стала ГЛАВНЫМ моим жизненным занятием. Та наша переписка 2006 г. оказалась опробованием, испытанием данного «способа существования» (в том числе и профессионального).

Уже в «Драматической социологии...», вышедшей в свет незадолго до этого, письма автора своим друзьям и коллегам занимали весомое место. А в «Профессии – социолог...» они, пожалуй, превалировали в составе книги. Причем не письма-монологи, а именно эпистолярный диалог. Наш с Тобой диалог, отображенный в «В поисках Адресата», строился естественным образом, но, по счастью, достаточно рано был осознан, по крайней мере мною, как своего рода научно-литературный продукт. Так что «слепить» эту композицию (подчеркну: ни-

как не редактируя первичные тексты!) впоследствии не составило большого труда.

Кстати, мы обнародовали эту нашу «научную переписку» уже шесть лет спустя, дав материалу «отлежаться».

Если рассмотреть совокупно «Драматическую социологию...», «Профессию – социолог», «В поисках адресата», то каким термином ты обозначил бы весь этот, скажем так, «мегапроект»? Для меня очевидно, что он далек от завершения, он впитывает очень много... а как ты думаешь, когда он начался, точнее, в чем его истоки? Его предметную специфику назвать очень сложно: это социология труда и образа жизни, социология семьи и культуры, социология науки и профессиональных межличностных отношений... не проще очертить и объектное многообразие твоего исследования. Итак, слово тебе...

Не помню, говорил ли в интервью 2006 года, что на определенном этапе профессионального (да и жизненного) созревания, где-то в середине 70-х, сложилось – поначалу смутное – осознание собственной жизни как своего рода объекта включенного наблюдения (в какой-то из статей я именно так и заявил, а отчасти реализовал – в 3-летнем опыте жизненного автохронометража, о чем, если спросишь, могу рассказать подробнее).

По времени это совпало с персональным дрейфом от «количественной» к «качественной» социологии, точнее сказать – к практике использования качественных методов исследования. (См. об этом недавно разысканный фрагмент нашей беседы 2006 года, приведенный выше).

Моей инновацией было то, что впоследствии получило название НАБЛЮДАЮЩЕГО УЧАСТИЯ – хоть в социальных процессах, хоть в собственной жизни (скажем так: в процессах и ситуациях, в которые ты самой жизнью погружен). Суть этого метода (исследования? жизни?) я неоднократно объяснял, как **познание действием**, или исследование реальности, среди прочего, через последствия своих действий в ней.

Сам субъект исследования отказывается от минимизации «возмущающего» воздействия на изучаемую среду и превращает собственную жизнедеятельность в фактор и своего рода инструмент исследования.

(В современном социологическом дискурсе распространена формула: «акционистские и партисипаторные методы». Это, в общем, из той же оперы).

Тут, наверное, следует подчеркнуть когнитивную (познавательную) составляющую и / или интенцию практической деятельности. Все мы участники собственной жизни, но не

каждый наблюдает, фиксирует и рефлексивизирует это участие, да еще – «в социологических целях».

Питерский социолог, профессор СПбГУ Владимир Ильин нашел для этого удачную формулу: «социология как образ жизни». Мы с ним «исповедуем» в общем одну методологию. Кстати, сказать, моя *драматическая социология* не потому «драматическая», что драматична, а потому, что оказывается органической частью и вместе с тем отображением жизненной – бери шире – социальной драмы, на каком бы уровне общности ее ни рассматривать.

С позиций сказанного, «мегапроект» драматической социологии в известном смысле совпадает с жизненным «мегапроектом», каковой реализуется, осознанно или стихийно, практически всяким человеком, вопрос – ради чего? Ради самоутверждения, ради близких, из гражданских побуждений... Среди прочего может быть и познавательная цель.

Понятно, что жизненные мотивы множественны и переплетены друг с другом. В иерархии мотивов приоритетным может оказаться и социальное познание, имеющее своим «архетипом» инстинкт любознательности. Очень, кстати сказать, человеческое качество, хотя и не только человеческое.

Когда начался такой проект? Ну, в качестве профессионального (или, может, прото-профессионального) он начался в середине 70-х, когда волею обстоятельств я оказался в совершенно не органичной для себя роли секретаря партбюро Института социально-экономических проблем. Как уж я там с этой ролью справлялся – отдельная тема, но «побочным» продуктом данной деятельности оказалась папка документов.

Эти документы (в основном собственного изготовления, от протоколов заседаний партбюро до объемной статьи об истории становления ИСЭП, написанной для стенгазеты) как-то сами собой стали складываться то ли в хронику, то ли в драму, скажем так – в драматическую хронику или институциональную драму. Осталось потом только составить список действующих лиц и озаглавить акты и «сцены», да иногда сопроводить их «репликами».

Впоследствии образовалась привычка – складывать документы в папки в некоем хронотематическом порядке, так чтобы легко было, при надобности, найти, но и чтобы некий сюжет образовался, интрига прослеживалась. Документы могли быть официальные, могли быть и личные; это был архив, но организованный как для внутреннего пользования, так и – отчасти – для восприятия другими людьми. Здесь опускаю «технологические» детали.

Более или менее осознанной стала эта практика с началом «эксперимента социолога-рабочего» (1980), когда мало-малышки упорядоченный архив стал складываться в хроники и «циклы», которые много лет спустя улеглись в хорошо известную Тебе «Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию». Тут и [«Письма Любимым женщинам»](#), и «Выход из мертвой зоны», и «Театр жизни на заводских подмостках» (это последнее название впоследствии придумала замечательная журналистка, в 80-х годах работавшая в новосибирском журнале «ЭКО», Нина Максимова).

Когда в сентябре 1983 года ко мне домой явились чекисты с обыском, я быстро сообразил, что это – пролог новой документальной хроника. Сейчас не под руками у меня возникшая тогда папка, а название у нее было многосоставное, из которого сейчас помню только подзаголовок: «Игры сталкера».

Обычно я старался комплектовать архив не в единственном экземпляре, выполняя при этом значительный объем машинописных работ, и раздаривал друзьям (может, у кого и сохранилось...). Помню, в первый раз я воспользовался ксероксом уже в 1989 году, в нашем институте на Серпуховской. Кстати, это были копии страничек из дневника 60-х гг. и вырезок из ленинградских газет (собственные журналистские опусы того же времени). Называлась эта папка – «Дурной шестидесятник».

Иногда такие папки или даже переплетенные тома (собрания документов) формировались из отчетов и статей разных лет, вроде «Образ жизни и жизненного процесса» или «Театрального репертуара в движении».

Теперь, особенно с развитием интернета, я все чаще не только перевожу имеющиеся архивы в электронный вид, но и текущие кейсы немедленно отображаю в Сети, в том числе – в электронных СМИ. То есть делаю их достоянием гласности (что само по себе оказывается фактором развития рассматриваемой ситуации). Так было с «делом» Егора Новиковского – [«Наш заурядный / незаурядный случай»](#) на портале «Когита.ру» и с «делом» ветерана Великой Отечественной войны О.Г. Желябужским – [«Деревенская история»](#) (там же).

Ну вот, я постарался очертить и методологию, и отчасти даже технологию того, что Ты назвал «мегапроектом». Что же было все-таки основным его содержанием, темой, ведущим мотивом? При всем, отмеченном Тобой, разнообразии его предметной специфики, я бы определи главную тему как **«Человек и социальные институты»**.

Пожалуй, приведу свою полшутливую миниатюру, которой завершается [том 2/2 «Из неопубликованных глав «Драматической социологии...»](#)».

ЭВРИСТИЧНЫЙ СОН

Как известно, Менделеев впервые увидел свою периодическую таблицу элементов во сне. Это стало предметом специальных исследований в области психологии научного творчества. Лично я сразу забываю сны. Но сегодня два реальных, относительно недавних события причудливо совместились во сне и возник своего рода эвристичный результат, который я запомнил и даже смог реконструировать логику его обретения.

Реальные события такие.

Один мой коллега и друг, вздумал посоветоваться со мной о выборе темы своей научной работы на ближайшие годы, которую он, хотя бы в силу своего возраста и положения, волен сам себе определять и формулировать. А другой мой друг, он же – наставник, последнее время стал советоваться со мной, правда, не по собственно научным, а, скажем так, по научно-гражданственным вопросам, связанным с положением дел в нашем профессиональном сообществе.

И вот во сне мне причудилось что второй задал мне вопрос, который интересовал первого. И я – во сне же – стал решать задачу на оптимизацию.

Я счел, что Наставнику эта тема не должна быть совершенно внове, чтобы можно было использовать прежние заделы. Далее, я забраковал возможность как сугубо теоретического, так и эмпирического исследовательского проекта, понимая, что и тот, и другой могут оказаться слишком долгосрочными. Я решил рекомендовать ему методологическую тему, которая, как мне кажется, всегда мозаична и бесконечна. И еще – во сне мне показалось, что и я сам в эту тему должен быть как-то включен, чтобы Наставнику было кого наставлять. А стало быть – и мне она должна быть близка.

В итоге, я предложил своему другу и наставнику – во сне! – такую тему: **«Методология изучения взаимоотношений личности и общества»**. И вполне удовлетворенный этим результатом, поспешил проснуться.

Я заверяю, что этот скромный / нескромный результат получен именно во сне. Сон – бесфабульный (или я фабулу забыл). Так сказать, «приключение духа».

Между тем, не так уж я оказался и оригинален - в общем-то во сне «перепел» самого себя наяву. В предисловии к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (2003; т. 1 с. 11), как оказалось, можно прочитать:

«В итоге сложился комплексный предмет исследования, который можно определить как «взаимодействие личности и общества; человек в системе реальных общественных отношений».

Понятна вся неисчерпаемость такой предметной области. Однако, в меру своих сил, автор постарался осветить эту область средствами «экспериментальной социологии» (наш термин 80-х гг., впоследствии смененный на «драматическую социологию»).

А теперь – вопрос друзьям и коллегам. Отгадайте, кто именно мне приснился?

Андрей Алексеев. 5.02.2012.

Похоже, Андрей, в 2010 году ты «отчитался» перед собой 4-х томником «Профессия – социолог», в 2011 году ты, похоже, в фокусе внимания держал работу над «В поисках Адресата». В процессе подготовки этих книг ты очень глубоко вошел в Интернет, «сроднился» с электронной почтой. Эти твои проекты можно рассматривать и как очень удачный, во многом пионерный (во всяком случае для российской социологии) опыт расширения инструментария и организации наших исследований. Это интересно и в том отношении, что эту новую нишу стал обживать социолог старшего поколения, имеющий солидный стаж офф-лайновых разработок. И здесь два вопроса.

Первый, не мог бы ты просуммировать свой опыт работы с использованием Интернета и электронной почты? Что тебе дало обращение к новой электронной технологии?

Мой второй вопрос: «Как на твоём пути появился портал Cogita.Ru? С чего все началось, как развивалось, какие возможности он дал тебе как социологу, имеющему выношенную за многие годы концепцию наблюдений (разных типов) взаимоотношений личности и общества?

Сначала одно замечание к твоей привязке тех или иных трудов к определенным датам. Я думаю, это эхо бюрократических норм организации научной работы. Момент обнародования результата, как правило, не совпадает с моментом завершения труда (разве что, в он-лайновых изданиях), не говоря уж о периоде его (этого труда) выполнения.

Так, 500-страничный том «В поисках Адресата» был фактически написан в процессе нашей с Тобой переписки 2006 года, а в 2011 году я затратил меньше месяца на композицию и макетирование. Работа над «Неопубликованными главами «Драматической социологии...»» ([тома 1, 2/1, 2/2](#)) в 2012–2013 гг. заняла побольше времени, Но ведь в основном эти тома составлены из текстов, «не вместились» в «Драматическую социологию» (вышедшую в 2003–2005 гг.), а написанных и / или набранных в компьютере в 1999–2001 гг. или еще раньше. Особенно если учесть, что я ко всякому тексту (включая

собственные) подхожу как к документу и не позволяю себе эти тексты редактировать. (Даже при сокращении всегда ставлю: <...>).

Ну, все это приходится оговаривать в предисловиях, а на титуле, понятно, стоит дата «выхода в свет».

Стоит заметить, что с компьютеризацией (даже еще до интернетизации) сохранность такой работы «впрок» и продуктивность за счет обращения к «запасникам», существенно возрастает, поскольку держать в относительном порядке электронный архив куда проще, чем бумажный. А уж копирование в файлах и перестановка готовых кусков не сравнить с работой ножницами и клеем.

Теперь об интернете. Ты мне задал вопрос, для ответа на который мне достаточно даже не в своем архиве поискать, а во всемирной паутине, где «в соответствующем месте» размещен [№ 14 журнала «Антропологический форум» за 2011 год](#). Помню, Марина Ильина, одна из редакторов этого журнала, предложила мне поучаствовать в форуме на тему «Научное знание в условиях интернета». Вот этот текст:

Согласимся, что Интернет не просто новейшее технологическое средство, а социальный институт, возникновение которого произошло буквально на наших глазах, а функционирование успело за пару десятилетий наложить существенный отпечаток на деятельность всех остальных институций. Интернет — важнейший элемент и фактор современной информационной революции.

Относительно научного знания Интернет выполняет, как минимум, следующие основные функции: а) распространение знаний; б) техническое обеспечение научной коммуникации; в) информационный источник или ресурс. (а) и (в) суть внешние, а (б) — внутренняя для социального института науки функция Сети.

Современный ученый, избегающий Интернета или лишенный возможности его использовать в этих трех его ипостасях, фактически обречен на катастрофическое снижение собственного потенциала познания, общения и творчества.

Понятно, что Интернет — очень слабо дифференцированное информационное пространство, в котором качественное знание перемешано с информационным мусором, массовая, специальная и личная коммуникация переплетены, наука соседствует с паранаукой и т.д. Но в сущности, это свойственно не только Интернету, а и современной коммуникации вообще. При обращении к Интернету возрастает роль профессиональной, нравственной и, если угодно, эстетической *избирательности субъекта*.

Пользователь Интернета, будь то в процессе информационного поиска, электронного общения, публичной коммуникации, постоянно выступает в роли *эксперта*. Чем качественнее эта экспертиза, тем производительнее его информационный труд.

Глобальная информационная база предоставляет, так сказать, равные возможности для чрезмерной доверчивости и для контроля достоверности. Вопрос о фильтрации, отделении научного знания от его имитаций и суррогатов в Интернете решаем отчасти техническими средствами (по аналогии с борьбой со спамом). Однако по-прежнему последнее слово остается не за машиной, а за человеком, оперирующим с информацией в Сети.

Когда-то на заре Просвещения эпистолярное общение выступало одной из первичных форм научной коммуникации. Сейчас, с развитием Интернета, происходит своего рода реинкарнация этой формы при всевозрастающем значении многополюсных диалогов (полилогов), форумов, заочных конференций и т.п. Мало того, становится нормой *повседневное* рабочее сотрудничество отдельных ученых и научных коллективов, разделенных в пространстве.

На наш взгляд, роль Интернета как «поля» для гуманитарных и обществоведческих штудий пока недооценивается. Так, многие задачи, решаемые традиционными методами эмпирической социологии, могут куда более оперативно и «экономно» реализоваться посредством целевых и случайных выборок и анализа материалов Сети.

Понятно, что репрезентация социума здесь специфична. Например, так называемые интерактивные опросы создают заведомо ложное представление о реальных соотношениях социальных черт и мнений. Но для решения задач типологизации явлений и процессов, для выявления нарождающихся тенденций обращения к Интернету может оказаться вполне достаточно. Разумеется, мониторинг «картины мира» в Сети требует специальных процедур корректировки. В то же время в ситуации плюрализма отображений возможно и своего рода взаимопоглашение аббераций.

Подводя итог нашим ответам на вопросы журнала, могу сказать: будучи продуктом научно-информационного и технического развития, Интернет становится его (этого развития) приоритетным глобальным фактором.

Краткая анкета: Отношу себя к старшему поколению (76 лет). Под влиянием Интернета радикально изменилось не содержание, но форма и режим моего профессионального труда.

Это – общая постановка вопроса. А конкретно – без интернета, в частности, без электронной почты, не было бы ни моих, ни твоих многостраничных томов. Не было бы нашего «незримого

колледжа» (форум по биографике в рамках вашего с Дмитрием Шалиным проекта «Международная биографическая инициатива»). Не было бы новых для меня форм профессионального общения, будь то двустороннего (переписка он-лайн) или одностороннего (рассылки по электронной почте). Это еще при том, что я «старомодно» игнорирую «социальные сети» и не веду «живого журнала».

Интернет существенно облегчает мониторинг, а иногда и непосредственное участие в текущих процессах современности. Остановлюсь на такой ранней, но живучей форме интернет-взаимодействия, как рассылки. (Эта форма возникла еще до распространения социальных сетей типа «ВКонтакте» или «Фейсбука»).

Из книги А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия – социолог...» (том 1, с. 255–256):

«...Рассылка – особая форма коммуникации в Сети. В отличие от блогов, форумов, сайтов, где информация потенциально адресована и доступна всем (иногда – всем зарегистрировавшимся), здесь имеет место одновременное сообщение одной и той же актуальной информации заранее определенному, фиксированному кругу адресатов. Обычными являются рассылки, осуществляемые организациями (иногда их называют «подписками»). Реже – рассылки предпринимаются частным лицом, добровольно берущим на себя функции информатора своих коллег или знакомых.

Для осуществления систематической рассылки необходимо согласие каждого из ее получателей.

Обычно рассылка включает в себя некоторое сообщение или материал (материалы). Но может быть и просто собранием сетевых ссылок, которые получатель, при желании, сам откроет в Сети. Возможны комментируемые сводки ссылок.

Будем различать рассылки-«монологи» и рассылки-«диалоги» («полилоги»). Первые – обычно – не раскрывают круга адресатов (используется технология «скрытых копий» в электронной почте). Ответ на такие рассылки, понятно, не исключен, но только в единственный адрес – источника, автора рассылки. Второй тип рассылок – при открытом, явленном списке адресов – позволяет любому ее адресату на всякое сообщение отвечать всем, одновременно (технологически это облегчено специальной опцией в электронной почте). В таком случае это становится специфической формой форума, или дискуссии в блоге, только с ограниченным кругом участников.

Рассылки-«монологи» характеризуются информационной функцией, по преимуществу. Рассылки-«полилоги» – это

обычно обсуждение, взаимоуточнение, спор. (*Этот текст датирован 2008 годом. – А. А.*).

Мои рассылки начинались в 2007 году примерно с сотни адресатов. (Впоследствии круг расширился до нескольких сотен).

Первый выход рассылок Алексеева в анонимную, публичную сферу состоялся почти сразу же, 6 лет назад. Тогда моя декабрьская рассылка 2007 года попала на страницы сайта Фонда «Либеральная миссия», со следующим предисловием «от администрации»:

«Под Новый года так и хочется нарушить какое-нибудь сложившееся правило – например, разместить под серьезной рубрикой немного озорной и не предназначенный для широкой публики текст. Что мы и делаем с удовольствием. Такие послания под общим девизом (см. заголовок) (*«Делать что должно».* – А. А.) регулярно направляет друзьям и коллегам известный питерский социолог Андрей Алексеев. По сути, его обзоры представляют собой нечто вроде новейшего самиздата или, если хотите, мини-энциклопедии быстротекущей российской жизни. С разрешения автора расширяем на сей раз круг его адресатов».

Обычно мои рассылки предварялись обращением к адресатам. Например:

Уважаемые коллеги и друзья!

На протяжении последних полугода я систематически (хоть и не всегда регулярно...) делал так называемые рассылки на актуальные научные, культурные, политические темы – примерно в 200 адресов, людям, которые выражали заинтересованность в их получении.

Апрель (2008 года. – А. А.) выпал настолько перегруженный другими делами, что не удалось сделать ни одной рассылки. Мною получено несколько тронувших меня писем, с беспокойством, не исключил ли я автора из рассылки. Нет, разумеется. Я исключаю только тех, кто меня об этом сам попросил. (Таких за полгода было меньше десятка).

Потерян ли этот месяц? Я решил поступить следующим образом. Поскольку мои рассылки, строго говоря, суть побочный продукт собственного виртуального архива, а последний складывается из личной переписки и работы с Интернетом, я просто отправляю сегодня «сырое» собрание ссылок, практически без комментариев. Каждый сам, пробежав эти странички глазами, найдет для себя нужное (если найдет).

Заранее подчеркну: заведомо – ВСЕМ ВСЕ НЕ ИНТЕРЕСНО. <...> (Из рассылки от 7.05.2008 («Мой виртуальный архив»)).

Точнее было бы сказать: **«Все не может быть интересно всем»**. То есть постулировалась заведомая избирательность пользования этим моим «самиздатом». Впрочем, иногда у меня бывали и специализированные рассылки: для социологов; для петербуржцев; и т. п. Бывали и монотематические рассылки (посвященные какому-то одному событию или теме).

Признаться, я вел этот мониторинг скорее для себя, отбирал из интернета тексты, которые были МНЕ интересны. Но коль скоро это делаешь «для себя», почему не поделиться с другими? Иногда в рассылку (обычно – более узкую) попадали и собственные (авторские) тексты, представлявшие, на мой взгляд, общественный интерес.

Так продолжалось несколько лет. В одной из рассылок 2011 года я попытался очертить круг информационных ресурсов, которыми я пользовался для своих обзоров. Оказалось, не так уж их много – около 20 (несколько электронных СМИ, рассылки других лиц и организаций, не считая личной переписки с коллегами и друзьями). В одной из рассылок уже недавнего времени я писал:

...Возьму, для примера, один из ресурсов: «Новая газета» Всего один номер – последний (вышел вчера!). Я читаю обычно от корки до корки. Ну, а попробуйте прочитать хотя бы полдюжины материалов. И Вы почувствуете действительную, едва ли не смертельную мерцательную аритмию нашей общественной жизни... (Из рассылки от 12.07.2011 («По страницам Новой газеты. Хранил просто так... Бесовщина»))

Где-то на рубеже 2011-2012 гг. я озаботился составлением годовых сводов своих рассылок и разместил их в Сети на Яндекс.Народ.ру. Вот их (этих сводов) названия и адреса: [Делать что должно \(2007\)](#); [Рефлексия. Действие. Смех \(2008\)](#); [Оборона Петербурга \(2009\)](#); [Сезам, отворись! \(2010\)](#); [Вас снимает скрытая камера истории \(2011\)](#). В каждой из этих композиций по несколько десятков рассылок.

Почему я так подробно рассказываю о рассылках? Потому что из них и выросла колонка, а впоследствии блог Алексеева на питерском портале «Когита.ру».

Информационно-аналитический портал www.cogita.ru – «Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада» – был учрежден в мае 2009 года Региональным общественным учреждением Научно-информационный центр «Мемориал» с центром в Петербурге. Я, хоть и не член «Мемориала», весьма близок к этой общественной организации. (Достаточно сказать, что именно этому сообществу энтузиастов подарен так называемый

мый «Алексеевский архив» и именно НИЦ «Мемориал» нашел для этого, действительно уникального, архива-коллекции помещение и обеспечивает его сохранность).

Пожалуй, спецификой Когита.ру, независимого электронного СМИ, является освещение проблематики гражданского общества и вопросов, значимых для гражданского общества. Так, по крайней мере, я понимаю [его миссию](#). Название портала происходит от известного философского высказывания, принадлежащего Декарту: «Cogito ergo sum» – «Мыслю – следовательно, существую». «Cogita!» можно перевести как «Думай!».

Мне приходилось публиковаться на этом портале в 2010–2011 гг. (В частности, именно там я вел гласный мониторинг «дела» Егора Новиковского, в общем – заурядного, но получившего резонанс именно благодаря этому мониторингу. Иногда портал инициативно публиковал по преимуществу авторские фрагменты моих рассылок – особенно – социологические сюжеты.

В октябре 2012 года я получил приглашение от главного редактора и директора «Когита.ру» Татьяны Косиновой к регулярному участию в портале, в качестве волонтера-колумниста и комментатора, причем с правом самостоятельно вывешивать подготовленные мною материалы (действуя по принципам так называемого краудсорсинга).

Я взялся за дело довольно резво, так что за полгода разместил на портале свыше 500 материалов (получается, примерно по три в день). Поскольку по объему это было больше половины всего контента Когита.ру появилось то, что некоторые стали называть «алексеевским лицом» Когиты.

Не следует думать, что все 500 материалов были написаны мною самим или приглашенными мною авторами. Я перенес на Когиту принцип своих рассылок (см. выше). Отчасти портал стал дайджестом, но в случае воспроизведения из других ресурсов, уже известная информация (разумеется, с аккуратной ссылкой на ресурс, откуда взято), как правило, сопровождалась моим комментарием, предъявлялась в контексте других сообщений и с оригинальным заголовком, на которые, как Ты знаешь, я мастак. Да и сам отбор сюжетов для освещения на информационно-аналитическом портале – дело творческое.

Моим кредо было, пожалуй, следующее: **«Развлекаю, просвещаю; просвещаю, развлекаю».**

В итоге, весной 2013 года на Когита ру появился материал под названием [«О разделе «А.Н. Алексеев»](#)», написанный директором портала (с моей небольшой корректурой):

Названный раздел вырос из колонки, которая к маю 2013 окончательно переросла свои рамки и размеры и во время

структурной и тематической реформы портала в мае 2013 была выделена в самостоятельный кластер в верхнем меню.

На наш взгляд, раздел является актуальной частью [«Алексеевского архива»](#). По собственным словам его создателя, он представляет собой не репрезентативную, а вполне себе субъективную выборку тем, идей и эпизодов нашей жизни, обозрение и панораму событий, иногда – не только местные (региональные), но и общеполитические новости, новости социологической жизни, а также «мемориальная», правозащитная, градозащитная, экозащитная информация, новости науки и культуры, анонсы событий и репортажи об этих событиях и т. д., и т. п. Порой и не только «новости», вернее – новостью оказывается само по себе обращение к той или иной теме, которую колумнист считает актуальной, заслуживающей внимания своих адресатов и / или посетителей портала.

Поскольку мы не только проживаем нашу жизнь, но и неизбежно кое-что откладываете в памяти, колумнист старается и эту «архивную» задачу своим адресатам облегчить: ведет инвентаризацию опубликованных на Когита!ру «своих» (и не только «своих») материалов. Обычно это имеет вид свода названий и аннотаций (навигатора по материалам портала) за очередной месяц...

Эта моя **самостоятельность** на портале Когита.ру продолжалась еще семь месяцев, аж до нынешнего Нового года. Пока Ты (и еще несколько близких друзей, не получили от меня – в последних числах декабря - сообщение о том, что свою регулярную (повседневную) волонтерскую работу на Когите, я вынужден прекратить, ввиду «профессиональных и стилистических разногласий с директором портала». Дальше процитирую свое собственное предновогоднее письмо к Тебе:

...Многие в последние время стали отождествлять Алексева с Когитой и наоборот, Так вот, от такого отождествления в 2014 году придется отказаться.

В будущем году на Когите не будет ни рассылок Левада-центра, ни информации о гуманитарно-научной жизни (за небольшими исключениями), ни общеполитической информации (не имеющей прямого отношения к Северо-Западному региону), ни, например, информации о Евромайдане и т. п. Формально говоря, за мной остаются право и возможность вывешивать там собственные эссе и эксклюзивно для Когиты написанные материалы моих ближайших коллег, но я не уверен, что стану активно пользоваться этой возможностью.

Тут, как всегда, переплетаются множество причин и поводов, среди которых можно предположить и сугубо субъективные, и объективные (по крайней мере, кажущиеся таковыми).

Удаление предновогоднего материала, оживленного при-
сланным Тобой фото В. Юраш, было вызвано достаточно широким распространением цитируемых там текстов в Сети. Также было удалено воспроизведение мною на Когите – в качестве документа - первого (после освобождения) интервью с Ходорковским. (Будто бы это не понравилось интервьюеру – редактору журнала «The New Times» Евгении Альбац). И т. д.

В письме к Анри Кетегату, который выразил сожаление, что Алексеева «отстранили от руля Когиты», что «неизбежно скажется на уровне проблематики и анализа, на степени динамичности информационного потока», а «введение Когиты в северо-западные рамки чревато провинциализацией, сужением круга читателей и авторов», я написал:

«...Вообще-то, Алексеев от руля Когиты себя отстранил сам. Дело в том, что Т. К. стала вдруг слишком часто хватать «рулевого» за руки. Насчет перспективы провинциализации портала – верно. Но дело не только в практиковавшейся мною широте тематики и географии. «Контент-менеджера» не устраивало ИЗОБИЛИЕ ПЕРЕПЕЧАТОК, хотя бы и с оригинальным отбором сюжетов, и с авторскими комментариями. В современной интернет-среде это называется «копи-пастингом», и некоторыми полагается абсолютным злом...»

И еще, из письма к Тебе:

«...Мое расставание с Когитой - не абсолютное. «Колонка» остается, Вот и сейчас - я только что поместил интереснейший текст Анри – «Время – назад»... Возможны и другие «факультативы». Но уже нет и не будет на Когите Алексеевской «панорамы мира» и «субъективной летописи» ...»

Фактически заполняя Когиту на 2/3, я был ее «нянькой» или «мамкой», что хлопотно.

Теперь освобождается время и для 3-го тома «Неопубликованных глав...», и для нашего с Тобой интервью. Был - этап жизни, начался другой. Нормально!..

В сугубо официальных выражениях, я предупредил о предстоящих изменениях своего сотрудничества на Когите и пользователей портала – в своем [«новогоднем заявлении»](#).

Да, а что же рассылки? В 2013 году я стал рассылать все тем же нескольким сотням адресатов уже не обозрения-композиции наиболее интересных (с моей точки зрения) материалов, гуляющих в Сети, а полные, хронологически упорядоченные

архивы (списки материалов) и навигаторы (гиперссылки) по публикациям Когита.ру – за месяц, за квартал... Теперь это, пожалуй, теряет смысл. Возможно, вернусь к практике неформальных рассылок.

В любом случае, так или иначе сохраняются исповедуемые мною принципы: «*Multum non multa*» (Многое, а не много) и «*Verba volant - scripta manent*» (Слова улетают – написанное остается).

Я не помню, обсуждали ли мы с тобой тему социологических школ, в частности – такого образования, как «ленинградская социологическая школа». Если ты считаешь, что понятием «ленинградская социологическая школа» обозначается нечто реально существующее или существовавшее, то в чем «ядро», отличительные признаки этой исследовательской культуры?

При всей распространенности этой формулы, я бы предостерег от определения или обозначения научных школ по региональному признаку. Это возможно, когда в данном городе (регионе) есть или был один общепризнанный первопроходец или лидер (ну, скажем, Л. Коган – в Свердловске, З. Файнбург – в Перми, Ю. Вооглайд – в Эстонии) или когда группа ученых работает в тесной спайке, характеризуется тематической и методологической общностью.

Не случайно не говорят о «московской» научной школе. А «ленинградская», это кто – ученики И. Кона, А. Харчева, В. Ядова, А. Здравомыслова, О. Шкаратана, С. Кугеля? До чего же они все разные – и учителя, и ученики, и ученики учеников! Это еще при том, что заочное влияние может быть не менее значимым, чем непосредственное сотрудничество. Для меня, например, двухгодичные «мои университеты» (1969–1970) в Новосибирском академгородке (где я практически «разминусь» с В. Шубкиным и В. Шляпентохом: тот и другой в 1969-м переехали в Москву; а Т. Заславская и Р. Рывкина работали в другом институте) были не менее значимы, чем работа в командах ленинградских «отцов-основателей». А книга москвича Б. Грушина «Мнения о мире и мир мнений» (практически при отсутствии личных контактов) сыграла едва ли не решающую роль на начальном этапе профессионального становления ленинградца А. Алексеева.

Так что я воздержусь от ответа на этот твой вопрос, хотя и не настаиваю на том, что, скажем, «ленинградская» или «новосибирская» социологические школы – это мифы.

Я сам знаю, насколько сложно отвечать на вопрос о планах в работе, и все же, ты предполагаешь продолжить «Профессию – соци-

олог» или нечто, в созданной и отработанной тобою стилистике?

Ну, Боря, на пороге 80-летия, не стоит говорить о слишком дальних планах. Хотелось бы довести до электронных изданий две книжки: «Корни и ветви (В помощь пишущим о редках и о себе самом / самой: «эстафета памяти» и дюжина примеров семейной хроники)» и «Куда идут дела в стране? (по материалам опросов Левада-центра, и не только)». Обе сейчас в процессе авторского макетирования.

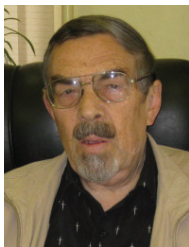
Все остальное, уже готовое и «текущее», должно вписаться в следующий том «Из неопубликованных глав «Драматической социологии...»». Как и предыдущие тома, это будет электронное издание.

Стоит заметить, что, в частности, благодаря интернету (см. об этом выше) практически нет проблем с «внедрением» своих научно-литературных продуктов в публичную сферу. Лично для меня – это и [питецкий «Телескоп»](#), и [«Международная биографическая инициатива»](#), и [сайт Центра социального прогнозирования и маркетинга](#), и журнал Евгения Берковича [«Семь искусств»](#) (где даже специальная рубрика возникла – [«Драматическая социология»](#)), и, наконец, тот же портал [Когита.ру](#). Иногда дата постановки последней точки и дата обнародования – буквально совпадают.

Андрей, я, кажется, исчерпал свои вопросы на данный момент... но готов поддержать нашу беседу по предложенной тобою теме, которая позволит тебе высказать еще не высказанное.

Знаешь, мне было интересно, что Ты спросишь, не меньше, чем Тебе – что я отвечу. Давай, сохраним эти правила игры. Интервьюируемый должен быть не слишком инициативен. Иначе это может превратиться в «самоизлияние». Интервью – это соавторство, где роль ведущего уготована интервьюеру.

Август 2013 – январь 2014.

Гилинский Я. И. – закончил юридический факультет Ленинградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ. Основные области исследования: криминология и социология девиантного поведения. Первое биографическое интервью с Гилинским состоялось в 2005 году, оно представлено в томе 2 этой книги: Я. И. Гилинский: «...Я начинал как чистый уголовник...», настоящее – в августе 2013-январе 2014 гг.

**ГИЛИНСКИЙ Я.И.:
«МОЕ “ЛИЦО” –
ВРОДЕ
ПРОФЕССИОНАЛ,
НО ВСЕ ВРЕМЯ КУ-
ДА-ТО ЗАНОСИТ»***

25 августа 2012 года я писал Я.И. Гилинскому: «Яша, как интересно история легла, я ничего не подтасовывал. Сегодня 25 августа 2013 года, а вот фрагмент из моего письма тебе от 24 августа 2004 года, т.е. ровно девять лет назад: «Так случилось, что в ближайшем выпуске “Телескопа” ты найдешь мою большую статью о Грушине <...> В том ж выпуске будет сообщение о том, что журнал открывает новую рубрику “Современная история российской социологии”, Михаил Илле попросил меня ее вести, и я согласился. Считаю очень важным изучать историю «нашего» времени». И далее шел вопрос: «Может и ты что-либо вспомнишь и напишешь?». В моем архиве не сохранился твой ответ, но, похоже,

* Гилинский Я.И.: «Мое “лицо” – вроде профессионал, но все время куда-то заносит» (Интервью Б.З.Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2014. № 3.

ты отнесся к моему вопросу положительно. Во всяком случае, 9 января 2005 года, когда рубрика начала оформляться, я написал тебе: «...хотел бы я и с тобою поговорить. Найдешь ли время? Найди время. Хватит ли энергетики? Отыщи. Моя точка зрения, что это надо». И буквально через несколько минут я получил твой ответ: «... конечно, ты задел меня за живое. Я сам давно думаю об истории натворенного нами и лично мною...».

То, первое, наше интервью протекало стремительно и было опубликовано в «Телескопе» №2 за 2005 год [1].

Что главное произошло в твоей профессиональной жизни? Что в целом тебе удалось сделать с 2005 года?

Как катастрофически бежит время! Я думал, лет 5 прошло с нашего предыдущего разговора...

Когда перевалило за 70 лет (и уже вплотную подходит к 80...), начинаешь думать о подведении итогов. Поскольку я давно живу по Кодексу бусидо: «Ложась спать, думай о смерти; утром, вставая, думай о ней», - я спешу в этом самом подведении (впрочем, кому это надо?..).

Есть два «раздела» моих итогов. Один – *персональные* работы. Так, в 2007 г. вышло второе издание моей «Девиянтологии» (СПб: Юридический центр Пресс, 2007), а в 2013 г. – третье издание и последнее (СПб: Алеф-Пресс, 2013). Книга – свыше 630 страниц и более 950 использованных литературных источников, так скрупулезно собранных моей музой (и женой по совместительству) – Наташей Проскурниной. В 2009 г. вышло второе издание мой «Криминологии» (СПб: Юридический центр Пресс, 2009). Попытаюсь успеть подготовить третье издание в 2014 г. (ЕБЖ^{*}). В 2013 г. вышла моя монография «Социальное насилие» (СПб, Алеф-Пресс, 2013). Это своеобразное научное воплощение моих печальных мыслей о роде человеческом... В книге говорится о насилии криминальном и политическом, экономическом и воспитательном, образовательном и медицинском... Одним словом, о тотальности и системности насилия рода Homo Sapiens (правильнее – sub-sapiens...), в отличие от животного мира. Конечно, многое в ней не отражено: насилие спорта, насилие религии, но я очень спешил, дабы успеть высказаться и тем облегчить душу... Кроме того, в 2004, 2009, 2013 годах вышли сборники моих избранных русскоязычных статей, а в 2009 г. – англоязычных статей (первый такой сборник еще в 2000-м). В 2010 г. опубликована книга

^{*} Кто забыл Л.Н. Толстого, напомним: ЕБЖ – если буду жив.

«Я в Мире, Мир во мне. Неоконченные мемуары» (СПб: ДЕАН, 2010). Название говорит само за себя. Помимо сугубо личного (как в 1934 г. меня вытащили на этот свет, вопреки моему категорическому несогласию; нечто о блокаде Ленинграда; немного о проводимых мною уголовных делах и т.п.), – в книге есть подводящие итоги философские, девиантологические, криминологические главы.

Второй «раздел» итогов, не менее важный (для кого важный?!) – *коллективные* монографии, затеянные мной, вышедшие под моей редакцией и с моим участием, объединившие труд подельников (соучастников) в развитии отечественной девиантологии. У нас с коллегами и ранее были коллективные монографии (о девиантности в России за два столетия, о социальном контроле над девиантностью), но с середины 2000-х годов вышла серия фундаментальных, как мне кажется, коллективных монографий по наиболее актуальным проблемам: «Глобализация и девиантность» (СПб: Юридический центр Пресс, 2006), «Конструирование девиантности» (СПб: ДЕАН, 2011), «Девиантность в обществе потребления» (СПб: Алеф-Пресс, 2012). Сейчас готова и 01.01.2014 г. отдана в издательство («Алеф-Пресс») очередная и, думаю, последняя, завершающая коллективная монография «Творчество как девиантность». Как говорится, дальше ехать некуда... В тех же целях сплочения девиантологических сил создан (под мудрым руководством К. Белоусова) наш сайт абсолютно независимого Санкт-Петербургского Центра девиантологии (<http://deviantology.spb.ru/>), в который входят и публикуются друзья-коллеги из Петербурга, Казани, Тюмени, Уфы, Чехии (москвичи, конечно, полагают сие ниже их достоинства...). Приглашаются все желающие!

Относительно новыми для меня по тематике явились знаковые статьи, с одной стороны, «Исключенные навсегда» (2011) – о безнадежном отставании России от цивилизованного мира и развитых стран и, с другой стороны, «Новый мир? Размышления профана» (2012), «Два лица экономической свободы» (2012) и «О, дивный новый мир!». О. Хаксли сегодня» (2012) – об экономическом, политическом неблагополучии в современном мире. Начинает последнюю серию статья «Все плохо!» (2011) с эпиграфом из тов. Сталина: «Оба хуже!»... Если – коротко, то это: социализм очень плохо, капитализм тоже плохо, и *tertium non datur* (третьего не дано)... А в 2013 г. написана, вывешена на сайте cogita.ru и отправлена для публикации в один из журналов моя «итоговая» на эту тему статья «Ultra pessimo, или Homo Sapiens как страшная ошибка природы...». Думаю, что уже название говорит о содержании,

и все же, заключительные слова: «Итак, рабовладение – плохо, феодализм – плохо, социализм – плохо, капитализм – плохо... И все хуже и хуже... Конечно, остаются солнышко (иногда), вкусная еда (не для всех), любимые женщины / мужчины, музеи, горы и моря, кошки и собаки... Надолго ли?...».

Что касается моей «профессиональной жизни», то, пожалуй, ничего нового: работаю зав. кафедрой уголовного права РГПУ им. А.И. Герцена, профессором кафедры уголовного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, деканом юридического факультета Балтийского института экологии, политики, права (БИЭПП). Езжу на все ежегодные конференции Европейского общества криминологов, на Мировые криминологические (последний раз в 2011 г. в Кобе) и социологические (последний раз в 2010 г. в Гетеборге, готовлюсь к 2014 г. в Йокогаме, ЕБЖ) Конгрессы.

В моих интервью с Андреем Алексеевым и Вячеславом Бачининым отмечается, что увольнение из Социологического института РАН обернулось для них мощной активизацией профессиональной деятельности. Произошли ли это и в твоём случае? Если «да», то как бы ты мог это объяснить?

Честно говоря, я об этом не задумывался. Возможно, что это и так. Если – так, то есть минимум два объяснения. Во-первых, это совпало с возрастом, когда профессиональная деятельность вошла в привычку, стала жизненной необходимостью, достигнутый уровень позволяет быстро ориентироваться в меняющейся ситуации и быстро «научно» объяснять происходящее, а остальные интересы (от девочек до компаний с выпивкой...) отошли на задний план. Во-вторых, просто времени больше освободилось! Работал я на четырех работах, а остался всего на трех! Время девать некуда – знай, работай!...

Яша, ты много преподаешь, пишешь и публикуешь, выступаешь на многих конференциях в России и за рубежом, наверное, под твоим руководством выполнено достаточное количество кандидатских диссертации и к тебе приходят консультироваться докторанты. Расскажи, как тебе удается поддерживать уже многие годы столь высокую научную и преподавательскую активность?

Это, пожалуй, самый сложный вопрос. Как знать, чего не знаешь?... Может быть, генетика. Возможно, «закалка» с детства: с 4 класса, сразу после снятия блокады, до сего дня утром делаю зарядку; зимой ходил без шапки в легкой курт-

ке; работая в Ленинградской области, три года «моржевал»; позднее лазал по горам (Кавказ, Алтай, Карпаты), «бегал от инфаркта»... Очень важно не ходить к врачам! Конечно, к 80-летию поднакопилось болячек, но к врачам стараюсь не ходить: установят 100 диагнозов и 200 способов лечения, каждый из коих противоречит предыдущему. Всегда помню о трех видах белой смерти: соль, сахар, люди в белых халатах... + работать интересно, писать интересно (может болезнь такая: графомания), спорить интересно. И, конечно, моя муза, поддержка, все понимающая Наташа... В старости это намного важнее, чем в молодости. Генетически я еще и «сова». Утром весь мир ненавижу. Это как раз подходящее состояние для официальной (на людях) работы. Вернувшись домой и, поев, сплю 15–40 минут. После этого – «как огурчик», и могу работать до двух часов ночи. А то и позже. Все гениальные мысли приходят после полуночи... И, наверное, еще - Жажда Жизни (повесть такая есть И. Стоуна о Ван-Гоге): люблю женщин, люблю коньяк (настоящий, французский) и хорошее вино (французское, итальянское), страстно люблю путешествовать, люблю море и солнце, музеи, собак и кошек, ну, и люблю работать, творить (ой, как неприлично пафосно все это звучит! Умолкаю).

Сейчас российская криминология развивается в большей степени по Западным направлениям или ищет что-то свое?

Хотим мы того или нет, любая наука интернациональна. Сейчас уже трудно отделить «наше» от «западного». Я бы сказал, что ничего особенного «нашего» я не наблюдаю. Другое дело, что мы плохо знаем развитие современной зарубежной криминологии. Постмодерн, «культуральная криминология» мало известны, и слабо осваиваются. Еще в 70-е – 80-е годы у нас издавалась (переводилась) зарубежная криминология (труды Р. Мертон, Н. Кристи, В. Фокса, Р. Кларка, У. Бондесон, М. Анселя, Х. Тама, Э. Шура и др.). Сейчас практически ноль. За несколько лет перевели не без моей помощи «Криминологию» Дж. Шели (2003) и переводится с подачи московских правозащитников (!) Н. Кристи и Дж. Брейтуэйт (2002), и все! Я привожу с каждой зарубежной конференции одну-две книги зарубежных коллег, но это никого, кроме меня, не интересует. Недавно вышла моя большая статья «Некоторые тенденции мировой криминологии», в которой я по мере своих знаний описываю ситуацию. В этой же статье приводятся результаты проделанного мною контент-анализа тем докладов на 11 европейских криминологических конференциях и четырех

мировых конгрессах, всего свыше 6,5 тысяч выступлений. Можно проследить, как меняется мейнстрим мировой криминологии. Мы страшно отстаем по исследованию киберпреступности, почти не проводятся эмпирические исследования, не используются математические методы анализа. Приятным исключением «математизации» криминологии являются работы представителей «Тюменской школы» - С.Г. Олькова, И.С. Скифского, Э.Г. Юзихановой. Мы плохо знаем новеллы пенитенциарной политики развитых стран (а, зная, пренебрегаем ими...). Кстати, извини меня, я не считаю США вполне цивилизованной страной, пока в штатах сохраняется смертная казнь, и США устойчиво занимают первое место в мире по числу заключенных на 100 тыс. населения (Россия – на втором месте...).

Каков уровень современной российской криминальной (девиантной) статистики? Она отражает происходящее в стране?

Уровень статистики крайне низкий. Да, МВД РФ, Верховный Суд РФ и другие ведомства вывешивают статистику на своих сайтах. Но она крайне убога по «номенклатуре» (особенно, когда сравниваешь, например, с уголовной статистикой Германии! Bundesministerium des Innern представляет полные сведения о различных видах преступности, субъектах преступлений, их жертвах, в разрезе по землям Германии и городам!). МВД РФ выпускает (выпускало?) ежегодные статистические сборники «Преступность и правонарушения». В 1990–1991 гг. их можно было купить в книжных магазинах. В 90-е годы мне их присылало по почте статистическое управление МВД. В 2000-е годы я доставал эти сборники «по блату» через московских друзей. С 2009 г. я ничего и никак не могу добыть... Судя по отчаянным письмам в Интернете, их ищут не я один, и все – тщетно... Сейчас на сайтах МВД, ФСИН и МЮ вывешивается статистика, но столь убогая и не сопоставимая, что работать с ней практически невозможно.

Еще хуже ситуация с «девиантной» статистикой. Самые примитивные данные о самоубийствах (общее количество завершенных суицидов) я смог раздобыть до 2010 г. Данные об алкоголизации и наркотизации населения еще более сомнительны: по принципу «глава федеральной службы считает...».

Постоянное манипулирование уголовной статистикой, массовое сокрытие преступлений от регистрации, «пересортица» (когда жертва убийцы погиб не сразу, а в больнице, преступление квалифицируется не по ст. 105 УК - убийство, а по п.4 ст. 111 УК – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью,

повлекшее смерть потерпевшего) - привели к тому, что профессор М.М. Бабаев заявил в марте 2009 г.: «Ни одной цифре, которая публикуется официально МВД, я – сотрудник МВД, полковник милиции в отставке – не верю. Это бессовестная ложь». Впрочем, примерно так же охарактеризовал российскую уголовную статистику Д.А. Медведев, будучи президентом страны...

Такое отношение к нашей «статистике» порождает сейчас удивительные вещи. Дело в том, что, начиная с 2002–2007 г. количество и уровень почти всех преступлений, включая убийства, кражи, грабежи, разбои в России неуклонно снижается. Так, если уровень убийств (на 100 тыс. жителей) в 2001 г. был 23, 1, то в 2012 г. он составил 10,1; уровень разбойных нападений в 2005 г. был 44, 1, а в 2012 г. – 13,2. Так вот, все российские криминологи (кроме Гилинского), считают, что такое сокращение – только результат все большего сокрытия преступлений от регистрации, а в действительности преступность растет. Между тем, сокращение преступности с конца 90-х – начала 2000-х наблюдается почти во всем мире (за исключением некоторых государств Латинской Америки)! Причем уровень убийств в США, странах Балтии и России сократился за эти годы в два раза! Представить себе, что полиция США, России и Литвы договорились об одновременном и равными темпами сокрытии убийств от регистрации представляется маловероятным... Более того, одна из сессий 12-й Конференции Европейского общества криминологов (Бильбао, сентябрь 2012) была посвящена проблеме «The Crime Drop» (снижение преступности). Участники отмечали непрерывное снижение уровня преступности в Германии, Великобритании, США, Нидерландах и пытались объяснить этот феномен. У них, как и у меня лично, есть ряд гипотез, но их обсуждение выходит за рамки нашей беседы. Впрочем, назову две мои гипотезы: (1) преступность, как любое сложное социальное явление, развивается по своим собственным законам, не обращая внимание на работу полиции и уголовной юстиции... С окончания Второй Мировой войны количество преступлений и уровень преступности (в расчете на 100 тыс. населения) росли во всем мире, а с конца 1990-х – начала 2000-х – сокращаются. (2) Основной субъект «уличной преступности» (street crime), определяющей статистику («беловоротничковая» высоко латентна), – подростки и молодежь, а они последние десятилетия уходят в виртуальный мир Интернета. Там они встречаются, любят (может уже рожают?), убивают, воруют, мошенничают, удовлетворяя неудовлетворенную в реальной жизни потребность в самоутверждении, самореализации... Важно, что неверие

отечественной статистике и незнание зарубежной вызывает неадекватную оценку происходящих сложных социальных процессов.

Ты работаешь на трех юридических кафедрах, уверен, в СПб есть и другие университеты, готовящие юристов. Неужели все ваши выпускники находят работу по специальности?

В Санкт-Петербурге десятки юридических вузов и факультетов. Конечно, не все выпускники работают строго по специальности. Но, во-первых, это происходит со всеми специалистами – педагогами, врачами, биологами, историками и т.п. Во-вторых, юриспруденция (правоведение) достаточно широкая профессия. Если юристы по образованию работают на государственной службе, открывают свои фирмы, идут в политику – это работа по специальности или нет? Ты же знаешь, например, что парламенты и ведомства во всех странах, включая США, забиты юристами!

Как ты считаешь, какие проблемы ставит перед тобой, социологом-криминологом, нынешняя социально-политическая, нравственная ситуация в России?

«Нынешняя социально-политическая, нравственная ситуация в России» не просто «ставит проблемы», она зовет на баррикады! Но баррикад нет, сам я не герой, вынужден ограничиваться статьями, комментариями, интервью. Сегодня, благодаря Интернету, все это легко найти: в моем блоге на сайте Саратовского центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции – <http://crimpravo.ru/> (56 моих статей, 990 комментов, всего 1046 контентов – графомания, однако!), на выше упомянутом сайте Центра девиантологии, на сайте Cogita.ru (<http://www.cogita.ru/kolonki/kolonki/yakov-gilinskii>), а также, набрав в Яндексе «Гилинский Яков» (только *видео* – около 50 докладов и интервью).

Я постоянно выступаю против безмерной ксенофобии, против раздуваемой гомофобии, против клерикализации общества, политики, образования (что особенно страшно, преступно!), против религиозного мракобесия. Я подписываю письма в защиту Pussy Riot (как юрист, утверждаю: в их действиях НЕТ состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ!), в защиту М. Ходорковского и П. Лебедева, в защиту Greenpeace (НЕТ в их действиях ни «пиратства» - полный бред, ни хулиганства), в защиту РАН. Наше «правосудие», наши «правозащитные» органы ниже всякой критики.

Основные проблемы нашей науки (криминологии, социологии) – отсутствие финансирования эмпирических исследований; отсутствие финансирования поездок отечественных ученых на зарубежные конгрессы, конференции, симпозиумы, и на приглашение зарубежных коллег; сокращение публикуемых данных официальной статистики преступности, самоубийств и других девиаций; старение кадров, молодежь не заинтересована работать за нищенскую зарплату в высшей школе и академических учреждениях. Стыдно сказать, по данным, публикуемым Европейским обществом криминологов, за последние годы его членами и участниками европейских конференций были свыше 150 криминологов Великобритании, около 100 из Бельгии, свыше 60 из Германии и Нидерландов и т.п., а также 4 из Эстонии, 3 из Литвы, 2 из Армении и *по одному* из Албании, Мальты, Тринидада и Тобаго и ... России [*]. Уже много лет я в одиночку представляю Россию на таких конференциях... Надо ли говорить, что ездить приходится за свой счет, ни один вуз не оплачивает такие поездки, а бывшие travel grant исчезли вместе с выгнанными из страны иностранными фондами...

Есть ли признанные в научном сообществе показатели криминогенности страны (общества)? Наверное, что-либо в этом роде есть... каково место России в этом пространстве?

В свете того, что я говорил о нашей статистике, ответственно утверждать о наличии «признанных показателей» не приходится. С моей точки зрения, есть два относительно верных показателя благополучия/неблагополучия: уровень убийств и уровень самоубийств. Я давно, в 80-е годы разделил все страны мира на четыре категории по соотношению уровня убийств к уровню самоубийств. Так вот, и по уровню убийств (несмотря на его сокращение последние годы), и по уровню самоубийств (несмотря на его сокращение с 39, 7 в 2001 г. до 23, 5 в 2010 г., максимум – 41,8 был в 1994 г.) Россия занимает одно из первых мест в мире. По убийствам – после Гондураса, Колумбии, ЮАР, по завершнным самоубийствам – после Литвы, по самоубийствам подростков – впереди планеты всей...

Во главе государства и правительства стоят два юриста, два выпускника ЛГУ; ты лично к их образованию никакого отношения, по-моему, не имеешь, тебя ЛГУ до студентов не допускал. Но и В.Путина, и Д.Медведева учили твои коллеги, многих из которых

* Criminology in Europe. Newsletter of the ESC. 2010, №2, с.6-7, 2011, №2, с.6-7.

ты знаешь. Как же так произошло, что при них наблюдается и рост криминогенности общества, и низкий уровень статистики, описывающей криминогенные процессы?

В ЛГУ я пару лет работал почасовиком на юрфаке, вел уголовный процесс. Но я, действительно, никого из них не учил. Моя старшая дочь училась все пять лет с В.В. Путиным и А.И. Бастрыкиным, но не виновата она!!... Я думаю, что образование не имеет отношения к «внутренностям» человека. С любым образованием могут быть люди честные, порядочные, совестливые и – совсем наоборот. Растет криминогенность не общества, а вполне определенных властных и околовластных структур. Некоторые процессы (глобализация преступности, межгосударственная деятельность организованной преступности, глобальные сети по торговле людьми и органами, и т.п.) – интернациональны, и Россия идет в ногу. В чем-то опережая, в чем-то отставая. Трагедия России не в криминализации (это лишь – следствие), а в полном разрушении и выворачивании наизнанку всех институтов и сфер деятельности – медицины, образования, науки, армии, полиции, промышленности (кроме «трубы»), сельского хозяйства, далее – везде. С моей, *реалистической*, точки зрения, Россия давно миновала точку возврата и отстала навсегда... Сколь кровавыми или бескровными будут попытки изменить катастрофическую ситуацию – покажет будущее. Кассандра здесь бессильна...

Поясни, пожалуйста, цели преобразования милиции в полицию и оцени первые результаты этой реформы.

Цели заявленные – конечно же, самые благие. Цели латентные – успокоить население, которое боится ментов больше, чем бандитов. Новый Закон о полиции страшнее бывшего Закона о милиции, поскольку законодательно еще больше развязывает руки полиции и законодательно же сокращает субъектов и средства контроля над ней (я об этом конкретно писал на сайтах).

Переименование в полицию опоздало лет на 90... Дело в том, что *милиция* – это вооруженные отряды населения, обычно в революционный и постреволюционный период (в России до 1918 года). А *полиция* – орган государственной власти, профессионально обученные, подготовленные, вооруженные кадры по защите населения, юридических лиц, государства от преступных посягательств. Другое дело, что само по себе переименование ничего не меняет.

«Первые результаты этой реформы» - выгнали порядочных

сотрудников, не бравших взятки (мешают, «белые вороны»!), оставили всех коррупционеров. Иначе говоря, очистили ряды. Я это также прогнозировал. Не велика мудрость! Отсутствие позитивных результатов такой «реформы» признаются сегодня на самом высоком уровне. Собираются возвращать уволенных (!) и выгонять некоторых оставшихся (!). Поэтому речь идет о новой реформе. Разработана ее «дорожная карта», в числе разработчиков которой мои коллеги, весьма уважаемые люди. Но я не верю в реальность каких бы то ни было позитивных реформ чего бы то ни было в условиях тотального краха... Как говаривал мой друг и коллега профессор Л.И. Спиридонов, «Элемент не может быть лучше системы». А система катастрофическая...

Как ты описываешь твоим иностранным коллегам общую и криминогенную ситуацию в России. В чем ты видишь генезис нынешней ситуации и какой тебе представляется ее динамика?

Иностранным коллегам, так же, как и российским, говорю правду, одну только правду, ничего кроме правды... Правда, без излишних эмоций, которые могу допустить в разговоре с соотечественниками. Я ссылаюсь на официальные данные и комментирую их. Я не скрываю своей негативной оценки status quo. Впрочем, со всем этим можно познакомиться в моих англо- и иноязычных работах.

Теперь об оценке ситуации. Если говорить об общесоциальной ситуации – это слишком долгий разговор. Об этом – в соответствующих разделах моей книги «Я в Море, Мир во мне. Неоконченные мемуары» (2010) и в статье «Исключенные навсегда». Если коротко – тысячелетнее рабство, холопство, крепостничество, усугубленное современными наследниками СССР и КГБ...

Если о криминальной ситуации, то – то же самое, но конкретизируемое. Например, одним из главнейших криминогенных (девиантогенных) факторов является катастрофическое социально-экономическое неравенство в современной России, намного превосходящее даже СССР. Тогда все были нищие, включая – по нынешним масштабам! – членов Политбюро ЦК КПСС...

Не могу не процитировать: «Росстат недавно опубликовал данные о состоянии кошельков россиян. В крайней нищете в России живут 13,4% населения с доходом ниже 3422 рубля в месяц. В нищете пребывают 27,8% с доходом от 3422 до 7400 рублей. В бедности – 38,8% населения с доходом от 7400 до 17 тыс. рублей. “Богатыми среди бедных” являются 10,9% с

доходом от 17 до 25 тыс. рублей. На уровне среднего достатка живут 7,3% с доходом от 25 до 50 тыс. рублей. К состоятельным относятся граждане с доходом от 50 до 75 тыс. рублей. Их число составляет 1,1%». Итого: 41,2% нищих, 49,7% бедных (всего нищих и бедных – 90,9%), 8,4% – состоятельных и «средних» и, очевидно, 0,7% – богатых... И еще: «На долю самых богатых 1% россиян приходится 71% всех активов домохозяйств в России. Для сравнения: в следующих за Россией (среди крупных стран) по этому показателю Индии и Индонезии этот показатель равен 49% и 46%. В среднем в мире этот показатель равен 46%, в Африке – 44%, в США – 37%, в Китае и Европе – 32%, в Японии – 17%» (Е. Гонтмахер, 2013).

Роль социально-экономического неравенства в генезисе преступности и иных девиаций – не секрет, об этом писали К. Маркс и Р. Мертон, П. Сорокин и А. Кетле, М. Гернет и Д. Белл... Но сегодня для современной России это доказано эмпирическими исследованиями и математическим (корреляционным, факторным) анализом их результатов нашей славной «Тюменской школой». Так, динамика тяжких насильственных преступлений (убийство, изнасилование, причинение тяжкого вреда здоровью, разбойные нападения) и самоубийств (!) жестко связана с динамикой индекса Джини (коэффициент корреляции выше 0,80!) и децильным коэффициентом - классическими экономическими показателями неравенства доходов. Я много пишу об этом. Кстати, 7 сентября в Будапеште, на 13-й Конференции Европейского общества криминологов был мой доклад: «Social and Economic Inequality as Criminogenic Factor». Прилетел бы послушать!

Прогноз: «Оптимисты надоели, видят свет в конце туннеля. Отвечаю на вопрос: это встречный паровоз»...

И все же, каковы твои планы на пару грядущих лет, конечно, ЕБЖ?

Строить планы (а) в моем возрасте, (б) в России, (в) в современном мире крайне самонадеянно...

И все же (ЕБЖ). О некоторых планах я уже намекнул выше: надо подготовить в 2014 г. 3-е издание моей «Криминологии» (с предыдущего издания 2009 г. есть что обновлять, добавлять и т.п.); собрать от соавторов и издать (опять же в 2014 г.) коллективную монографию «Творчество как девиантность». Может быть, солидно увеличить «Социальное насилие». Но это уже году в 2015...

Конкретнее видятся мои (наши с Наташей) научно-познавательные поездки. В марте 2014 г. конференция в Бангкоке.

Собирается хорошая международная тюремная компания. Мы уже были с ними в Льеже и Дублине. Тема моего заявленного доклада «Women in Russian Prisons». В июле 2014 г. – два моих доклада («Social and Economic Inequality as deviantogenic Factor» и «Sociology of Deviance and Social Control (Deviantology) in Russia») на Мировом социологическом Конгрессе в Йокогаме. В сентябре 2014 г. очередная конференция Европейского общества криминологов в Праге и в июне того же года – 27-ая Балтийская криминологическая конференция в Вильнюсе. А в 2015 г. мне принимать 28-ую конференцию в Питере! Может быть, будет небезынтересна краткая история нашего Балтийского криминологического семинара, переросшего в международную конференцию. Не много начинаний советского периода дожило до сего дня.

К середине 80-х годов минувшего века в СССР сложилась группа криминологов-единомышленников, которым тесные рамки официальной советской криминологии были явно узки (преступность – чуждое советскому народу явление; его причины – капиталистическое окружение и «пережитки капитализма» в сознании людей; нужно «усилить борьбу», чтобы «земля горела под ногами хулиганов» и т.п.). В 1986 г. я обратился к коллегам-единомышленникам с предложением проводить раз в год семинары «своим кругом», на которых мы могли бы говорить, все что думаем, не оглядываясь на официоз (и КГБ...). Дело в том, что еще была советская власть, была цензура, но надвигалась горбачевская «перестройка». Еще многого было нельзя, но уже кое-что можно. И этим хотелось воспользоваться. А поскольку я жил рядом с Прибалтикой, в состав единомышленников входили представители всех трех Балтийских республик, Прибалтика всегда жила чуть свободнее остального Союза (не случайно, большинство моих статей 70-х–80-х годов были опубликованы в Эстонии), то естественно было назвать семинар Балтийским и, по всеобщему согласию, проводить ежегодно поочередно в каждой из республик Прибалтики и Ленинграде. Предложение было принято, первыми заявили место встречи эстонцы, и в 1987 г. под Тарту состоялся Первый Балтийский криминологический семинар. Проходил он в свободном режиме, на одном из хуторов, и мы общались 24 часа в сутки, перемежая заседания прогулками, сауной, совместными трапезами. Мне кажется, это было прекрасное начало и замечательный союз профессионалов. Некоторые доклады были опубликованы (Тарту, 1988). В аннотации, в частности, говорилось: «Нужно особо отметить, что предлагаемый сборник написан коллективом единомышленников. Расходясь в частностях, авторы тем не менее сходятся в главном – в подходе к преступности как к общественному явлению, как проявление

нию деструктивных процессов в общественном организме».

Наступивший распад СССР, освобождение Латвии, Литвы, Эстонии от советской оккупации и обретение ими независимости постепенно меняют формат семинара. Он преобразуется в международный. Участие в нем начинают принимать коллеги из стран Балтийского региона (Польши, Германии, Финляндии, Норвегии, Швеции), а также других стран – от Венгрии до США. Рабочими языками становятся английский и язык принимающей республики. Отошла в прошлое мотивация первых семинаров – свободный обмен мнениями участников-единомышленников. Добавилась радость общения между друзьями-коллегами из разных теперь независимых государств, разделенных госграницами.

В силу ряда причин, которые я обнаружил при изучении собранных биографических интервью, а их уже свыше полусотни, меня все более интересует «биографичность творчества» социологов. Как ты думаешь, если бы я начал изучать твои публикации (не мемуары) за все годы твоей работы, какое я мог бы составить впечатление о тебе как профессионале и о твоём «общественном лице»?

Если я тебя правильно понял, то в общем виде на твой вопрос ответил Г.Д. Гачев, которого я цитирую в упомянутой монографии о творчестве-девиантности: «те ходы, которые проделывает на уровне абстракции моя теоретическая мысль, связаны с загвоздками и переживаниями моей текущей личной жизни... пишу я, например, о сменах структур образов в истории литературы, а решаю тем проблемы своей жизни: они просвечивают в поворотах, наклонениях и акцентах теоретических построений»^{*}.

Конечно, в советский (столь ужасно долгий!) период моей деятельности я был по рукам и ногам связан правилами игры. И основоположников цитировал, и Пленумы ЦК КПСС... И все же бунтарский дух можно было обнаружить и в тогдашних моих трудах. (Напомню мое жизненное кредо: «Я отрицаю все, и в этом суть моя»^{**}...). Чем, очевидно, и объясняется крайняя настороженность официоза в науке по отношению к моим публикациям тех лет (да и сегодня!), да и ко мне лично.

Пожалуй, исключением была моя кандидатская диссертация (1967), в которой речь шла о чисто уголовно-процессу-

^{*} Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР // Вопросы философии. 1976. №12. С. 132.

^{**} Гилинский Я.И. В: Имя в науке. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право. Биобиблиографический словарь. Саратов, 2013, с. 104.

альных проблемах, и мой анархизм там никак не проявился. А вот дальше... Неудовлетворенность status quo, положением в советской, а затем пост-советской России постоянно «просвечивают в поворотах, наклонениях и акцентах теоретических построений».

Пара небольших эпизодов. (1) Между советским и пост-советским периодами. Во ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР, где часто проходят интересные криминологические семинары, поставлен мой доклад, что-то о девиантности. Я, тогда еще кандидат наук, выступил, и начинаются прения по докладу. И вдруг первое слово берет вице-президент Академии наук СССР академик В.Н. Кудрявцев – криминолог №1 и по положению (ex officio!) и по вполне заслуженному авторитету. Владимир Николаевич в целом весьма положительно отзывается о моем докладе, высказав несколько дискуссионных положений. После него выступают другие участники семинара, поругивая меня, но в целом не смертельно. Потом начинаю понимать: готовился полный разгром меня! А В.Н. Кудрявцев, хорошо относясь ко мне, и великодушно зная тогдашнюю московскую научную кухню, САМ ЛИЧНО приехал на вполне заурядное мероприятие, чтобы своим выступлением спасти меня от полного разгрома!

(2) Пост-советский период. Конгресс уголовного права в МГУ. Я уже вполне доктор наук. В кулуарах встречается известная и весьма уважаемая всеми дама – криминолог. Я с расплывшейся улыбкой спешу ей на встречу приветливо поздороваться и слышу в ответ: «Вы уничтожаете криминологию!». Позднее в одном из своих учебных пособий она призывает студентов на каждом семинаре давать отпор научным взглядам Я.И. Гилинского!... De mortuis aut bene, aut nihil. Она скончалась. Я всегда относился к ней и отношусь к ее памяти с искренним уважением. Она беззаветно отстаивала интересы криминологии, как науки. За криминологию готова была «пасть порвать»! Но отношение к «иному», «чуждому» взгляду в ее любимой науке характерно.

Итак, мое «лицо». Вроде профессионал, но все время куда-то заносит. В СССР пытается изучать «чуждые советскому народу» явления, присущие только окончательно догнавшему Западу: самоубийства, проституцию, пьянство! В современной России выступает за легализацию наркотиков, отстаивает нормальность «нетрадиционных ориентаций», оспаривает «полезность» традиционных и милых народу и некоторым профессионалам смертной казни и как можно более длительного лишения свободы. То ли выпендривается, то ли «иностранный агент», отрабатывающий деньги ЦРУ...

Я не знал этого утверждения Гачева, оно мне кажется очень точным, и ты верно «схватил» смысл моего вопроса. Мне представляется, что в твоём случае действительно можно говорить о биографичности творчества», так как ты, несмотря на все общественные и личные катаклизмы, достаточно быстро нашел свою поисковую нишу и всегда стремился обжить ее и расширить.

«Несмотря на все общественные и личные катаклизмы». А может, благодаря им? Как всегда, здесь совпадение «закономерностей» и «случайностей». Как ты может быть помнишь, я к концу школы выбирал между философским и юридическим образованием. Нечто философическое (более «широкий», мировоззренческий подход) сопровождает меня всю жизнь (в школьные годы умудрился в домашнем сочинении вставить Маркса и Гегеля, вызвав закономерную реакцию литератора: «Не пишите о том, чего пока еще не понимаете»), а выбранная юридическая карьера наполнила философическую оболочку очень, очень реальным содержанием... Эта же философическая составляющая вывела меня из юридической практики в науку. В чем здесь «закономерность», не знаю, но ощущается. А дальше цепь «случайностей»: случайно оказался на работе в социологической лаборатории НИИКСИ; случайно прочитал работы А. Коэна, Р. Мертона и Дон Мартиндэйла, выведшие меня на «отклоняющееся поведение»; случайно работа в НИИКСИ и старые знакомства в прокуратуре и милиции позволили мне в 70-е годы (!) провести ряд эмпирических исследований самоубийств (изучение материалов уголовных дел) и пьянства (включая опросы – совместно с Наташей, кто же еще на это согласится – в медвытрезвителе). И так всю жизнь...

Удивительно, этот вопрос я отправил тебе после того, как перечитал наш первый разговор. Ну что же, ты счастливый человек, всю жизнь работаешь под воздействием первых, смутных профессиональных представлений, и в этом смысле – озаренный первой любовью... Похоже, это и есть главная причина твоей профессиональной, жизненной успешности... что скажешь?

Трудный вопрос. Не буду возражать против «счастливого человека». Мне действительно, по большому счету, в жизни (в СССР, в России!) крупно повезло. Но есть много «но». Много случайностей.

Но, не забудь, что работал я и подопытной собакой (получая 10 рублей за собако/час). Но, в 1952 г. не поступил в Юридический институт, и только по счастливой случайности спустя два года оказался на юрфаке ЛГУ. До того случайно выжил в блокаду Ленинграда. Случайно в домашней библиотеке от-

ца-врача оказались книги по философии, коими я увлекся со школьной скамьи (помню, как в 9 классе зачитывался Ф. Ницше: «Так говорил Заратустра», «Ессе Номо», а еще раньше – киниками и «Историей философии»). Случайно Владимир Николаевич Кудрявцев приглашал меня, ленинградца, на московские конференции с участием иностранных ученых, в т.ч. профессора Нильса Кристи (Норвегия). Случайно Н. Кристи пригласил меня в 1990 г. на советско-скандинавский симпозиум в Швецию, и я оказался единственным не-москвичем на этом meeting (чем несказанно удивил москвичей...), с которого и начались мои научные поездки по разным странам, от США до Новой Зеландии, от Германии до Японии, от Великобритании до Бразилии и Чили... И еще две случайности.

Наташа жила с родителями на Невском пр., д.3, а я в те годы работал напротив – в юридической консультации на Невском пр., д. 16. А встретились мы с ней на высоте 3000 м в горах Алтая... И в наступившем 2014 г. будет 50 лет, как мы, сойдя с заоблачных вершин, вместе.

Не попав в 1952 г. в Юридический институт, я *чисто случайно* оказался на геофаке Российского государственного педагогического института (РГПИ) им. А.И. Герцена. В 1967 г., став кандидатом юридических наук, я *случайно* начал читать курс «Основы советского государства и права» в РГПИ им. А.И. Герцена, а в 2004 г. мне *случайно* предложили возглавить кафедру уголовного права РГПУ (Российского государственного педагогического университета) им. А.И. Герцена, где я и работаю по сей день.

Вот так я и *случайно счастливый* человек...

Так получилось, что, начав нашу беседу в августе 2013, мы тор-мознули ее в сентябре и вернулись – в первые дни 2014 года. На мой взгляд, события осени прошлого года характеризовались усилением в стране консервативных трендов в политике и общественной жизни. Так ли это? Если ты согласен с этим утверждением, то в чем ты усматриваешь причины этого процесса?

«Консервативный тренд» мягко сказано... А над твоим вопросом бьются лучшие политологические, экономические, социологические умы современной России! Где уж мне с ними тягаться! А ежели по-простому, не по-научному, то это старая российская история: тысячелетнее рабство, иногда всплески «свободомыслия» правителей и соответственно – оттепелей и перестроек (Александр II, Н. Хрущев, М. Горбачев) с последующим подмораживанием и замораживанием... Редко – «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», а потом десятилетия-столетия «народ безмолвствует»...

Еще короче и современнее: *правящая верхушка под руководством выходцев из КГБ-ФСБ, ограбившая всю страну полностью и окончательно, будет держаться «до последнего патрона», защищая награбленное и собственную свободу, личную безопасность.* Народ рад «сильной руке», остатки либерастов и дерьмократов либо своевременно уехали (и это – правильно!), либо привычно терпят происходящее, держа фигу в кармане (моя личная фигура – все то, что я пока еще рискую говорить и публиковать...). Ты скажешь – а как же массовые протесты, выходы на площади, выступления «оппозиции»? Да, конечно, XXI век не совсем XVI-й (условно говоря). И современная диктатура не совсем еще сталинская. Но суть-то остается! Диктатура всегда диктатура, и народ вполне привычно безмолвствует. И некоторые отдельные изолированные бунтари (пардон, – революционеры, оппозиционеры) имеют место быть. И курбские из-за границы кулаком машут... Ничем не закончившиеся и ничего не изменившие выходы на площади показали оппозиционерам и власти, что status quo пока непоколебим. Это не исключает самых неожиданных изменений (экономический крах, дворцовый переворот, развал страны, «маленькая победоносная война» и т.д., и т.п., и проч.). Но, боюсь, российская тысячелетняя данность – *безграничная власть наверху и покорное большинство внизу* – сохранится... Ибо в стране развалено всё и преодолеть это практически невозможно с той базой и с тем народонаселением, кои имеют место быть (см. мою статью «Исключенные навсегда», вывешенную на различных сайтах, частично опубликованную в «Независимой Газете» и полностью – в сборнике статей: Гилинский Я. «Девиянтность, преступность и социальный контроль в «Новом мире»». СПб, 2013, с.226-234. Кстати, статья вызвала весьма одобрительную реакцию А. Янова). А освобождение *незаконно осужденных* М. Ходорковского, девушек Pussy Riot, гринписовцев, нескольких «болотных» – *вынужденная дань* внешнему нажиму накануне Олимпиады. Ибо сегодня Олимпиада – «наше всё»... А вот уже закончится...

Яша, какое-то хронологическое пифагорейство... Посмотри начало этого интервью, я говорю в нем о совпадении дат... Там фигурирует 9 января 2005 года, сегодня – 5 января 2014 года... посути, наш разговор не прерывался точно девять лет... спасибо тебе... всегда рад его продолжить...

Лесохина Л.Н. (1928–1995), доктор педагогических наук. Основные области исследования: образование для взрослых, методы социологии в педагогике. Интервью с В.А. Ядовым состоялось в 2012 году.

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ЛЮЦИИ
НИКОЛАЕВНЕ
ЛЕСОХИНОЙ
(Интервью
с Владимиром
Ядовым)***

Образование для взрослых – одно из очевидных достижений американской системы образования, подготовки кадров, помощи иммигрантам в освоении новой культуры. О такой форме образования я знаю не только из специальной литературы, но по собственному опыту; я приехал в Америку в неполных 53 года и прошел через различные школы, закончил колледж. Все это было бесплатно. Поначалу мне было неуютно сидеть на занятиях с теми, кто был на 30–35 лет моложе меня, но потом привык. Отчасти успокаивало то, что я был не единственным «переростком». Ничего подобного в СССР не было, в России – система образования для взрослых лишь начинает складываться.

* Воспоминания о Люции Николаевне Лесохиной. Интервью с Владимиром Ядовым // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 4. С. 13–15.

Люция (Людмила) Николаевна Лесохина (1928–1995) – одной из первых в СССР осознала важность образования для взрослых и много лет разрабатывала социологические, социально-психологические и педагогические аспекты этой темы. Она – представитель социологов второго поколения. Пришла она в эту область науки самостоятельно. Хотя рядом были муж – Владимир Александрович Ядов [1], а потом – и сын – Николай Владимирович Ядов [2].

Впервые о работе Л.Н. Лесохиной немного рассказал Николай Ядов. Ниже – краткие воспоминания о ней Владимира Ядова. Я искренне благодарен ему за ответы на мои вопросы и присланную фотографию.

Володя, начнем нашу беседу с вопроса о семье Люки, тем более, что ее отец – автор названия книги «Человек и его работа».

Спасибо, Боря, что предложил рассказать о Люке. Ее полное имя Люция, от слова революция. Отец Люки Николай Григорьевич – убежденный коммунист, вплоть до убийства Кирова работал одним из его помощников, он делал обзоры печати и писем, поскольку имел журналистский опыт (в журнале «Костер»). Так случилось, что убийцу Кирова Николаева охрана передала Н.Г., сунув ему в руки пистолет. Николаев потерял сознание, так что отец Люки лишь стоял над ним, покуда другие гэбисты не увели Николаева. Самое удивительное – это запись в трудовой книжке: «Уволен в связи с убийством С.М. Кирова». И никаких последствий! В нашей питерской квартире остался дарственный портрет Кирова. Коля им дорожит, т.к. более всех любил дедушку, о многом с ним разговаривал [3].

В блокаду Н.Г. присвоили звание капитан-лейтенанта. Он оформлял штабные донесения Кронштадтской группировки. А после войны заведовал библиотекой курсантской школы при «Авроре». Вышел в отставку морским полковником. – капитаном первого ранга. В войну был случай, когда Н.Г. побежал вместе с другими добровольцами в катер, отправлявшийся на Петергофский пятачок. Начштаба его остановил словами: «Лесохин, марш назад, здесь Вы в 100 раз нужнее, чем в качестве героя!» [4].

Н.Г. много помогал и мне и Люке. Вычитывал горы школьных сочинений, правил все мои тексты. И, верно, именно он придумал название книги «Человек и его работа».

Люкина мама Роза Яковлевна всю блокаду проработала на каком-то предприятии. Н.Г. ее подкармливал. Умерла она от

инсульта в нашей московской квартире, вскоре после того, как мы вместе уехали из Эстонии после смерти Люки

Мне кажется, вы подружились еще в школе.. это так?

Как мы познакомились. Вернувшись из эвакуации, я поступил в 8-й класс в те годы мужской школы и вскоре стал секретарем ее комсомольской организации. Секретарем ближайшей женской школы была Лесохина. Мы договорились «дружить школами», т.е. устраивать общие вечера непременно с танцами. Был в числе прочих организован «Суд над Печериным», в котором я прокурорствовал, а Люка выступала его адвокатом. И прочее и прочее.

Вскоре образовалась группа из 4-5 моих и около того же люкиных подруг. Ее родители любезно позволяли нам устраивать в их большой квартире в аккурат посередине двух наших школ на противоположной стороне ул. Чайковского вечеринки с застольем и танцами. Девушки готовили огромное блюдо картофельного салата с другими овощами, мы приносили нарзан и чуть пива. За столом обсуждали своих учителей (некоторые из них работали в обеих школах) и разные значимые общественные события (Китай, Куба, проч., но не советские). Трепались и танцевали под проигрыватель. Моим соперником в отношении Люки был Олег Седов, впоследствии моряк-полярник. Высокий красавец дворянского происхождения. В 9 класс я поступил в авиационную спецшколу, и этим одолел Олега (с которым мы занимали одну парту в 8 классе) Фуражку с кокардой, шинель и проч. нам спецам выдали, а погоны — нет. Погоны должны быть уже обычных. И Люка сделала их сама! Да еще опрыскала духами. Олег все понял и мы остались ближайшими друзьями на всю жизнь. Даже могилы Олега и его жены почти рядом с могилой Люки (и моей в будущем) на кладбище в Песочном.

В нашей беседе Коля говорил, что Люка закончила филфак ЛГУ. Она поступала, думая стать журналистом, заниматься литературой или она думала стать преподавателем? Как началась ее профессиональная жизнь?

В университет мы поступали одновременно: она на филологический, я на философский. Мы с философского иногда ходили слушать В.Я. Проппа и Константина Симонова. Люка хотела и стала преподавателем литературы в школе сразу после получения диплома. Так случилось, что один наш одноклассник Миша, еле-еле доучившись попал историком в ту же

школу. Буквально в первый день занятий 1 сентября 1947 г. перед выходом из школьного здания в огромную лужу упал провод высокого напряжения. Какой-то мальчишка вступил в эту лужу, и наш выпускник выбросил его на сушу, но сам погиб.

Люка была педагогом по призванию. До сего дня ее школьные ученики приносят цветы на ее могилу в Питере и звонят мне по праздникам.

Как случилось, что после скольких-то лет работы в школе Люка стала заниматься исследованиями в области педагогики?

Работая в своей школе, Люка стала посещать семинары в Институте образования взрослых АПН СССР, где ее приметил Семен Григорьевич Вершловский – руководитель одного из подразделений. Вершловский организовал мои семинары по методам социологических исследований. Так мы сблизились, и Люка перешла в этот институт. У нее не мене полсотни индивидуальных и коллективных публикаций.

Она придумала уроки литературы в форме диспута и в 1964 году защитила по этой теме кандидатскую диссертацию по педагогике «Роль урока-диспута и творческого сочинения в формировании нравственных убеждений учащихся». Материалов у нее было очень много, часть из них вошла в ее небольшую книгу (Л.Н.Лесохина. Урок -диспут. Пособие для учителя литературы.М.-Л., 1965) .

Володя, рассказывая о том, как тебя осенила идея «диспозиции личности», ты заметил: «Со своего “чердака” я спустился в реальную квартиру заполночь и разбудил Люку. Ты знаешь, она социопедagog. Люка говорит: это же открытие!». Ты понимаешь, как важна первая реакция человека, мнению которого ты доверяешь. Ведь она могла сказать что-либо типа: «И зачем тебе это надо.. у тебя что, нет других проблем?». И ты мог бы согласиться и не разрабатывать эту идею.

А ты не помнишь, как Люка отнеслась к тому, что Игорь Кон начал подталкивать тебя к социологии? Дело-то было новым, туманным...

Дело в том, что о парадоксе Лапьера [5] мы говорили и раньше. Так что «зачем это тебе нужно?» она никак сказать не могла. Напротив, обрадовалась, что некий выход найден.

К моим занятиям социологией Люка отнеслась вполне положительно. Ведь не случайно они с Вершловским попросили специально заняться с моей помощью обучением методам со-

циологических исследований «в поле». Они и выборку освоили и интервью проводили в своем направлении – образование взрослых.

Люка тебя поддержала в назначении директором организатором Института социологии или отговаривала?

В важных проблемах мы, как правило, были единомышленны. Поначалу единодушно отвергли это предложение. В тот момент мы были на своем хуторе в Эстонии, и я разговаривал по телефону с нашим куратором из отдела науки ЦК КПСС Г.Г. Квасовым. Приехала на велосипеде жена нашего соседа лесника с вытаращенными глазами: через полчаса тебя требуют к телефону из ЦК. В первом разговоре я отказался и получил сутки на обдумывание. Люка убедила прежде всего получением московской квартиры, а я убедил себя необходимостью организации именно социологического института. Во втором разговоре я дал согласие, решительно отвергнув другое предложение – войти в состав ЦК КПРФ.

Четыре года мы жили на первом этаже академического дома для VIP –персон. Там же на четвертом поселился новый директор Института Философии СТЕПИН, а рядом была квартира Жореса Алферова (он часто бывал в Москве), с которым мы немало сживали за «чаем». А с Вячеславом Семеновичем Степиным разговаривали часами о философии. Квартиру мы получили под угрозой, что на второй срок я избираться не буду, вернусь в Питер.

Когда произошел сдвиг ее научных интересов в сторону социологии?

После переезда в Москву я много рассказывал ей о новейших событиях в теоретической социологии, активистской особенно. У нас бывали Зигмунт Бауман и Петр Штомпка. Однажды мой питерский друг спрашивает по телефону, приеду ли я на защиту Люки? Оказывается она написала докторскую по проблеме образования взрослых (книгу издали в Польше), ничего мне не говоря. Защита прошла отлично (я, естественно, приехал), а после того Люка выпустила несколько аспирантов, включая одну полячку.

В ряде ее статей, книг и докторской диссертации «Образование в структуре человеческой деятельности» (1991) обоснуется концепция и методология образования взрослых, тема – в те годы – новая в советской системе образования. Ты не мог бы вспомнить, как Люка пришла к разработке этой проблематики?

Я уже говорил, что в Москве и рассказывал и давал ей свои переводы Штомпки. Штомпка бывал у нас (он свободно говорит по-русски, как и Бауман, тоже не раз сживавшийся за общим столом в нашем временном убежище). Вполне возможно, что отсюда в названии ее докторской фраза о «структуре человеческой деятельности». И это не просто некая формула, Люка освоила деятельностный подход Штомпки и с этих позиций подошла к своей теме.

Первые, кому я сказал о предполагаемом отъезде в Америку, были ты и Люка... больше я ее ни видел...

Разумеется, она интересовалась вашими делами в США...а потом случился ее рак груди, что установили слишком поздно.

В заключение скажу, что наши с ней отношения были очень дружескими, о многом говорили, никогда не ссорились всерьез. Она оберегала меня от дурных знакомств. Трагедия с запущенным раком была подлинной трагедией. Лечилась она в Питере, куда я приезжал во все выходные. Когда я сказал, что поедem на хутор в Эстонию, она ободрилась, думая, что не так все плохо. Но было именно плохо. Она скончалась на хуторе. На местном кладбище стоит камень в память о Люке, на русском и эстонском. Мы с ее двоюродной сестрой, учительницей биологии, всегда уезжаем в Питер к 9 сентября – дню рождения Люки, чтобы посетить кладбище. Там возлагаем цветы на ее могилу и на могилу моего школьного друга Олега Седова и его жены. Две розы я уволю в Москву, они сохраняются весь год в вазочке перед портретом Люки, фотографией, что я сам сделал в свое время. Портрет стоит на книжной полке напротив моей кровати, так, что мы и сейчас вместе.

Приложение

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ Л.Н. ЛЕСОХИНОЙ*

Лесохина Л.Н. К обществу образованных людей. - СПб.: ИОВ РАО, Тускарора, 1998. -273 с.

Лесохина Л.Н. Образование взрослых в общецивилизационном контексте // Новые знания. – 1997. – № 1.

Лесохина Л.Н. Образование в структуре человеческой деятельности / Дисс. на соиск . учен. степ. докт. пед. наук, СПб.: ИОВ РАО, 1991. – 326 с.

* Благодарю Л.А. Козлову за помощь в подготовке приводимой библиографии

Введение в профессию социолога-интервьюера: Метод. рекомендации по орг. среднеспеч. подгот. социологов-интервьюеров в центрах образования / АПН СССР, НИИ общ. образования взрослых. Подгот. Л.Н.Лесохиной. Л.: 1990.

Лесохина Л.Н. Способы обучения. Содержание и методы образования взрослых. – Л.: НИИООВ, 1985.

Лесохина Л.Н., Шадрина Т.В. Теоретические принципы организации и содержания деятельности школы взрослых типа ЦОВ // Особенности структуры и содержания деятельности центр образования взрослых. – М.: АПН СССР, НИИ ООВ, 1985.

Лесохина Л. Н. Образование в структуре человеческой деятельности // Вопросы философии. 1984. №12.

Методические рекомендации по обобщению опыта школ, выполняющих функции центров образования взрослых / АПН СССР, НИИ общ. образования взрослых. Составители Л.Н.Лесохина, Т.В. Шадрина. – Л. : НИИООВ, 1983.

Лесохина Л.Н. Шадрина Т.В. Динамика профессиональной позиции // Профессиональная деятельность молодого учителя. - М.: Педагогика, 1982.

Лесохина Л.Н., Шадрина Т.В. Указание к использованию методики «Ситуация» // Методические рекомендации к изучению подготовки выпускников педагогических ВУЗов к воспитательной деятельности в школе. 4.2. Л.: НИИ ООВ, 1978.

Примечания

1. Ядов В.А.: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №3. С. 2-11 http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/Publications/tom_2_1_5_1.pdf; Часть 2. Там же, 2005. №4. С. 2-10 http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/Publications/tom_2_1_5_2.pdf.
2. Ядов Н. В.: «Хочется жить в нормальной либеральной стране» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 2. С. 12-19 http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/Publications/tom_2_4_12.pdf.
3. [Примечание В.А. Ядова] Коля считает, что Н.Г. уволился сам и устроился в издательстве «Глобус». Но в моей памяти застряло «В связи с убийством...».
4. [Примечание В.А. Ядова] Вариант Коли: Его назначили комиссаром десанта, потом оставили в штабе.
5. [Примечание Б. Докторов] Парадокс Р. Лапьера — несовпадение между социальными установками, которые фиксируются в вербальных ответах, и реальным поведением.

Филиппов Ф.Р. (1924-1990) – доктор философских наук. Основные области исследований: социальная структура, социология образования. Интервью с А.Ф. Филипповым состоялось в 2014 году.

**«ОН ЧУВСТВОВАЛ
СЕБЯ ЧЕЛОВЕКОМ
XIX В., ЭПОХИ
РЕВОЛЮЦИОННОГО
ПРОГРЕССИЗМА»**

**А.Ф. Филиппов
рассказывает
об отце –
Ф.Р. Филиппове**

Фридрих Рафаилович Филиппов (1924-1990) – один из старейших советских/российских социологов, в этом году исполняется 90 лет со дня его рождения. По возрасту он был несколько старше многих из тех, кого мы считаем создателями современной отечественной социологии, однако в социологию он вошел позже них, когда эта наука, еще не была официально признанной в СССР, но ее институционализация начиналась. Его с полным правом можно отнести к социологам второго поколения. Ф.Р. Филиппов долгие годы работал в Нижнем Тагиле и несомненно относится к создателям «уральской» социологической школы. Но его важнейшие результаты были получены в Москве. Они относятся к анализу социальной структуры и социальной мобильности в СССР и комплекса проблем социологии образования.

При проведении интервью с социологами я неоднократно обра-

щался к моим собеседникам с просьбой рассказать о своих умерших руководителях, наставниках, коллегах. Но здесь случай иной, о Ф.Р. Филиппове рассказывает его сын, доктор социологических наук, профессор А.Ф. Филиппов. Мне представляется, что сделанное им – это пример сочетания сыновней благодарности и высокого профессионализма в изложении научного наследия Ф.Р. Филиппова.

Саша, я Вам весьма благодарен за согласие рассказать о Вашем отце - Фридрихе Рафаиловиче Филиппове. Он активно и плодотворно работал в разных направления социологии, им много опубликовано, но биографической информации о нем крайне мало. В сентябре этого года исполняется 90 лет со дня его рождения, и у нас есть прекрасный повод поговорить о нем. Замечу сразу, я понимаю, насколько сложно рассказывать о жизни и исследованиях отца... и в информационно-фактологическом плане, и в этическом отношении... но постараемся.

Прежде всего, что Вы знаете о его родительской семье, он родился на Урале или судьба забросила его туда? И какова история его нечастого в России имени?

Отец, Фридрих Рафаилович Филиппов, оказался на Урале в результате типичной для того времени истории. Но есть еще и предыстория! Пару лет назад меня разыскал дальний родственник с Украины, увлекшийся составлением генеалогий. Совместными усилиями нам, кажется, удалось идентифицировать фотографию благообразного старца, которая досталась мне в наследство без подписи и комментариев. Это мой прадед, Зейлик (Захар Ефимович) Лящ. Его дочь, моя бабушка, видимо, родилась в Одессе, и я до сих пор, примерно, могу показать двухэтажный дом с балконом на задах оперного театра (одеситы называют этот садик «Пале-Рояль»), где она, по словам отца, прожила первые годы. Впрочем, мои воспоминания о воспоминаниях отца – не очень достоверный источник, и кое-что не сходится. Я помню, что бабушка рано осиротела. Она осталась без матери еще младенцем, а потом, лет через десять, и без отца. Что-то не до конца ясно с ее происхождением. Прадед Захар прожил почти всю жизнь в Николаеве, там же и умер в 1910 г. Он был богат, держал *хлебную ссыпку* и сотрудничал с крупной немецкой фирмой, торговавшей зерном, но как вышло, что сама она оказалась в Одессе, я так и не выяснил. Настоящего образования она не получила, закончила Фрёбелевские курсы (названные так по имени немца-педагога), которые готовили воспитательниц для платных детских садов

и домашних воспитательниц для маленьких детей в богатых семьях. На семейном сайте есть воспоминания о ней, пожилая родственница говорит, что бабушка работала в Днепропетровске экономистом, но это сомнительно, вряд ли она годилась на что-то большее, чем делопроизводство. Зато она была красавица и вообще, как мне кажется, *барыня*.

Ее муж, мой дед, происходил из совершенно иного круга. Документальных подтверждений у меня нет, и найти я ничего не смог, но рассказы отца, в двух словах, сводились к тому, что дед, Рафаил Посецельский, родился в семье рабочего-печатника. В сети я нашел биографию его младшего брата, так что предполагаю, что вначале они жили в Березовке (Ново-Александровке) под Одессой. Учился он, видимо, в реальной школе и учился настолько хорошо, что попал в какую-то, кажется, пятипроцентную квоту для евреев в Одесском Политехническом институте. Там дед проучился совсем недолго, не больше года. Началась гражданская война. Прадед, тот самый рабочий-печатник, говорил отец, был членом Одесского ревкома, его казнили петлюровцы, дед вступил в партию в 1919 г., был комиссаром продотряда и после войны двигался по партийной лестнице. В детстве я очень гордился такой революционной биографией деда, а теперь рассказываю об этом безо всякого удовольствия, но что было, то было. Никаких свидетельств его деятельности я найти не смог, только в 70-е гг. одна родственница пересылала нам групповую фотокарточку, которую я неумело скопировал, на ней дед с маузером, маленькими чаплинскими усами и какими-то, как мне всегда казалось, бешеными глазами. Когда и как прадед Фишель превратился в Филиппа, я не знаю, но брат и сестра деда по отчеству Филипповичи, правда, лишь он один переменял также и фамилию и стал Филипповым.

Отец мой родился 28 сентября 1924 года в Одессе. По семейному преданию, два месяца имени у младенца не было, а 28 ноября – день рождения Фридриха Энгельса, так что называли его по революционным святцам. Отец в детстве дружил с двоюродным братом двумя годами моложе его, и звали мальчика тоже Фридрих. Рафаила Филиппова направляли в разные города, я запомнил Харьков и Днепропетровск, где он занимал в обкоме партии приравненную к секретарской должность заведующего отделом. Я много лет пытаюсь найти хоть какие-то упоминания о нем, но нет практически ничего – ни хорошего, ни дурного, словно бы и не было такого человека. О младшем его брате можно прочесть, что он был моряком и директором Мурманской судовой, младшая сестра стала инженером-гидрографом (ее сын, известный искусствовед Вадим Знаменов,

был хранителем Петергофского музея), а вот здесь – полный провал. Родственница, о которой я упомянул, рассказывает, как в 34 или 35 гг. побывала с матерью в гостях у Филипповых в Днепропетровске. Ей запомнилось благополучие, из поездки они привезли продукты, а еще Рафаил подарил им талон на покупки в книжном магазине. За 15 рублей они купили две книги и глобус. Отцу тогда сравнивать свое необычное благополучие было не с чем. Из его рассказов я помню, что квартира была служебная, еда простая, мебель с инвентарными номерами, библиотека, которая пополнялась по списку хорошими изданиями, вроде знаменитой «Academia», абонемент в театр и «партмаксимум» – предельный оклад для номенклатуры на разных должностях. Дед много курил (и однажды взял с отца обещание не курить до 40 лет), много играл по ночам в карты и, несмотря на боевое прошлое, падал в обморок в зубоврачебном кресле. Отец говорил мне, что ему помнится, будто видел он однажды Бухарина и что за бабушкой на каком-то курорте пытался ухаживать Тухачевский. Наверное, надо было более настойчиво выпросить его о быте средней номенклатуры, но, к сожалению, я не догадался. Да и воспоминания эти ценны не сами по себе. Я думаю, что история и семейная история были для него в некотором роде одно, он сформировался именно таким, каким я его знал, в событиях большой истории, близко затронувших его лично.

Скорее всего, одним из тех, кто двигал Рафаила Филиппова по карьерной лестнице, был известный партийный деятель той эпохи Мендель Хатаевич. Хатаевич погиб в 1937 г., дед был расстрелян за несколько месяцев до того. Есть опубликованное письмо Сталину от обиженного партийца, в котором тот говорит, что Хатаевич привез с собой в Днепропетровск несколько функционеров, которые потом оказались врагами народа, среди них назван и Р. Ф. Филиппов. Сталин наложил резолюцию «разобраться», видимо, это была большая интрига. Тут не сходятся воспоминания отца и документальное свидетельство, которое мне удалось откопать. Отец говорил, что в 1937 г. деда перевели на работу в Киев, в Наркомат сельского хозяйства, начальником зернового управления (как раз в начале года Хатаевич стал вторым секретарем ЦК компартии Украины). На этой должности он пробыл пару месяцев, потом его направили в командировку в Харьков и там арестовали. Незадолго до того он получил телеграмму от Ежова с предложением сотрудничества и, видимо, повышения. Теперь известно, что это входило в обычную технологию подготовки ареста, как, в общем, ясно и то, что он попал под общий каток чистки партийных кадров и, скорее всего, не представлял другого интереса, кроме как

для того, чтобы ликвидировать Хатаевича. Могу предположить, хотя дома мы этого не касались, что получил он те самые пресловутые «десять лет без права переписки», потому что еще после войны отец надеялся увидеть его живым, а в справке о реабилитации говорится «умер в заключении в 1939 г.». Догадывался ли отец, что эта справка – тоже филькина грамота, я не знаю. Но в публикациях «расстрельных списков» «Мемориала» есть однозначное указание: Р. Ф. Филиппов проходил по делу так называемого «параллельного центра», попал в списки первой категории и был расстрелян еще в конце августа 1937 г. Нестыковка состоит в том, что, по воспоминаниям отца, дела происходили в Киеве, а публикация «Мемориала» показывает Днепропетровск. К этому же времени относится эпизод, который я много раз продумывал и значение которого пытаюсь осмыслить до сих пор. Когда деда арестовали, бабушка зачем-то поехала в Днепропетровск, почему-то именно там надеясь найти поддержку или какие-то документы. Впрочем, быть может, его как раз отвезли в Днепропетровск, и она пыталась увидеться с ним? Или что-то ему отвезти?

Так или иначе, не преуспев, она возвращалась в Киев, при этом чудом села на уходивший глубокой ночью поезд. Той же ночью в Днепропетровске арестовали всех жен проходивших по этому процессу функционеров. Она спаслась и вскоре перебралась обратно в Одессу. Но и там становилось беспокойно. Она уехала с Украины на Урал в Свердловск, где, если не путаю, жила ее родная сестра. Ее оставили в покое, перед войной она снова вышла замуж. Конечно, из виду ее не потеряли. Есть следственная анкета ее брата, военного летчика (того самого, чей сын был тоже Фридрих). Его арестовали в 1938 г., местом проживания бабушки назван Свердловск. Он, кстати говоря, уцелел, вышел живым из заключения после войны и скоро умер. Ближайшие родственники деда не пострадали, но затаились от ужаса и дали знать о себе только в 60-е годы. Родители говорили о том, как они предлагали им помощь в это время – когда никакая помощь была уже не нужна. Отношения с ними, впрочем, были хорошие.

До ареста деда отец получал «барское» воспитание: его учили музыке и, если не ошибаюсь, приватно, дополнительно к школьным занятиям, немецкому языку. Он даже и в зрелые годы немного помнил немецкий и немного обижался, когда я, с моей спецшколой за плечами, находил ошибки в его письмах. В Свердловске жизнь переменилась, он помогал матери подрабатывать перепечаткой на машинке и с тех пор не доверял машинисткам, печатал все сам, неправильно (четырьмя пальцами), но быстро и очень грамотно. Несмотря на все трудности,

он учился очень хорошо, интересовался историей дипломатии, любил музыку. Чуть ли не единственный эпизод его школьного детства, который я помню, — это рассказ о том, как они с другом достали ноты «Евгения Онегина» и, сидя в школе под лестницей, распевали на два голоса. В той же школе, кажется, классом старше, учился Лев Наумович Коган, впоследствии известный социолог. Его все помнят блестящим, искрящимся человеком. Таким он был и в школьные годы. Школу отец окончил с так называемым «Сталинским аттестатом», что заменяло медаль, его сочинение об историческом значении открытия Америки Колумбом заняло первое место в городском конкурсе, он готовился к поступлению в университет, но тут началась война. Ему было неполных 17 лет. Так что его не призывали, да и зрение было откровенно плохим. Он пошел работать на завод, учеником токаря, а потом оказался в Уральском университете на историко-филологическом факультете. От работы на заводе осталось важное свидетельство солидарности: как-то ему случилось потерять продуктовые карточки в начале месяца, на помощь пришли товарищи по цеху.

В 1943 г. его призвали в армию с третьего курса, на военной фотографии этого года он без очков, но страшно косит одним глазом. Это, впрочем, уже не было помехой, один глаз видел плохо, зато другой прилично, без очков. Очки появились позже. У него был хороший слух, что и определило военную специальность. Он служил радистом, потом начальником радиостанции в дивизии ПВО. Кандидатом партии он стал в армии, а членом партии в 1946 г., уже в университете. Дивизия, в которой он служил, вошла в Резерв Главного командования, стояла сначала под Москвой, в Зюзино, а потом ее перебросили в Крым. Впоследствии оказалось, что они с воздуха прикрывали Ялтинскую конференцию. В точном смысле слова отец не воевал; когда в поздние брежневские времена стали проявлять демонстративную заботу о ветеранах, ему разъяснили, что ветераном войны ему считать себя не положено. Впрочем, он и раньше говорил, вспоминая об однокурсниках, вернувшихся с фронта, что не может себя с ними равнять. И все-таки война есть война. Однажды отца чуть не накрыло осколком случайно разорвавшейся мины, пробившим крышу землянки за мгновение перед тем, как он вошел. Под конец войны его дивизию разделили на два полка, один отправили в Югославию, и там он погиб весь, а вот отец выжил, потому что служил в другом, оставшемся в резерве полку. Я думаю, что само его существование, а значит, и мое, оказывается в такой ретроспективе случайным.

В 1945 году отцу удалось сразу же демобилизоваться, был приказ о демобилизации недоучившихся студентов, если они

могли показать документы о прерванной учебе. Он вернулся на третий курс и через год женился на моей матери, своей однокурснице. Почти сразу же стало ясно, что студенческой семье не выжить (напомню, высшее образование было тогда платным), мама ушла из университета и работала, чтобы дать отцу возможность доучиться. Она закончила его лишь в середине 50-х годов, заочно. Отец был лучшим студентом на факультете и по выпуске в 1948 г. получил лучшее распределение. Учился он на историческом отделении. Кстати говоря, как-то среди студентов обоих отделений провели проверочный диктант. Он один, среди историков и филологов, написал его без ошибок. Это не просто врожденная грамотность, как говорят. Он очень любил всякие справочные издания, словари, энциклопедии и т.п. Выбор кафедры отец сделал вопреки своим детским планам. Конечно, в конце 30-х знаменитый трехтомник по истории дипломатии сделал свое дело, а здесь уже в 45-46 гг. отцу стало ясно, что никакая история дипломатии ему не светит. Хотя тучи еще не сгущались, он выбрал карьерно, как ему казалось, самую надежную дорогу, стал специализироваться по истории партии. Это была, собственно, не история, а такое идеологическое конструирование. Позже, у мамы это было не так, у нее дипломная работа была, кажется, о становлении профсоюзных организаций на Урале, но вот дипломная работа отца называлась «Учение Сталина о фазах и функциях социалистического государства». Руководил ею, кажется, Г. А. Курсанов. При всех отличных оценках за учебу и несмотря на вполне идеологически выдержанный диплом, остаться в Свердловске отец все равно не смог. Конечно, во всем этом было много неправды, однокурсники с более низкими оценками оставались, ему же на выбор предложили два города: Нижний Тагил и Новую Лялю. Выбор пал на Тагил, где было место директора школы рабочей молодежи и где обещали жилье (впрочем, первое время жильем был кабинет директора, где родители спали на столе, за неимением другой мебели). Родители рвались в Свердловск почти всю жизнь, но ничего не получилось. Тоска по Уралу, по Свердловску сохранилась у них, особенно у мамы, навсегда. Она, кстати, тоже была дочерью «врага народа», ее отца, портного, обвинили в том, что он собирался взорвать Уралмаш. Он выжил в лагерях, но вернулся уже в 50-е гг. Возможно, им было лучше уехать в те годы из Свердловска. Во время антисемитской кампании конца 40-х – начала 50-х из Свердловска в Тагил приезжал какой-то партийный инспектор, но тогда ничего не нашел, не подкопался, а вскоре Сталин умер, знаменитая антисемитская кампания прекратилась.

В Тагиле отец быстро стал известным человеком. В те годы учителя с университетским образованием были редки (у многих за плечами были только так называемые учительские институты, а у некоторых и того не было), он к тому же был хорошим лектор, начитанный в классической и марксистской философии, владевший иностранными языками (кроме немецкого, отец выучил в университете французский, довольно хорошо, и английский, скорее неважно). Через несколько лет, побывав директором двух или трех школ, он стал заведовать тагильским гороно (городским отделом народного образования, подразделением горисполкома) и пробыл на этой должности семь лет. К делам относился с большой ответственностью и едва не заработал инфаркт. Ему приходилось инспектировать школы не только самого города, но и школы всего района. В районе же находились многочисленные лагеря. Вот объезжая лагеря (ради инспекции лагерных школ) он думал иногда, что, может быть, встретит в одном из них своего живого отца. Запрос о его судьбе он подал только после 20 съезда, а справку о реабилитации показывал последний раз, когда устраивался на работу в Институт социологических исследований АН СССР, в 1974 г. Номенклатурная должность имела, конечно, свои приятные стороны, но только целью своей такую карьеру отец никогда не ставил. А может быть, просто понял, что физически не выдержит напряжения. Он решил уйти, чего так и не смогли понять его сослуживцы. Вроде бы, все шло к тому, что ему светил уже перевод в Свердловск, но тут он перешел на должность преподавателя в Нижнетагильский пединститут.

На каком факультете, какой кафедре он начал работать? Наверное, вскоре он задумал писать кандидатскую диссертацию?

На одном из тагильских сайтов можно сейчас прочитать, что отец руководил гороно с 56 по 63 гг. Отец уходил он на кафедру марксизма-ленинизма Нижнетагильского пединститута простым преподавателем, без степени. Но стал заведующим кафедры буквально через пару месяцев.

Вернемся к защите. В 1963 г. в Свердловске он защитил диссертацию, посвященную проблемам образования. Диссертация называлась «Повышение общеобразовательного уровня рабочего класса в СССР в период развернутого коммунистического строительства и социальное значение этого процесса». Это еще не была социология в точном смысле слова, хотя становление отечественной социологии должно было оказать на него большое влияние, ведь именно на рубеже 1950-х – 60-х гг. случился этот важный поворот к социологии. Я недавно смот-

рел некоторые ранние публикации наших социологов, оказывается, в Нижнем Тагиле в 1962-63 гг. проводили большое исследование, одно из первых в нашей стране, но отец был не при чем, во всяком случае, никаких свидетельств его участия я не знаю. Скорее всего, он был в курсе, может быть, даже с кем-то тогда познакомился. Некого спросить, увы. Защита диссертации резко повысила его статус в педагогическом институте, он в скором времени уже был заведующим кафедрой, а потом долгое время был проректором. Так получалось везде: он хотел заниматься исследованиями, но через некоторое время оказывалось, что он опять начальник чего-то.

Я перечитываю то, что до сих пор рассказал, и вижу, что получается какая-то очень однобокая картина: вырос отец в семье партийного работника, сам был убежденный коммунист и на протяжении всей карьеры, хотя и не дослужился до больших номенклатурных чинов, всегда кем-то руководил. В общем, так все и было, но я бы именно здесь хотел добавить несколько, лично для меня очень важных, психологических деталей. В нашем доме всегда было много книг, строго говоря, кроме книг, почти ничего и не было, совсем неплохие по тем временам зарплаты родители – и это было именно желанием отца – тратили на путешествия. Он очень любил географию, каждый год мы куда-то отправлялись на все лето, а когда открылась возможность ездить за границу (ему тогда было без малого пятьдесят лет, он впервые поехал на социологический конгресс в Болгарию), он пользовался этим не просто охотно, но прямо-таки страстно. Впрочем, я хотел сказать о книгах. В молодости родители часто переезжали, во время одного из переездов грузчики, тащившие очередные пачки книг, спросили, когда же, наконец, будут вещи. Но, повторяю, вещей, кроме минимума, не было. Среди множества книг была одна, так сказать, семейная Книга с большой буквы. Сейчас ее мало кто помнит, а дома у нас она разошлась на цитаты, которыми отец охотно перебрасывался со своим младшим братом. Приохотили они и меня. Это книга Леонида Соболева «Капитальный ремонт». В ней описана ситуация на флоте перед началом первой мировой войны, по идее, книга должна была завершаться в революционный 1917-й год, но Соболев ее не дописал, так все и осталось в довоенной Финляндии и Петербурге. Отец так ее любил, что, когда пожилой уже Соболев приехал в Тагил на какие-то писательские гастроли, он ходил на встречу и спрашивал, когда же будет продолжение. Там две ключевых фигуры: молодой гардемарин и его старший брат, лейтенант флота, который младшего учит жить, по видимости цинически, а на самом деле – как человек долга, видящий все безумие бюрок-

ратической машины, но сделавший из служения этому абсурду некоторого рода добродетель. «Зачем чистить медяшку до блеска, если собираются тучи и вот-вот пойдет дождь? – Потому что на медяшке флот держится». Я как-то усваивал всегда только одну сторону этих поучений: что абсурдом не надо тяготиться, что без его повторения не было бы вообще никакого порядка. И не задумывался над тем, что, значит, в том, что это – абсурд (в книге, кстати, и ведущий Россию к катастрофе) сомнений не было. Никакого искреннего почтения к поздним советским партийным вождям у него не было, просто прорывалось это редко. Так или иначе, ему нравился порядок во всем, в том числе все внешнее, правильное. Он с удовольствием вспоминал, как кто-то из столичных профессоров, приехавших в Свердловск в эвакуацию, несмотря на жуткий холод в аудитории, всегда снимал пальто и читал лекции в пиджаке, в белой рубашке с галстуком. Он с удовольствием цитировал то ли реальные, то ли выдуманные дневниковые записи какого-то офицера времен еще первой мировой: «Заметил, что N. небрит. Вынес ему порицание». Это продолжалось и в ученых занятиях. Поэтому, уже позже, он был отличный редактор, не пропускавший не только пропущенных запятых, но и ошибок в таблицах. Я помню, как он вечерами сидел над корректурами статей в «Социологических исследованиях»: никаких даже калькуляторов тогда не было. Считал сам и пересчитывал сомнительные таблицы в чужих статьях на счетах и логарифмической линейке. Находил ошибки в расчетах, находил ошибки в цитатах, в библиографических описаниях. Это, по идее, не работа для заместителя главного редактора, но, помимо того, что он чувствовал свою ответственность, ему такая работа нравилась. В науке для него желание понять означало: привести понятия в порядок надежной концептуальной схемы. Но когда схема уже была сконструирована – и, желательно, надолго, – важнее всего оказывалось надежное установление фактов. Этим его и привлекала социология.

Похоже, что уже в своей кандидатской диссертации Ваш отец почти вплотную приблизился к социологии. А когда и как он начал заниматься социологическими исследованиями?

Его социологическая карьера в более узком, точном смысле слова началась так. Однажды на трамвайной остановке в Тагиле (а точнее, на той самой знаменитой теперь «Вагонке», то есть в районе, отделенном от города, где располагается Уралвагонзавод и где начиналась его тагильская жизнь) он встретил заехавшего в командировку, с лекциями, Михаила Николае-

вича Руткевича, декана философского факультета УрГУ. Они были уже знакомы, конечно, мало того, мои родители учились у отца Михаила Николаевича – доцента-историка Николая Паулиновича Руткевича, кажется оказавшегося в Свердловске в эвакуации. Вообще эвакуированные из центра страны крупные фигуры сыграли большую роль в жизни отца.

Всегда отец помнил известного свердловского профессора, византиниста М.Я. Сюзюмова, хотя и не собирался заниматься этим предметом.

Одним из его научных руководителей был Д. И. Чесноков. Впоследствии Чесноков сделал быструю карьеру в качестве идеолога. Недавно мне пришлось читать, что именно он, якобы, подготовил целый трактат, обосновывавший запланированные репрессии против евреев, с чем и связан его карьерный успех. Но трактат этот (если он вообще существовал) так и не появился, а впоследствии Чесноков написал сравнительно внятный учебник по историческому материализму, поддерживал создание в МГУ кафедры прикладной социологии и вообще оставил по себе память скорее хорошую. Из одиозных, но тоже не чуждых истории социологии фигур в Свердловске в 50-е гг. был М. Т. Иовчук. Вспоминал об Иовчуке отец очень неприязненно.

Вернемся, однако к Руткевичу. Можно считать, что тогда между ним и отцом состоялся исторический разговор. Именно Руткевич предложил ему обратить внимание на социологию социальной мобильности, именно с этого времени начинается их длительное сотрудничество. Руткевич и в научном плане, и по-человечески очень импонировал отцу, который считал его интеллектуальным лидером, очень долго доверял ему в решении важных методологических вопросов, да и в более широком плане. Но именно своей заслугой отец считал то, что на известной конференции 1966 года в Минске, посвященной социальной структуре советского общества, он говорил о теориях социальной стратификации и мобильности. Вероятно, на соответствующую литературу одновременно обратили внимание сразу несколько исследователей, но я в данном случае говорю именно о том, что сам отец считал важным, что говорил мне, даже если и не видел проку в публичном подчеркивании своей роли.

Есть, конечно, важное свидетельство того, что они тогда сделали с Руткевичем вместе: это изданный ДСП сборник (в двух частях) с переводами и рефератами почти всех основных на тот момент (1968 г.) источников по теориям стратификации и мобильности. Роль отца, как я могу судить уже по позднейшему, была именно ролью рабочей лошади, вытащившей на себе

этот труд. В 1970 г. вышла их книга «Социальные перемещения», которая попала в хорошую компанию. В этот год вышли и «Социологические опыты» В. Н. Шубкина, и «Социальная структура рабочего класса в СССР» О. И. Шкаратана. Бывают такие годы в науке, когда все лучшее выходит почти одновременно. С этого времени, я думаю, уже не только Руткевич, но и отец стал заметной фигурой в социологии.

По-видимому эта книга стала основой его докторского исследования?

Да, так и есть. В 1971 г. он защитил докторскую диссертацию. Я хорошо помню, как мама обеспокоенно говорила ему накануне защиты, чтобы он особенно ни во что не ввязывался, а он отвечал, что когда речь идет о докторской защите не ввязываться в принципиальные вопросы невозможно. Как я теперь понимаю, желающих его провала было достаточно, но все обошлось. К сожалению, я не знаю особенных подробностей тогдашних интриг, но одна из несомненных сложностей состояла в том, что как раз в это время Руткевича переводят в Москву и защищаться приходится без него. Руткевич после отставки Румянцева и известных решений по ИКСИ возглавляет Институт социологических исследований. Это время сейчас описано многими и, в основном, единодушно. Я хорошо знаю, по меньшей мере, часть этой истории со слов моих добрых коллег, с которыми я работал в секторе Ю. Н. Давыдова. Они пережили все эти тяжелые годы, и я, таким образом, видел все это в юности в двух перспективах: сначала с точки зрения отца, который до переезда в Москву и первые годы в Москве стоял на позициях Руткевича, а потом мне многое рассказывали те, кто в то время работал в ИСИ.

У событий в ИСИ есть идеологический и есть персональный аспект. Идеологически в ретроспективе дело выглядит так, что коммунисты усмотрели в социологах опасное свободомыслие и учинили разгром, для чего мобилизовали Руткевича, который задание партии выполнил, после чего был уволен. Это правильно, но нуждается в уточнениях. В Москве Руткевича и всех, кто был с ним, называли «уральскими догматиками», и, сколько мне известно, никакого огорчения это не вызывало ни у него, ни у его сторонников. Однако, что значит быть «догматиком» в социологии? Как мне кажется, с точки зрения истории идей здесь существует определенный перекося. Несомненно, он был приверженец того, что называют «советским марксизмом» и, кстати говоря, автором учебника «Диалектический материализм» для философских факультетов. Но —

искренне или неискренне – на позициях марксизма-ленинизма стояли тогда все заметные советские социологи. Если мы хотим понять различия между ними, по этому критерию их различить невозможно, во всяком случае, в конце 60-х – начале 70-х гг. Была в то время догматическая антисоциологическая точка зрения. В партийном аппарате, например, она была представлена одиозной фигурой Ягодкина, сначала работника Московского горкома партии, а потом – замминистра высшего и среднего специального образования СССР. Именно Ягодкин, если не путаю, был инициатор кампании против социологов в конце 60-х гг., в частности, в связи с «Лекциями по социологии» Ю. А. Левады. Именно Ягодкин не давал ввести в номенклатуру специальностей социологию и вообще был против нее. К Ягодкину мой отец относился с отвращением, я это хорошо помню, как помню и то, какой серьезной угрозой для науки он считался. В ученой среде был тогда и такой известный деятель, как Ц. А. Степанян, член-корреспондент АН СССР, заведующий отделом научного коммунизма Института философии АН СССР. Он был против социологии как прикладной науки и считал, что исследования не нужны, поскольку все необходимое уже содержится в научном коммунизме. Конечно, он был не идиот и выражал все это более аккуратно, но смысл был именно такой, это была явная и непосредственная угроза. А если мы посмотрим, чем занимались социологи уже после ухода Румянцева и разгона старого состава Института, то окажется, что исследования были, в том числе, продолжалась и методологическая работа. Таким образом, и здесь нельзя найти точный критерий разграничения. У меня есть одно предположение, которое я несколько раз высказывал в печати, но я не могу обосновать его в достаточной мере. Ниже я о нем скажу. Но пока что скажу об аспекте персональном.

В общем, ни для кого не является секретом, почему Руткевичу довольно быстро пришлось оставить свой пост. Он, кажется, был всерьез уверен в том, что наступило время иной, правильной науки, перессорился с влиятельными московскими кланами и, наконец, совершил, как я помню, непростительную ошибку, уволив из Института В. С. Семенова, автора известной в то время книги «Капитализм и классы. Исследование социальной структуры современного капиталистического общества». (М., 1969). О причинах увольнения я сказать не могу, а последствия были предсказуемы, потому что Семенов был лично очень близок к всесильному в те годы академику и вице-президенту АН СССР П. Н. Федосееву (говорили, что он очень дружил с его сыном, трагически погибшим, и в каком-то смысле заменил ему сына). Но даже и без этого Михаил

Николаевич был, конечно, не только идейно, но и лично совершенно чужд коллективу, у которого, как это часто бывает в Москве, связи были многообразные и серьезные. Он видел себя лидером дисциплины, он был необыкновенно работоспособен и разносторонне образован и, как я думаю, считал себя не только старшим по должности, но и заслуженно старшим, имевшим право на пренебрежение чужой точкой зрения и человеческим достоинством. Не раз и не два я слышал, правда, в передаче, как тех, с кем он расправлялся, называл он «шпаной». Повторю, это было не просто идеологическое противостояние, но еще и человеческое пренебрежение, связанное с высокой самооценкой. Из этого иногда происходили характерные коллизии. Со слов Руткевича отец рассказывал мне, что через некоторое время после начала увольнений тот схлестнулся с В. Н. Шубкиным, знаменитым социологом, заведовавшим сектором социологии молодежи и образования. Якобы Шубкин решил ему высказать внятное несогласие с кадровой политикой и, придя на прием, стал рассказывать, как в 1943 г. к ним, опытным бойцам, прибыл в окопы Сталинграда молодой необстрелянный лейтенантик, которого быстро поставили на место. – Горький юмор ситуации заключался в том, что Руткевич, ко всему еще и чрезвычайно вспыльчивый, сам воевал чуть ли не всю войну, был награжден орденами, вообще, был боевой, а не тыловой офицер. – «Он это говорит мне, мне!» -- кипятился Михаил Николаевич. Шубкина он скоро уволил, как уволил, например, и тишайшего И. С. Кона, к тому же безупречного профессионала. Это потрясло тогда очень многих, и мне даже и через десять лет об этом так и рассказывали: как о чудовищной и неожиданной несправедливости.

А вот, например, моего учителя Ю. Н. Давыдова, с его строгим выговором с занесением в учетную карточку (хуже было только исключение из партии), он увольнять сначала не стал, попробовал «дожать» и отправлял каждое утро на овощную базу перебирать капусту в порядке шефской помощи. Он рассчитывал, что Давыдов сам уйдет. Но тому уходить было некуда, зато в один прекрасный день Руткевичу позвонили из ЦК, и после этого он Давыдова оставил в покое. А вот насчет того, не звонили ли ему, чтобы он конкретных людей непременно уволил, ничего сказать не могу. Эта тема ждет своего исследователя. Не могу не сказать и о том, что мне в детстве передалось отношение отца к Михаилу Николаевичу. Что бы я ни узнавал впоследствии от разных людей, поменять свое отношение на прямо противоположное я не могу и не хочу.

Так или иначе, место Шубкина освободилось, некоторое время его обязанности исполнял Ю. Н. Козырев, а потом имен-

но на это место Руткевич перетащил в Москву отца. Это был конец 1974 г., сразу после того, как ВАК утвердил его докторскую степень. Я хорошо помню, что утверждение затягивалось, отец начинал нервничать, потому что затянулось оно немного сверх меры. За несколько лет до того у него, о чем родители не очень любили говорить, случился карьерный облом. Он должен был избираться на должность заведующего кафедрой в Уральском политехническом институте в Свердловске, все, казалось, было налажено. Даже в школе моей считали, что мы переехали, и страшно удивились, увидев меня первого сентября в классе. А дело было в том, что отец не прошел конкурс. Кто сыграл против, я не знаю, почему – даже не догадываюсь, хотя, в общем, все влиятельные люди Свердловска того времени известны. Конечно, он не мог не думать о том, что и сейчас могло что-то не сложиться. Но вот – это было летом 1973 г. – пришла телеграмма от Руткевича, я даже сейчас ее помню: «Поздравляю с утверждением, срочно оформляйте профессорство». Отец оказался первым доктором наук и первым профессором в Нижнем Тагиле. Мы им очень гордились. Через год ему исполнилось пятьдесят. Отмечали с большим провинциальным размахом и, вроде бы, один наш местный художник собирался даже писать его портрет. Но на торжествах уже лежала тень расставания. Руткевич добился его перевода в Москву. Он уехал, а мы остались. Ждали жилья.

Как складывалась жизнь отца в Москве?

Отец приехал в Москву, кажется, в октябре или ноябре, поселился у своей двоюродной тетки, которая когда-то сберегла во время войны его документы о незаконченном высшем образовании. Тетка, вдова богатого адвоката, жила в одной комнате в огромной, составленной когда-то из двух, коммунальной квартире прямо напротив Института иностранных языков (ныне Лингвистический университет). Потолок комнаты терялся в вышине, размерами она была со всю нашу нынешнюю московскую квартиру. Отец там несколько месяцев жил без нас, а потом еще мы приехали, и все уместились. Он писал там первую индивидуальную московскую книжку «Всеобщее среднее образование в СССР. Социологические проблемы» (М.: Мысль, 1975). Мы приехали к нему в самом начале февраля 1975 г. Началась новая жизнь. В Москве отец, я думаю, остро ощущал свою провинциальность, он не принадлежал к московскому кругу социологов и никогда, что называется, по-человечески в него и не вошел. Все вкусы, связи, круг общения были вокруг новые и непривычные. Ездить в Москву в командиров-

ки и жить здесь – совсем разные вещи. Все отношения были только рабочие, тех теплых дружеских связей, к которым он привык на Урале, здесь не было. Вообще столичный стиль – это штука очень специфическая. Я сам это почувствовал только через полгода после переезда, когда стал учиться в университете. В Тагиле я учился в одной из лучших школ, а в Москве кончал обычную, рядом с домом. Первое движение школьной администрации было поместить меня в девятый класс, вместо десятого – «мальчик приехал из провинции». И уже через пару месяцев они же выражали сожаление, что я раньше у них не учился, был бы золотой медалист. Это потому, что в Тагиле учили лучше, да и весь наш класс был сильнее, по сравнению с Москвой – небо и земля. А вот в университете, где культурный багаж важнее оценок, я себя чувствовал безнадежным провинциалом еще долго, но у меня было достаточно времени вписаться и приспособиться. Или упереться, если меняться не хотел, не заботясь о последствиях.

А здесь, у отца в его 50 лет, все было сложнее. Грубо говоря, он любил симфоническую музыку XIX в., а не камерную XVII-XVIII вв. Он себя чувствовал во многом именно человеком XIX в. и часто об этом так и говорил. Наверное, не столько настоящего XIX в., сколько выдуманного, но все же именно века революционного прогрессизма. Поэтому – тогда я ничего не понимал, а сейчас для меня очевидно – на книжных полках у нас стояли полный Золя и полный Фейхтвангер. Сочувствие трудящемуся классу, победа разума в исторической борьбе с силами невежества. Не представляю себе, с кем бы из коллег он мог говорить об этом в 1976 г. То есть люди-то были, только в таком возрасте и обстоятельствах душу не открывают. И в походах у костра под гитару отец тоже не пел. Не могу не рассказать один случай, только без имен. Как-то уехал в те еще первые московские годы один социолог в США. Уехал обычным образом, по еврейской линии, когда ребенку его заблокировали поступление в МГУ. В Институте устроили по этому поводу положенное в таких случаях мероприятие. На нем заметно суетился один из коллег, типичный московский интеллигент с гитарой, душа всех компаний. «Я всегда знал, – говорил он, – что N двурушник!». Отец, вернувшись домой, рассказывал об этом с чудовищным презрением. «Ну, и чего ты молчал, если знал? И чего теперь высказывать?». В общем, этих тонкостей он так и не постиг.

И психологически, и карьерно выручала, конечно, работа. Уже через несколько лет, когда образовался отдел социальной структуры советского общества из нескольких секторов, он возглавил отдел, а когда возник журнал «Социологичес-

кие исследования», стал заместителем главного редактора, А. Г. Харчева. Кажется, именно с ним его связывали более похожие на дружеские отношения, его кончину отец очень переживал. Конечно, первым важным испытанием на прочность стал уход Руткевича, никаких оснований предполагать, что его это не коснется, у отца не было. Но получилось все по-другому. Четыре директора сменились при нем, и со всеми у него были добрые деловые отношения. На него всегда можно было положиться, интриговать и подкапываться он не умел, а написать в срок внятную бумагу мог. Никаких заблуждений на свой счет в этой части у него не было. Уже в 80-е гг. он мне говорил: «Держат меня как хорошего писаря. А если не будет нужды, выкинут». «Писарь» – это, понятное дело, значило «изготовитель докладных бумаг». Объемы экспертизы, как мы бы сейчас это назвали, уходившей из ИСИ наверх не только по прямой линии, то есть в качестве ответа на официальный запрос к дирекции, но и по линии простого, скажем, телефонного обращения одного из инструкторов ЦК КПСС к тому или иному ученому, видимо, еще предстоит оценить. Это было никак не формализовано, не нормировано, и, в общем, у меня нет никакой уверенности, не получалось ли так, что под видом служебных заданий там процветала обычная эксплуатация научных кадров, и множество бумаг эти бюрократы просто выдавали за свои. Впрочем, это был конечно, взаимовыгодный симбиоз крокодилов и маленьких птичек, которым хватало на пропитание. Насчет интеллектуального и культурного уровня этой публики отец тоже не заблуждался. По поводу одного из инструкторов, человека в те годы влиятельного, но очень уж неотесанного, он вспоминал, кажется, из Симонова, сравнение такого рода людей с чемоданами, которые возвращаются из заграничных путешествий своих владельцев сплошь в наклейках зарубежных аэропортов, но так и остаются чемоданами.

Теперь, если можно, расскажите об основных направлениях исследований Ф.Р.Филиппова по социальной структуре и по социологическим проблемам образования.

Однако надо, наконец, перейти к существу того, чем он занимался. Возможно, спорам о трактовке социальной структуры советского общества надо посвятить отдельное исследование. Сегодня многое может показаться искусственным и схоластическим. Существенную роль в схлопывании дискуссий сыграла, конечно, перестройка и реакция на нее наших социологов. Я как бы начинаю с конца, но это лишь предупреждение. Мы ведь помним, как сильно повлияла перестройка на трактовку социальной

структуры. Появились статьи, в которых доказывалось, что партийная (прежде всего) бюрократия – это особый слой, который социологи раньше боялись трогать, а между тем, распределение власти, доступ к привилегиям и т.п. явственно указывают на особый характер этой социальной группы. Ну и, конечно, вывод о недоброкачественности прежней социологии напрашивался сам собой. У меня по этому поводу, как у Маугли, довольно много колючек под языком, но, говоря максимально отстраненно, этот критический подход для конца 80-х – начала 90-х был отчасти оправдан. При других обстоятельствах с ним случилось бы то же, что с известной работой Ч. Р. Миллза о властвующей элите, который, при всем уважении к автору, не привел в момент появления к крушению структурно-функциональной социологии. Оно произошло позже и по другим причинам.

Ну, а у нас под шумок как раз и случился переворот в социологии – как продолжение той перестройки, которая происходила в стране и при поддержке той самой партийной элиты, которую предполагалось разоблачать. Но глубокому внутреннему единству советской социологии это повредить не могло. Просто времена изменились. Хочу вспомнить о случае, который знаю со слов отца, очень показательном именно в данной связи. В первой половине 80-х гг. одним из самых влиятельных направлений в нашей социологии стало развивавшееся в пику иностранцам изучение «образа жизни». Концептуально это было довольно бедное направление, зато можно было проводить массовые обследования, по всей стране, захватывающие десятки тысяч человек. И вот однажды в Алма-Ате, тогда столице Казахской ССР, в адресную выборку попала квартира чуть ли не первого секретаря горкома партии. Как уж так получилось, что его жена вообще пустила социологов в дом, я не знаю, но только пришли они и стали расспрашивать про доходы и расходы. Умная и, в общем, не вредная женщина довольно быстро выпроводила их, но тем дело не кончилось. Она поведала мужу, муж пожаловался в Москву, руководителе исследования, И. Т. Левыкина, далеко не новичка и вообще человека очень дисциплинированного, пришедшего в Институт из Академии общественных наук при ЦК КПСС, вызывали на ковер. Очень неприятно получилось. Так что реальность, в общем, пыталась просочиться даже в исследования Левыкина, но соединенными усилиями ей был поставлен заслон. Все прорвалось именно в перестройку. А в 70-е была именно реакция, в частности, на Пражскую весну, на ту самую критику социализма, которая, говоря попросту, к тому и сводилась, что номенклатура уже замкнулась в особый класс. Книга Руткевича и Филиппова – это как раз реакция на такого рода идеи.

У них там довольно много данных по формированию низового и среднего звена советских управленцев. Между прочим, они там довольно откровенно говорят об отсутствии статистики, о необходимости вычислять проценты выходцев из рабочего класса и проценты имеющих высшее образование среди этой группы по косвенным данным. И хотя я представляю себе, примерно, как можно поставить под сомнение некоторые их выводы, даже не трогая концептуальной схемы, само по себе это даже и сейчас, по-моему, интересно.

В чем же еще был смысл исследований социальной структуры и о чем там вообще можно было спорить, если старая догма требовала признавать наличие в СССР двух классов, различающихся по форме собственности, для описаний таких феноменов, как «молодежь» или «интеллигенция» изобретались вымученные конструкции, а *номенклатура* вообще не хватывалась понятийной сеткой?

Нечто очень важное произошло в середине 60-х гг. До этого, как мне кажется, только-только становящаяся советская социология была более многообразна в источниках заимствования западных идей, а пафос ее был не столько описательно-аналитический, сколько управленческий. Были интересные философско-социологические заходы, особенно после 22 съезда КПСС и попыток всерьез принять программу построения материально-технической базы коммунизма, но, в конце концов, все свелось к тому, что научное управление обществом невозможно без эмпирической науки, представляющей форму обратной связи, именно это позволяло не ставить под сомнение наличие высшего управленческого слоя. Социология должна была стоять на службе у партийных бюрократов, а не описывать их же самих для них же самих. В самое продуктивное время у самой успешной советской социологии не было никакого освободительного пафоса, кроме позитивистской научности: знать, чтобы предвидеть и управлять. Конечно, это могло выглядеть по-разному для разных групп социологов: одни были внутренне и, пока возможно, внешне на стороне *социализма с человеческим лицом*, а другим мерещился усовершенствованный, без массовых и особенно аппаратных репрессий, но все-таки социализм того типа, который и восторжествовал в СССР в 70-е гг. Но вот что произошло, как я думаю, со структурным функционализмом.

Он показался удобным сразу многим и с разных сторон. Несомненно, когда его начали перенимать, он был весьма почетным, влиятельным направлением в западной социологии. Можно было быть структурным функционалистом, парсонсианцем, и чувствовать себя в интеллектуальном мейнстриме.

Лет десять назад вышла книга переводов по теории действия Парсонса. В ней большое место занимают воспоминания разных людей, которые прикоснулись к его теориям еще в 60-е. Меня глубоко тронуло то, что верность интеллектуальному лидеру они сохранили в течение нескольких десятилетий. Это показывает, сколь сильным было влияние. Но ведь структурный функционализм, сколько бы ни пытались скорректировать ходячее представление о нем некоторые крупные авторы, все равно оставался именно консервативной теорией общества. Не реакционной, а именно консервативной. И вот что получилось: он устраивал и наших прогрессистов, потому что был передовой теорией, и наших консерваторов и даже реакционеров, которые именно в нем видели решение той самой проблемы соединения порядка с прогрессом, которой когда-то был озабочен еще Конт. Их сильно смутили события в конце 60-х гг. в некоторых социалистических странах (прежде всего, конечно, в Чехословакии). Конечно, в специфических условиях СССР все это кончилось очень печально. Победа консерваторов в социологии над прогрессистами состояла, собственно, в том, что охранительную составляющую структурного функционализма они смогли представить во внешне марксистских терминах, то есть, совсем уже грубо, продали начальству того же Парсонса как Маркса, но больше замаскированного под охранительский мейнстрим СССР 70-80-х гг., чем это могли и хотели сделать социологические «прогрессисты». Думаю, что столь рационально и чуть ли не цинично, как я это сейчас излагаю, никто не думал. Но в исторической ретроспективе я представляю себе это именно так.

Позволю себе здесь, вместо вольного пересказа, реконструировать очень кратко концептуальную схему той самой книги Руткевича и Филиппова «Социальные перемещения». Конечно, в ней, по всем канонам, дается отпор буржуазным социологам, тому же Парсонсу: «С “функциональной” точки зрения, нет различия между управляющими органами, выполняющими во многом однородные функции в капиталистическом и социалистическом обществах. Но эти функции в социалистическом обществе имеют совершенно иной социальный смысл, чем при капитализме. Вот почему и мобильность должна рассматриваться лишь с учетом ее социальной сущности, а не только как формальное перемещение индивидов на другой “структурный уровень”. ... Дело, следовательно, вовсе не в том, что и при капитализме, и при социализме есть “организаторы и администраторы”, а в том, в чьих руках, в чьей собственности находится производство, в чьих интересах работают эти организаторы и администраторы, в чьих ин-

интересах осуществляется управление и руководство обществом в целом»*. Мысль о том, что это же самое высказывание можно прочесть в прямо противоположном интенции авторов смысле, возможно, и приходила им в голову, но мне об этом ничего не известно. Считалось, что формальные сходства между капитализмом и социализмом есть, но сущность социального строя определяют отношения собственности на средства производства. Поэтому то, что по видимости схоже у нас и на Западе, по сути глубоко различно. А почему похоже? Потому что «некоторые общие черты, обусловленные уровнем материального производства, создают сходство ряда тенденций социальных перемещений при социализме и при капитализме»**. Это и урбанизация, и миграция сельского населения в города, и рост числа работников умственного труда, и удлинение срока подготовки к трудовой деятельности и многое другое. Но что отсюда следовало? Только то, что при сохранении базовых марксистских представлений (в которых, заметим, марксизма было не так уж много), множество технических средств описания и анализа можно брать у западных социологов и даже развивать для целей продуктивной социологической работы, контактировать и дискутировать с зарубежными коллегами и сопоставлять полученные результаты: «Вопрос об измерении социальных перемещений, будучи уже не теоретическим и идеологическим, представляет самостоятельный интерес и заслуживает особого рассмотрения, тем более что буржуазная социология в этом плане проделала полезную работу, а именно разработала математический аппарат, с помощью которого можно дать количественную характеристику процессам социальных перемещений»***, в частности, важны такие показатели, как распределение населения по уровню доходов или зависимость уровня образования детей от уровня образования родителей****.

Настаивая на том, что перемещения между отдельными социальными группами носят не просто характер профессиональной мобильности, но именно мобильности социальной (Руткевич и Филиппов предпочитали называть ее «социальными перемещениями»), авторы, конечно, на мой сегодняшний взгляд, прошли буквально по лезвию бритвы. Ведь, казалось бы, чего проще? Есть единый советский народ, состоящий из дружественных классов, причем рабочий – лидирующий.

* Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р. Социальные перемещения. М.: Мысль, 1970. С. 21.

** Там же. С. 40-41.

*** Там же. С. 24.

**** См.: Там же. С. 36.

И вот, по мере научно-технического прогресса, количество более хорошо образованных растет. Профессиональные группы занятых квалифицированным трудом увеличиваются, ученых и инженеров тоже становится больше. Конечно, у них там свои потребности и жизненные планы, мотивы, зависимость от образования родителей и многое другое. Но главного это не меняет, потому что переход из одной профессиональной группы в другую – это, примерно, все равно, что повышение квалификации, скажем, с пятого разряда до шестого. И склонность к такого рода трактовкам (я упрощаю, конечно) у многих социологов в это время была. А вот Руткевич и Филиппов настаивали, что группы, различающиеся по уровню образования и характеру труда, -- именно социальные группы, а не просто профессиональные. То есть они считали, что меняется именно социальная структура общества, а не просто его профессиональный состав.

Это заставляло решать сложные теоретические проблемы. Например, понятно, что рабочий с неполным средним (7 классов) образованием у станка – это точно рабочий. А если у него образование высшее и он пилот самолета? А если неполное высшее, а он – мастер или бригадир? А если он высшее получил, а потом стал инженером, то, получается, входил он прежде в рабочий класс, самый передовой, а тут вдруг – поднявшись по профессиональной лестнице, перестал? Часть этих вопросов носила, конечно, характер идеологический, в том смысле, что данные социологии, безусловно, важные, надо было как-то совмещать с основной схемой научного коммунизма, посягать на который было немислимо. Но был у всего этого и другой смысл. Можно было попытаться представить себе некую динамику социальной структуры, которая, как утверждалось, имеет тенденцию к увеличению однородности, причем этой однородности не противоречило увеличение уровня образования и квалификации. То есть вот эти самые различия предлагалось трактовать одновременно и как социальные, то есть имеющие отношения к неравенству, а с другой стороны, – как все-таки не в том смысле социальные, как при капитализме, но в тенденции становящиеся не более чем профессиональными. Это и была диалектика. Различия между разными группами трудящихся росли, поскольку часть из них получала образование все более высокого уровня, но вместе с тем росла и социальная однородность, потому что шансы на получение такого образования тоже росли. Тут появлялась идея, которую на языке Канта следовало бы назвать регулятивной, идея равенства и справедливости.

Ведь что получалось на самом деле? Прогресс производства действительно требовал квалифицированных работников.

Склонность получать хорошее образование, как хорошо известно социологам, достаточно жестко связана с образованием родителей. Интеллигенция становилась все более важной и нужной, да еще и норовила скатиться к самовоспроизводству. Поощрение, поддержка тех, у кого родители не имели высшего образования, могла трактоваться как мера недемократическая, потому что место оценки достижений (например, при конкурсах в вузы) занимало при такой поддержке происхождение («из рабочих», «из крестьян» и т.п.), а кроме того, от такой поддержки страдала, по идее, эффективность производства, науки и техники, которым были нужны квалифицированные кадры, а не кадры с правильной биографией. Но отказ от такой поддержки означал, повторю, вполне естественное замыкание состоятельных и образованных, перекрытие каналов мобильности. Поэтому Руткевич и Филиппов стояли на позициях, которые были также и официально оформлены в СССР: не просто приоритет происхождения, но гибкое управление социальной структурой. Подготовительные курсы для тех, кто по биографическим причинам не может конкурировать с интеллигенцией (а в интеллигенцию включались и партийные управленцы). Поощрение поступления в вузы тех, кто, например, вернется на село агрономом или зоотехником, а не тех, кто получит соответствующее образование, но останется в городе, и т.п. А уже результатом такой активности в сфере образования станет выравнивание образовательного уровня не ущерб эффективности и, в перспективе, усиление социальной однородности СССР.

Отсюда вытекала и управленческая задача социологии, и особая роль образования.

Я помню, что отец вообще очень радовался уже в 80-е, что занялся образованием. Это была идеологически пусть и не нейтральная, но все-таки вполне, как мы бы сейчас сказали, общечеловеческая сфера. Это было то, что примерно или даже очень сильно походило на ситуацию в других странах. Об этом можно было говорить с западными коллегами. Не случайно в мировом сообществе социологов образования к отцу относились хорошо, он был вполне респектабельной фигурой в исследовательском комитете по социологии образования Международной социологической ассоциации и, кажется, один срок заместителем руководителя комитета. Когда в 1994 г. я в Англии рассказал Маргарет Арчер о его кончине, она обещала написать об этом в каком-то профессиональном издании, но, по-моему, забыла.

Большинство работ отца были именно про образование. Об этом он писал охотнее, чем про социальную структуру, где идеологии было больше, а смысла вообще уже никакого не

было. Все заостеневало. Я хорошо помню, опять же, по разговорам 80-х гг., когда настроение у него было чаще плохое, что работами об образовании он стремился как-то достучаться до высшего начальства. Но в то время уже никому и ничего было не нужно. Думаю, что формально дела шли неплохо, ему разрешали выезжать, причем, довольно часто. Хотя были случаи довольно гнусные. Например, он так и не побывал в ФРГ, потому что по его приглашению поехал однофамилец, начальник иностранного отдела ИСИ И. Е. Филиппов, алкоголик и доноситель. Но это все были мелочи. Как мелочью, хотя и приятной по тем временам, было награждение премией имени Ленинского комсомола за работы по молодежной тематике. Это был такой способ отметить: в одну премию, в одну строку и на одну сумму загоняли несколько человек. В его год и его строчке, помню, был знаменитый впоследствии генерал Волкогонов. Все эти формальные приятности не отменяли того, что болото остановилось. Ему, с его привычной лояльностью, и то дышать было нечем. Он был человек, в общем, жизнерадостный, но я, когда уже был аспирантом, не раз и не два уходя из Института домой старался не идти с ним одной дорогой, не пересекаться, такое у него было лицо, когда на него не смотрели, что лучше было не подходить. Впрочем, в те годы дочь Пиамы Павловны Гайденок говорила мне, что когда Давыдов приходит из ИСИ домой, он просто ложится и молчит. Не может говорить. Такая вот странная переключка в реакциях совершенно непохожих людей.

Самая лучшая его поздняя книга – «Социология образования». Она имела успех, он даже готовил ее переиздание, но не успел. Рукопись мы нашли после смерти, через несколько лет моя жена, Светлана Баньковская, подготовила к печати одну из глав. Когда директором ИСИ на волне перестройки стал В. А. Ядов, да и вообще, так сказать, социологический истеблишмент обновился за счет людей того самого круга, который враждовал с Руткевичем и его последователями, мы ждали каких-то неприятностей, но неприятностей особых не было. Отец сделал книгу «От поколения к поколению», она шла очень трудно. Отец работал с материалами госстатистики, с переписью, в том числе и не опубликованными материалами, и редактор издательства «Мысль» требовал у него разрешения из Госкомстата на каждую таблицу. Но когда книга вышла, отец подарил ее Ядову и тот на каком-то совещании послал ему записку, что-то вроде того, что это лучший труд по когортному анализу за последние десять лет. Отец этому очень радовался.

В 1989 г. ему исполнилось 65 лет, предельный возраст для занятия должностей, но в Академии никто на этот счет осо-

бенно не беспокоился. Однако же наступили новые времена. Велено было обновляться, его перевели на должность главного научного сотрудника. Он привычно говорил, что так и надо, все правильно, но, конечно, был несколько уязвлен. В феврале 1990 г. я уехал на год в Германию, он заболел месяца через полтора, я видел его еще в марте, в больнице, где никак не могли понять, что с ним. В августе он поехал на очередной социологический конгресс в Мадрид. Была страшная жара, он был уже совсем худой, но бегал по Мадриду, не щадя себя, -- давая разрешение на поездку, врач сказала, что это не смертельно. Я рад, что так получилось. Он побывал на ценном для него профессиональном собрании. Он видел один из красивейших городов мира и одно из лучших собраний картин в Эскориале. После возвращения с конгресса он прожил около месяца, не дожив до 66 лет, и не застал крушения Советского Союза, которое, я уверен, обесмыслило бы в его глазах всю его жизнь.

Раздел III. ИНТЕРВЬЮ С СОЦИОЛОГАМИ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Башкирова Е. И., кандидат философских наук, Генеральный директор «Башкирова и партнеры ООО». Основные области исследования: общественное мнение, маркетинговые исследования, консультирование. Интервью состоялось в 2006-2012 годах.

**Башкирова Е.И.:
«ТАКОГО УРОВНЯ
ЛЮДИ
ПРИХОДИЛИ
НА «ОГОНЕК»,
ВЕЛИ РАЗГОВОРЫ;
ЭТО И БЫЛИ МОИ
«УНИВЕРСИТЕТЫ»»***

Эта беседа с Еленой Ивановной Башкировой – самая продолжительная в рамках моей серии интервью с советскими/российскими социологами и, думаю, этот рекорд еще долго не будет побит. На первые пять вопросов ответы были получены в конце октября 2006 года, тогда этот проект лишь разворачивался. После длительного перерыва интервью было продолжено и в основном завершилось к концу 2009 года. Но что-то опять помешало нам закончить разговор. И хотя некоторые фрагменты воспоминаний Елены уже включены в мои историко-научно-публикации, при нашей встрече в начале 2012 года в Москве мы решили еще раз посмотреть все материалы и опубликовать их полностью.

* Башкирова Е.И.: Такого уровня люди приходили на «огонек», вели разговоры; это и были мои «университеты» (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 1. С. 2-7.

Перед отправкой интервью в «Телескоп» я попросил Елену кратко ответить, что главное произошло в ее работе после 2009 года. Приведу ее ответ полностью: «Продолжаем укреплять свое положение в России, развиваем новые продукты, в основном маркетинговые. Начинаем постепенно выходить на международный рынок в качестве самостоятельного игрока. Планируем даже создать сеть компаний за рубежом. В социально-политическом плане продолжаем работать с властью, предлагаем сложные комплексные исследования с интересными методиками и сложным, глубоким анализом».

В конце замечу, Лена Башкирова – один из тех исследователей, по деятельности которых американские и европейские социологи и полстеры судят об уровне и характере изучения политических и потребительских установок в России.

Лена, мы очень давно знакомы, и все же было время, когда я тебя не знал. Расскажи, пожалуйста, немного о твоей семье, где ты родилась, где заканчивала школу? Что особенно интересовало тебя в годы, когда люди задумываются о своем будущем?

Я – из семьи научной интеллигенции. Мои родители были учеными, научными сотрудниками, трудились в военной сфере, в авиации. Мой брат – микробиолог, и довольно известный. В общем, детство и молодость я провела в научной среде. Родилась я в Москве, но провела детство в военном городке рядом с Чкаловским аэродромом (названным в честь перелета в Америку В. Чкалова), куда после окончания военно-воздушной академии имени Жуковского перевели работать моего отца. Первое время мы жили на Калужской заставе, там, где сейчас построили здание МВД. Училась я на Чкаловской, в средней школе, рядом с которой в то время размещался Звездный городок, где проводилась подготовка первых космонавтов. В доме напротив жил Гагарин, училась я в школе его имени и танцевала с ним на выпускном вечере. Моя подруга встречалась с молодым человеком, который был близким другом Гагарина. Кстати, в моем архиве есть никогда не публиковавшиеся фотографии, сделанные на нашем выпускном вечере, на который Гагарин был приглашен.

Школа была очень сильная по педагогическому составу, и практически все мои одноклассники после поступили в сложные вузы: в Физтех, МИФИ, МГУ – самые «модные» в то время учебные заведения. А я поступила в Институт иностранных языков им. Мориса Тореза который тогда был самым, наверное, престижным вузом, куда брали либо по большому «блату», либо за большие способности. Я все-таки по второму

пути прошла, потому что никто за меня не просил. Правда, у меня было два существенных, по тем временам «бонуса»: грамота за первое место на школьной олимпиаде по английскому языку и первый взрослый разряд по спортивной гимнастике, что тогда высоко ценилось.

О чем я задумывалась тогда, в те времена далекие?.. В первых, у меня была непреодолимая жажда, тяга к знаниям, я постоянно читала, посещала различные кружки, интересовалась историей и, конечно, иностранными языками. Сначала я занималась самостоятельно, покупала книги на английском, а потом мама, поняв, что этот интерес – всерьез, наняла мне педагога – замечательного педагога. До сих пор ее помню, ее звали Ольга Синяк, она преподавала в МГИМО в то время... А вообще мне всего хотелось – и одновременно! До сих пор жалею, что не получилось у меня посещать художественную школу, потому что она была далеко, и родители возражали против того, чтобы я туда ездила одна. Но до сих пор я безумно жалею, что это в моей жизни осталось нереализованным. Нет у меня того таланта, который необходим настоящему художнику, но мне не хватает техники, чтобы начать рисовать «для себя». Я пыталась это восполнить, когда моя дочь Маша была маленькой, я выписывала журнал «Юный художник», там были уроки техники рисунка, и я пыталась заниматься самостоятельно. В общем, как уже говорила – читала, училась, хотела выучить несколько языков, и отчасти мне это удалось – я знаю английский, французский, и совсем немного польский, шведский и фарси.

Время, о котором я говорю, как ты помнишь, – это время фильма «Девять дней одного года», период всеобщего романтического увлечения физикой. И мой брат (он на два года меня старше) – поступил в Физтех. Ну, ты знаешь, что такое Физтех? Это интеллектуальная элита! Эдакие «гусары», они жили в Долгопрудном, где развлекались, играли в карты... и очень много и упорно занимались. Я там часто бывала, мне там было интересно, и, насмотревшись на Лаврову из «Девяти дней одного года», я тоже решила туда поступать, хотя у меня явные способности гуманитария, брату и родителям пришлось меня отговаривать!

Какой язык или какие языки у тебя были главными? Планировала ли ты стать переводчицей, преподавателем, заниматься наукой?

Повторю, сразу после школы я поступила в Московский Государственный педагогический институт иностранных языков

им. Мориса Тореза – на дневное отделение английского языка. Учиться было просто классно! У нас такие потрясающие педагоги были! Но и очень строгие при этом. Группы были маленькие – по десять человек всего. В общем, «штучно» нас выпускали: 10 человек это не 30. Лучше, чем у нас не обучали нигде. Одновременно мы глубоко изучали психологию, философию – по одной простой причине: у нас рядом на Волхонке был Институт философии. Все те, кого сейчас называют великими – Геннадий Васильевич Осипов, Исаак Семенович Звавич (1904-1950), умер в Ташкенте, космополит – они подрабатывали у нас. Им было приятно молодым девицам преподавать, а потом, – дополнительные деньги. В общем, получилось, что у нас было углубленное изучение философии и социологии – я бы сказала, превосходившее по уровню преподавания МГУ или другие известнейшие вузы. История, философия, психология, языкознание, – все это хорошо для мозгов, я должна сказать! Наверное, мало кто из нас что-то помнит по самой дисциплине, но это приучило мыслить, копаться в литературе, ходить в библиотеки... Я там, кажется, всю молодость провела – или почти всю... Ходили в Библиотеку иностранных языков, совершенно потрясающую, в Историческую, и потом в открытую только-только библиотеку Академии общественных наук.

Был у нас еще один, особый предмет – спецподготовка, «спецуха» мы ее называли – не смейся, пожалуйста, – я старший лейтенант запаса. Тренировали как следует – уж не знаю, для чего, в разведчики, что ли готовили? Я была командиром, как ты догадываешься, этого отделения. Госэкзамен был по спецподгтовке, мы и карты рисовали, и радиоперехватом занимались, все это на английском языке, представь себе. Американский сленг военный учили, то есть я вполне могла бы быть...военным переводчиком. А вторым языком у меня был французский. Можно было выбирать между немецким, французским и итальянским, и выбрала язык, о котором, честно говоря, мечтала. Он мне очень нравится, просто безумно, я хотела читать французскую литературу в подлиннике.

Конечно, в процессе учебы был запланирован и второй язык – французский. Понятно, что была латынь, была фонетика – и теоретическая, и практическая. Была у нас замечательная преподавательница, американка, она почему-то выбрала Советский Союз, эмигрировала из США. Звали ее Фрида Семеновна Надлер, до сих пор помню, потому что всех педагогов любила. Она преподавала у нас фонетику, и оценки у нас начинались с «минус 5», можешь себе представить? То есть мы бесконечно пересдавали одни и те же коротенькие

тексты, слушали по много часов подряд в лингафоне речь натуральную. А папа мой, поскольку был военным, не разрешал мне слушать «Голос Америки» или «Би-Би-Си» – даже в целях изучения языка. Он считал, что это «враждебные голоса» ... Тему моей диссертации ты знаешь, да? Смешно тебе это будет услышать... В общем, начинали изучать фонетику с «минус пяти», когда доходили до «нуля» – это был большой успех, а уже если получали «двойку с плюсом», то это было хорошо. Кстати, когда я поступала в институт, меня похвалили за хорошее произношение, поставили «пятерку», с гордостью об этом могу сообщить.

В институте я продолжала – вернее, пыталась продолжать заниматься спортом, гимнастикой, считалась «звездой», но пришлось занятия оставить. Просто становилось страшно. Я помню, что когда я выполняла упражнения на брусьях, мальчики стояли наготове, чтобы подстраховать меня – такие условия были в спортзале. Я стала готовиться в кандидаты в мастера спорта, но пришлось прекратить. Но зато я выступала за институт – ну, просто по всем видам спорта, какие только бывают. Я даже «на нервной почве» какое-то место заняла по прыжкам – не то второе, не то третье. Я торопилась на свидание, прибежала, говорю: «Где тут прыгнуть?», прыгнула – и убежала. В общем на вручении наград меня искали, а меня уже не было. Даже плавать меня заставили, при том, что я плавать вообще не умею!

Я была сначала старостой группы, потом старостой курса. Я – Лев по знаку Зодиака, никогда не стремилась стать «начальником», но всегда меня, назначали, уговаривали: ну, если не ты, то кто же... Заведовала я производственным сектором бюро комитета комсомола – на пятом курсе уже. Была какая-то «борьба политическая», кого-то «спихивали», а меня выдвинули. И все проголосовали – я ничего не могу поделать. То же самое, если ты помнишь, было и в Институте социологии. Весь наш сектор тогда не хотел голосовать за Валерия Андреевича Коробейникова – проголосовали за меня, как я ни объясняла, что не хочу быть завсектором, как ни умоляла, как ни сопротивлялась. В общем, от судьбы не уйдешь.

Кем я хотела быть? Конечно, переводчицей. Я хотела ездить, побывать за рубежом, а это был единственный путь в то время. Хотя преподавание у меня тоже хорошо шло, например, никогда не было проблем с дисциплиной. И не потому, что я строгой была. Я входила в класс (у нас была практика в спецшколах) – и внимание было все на меня, и как-то легко все шло, проблем не было. В общем, могла, наверное, и педагогом стать, но переводчица – это было более заманчивым.

На распределении – это был 1969 год – мне предложили выбрать страну, куда я хотела бы поехать – в Индию, Иран или Египет. Мне дали пять минут подумать, и я выскочила, а мобильных не было, созвониться – посоветоваться мне было не с кем. Рядом была военная кафедра, и оттуда кто-то вышел из наших преподавателей. А преподаватели-то – все бывшие разведчики, и между прочим, известные...И кто-то из них, по-моему Юрий Воронцов, он занимался СМИ, а потом социологией, кстати, стал заниматься, мне сказал: «Ну что же Вы думаете? Конечно, Иран!». Только потом я поняла, они же все были в свое время на легендарной Тегеранской конференции, это была их молодость, с этой страной были связаны личные воспоминания, личные моменты...В общем, я тупо повторила: Иран. И ничуть об этом не жалею. Потому что страна – замечательная, и я поехала в чудный город Исфаган и провела там 13 месяцев. И сильно обогатилась; в культурном смысле, и в языковом: язык я этот выучила замечательный – фарси, спокойно совершенно могла общаться и даже переводила иногда, что вообще-то сейчас считаю пределом наглости!

Кстати, во время учебы я занималась еще и шведским. Я же говорила: у меня была просто неумная жажда знаний, и мне очень нравился этот красивый язык. Правда, было трудно – я же еще и французский учила, но чуть-чуть все-таки я шведский выучила. И еще польский – по самоучителю. На первом курсе у нас сложилась компания из пяти девочек, вообще и вся наша группа была дружной – ездили друг к другу в гости, ходили на вечерники, в театры – тогда это было модно, но впятером мы дружили очень-очень близко. И мы как-то пошли в книжный магазин на улице Горького, где продавались тогда книги «стран народной демократии», как это тогда называлось. Я помню, мы купили самоучитель польского языка, с пластинкой, такой толстый, он до сих пор у меня где-то лежит. Купили – и стали учить польский язык. Для чего? Для того, чтобы читать журнал польский об искусстве, об актрисах и актерах, светские новости, «сплетни» – исключительно для этого. Я читала, изучала, даже подписалась на журнал «Кобета и жиче»!

Под воздействием каких обстоятельств, после прочтения каких книг, в силу чего ты решила стать социологом?

Это интересная история, она произошла после того, как я вернулась из Ирана домой.

Кстати, у меня там удачно складывалась карьера, меня быстро повысили. Я тихо сидела, работала, там было большое переводческое бюро. Переводили с русского на английский,

а потом на фарси. Буквально через четыре дня меня пригласил к себе директор учебного центра по подготовке специалистов, молодой человек, как я сейчас понимаю, – ему был 31 год, Александр Павлович Мерзляков. Он предложил мне стать его личным помощником и курировать, а практически – возглавить, переводческое бюро. Я пришла в недоумение – только что закончила институт, опыта работы у меня не было, а тут – не только люди моего возраста, но и «дяденьки» и «тетеньки» значительно старше. В общем, руководить мне не хотелось, но опять мне сказали: «Федя, надо!». Я была в ужасе. Потому что только три человека были из московских вузов, а все остальные – из провинциальных учебных заведений, и язык знали плохо. В общем, в первую ночь после назначения я проплакала час. Ужасное было качество перевода, а нас ведь учили все делать хорошо! Потом села – и решила, что я вот это все перепишу. За все бюро. Человек 20 работали, страниц по 20 ежедневно писали, а я решила переписать. К утру я поняла, что это безнадежно... Нашли другие способы, я стала чужие тексты редактировать, вышли из положения.

Да, о фарси: там было два чудесных переводчика, я с ними дружила, одна женщина из Петербурга и второй – тоже питерский человек, и он организовал кружок. Вообще, мы все друг дружку чему-то учили. Я лично вела кружок французского языка, у меня до сих пор ваза есть, которую мне подарили благодарные ученики. А нашего «преподавателя» фарси за какие-то провинности из страны выслали, и обучение закончилось. Я, правда, продолжала учить самостоятельно и даже писать научилась!

Через 13 месяцев из Ирана я вернулась, приехала в Москву. Надо было искать работу. А когда мы после института разъезжались по разным странам, мы обменялись адресами, все переписывались. И был у меня друг, Витя Кулешов, он уехал в Египет, и ему, несчастному, не повезло. Война началась с Израилем, а мы же все были военнообязанными, любого могли одеть в военную форму. Он служил военным переводчиком на корабле, и жуткие письма писал, как он переводит, а вокруг взрывы, и он не знает, будет он жив или нет. В общем, опасная у нас профессия, у переводчиков, должна я сказать! Я вернулась раньше, меня просили остаться, хотели в Тегеран перевести, но я решила уйти. Всю жизнь ухожу от дипломатов – мне предложения делают такого рода, а я их не принимаю... Мне тогда говорили: «Это ошибка Ваша, подумайте». Может, и правда, ошибка это была, не знаю... Так или иначе, я вернулась. А с Витей Кулешовым продолжала переписываться. И он мне писал, что интересуется социологией, просил

купить книги, указывал точные названия книг, которые надо купить. Ядов, Осипов, Шебутани и другие польские авторы... Я покупала книжки, ездила за ними, искала. И перед тем, как отправить сама все прочитывала. И настолько увлекалась этим делом, что это сказалось во время поисков работы. Мне и мама помогла искать, и были разные предложения, и была женщина, которая тоже мне помогала – Ворошилова Тамара Александровна – не знаю, может, она была родственницей знаменитого Ворошилова, который вел на телевидении программу «Что? Где? Когда?». Она была журналисткой. Именно она мне и сказала в 1968 году о том, что открывается социологический институт, тогда он назывался Институт конкретных социальных исследований АН СССР, у нее там были какие-то знакомые. И пошла я туда работать – нет бы отдохнуть после возвращения, нет я была настроена на учебу, на работу.... В общем, взял меня к себе Владимир Николаевич Шубкин, он тогда вернулся из Сибири. Тогда и Владимир Эммануилович Шляпентох вернулся, а Татьяна Ивановна Заславская осталась.

Институт был создан. И все только начиналось. У Владимира Николаевича, он тогда был завсектором «Социологические проблемы образования», была небольшая комнатка – на Профсоюзной улице, напротив кинотеатра «Тбилиси». Адрес я сейчас уже не помню... И вот так мы и зажили дружной, совершенно замечательной семьей. Это были лучшие, умнейшие люди, которые думали о стране, не только о своей карьере. Тогда была оттепель. Свобода пьянящая, ожидание перспектив и счастья. Все были молоды, все время праздновали что-то, общались... Там я начала посещать курсы для соискателей, для аспирантов. Я их, наверное, раза два или три прослушала. Приезжали из Питера – Владимир Александрович Ядов – специально для того, чтобы прочесть лекции на этих курсах. Меня полюбила Воловик Любовь Анисимовна, заведующая аспирантурой, ее потом в связи со знаменитым «левадовским» делом тоже убрали. Вообще она была суровой, ее все боялись, а мне она конфетки приносила говорила: «Лена, пока я жива, ты должна защититься». Я не торопилась. Мне, честно говоря, не нужна была эта формальная процедура – защита, мне нужны были знания. Мы все время вели дискуссии на профессиональные темы, спорили, рассуждали... У Владимира Николаевича была прекрасная обстановка в коллективе – неформальная. Он считал, что это крайне важно, все время говорил: «Лена, главное – неформальные отношения!». Я не сразу поняла, почему он меня все время куда-то посылал – то за книгами, то за документами, я ведь не секретарь, я уже была «мэ-нэ-эсом» (я начала я с должности «старший научно-технический сотрудник»

с окладом 90 рублей). Это он строил мои личные отношения с другими сотрудниками, вводил в круг своих людей.

Мне вообще везет на хороших людей, то ли я к ним притягиваюсь, то ли – они ко мне...Я была тоненькой стройной блондинкой с длинными волосами. И, поскольку люблю «оживать» рабочее место, я и сюда принесла чайник, салфетки и, когда приходили гости, я их всех угощала чаем. Ядов бывал, Галина Михайловна Андреева, Николай Иванович Лапин...Вот такого уровня люди приходили «на огонек», они сидели, вели разговоры. Это и были мои «университеты».

Много позже у Бориса Андреевича Грушина был шок – он меня запомнил девочкой-блондиночкой, разливающей чай, и мы долго с ним не пересекались. А потом, когда я у него «увела» мощных клиентов, у него, конечно, был шок. Он сказал мне тогда: «Лена, я Вас уважаю, я Вас помню, Вы изменились». Я отшутилась: «Конечно! Вы же меня с тех пор не видели, думали, что я все чай разливаю?» Может, ему неприятно было, что клиенты ушли, но он не обиделся, а заужавал меня. Вот такими были «мои университеты»...Вот такой была обстановка – неформальной, дружеской, мы все ездил в Къязрику, в Эстонию, там была свобода, была Марью Лауристин, были выступления, конференции... Работы было много, и, может быть, мы работали больше, чем другие, но я об этом не жалею абсолютно потому что это было приобретение опыта, дружеских связей, хороших, нужных.

Тогда же я познакомилась с учеными Института философии, куда позже ушла – меня «смили» заниматься искусственным интеллектом, меня прельстила эта возможность. Я не хотела язык бросать, и меня пригласили заниматься лингвистическими аспектами – семантикой. Я тогда обложила книжками, до сих пор дома хранятся какие-то книжки по семантике. Но только я перешла, и выяснилось, что эту тему отдали другому научному руководителю. И кроме того, выяснилось, что я беременна. В общем, с искусственным интеллектом не сложилось. А социология меня приманила настолько, что после того, как родила, я вернулась в Институт социологии. И стала заниматься изучением средств массовой информации – их аудиторий.

Твоя кандидатская диссертация касалась аудитории Западного радио, которое тебе дома запрещали слушать. Кто был твоим руководителем? Когда ты ее защитила? Каковы были основные выводы?

Тема моей диссертации: «Социологический анализ аудиторий капиталистических радиостанций в СССР», руководителем был Владимир Савельевич Комаровский.

Отдел института ИСАН, в котором я тогда работала, занимался многими в то время «закрытыми» проблемами, включая и прослушивание «вражеских» голосов («Голос Америки», «ВВС», «Радио Свободы»), что очень сильно не приветствовалось властями.

Работу в этом отделе я вспоминаю с большим удовольствием: хотя начальство наше было в «чинах», коллектив исследователей был молодой, творческий, сплоченный. Например, я работала вместе с психологом Виктором Мельниковым, с которым мы объездили почти весь Союз. Тогда еще шла пьеса про мужчину-психолога и женщину-социолога, и мы все смеялись: «Прямо как с нас списано!». Мы очень много где побывали, в основном, конечно, в тех республиках СССР, где был уверенный прием иностранных радио- и телеканалов. В Прибалтике, где «ловили» финское телевидение, в Армении и Грузии, где смотрели турецкие и иранские каналы, на Дальнем Востоке, где принимали Японское и Китайское телевидение.

И конечно, исследования тогда проводились совсем не так, как сегодня. Мы все делали сами! Сами составляли и программы исследования, и анкеты, сами проводили интервью, сами контролировали выполнение квотных заданий. Это сейчас мы работаем в основном по случайной выборке, а тогда использовали квотную – ее легче контролировать; помню, у меня анкеты иногда занимали весь номер в гостинице – я их раскладывала по комнате, проверяя соблюдение квот, сами набивали массив данных на перфокарты, сами кодировали и писали отчеты. Сами же занимались и формированием бригад интервьюеров. Такие бригады тогда состояли из очень образованных людей – преподавателей ВУЗов, лекторов общества «Знания», школьных учителей, руководили бригадами специалисты института социологии. Хочу сказать, что мы никогда не привлекали райкомовских работников, потому что даже тогда мы стремились, прежде всего, к объективности. Именно поэтому большая часть из 100 моих опубликованных работ вышла под грифом «Для служебного пользования».

Партийные работники, конечно же, были заинтересованы, чтобы информацию мы подавали в нужном им свете. В Армении в этом плане было довольно сложно работать – они хотели проводить интервью сами, поэтому очень забавно старались отвлечь всяким застольями, банкетами и т.д.

Вообще мы всем нашим коллективом молодых единомышленников всячески старались уйти от идеологии, меньше писать о «партии и правительстве», поэтому сосредоточились на методологии, на построении выборок и вопросников, шкалах

и типологии. И это был абсолютно правильный выбор, знания пригодились не только в научной работе, но и на посту руководителя исследовательской компании.

В связи с общей партийностью науки случались и казусы. Тут надо сказать, что я никогда не была членом КПСС, и к тому же занималась «закрытой» проблематикой. Мы с моими коллегами привыкли открыто говорить о негативных с точки зрения властей вещах. Например, об отношении народа к вводу войск в Афганистан (40% населения тогда были против), запаздыванию информации в СМИ, многом другом. Мы привыкли давать объективные данные, высказываться «без обиняков». И вот однажды я подготовила достаточно стандартный отчет о тематике и структуре телевидения в СССР, где построила перевернутую пирамиду, иллюстрирующую несоответствие интересов аудитории и телевизионной политики. Народ хотел в прайм-тайм смотреть фильмы, новости, хоккейные матчи, а не «Твоя Ленинская библиотека» или «Ленинский университет миллионов». Этот отчет попал в руки секретаря по пропаганде Приморского края (отчет, естественно, был подписан мною), и секретарь направил письмо на имя директора Института социологии, где выразил негодование, что такие важные отчеты поручают «политически безграмотным», «незрелым в идеологическом отношении» сотрудникам, позволяющим себе замахнуться на «святое». Письмо фактически содержало требование уволить меня. И я была готова уйти, но к чести Владимира Савельевича Комаровского, он полностью встал на мою защиту.

Что касается диссертации, то защищать я ее не спешила, да и времени, если честно не хватало. Было очень много исследований, много командировок, а еще я старалась как можно больше внимания уделять дочери.

Выводы в моей работе были очень интересными: Основная аудитория западных станций – молодежь – слушала популярную музыку, а интеллигенция – главы из хороших и запрещенных тогда литературных произведений, и свежие новости, в том числе и вполне невинные, например о Мэрилин Монро, которых в советских СМИ тогда просто не было.

Когда твои научные интересы сместились в сторону изучения общественного мнения? Установки к каким проблем вы тогда зондировали? Думаю, что сегодня об этом можно рассказать....

После защиты диссертации меня пригласили в отдел изучения общественного мнения, который в свое время создал и возглавил Б.А. Грушин. Когда Борис Андреевич ушел, остался

костяк сотрудников, которые стремились сохранить тот профессионализм, и требовательность к качеству, которые принес Грушин.

Вообще с переходом в отдел общественного мнения мои интересы сместились, исследования, в которых я тогда участвовала, были связаны с изучением общественного мнения по самому широкому спектру вопросов. Вспоминается, например, проект по изучению отношения населения к повороту северных рек, не допустить который, помогли в том числе и наши исследования.

Примерно в тот же период я занялась компаративистикой. В институте я была научным секретарем советско-финского и советско-канадского научного сотрудничества в области социологии, занималась сравнительными международными исследованиями и вскоре возглавила сектор «Международных сравнительных исследований». Наш сектор тогда представлял собой небольшую сплоченную команду единомышленников-профессионалов. Мы были пионерами в области качественных исследований, я была одним из первых модераторов в России, проводила исследования, где в качестве консультанта участвовала будущий государственный секретарь США Мадлен Олбрайт. Тогда мы провели такие сравнительные исследования, как «Советско-Американские отношения» (совместно с А.Ю. Мельвилем) и Браунским университетом (США), «Оценка международных отношений» совместно с Биллом Зиммерманом (этот проект мы мониторим до сих пор). Шесть лет мы вели проект совместно с европейской комиссией («Eastern and Central European Barometer»), много исследований провели с Джорджем и Алеком Гэллапами (сыновьями доктора Джорджа Гэллапа), вели проект с университетом города Тампере и финским отделением «Гэллап». Осуществили сравнительный проект в сфере политической психологии совместно с США и Финляндией. Так в Финляндии вышло несколько книг с моим участием, где дан сравнительный анализ образа страны, образа жизни, установок россиян, финнов, американцев и чехов.

К 1989 году я прошла уже довольно большой научный путь, была членом WAPOR, ESOMAR, позже IAPC, училась в летней школе Мичиганского университета (что очень потом пригодилось мне и в профессии и в жизни).

1989 год для меня ознаменовался тем, что мы вместе с сотрудниками моего сектора создали независимую исследовательскую компанию и начали успешно работать в области социально-политических исследований, а позднее – в области маркетинга.

Недавно мы с Б.М.Фирсовым опубликовали наши воспоминания о том, как проводили опросы в Ленинграде в 70-е годы. Фантастика... интервьюеров не было, анкетирование – по месту работы... все обрабатывалось на счетно-перфорационной технике, как Джордж Гэллуп в 30-х годах. Как вы проводили сбор и обработку результатов опроса?

Что касается методов, о которых ты вспоминал с Фирсовым, в то время мы уже работали в новой компании, и сотрудники Бориса Максимовича очень часто помогали мне. Вообще тогда существовало корпоративное братство. Мне, впрочем, было несколько легче в этом отношении. Я была также научным секретарем Института социологии РАН по изучению общественного мнения, организовывала различные конференции, в том числе советско-финский семинар в Дагомысе, поэтому со многими была знакома лично.

Когда мы организовали фирму, я и мои коллеги одними из первых начали создавать сеть интервьюеров по России, мы первыми отказались от привлечения студентов, создали «пул» партнеров со многими из них я работаю и сейчас.

Я и мои сотрудники прошли тренинги и программы обучения, сейчас в компании мы используем B2B, глубинные интервью, VCM, психологические методики, соционику, фокус-группы. У нас тогда сложился очень хороший коллектив – честных профессионалов-единомышленников, энтузиастов, работающих не только за деньги. Помню, когда ко мне пришла Таня Ливанова наниматься на работу, мы с ней проговорили несколько часов о работе, но обе забыли обсудить ее зарплату.

Мы иногда работали даже ночами, и мои муж и дочка привозили в офис еду для всех. Мы готовили отчет по «Евробарометру» – наша компания была координатором по странам бывшего СССР. Кстати, документы тогда приходилось по факсу посылать.

Сейчас, конечно, проще обрабатывать данные. Есть ПК, есть SPSS, хотя я иногда вспоминаю огромные ЭВМ и как мы записывались в очередь на обработку данных.

В 1990 произошло важное в моей профессиональной жизни событие – Рональд Инглхарт пригласил меня принять участие в проекте «Мировые ценности» (WVS) в качестве principal researcher по России. Я была членом методической комиссии, которая занималась адаптированием анкеты под различные культуры и этносы.

Хотя работать с Рональдом было очень интересно, я далеко не всегда с ним соглашалась. В тот период он как раз занимался разработкой своего знаменитого индекса «materialism-postmaterialism values», причем согласно его исследованию Россия была

отнесена в разряд экономически слаборазвитых стран с ориентацией населения на материальные ценности. Я не согласилась с этим, провела собственное исследование, провела регрессионный анализ, и в этом мне очень помог, причем совершенно бескорыстно сотрудник Социологического института РАН в Петербурге Вячеслав Владимирович Сафронов, сам прошедший школу Инглхарта. Было доказано существование множества смешанных типов и тот факт, что люди ориентируются далеко не только на материальные ценности. Замечу, Инглхарт тогда признал мою правоту, что, впрочем, на нашу дружбу не повлияло, и я до сих пор являюсь руководителем исследований WVS в России, которые проходят каждые 5 лет в 80 странах мира.

В Америке те, кто проводит опросы общественного мнения, не называют себя социологами и их не называют социологами. Социологи – в университетах. В России специалисты по проведению опросов часто сами называют себя социологами или так их характеризуют журналисты. Ты пришла к опросам из социологии. Как ты идентифицируешь сейчас свою профессиональную деятельность?

Я называю себя «исследователем», «исследователем-аналитиком». Для разных типов исследований есть разные названия – маркетолог, если речь об исследованиях рынка, социолог, если об изучении общественного мнения или электорального поведения, исследователь-консультант, если речь о комплексной услугах, консультировании или разработке стратегии продвижения товара на рынок.

Самое большое влияние на меня оказал институт социологии Академии наук СССР, и великие ученые, в нем работавшие – Владимир Николаевич Шубкин, Галина Михайловна Андреева, Борис Андреевич Грушин, Владимир Александрович Ядов, Борис Максимович Фирсов, Андрей Григорьевич Здравомыслов, Николай Иванович Лапин.

Ты одна из немногих российских лидеров изучения общественного мнения и исследования рынка, кто в конце 80-х прошел обучение в Америке и Европе. Не могла бы ты назвать Центры, Институты, в наибольшей степени повлиявшие на твое профессиональное становление?

В США я обучалась и тесно сотрудничала с Мичиганским университетом, в частности с Центром социальных исследований Social Resear Inst, в котором работали Билл Зиммерман и Лесли Киш, главный специалист по выборкам, автор таблиц для случайного отбора респондентов, Говард Шуман и многие другие.

Бесценным оказался и опыт совместной работы с Рональдом Инглхартом (США) над проектом «Мировые ценности» и с Люком Хальманом (Нидерланды) и Ж.-Ф. Черния (Франция) над «Европейскими ценностями». Интересной и полезной была и работа с Gallup International, в том составе в котором эта организация существовала в 80-е-90-е годы, когда президентом была Э.Рефо (профессор Сорбонны). Работала я и с исследовательским институтом при «Радио Свободы» (Джинн Парта, Майкл Хайни), с представителями 10-й директории Европейской комиссии, отвечавшей за Евробарометр (Карлхайнц Райф, Анна Мелек). Интересным было сотрудничество с британским Gallup (Гордон Хилд), финским Gallup (Лейла Лотти, Юка Пекханнен). Также я тесно сотрудничала с советом правления WAPOR, в частности с Хансом Зетербергом, Фредериком Тернером, Элизабет Нельсон.

Мне представляется, что твоя служба РОМИР (Российское Общественное Мнение И Рынок) была создана еще до ВЦИОМ. Так ли это? Когда РОМИР был зарегистрирован и когда провел первые опросы? Зафиксировать все это крайне важно для истории.

Решение о создании РОМИРа я приняла в 1989 году. Тогда я еще работала в институте социологии и тот первый РОМИР был создан по согласованию с руководством института, и деньги, которые мы там зарабатывали шли институту, хотя договора заключались со мной. Надо сказать, что на момент РОМИР очень сильно помог Институту социологии, особенно если учесть, что государственное финансирование было мизерным.

Правда, потом, возникла довольно странная ситуация: Валерий Андреевич Мансуров (зам директора института) высказался в том духе, что все клиенты РОМИРА – это клиенты именно Института социологии, и тогда возник некий конфликт интересов. Впрочем, когда из института ушла я, за мной потянулись клиенты, продолжив наше сотрудничество в рамках уже другой структуры.

Уходила я из института вскоре после того, как там прошла аттестация – мне назначили высшую категорию по ее итогам, так как я и мой сектор вели очень много актуальных проектов по самым разным проблемам, включая большое количество международных проектов (это было отражено в рекламной брошюре, с которой мы ездили в Мичиганский Университет).

Тем не менее, В.А. Мансуров предложил сократить два сектора мой – сектор сравнительных международных исследований и сектор Тамары Моисеевны Дридзе за «неактуальностью»

проблематики. Когда об этом стало известно в Отделении государства и права Академии Наук СССР, которое курировал Институт социологии, то мне предложили либо остаться в структуре института в том же качестве, либо возглавить исследовательский центр конфликтологии при этом отделении.

В институте мне уже оставаться не хотелось, а тема конфликтов и конфликтологии не моя. Поэтому мы с моими коллегами по сектору и первому РОМИРу зарегистрировали новый РОМИР, арендовали помещение и стали успешно работать на себя. Это был 1992 год.

Тогда же мы начали заниматься не только социально-политическими и социально-психологическими исследованиями, но и маркетинговыми проектами.

Одним из первых таких проектов был product test для американского пива Michelob и Budweiser. Исследование включало в себя собственно тестирование пива, что было ново и очень понравилось респондентам. Michelob, впрочем, так и не вышли на рынок – респонденты, несмотря на тяжелые тогдашние времена, раскритиковали его. Я тогда тоже участвовала в тесте, вместе с респондентами, а потом еще и отчет всю ночь писала, было интересно. Потом пошли исследования по сигаретам, жевательной резинке, многому другому. Много исследований мы вели совместно с Gallup International, РОМИР выступал как координатор по Восточной Европе (Украина, Чехия, Россия).

Что произошло, почему тебе пришлось создавать новую организацию «Башкирова и партнеры»? Когда это произошло?

История нашей компании началась на рубеже 80–90-х годов, я создала независимый исследовательский центр РОМИР и стала генеральным директором независимого исследовательского центра РОМИР, специализирующегося на проведении всех видов социально-политических и маркетинговых исследований. В компании был собран высоко профессиональный коллектив, состоящий из специалистов Института социологии в области социологии, психологии и статистики.

Благодаря высокой квалификации и требовательности к качеству своей работы, использованию новейших методов, четкой организации, современному техническому и программному обеспечению, РОМИР стала одной из ведущих и успешных компаний не только на российском рынке социологических исследований и маркетинговых услуг, но и приобрела широкую известность за рубежом.

Именно с этого времени, с 1993 года, Независимый исследовательский центр РОМИР стал национальным (эксклюзив-

ным) представителем международной исследовательской сети Gallup International в России.

Компания РОМИР в те годы участвовала в десятках крупнейших международных исследовательских проектов, включая проекты Европейской Комиссии (Евробарометр), ЮНЕСКО, Мировые ценности (1990, 1995, 1999). Я стала тогда членом ESOMAR, IAPC, IAPC, ISA, IPSA, национальным представителем WAPOR в России, а также лауреатом премии «Советник-2000» за исследования в области общественных связей.

В 2002 году Андрей Владимирович Милехин (Мониторинг.ру) и я договорились о слиянии; новая компания должна была работать под маркой РОМИР как более сильной и раскрученной. С 2002 по 2004 год коллектив РОМИР работал под маркой «РОМИР Мониторинг», но фактического слияния так и не произошло.

В ходе совместной работы возникли серьезные разногласия в отношении стратегии деятельности компании. При этом неоднократно нарушались партнерские договоренности и этические нормы по отношению ко мне как создателю РОМИР и некоторым сотрудникам компании. В ноябре 2004 года произошло фактическое отстранение меня от руководства. Милехин просто не допустил меня в офис, присвоив себе все имущество компании, включая мои личные вещи, хотя ему принадлежало только 50%. В последствии выяснилось, что он, получив от меня как от президента компании поручение зарегистрировать торговую марку «РОМИР» на нашу новую компанию, зарегистрировал ее на себя, как на частное лицо, став таким образом единственным владельцем марки. Однако это было уже не так важно, потому что эти обстоятельства сделали невозможным для меня и большинства сотрудников оставаться в компании, в которой нарушаются профессиональные и этические нормы.

Чтобы защитить от устранения с рынка социологических услуг профессиональных участников, использующих прогрессивные методики работы и соблюдающих общие принципы разумности и добросовестности при осуществлении своей предпринимательской деятельности, а также с целью сохранения своей деловой репутации в ноябре 2004 года я приняла решение о создании новой исследовательской компании «Башкирова и партнеры». Коллектив высококвалифицированных специалистов РОМИР принял решение присоединиться ко мне – все ведущие менеджеры и исследователи РОМИР приступили к работе в новой независимой исследовательской компании. Практически все клиенты бывшего РОМИРа теперь работают с компанией «Башкирова и партнеры».

Вишневский Ю. Р. – окончил исторический факультет Благовещенского педагогического института, доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург). Основные области исследования: социология образования, культуры, социология молодежи. Интервью состоялось в ноябре 2013 – январе 2014 гг.

**ВИШНЕВСКИЙ Ю.Р.:
«НАМ БЫЛА
ПРИСУЩА
НАДЕЖДА,
ЕСЛИ ПРАВИЛЬНО
ОБЪЯСНИТЬ” МИР,
ЕГО ЛЕГЧЕ БУДЕТ
“ИЗМЕНИТЬ”»**

Количество проведенных мною за десять лет интервью с советскими/российскими социологами уже перевалило за полсотни. Многие прояснилось в становлении современного этапа отечественной социологии, определились основные пути, которыми ученые приходили в социологию. Но очевидно и то, что ни о каком торможении процесса сбора данных, тем более – сворачивании этого дела не может быть и речи. Интервью с Юрием Рудольфовичем Вишневским лишний раз убеждает меня в этом. Многие в его биографии, в характере научных интересов, профессиональном движении характерно для социологов его поколения. Но много и того, что пока не было отражено в рассказах его коллег. Прежде всего я имею ввиду два обстоятельства. Первое, – особенности социализации и профессионализации Вишневского, которые протекали «далеко от Москвы», в Благовещенске. И второе – совмещение научной и препода-

давательской деятельности. В моей коллекции интервью есть беседы, проведенные с социологами, всю жизнь проработавшими в ВУЗ-ах, но только сейчас я по-настоящему задумался о том, насколько трудно им было заниматься наукой. И надо сказать им всем огромное спасибо, благодаря им растет и развивается наше профессиональное сообщество. Они работают на будущее российской социологии.

Юрий, совсем недавно ты отметил свое 75-летие, так что наша беседа – постюбилейная. Ты согласишься, многое забывается, но не детство, не родители... Пожалуйста, расскажи, насколько глубоко ты знаешь историю своей семьи, где родился, чем занимались твои родители?

К сожалению, это – беда нашего поколения, но я могу сказать что-то лишь о своих дедушке и бабушке (по линии мамы). Мой дед – Брейман Лев Яковлевич – был известным одесским юристом (член коллегии адвокатов Одессы) и одновременно – редактором журнала «Вся Одесса». Но деда своего я видел лишь на нескольких семейных фотографиях, чудом сохранившихся в условиях предвоенного и военного времени. Его арестовали в 1937 г. (до моего рождения) и лишь недавно мы получили информацию, что он умер в тюрьме. Больше я знаю о бабушке – Брейман Адель Юльевне. Лишь в 1956 г. (когда мне было уже 18 лет) – после XX съезда – родители рассказали мне, что бабушка училась в Сорбонне. Но детей она рожала в Одессе – в 1910 г. мою маму – Юлию Львовну (после чего продолжила учебу), в 1914 г. – моего дядю Витю. Но началась I мировая война, а затем – революция, и бабушка в Сорбонну уже не вернулась. Это не помешало ей стать известным юристом, – сначала в Одессе, а в войну – в Ярославле. Всю войну я провел с бабушкой в Ярославле (правда, в основном в детсаде). В 1947 г. бабушка умерла. Меня долго интересовал вопрос: «Что мог делать в войну адвокат?». В 1966 г. мы со старшим сыном Сергеем были в Ярославле. Я по детским смутным воспоминаниям нашел наш дом, где мы встретили женщину, хорошо знавшую бабушку и рассказавшую нам, как много она в войну помогала людям, защищала их права.

Мама – в плане рождения детей – повторила бабушкин опыт. И в паспорте у меня (я родился в 1938 г.), и у старшего брата (Толик – 1932 г.) стоит Одесса. Когда я родился, папа – Вишневский Рудольф Вениаминович – уже несколько месяцев был арестован. По происхождению он – из бедной местечковой еврейской семьи, его отец был сапожником. Папа окончил в 1932 г. Одесский медицинский институт, затем – по

комсомольскому призыву – служил в милиции и армии, где достаточно быстро продвигался и к моменту своего ареста был начальником медсанчасти танковой бригады под Уссурийском. Обвинения в его адрес были (как обычно в те времена) абсурдными – сначала (до ареста Блюхера) его обвиняли, что он хотел убить Блюхера, а потом – что он хотел хинином отравить всю бригаду (хотя столько хинина не было во всей стране). Мама многие годы хранила телеграмму от подруги из Уссурийска: «Люся не приезжай, мужа нет». Может быть, абсурдность обвинения, а может и счастливое стечение обстоятельств, но папу через год выпустили, восстановили в звании и даже дали им с мамой путевки. Так и окончилась моя «одесская жизнь». В войну папа все время был начальником прифронтовых госпиталей, а в 1945 г. он был назначен начальником госпиталя в Пушкине под Ленинградом, где и прошло мое детство.

В 1952 г. не без влияния «ленинградского дела» и «дела врачей» его вновь направили на Дальний Восток – в Благовещенск. В целом после 29 лет медицинской службы в армии он в 1958 г. переехал на Урал (в Нижний Тагил), где проработал врачом еще 12 лет.

Я понимал, что мой отец – высококвалифицированный и профессиональный врач, внимательный к людям. Но особенно в этом мне пришлось убедиться по весьма печальному поводу – в последний путь его провожали тысячи тагильчан...

Мама была душой, интеллектуальным центром нашей семьи. Она так и не получила высшего образования (из-за «буржуазного происхождения»), но прекрасно музицировала, пела. Перед войной (уже как офицерская жена) она поступила на Высшие экономические курсы. Но – с началом войны она ушла на фронт медсестрой, и так и работала уже и после войны.

Главное, что мне досталось от родителей, – понимание «надо быть профессионалом в своем деле» и – самое главное – уважать людей.

Удивительно, как ты нашел нужный дом в Ярославле и даже встретил женщину, помнившую твою бабушку... Про Пушкин конца 1940-х – начала 1950-х не спрашиваю, я – ленинградец, потому знаю, а вот о жизни в Благовещенске, пожалуйста, расскажи подробнее. Особенно о школе, о том, что могло повлиять на твой профессиональный выбор.

Детство в Пушкине, я пошел в первый класс в школу у городского базара, где – как потом выяснилось – училась Анна Ахматова, жили мы напротив Екатерининского парка, рядом

с адмиралтейством, сформировало у меня гуманитарную направленность, которая с переездом в Благовещенск лишь усилилась. Учился я в школе №1, школа была мужской; лишь в 1955 г., когда мы были в 10-м классе, она стала смешанной, но нас так и не объединили. В нашем классе сложилось четкое разграничение на «физиков» и «лириков», что не мешало очень теплым дружеским отношениям. И, кстати, на всю жизнь мне запомнились не только учителя истории (Вячеслав Васильевич, Римма Андреевна – наш директор) и литературы (Ленина Леонтьевна), но и математики (Иван Генрихович), физики (Дора Ефтеевна). Учились мы все очень хорошо – две трети класса окончили школу с золотыми или серебряными медалями. Из событий общественной жизни особенно запомнились смерть Сталина, ощущением всеобщего горя, и 300-летие объединения России и Украины. В тот день было какое-то «предчувствие» «близкого коммунизма»: и газировка, и булочки были бесплатными.

Родители отнеслись к моему выбору спокойно, хотя, конечно, они переживали, что ни брат, который поступил в Пушкине в военно-морское училище, ни я не стали медиками. Папа лишь поставил условие: поедешь в Москву – я мечтал учиться в историко-архивном институте, – если получишь золотую медаль. По условиям приема в наше время лишь золотые медальсты поступали без экзаменов, серебряные – сдавали один профильный экзамен. Но с «золотом» вышла осечка – на экзамене по геометрии я сделал ошибку, запомнившуюся на всю жизнь; написал «восстановим перпендикуляр к данной точке данной плоскости» (вместо – «к данной плоскости в данной точке»). В итоге – четверка, в итоге – исторический факультет Благовещенского педагогического института; когда мы учились на втором курсе, он стал историко-филологическим. Впрочем, с вершин прожитой жизни начинаешь понимать – «все в жизни к лучшему».

Как начала складываться твою жизнь после школы?

Итак, в 1955 г. я поступил, в 1960 г. – окончил Благовещенский пединститут, получив диплом учителя русского языка, литературы и истории. Студенческие годы запомнились по многим параметрам. Прежде всего, у нас были прекрасные педагоги – многие из них (после «ленинградского дела») были высланы в Благовещенск, прибыли они со своими библиотеками. Поэтому в провинциальном вузе мы получили очень качественное образование. Углубился мой интерес к истории, я активно работал все пять лет в историческом кружке, выступ

пал с докладами на студенческих научных конференциях. Об одном из них даже написали в юбилейном сборнике «Благовещенску – 100 лет» (1958). Постоянно работал в архиве, где исследовательским навыкам нас обучал знаменитый краевед Новиков-Даурский. К окончанию у меня уже накопился солидный материал к диссертации по истории коллективизации в Амурской области в 1921-25 гг. Кстати, именно этот материал (разнообразие форм кооперации, заинтересованность крестьянства) был для меня и в дальнейшем ориентиром, что социализм можно было «построить» «правильнее», без перегибов и насилия, что социальное развитие должно идти естественным путем.

А с перегибами мне довелось познакомиться во время поездки в составе студенческой делегации в Китай – там был в разгаре «большой» скачок. Особенно запомнилось посещение строительства Шисанлиньского водохранилища – в тот момент поразил энтузиазм (люди пешком шли на стройку и обратно по 15 км. и работали вручную целый день), позднее – бессмысленность затрат человеческого труда. В последние годы часто удается летом бывать в Хейхе, город на другой стороне Амура, радуется, как китайцы, отказавшись от иллюзий «скачков», плодотворно строят и трудятся.

Важный аспект студенческих лет – активная общественная жизнь. У нас был активный дружный курс, мы выступали заводилами многих мероприятий. Самое главное – эту студенческую дружбу мы пронесли через годы. В последние годы я постоянно приезжаю в Благовещенск (как председатель государственной аттестационной комиссии у социологов Амурском госуниверситете), и мы встречаемся, отмечая 50 лет поступления в институт, 50 лет окончания 1 курса, ... 50 лет окончания института (к этой знаменательной дате выпустили книгу «Достойно мы по жизни шли») ... Если со всеми меня связывала дружба, то с Ниной Усковой из соседней группы – любовь. Мы поженились на третьем курсе, и вот уже отметили изумрудную свадьбу (55 лет совместной жизни). На последнем курсе у нас родился сын – Сергей.

Я был старостой группы, на четвертом курсе вступил в КПСС. Для нас студентов-историков «квот» на прием не существовало. А у нас никаких карьерных соображений в связи с этим не было, преобладало чувство ответственности. Именно это чувство побудило меня из возможных вариантов после окончания института: аспирантура, работа в Областном комитете комсомола, директор сельской школы в целинном совхозе выбрать последнее. Но проработал я директором восьмилетней школы в селе Нижняя Полтавка Амурской области всего

4 месяца. Меня, как и других моих однокурсников, призвали в армию. И почти три года (из-за карибского и берлинского кризисов нас, выпускников педвузов, задержали и не демобилизовали раньше) я служил рядовым-срочником. Об армейской службе каких-то неприятных воспоминаний не осталось. Правда, психологически трудной была разлука с родителями, Ниной и Сергуней. Они к тому времени жили уже на Урале, в Нижнем Тагиле. Туда я и приехал, после демобилизации. Так в моей жизни образовались три периода – дотагильский, тагильский и послетагильский. В Тагиле я поработал 3 года учителем истории и обществоведения в школе рабочей молодежи, а затем меня пригласили в Нижнетагильский педагогический институт. Это был 1995-й год.

Я бы в любом случае спросил про Сталина, но ты упростил мою задачу. Неужели, в городе, в котором жило множество бывших заключенных, «сосланных» по «ленинградскому делу», «делу врачей» и прочим аналогичным делам, смерть Сталина воспринималась как горе?

Не могу сказать «за весь» город, но мои одноклассники и учителя выражали это чувство искренно и неподдельно. Интересна (с учетом последующего опыта) и реакция моих родителей – и отца, отсидевшего более года, и мамы, так и не увидевшей своего отца (моего деда). Они тоже переживали это как огромное общенародное горе. Примечательно, что папа оставался до конца жизни убежденным коммунистом, и в последние годы – уже в Н. Тагиле – был секретарем парторганизации больницы. Его позиция – позднее я встречался с нею неоднократно – Сталин не знал, это был заговор – в том числе – и против Сталина. В чем-то он в данном отношении повлиял и на меня. Спустя многие годы, интересуясь делами репрессированных, сталкивался с таким большим количеством оговоров и сведения счетов, что пришел к выводу о самой опасности атмосферы всеобщей слежки друг за другом. Конечно, мы сегодня гораздо более информированы об этих годах, но и сейчас у меня вызывает некоторое отторжение их однозначно негативная оценка. Не исключаю и влияния обычного оптимизма молодости. По крайней мере, когда сам отвечаю на вопросы социологов, о самом лучшем времени, отвергаю не только сталинскую эпоху, но – еще больше – лихие 1990-е. Кстати, по вопросу об оценке Сталина мы часто спорили с моим другом и коллегой Валерой Шапко, его оценки были более жесткими и, возможно, более справедливыми. Но....

Из всех моих собеседников, а их более полусотни человек, ты социализировался и получил образование в Благовещенске – очень далеко от Москвы. В Москве, Ленинграде, других крупных городах европейской части Союза в первой половине 60-х студенчество, молодежь слушали зарубежное радио, включались в джазовую культуру, создавали неформальные литературные объединения и так далее. Было ли нечто подобное в ваших краях?

Моя студенческая жизнь протекала чуть раньше – в конце 1950-х – из всего названного тобой у нас были только стилиаги. Более того, и я отдал дань, хотя на Дальнем Востоке мода приходила с большим опозданием. Были и у меня брюки дудочкой и ботинки на большой подошве. И меня чуть не исключили из института за стилиажничество. Но как-то достаточно быстро оно прошло. Что касается первой половины 1960-х, когда я уже жил в Н. Тагиле, то для нашего круга знакомых основной интерес был – КВН и поэзия. А среди поэтов, к сожалению, даже не «Серебряный век», не Ахматова или Пастернак, и т.д. (к ним мы пришли гораздо позднее), а Евтушенко, Вознесенский и Рождественский. В целом – уже как социолог – могу сказать, что в провинции (и в Благовещенске, и – особенно – в Н. Тагиле) обстановка была проще и значительно свободнее. Возможно, поэтому и протест был не так заметен.

Итак, ты начал работать в Нижнетагильский пединституте. Это была преподавательская или исследовательская деятельность? Там произошло твое знакомство с социологией?

Начал я работать преподавателем философии (конечно, – марксистско-ленинской, другой тогда и не было). Сам приход в институт был связан с моим стремлением продолжить занятия наукой. Через несколько месяцев работы в ППРМ я поехал в Свердловск – в Уральский госуниверситет на кафедру истории. Но мне резонно объяснили, тема «Коллективизация в Амурской области в 1921-25 гг.» (по ней у меня было собрано много материалов еще в институте) в Свердловской области никого заинтересовать не сможет. Договорились, что я сдаю кандидатские экзамены и одновременно пытаюсь изменить тему применительно к региону. Подготовка и успешная сдача кандидатского экзамена по философии серьезно изменила мою судьбу. После экзамена, переговорив со мной о дальнейших научных планах, Леонид Михайлович Архангельский (он был очень душевным человеком и серьезным специалистом в области этики – или социологии морали, к созданию которой он стремился) предложил мне заняться «новой» и «интересной»

наукой – социологией. В начале 1960-х гг. она для многих, увлекшихся этой наукой, была совершенно «новой». Более того, от ее характеристики (в целом) как «буржуазной» лженауки начали отказываться, а истмат все чаще стали рассматривать как марксистскую социологию (намекая, ненароком, что и Маркс вообще-то был социологом). Мой ответ на его предложение был позитивным, все равно и в истории – при изменении темы – мне надо было начинать с нуля. И я подумал, что уже приобретенные в институте научные навыки – умение работать с книгой и умение переводить – помогут мне и в занятиях социологией.

Кстати, об умении переводить – это особая история. Еще в Пушкине я начал изучать английский язык с 1 класса, но в Благовещенске в моей школе был лишь немецкий, поэтому до окончания школы я учил язык индивидуально. Институт и – особенно – армия прибавили к этому переводческую практику (я переводил «New Times», а когда натыкался на неизвестное слово, обращался к «Новому времени», и лишь в крайнем случае – к словарю). В итоге – на кандидатском экзамене я получил лишь троечку (пять – за словарный запас и перевод, кол – за речь). Но в наше время именно такое – полумертвое – знание языка было важным. Не случайно, что и в кандидатской диссертации многое по теории культуры – переводные материалы, а докторская – как было принято – называлась «Критика буржуазных концепций «единой культуры», вообще основывалась на них. Завидую современным молодым, и свободно владеющим иностранным языком, и имеющим возможность читать многих (Фромм и т.д) в переводе. Для нас они были в «спецхране» Ленинки или Всесоюзной библиотеки иностранной литературы, куда мы приезжали, их читали и переводили.

Занявшись социологией, я много читал (к середине 1960-х кое-что уже стало появляться, особенно – по методике исследований; но для всех нас самой поучительной стала книга «Человек и его работа» Ядова, Здравомыслова и др.) и – даже – провел свое первое эмпирическое исследование: обобщил сочинения своих учащихся ШРМ «Как они представляют свое будущее» (напомню, что в эти годы основным идеологическим ориентиром была Программа КПСС, обещавшая, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»). Примечательно, что мои ученики – молодые и не очень – рабочие акцент делали не на будущем, а на проблемах сегодняшнего дня. Для меня в дальнейшем, когда с переездом в Свердловск пришлось возглавить кафедру научного коммунизма и читать этот курс, именно их подход стал определяющим.

Это обобщение «Нас 111, мы работаем и учимся» стало моей первой социологической работой. Пригласил меня в институт Фридрих Рафаилович Филиппов, под руководством которого мне посчастливилось проработать несколько лет, а самое главное – заметно повысить свой профессиональный уровень как социолога. Ему удалось собрать на кафедре интересных, талантливых людей – в первую очередь выделяю Юрия Павловича Петрова и Леонида Абрамовича Марголина, чуть позднее на кафедру пришел работать и Валерий Трофимович Шапко. В той творческой свободной атмосфере, которая царила у нас на кафедре, работалось и писалось легко. За два года я подготовил (на базе нескольких эмпирических исследований) кандидатскую диссертацию «Культурный уровень молодого рабочего», которую в 1968 г. успешно защитил. Оппонентом по моей работе был Лев Наумович Коган, с которым была связана моя последующая научная (а во многом и личная) жизнь и дружба.

Я понимаю, давно все это было, и все же. Что удалось показать в том диссертационном исследовании? И потом, как ты думаешь, если изучить культурный уровень современного молодого рабочего, какого характера, содержания сопоставительные выводы можно было сделать?

Главная теоретическая идея – в отличие от преобладавшего представления о культуре как совокупности достижений (богатств, ценностей) обосновать связь культуры с развитием личности, уровень культуры – это то, что освоено личностью, социальной группой (основной объект для меня с тех далеких дней и до сих пор – молодежь). В какой-то мере это было созвучно новым подходам в теории культуры в нашем обществоведении (это шире, чем социология) под влиянием знакомства и осмысления работ «молодого Маркса». Сегодня представляется, что ориентир на «молодого Маркса» в те годы был разумной (возможно, – оптимальной) формой неприятия официального марксизма, зачастую развивавшегося теми, кто Маркса, может быть, и почитали, даже прославляли, но не читали и не понимали всей глубины его идей. Именно в эти годы рождалась самореализационная теория культуры Льва Наумовича Когана, где культура рассматривалась как мера реализации сущностных сил человека. И – как опытный педагог и наставник – он все свои идеи обсуждал и «обкатывал» с нами. В меру своего понимания этих идей каждый из нас и стремился реализовать их в своих работах и диссертациях. И если в моей диссертации культурный уровень рассматривался как проти-

воречивое единство разных компонентов и блоков (аксиологический, нормативный, праксеологический), то другие исследовали механизмы самореализации в рамках отдельных видов культуры (многие из которых – из-за сведения всей культуры к эстетической, художественной – были изучены слабо – экономическая, экологическая, политическая и т.д. культуры). У Валеры Шапко, например, кандидатская диссертация была о политической культуре – на основе одного из первых в Союзе исследований. От трепа о политической сознательности советского рабочего мы уходили к серьезному (социологическому!) анализу, отражавшему противоречия в политическом сознании и поведении людей. Особенно значимой для нас была идея Когана о многообразии видов творчества (процесс, продукт и – самое главное – развитие потребностей и способностей самой личности). Не удивительно, что и модный в те годы ориентир «всестороннее развитие личности» мы трактовали не столько количественно, сколько качественно.

Поделись пожалуйста воспоминаниями о Ф.Р. Филиппове, о нижнетагильском, возможно – уральском, этапе его деятельности.

Фридрих Рафаилович был, прежде всего, – замечательным организатором науки, благодаря ему, в Нижнем Тагиле сложился и многие годы существовал один из серьезных социологических центров страны. Сказывалось то, что он до прихода в пединститут (где он был единственным проректором и все успевал) проработал заведующим Нижнетагильским гороно (городским отделом народного образования). Сотрудничество с М.Н. Руткевичем определило основное направление его научных интересов – социальная структура, социальная мобильность (правда, они использовали более «марксистский термин» – социальные перемещения). И все-таки он вносил в разработку этих проблем свое, рассматривая образование как важнейший фактор мобильности (перемещения). Это позднее привело его к всестороннему социологическому анализу проблем образования, и он – по праву – является ведущей фигурой в возрождении и развитии отечественной социологии образования. Фридрих Рафаилович (как позднее и Коган) поражал и вдохновлял своих коллег огромной работоспособностью, позволявшей ему успешно сочетать административную работу с научной. Добившись многого в науке, еще живя в достаточно провинциальном Нижнем Тагиле, он имел моральное право требовать и от нас интенсивных занятий науки. Никогда не забуду, как он вызвал меня на следующий день после возвращения из Свердловска и успешной защиты кандидатской, и

весьма серьезно спросил, каковы мои планы работы над докторской диссертацией. Вряд ли этот разговор был для меня ведущим мотивом, но все-таки. По масштабам своей личности и вклада в науку Филиппов все более выходил на всесоюзный и международный уровень, часто участвовал в совместных исследованиях и конференциях. Для нас он был важнейшим каналом получения свежей социологической информации, всегда охотно рассказывал о том, как развивается «наша наука». Поэтому переезд его в Москву нам был понятен, хотя для каждого из нас это было серьезной потерей.

Мне ничего не известно об исследованиях Ю.П.Петрова и Л.А.Марголина. По каким направлениям социологии они работают?

Юрий Павлович Петров сменил Филиппова в гороно, а затем пришел к нам на кафедру и после отъезда Филиппова стал ее заведующим. Петров в социологии специализировался на проблемах воспитания. Он написал ряд очень интересных работ о школе и семье как агентах (акторах) воспитания. Он даже подготовил докторскую диссертацию, но защитить ее – по ряду объективных обстоятельств – не смог. Уже несколько лет его нет с нами, но память о нем на Урале и – особенно – в Нижнем Тагиле сохраняется. К его юбилею пединститут (ныне – социально-педагогическая академия) провел конференцию и издал сборник его работ. Понятно, что времена меняются, но мне кажется, что многие результаты его социологических исследований и сегодня помогли бы преодолеть то, что получило название «бездуховность», «духовный кризис» и т.д.

Леонид Абрамович Марголин пришел на кафедру (и в социологию) из горно-металлургического техникума, где он преподавал общественные дисциплины. Он довольно быстро (под руководством Когана) защитил диссертацию, глубоко и всесторонне рассмотрев в социологическом ракурсе проблемы профориентации. Трудно сравнивать, но, возможно, это был другой вариант научного поиска, близкого и одновременно совершенно самостоятельного – в сравнении с тем, что в это же время делали наши новосибирские коллеги. Но вообще Леонид Абрамович – замечательный знаток и любитель театра и телевидения, социология массовых коммуникаций стала для него жизненным делом. Позднее (уже после меня и Шапко, когда умерла его жена – замечательный тагильский врач Валентина Антоновна Перцева) он переехал в Екатеринбург. Человек огромной силы воли и души – он преодолевает награвшие болезни и сохраняет неиссякаемый интерес к жизни. Дружба

с этим интереснейшим человеком – один из важных моментов моей жизни. Как хочется, чтобы была возможность услышать от него новый анекдот, новость из Интернета и т.д., да просто встретиться. Даже в очень сложных ситуациях я постоянно думаю, как много на моем пути встретилось таких людей, как многому они меня научили, как сильно они на меня повлияли.

Ты мне немного говорил о дружбе с В.Т. Шапко. Пожалуйста, расскажи подробнее о нем как исследователе и человеке.

Среди этих людей Валера, Валерий Трофимович Шапко, занимает особое место. Если характеризовать его социологически, то он – типичный «рабочий-интеллигент» (был в тот период такой термин, отражавший неудовлетворенность схемой Руткевича «2 /класса/ + 1 /слой – интеллигенция/» и фиксировавший реальные изменения – интеллектуализацию труда рабочих под влиянием НТР) и, конечно, self-made man.

Первое мое знакомство с Шапко состоялось во время «КВНа», где соревновались команды «НТМК» (в ней был Валера) и «Вагонки» (за которую играл мой старший брат). Своим остроумием и широким культурным кругозором он привлек меня уже в тот момент.

Высшее историческое образование Шапко получил в УрГУ (Уральский государственный университет), но заочно. Реальные огрехи заочного образования он преодолевал самообразованием, тем более что в тот период книги были относительно доступны. В итоге – его познания, не связанные с какой-то узкой вузовской программой, отличались и глубиной, и – главное – широтой диапазона. Единственное, что ему не удалось преодолеть – иностранный язык. Перед защитой кандидатской диссертации самым сложным для него было не написать саму работу, а сдать кандидатский экзамен по немецкому языку. Помню, когда на другой день после экзамена он приветствовал Когана словами «Гутен таг, герр профессор», Лев Наумович мощным басом на весь этаж приглашал посмотреть на Шапко, заговорившего по-немецки.

Пока Шапко (иногда я буду писать Валера, я привык именно так говорить о нем) учился – он работал на Нижнетагильском металлургическом комбинате слесарем высшего разряда по ремонту КИП (контрольно-измерительных приборов). Отсюда – и его удивительный практицизм (проявлявшийся не только в умении делать почти все «руками», но и в негативном отношении к любому делу – «для галочки»). У меня, когда мы переехали в Свердловск, даже дети знали: если наконец-то отремонтирована розетка или подвешена люстра, значит, дядя

Валера приехал. Но важнее другое – в любом исследовании (а мы их совместно провели за 33 года более 40) его интересовало, прежде всего, что мы по результатам сможем предложить, сможем изменить.

Молодой рабочий с высшим гуманитарным образованием, член КПСС – все это определило его приглашение на работу в Нижнетагильский ГК КПСС, в отдел пропаганды. Но партийная карьера не очень привлекала его, а присущая Шапко самостоятельность и независимость во взглядах и в поведении не очень «гармонизировала» с горкомовскими порядками. В итоге он начинает работу в Нижнетагильском пединституте, мы оказались на одной – «филипповской» – кафедре. Совместная работа переросла в дружбу, дружба определила совместное творчество.

Это творчество, действительно, было совместным. Я как-то, готовясь к юбилею, посчитал, что мы совместно написали более 150 статей, тезисов, книг. При этом по многим вопросам мы расходились в понимании, оценке и т.д. Наши споры нередко становились весьма «горячими» (и тут прибегали наши жены – моя Нина и его – Нелла). Но эта горячность никогда не выходила за пределы взаимной уважительности. Прервавшись на час-другой, мы приходили к общему мнению и начинали печатать дальше (или – пока мы печатали на «Оптиме» и не было еще компьютеров – возвращались и перепечатывали те страницы, которые вызвали спор).

Кандидатская Шапко была посвящена политической культуре и основана на исследовании (одном из первых в Союзе), которое мы провели под руководством Льва Наумовича Когана в Качканаре. Докторская – актуальной культуре (идея была подсказана Коганом). О характере Валеры, его безразличии к каким-то формальностям (даже таким, как защита докторской диссертации) лучше всего могут сказать его заключительные слова на защите: «Своей защитой я обязан инфаркту, высвободившему мне несколько месяцев для того, чтобы обобщить результаты исследованиям, и усилиям профессоров Когана и Вишневого, постоянно толкавших меня на этот шаг».

Если оценить, что же наиболее значимое мы сделали совместно с Шапко, то, прежде всего, я бы выделил подготовку трехтомника Л. Н. Когана, наше обобщение более 30 отчетов свердловских социологов и сведение их в единый сборник «Образовательное пространство: Свердловская область», учебник «Социология молодежи» (первое издание вышло даже раньше, чем учебник В. Т. Лисовского).

В 2014 г. пройдет конференция памяти Валеры, его нет уже почти 5 лет. К этой конференции я готовлю книгу по зарубеж-

ной социологии образования – на основе одной из последних наших с ним совместных статей.

Юра, неужели ты, тем более Шапко, проработавший в аппарате КПСС, не понимали, что по результатам исследований, даже если вы и могли что-либо предложить, вы ничего не могли изменить? Чтобы пояснить, что я имею в виду, процитирую фрагмент интервью с Т.И. Заславской: «Запомнился случай, о котором рассказывал, кажется, З.И. Файнбург. Пермские социологи приехали в один промышленный город, чтобы опросить молодых рабочих о нормах сексуального поведения в их среде. Начали, как тогда водилось, с горкома и сразу же натолкнулись на категорический запрет исследования его секретарем (это была женщина). Социологи спросили ее: «Неужели вас не интересует, что творится в этой сфере, можно сказать, у вас под носом?» А она ответила: «Что творится, я знаю и без вас. А если вы мне об этом официально напишете, я обязана буду принимать какие-то меры. Сделать же я все равно ничего не могу. Так что ищите другой город». Или Свердловск и был именно тем городом? Как в целом у вас складывались взаимоотношения с властями?

Все было – и проще (аналогичных примеров я мог бы привести немало), и сложнее. Кстати, о примерах – нельзя не учитывать, что социологи (такова уж специфика нашей профессии) при достаточном уровне профессионализма выявляли целый ряд серьезных проблем. Достаточно сослаться на книгу «Человек и его работа», которая для нас, стремившихся проводить исследования объективно, была своеобразным ориентиром. Но в итоге получалось (после социологических исследований), что там, где они проводились, эти проблемы есть. Такие предприятия, города и т.д. (в данном случае не очень важно, что было объектом исследования) выглядели как «проблемные» – в отличие от тех предприятий, где такие исследования не проводились (а, значит, и проблемы – может быть, даже и более серьезные – не выявлялись). Это и порождало соответствующую реакцию у «заказчиков» или «инициаторов» (чаще всего – в лице парторганов и их отделов пропаганды или идеологических отделов).

Сталкивались мы и с более завуалированной формой. Когда инициатива разработки планов социального развития была поддержана на съезде КПСС, иметь такой план стало «делом чести». И нам посыпались заказы. По инициативе Когана в социальное планирование были внесены определенные коррективы – акцент на социокультурные индикаторы, изменение масштабов планирования (от уровня отдельных предприятий

до территорий – планов районов, городов, областей, особенно интересным и во многом своеобразным был план развития культуры Омской области). Участие в исследованиях и разработке этих планов стало для нас и многих социологов нашего поколения замечательной школой социологического самообразования. Но судьба этих планов была различной. Где-то наши рекомендации были – после широкого обсуждения – использованы как руководство к действию. Если говорить о нас с Валерой, то наиболее действенной была судьба плана социокультурного развития микрорайона Выя (есть в Нижнем Тагиле такой микрорайон, где традиционное поселение оказалось тесно связанным с развитием современных предприятий). Возможно, эта действенность определялась нечетким административным статусом микрорайона, поэтому выявленные проблемы не имели определенного «виновника», зато было кому поручить их решение.

Но не менее часто наши (да и не только наши) планы социального развития ставили на полку и отчитывались перед проверяющими их «наличием». Конечно, это не могло особенно вдохновлять и быть стимулом к последующим исследованиям. Однако, перед каждым новым исследованием заранее предвидеть его судьбу мы не могли.

И тут важно отметить еще один момент, который обычно ускользает за обобщенным понятием «партократия». Среди «заказчиков» и «инициаторов» в партийных органах было немало (сужу лишь по своему, возможно, и ограниченному опыту) честных, порядочных, а главное – ответственных, болеющих за дело людей. Кстати, именно таким и был Шапко. Да, он из горкома ушел. Но сколько таких Валер оставались работать. И далеко не всех их система «перемалывала». Приведу, в частности, пример с организацией Уральских социологических чтений. Идея их проведения принадлежит лидерам уральской социологии Н.А. Аитову (Уфа), Л.Н. Когану (Свердловск) и З.И. Файнбургу (Пермь). Но первые чтения прошли в 1976 г. не в одном из этих городов, а в Ижевске. Почему? Коган объездил с предложением о проведении чтений все областные центры «Большого Урала». И лишь первый секретарь Удмуртского ОК КПСС В. К. Марисов «решился» провести это мероприятие у себя.

Другой пример – он связан с важной особенностью уральской социологии, где среди социологов были не только представители академической и вузовской науки, но и солидный отряд заводских социологов. Встала серьезная проблема их обучения. Наибольшая концентрация профессиональных социологических кадров была сосредоточена в Свердловске, ...

но курсы заводских социологов были организованы в Челябинске. Причина – разное (мягко говоря) отношение в Свердловском и Челябинском обкомах КПСС к социологии и социологическим кадрам (кстати, это и ответ на вопрос: был ли Свердловск городом, где отношения власти к социологам было благоприятным; я – в основном – говорил о Н. Тагиле).

И, наконец, о нашем отношении. Понимали ли мы, что многие наши рекомендации не будут реализованы. В чем-то, безусловно, да. Но и нам, и даже Когану и Файнбургу (с Аитовым я встречался очень редко) была присуща надежда – в чем-то навеянная словами Маркса, надежда, что, если правильно «объяснить» мир, его легче будет «изменить».

Не будем сбрасывать со счета и отмеченный выше обучающий характер наших исследований, да и накопление эмпирических данных имело немалое значение – не представляю, как современная социология может развиваться лишь в теоретическом плане.

Юра, я благодарен тебе за появление в нашей беседе темы «планирование социального развития», в той или иной степени она затрагивалась многими из моих собеседников. Как ты думаешь, весь накопленный советскими социологами теоретический опыт в разработке этой проблематики, а также огромный эмпирический материал – это все лишь факт нашей истории или что-то в этом есть и на будущее?

Безусловно, с точки зрения накопленных материалов – это огромный социологический опыт (на котором учились, и неплохо, первые поколения российских советских социологов – по твоей хронологии), который – как учебный материал – должен широко использоваться при подготовке социологов (особенно – в плане методик и инструментария). В рамках социального планирования было выявлено немало проблем, большая часть которых не была решена и в то время (из-за невнимания к ним или отсутствия достаточных ресурсов). В том или ином виде, зачастую трансформированном, эти проблемы сохраняются и сегодня. Многие исследования, особенно проведенные на достаточном профессиональном уровне, могут быть основой для сравнительных исследований, для характеристики тех или иных социальных феноменов в динамике. Это позволило бы зафиксировать и глубокие качественные изменения, и сохранение многих стереотипов, и привычную инерционность общественного сознания (кстати, из неосуществленных совместно с Валерой планов – монография «Социальная инерция», у нас в начале 2000-х гг. появилось ряд статей по этой проблемати-

ке. Но потом мы сосредоточились на подготовке трехтомника работ Когана, а в 2009 г. Шапко не стало. Как только закончу монографию о зарубежной социологии образования, если хватит сил, собираюсь вернуться к нашей старой задумке).

Выше ты упомянул о работе над кандидатской и докторской диссертациями, предлагаю вернуться к этому сюжету. Пожалуйста, вспомни, как велась подготовка диссертаций, все ли проходило гладко с защитами?

Моя кандидатская диссертация была посвящена изучению культурного уровня рабочей молодежи. Мне повезло, благодаря Когану, я оказался в центре дискуссии о культуре, которая в этот период активно шла в нашем обществоведении. Ее суть была в отказе от узкоаксиологического понимания культуры как совокупности богатств, которые были накоплены человечеством. В противовес этому развивались самореализационная концепция культуры (на основе идей «раннего Маркса»), нормативно-технологическая концепция культуры, акцентировавшая роль норм и технологий в развитии культуры и др. Одновременно в научный оборот вовлекались произведения зарубежной культурной антропологии (чьи идеологические позиции показались не столь враждебными марксизму), что позволило акцентировать поведенческий, деятельный аспект культуры. Все это во многом облегчило разработку теоретического раздела диссертации. Материал для практического раздела составили результаты социологических исследований рабочей молодежи на крупнейших предприятиях Н. Тагила – Нижнетагильского металлургического комбината и Уралвагонзавода. Диссертация была подготовлена за два года и в 1968 г. защищена.

Как я уже отмечал, по инициативе Когана и Филиппова я сразу же начал работу над докторской. В 1972 г. вышла наша с Коганом книга «Очерки социалистической культуры» (Лев Наумович любовно называл ее «Полосатик» – из-за обложки). Тогда для защиты докторской диссертации нужна была лишь 1 монография. Но дальше дело затянулось – и из-за личных причин (у меня умерла мама, что надолго выбило меня из седла), а затем и из-за формальных, начало утверждаться «мнение», что нужно увеличивать сроки между двумя защитами – не менее 10 лет. Ожидание растянулось аж до 13 лет. Но они не прошли даром. Работа была посвящена «критике» буржуазных концепций «единой культуры» (а кто тогда «не критиковал» – даже И. С. Кон и Ю. Н. Давыдов) и ежегодно я по месяцу работал в Ленинке в спецхране, читая,

переводя и накапливая материал, немало книг удалось получить и по МБА (межбиблиотечный абонемент). Одновременно на основе интенсивных исследований, которые мы совместно с Шапко проводили, накапливался и материал для двух «позитивных разделов», где было показано, как утверждается единство социалистической культуры (меня особенно интересовало межпоколенческое единство, взаимодействие инженерной интеллигенции и рабочих). При этом – и тут сказалась относительная свобода в провинции – оказалось возможным не очень «лакировать» действительность, раскрывая противоречия этих процессов. В 1991 г. я защитил диссертацию, но уже через год по решению ОК КПСС был переведен на работу в Свердловск, где был избран зав. кафедрой научного коммунизма в Уральском политехническом институте.

Я люблю «коллекционировать» воспоминания о тех, кого я не мог проинтервьюировать... пожалуйста, напиши, в чем была суть подхода Л.Н. Когана к культуре?

В подходе Когана к культуре можно выделить несколько аспектов. Прежде всего, в духе «раннего Маркса» он обосновал «самореализационную теорию культуры». Культура рассматривалась не как сумма богатств, накопленных человечеством (и в чем-то – нечто внешнее для человека), а как мера самореализации человеком своих сущностных сил. В поле зрения при этом попадал механизм такой самореализации (потребности, мотивы, цель и смысл жизни). Соответственно качественно менялось и понимание творчества как созидания ценностей и благ культуры. В культурном творчестве наряду с процессом и результатами творчества, акцентировалась проблема развития творческих способностей личности в этом процессе. Творчество человека, тем самым, рассматривалось одновременно не только вовне, но и как внутренний процесс – саморазвитие личности. Под этим же углом исследовалось и усвоение (освоение!) культуры – в нем выделялось не только (и не столько) потребление (в крайних формах порождавшее вещиизм, потребительство), но и сотворчество (распространявшееся не только на режиссеров, актеров, исполнителей и т.д., но и на читателей, зрителей, слушателей и т.д.). Кстати, серьезное развитие у Когана получило представление о культурном процессе – как компоненты его он выделял и исследовал производство, сохранение, распространение, потребление. Наконец, важный момент – выделение и изучение различных видов культуры. Преодолевая узость бытовавшего подхода, когда культура фактически сводилась к эстетической (и еще уже – художественной) культуре, Лев

Наумович – в 1960–1980-е гг. (!!!) ставил вопрос о необходимости исследовать политическую, правовую, экологическую, экономическую, сексуальную и т.д. культуру. В каждом из видов культуры он считал необходимым выделять аксиологический, нормативный (технологический) и праксиологический (поведенческий) компоненты. Позднее – в рамках творческого общения с коллегами-социологами и культурологами (особенно – М. С. Каган, В. М. Межуев, Ю. М. Лотман и др.) он дополнил свой подход семиотическим и коммуникативным компонентами. Отмеченные инновационные трактовки культуры позволили Льву Наумовичу, не отвергая распространенные идеологемы «всестороннего развития личности» и «социалистического образа жизни», акцентировать не количественные («все стороны»), а качественные характеристики саморазвития личности. При этом фактически получалось, что основным фактором поведения личности выступали не столько внешние требования, сколько выбор самой личности. Культура выбора рассматривалась как важнейшее качество личности, которое должно было быть сформировано у человека.

Как тебе кажется, что произошло с той культурой, которую ты изучал, и в тех группах, которые ты рассматривал, за прошедшие 30 лет?

Понятно, что основные изменения зафиксированы в обобщающих работах – в написанной совместно с Шапко «Социологии молодежи» (последнее – при его жизни издание – 2006 г.), подведшей итоги наших исследований за 30 лет, и в «Студенте – 2012» – по итогам 17-летнего (1995-2012 гг.) мониторинга свердловского студенчества. Но не менее ясно, что интервью – это особый жанр, не предназначенный для пространных научных обобщений.

Если кратко, то выделю ряд моментов. Прежде всего, заметно изменение отношения к образованию – из терминальной ценности (какой оно было для нашего поколения и даже для наших детей) оно все более становится инструментальной. Этому способствовал бурный рост негосударственного образования (чаще всего – некачественного; исключения – типа Гуманитарного университета в Екатеринбурге, где мы с Гарольдом Зборовским работаем многие годы, – лишь подтверждают общее правило). Но самое главное – введение ЕГЭ, которое не только не устранило коррупцию, но своей ориентацией на тесты убивает (есть опасение – в ближайшие годы окончательно убьет) творческое мышление. Еще одна нарастающая тенденция, хотя, возможно и объективная, отражающая «тре-

тью профессиональную революцию» и становление транспрофессионализма, – депрофессионализация. Из года в год роль мотива «интерес к профессии» в выборе вуза снижается. Все чаще высшее профессиональное образование воспринимается молодежью просто как высшее образование. Это особенно негативно сказалось на подготовке массовых профессий (инженеров и педагогов, врачей пока не затронуло).

В области «молодежной культуры» произошли наибольшие изменения. Субкультурный принцип (когда те или иные феномены «молодежной музыки» были распространены во всех молодежных группах) сменился «стилевым», многообразие вкусовых предпочтений лишило молодежные музыкальные интересы не только целостности, но и устойчивости. Негативное влияние попсы дополнительно снижает уровень и качество этих интересов.

Резко сократился «институционализированный досуг» – посещение учреждений культуры (аудитория клубов и музеев все более становится детско-пенсионной). Чуть-чуть заметно оживление молодежной киноаудитории – с акцентом на технические параметры кинопродукции и комфортные условия просмотра. Серьезно сократилась и молодежная телеаудитория: даже резкое увеличение числа каналов не помогло телевидению в конкуренции с компьютерами (особенно в связи с их резко возросшими возможностями для просмотра телепередач и фильмов). Но и здесь масштабы чаще всего приводят к снижению уровня и качества культуры молодежи. Еще один негативный момент, отразившийся в результатах исследований, до 80% молодых людей (даже студентов) воспринимают компьютер не как источник информации, а как развлечение («компьютерные игры»). Даже, когда к компьютеру обращаются в учебных целях (подготовка рефератов, курсовых и т.д.) преобладает бездумное «скачивание» – без осмысления полученной информации. На этом фоне особенно тревожно сокращение среди молодежи читателей. Систематически читают художественную литературу 10–12 % школьников (за рамками обязательного списка книг) и студентов, газеты – 5–6%, журналы – 15–17% (но мода на «толстые» журналы – «Новый мир», «Октябрь» и т.д. – сер. 1980-х гг. прошла, очевидно безвозвратно).

После «театрального бума» рубежа 1980-1990-х гг. наблюдается снижение интереса молодежи к театру. Это не исключает вспыхивающего время от времени интереса «интеллектуальной элиты» к экспериментальному, камерному театру или – применительно к «провинции» – к гастроллям «столичных» театров. В общей массе молодежи эти феномены не меняют общей картины.

Наконец, завершить хотелось бы характеристикой тенденций в правовой и политической культуры молодежи. В рамках правовой культуры сохраняется отношение к закону как к чему-то необязательному. Произошел переход от бездумного исполнения к неисполнительности, одновременно нарастают антиавторитарные настроения, что чревато отрицанием любых ограничений, норм.

В политической культуре сохраняется аполитичность молодежи, хотя мотивация ее за последние годы изменилась от безразличия к политике и трактовки ее как «грязного» дела – к осмыслению ограниченных возможностей – и личных, и молодежных – во влиянии на принятие и реализацию политических решений. Кстати, именно соображение «результаты выборов заранее predetermined», по мнению каждого второго студента в 2012 г., – главное, что мешает им участвовать в выборах. И казавшийся чем-то «неожиданным» всплеск молодежного протеста в России на рубеже 2011-2012 гг. в немалой мере был продиктован нежеланием нового поколения оставаться на «заднем» плане политической истории.

Постарался избегать оценочных суждений – с учетом нашего общего с Валерой подхода: «молодежь – не хуже и не лучше, она – другая». Но, кажется, не все получилось. Сказывается возраст? Ведь от нынешней молодежи меня отделяют 50 лет. Но старался не выходить за рамки результатов исследований.

Вернемся к описанию траектории твоей жизни... итак, в 1991 г. после защиты докторской диссертации ты переезжаешь в тогда еще Свердловск и возглавляешь кафедру научного коммунизма в Уральском политехническом институте. Прошло почти четверть века... уже многие сегодняшние читатели не понимают, что такое «научный коммунизм» как исследовательская отрасль. А для за-втрашнего – это будет полная загадка... пожалуйста, расскажи об основных направлениях деятельности твоей кафедры. И образовательной, и исследовательской...

Научный коммунизм я начал преподавать только в Свердловске. Но приехал туда с опытом многолетних социологических исследований, да и общественных дисциплин освоил немало (прежде всего, – философия, далее эстетика, этика, даже теория культуры – ведь я был деканом художественно-графического факультета). Отсюда и мое видение и предмета «научный коммунизм», и назначения преподавателя этого предмета: наука о коммунизме, который еще надо построить и в котором надо будет жить, а это, значит, нужно лучше знать

сегодняшнее общество, в том числе и с его проблемами, которые надо решать, с недостатками и противоречиями, которые надо преодолевать. Не скрою, андроповское «Мы плохо знаем общество, в котором живем» было мне созвучно. Свои лекции я начинал вопросом «по» Э. Бернштейну: «Научен ли научный коммунизм?» Но акцент ответа был другой – нужно, чтобы он был (и преподавался!) как наука. Само содержание курса (если опустить международные разделы) позволяло серьезно – социологически – рассматривать актуальные проблемы советского общества.

Молодежь кафедры восприняла мой подход нормально (правда, не обходилось и без перекосов, когда в критическом анализе ряд молодых коллег заходил слишком далеко). Поскольку я был «новым» заведующим, меня поддерживал и ректорат, и партком, и что самое главное – Л.Н. Коган, который был в это время зав. кафедрой научного коммунизма Уральского госуниверситета. Пользуясь этой поддержкой, я за три года отправил более 10 молодых преподавателей в аспирантуру. Большинство из них защитились, восемь человек позднее стали докторами.

Со средним и старшим поколением кафедры дело было сложнее. Часть из них (особенно Л. Д. Митрофанов, И. Ш. Ослянский, Л. Г. Пихоя – позднее она работала в Москве с Ельциным) пришли к моему подходу на основе своего личного социологического опыта. Кто-то сосредоточился на теоретическом (категориальном) анализе основных понятий – была и такая форма ухода от действительности. Для какой-то части кафедралов таким «уходом» был анализ первоисточников, хотя и им приходилось на семинарах отвечать на острые вопросы студентов.

Кафедра – это и научное подразделение. С моим приходом на кафедру оживились социологические исследования. В центре нашего внимания были социальные проблемы производственного коллектива – бригадный подряд, бригадные формы организации труда и стимулирования, соцсоревнование, трудовая дисциплина и т.д. Заказчики (за исключением «года Черненко», когда четко проявилось – «все назад») требовали от нас объективности и активно участвовали в устранении выявленных недостатков, тем более что они относились не к идеологической сфере, а к организационно-управленческой.

Одним словом, наша кафедра психологически была готова трансформироваться, и мы одними из первых в Свердловске после начала перестройки стали в 1987 г. кафедрой «Актуальных проблем социализма», а уже через год – «Кафедрой социологии и политологии».

Труднее всего было даже не с преподаванием «Научного коммунизма», а с государственным экзаменом, который как бы обобщал все общественные дисциплины. В составе комиссии были преподаватели со всех кафедр факультета общественных наук и нередко различие в подходах между ними проявлялось на студентах.

Чтобы все не выглядело слишком «розово», расскажу и о негативных моментах. Уже после начала перестройки мне на одном из заседаний парткома вынесли сразу два выговора. Один – из-за того, что мой аспирант ушел в церковь. До сих пор помню мой вызов к Ельцину (он еще был первым секретарем обкома) и его слова: «Коммунист должен быть воинствующим атеистом». Понятно, каким было мое отношение к его последующим «проявлениям демократизма».

Другой выговор был связан с жалобой одной из моих доцентов, что заведующий кафедрой научного коммунизма (!?) пересказывает студентам идеи буржуазных идеологов. В то время в курс научного коммунизма включили глобальные проблемы. И мне у одного американского социолога попалась аббревиатура «5 б» – бомба, бульдозер, хлеб, СМИ, ребенок (на английском все они начинаются на b). Работа на худграфе приучила меня к значению наглядности. Вот и на лекции я это изобразил графически.

К счастью, перестройка разворачивалась, и консерватизм и традиционализм отступали.

Завершить этот ответ хотелось бы ссылкой на своих студентов тех лет: за многие годы я ни разу ни от одного не услышал упрека. А это означает: даже преподавая «научный коммунизм», мы просто учили своих студентов «как жить» – без лозунгов и пропаганды.

Какие темы ты разрабатывал после защиты диссертации? Чем занимаешься в последние годы?

В 1980-е г., как я уже отмечал, основное направление наших исследований – социальные проблемы трудовых коллективов. Но по мере того, как перестройка выдыхалась, предприятия все меньше обращались к нам с заказами. Еще более плачевно это сказалось на заводской социологии. Сколько квалифицированных социологов осталось не у дел. В лихие 1990-е сфера наших исследований (особенно – в начале их) резко сузилась – до сферы образования. Да и то нам повезло. Свердловское образование в те годы возглавлял Валерий Вениаминович Нестеров – человек, утверждавший научный подход к образованию. По его инициативе (за очень небольшие, но крайне нужные в

те годы деньги) проводились разнообразные социологические исследования – социокультурный портрет учащихся, студентов, учителей, мотивация учебы, отношение к инновациям и т.д. Самым интересным было для нас с Шапко обобщение материалов разных социологических групп (Г.Е. Зборовский, Л.Я. Рубина, А.В. Меренков, Е.С. Баразгова и др.) и подготовка монографии «Свердловская область – единое образовательное пространство».

С середины 1990-х гг. активный интерес к социологическим исследования проблем молодежи стал проявлять Комитет по делам молодежи (позднее – Департамент). Мы провели целый ряд исследований, материалы которых были включены в Федеральные доклады о молодежи, которые тогда готовились систематически.

В 1995 г. мы провели первое исследование, цель которого – определить социокультурный портрет свердловского студенчества. Тогда никто и представить не мог, что это исследование станет мониторинговым и продлится до 2012 г.

В 2000-х гг. в основном мы проводили исследования по двум линиям: с одной стороны, это были федеральные исследования Российского общества социологов. Их позитивная сторона – они не требовали никаких затрат и способствовали интеграции социологов России. Все было просто – собирались заинтересованные социологи, обсуждали тему и инструментарий, договаривались о выборке, сами проводили, обрабатывали и публиковали... Так, был проведен мониторинг «Война была вчера: Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005, 2010), исследование «Гражданская культура студенчества». Но заметна и ограниченность – изучали в основном студенческую молодежь.

В этом же ряду и совместное исследование, которое проведено на базе Харьковского национального университета, Белорусского государственного университета и нашего университета (2010-2012).

Второй путь – это исследования по грантам. Это и изучение престижа профессии социального работника, и формирование инженерной элиты, и проблемы дифференциации молодежи и ее профессионального самоопределения, и проблемы повседневности. Эти исследования позволили расширить тематику исследования, да и гранты – это пусть и небольшое, но дополнительное финансирование.

В последние годы у нас наладились тесные отношения с Министерством физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области. И вновь сказался человеческий фактор – министром был назначен профессор, доктор педаго-

гических наук Леонид Аронович Раппопорт. Он инициировал проведение целого ряда исследований и, прежде всего, – социологический анализ отношения жителей Свердловской области к занятиям физкультурой и спортом. Но каждое исследование мы должны были «выиграть» по тендеру. Интересно, те в Москве, кто придумал эту систему, понимают, что нельзя отдавать серьезное дело на волю случая (тем более – что критерий, кто запросит меньше). Да и исходные ставки такие небольшие, что весь тендер ведет к сокращению даже их. Действительно, понимают ли, что фактически участие в таких тендерах для настоящих исследователей скорее определяется любовью к искусству, чем стремлением заработать.

В СССР на протяжении многих лет значительное число кафедр и лабораторий занималось проблемами социального планирования на производстве, а позже – на региональном уровне. Соответственно, исследования оплачивали предприятия, министерства. Кто и за разработку каких тем сейчас (в последние годы) финансирует проведение социологических исследований?

Практически, уже в основном ответил в рамках предыдущего ответа. Добавлю очень кратко. Сегодня в рамках финансирования социологических исследований наметился перекося. В сфере политики (рейтинги, предвыборные прогнозы и т.д.) крутятся очень большие деньги, но кроме китов «исследований» общественного мнения, большинство исследовательских фирм профессионально не готовы к проведению качественных, объективных исследований («ошибки» «китов», о которых много говорили, особенно после выборов мэра Москвы связаны отнюдь не с непрофессионализмом, вспомним и у Гэллупа были проколы). Зарабатывать деньги таким путем мне не хотелось. 19 августа 1991 г. (после 30 лет членства, подчеркну – членства, а не пребывания) я вышел из КПСС и дал зарок больше не участвовать в «политических играх». Что же касается исследования остальных социальных проблем, то их финансирование (особенно интересующих меня – с серьезной теоретико-методологической разработкой) весьма скудно.

Еще один финансово-проблемный момент: сегодня объемы финансирования науки (сколько зарабатывает кафедра, вуз) стали индикатором «эффективности». Но отмеченное выше ставит гуманитариев (среди них мы – социологи еще в относительно лучшем положении) в сравнении с технарями в неравное положение. Но возникает и социологический вопрос: эффективны ли подобные критерии эффективности?

Задам тебе ряд вопросов как многолетнему заведующему кафедрой социологии. Сколько сейчас преподавателей на кафедре, в том числе – профессоров и доцентов? Какова учебная нагрузка преподавательского состава и что с ней будет в ближайшие годы? Какова общая ситуация в России с учебниками по социологии?

Новая жизнь кафедры началась с ее реорганизации в кафедру социологии и политологии. Собственно содержательно – от научного коммунизма к социологии и политологии – осуществить переход большинству кафедралов было не столь сложно (сказывался предшествующий исследовательский опыт). Сложнее было в организационном плане – с отменой госэкзамена и льгот для обществоведов учебная нагрузка на каждого преподавателя возросла в 1,5 раза. Сказывалось и отсутствие учебно-методической литературы. Тут инициативу проявил Гарольд Зборовский – вместе с Г.П. Орловым они выпустили одно из первых пособий по социологии. Спустя несколько лет учебник по социологии для технических вузов подготовили мы с Валерой (он на данный момент дважды дорабатывался, 6 раз переиздавался). С середины 1990-х гг. начался своеобразный «бум» выпуска учебников и пособий по социологии. Но лишь немногие из них отличались – в содержательном и методическом плане – новизной и профессионализмом. Однако даже лучшие из них (отмечу в первую очередь учебники Ж. Т. Тощенко и Н. И. Лапина, учебники по общей социологии и истории социологии Г. Е. Зборовского и др.) были предназначены для студентов-социологов и могли использоваться преимущественно преподавателями.

К тому же – постепенно в технических вузах аудиторная нагрузка стала сокращаться (многие годы у нас даже плановая нагрузка по социологии включала 18 лекций + 9 семинаров, реально выходило еще меньше). Переход к стандартам третьего поколения вообще сделал социологию дисциплиной по выбору (в итоге – на физтехе и радиофаке «выбрали» психологию – с «аргументацией», что их выпускникам в практической работе чаще придется сталкиваться не с общими социальными проблемами, а с проблемами межличностных отношений в коллективе).

За многие годы преподавания социологии «технарям» появился определенный опыт. Такое преподавание не должно быть излишне теоретическим. Нет, научную планку опускать нельзя (это – неуважение своей науки), но важно расставлять акценты, не закикливаясь на категориальном аппарате, а стремясь развить у студентов социологическое мышление, умение понимать социальные проблемы, диагностировать и прогнози-

ровать социальное развитие. Или иначе – не только доказать, что социология – наука, но и обосновать значимость ее для их жизненной и профессиональной карьеры.

Порой создается впечатление, что наше понимание назначения преподавателя социологии не очень совпадает с ориентацией реформы высшей школы. И у меня нет особого оптимизма в отношении будущего социологии как академической дисциплины в вузах России (и не только применительно к студентам технического и естественнонаучного профиля, но даже и к гуманитариям, студентам социально-экономического профиля).

И последнее – кафедра, которой я руковожу – «кафедра социологии и социальных технологий управления». За этим названием своя история. В середине лихих 1990-х гг. – на волне коммерциализации вузов (ее почему-то ограничивают появлением негосударственных вузов, хотя число студентов-контрактников в государственных вузах росло гораздо быстрее) стало ясно, что общеуниверситетские кафедры без своих студентов (т.е. не ставшие «выпускающими кафедрами») долго «не протянут» (или – скоро «протянут ... ноги»). Выжить в этих условиях нам помог опыт социологических исследований. Нет, мы не стали готовить социологов, хотя в родственных технических университетах (Пермь, Челябинск и др.) пошли (и довольно успешно!) этим путем. В Екатеринбурге их уже готовили во многих вузах (в УрГУ – у Когана, в УрГПУ – у Л.Я. Рубинной, в РГППУ, а затем в Гуманитарном университете – у Зборовского и т.д.). И мы решили воспользоваться опытом исследования организационно-управленческих проблем трудового коллектива и начать... готовить менеджеров. И вот уже 18 лет готовим, выпустив более 3000 управленцев. Наш опыт – подготовки менеджеров с «социологическим» уклоном себя полностью оправдал, и когда мы готовили менеджеров для социальной сферы, сферы услуг (с образованием Уральского федерального университета и избранной линией на «профилизацию» подготовку менеджеров сосредоточили в Высшей школе экономики и менеджмента, мы своих студентов доучиваем, но ниша «менеджеры социальной сферы» стала пустовать), и когда сейчас готовим кадры для государственного и муниципального управления (в рамках отмеченной «профилизации» кафедру перевели в Институт государственного управления и предпринимательства). Конечно, мы понимали и слабые стороны нашей подготовки (в первом случае это касалось экономических дисциплин, во втором – правовых дисциплин). Но понимая, стремились эти слабости или уменьшить, или устранить.

Все отмеченные организационные перемены сказались и на кафедре. Ее превращение в «выпускающую» и рост подготовки менеджеров привел к росту ее численности – в середине 2000-х гг. она была третьей по численности в УГТУ-УПИ – 75–80 человек (после двух кафедр иностранных языков). В последние годы произошло укрепление социологического ядра кафедры (защитили докторские диссертации Багирова А.П. Банникова Л.Н., Вишневский С.Ю, Ольховиков К.М., вернулась на кафедру – уже доктором социологических наук – Заборова Е.Н., перешли на кафедру Зборовский Г.Г. и Шуклина Е. А.). Не обошлось без потерь – самая невосполнимая – Валера. «Профильные» изменения последних лет привели к сокращению кафедры почти вдвое. Но и сегодня – по остепененности – она одна из первых в УрФУ (84%). Сейчас мы боремся против дальнейшей «профилизации» и деления кафедры по профилям – «государственное и муниципальное управление», «менеджмент», «социология». Самое драматичное в этой ситуации – даже не возможность утраты годами накопленного опыта профессиональной подготовки, а то как «разделить» преподавателей, часто ведущих дисциплины по двум и трем профилям?

Так или иначе, но говорят о существовании Уральской (Сибирской) социологической школы. Ты согласен с подобным утверждением? В чем ты вообще усматриваешь признаки социологической школы и в чем специфика Уральской (Сибирской)?

За Сибирскую мне сказать сложно. А в существовании Уральской – не только уверен, но и – как вице-президент Российского общества социологов по Уралу – в последние годы делал многое, чтобы она сохранялась и развивалась. И дело даже не только в том, что в 2016 г. будет 40-летие Уральских социологических чтений, ставших за эти годы самостоятельным научным феноменом. Мы – ученики Когана, Файнбурга и Аитова (особо отмечу Г.Е. Зборовского, В. Т. Шапко, С. Г. Зырянова, М. А. Слюсарянского, Ф. С. Файзуллина и многих-многих других) не допустили, чтобы «прервалась связь времен» даже в лихие 1990-е гг. Возникло своеобразное территориальное сообщество. И даже потери (в 2009 г. ушел из жизни Валера; совсем недавно не стало Марка Абрамовича Слюсарянского) воспринимались как общее горе. Нашу дружбу и научное сотрудничество не смогло разрушить даже решение о создании федеральных округов, когда Башкирия, Удмуртия и Пермский край оказались «вне» Урала. В этом решении был и один позитивный момент – в Уральский федеральный округ вошла Тюменская область и две

автономные области, тюменские социологи успешно влились в наше сообщество и уже дважды Уральские социологические чтения проходили в Тюмени (благодаря усилиям В.В. Гаврилюк, Г. Ф. Куцева, К. Г. Барбаковой и многих других наших тюменских коллег и друзей). Существование уральской социологической школы не исключает, а – напротив, предполагает формирование и развитие самостоятельных территориальных социологических центров. И все мы активно участвуем в Когановских, Файнбургских, Аитовских чтениях, в Тюменском социологическом форуме, в различных научных конференциях в городах «Большого Урала». Долгое время важной особенностью уральской социологической школы было солидное представительство заводской социологии. Сегодня в силу разных причин уральские социологи в основном сосредоточены в вузах. Хотя и в этом есть плюс – в каждом из наших регионов активно развернулась подготовка социологов. В итоге неплохо идет воспроизводство нашего сообщества за счет молодых социологов-профессионалов. Да и на наших чтениях и конференциях проблемы и перспективы преподавания социологии все чаще занимают достойное место. К 25-летию Уральских социологических чтений мы подготовили монографию, обобщающую их материалы за эти годы. Сейчас вместе с Гарольдом Зборовским мы готовим новую монографию, дополнив ее материалами за последние 15 лет. И еще два характерных примера. К юбилею возрождения социологии в России в «Социсе» была помещена наша статья об уральской социологической школе. А в своем учебнике по истории социологии Г.Е. Зборовский (я уже отмечал его среди наиболее интересных отечественных учебников) выделил специальную главу об истории социологии на Урале.

В моей лестнице социологических поколений ты, я, наши ровесники принадлежим к 3-ей профессиональной когорте, твои студенты – в основном, к младшей части 7-ой (это те, кто родился в интервале от 1983–1994 гг.), но, возможно, среди первокурсников есть и родившиеся в 1995–1996 годах. Они – уже из 8-го поколения российских социологов. В 2058 году исполнится 100 лет современной российской социологии, кто-из твоих сегодняшних студентов будет на Конгрессе, посвященном этой дате, будут вспоминать своих учителей, безусловно, – тебя. Как ты думаешь, какое наследие мы, представители старших поколений, оставляем будущим социологам?

Как я уже отмечал, наша кафедра не готовит профессиональных социологов, но мы выполняем не менее важную (а в чем-то и более сложную) функцию – преподаем социологию

технарям, управленцам, экономистам. И тут – повторю – стремимся не только доказать, что социология – наука, но и обосновать значимость ее для их жизненной и профессиональной карьеры. Вряд ли наши сегодняшние выпускники вспомнят в 2058 г., кто такие Спенсер или Тард? Что такое ролевое поведение или самоидентификация? Но если им удастся использовать в различных жизненных или производственных ситуациях навыки социологического анализа, то мы будем счастливы от сознания хорошо выполненного профессионального долга.

Спасибо, Юра, за сотрудничество, терпение к моим: «что» и «почему». Но меня одно успокаивает: для общего дела.

Готлиб А. С. – окончила Куйбышевский Политехнический институт, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой методологии социологических и маркетинговых исследований Самарского государственного университета. Основные области исследований: качественная методология социологического исследования, проблемы социальной адаптации, социологический анализ проекта нарративной медицины. Интервью состоялось в 2011–2012 гг.

**Готлиб А. С.:
«МОЯ ПОТРЕБ-
НОСТЬ РАССКАЗАТЬ
“СВОЮ ИСТОРИЮ”
СЧАСТЛИВО
СОВПАЛА
С ИССЛЕДОВА-
ТЕЛЬСКИМ
ИНТЕРЕСОМ
К АВТО-
ЭТНОГРАФИИ»***

Серия моих электронных бесед с представителями третьего поколения советских / российских социологов – самая наполненная. Интервью с Анной Семеновной Готлиб – двадцатое среди них. Прежде всего, это конечно же уникальная человеческая история, повествование о жизни, вхождении в науку, многолетней исследовательской и преподавательской деятельности. Но одновременно, это – удивительный рассказ о поколении, время рождения которого заключено в интервале 1935 – 1946 гг. Кто-то скажет, что ничего неожиданного здесь нет, так и должно быть. Все не столь очевидно; подобное возможно, лишь если поколения со-

* Готлиб А.С.: «Моя потребность рассказать “свою историю” счастливо совпала с исследовательским интересом к автоэтнографии» (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 4. С. 2–12.

циологов как некие подструктуры нашего профессионального сообщества действительно существуют. Получается, что они есть. А это значит, что в науке есть взгляд на окружающий мир, энергия, дух поколений, которые присутствуют в исследованиях и гражданских позициях этих когортных образований и выражаются его представителями. Интервью с Анной Готлиб позволяет все это почувствовать.

Аня, ты первая из моих собеседников, имеющих опыт написания и анализа автобиографии [1]. Я имею в виду соответствующий раздел твоей книги по качественной социологии. Трудно сказать, как это скажется в нашем интервью, но несомненно как-то проявится. Что тебя тогда, почти десять лет назад, «подвигнуло» на рассмотрение прожитого? Нечастый жанр в научной книге...

Во-первых, конечно, интерес к качественной методологии: трудно представить себе ее сегодня без того, что я называю автоэтнографией(возможны и другие названия этой исследовательской практики: в русском переводе это звучит как автонарратив, самоистория, само-наблюдение, побуждающий нарратив, исповедальный рассказ и т. д.). Дело в том, что, читая прежде всего американские источники- этнографические журналы, я натолкнулась на такого рода тексты социологов, когда их собственный опыт проживания (переживания) того или иного фрагмента жизни, рассказанный ими «изнутри жизни» – наивно, с позиции «простого человека», становился одновременно и объектом их анализа, который всегда, (если он – анализ) должен быть отстраненным, взглядом извне. Это был неожиданно и потрясающе интересно. К этому времени я занималась изучением процесса социальной адаптации россиян к кардинально меняющейся российской действительности, и это было для меня очень важно не только в исследовательском плане, но и в личностном: в моем «ближнем круге» я видела как успешных, энергичных и оптимистичных людей, так и отчаявшихся, обозленных, не знающих что делать в этой новой жизни. Мне хотелось разобраться, почему эта «революция сверху», реально начавшаяся где-то в начале 90-х, так разматала людей, хорошо мне знакомых, «закинув» их в разные социальные слои, хотелось результатами исследования подтвердить мысль Сартра, так мне понравившуюся, что я сделала ее эпиграфом к одной из глав моей книги: «Главное не то, что сделали из человека, а то, что он делает из того, что из него сделали». В рамках моего подхода к адаптации вторичная занятость была очень распространенной адаптационной стра-

тегией. И это была стратегия людей моего социального слоя: врачей, преподавателей, работников культуры, бюджетников одним словом, враз обнищавших людей, «новых бедных», хотя богатыми они никогда, конечно, не были. Тогда я и решила «попробовать» автоэтнографию на себе как типичном представителе этой группы. То есть, рассказала о своем опыте вторичной занятости, чтобы потом его самой же и проанализировать. Конечно, рассказ о себе можно создавать разными путями: вести Дневник, куда желательно систематично записывать свои впечатления, раздумия, опасения, радости. Наверное, это самый лучший путь для исследователя: ничего не пропадает, все идет в дело. Но я выбрала более легкий вариант – взяла у самой себя нарративное (точнее лейтмотивное) интервью, закрылась в комнате и начала рассказывать на диктофон, как и положено, начиная свой рассказ с детства. Потом в полном соответствии с требованиями этого типа интервью я сделала транскрипт своего разговора с собой. Конечно, я могла бы сразу записать свой нарратив на компьютере, что несомненно сберегло бы мне время. Но я боялась, что письменная речь у меня, много пишущего человека, сама по себе непроизвольно спрямит, сгладит, отольет в грамматически верные словесные формы спонтанность устного рассказа, не даст проявиться эмоциональному ряду, точнее схватывающему опыт переживания человеком своей жизни.

Была и еще одна причина обращения к опыту своей жизни, скорее экзистенциального плана. Мне это трудно объяснить, но с некоторых пор во мне бродило, искало выхода какое-то очень сильное желание рассказать о своей жизни хоть кому-то. И в первую очередь своей дочери, которая, живя рядом, в вечной своей спешке и жизненной суете так и не удосужилась, как мне казалось тогда, ничего узнать обо мне. В полном соответствии с выводами этнометодологов, полагающих, что именно воображаемые другие задают то, *что* рассказывается и то, *как* рассказывается, я наговаривала свой текст на диктофон именно для нее, стремясь быть понятой ею прежде всего. Вообще в этом непреодолимом желании рассказать историю своей жизни «городу и миру» есть какая-то тайна, сплетение разнородного. Возможно, это попытка подведения каких-то итогов, которая настигает нас в определенном возрасте. Может быть, это поиск оправдания своей жизни, зачем-то без нашего разрешения данной нам, и катящейся известно куда. Может быть, это стремление песчинки оставить хоть какой-то след в истории. Трудно сказать. Мы не знаем, что подвигло теперь уже знаменитую (после Н.Н. Козловой) полуграмотную крестьянку Киселеву написать о своей жизни несколько толстых

тетрадок и послать их на Мосфильм, чтобы там по ее жизни сняли кино («Я так хочу назвать кино»). Во всяком случае, моя потребность рассказать «свою историю» счастливо совпала с исследовательским интересом к автоэтнографии. Вот так все и вышло.

... Как ты думаешь, то обстоятельство, что ты концентрированно размышляла о своем прошлом-настоящем и даже описала кое-что, поможет тебе в новом рассказе о себе или будет как-то сдерживать, ограничивать тебя?

Я думаю ни то, и ни другое. Мы же все-таки меняемся, поэтому я думаю рассказ о себе из 2012 года, конечно, будет отличаться от рассказа из 2004 года. И дело не только в принципиально разных социальных контекстах этих периодов российской жизни, на которые мы не можем не реагировать. Меняемся и мы сами: что-то утрачиваем, что-то приобретаем, какое-то новое нас вдохновляет, а что-то совсем выбивает из колеи, обрастаем новыми друзьями и теряем старых друзей...

На протяжении нескольких месяцев я изучаю генеалогию нашего профессионального сообщества, получается весьма интересно. Короткие семейные истории и уходящие в XVIII век, внешне простые и просто для исторических романов.. отражение всех событий, протекавших в России-СССР-России и соседних стран.. пожалуйста, расскажи о твоей родительской семье.

Я родилась в сентябре 1945 года, как я говорю всегда – после войны, потому что война в нашей семье сыграла, как, впрочем, и в миллионах других семей, ключевую роль. Родилась я, в маленьком туркменском городке на севере Туркмении – Ташаузе. Мама оказалась там в эвакуации – она жила в Бесарабии, воспитой Пушкиным, и проклятой богом – много раз этот благодатный край, в котором в любви и согласии жили русские, евреи, немцы, румыны, цыгане, менял свое подданство, входя то в состав Румынии, то – царской России. В 40 году в Бесарабию пришла советская власть со всеми ее страшными атрибутами – арестами, высылкой состоятельных людей, страхом, а в 41 – ее уже бомбили немцы. Моя будущая мама со своими родителями бежала на подводах под бомбами сквозь всю Россию, как и тысячи других эвакуированных, пока по распределению не попала в Ташауз (от Небит-Дага по Каспийскому морю в глубь Туркмении).

Сама она была из зажиточной крестьянской семьи- ее отец выращивал овец, делал брынзу и продавал ее в Румынию. Не-

задолго до начала войны в суровую зиму пропали овцы, и они обеднели страшно, поэтому моя мама не получила высшего образования (а два ее брата закончили университеты в Румынии и Чехословакии). Но мама прекрасно училась в румынской гимназии и потому кроме русского и еврейского знала хорошо французский и румынский – много лет спустя она легко переводила мне с румынского письма, которые я получала от румынской девочки – тогда такая переписка, если ты помнишь, была очень популярна. Необходимость содержать семью и быть ее опорой заставила ее вышивать, вязать на продажу – во время войны ей это пригодится: в Ташаузе, в эвакуации она будет возглавлять цех, где вязали вещи для фронта. В России, в Куйбышеве, она закончит какие-то быстрые курсы и всю жизнь будет работать экономистом. Одно время в Ташаузе (во время ее второго приезда – к отцу) она работала даже главным экономистом кондитерской фабрики, довольно крупного для нашего маленького городка предприятия. Но стараться всю практическую часть жизни семьи брать на себя, служить семье беззаветно, забывая себя, ничего не требуя взамен, – это качество останется у нее до самого конца ее долгой жизни: мама умерла в возрасте 95 лет в Самаре.

Мой отец родился в Литве в местечке Алитас, расположенном между Вильнюсом и Каунасом, в местечке, сегодня известном в Литве как месте массовых расстрелов литовских евреев и евреев Восточной Европы ранней осенью 1941 года. Сегодня на месте этих расстрелов стоит потрясающий памятник – огромный могоендовид (звезда Давида), элементы которого изломаны, как и человеческие судьбы погребенных людей. В этой братской могиле лежат и мои бабушка с дедушкой (родители отца), и мои две тети (сестры моего отца – тогда молодые девушки, приехавшие летом 41-го к родителям на каникулы из Одессы, где они учились в университете).

Отец – из зажиточной крестьянской многодетной семье, включающей четырех братьев и двух сестер, блестяще учился в Виленской гимназии, много читал – в доме была прекрасная библиотека, ему прочили карьеру профессора литературы – он был старшим сыном в семье. Но в 16 лет, увлекшись революционными идеями, он уезжает в Россию, чтобы в 18 лет вступить в члены РСДРП, стать комиссаром, воевать на гражданской, быть руководителем подполья в Бобруйске, занятом белополяками. После гражданской войны отец работает в Кремле (Наркомат иностранных дел – юридический отдел), женится, получает от власти, которую защищал, многие блага – прекрасную квартиру, государственную дачу. В 1933 году у него рождается сын, мой сводный брат.

В 1937 русская революция, как и любая революция, как водится, начинает «пожирать своих детей». Отец (пока будущий) обвиняется в троцкизме и высылается из Москвы в Ташауз – в тьмутаракань туркменскую. Жена, кандидат медицинских наук, очень образованная женщина (я с ней познакомилась в 1963 году, и она мне понравилась, отец тогда повез меня показать Москву, которую очень любил) отказалась ехать в Ташауз – как она сможет там заниматься наукой. Отец ждал ее 7 лет, и в 1944 году он женился на моей будущей маме. Он старше мамы на 18 лет, мама его боится даже первое время, но он опытный, знающий порядки этой чужой и дикой страны, в которой она с родителями оказалась. Он ей поможет выжить. Особой любви не было, рассказывала мама, да и зачем она, когда все кругом рушится, и одни только смерти. Папа работает юристом в организациях – систематического юридического образования у него не было, тоже видимо, какие-то курсы, но он очень грамотный, читающий человек, собирает библиотеку. Когда мне стукнуло 2,5 года, его арестовывают (1947 год) (Спасск-Карагандинской области – особый политический лагерь). Это была вторая волна репрессий, и в нее в первую очередь попадали бывшие ссыльные, если находились те, кто готовы «стучать», чтобы хорошо жить или просто выжить – все – таки был суд, и на суде были свидетели: советская власть любила соблюдать формальности. И такие находились: предательство, стукачество всегда было опорой этой власти. Отцу дали минимальный срок, по 58 статье возможный, – 7 лет: его судили те, кто был знаком с ним профессионально, уважал его профессионализм, но ничего сделать не мог. «Проявил острую ненависть к вождю народа – Иосифу Сталину» – формулировка его обвинения. Я ее знаю из документа о реабилитации, который он получил в 1960 году, он хранится у меня: отец был реабилитирован со стандартной для таких документов формулировкой: «за отсутствием состава преступления». Так идея – иллюзия, идея-фантом, одновременно притягательная и принципиально недостижимая, фактически сломала жизнь моего отца, единственную и уникальную, как у каждого человека. Уже в Ташаузе, после реабилитации, начинающий сомневаться, но еще не расставшийся с этой иллюзией окончательно, он говорил мне, что лучше бы он стал профессором литературы, чем пошел тогда мальчишкой в революцию. В целом, «красное колесо» политического террора прокатилось по нашей семье основательно: еще один его брат, самый младший, никогда не занимавшийся политикой, весельчак, известный в Москве биллиардист, позже главный инженер Днепродзержинского металлургического завода, в 1937 году был расстрелян,

в 1958 – реабилитирован. Два других брата отца, спасаясь от антисемитизма в Литве и принципиально не принимая русскую революцию, спокойно уехали в Америку, достигли там разной степени благополучия, родили умных дочерей, моих двоюродных сестер, которых я чудом нашла всего несколько лет тому назад: и они были у меня в России, в гостях, потом мы с дочерью были у них, все плакали, без конца говорили и были счастливы.

После ареста отца маму со мной забирает из Ташауза ее старший брат, мы живем все эти 7 лет вместе в Куйбышеве, мама работает экономистом в цехе крупного куйбышевского завода, я хожу в заводской садик, где очень хорошо кормят, вывозят детей на все лето на отдых: для нее, рассказывала мама, еле сводящей концы с концами, это было очень важно. У мамы другая фамилия: отец предусмотрительно не разрешил ей поменять фамилию на Готлиб, и никто не знает, что отец сидит в тюрьме. Для всех существует легенда – маму бросил муж. В 1954 году, (я уже учусь в третьем классе) его выпускают после полного срока в тюрьме и разрешают жить опять только в Ташаузе. Мама возвращается к нему – у ребенка должен быть отец. Помню отца в длинной почти до ступней старой шинели, высокого, худого, встречающего нас в Чарджоу: в Ташауз тогда еще не ходили поезда. Помню, как он заплакал, потом подхватил наши чемоданы – родственники и мамыны близкие друзья надавали нам всего на первый случай: «известно ведь, откуда приехал», и мы поехали домой.

Дальше – мои самые чудесные годы жизни с отцом, всегда в поле литературы: книги, чтение были самой главной страстью его жизни. Он всегда бормотал стихи, которых знал очень много, в доме выписывались и брались из библиотеки толстые литературные журналы, собиралась прекрасная библиотека, в Ташауз часто приезжали ашхабадские писатели, все бывали в нашем доме. Отец дружил с диссидентами, высланными в Ташауз после известных венгерских событий. Мама угощала всех неизменным кексом, естественно, собственного производства, абрикосовым вареньем, она вообще прекрасно готовила, и... разговоры, разговоры, разговоры, и я всегда среди взрослых, их мнений и оценок. Сейчас я понимаю, что такого накала интеллектуальной жизни, вплетенной в повседневность, растворенной в ней, у меня не было больше никогда: с уходом отца в 1974 году – все кончилось.

Я любила учиться, училась хорошо, помогала учиться моим одноклассникам, маленькая наша комнатка всегда была полна народу, я всегда что-то объясняла, меня вечно за кем-то закрепляли: была в советское время такая форма пионерской

работы, между прочим, очень хорошая. В школе я была активисткой: в пионерских лагерях, куда родители отправляли меня на 2-3 смены, я часто бывала председателем совета отряда, председателем совета дружины, в старших классах несколько лет была секретарем комсомольской организации школы. Мне это мое последнее занятие очень нравилось: мы все сами организовывали: наш умница директор школы, Степан Федорович Лопатиев, фронтовик, пришедший с войны без руки, нам полностью доверял. Мы организовывали вечера, конкурсы, я писала сценарии, часто была ведущей, в общем и целом, моя школьная жизнь кипела и... я очень любила свою школу. Параллельно я окончила музыкальную школу, после выпускного концерта практически единственная из выпускников школы получила направление в Ашхабадское музыкальное училище, но не поехала туда: не хотела расставаться с родителями, да и, честно говоря, не чувствовала за собой особых музыкальных способностей, не хотела, чтобы музыка стала делом моей жизни.

Кроме того, я еще успевала заниматься баскетболом, даже несколько раз выступала за баскетбольную команду школьников нашего города на республиканских соревнованиях в Ашхабаде. В общем, повторюсь, школа у меня была замечательная: много было ссыльных преподавателей из Москвы, Ленинграда, учили нас на совесть, доверяя и уважая нас, что для нас было, наверное, самым главным.

Так, школа окончена... из рассказанного тобою очевидно следует, что особого выбора для продолжения образования у тебя не было. Возможно, ты этого не понимала, к счастью... но что советовали тебе родители и как ты поступила?

Я окончила 11 классов, как было тогда реформой Хрущева принято: нам пытались дать какую-то рабочую профессию. В течение трех лет, начиная с девятого класса, два дня в неделю я была то лаборантом на местном пивзаводе, то лаборантом на маслозаводе, то осваивала премудрости шитья почему-то пальто (попроще ничего не нашли) на местной швейной фабрике. Естественно мы ничего не выбирали, куда школа пристроит, то и будете делать – был основной императив. Для нас это была такая «развлекуха», говоря сленгом современных молодых, потому что всерьез на предприятиях к нам никто не относился. Скорее это была такая игра в трудовое воспитание, над которой все посмеивались, но одновременно и участвовали в ней.

В год окончания школы, это был 1963 год, я поступила в Куйбышевский политехнический институт на электротехни-

ческий факультет, поступила совершенно не осознавая, куда и зачем я иду – любая техника от меня, насквозь литературной девочки, была очень далека. Конечно, я хотела изучать литературу и только ее: в школе я очень хорошо писала сочинения, особенно на свободную тему, нередко наша учительница по литературе относила их в «Ташаузскую Правду», единственную газету, выходящую в моем городе на русском языке, где их печатали как очерки: у меня сохранилась целая подборка таких сочинений–статей. Но советский государственный антисемитизм не дал возможности осуществиться этой моей мечте: отец в своей любимой Москве от друзей узнал, что юношам и девушкам с пресловутым «пятым пунктом» практически невозможно попасть на филологический факультет МГУ, куда я и собиралась поступать. И я поверила отцу. Поэтому и оказалась поступавшей и в Куйбышевский Политехнический. Конечно, этот выбор не был осознанным выбором профессии: выросшая в семье гуманитария, который как известный герой Джерома К. Джерома, не мог гвоздя забить, я понятия не имела о том, что такое электротехника, кем вообще можно работать, окончив электротехнический факультет. С другой стороны, 60-е годы были годами «физиков в почете», политехнические вузы привлекали огромные толпы абитуриентов, в них очень трудно было поступить, были огромные конкурсы. И для меня, провинциальной девочки, поступление в Куйбышевский Политех стало способом проверки себя, неким тестом на «слабо». Я хотела доказать себе и всем в своем маленьком городе, что я, практически первая ученица школы, смогу поступить в тяжелый и одновременно престижный вуз. И я поступила. Я помню, радости особой не было, тем более, что по любимой моей литературе (сочинению) я получила четверку, что меня очень и очень расстроило. Родители мои были счастливы: дочь получит высшее образование, над моими «страданиями» посмеивались. Начиналась новая жизнь: вдали от родителей, их всемерной поддержки и участия во всех моих делах.

Чем запомнились студенческие годы?

В Политехническом любимые предметы, конечно, были гуманитарные: английский, философия, история. Но и по основным предметам я училась хорошо, хотя и не пылала к ним особой любовью. А предметы были сумасшедше тяжелые: сопромат, теоретическая механика, теоретические основы электротехники... Формулы начинались на одном конце Доски, шли в 2-3 ряда сквозь всю Доску, и только потом заканчивались. Но я, как шахтер к каменоломне, уж позволю себе такое срав-

нение, упорно пробивалась сквозь них. Сейчас я понимаю, что в то время основным мотивом моей учебы было стремление доказать, что я смогу, я осилю, я подниму эту непосильную ношу. Прежде всего, наверное, работал «комплекс отличницы», привыкшей все делать наилучшим образом. Да я и представить себе не могла, как я вернусь домой без высшего образования (угроза вылететь из вуза в то время была реальной): родители мои были уже немолодыми людьми, надо было рассчитывать на себя. Да и в студенческой нашей группе, к счастью или несчастью, уж и не знаю, сложились «правильные» нормы: учиться хорошо было престижно. В общем, окончила я институт с отличием, хотя уже со второго курса поняла, что техника – это не мое дело.

Спас меня от полной безнадёги – Дискуссионный клуб, который начинался как литературный: «гуманитарствующие» студенты, так же, как и я, неизвестно почему оказавшиеся в Политехническом, собирались вместе, в институтской библиотеке, чтобы почитать Б. Пастернака, А.Ахматову, М. Цветаеву – наших кумиров: в то время в серии «Библиотека поэта» уже вышли первые издания этих поэтов. Совсем скоро ориентированность на литературу в нашем клубе как-то сама собой сменилась интересом к социальным проблемам, и вместо споров о литературе начались неистовые споры о жизни. Не нужно забывать, что «на дворе» начиналась брежневская эпоха безвременья, застоя, приоткрывшаяся было Никитой Хрущевым дверь в сталинское прошлое, плотно закрывалась, официальный язык пропаганды убивал все живое, забывая рты и головы вязкостью неумных, но «правильных» слов. Дискуссионный клуб собирал тех, кто хотел понять, кто думал, не удовлетворяясь бесспорностью будто бы прописных истин. Я входила в группу организаторов дискуссий: мы подбирали тему дискуссии, раскладывали ее на составляющие, формулировали вопросы, которые предлагались для обсуждения. Сказать, что наш Дискуссионный был популярен в Куйбышеве 60-х, это значит ничего не сказать: он стал событием в жизни города. Огромный наш конференц-зал обычно ломился от студентов: сидели даже в проходах между рядами, заполняли сцену, «висели» на окнах. Конечно, главную роль во всем этом играл наш бессменный ведущий Молевич Е.Ф., молодой заведующий кафедрой философии, тогда только-только приехавший к нам из Свердловского университета, и каким-то необъяснимым образом сумевший в короткое время «закоренелых технарей»: и руководство и студентов развернуть в сторону философии, в сторону разговоров о жизни. Мне кажется сейчас, что главной его заслугой на этих диспутах была удивительная способ-

ность не пророчествовать, не выдавать «на гора» законченные, не подлежащие сомнению истины, а напротив, «ставить под вопрос» будто бы известные вещи, приглашать студентов к такому «вопрошанию», используя излюбленный термин философов. Поражали его уважительное отношение к мнениям студентов, в том числе и бреду, который мы нередко несли, удивительная атмосфера доверия, возникавшая на диспутах и возвышавшая нас в собственных глазах. Это было очень значимо для нас, потому что за стенами конференц-зала – в аудиториях и коридорах института мы ничего такого не видели, скорее, напротив, полное отчуждение, сдобренное вечной назидательной, «распекательной» позицией взрослых. В общем, Дискуссионный клуб, наверное, был самым лучшим событием и впечатлением моей студенческой жизни. Тем более, что он познакомил меня с Евгением Фомичем, определив тем самым и мою профессиональную биографию.

Насколько я помню, все произошло не так быстро, как можно понять из сказанного тобою, какое-то время ты работала по профессии, полученной в Политехе. Что это было за время и что в том бытовании тебя не устраивало? Почему? Пыталась ли ты что-то искать?

После окончания Политехнического я попала по распределению в Свердловск (Екатеринбург), в один из крупных проектных институтов. Точнее не попала, это не совсем точное слово, а выбрала Свердловск: у меня была такая возможность на правах отличницы выбирать одной из первых. Этот город я выбрала потому, что там был университет. И был филологический факультет: я все-таки хотела осуществить свою давнюю мечту. Свердловский УралТЭП (так называлось мое новое место работы) встретил меня очень радушно: умные интеллигентные люди, всегда готовые помочь, настоящие профессионалы. Но... мне эта инженерная жизнь была совершенно не интересна, я тогда уже отчетливо осознавала, что это чужая, не моя жизнь. Спустя несколько месяцев после приезда в Свердловск я поступила на вечернее отделение филологического факультета. Для меня это была пусть маленькая, но все же победа: я хорошо сдала все положенные вступительные экзамены, хотя литературой не занималась практически пять лет. Да и с документами получилось как-то удивительно удачно: поскольку в СССР получать второе образование было нельзя, мне пришлось скрыть свой инженерный диплом и как-то убедить приемную комиссию, что я – не тунейда, а это в Советской России, как ты понимаешь, считалось

большим грехом (вспомним И.Бродского). Помог опять-таки хрущевский эксперимент (я вообще, можно сказать, жертва хрущевских экспериментов): в первые полтора года учебы в Политехническом я, как и все первокурсники, поступившие учиться сразу после окончания школы и потому не имевшие рабочего стажа, должна была работать в качестве рабочего. Мне выпало работать электромонтером 1 разряда на монтаже электрооборудования, совмещая эту работу с вечерней учебой в институте. Нас так и называли – «совмещенники». Конечно, толку от этой работы для моего включения в профессию не было никакого, а это была основная идея эксперимента, но трудовая книжка у меня появилась. Это меня, я думаю, и выручило.

Учиться на филфаке мне очень нравилось. Нравилась и сами лекции, и возвращение по ночному Свердловску в общежитие нашего института, в тесную, перегороженную узкими кроватями и шкафчиками комнату: на 20 квадратных метрах кроме меня жили еще пять девушек, молодых специалистов, возвращение в атмосферу дружбы, поддержки, искреннего интереса друг к другу. И эти ночные разговоры как продолжение услышанного в университете и не только... В общем, мое непродолжительное свердловское житье-бытье было замечательным. Через год я вернулась в Куйбышев: вышла замуж, стала работать теперь уже в куйбышевском крупном проектном институте, чертила какие-то насосные станции, и не любила эту свою инженерную работу, хотя, как и в Свердловске, люди, окружавшие меня, мне очень нравились. Я продолжала учиться заочно на филфаке, писать в перерыве, используя каждую минуту свободы, контрольные работы. До сих пор помню безумную работу по-латинскому, когда ты один на один с учебником и не у кого спросить. Много читала (филфак – это прежде всего огромное число книг, которое надо прочесть), ездила на сессии, на которые никто не отпускал, приходилось каждый раз что-то придумывать, брать дни за свой счет и т. д. Сегодня, в наше очень прагматичное время может показаться странным, что, получая второе образование на филфаке, я не представляла себе, что я буду делать с этим образованием, как я буду его использовать, кем я буду работать. Я просто не ставила перед собой эти вопросы. Меня радовал, делал счастливой сам процесс обучения. К слову сказать, я так и не закончила это образование: сказались житейские проблемы, вмешались новая профессия социолога, в которую я, что называется, окунулась с головой, перспектива обучения в социологической аспирантуре и т.д. Но за меня, вместо меня филологическое образование в Самарском госуниверситете получил мой сын,

Виталий Лехциер. Сейчас он – поэт, автор нескольких поэтических книг, и философ, тоже автор нескольких ярких монографий, профессор философии нашего университета.

В моей типологии поколений советских /российских социологов я называю поколение, к которому мы с тобою принадлежим, «призванными помогать». Поясню: многие математики были приглашены, чтобы решать проблемы обработки, шкалирования, формирования выборок, люди с языками – чтобы переводить, некоторые, чтобы порыться в прошлом.. так начинали многие в (именно) нашем поколении.. Как ты думаешь, это название распространяется на твой путь в социологию? Если «нет», то, что в твоём опыте оно не фиксирует? Если «да», то какого вида помощь ожидалась от тебя?

Нет, я не думаю, что меня можно отнести к поколению, призванному помогать, как ты это понимаешь. Я была «призвана» не математиком, не переводчиком, а именно социологом, хотя я и не очень понимала, что это слово означает.

...а как, собственно состоялся твой переход социологию, ты искала этот вход или все – дело случая?

Я действительно ничего не знала о социологии до прихода в нее, да и приход мой в профессию был довольно случаен. Я уже работала в Куйбышеве в проектно-институте, и как-то случайно на улице встретила Евгения Фомича Молевича. Он рассказал, что создает в Куйбышевском политехническом социологическую лабораторию, и пригласил меня работать. Помню, что на мой законный вопрос «А что такое «социология?», абсолютно новое для меня слово, он ответил: «Я и сам не знаю, но думаю, что это что-то очень интересное». Я тут же с радостью бросила свой проектный институт, и ... началась новая, социологическая жизнь в качестве младшего научного сотрудника этой лаборатории. Шел 1971 год. Новую неизвестную нам науку мы осваивали, можно сказать, на ходу.

Так вот, возвращаясь к концепту «призванные помогать», который ты придумал, я могу сказать так: та социология, которой мы все занимались в советское время, действительно была «заточена», как сегодня модно говорить, на помощь власти, управленцам разных уровней. Не случайно же мы писали конкретные рекомендации в конце каждого исследования. И это был канон для исследователя: без рекомендаций исследование считалось пустым, зряшным, бессмысленным. Порой кажется, что критерий практической полезности, характерный для любого научного знания в его нововременной форме, нигде не

был так полно воплощен, по крайней мере формально, как в советской социологии. Другое дело, что сами управленцы в этой помощи не особенно-то и нуждались: экстенсивная плановая экономика в принципе была не заинтересована в поиске внутренних ресурсов повышения эффективности, тем более в использовании социальных ресурсов, хотя исключения, конечно, были. Прежде всего это руководители ВАЗа, где мы несколько лет работали, руководство знаменитой шоколадной фабрики «Россия». На этих предприятиях реально внедряли наши рекомендации, но все-таки это были именно исключения. Поэтому социологические исследования той поры, все эти красивые таблицы и разноцветные кривые, которые социологи в полном соответствии с господствующим количественным подходом предоставляли руководителям, рассматривались ими скорее как красивая игрушка, такая «модная штучка», которая неизвестно зачем нужна, но «надо, чтобы было». Тем более, что предприятия это не ущемляло экономически: деньги на исследования шли напрямую из Министерства, и должны были быть потрачены только на эти цели.

На помощь руководителям была рассчитана и многолетняя практика социального планирования на советских предприятиях, которой занимались социологи многие годы. Мне кажется, здесь была помощь другого рода: я бы назвала ее сейчас имиджевой поддержкой: мы помогали руководителям выглядеть в глазах Министерств, курирующих подготовку планов социального развития на предприятиях, такими социально ориентированными, заботливыми, думающими о «простом труженике». Правда, надо сказать, что это мое сегодняшнее видение. Тогда мы действительно думали, что разрабатывая такие планы, проводя необходимые для этого исследования, обнаруживая «слабые» места в социальной организации предприятия и разрабатывая конкретные действия для их преодоления, действия, которые должны были быть обязательно выполнены (планы должны выполняться, на то они и планы), мы несомненно делаем благое дело: помогаем руководителям улучшать жизнь своих подчиненных. Все насмешливые оценки по поводу сомнительности этой затеи, которые мы не раз слышали на предприятиях от тех людей: специалистов, начальников отделов, линейных руководителей, с которыми нам приходилось работать, разрабатывая социальный план, мы с легкостью объясняли их неосведомленностью, незнанием того, что такое социология, их «отсталостью».

Сейчас, я думаю, что это было в нас? Романтическое восприятие профессии с некоей примесью мессианства? Молодость, не имеющая еще достаточно жизненного опыта? Ин-

теллигентская оторванность от подлинной жизни рабочих, которыми мы как исследователи прежде всего занимались? Естественная установка доверия партийным структурам, направившим эту работу, и формирующим убежденность, что социальное планирование – очень важное и нужное дело? Установка, которая, конечно, была идеологически сформирована всей жизнью в советском обществе, но нами как таковая не воспринималась. Мы просто верили и все. Я никогда не была членом КПСС, видимо, не подходила по многим параметрам, да у меня не было и карьерных намерений, реализовать которые можно было только имея это членство, но я воспитана была отцом – большевиком, искренне верящим в коммунистические идеалы, и потому в те годы, семидесятые, я тоже искренне считала, что раз партия начала это дело – социальное планирование, значит это нужная и значимая вещь. Тем более, что эта работа приносила нам деньги, а значит давала возможность жить в профессии: наша лаборатория была с самых первых дней своего существования на самоокупаемости.

Вместе с тем, рассматривая себя в контексте поколения «призванного помогать», как ты это красиво сформулировал, я думаю, что, я помогала и себе, своему становлению как социолога, как профессионала. В самом деле, ни у кого из нас, работавших в составе лаборатории социологических исследований вначале Куйбышевского политехнического института, а затем и Самарского госуниверситета, не было социологического образования: его просто не было в стране. Поэтому, занимаясь исследованиями на предприятиях, занимаясь социальным планированием, мы вынуждены были самостоятельно осваивать премудрости такого сложного действия, как социологическое исследование, благо уже появилась «Человек и его работа», из которой все мы, как русская литература из гоголевской «Шинели», вышли. Мы жадно вгрызались в страницы этой книги, по ее лекалам считали индексы удовлетворенности самарских рабочих, строили бесконечные таблицы взаимосвязи признаков, переносили в свои исследования контрольные вопросы, там использованные. Понимаю, что признание в любви к этой книге сегодня уже звучит банально – столько уже сказано об этом, но есть замечательное выражение, когда-то вычитанное мной в той старой Литературке, которую я много лет выписывала: «Банальность – это просто уставшая правда». Мне кажется, это очень точно.

Каковы были твои «социологические университеты»?

Собственно, я уже начала про «мои университеты». Главный из них – самообразование. Мы учились страстно, с упоением

неофитов вгрызаясь в страницы только что вышедших первых книг по социологии. Была еще одна замечательная «сиреневая книга» – «Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации», вышедшая в 1968 году, Главные слова этой книги: коэффициент корреляции, доверительный интервал, метод группировки, регрессионный анализ звучали для нас тогда, как музыка. Конечно, мне было легче, чем другим моим коллегам, пришедшим из филологии, журналистики, все это осваивать: за плечами все-таки был технический вуз. Но и они, я бы сказала, яростно, осваивали математические премудрости новой науки, отчетливо понимая, что по-другому просто нельзя. В те годы, помню, существовало стойкое убеждение, что без математики – никакой ты не социолог. Как мы учились? Нашей лабораторией вплоть до ее расформирования в 1989 году, когда был создан социологический факультет в Самарском университете, руководил Будимир Гвидонович Тукумцев [2], можно сказать, легенда самарской социологии. И поскольку в Политехническом у нас даже не было своего помещения, то собирались мы на квартирах, чаще всего, конечно, на квартире Будимира Гвидоновича. Милый человек, его жена Галина Григорьевна, относилась к нам очень хорошо, поила чаем, угощала всякими вкусностями. Такая келейная жизнь создавала удивительную атмосферу особой посвященности и солидарности, которая, правда, довольно часто соседствовала с яростными спорами, неизменно возникавшими при обсуждении инструмента исследования. «Рубились» мы никого не жалея и не щадя. По молодости, наверное. «Платон мне друг, но истина дороже»...

Может быть, таким отношениям мы учились у группы ленинградских социологов во главе с В.А. Ядовым, под патронажем которых мы довольно долгое время находились: нам была представлена возможность использовать в работе ленинградскую методологическую базу и приезжать в город на Неве для прохождения стажировок. В то же время куйбышевские предприятия стали контрольными объектами известного исследования «Человек и его работа- 76». Думаю, что общение с ленинградскими социологами – это еще один мой «социологический университет». Они задавали не только высокую планку содержательного обсуждения проблемы, но и создавали образцы научной коммуникации, прежде всего коммуникации как раз такого вида, когда «Платон мне друг..., но...». Приезжая к нам, они отчаянно спорили, обсуждая те или иные аспекты исследования, ругались друг с другом, а В.А.Ядов поддерживал их в этом, сам моментально ввязывался в спор. Очень точно, мне кажется, сказала об этом моя коллега И.Е. Столярова:

«Все они были молодые и отчаянные, и Ядов разрешал им быть отчаянными».

Еще один мой «социологический университет» – это преподавание в так называемой Школе заводского социолога и в целом работа с заводскими социологами. Ты, наверное, помнишь, такое явление в Советском Союзе – заводская социология: по распоряжению ряда министерств на предприятиях, преимущественно успешных, создавались социологические отделы. Конечно, это была абсурдистская ситуация: социологов страна не готовила, литература социологическая практически не издавалась, но социологические службы создаются. Самое парадоксальное, что в эти вновь создаваемые подразделения пришли люди: инженеры, экономисты, которым очень нравилось их новое дело, они хотели учиться и с удовольствием делали это. Кроме того, заводские социологи, своеобразные «инородцы» в производственной среде, особенно в первые годы нуждались и в нашей психологической поддержке: многие руководители не могли определить им фронт работ, не знали, что с ними вообще делать, усиливая и без того существовавшее у них чувство растерянности и беспомощности. Я, как и мои коллеги по лаборатории, стала заниматься обучением заводских социологов, их консультированием по различным аспектам социологических исследований, которые они вели на своих предприятиях. Это тьюторство было полезно и мне: все лекторы знают, что самый лучший способ разобраться в чем-то, это прочесть лекцию. Но мне эта работа была важна и в психологическом плане: показывала значимость профессии социолога, укрепляла в правильности сделанного в пользу социологии выбора (сомнения нет-нет да и лезли в голову, что вполне объяснимо: не так легко начинать абсолютно новое и, как многие считали тогда, эфемерное, не понятно для чего нужное дело: социологические исследования). Сегодня у меня сохранились самые теплые отношения со многими из заводских социологов: после 90-х, когда рухнули практически все социологические службы предприятий, первыми приняв на себя удар неминуемых сокращений, заводских социологов можно встретить в самых разных местах: в отделах персонала предприятий, образовательных центрах, рекламных агентствах. Я думаю, что тот заряд стойкости, который они получили, работая заводскими социологами, помог им и в «эпоху перемен».

Училась я и в Институте социологии РАН, правда, та форма учебы, которая была мне по душе – аспирантура Института социологии не по моей вине не состоялась. Дело в том, что в 1978 году, я по настоянию Е.Ф.Молевича, решила поступать в заочную аспирантуру Института социологии: в очную я не

могла, к сожалению, так как не могла надолго бросить свою семью, ребенка, который во мне нуждался – рос он очень болезненным, мы не вылезали из больниц. Но пресловутый «пятый пункт» и в этот раз помешал: в этот год эмигрировал из СССР В.Э. Шляпентох и «еврейский вопрос» опять обострился в Институте. Я сдала все требуемые экзамены на «отлично», но не была принята а аспирантуру со странной мотивировкой: «Мы не можем найти руководителя для вашей темы», хотя реферат, представленный мной и оцененный, кстати, тоже на «отлично», не был посвящен какой-то вычурной, супероригинальной теме. Мы все тогда работали в области социологии труда, изучали социальные проблемы отечественных предприятий: если ты помнишь, именно это отрасль социологии была в те годы мейнстримом, что объяснялось не только идеологическими причинами, но и банальными прагматическими – у предприятий были деньги на исследования. «Подобрала» меня тогда Нина Владимировна Андрееenkova, которая знала меня по статьям, конференциям, предложив соискательство под ее руководством. Тем самым Нина Владимировна дала мне замечательную возможность пользоваться библиотекой Института (в Самаре практически не было социологической литературы), сдавать в Институте экзамены кандидатского минимума, общаться в секторе, который она возглавляла, обсуждать с ней те или иные содержательные проблемы моей работы. В общем, что сказать, я очень благодарна ей, думаю, что Институт социологии – тоже «мой университет».

Ты не знаешь, не помнишь, можно ли было в 70-е – 80-е найти в Самарских библиотеках дореволюционную и ранне советскую русскую социологическую литературу? Была ли Западная, американская, европейская?

Ну, насчет дореволюционной ничего не могу сказать: она нас, практикующих социологов, не очень-то интересовала. Впрочем, думаю, что скорее нет. Могу только сказать, что с книгами по социологии в конце 60-х – начале 70-х в Самаре было очень плохо, как и в стране в целом. Впрочем, понемногу, уже в конце 70- начале 80-х, когда кое-какая социологическая литература начала издаваться, она стала появляться и в нашей областной библиотеке. К счастью, тогда действовали другие правила комплектации библиотек: все, что издавалось в стране, хотя бы в одном экземпляре попадало и к нам. Так к нам попала совершенно замечательная книга английских социологов Д.Силвермена, А.Сикурела и др. «Новые направления в социальной теории» [3] в переводе Л.Иониной, изданная

в 1978 году в издательстве «Прогресс», книга – фактически манифест качественного подхода. Она пролежала невостребованная в хранилище областной библиотеки (мне первой пришлось разрезать некоторые ее страницы, поэтому я знаю это) вплоть до середины 90-х, когда в российской социологии стал проявляться интерес к качественной методологии социологического исследования. В общем, дождалась своего часа. Но западную литературу социологическую в те годы переводили очень мало, так что практически ее у нас и не было. А литературу на английском, немецком, французском мы, конечно, и в глаза не видели тогда. Честно сказать, мы и сейчас ее не видим в Самаре, да и Москве тоже: везем с оказией из Европы, Америки, из других «городов и весей». Так из Тель-Авивского университета, на базе которого в 1999 году проходил международный социологический симпозиум, в котором я принимала участие, я привезла замечательную книгу американского социолога А.Страйсса «Qualitative analysis for social scientists» («Качественный анализ для социальных ученых») [4]. В тот момент на русский еще не переводились книги по обоснованной теории А.Страйсса и Глейзера, поэтому эта книга мне очень помогла при написании моего учебника «Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы» [5]. Целый ряд других нужных мне социологических книг я привезла из Англии в конце 90-х, когда стажировалась в Каледонийском университете (Глазго, Шотландия). Замечательные книги по качественной социологии привезла из США моя аспирантка Оксана Запорожец, и моя дипломница Нина Козлова, вовремя, к счастью для меня, оказавшаяся в Англии по обмену. Сегодня, опять же к счастью, многое (не все, к сожалению) можно найти в Интернете. Вот так и живем.

Мы подошли к периоду, когда ты начинала работу над кандидатской диссертацией. Как для тебя проходил поиск, отбор темы, как развивалось само исследование? Были ли сложности с публикациями? Где и как проходила защита?

С кандидатской диссертацией у меня складывались непростые отношения: бы назвала их вынужденной любовью, как это ни парадоксально, «кентаврически» звучит, если использовать термин Ж.Т.Тощенко. Вынужденная, «не моя» – потому что, анализируя сегодня ту давнюю ситуацию, я понимаю, что тогда написание этого труда для меня не было внутренне мотивировано: защита диссертации в принципе ничего не прибавляла мне: ни перспектив карьерного роста, ни денег. Она даже не прибавляла и в квалификации, так как в любом

случае, кандидат ты или не кандидат, дело надо было делать на самом высоком уровне – таковы были нормы, сложившиеся в нашей лаборатории, так зарабатывалось уважение коллег. И потому исследования осуществлялись (это была наша основная деятельность, как ты понимаешь), статьи писались, в конференциях разного уровня я всегда активно участвовала, и даже экзамены сдавались, и ... мне этого тогда было вполне достаточно. На вынужденность «работала» и моя житейская ситуация: у меня родилась дочь, вырваться в Москву в Институт социологии для консультаций с руководителем с двумя детьми стало много сложнее, а Интернета, как ты понимаешь, тогда, увы, не было. Хотя первое – реальное отсутствие внутренней мотивированности, («зачем она нужна, эта диссертация») я думаю, было все-таки главным. Кандидатская диссертация была для меня и любовью одновременно, потому что мне очень нравился и до сих пор нравится сам процесс социологического исследования, изучения нашей многообразной и всегда удивительной социальной жизни, если говорить высокими словами, без которого практически нет социологической диссертации (я выношу за скобки работы по теоретической социологии и истории социологии, речь сейчас не о них). Я считаю его самым увлекательным в мире процессом, в деталях планируемым и одновременно непредсказуемым, нередко «опасным приключением» и всегда непреднамеренно, как подарок, дающим «радость человеческого общения», интеллектуальным предприятием и одновременно захватывающе эмоциональным.

В общем, свою кандидатскую диссертацию я защитила много позже, в 1990 году, уже в Уфе, в Башкирском государственном университете. В ту пору, это был конец 80-х, на волне перестройки у нас в Самарском госуниверситете открылся социологический факультет. Это была вторая волна открытий социологических факультетов в стране, первая касалась только Москвы и Санкт-Петербурга и была несколькими годами раньше, и я стала заведующей социологическим отделением исторического факультета (наш факультет тогда, в 1989, открылся в статусе отделения истфака). И в этой уже новой для меня ситуации моя кандидатская диссертация по статусным соображениям оказалась очень востребованной: руководство университета мне это очень доходчиво объяснило. Так все это и завертелось. Молевич Е.Ф. (опять Молевич), где-то на конференции встретившись с известным российским социологом, уфимским доктором наук, занимающимся проблемами социологии труда, Файзуллинским Фанилем Саитовичем, договорился о моей защите. Я быстро все привела в порядок, видимо,

созрела, да и диссертация моя основывалась на данных социологических исследований за 10 лет (десять исследований на предприятиях Самарской области). Диссертация Файзуллину понравилась, и я защитилась буквально за два месяца: все организационные преграды Фаниль Саитович как-то быстро преодолел. Так я стала первым в нашем городе кандидатом социологических наук: мои коллеги по лаборатории, защитившиеся раньше, имели степень кандидата философских наук по специальности «научный коммунизм»: по этому ведомству в те предшествующие годы проходила социология. Сам факт социологической, а не философской степени для меня, конечно, не имел особого значения, но для имиджа нового факультета, наверное, имел. А диссертация моя была посвящена теме влияния социально-организационных факторов промышленного предприятия на ответственное, инициативное поведение рабочих: я уже говорила, что в этот период наша лаборатория занималась исключительно проблематикой социологии труда. Я изучала влияние социально-производственного информирования и участия рабочих в управлении на их отношение к труду. Фактически эта тема была продолжением старой идеи В.А. Ядова, касающейся отношения к труду и факторов, влияющих на него, но распространенных за пределы того, что он называл «производственной ситуацией» (содержание труда, условия труда, оплата труда и т.д.). Я до сих пор считаю, что все это значимо и очень важно, и это надо делать реально, чтобы получить ответственное отношение наемных работников к своему труду – современные западные концепции управления, о которых мы узнали много позже, фактически все «настоены» на этом.

Вообще говоря, в том как происходила твоя ранняя социализация, как ты стремилась уйти от техники, технологии и, наоборот, прислониться к филологии, культуре, можно видеть предпосылки твоего интереса к качественной социологии. А что, по твоему мнению (если такое было) сыграло решающую роль в том, что в какой-то момент ты осознала: «это – мое». Когда это произошло?

Я, конечно, не могу назвать точное время: день, час, год. Но я хорошо помню, какое ошеломляющее действие на меня произвела первая в российской социологии Ядовская статья по методам качественного анализа данных, опубликованная в 1991 [6]. Гремучая смесь впечатлений: удивление, ощущение необычности, восторг, стремление сразу же повторить этот опыт. С этим ощущением чего-то абсолютно нового, и потрясающе интересного жила несколько лет. Затем в 1994

появляется знаменитая статья уважаемых мной социологов Г. Батыгина и И. Девятко «Миф о качественной социологии» [7], с основным пафосом которой «качественная социология – это миф» я принципиально не могла согласиться. Захотелось поглубже разобраться в этом, поспорить с авторами, что-то доказать самой себе и другим – я, в общем-то, страстная спорщица, может быть, ты уже успел это заметить. Мало-помалу в российской социологии начало что-то сдвигаться: возникла, долго, и страстно продолжалась в Институте социологии так называемая Q-Q дискуссия, (Quantitative – Qualitative sociology), стали проводиться первые исследования, первые конференции, первые круглые столы. И, хотя уровень этих обсуждений был разным, и не всегда меня устраивал, все же это была «живая» профессиональная жизнь с попыткой рефлексии того, что мы каждый день делали как исследователи. Потом стали появляться в Социсе статьи Натальи Никитичны Козловой, блестящего, на мой взгляд, философа, социолога, позже моей хорошей знакомой, не успевшей, к сожалению, стать мне другом. Ее статьи поражали глубиной и одновременно тонкостью анализа, исповедальностью автора, блестящим практически художественным языком, «редкой птицей» в традиционных исследованиях с их наукообразием, которое всегда рассматривалось как норма. Эти статьи, как потом и ее книги, ломали привычное, были «иноформатными», задавали ту самую высокую планку, к которой хотелось тянуться. Ее статьи так меня поразили, что свою монографию «Качественное социологическое исследование: познавательный и экзистенциальный горизонты», вышедшую много позже, в 2004 году, я посвятила ей. Очень жаль, что она не смогла этого увидеть.

Еще одна замечательная книга молодых (тогда) английских социологов мне попала к счастью, я уже говорила о ней: «Новые направления в социологической теории». Книга – бунт, протест, ярко, страстно и одновременно убедительно, теоретически основательно доказывающая необходимость принципиально по-другому изучать социальные явления, принципиально по-другому, нежели в классической, привычной нам социологии, понимать, что есть социальная реальность в целом. Эта книга сразила меня прежде всего новыми социальными теориями, новыми терминами и именами: феноменологическая социология, феноменологическая редукция, определение ситуации, смыслы, жизненный мир, понимание, Э. Гусерль, А. Шюц. и т. д. Ничего подобного я раньше не слышала и не знала: у меня ведь не было философского образования, где хотя бы в рамках критики буржуазных социальных теорий это изучали. Это был абсолютно новый для меня мир, не лег-

кий для освоения, но такой притягательный. Была и еще одна причина. Читая все это, пытаюсь пробиться сквозь тяжелые для меня слова и идеи, я вдруг поняла, что работаю в одном с сыном теоретическом поле: он у меня философ, феноменолог, к этому времени успел защитить кандидатскую диссертацию, а феноменологическая социология, как известно, одно из теоретических оснований качественного подхода: из нее он черпает свое понимание социальной реальности. Эта общее теоретическое пространство как-то грело душу: я залпом прочитала его монографию, и радовалась, что многое (правда, далеко не все) смогла понять. Сын понимал мои мучения, подсовывал мне умные философские книги, многое сам старался объяснить. В общем, у нас появилась совместная жизнь-в-изучении, как сказали бы философы, жизнь, которая мне очень нравилась.

Постепенно стали появляться переводы в журналах, начали привозиться книги западных авторов. В 2000 году нам удалось в Самаре провести замечательную Летнюю школу в рамках фонда Сороса под названием: «Методологический потенциал качественной социологии и способы его использования в социологических исследованиях». В работе этой школы приняли участие в качестве лекторов, тьюторов многие российские социологи, уже «повернувшиеся» к качественной социологии, имеющие опыт первых исследований в этой традиции: Наталия Никитична Козлова, Валерий Георгиевич Виноградский, Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова, Павел Васильевич Романов, Ирина Наумовна Тартаковская, Ольга Михайловна Маслова и т.д.

Словом, маховик принципиально иного подхода стал медленно раскручиваться в российской социологии, привлекая своей новизной, гуманитарностью и одновременно накалом страстей: разделение социологического сообщества в тот период на качественников и количественников – совсем не выдуманная штука. Мне стало страшно интересно заниматься социологией.

Похоже ты довольно скоро после появления у тебя интереса к качественным методам решила делать докторскую диссертацию по этой теме? Кто поддержал тебя именно на раннем этапе этой работы?

Никто особенно и не поддерживал. Потому что о докторской я меньше всего думала: у меня никогда не было такой цели – стать доктором наук. Просто сама собой созрела идея книги. Я так много читала разного о качественных исследованиях, и так многое из прочитанного мне не нравилось, (а что-то, напротив, восхищало), что захотелось высказаться, как-то привести

в порядок свои мысли, разложить по полочкам прочитанное, по крайней мере, попытаться это сделать, обозначить нерешенные, проблемные вопросы. Все-таки, я – педагог, захотелось студентам своим, аспирантам прежде всего рассказать внятно о сложных и очень интересных вещах. Не знаю, в какой степени мне это удалось, но я старалась. Кроме того, к тому времени у меня уже накопилось много законченных исследований, в том числе выполненных и в качественной традиции: захотелось их представить в качестве демонстрации возможностей качественной методологии. И еще, я люблю спорить, отстаивать свою точку зрения, как ты уже понял. Анализируя сейчас свою тогдашнее решение – писать книгу о качественном исследовании, я думаю, что и этот мотив был. Может быть, он не был ведущим, но был точно. В общем, идея книги созрела сама собой, мне было очень интересно ее писать: она, просто захватила меня, (помнишь, наверное, эту остроумное наблюдение: «книга его так захватила, что он захватил книгу»). Я не стала мелким воришкой, да и украсть, честно говоря, было нечего. Ну а уже после книги диссертация вылепилась довольно скоро, а затем все, как положено: совет в РГГУ под руководством Ж.Т.Тощенко, защита докторской в 2005 году [8]. В общем просто тема повела за собой, дала возможность мне высказаться о том, что я считаю интересным и важным.

Даже среди тех, с кем я проводил биографическое интервью, есть наши коллеги, работающие в парадигматике качественной социологии. Назову их: А. Н. Алексеев, Ю.М. Беспалова, В.М. Воронков, Л.Г.Ионин, Е.А. Здравомыслова, В.В. Семенова [9]. Есть ли основание говорить о том, что дискуссии о месте качественных методов в российской социологии ушли в прошлое?

Думаю, что действительно сегодня накал страстей, былая острота спора как-то утихла, все более-менее улеглось. В этом смысле, наверное, можно сказать, что Q-Q дискуссия исчерпала себя: имеющий уши да слышит. Социологи разбежались по качественной и количественной нишам, и работают себе, не задевая друг друга и не вступая в полемику. Правда, время от времени этот уже давний спор вспыхивает с новой силой, но все-таки это скорее искры уже погасшего костра, старые и вечные претензии: информанты не говорят правды, качественное исследование – это «фэнтази» исследователя, ничего общего с наукой не имеющее, и т.д. Взять, например, совсем недавнюю статью В.Шляпентоха [10] о твоих и Д.Шалина интервью с советскими социологами, опубликованную в Телескопе, и мой ответ ему [11]. И опять страсти, и опять размежевание.

Я, честно говоря, думаю, что спор этот вечен, хотя сегодня он загнан вглубь и редко выходит на публичную арену. Он вечен, хотя бы потому что во-многом экзистенциален. Кому-то ближе одно определение социальной реальности, кому-то принципиально другое. Соответственно каждая из сторон по-разному видит и предмет социологии. И... ничего страшного. Полипарадагмальность социологии – совсем не выдумка, а вполне себе реальность нашей науки. Даже у меня на кафедре есть молодые социологи, которые заявляют, что занимаются только количественными исследованиями. И я уважаю этот их выбор. Есть и те, кто работает только в качественной традиции. И это тоже нормально. Нормально – методологически однозначно определяться. Думаю, что такая ситуация складывается не только в Самарском университете. Совсем недавно я была в университете Фрайбурга: у нас с социологами этого университета совместный исследовательский проект. Наши немецкие партнеры сразу же сказали нам: работаем исключительно в классической парадигме. Вот на другой кафедре – там качественные, а мы – нет. Четко и ясно. Кстати, эти две кафедры ведут свою борьбу за студентов – немецкие студенты имеют возможность выбирать: слушать им методы классического исследования или качественного.

Сегодня набирает силу, можно сказать, даже входит в моду и так называемая «mix» методология (я ее в своей книге называю «прагматической позицией»), когда обе методологии используются в одном отдельно взятом исследовании: каждая, используя свою оптику, «работает» на свои исследовательские задачи. Правда, это не означает, что стираются принципиальные различия, полярность этих методологий. Совсем нет, все остается. Разные пространства социологии, разные «правила игры». Но возможно и сочетание разнородного.

С момента защиты докторской диссертации прошло уже много лет. В этот период ты продолжала исследования в области качественной социологии или нашла для себя новую исследовательскую нишу?

В последние годы я все больше использую «mix» технологию просто потому что ставлю такие задачи, которые невозможно изучить, используя только что-нибудь одно. Например, вот уже несколько лет подряд я занимаюсь темой, поддержанной РФФИ: «Субъективные смыслы болезни и их реализация в медицинских практиках». Эта тема – наша попытка теоретически осмыслить и эмпирически «прощупать» возможности

осуществления в России новых современных медицинских практик, которые в США и Германии, получили название «нарративной медицины». Тема для России с ее бедственным положением института медицины довольно, я бы сказала, экзотичная, невероятная. Но для исследователя – это трудная и одновременно притягательная задача. Так вот, мы сначала изучили, какими смыслами хронически больные люди (а речь идет только о хронических больных) наделяют свою болезнь: выделили 16 типов таких смыслов. Это, как ты понимаешь, был качественный этап: мы взяли 50 глубинных интервью с больными Самары. А потом с помощью полужформализованного интервью опросили, используя квотную выборку, 600 хронических больных. И это уже количественный этап нашего исследования: мы получили количественную представленность этих смыслов в различных социально-демографических группах хронических больных. И многое другое.

Примерно такое же совмещение методологий использовалось мной и при изучении переживания времени как социального феномена в современной России (исследование 2008-2010 гг.). Здесь переживание времени в соответствии с феноменологической традицией рассматривалось как надделение времени и его составляющих: прошлого, настоящего и будущего определенными смыслами.

В прошлом году мы закончили исследование совместно с немецкими коллегами из Фрайбурга, прекрасного университетского городка на юге Германии, известного своими феноменологическими традициями: в университете Фрайбурга преподавали Э. Гуссерль и его ученик М. Хайдеггер. Мы занимались темой ближней и дальней солидарности в терминологии руководителя немецкой части нашего исследования профессора Б. Блинкерта. Это было полностью количественное исследование. Мне очень понравилось, как тщательно и, я бы сказала, любовно немецкие социологи подходили к разработке инструмента, отдельных шкал, подбору индикаторов к ним, формулировке вопросов – ты ведь, знаешь, как это особенно важно в кросскультурных исследованиях. Я, занимаясь качественными исследованиями, как-то поотвыкла от такой работы. Можно сказать, это исследование вернуло меня в молодость, когда мы все так и делали или, по крайней мере, старались делать. В общем, было очень здорово рядом с ними работать.

В последнее время мне очень интересна активистская методология, исследование типа «action research». Но пока здесь больше вопросов, чем ответов. Читаю, пытаюсь разобраться. На русском – практически ничего нет.

Уже многие годы ты являешься профессором Социологический факультет Самарского государственного университета. Пожалуй-та, расскажи о факультете, кафедре, которую ты возглавляешь, и курсах, которые ты ведешь?

Да, с 1989 года, когда в Самарском госуниверситете был создан социологический факультет в рамках создания в стране социологического образования, я работаю на факультете. Четыре первых года существования нашего факультета я была его деканом, хотя формально моя должность называлась «заведующая социологическим отделением исторического факультета», затем много лет – доцентом кафедры социологии и политологии, а последнее время – уже шесть лет руковожу кафедрой методологии социологических и маркетинговых исследований. Что можно сказать о нашем факультете? Прежде всего, как мне кажется, наш факультет имеет свое собственное лицо, он не похож на многие другие социологические факультеты страны. В чем выражается эта «непохожесть»? Так получилось, что первыми преподавателями факультета стали сотрудники нашей социологической лаборатории (в 1979 году вслед за Молевичем Е.Ф. лаборатория в полном составе перешла из Политехнического в Самарский государственный университет), лаборатории, как мы сейчас говорим, первой в Самаре, первой в Поволжье. Преподавать начали исследователи с многолетним исследовательским стажем. Им (нам) не надо было учить студентов исследовательским процедурам по книжкам – тысячу раз они (мы) все это делали сами. Я бы сказала, что у нашего факультета возникло, образовалось такое вот «эмпирическое» лицо. Это означает, что эмпирическим процедурам социологии у нас уделяется особенное внимание. Так, находя всевозможные лазейки в учебном плане специальности, мы придумали так называемый Большой Социологический Практикум, когда студенты дважды на 3 и 4 курсах от начала до конца проводят социологические исследования под присмотром преподавателя – супервайзера. Дело в том, что учебный план специальности предусматривает, конечно, Лабораторные занятия по методике и технике социологического исследования, но в отрыве от конкретного исследования, и дискретно, фрагментарно. То есть, сегодня, господа студенты, займемся выборкой, завтра – измерительными процедурами, послезавтра – методом наблюдения и т. д. Целостного представления об исследовании, когда надо выбирать соответствующую методологию и методы, адекватные исследовательским задачам, собирать информацию, умно ее обрабатывать, квалифицированно писать отчет по результатам исследования,

словом, представления об исследовании как сложном и увлекательном процессе студенты, конечно, при таком раскладе не получают. Вот своим «ноу-хау» – Большим Социологическим Практикумом (БСП) мы хотели ликвидировать этот пробел государственного стандарта. Нужно еще сказать, что БСП проводится не как традиционная практика во внеучебное время и, как правило, вне стен вуза. Смысл как раз в том, чтобы занятия были вставлены в расписание, проводились в аудитории, где под руководством преподавателя, что называется «из рук в руки» передавалось мастерство. Конечно, много работы по исследованию осуществляется вне стен вуза – сбор первичной информации, ее обработка, написание отчета. При этом практически параллельно в аудитории идет обсуждение сделанного, студенты получают навыки критики и одновременно навыки терпения к критике (а с терпением – всегда проблемы), учатся работать на коллективный результат, и самое главное, приобретают вкус к исследованию, им начинает нравиться этот процесс. Я очень люблю БСП, люблю, когда «горят» глаза, жаль, в последнее время из-за перегрузки не удается вести его. Конечно, сегодня все меньше остается на факультете тех первых преподавателей – исследователей: время делает свое дело. Но остаются их ученики: около 80% преподавателей факультета – наши выпускники. Думаю, это здорово.

Моя кафедра, созданная относительно недавно, как раз и отвечает за исследовательский потенциал наших студентов. Скажу сразу, это не очень легкая задача, хотя бы потому что научить науке, ее процедурам всех, а у нас много коммерческих студентов, в массе своей не имеющих навыков учения (школьные троечники), очень непросто. Да и мотивация подкачивает: не знают, зачем пришли, что им вообще в жизни надо. Конечно, мотивация подкачивает не только у коммерческих студентов, но таких бюджетников спасает привычка учиться, навыки учения, полученные в школе, общая эрудиция. Конечно, оговорюсь, это тенденция. Есть замечательные коммерческие студенты, но, к сожалению, единицы. Беда, я считаю, еще и в том, что исследовательские навыки, полученные на наших предметах, за редким исключением не поддерживаются при чтении курсов по отраслевым социологиям: социологии труда, социологии политики, социологии образования и т. д. Я понимаю коллег – им надо, чтобы студенты разбирались в содержательных проблемах этих дисциплин, и это, наверное, правильно. Но навыки исследования, не повторенные многократно, забываются, даже если они были достаточно хорошо сформированы, вот в чем проблема. Да и история социологии в вузах подается как история идей, концепций и совершенно не

затрагивается методологический аспект творчества великих. Наверное, это трудно, для этого надо быть социологом, а не историком: не секрет, что сегодня в российских вузах историю социологии чаще всего преподают историки. Но мне кажется выделение методологических граней творчества выдающихся социологов – единственный путь превращения истории социологии не в музей, не в «факультет ненужных вещей», знание которых, конечно, формирует эрудицию, но практически ничего не дает социологу-исследователю. Творчество того или иного социолога, попавшего в историю социологии, в ее анналы, сегодня может быть интересно и востребовано прежде всего как методологический подход к изучению сегодняшних социальных явлений. Повторюсь, наверное, это трудно, но все же думаю необходимо.

Ты спрашиваешь, какие курсы я читаю. Для студентов-специалистов читаю как раз основные курсы нашей кафедры: «Методы и техники социологического исследования», «Методология качественного исследования», иногда спецкурс по маркетинговому исследованию. Для магистров читаю «Методологию социологического познания», «Проблемы современной социологии», веду с магистрами так называемый Исследовательский Семинар. Курс «Методология качественного исследования» только сейчас вошел в новый стандарт для подготовки бакалавров – страна переходит на двухзвенную систему высшего образования, ты, наверное, слышал об этом. А у нас этот курс читается уже 5 лет – опять нашли лазейку в учебном плане. Вот так и живем.

В силу специфики моих научных интересов задам два вопроса: читаются ли вашим студентам курсы по методологии изучения общественного мнения и по истории российской социологии, в том числе – современной?

Курс по методологии исследования общественного мнения, конечно, читается, – он в обязательном порядке входит в учебный план нашей дисциплины. А вот по истории российской социологии, а тем более советской – нет, к сожалению. Конечно, кусочек по истории российской дореволюционной социологии входит в общий курс, но это так, очень и очень бегло. Курс истории социологии ориентирован прежде всего на изучение западной социологии, что, наверное, и правильно: социология, как не крути, западное изобретение. Здесь другая беда: в учебном плане практически нет места современным западным социальным теориям. На мой взгляд, это очень плохо. Только учебный план магистратуры предполагает знакомство с сов-

ременными социологическими теориями. Поздновато как-то. Наши студенты, конечно, кое-что знают об этом: есть у нас увлеченные преподаватели, знатоки современной социальной теории. Но знают все-таки фрагментарно, урывками. Полноценного курса, увы, нет. И, я считаю, что это очень плохо. Вот так и живем.

Сколько студентов ежегодно заканчивает ваш факультет? Неужели все они находят работу по специальности?

В последние годы мы выпускали очень большое число социологов: порядка 80-90 человек. Большинство из них – коммерческие студенты: государство субсидирует всего одну группу – 25 человек. Это так называемые бюджетники, которые поступают к нам по итогам сдачи ЕГЭ. Коммерческие студенты поступают к нам по итогам собеседования, которое, сам понимаешь, как проводится, когда вуз нуждается в деньгах. Куда они все идут после окончания нашего факультета? Конечно, собственно по специальности, устраивается небольшая часть, хотя как понимать это устройство по специальности. Небольшая часть востребована Центрами по изучению общественного мнения, маркетинговыми агентствами – их в Самаре немного. Востребованы наши студенты маркетинговыми отделами различных фирм: там за нашими студентами охотятся, приходят на защиту дипломов, охотно берут на практику с дальним прицелом и т.д. Почему это так? Просто наши студенты знают не только практический маркетинг, это знают студенты любых экономических вузов, специализирующихся на маркетинге. Социологи умеют проводить маркетинговые исследования, что сегодня становится все больше и больше востребованным: худобно, но рыночные отношения в России пробивают себе дорогу в экономике. Какая-то часть выпускников устраивается в качестве бизнес-аналитиков, прежде всего те, кто хорошо владеет навыками компьютерной обработки и анализа данных. То есть, сегодня в большей степени востребована такая практически ориентированная социология и социологи, владеющие навыками проведения маркетинговых исследований, компьютерной обработки любых данных. Значительная часть выпускников уходит в смежные специальности: в менеджеры всех мастей, в сферу управления персоналом на предприятиях, в рекрутинговые фирмы, которых тоже у нас в Самаре становится достаточно много. Очень небольшая часть студентов идет в некоммерческие общественные организации, реализуют различные социальные проекты. Единицы, лучшие, идут в аспирантуру. Кстати сказать, у нас в последние годы спрос

на аспирантуру растет, а число государственных (бесплатных) мест резко сокращается: по многим гуманитарным специальностям таких мест нет вообще, по крайней мере, у нас в университете. Социология, хотя и в усеченном варианте, пока еще держится – так странно наша власть реализует заявленный курс страны на технические инновации. Печальные последствия этой недалековидной политики, на мой взгляд, не за горами. Вот такие дела.

Заканчивая нашу беседу, попрошу тебя, если это возможно, обозначить положительные и негативные тренды в российской социологии, наблюдаемые, ощущаемые тобою в последние годы.

Попробую начать с негативных. Несколько лет назад в российской социологии активно и заинтересованно обсуждался проект публичной социологии, – тема, брошенная Майклом Буравым. Публичность здесь понимается в самом широком смысле: это и «работа» не только на коллег по цеху, но и на «человека с улицы» по выражению А.Шюца, когда социология пытается помочь такому человеку ориентироваться в сложном и запутанном современном социальном мире, в определенной мере отнимая хлеб у не вылезавших с экрана журналистов, экономистов, политологов и прочих экспертов. Это и формирование «повестки дня», когда темы для публичного обсуждения инициируются, вбрасываются в публичное пространство, конструируются социологами. Это и участие социологов в публичных акциях. Но... воз и ныне там: на публичных площадках России социологов не видно. Мы практически не пишем в газеты, не выступаем на экранах. Исключение составляют лишь социологи Левада-Центра, (я имею в виду Б.Дубина, Л.Гудкова, А.Левинсона), блестящие статьи которых время от времени появляются на страницах Новой Газеты. Да и в современных российских акциях протеста социологи не «засветились» ни как публичные аналитики, ни как лидеры. Не хочу бросать камни в коллег, сама принадлежу, как ты понимаешь, к этому сообществу. Понимаю, что публичное пространство России в последние годы практически зачищено, и допуска туда нет, и все же... Много думаю об этом, пыталась задавать этот вопрос: «Почему на публичных аренах нет социологов?» коллегам на социологических тусовках. Получала разные ответы вроде: «социолог – зависимый человек, ему нельзя»; «просто пока не нашелся такой человек»; «не хватает талантливых людей среди социологов»; «а зачем», и т.д. В общем, внятного ответа на этот вопрос у меня пока так и нет.

Еще один, на мой взгляд, не очень веселый тренд, хотя он и касается не самой социологии, а скорее ее бытования в российском социуме. Тренд в определенной степени закономерный. Российские социологи все больше востребованы в отечестве как прикладники, как специалисты в области маркетинговых исследований, нежели как собственно социологи, теоретики, аналитики, и даже исследователи общественного мнения. Ну, с последней ролью все понятно: общественное мнение сегодня мало волнует власти разных уровней, как, впрочем, никогда по большому счету и не волновало. Ничего плохого я не вижу и в увеличении спроса на маркетинговые исследования: не отношу себя к тем знакомым мне социологам-ученым, которые презрительно называют их «колбасными» или «макаронными» исследованиями в зависимости от своих вкусовых предпочтений. Плохое – в другом: студенты-социологи, как мне кажется, все больше ассоциируют профессию социолога с деятельностью маркетолога-аналитика, не утруждая себя интересом к социологической теории, к исследованию собственно социальных проблем, которым несть числа в российском обществе. Но тогда кто же ими будет заниматься? Понятно, что это вопрос очень сложный, в котором многое сплетается: и отсутствующий запрос власти на изучение этих самых социальных проблем, и понятное стремление молодых людей обеспечить себе и своей семье приемлемый уровень жизни, и отсутствие (или, может быть, нехватка) социологов-преподавателей, способных «захватить», увлечь студентов своим собственным интересом к социальной теории или к исследованию той или иной социальной проблемы. Сюда же, в этот клубок причин можно добавить и низкий уровень гражданского самосознания студентов – социологов, их аполитичность: как показывают мои наблюдения, студенты – социологи, по крайней мере, нашего вуза, в массе своей практически не интересуются теми общественными процессами, которые происходят в стране, в их городе. В лучшем случае, они просто учатся, многие, совмещая это с работой, в худшем – и этого не делают. Т. е. преобладает такой, я бы сказала, прагматически-инструментальный подход у тех, повторяюсь, кто все-таки учится. Наверное, это скорее плохо, чем хорошо, если воспользоваться нашим любимым клише. В этом случае, подготовка социолога, практически ничем не отличается от подготовки любого инженера. Хотя должна отличаться принципиально: социолог, все-таки, человек – не равнодушный к тому что происходит вокруг, он, не побоюсь пафоса, все-таки должен осознавать свою миссию, свои возможности влияния на осознание людьми тех или иных социальных проблем, а может быть, и на их решение.

Еще один тренд, на мой взгляд, связан с ослаблением интереса к методологии социологического исследования, к рефлексии по поводу методов. Посмотрите ведущие наши социологические журналы: почти нет статей об этом. Но самое страшное, пожалуй, даже не в этом. Беда в том, что в практике социологических исследований вот этой методической стороне уделяется все меньшее и меньшее внимание, инструмент делается по большей части по принципу «тяп-ляп», «быстрее-быстрее». Я думаю, что это размывание методических принципов, небрежное отношение к инструменту идет отчасти из индустрии маркетинговых исследований, в которую в период острой потребности в них, а это период середины-конца 90-х (в столице раньше, в регионах позже) за редким исключением пришли непрофессионалы: вузы только-только начинали готовить социологов. Я вижу, как многие маркетинговые исследования, в которых на правах интервьюеров участвуют наши студенты, просто ломают их представления о методических правилах разработки инструмента (анкеты, бланка формализованного интервью), которые мы пытаемся им внушить, идут вразрез с ними. И дело не в том, что «живое» исследование всегда отличается от методически правильного. Просто, и ты это знаешь хорошо, несоблюдение основных методических идей, тысячу раз доказанных и проверенных в экспериментах, всегда чревато снижением качества полученного результата. Известно ведь, что бог знает как спросил, и бог знает что получил. Какая уж тут достоверность, какая правда... Я уже говорила, кажется, что в этом плане мне очень понравилось работать с социологами из Фрайбурга: как трепетно, а бы сказала, они отрабатывали формулировки вопросов, композицию анкеты, постоянно пилотировали, исправляли.

Косвенное влияние на эту ситуацию оказывает и, на мой взгляд, распространение качественных исследований в российской социологии. Известно ведь, что качественные интервью, мягкие, гибкие – глубинное, фокус-групповое, я уж не говорю о нарративном, где исследователя вообще мало, не требуют такой отработки формулировок вопросов, жесткой композиции, переходов, фильтров и много чего еще, что напридумывала классическая традиция социологического исследования в безуспешной погоне за достоверностью своих выводов. Привыкая не думать об этом в качественных исследованиях, социологи часто не делают этого и в классических.

Но хватит негатива. Думаю, есть и положительные тренды. Главное все-таки в том, что конкурсы на социологические факультеты страны продолжают оставаться высокими, и в наших аудиториях встречаются «девушки с горящими глазами»

(увы, юношей значительно меньше), с огромным желанием учиться, умные, думающие, задающие вопросы, и ...это самое важное и вдохновляющее.

Примечания

1. Готлиб А.С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Изд-во «Универс-групп». 2004.
2. Тукумцев Б.Г.: «То, что я оказался в социологии, связано со счастливой случайностью и с моим интересом к проблемам управления» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 5. С. 11-23; http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/Publications/tom_2_2_9.pdf.
3. Новые направления в социологической теории. М: Прогресс, 1978.
4. Strauss A. Qualitative analysis for social scientists. Cambridge: University Press, 1989.
5. Готлиб А. С. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. Самара: Самарский университет, 2002.
6. Ядов В. А. Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология: 4М. 1991. № 1. С. 14–31.
7. Батыгин Г.С., Десятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28-42.
8. Готлиб А.С. Качественная методология социологического исследования: исследовательские стратегии, экзистенциальный потенциал. Автореферат на соискание ученой степени доктора социологических наук. М, 2005.
9. Докторов Б. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. [Электронное издание]. Том 2. М.: ЦСПиМ. 2012; http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/htm/menu.htm.
10. Шляпентох В. Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 4. С. 25-27.
11. Готлиб А. Качественная методология, исторический нарратив или можно ли написать историю советской социологии с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 1. С. 13-16.

Зборовский Г.Е., доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. Б.Н.Ельцина (Екатеринбург). Основные области исследования: теория и история социологии, методология эмпирических социологических исследований, социология образования и досуга, теоретические и эмпирические исследования социальных общностей. Интервью состоялось весной 2013 г.

**Зборовский Г.Е.:
«Я ОЩУЩАЮ СЕБЯ
В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ
ПРОФЕССОРОМ»***

В моей стратификации поколений советских/российских социологов Гарольд Ефимович Зборовский (1938 г.рожд.) относится к старшей части третьей профессиональной когорты, и его приход в социологию – яркий пример синтеза путей, которыми шли представители его поколения и предыдущего, второго. С социологами третьего поколения его роднит среда социализации, траектория его погружения в науку характерна для социологов второй страты. Он – ученик, последователь тех, с кого начинался современный этап российской социологии.

В своей научной деятельности Зборовскому удалось соединить и проявить свой постоянный интерес к истории и философии; в центре

* Зборовский Г.Е.: «Я ощущаю себя в первую очередь профессором» / Социология: современность и перспективы. Сборник научных статей. Уральский федеральный университет им. Б.Н.Ельцина. Екатеринбург: 2013

его внимания уже многие годы находятся теоретические проблемы нашей науки и ее история. Нечастое, но естественное соединение. Кроме того, он не отошел от того, с чего начал свою карьеру – «учительство». Более того, в преподавании он видит главную цель своей деятельности.

Гарольд, в Вашей краткой сетевой биографии указывается, что Вы родились в Баку. В этом городе давно жили ваши предки или судьба забросила туда ваших родителей? Вообще, пожалуйста, расскажите о Вашей родительской семье. Я заметил, у людей, имеющих историческое образование, это хорошо получается. И еще, какова история Вашего нечастого имени? Не Вы первый, кому я задаю такой вопрос. Я спрашивал Ж.Т. Тощенко о происхождении его имени Жан и Б.Г.Тукумцева о его имени – Будимир Гвидонович.

Я родился в Баку 17 сентября 1938 г. в семье служащих. Папа работал бухгалтером, мама – машинисткой. Насколько я помню из рассказов родителей, особенно мамы (она намного пережила папу, он умер в 1964 г., а она – в 2002 г.), в Баку они оказались потому, что там жили родители и родственники папы, и они могли помочь на первых порах молодой семье. До Баку родители жили на Украине в маленьких городках Гайсине и Тетиеве, в этом смысле они были самыми настоящими местечковыми евреями. Мой единственный брат (ему недавно исполнилось 80 лет) родился в Крыму (Евпатории), он живет в Уфе. Видимо, жизнь в Крыму была непростой, и родители вскоре переехали в Баку.

Сразу о своем имени, его историю мне рассказала мама. У нее была любимая подруга, армянка, у которой родился на полгода раньше, чем я, сын. Мальчика называли Гарик. Маме он очень нравился, и она договорилась с папой, что если родится мальчик, они его тоже так назовут. Папа был не против. Когда я появился на свет, меня называли Гариком. Но когда родители пришли в ЗАГС меня регистрировать, инспектор стала их всячески отговаривать от этого имени. Главный аргумент был такой: пока мальчик маленький, это имя звучит хорошо, но когда он вырастет, его должны будут называть Гарик Ефимович. Хорошо ли это будет для него? Родители растерялись, и она им предложила модное в то время имя Гарольд (Гарольд Ллойд и пр.), при этом она их убедила, что сочетание «Гарольд Ефимович» очень звучное и красивое. Так я стал обладателем этого сочетания. Естественно, дома меня все всегда звали Гариком, и сейчас брат зовет также. Справедливости ради скажу, что мне до самого зрелого возраста взрослое имя мое не нравилось, равно как и детское. Когда я поступил в университет, то на-

звался Игорем. И те, кто учился со мной и все еще жив, до сих пор так меня и зовут, а когда по телевидению и радио (мне нередко приходится выступать с какими-либо комментариями, особенно по «Эхо Москвы») слышат подлинное имя, страшно удивляются, даже звонят и говорят об этом. Кстати, мое трудное имя очень легко научились менять школьники: первые четыре года после университета я учительствовал в школе, преподавал историю, и дети меня звали «Король Ефимыч» (похоже, я для них действительно был королем: ходил с ними в турпоходы, играл в шахматы, баскетбол, настольный теннис, вел хор, конечно, исторический кружок и делал много всякого другого, поэтому авторитет был непререкаемым, и учились дети хорошо, а про дисциплину и говорить не приходилось). Такова история моего имени.

Теперь о родителях. Папа, несмотря на то, что имел только среднее образование (10 классов) и инвалидность «пятой группы» (это означает пятую графу в анкете – национальность), быстро продвигался по служебной лестнице, становился старшим и главным бухгалтером (в частности, на заводе Паркомумы в Баку). Видимо, он был способным специалистом, вводил механизацию в бухучете и еще делал что-то такое, в чем я не разбираюсь. В 1948 г. семья переехала в Одессу, где вскоре отец стал главным бухгалтером Черноморского пароходства. В Одессе мы прожили всего четыре года, и в 1952 г. переехали на Урал, в Уфу. Причины этого переезда мне рассказал папа незадолго до своей смерти (он умирал мучительно, от рака желудка, и я целое лето просидел у его постели; когда он не чувствовал сильных болей, то кое-что мне рассказывал). Эти причины были связаны с известным «делом врачей», к которому, конечно, он не имел никакого отношения, но был евреем. Когда в Одессе начались эти события, папа был в командировке в Москве и сдавал какой-то отчет о работе пароходства министру финансов Звереву. Тот лично знал отца, очень высоко его ценил, поскольку он одним из первых в стране вводил механизацию счетного дела (папа даже получал от него конверты с деньгами – персональную министерскую зарплату или надбавку, не знаю, как правильнее сказать). Зверев спросил отца, понимает ли он, что происходит, и как видит для себя лично последствия этого «дела», на что папа ему сказал, что, конечно, все понимает и уверен, что будет снят с работы, как минимум, а возможно, произойдет что-либо похуже... Тогда министр тут же предложил ему написать заявление начальнику пароходства с просьбой о разрешении перевода на другую работу, в г.Уфу. В то время там строились очень крупные нефтехимические заводы. Министр предложил папе стать

гл. бухгалтером строительства и эксплуатации одного из них с получением в течение двух месяцев квартиры и последующим переездом туда семьи. Папа, не раздумывая, согласился, министр подписал его заявление и послал его правительственной телеграммой в Одессу. На следующий день папа вылетел из Москвы в Уфу, «принял» завод, а через 1-2 месяца приехал в Одессу за нами.

Мама всю жизнь, вплоть до пенсии, проработала машинисткой – сначала рядовой, а последние лет 15 – начальником машбюро. Когда-то это была очень нужная и популярная профессия, впрочем, она давно исчезла. Особенно ценились грамотные машинистки, за них всегда шла борьба. Мама была очень грамотной и, насколько я помню, пользовалась большим уважением в коллективе.

Где прошли Ваши школьные годы? Чем запомнилось Вам то время? Каковы были Ваши интересы?

Учился я в школах Баку, Одессы и Уфы, причем в каждом городе занимался одновременно в двух школах – обычной и музыкальной, по классу скрипки. В Уфе, закончив музыкальную семилетку, параллельно с общеобразовательной школой я учился и в музучилище. Летом, в каникулы, работал скрипачом в оркестре кинотеатра «Победа». Помните советские кинотеатры 1950-1960-х гг. в крупных городах, где в течение получаса перед вечерними сеансами оркестры исполняли популярную музыку? Я получал большое удовольствие и осваивал практику игры «с листа». Потом она меня сильно выручила, когда я после окончания школы и училища в 1955 г. приехал в Свердловск, чтобы поступать в университет. Через год, обучаясь в университете на истфаке, я устроился работать в эстрадно-симфонический оркестр, победив в конкуренции с более сильными по технике скрипачами за счет именно навыков игры «с листа».

Школьный период жизни оказался крайне важным для меня. Учеба в двух школах, любовь к спорту, особенно к баскетболу и шахматам, заставили меня ценить время и рационально использовать его. Думаю, что первая в социологии моя научная страсть и интерес – сначала к свободному времени, а затем и к социальному времени – коренятся в школьном детстве. Я буквально кожей чувствовал время, без часов на руке днем я определял время с точностью до 10-15 мин., а ночью – до 30 мин. (специально многократно проверял). Мои школы – обычная и музыкальная, а потом и музучилище – как правило, находились далеко друг от друга, что усложняло и без

того непростую жизнь. А ведь помимо уроков в них, нужно было дома играть на скрипке часа по 2-3 в день и еще выполнять школьные домашние задания. Пишу обо всем этом, вспоминаю и думаю, неужели сейчас я выдержал бы такой напряженный ритм. А ведь была еще масса других интересов: книги (которые я безумно любил читать и поглощал их залпом), баскетбол (за который мне изрядно доставалось от родителей и от педагогов по скрипке, руки-то грубели от мяча), шахматные турниры, из которых я не вылезал (в десятом классе у меня был первый разряд, что по тем временам было нечасто)... В 8 классе появилась первая любовь, до сих пор помню Маринку Корсунскую, которой я предложил дружбу, она сразу согласилась, а потом мы смотреть боялись друг на друга, так все это было трепетно.

Дважды школа была для меня настоящей школой жизни: первый раз, когда учился в ней, а второй – когда после окончания университета четыре года работал учителем истории. Вообще о школе могу говорить бесконечно, боюсь только, все это займет слишком много места. Совсем не затронул вопрос об учителях. Очень коротко: своих учителей в Баку (с 1 по 4 класс) и Одессе (с 5 по 7 класс) совсем не помню, никого. Зато учителей уфимской, точнее черниковской школы №26 (Черниковск – это был промышленный город, по существу район Уфы в 20 км. от нее, сейчас это просто Орджоникидзевский район Уфы) помню прекрасно, а с одним из них дружил после школы лет 15, до самой его смерти.

Мои респонденты, которые немного старше Вас, помнят свои первые впечатления о смерти Сталина. Что у вас по этому поводу сохранилось в памяти?

Я думаю, что мои воспоминания о смерти Сталина мало отличаются от воспоминаний моих сверстников. Тогда я учился в 8 классе. В день смерти Сталина нас всех – учащихся второй смены школы – построили в зале, учителя плакали, директриса тоже. Сквозь слезы она объявила нам о его смерти и сказала, что мы теперь должны еще лучше учиться, и это будет ему лучшей памятью. Хорошо помню, что я не плакал, а просто стоял и смотрел. Девчонки плакали все, мальчишки – почти никто. А потом мы даже об этом и не говорили. Были другие интересы и занятия. Но в этот день мы никуда не ходили. Дома мама спрашивала отца, что же теперь будет с нами. Их разговора на эту тему я не помню, скорее всего, даже не слышал. Все последующие разговоры о Сталине и обсуждения были уже в университете, куда я поступил в 1955 г.

Вы жили в Уфе, крупном промышленном городе, и был бы естественным Ваш выбор какой-либо технической профессии; откуда такой интерес к истории, что Вы решили поступать на исторический факультет? Как Вам виделась тогда Ваша будущая работа?

Мой выбор профессии никак не был связан с особенностями города, его промышленно-технического профиля. Я изначально был предрасположен к гуманитарному, точнее социогуманитарному знанию. Не могу сказать, что безумно любил историю, скорее отдавал предпочтение литературе, очень интересовался географией (экономической). Сейчас, по прошествии почти 60 лет, думаю, что главным был интерес к социальной и даже к политической проблематике. Кроме того, я ведь был еще и музыкантом по профессии. Главный выбор был между университетом и консерваторией. Тогда, а мне еще не было и 17 (я поступал в вуз за несколько месяцев до этого возраста), я понял, что приличного скрипача из меня не получится, и даже закончив консерваторию, я буду сидеть в оркестровой яме, чего мне очень не хотелось. И выбор был сделан в пользу университета. Дома мне пришлось выдержать настоящий бой с отцом, который был категорически против гуманитарного образования и настаивал на том, чтобы я, во-первых, не уезжал из Уфы, а, во-вторых, поступал в нефтяной институт. Поскольку он был главбухом крупнейшего нефтеперерабатывающего завода, у него были тесные связи с руководством этого вуза, которому завод помогал, брал на практику студентов, выпускников и т.д. Папа гарантировал мне поступление в этот институт, при этом он был не уверен в том, что в Свердловске я поступлю в университет. Конкурсы были очень большие. На истфак, когда я поступал, конкурс составлял 12 человек на место, а проходной бал оказался предельно высоким – 25, мы сдавали 5 экзаменов. Кроме того, был еще один работавший против моей поездки в Свердловск аргумент; я был евреем, на истфаке в те годы – явление крайне редкое. Папа меня об этом предупреждал, и здесь он чуть было не оказался прав: при поступлении, точнее при сдаче экзамена я впервые столкнулся с откровенным антисемитизмом; чего потом в моей жизни, к счастью, было не так много. Я сдавал последний экзамен по географии, до этого у меня были четыре пятерки. Отвечал я на «отлично», что отметил преподаватель. Он сказал, что ответ абсолютно пятерочный, открыл экзаменационный лист, чтобы поставить оценку, прочел вслух фамилию, имя и отчество, посмотрел на меня и спросил, кто я по национальности. Естественно, я мог соврать, но не стал этого делать, и сказал как есть. И в ответ услышал: «Тогда я вас буду спрашивать еще».

Он мне задал очень много вопросов, сложных, рассчитанных на знание каких-то мелких фактов. Я удивляюсь до сих пор, что ответил на все его вопросы. Конечно, он мог поставить мне любой бал, ведь контроля не было никакого. И для меня было просто удивительно, что длившаяся целый час экзекуция завершилась все-таки отличной оценкой. Так я оказался студентом истфака.

Но на этом я не успокоился, мне хотелось узнать что-нибудь конкретное про консерваторию, про класс скрипки. И тут произошло то, что, по-моему, в советские годы по определению произойти не могло. В приемной комиссии меня тщательно выспросили обо всем. Оказалось, что по классу скрипки в консерватории в том году был недобор. Меня отвели в учебный класс, вызвали какого-то преподавателя, дали инструмент, время (где-то около часа) на его «освоение» и попросили в присутствии педагога что-либо сыграть. Я сыграл первую часть концерта Мендельсона, по-моему, даже не до конца. Они меня прервали, пошутукали, попросили посидеть в классе и не уходить никуда. Потом пришли и предложили мне забрать документы из университета и стать студентом 1 курса консерватории. Я сказал, что документы забирать не буду. Потом они еще куда-то ходили, попросили снять у нотариуса копии моих документов, которые в университете мне не хотели давать. Потом звонили из консерватории в университет. В общем, была целая история, результатом которой оказалось зачисление меня на первый курс консерватории, правда, без стипендии.

Так я стал студентом двух вузов. Но, как говорят, недолго музыка играла, а в этом случае не только в переносном, но и в прямом смысле слова. К концу семестра я понял, что не сумею так учиться. Времени катастрофически не хватало, на скрипке, которую я привез из дома (после поступления я уехал домой до 1 сентября), нужно было играть по 6 часов в день. Это было практически невозможно. До сих пор помню, я учился в классе проф. Затуловского, что мне дали в качестве программной вещи «Вечное движение» Паганини – произведение сложнее для студента первого курса. Оно оказалось для меня неподъемным, так что из консерватории я ушел.

Что касается моих представлений о будущей работе именно в тот период, когда я поступал, то, насколько я помню, они были очень неопределенными и размытыми. Интересовала сама учеба. Четко помню, что о науке, об исторических исследованиях я даже не задумывался. Наиболее вероятной перспективой была профессия учителя истории. И здесь я перейду сразу к ответу на следующий вопрос.

В студенческие годы какие области истории Вас особенно привлекали? Повезло ли Вам с преподавателями? Мне кажется, что в годы Вашего студенчества история была очень идеологизирована, так ли это?

Вы знаете, ни одна из областей истории не вызывала у меня особого интереса. Его вызывали скорее отдельные преподаватели. Среди них я бы выделил в первую очередь выдающегося византиниста профессора М.Я. Сюзюмова, который свободно владел шестью иностранными языками, перевел целый ряд важнейших источников, касавшихся экономической жизни Византии во времена Юстиниана, Феодоры и других. Вот уж кто был напичкан знаниями. Его можно было слушать бесконечно, хотя он не был оратором. Говорил тихо, повторяя многие фразы, тряс при этом головой. Любили его слушать немногие. Он читал лекции в длинной аудитории (студенты ее называли «кишкой»), кто хотел слушать, садились за первые столы. Остальные могли играть в шахматы, в карты, болтать, вязать, делать что угодно, он ни на кого не обращал внимания. Иногда он мог перейти с русского на латынь или греческий, и когда студенты ему робко говорили о том, что им непонятно, он обычно отвечал, что «вы все равно ничего не поймете». Потом Сюзюмов пригласил меня к себе в аспирантуру, но я уже сделал другой выбор – в пользу социологии (1963 г.).

Могу отметить смешной эпизод, связанный в моей жизни с его именем. Когда я в апреле 1965 г. защищал кандидатскую диссертацию в Уральском госуниверситете (по критике буржуазной социологии досуга), он был членом диссертационного Совета. Тогда в него входили представители многих гуманитарных специальностей, в том числе и историки. Едва на заседании Совета началась неофициальная часть дискуссии по моей диссертации, он первым попросил слова, что вызвало у членов Совета удивление: что Сюзюмов понимает в социологии вообще, в зарубежной – в особенности? Еще больше удивления и настороженности вызвала его первая фраза, которую я хорошо запомнил: «Мне очень жаль, что мой уважаемый ученик пошел по неправильному пути». Все, а я первый, ожидали услышать анализ и критику работы. Но вместо этого он стал говорить о том, что неправильный путь – это выбор социологической, а не исторической темы, а затем в течение нескольких минут, уже под улыбки, а затем и откровенный смех, говорил о том, какой бы из меня получился прекрасный ученый историк.

Если же продолжать разговор о преподавателях, которые оказали на меня самое сильное, если не решающее, влияние в

выборе дальнейшего пути, то абсолютно однозначно, не колеблясь ни минуты, должен сказать, что это был Лев Наумович Коган. Он преподавал у нас и диамат, и истмат, и историю философии. Лекции читал он просто великолепно. В них и в него самого мы все были просто влюблены (о его роли в моей жизни я еще скажу дальше). И хотя это были лекции по философии, а не по социологии (тогда, в 1956-1958 гг., этого слова мы даже не знали), сам его подход к анализу общественных явлений и процессов был по духу своему скорее социологическим. Конечно, вряд ли тогда это осознавалось в полной мере даже им самим. Я бы сказал, что лекции Когана были не просто содержательными и очень четкими по позициям, но эффектными, яркими, даже красивыми. Те, кто слушал его и знал манеру его выступлений, помнит, каким он был блестящим оратором.

И здесь нужно специально остановиться на вопросе об идеологизированности учебного процесса. Конечно, это так. Даже у Сюзюмова на первом месте стояло знание Маркса. Помню, что на втором курсе писал у него курсовую на тему «Суд над Яном Гусом на Констанцком соборе». Работа писалась мной исключительно на латинских, немецких и чешских источниках, которые я сам же и переводил. Сюзюмов очень высоко оценил работу, отметил ее исследовательский характер, но поставил четверку, а не пятерку, – за то, что я не использовал «Хронологические выписки» Маркса, в которых у последнего содержались оценки гуситского движения. Конечно же, не могло не быть идеологизированным и преподавание Л.Н.Когана.

Это было время, когда любая лекция и любая статья (не говоря уже о книгах) начиналась и завершалась ссылками на партийные документы, работы Маркса, Энгельса, Ленина и до 1956 г. – Сталина. Идеологизированной была не только история, но и все остальное (исключая разве что математику, но нам ее не преподавали: а, может быть, и в ней что-то находили?). Вбито в голову все было очень сильно, если сравнивать с гвоздем, то по самую шляпку. Поэтому избавление от этого впоследствии было тяжелым и мучительным для очень многих. Для себя не делаю исключения. Но мне было, как мне кажется, чуть легче, чем другим. Это было связано с тем, что, начиная с 1963 г., я стал читать зарубежную социологическую литературу. Преподавание философии в вузе и научная работа в области социологии, начавшиеся синхронно с осени этого года, постепенно стали менять мои идеологические представления.

Выпускники университетов обычно не идут преподавать в школу. Вы стремились стать учителем истории или так «послОжилась»?

Я не соглашусь с такой постановкой вопроса, точнее, его первой части. Университет университету – рознь. МГУ, ЛГУ – да. Выпускники этих вузов в школу направлялись редко, чаще – преподавать в вузы или шли в НИИ. Но провинциальный университет, а именно таким и был Уральский госуниверситет им. Горького (УрГУ), готовил специалистов по большей части для работы в школе. Это вовсе не значит, что так оно и получалось у выпускников. У нас был очень сильный курс, и после нескольких лет обязательной работы в школе по распределению (причем не только в городской, но и в сельской) многие из школы уходили. Из студентов моего курса человек пять защитили докторские, с десятков – кандидатские диссертации. И у меня не было большого выбора, ибо в аспирантуру брали только после обязательной отработки в школе. Для меня же эта дорога была закрыта по вполне понятной причине – национальности. Было и еще одно требование – партийность, которое оказывалось также несовместимым с этой же причиной.

Спустя четыре года после работы учителем истории в школе я попытался поступить в заочную аспирантуру – уже не по истории, а по философии (реально – по непризнанной в те годы в качестве профессии социологии – 1963 г.), но тщетно. Заведующий кафедрой мне намекнул, что, была бы его воля, он взял бы меня, но ... Так что мне пришлось идти другим путем.

Поэтому могу сказать, что, с одной стороны, я стремился стать учителем истории, и эта работа мне очень нравилась. Я всегда говорил и повторяю это сейчас: школа была для меня настоящей школой жизни. Я очень многому в ней научился. У меня в школе многое получалось (хотя далеко не все), и из меня со временем мог бы получиться приличный учитель. По крайней мере, знаниями я был напичкан, как хорошая бочка – селедкой (сравнение несколько грубоватое, но мне нравится). А именно таких знаний и не хватает (и в то время это было так, и сейчас, как мне кажется, мало что изменилось) многим учителям. И если дети ходили за мной «табуном», то это получалось только потому, что им было со мной интересно, что я им много рассказывал из того, чего в учебнике не было, что играл с ними в шахматы, баскетбол, настольный теннис, ходил в турпоходы, руководил хором и т.д. В школу я уходил к 8 ч. утра, а возвращался после 8 вечера, хотя самих уроков было не так много – всего 18 ч. в неделю (это была ставка, за которую платили 68 руб. в месяц).

С другой стороны, то, что я стал учителем истории, оказалось неизбежным следствием существовавшей ситуации, –

я в принципе больше никем сразу стать тогда не мог. Нужно было поработать в школе – в качестве необходимого первого этапа профессиональной жизни, и только потом искать что-то другое.

Тормознем слегка хронологический ряд рассказа. Л.Н. Коган – очень яркая фигура в российской социологии, пожалуйста, расскажите о нем, о его роли в вашей жизни. Здесь же хотелось бы узнать о ваших конференциях памяти Когана.

О Льве Наумовиче могу рассказывать бесконечно, все-таки личное знакомство с ним, которое продолжалось с 1956 г., когда я впервые услышал его лекции и сдал ему первый экзамен (по диамату), будучи студентом 2 курса, и по 1997 г., когда он умер (я был у него дома за 3 дня до смерти, которая наступила после тяжелой болезни 14 июля), дает мне такое право. Он никогда не был моим формальным научным руководителем, зато был дважды официальным оппонентом – на защите кандидатской и докторской. На самом деле, конечно, я считаю себя его учеником и горжусь тем. Он мне давал читать рукописи его последних (написанных в 1880-1990-е гг.) книг: «Жить по справедливости», «Человек и его судьба», «Зло», «Вечность», «В четвертом измерении», «Жизнь в поколениях. Классика и современность», «Философия: серьезная и веселая. Очерки о философии Уильяма Шекспира» и при этом просил делать по ним замечания, а затем дарил их с очень теплыми, сейчас разрывающими сердце дарственными надписями (пишу эти строки, и слезы наворачиваются на глаза, все до сих пор живо в памяти, а его книги передо мною). Он писал прекрасные стихи, и небольшая их книжечка тоже передо мною – «Белая обезьяна» (1996). Он был поистине энциклопедистом в гуманитаристике: философ, социолог, эстетик, историк, искусствовед, театровед, киновед... Память у него была просто феноменальная.

О застольях с его участием до сих пор ходят легенды, лучшего тамады я просто никогда не слышал. А его устные рассказы, он их называл притчами, можно было слушать бесконечно, причем одни и те же по несколько раз, и каждый раз хохотать до боли в животе. Мне кажется, их было у него около 40. Мне фантастически повезло, поскольку большую часть из них я слышал, а многие – не по разу. Как правило, эти притчи он рассказывал в застолье. Даже из журнала «Крокодил» к нему специально приезжали с просьбой дать им хотя бы одну притчу, но он категорически отказывался это делать, полагая, что они на бумаге потеряют свой колорит именно устного (причем авторского) рассказа. Вообще те, кто его хоть один раз слышал,

забыть уже не могли никогда. Лев Наумович (кто-то назвал его Лев-себе-На-умович) был блестящим научным руководителем. Под его руководством было защищено 22 докторских и 182 кандидатских диссертаций, причем в подавляющем большинстве это были хорошие работы, халтуру он просто не пропускал.

В память о Когане ежегодно проводятся у нас Коганские чтения, приобретшие статус международной конференции. С 1997 по 2013 гг. было проведено 16 научных конференций. С гордостью могу сказать о том, что на каждой из них я выступал с пленарным докладом. Это – моя дань памяти любимому ученому и человеку. Каждый учебный год на первом курсе социологического факультета Гуманитарного университета (я был его деканом вплоть до января 2013 года) я начинал лекцией о Л.Н.Когане как основателе Уральской социологической школы, его вкладе в социологию.

Не могу не сказать специально о двух любимых учениках Л.Н.Когана – профессорах Ю.Р.Вишневском и В.Т. Шапко (последний умер несколько лет назад), которые сделали очень много для сохранения памяти о Л.Н.Когане. Достаточно назвать двухтомное издание его избранных трудов с 1961 по 1997 гг. общим объемом около 50 п.л., опубликованное в 2009 г. (редакторы-составители Ю.Р. Вишневский, Г.Е. Зборовский, В.Т. Шапко). Боюсь, что, говоря о Когане, многих вещей я не коснулся, а что сказал – выглядит несколько сусально. Но так уж получилось.

Заканчивая разговор о Л.Н.Когане, скажу, что за 16 лет, прошедших после его смерти, он абсолютно не забыт. Студенты пишут работы о его творчестве, его ученики постоянно цитируют ученого. Про себя лично могу сказать, что его «Социологию культуры» использую регулярно, хотя прошло более 20 лет со времени ее издания. Мне было у кого учиться, и за это я благодарен судьбе. Это вовсе не значит, что я идеализирую Когана, да он в этом и нуждается. Конечно, он был сыном своего времени, он не взрывал его идеологию и даже не угрожал ей, но мастерски адаптировал ее под свои исследовательские задачи и показывал всем, как это нужно делать. Однако, что важно отметить, его работы 1990-х гг. уже смотрели в XXI век. И вполне был прав один из любимых учеников Когана Владимир Волков (тоже ушедший из жизни) в стихотворении «Памяти Льва Наумовича Когана», зачитанном им на поминках 18 июля, когда в последних строках писал:

Не прижился к врачам и палатам,

Взбунтовался Лев – Человек.

И ушел. Но не в этот, Двадцатый.

А вперед – в Двадцать первый век!

А как сегодня екатеринбургские социологи оценивают деятельность Михаила Трифоновича Иовчука и Михаила Николаевича Руткевича? Об Иовчуке очень мало написано, хотя советская социология во многом началась с его исследования по рабочему классу и технической интеллигенции.

Михаила Трифоновича Иовчука сегодня почти никто не помнит на Урале, разве что профессор Г.П. Орлов, который учился в аспирантуре на кафедре диамата и истмата в УрГУ, когда ею заведовал Иовчук. Он ведь был сослан на Урал после какой-то неприятности, которая у него была в то время, когда он был секретарем ЦК КП Белоруссии по пропаганде (конец 1940-х гг.). На Урале он пробыл несколько лет, точно даже не помню, в каком году он снова оказался востребованным в Москве. Мне довелось его лично знать и даже бывать у него дома в Москве на Ленинском проспекте. Это было в 1968 г. Я был молодой доцент, находился на пятимесячных курсах повышения квалификации в ИПК при МГУ, а он читал лекции слушателям. Я даже был старостой этой группы (по его настоянию), поскольку он благоволил к уральцам, и на меня это отношение распространялось автоматически. Именно в это время его назначили ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС, чем он страшно гордился. Последние лекции курса он читал через раз, поскольку был очень занят на новой работе. Но зато всегда приносил с собой новые факты о том, что происходило в это время в Чехословакии. От него мы многое и узнавали, что было очень важно, поскольку, как известно, информацией нас об этих событиях, мягко говоря, не баловали. Что касается участия Иовчука в исследованиях рабочего класса и научно-технического прогресса, то он ими только руководил и обеспечивал публикацию материалов. Главную же работу делал Л.Н.Коган и его люди.

Здесь не могу не сказать о взаимоотношениях Иовчука и Когана. Это удивительно, как у таких разных во всем людей могла быть такая взаимная любовь. Я понимаю, откуда это чувство у Иовчука: он любил Когана как родного сына, что и понятно. Коган был необычайно талантлив и работоспособен. У них была масса совместных публикаций, причем не только в 1960-е, но даже в 1970 и 1980-е гг. Нетрудно догадаться, кому принадлежала львиная доля авторства. В конце 1980-х – 1990-е гг., когда мы очень сблизились с Л.Н., я ему задавал не раз вопрос о его отношении с Иовчуком. Без всякого энтузиазма и желания развернуто обсуждать эту тему он говорил о том, что многим обязан Иовчуку. И я его понял. В тяжелые годы антисемитизма (1950-е) Иовчук, действительно, не раз защищал Когана, хотя тот ни чем не был замешан, разве что

был «виноват» в испорченной анкете. Мне рассказывали такой эпизод. На кафедре Иовчука, где работал и Коган, в то время был аспирантом (а может быть доцентом, не знаю) такой В.Гаврилов (потом он ушел работать в партшколу). Когда в 1952 г. началась история с врачами, Гаврилов посетил лекцию Когана и на заседании кафедры начал ее разносить, произнеся такие слова: «В то время как весь советский народ борется со своими врагами – еврейскими врачами, Коган позволяет себе...» И пошло, и поехало. Иовчук остановил Гаврилова, сказал, что ему стыдно за него и велел ему выйти вон. Конечно, Иовчук рисковал сильно, но все прошло нормально, Коган остался работать. Я думаю, что этого, а, вероятно, и еще каких-то вещей, он не мог забыть, и его отношение к Иовчуку всегда было очень трепетным. Кстати, я слышал не только от Л.Н., но и от других, о порядочности Иовчука. Несмотря на то, что Иовчук способствовал продвижению Когана и часто оказывался его соавтором, в социологии он мало что понимал. По-моему, она была ему неинтересна.

Вторая часть вопроса – о М.Н.Руткевиче. Честно скажу, что это тот случай, когда я вынужден сказать: «О покойниках или хорошо, или никак». Хорошо не могу, слишком много зла он мне причинил в жизни. Началось с того, что я отказался идти работать к нему на кафедру (после отъезда Иовчука он стал заведовать той же кафедрой). И он меня сразу предупредил: Вы еще горько пожалеете о своем отказе. Я ему был нужен, чтобы переводить зарубежные тексты с английского и французского, а я этого не хотел. Никогда не жалел о своем отказе, а он мне мстил за это много лет. На этом, пожалуй, я остановлюсь в своих личных оценках. Иначе придется вспоминать, какие методы он использовал в этой мести, чего совсем не хочется делать. Что касается отношения к нему среди городских социологов, то есть несколько человек, которые являются его личными учениками. Вероятно, они его помнят. Но я с ними на эту тему не разговаривал – не интересно. Знаю только, что вплоть до окончания жизни (а умер он после 90 лет, причем всегда гордился тем, что был ровесником Октября, родился 7 ноября 1917 г.) он интересовался тем, что делается в городском мире философов и социологов.

... мы остановились в разговоре о вашей жизни, когда Вы были учителем истории в школе. Что заставило Вас или что повлияло на вас, что вы решили идти в науку? Как это происходило? Было ли это движение сразу в социологию или были какие-то промежуточные ступени?

Работая учителем в школе, я понял, что надолго в ней не задержусь. Не потому, что мне в ней было некомфортно, как раз

наоборот, мне нравилась профессия педагога. Но в то же время тянуло в науку, причем первые два года работы в школе (а это были школы в г.Уфе, куда я поехал работать после окончания университета) я не осознавал до конца, чем хочу заниматься в науке. И тогда я решил сдать кандидатские экзамены. Я прикрепился для этого в Башгосуниверситет и за год, второй сезон работы в школе, сдал английский язык и диамат с истматом. В 1961 г. я по семейным обстоятельствам переехал в Свердловск и поступил работать вновь в школу историком. В это время в Свердловске начала исследования научная группа Академии педнаук СССР. В ней работали опытные педагоги, только началось преподавание обществоведения в школе, что меня особенно привлекало. Я приглянулся этим людям как молодой учитель, тем более что у меня были сданы два кандидатских экзамена и открывался простор для написания диссертации. И именно в это время, примерно с 1962 года, я стал задумываться о работе не в педагогике, а в сфере науки, о которой почти ничего не знал, но именно поэтому и хотелось попробовать в ней свои силы. Это была социология, о которой в начале 1960-х гг. не знал не только я, но и подавляющее большинство тех, кто работал в общественных и социально-гуманитарных науках.

Здесь произошла история, которая сильно подтолкнула меня к выбору дальнейшего пути. В 1963 г. меня рекомендовали (все та же научная группа АПН) для приема вступительных экзаменов по истории в Свердловский юридический институт. Я принимал экзамены в июле-августе с зав. кафедрой истории государства и права Б.Ф.Ливчаком; через несколько лет он блестяще защитил докторскую диссертацию. Это был умнейший, интеллигентнейший и образованнейший человек, при этом он оставался всегда предельно деликатным. Мы с ним вели долгие и очень интересные разговоры. В конце концов он мне сказал: А почему бы Вам не пойти к ректору и не попроситься на работу в институт? Я так и сделал. Я просто пришел к ректору и сказал: «Хочу работать у вас в институте на кафедре философии». Ректор очень удивился и спросил меня, кто я такой и что знаю и умею делать. Я сказал, кто такой, назвал три сданных кандидатских экзамена (к этому времени я, работая в школе Свердловска, сдал еще один экзамен по французскому языку, хотя никакой необходимости в этом не было, просто хотелось самостоятельно изучить этот язык). Сказал также, что в вузе не преподавал, делать это не умею, но очень хочу научиться, хочу стать хорошим педагогом и заниматься социологической наукой. Ректор удивился еще больше, поскольку о ее существовании только смутно догадывался, он был юристом, специалистом по международному праву, но не знал точно,

что это за наука; последнее, естественно, плохо представлял тогда и я. Однако, увидев страстное желание молодого человека, вызвал исполняющую обязанности заведующей кафедрой (сам зав. кафедрой – Г.П.Орлов, с которым я познакомился на ноябрьской демонстрации 1963 г. и с тех пор дружу вот уже 50 лет, осенью, я надеюсь, мы отметим с ним эту круглую дату, сейчас он уже не работает, на пенсии, скоро ему исполнится 85 лет, и дай Бог ему долгой жизни и здоровья – уехал в Москву в ИПК), поручил ей найти для меня почасовую нагрузку и походить на мои занятия. Занятия, видимо, были признаны не самыми плохими (у меня за плечами была четырехлетняя работа в школе, так что методикой преподавания я владел довольно сносно), и меня взяли в штат.

Переход в вуз означал для меня начало новой жизни, новой, большой работы, и в ее «омут» я самозабвенно «кинулся». Мне очень нравилось работать со студентами, я читал им диамат. Но главной стала моя работа в области социологии. Об этом следует сказать подробнее, поскольку именно с осени 1963 г. все началось. Было это так.

Как я уже говорил, на ноябрьские праздники 1963 г. из Москвы приехал зав. кафедрой философии Георгий Петрович Орлов. На демонстрации мы с ним познакомились, сразу, буквально в одну секунду почувствовали взаимное расположение и подробно поговорили о том, чем бы я хотел заниматься. Я ему сказал, что только социологией. Тогда он поднял вверх указательный палец, сказал «О!» и тут же мне предложил тему. Дело в том, что в Москве, в ИПК он начал заниматься проблемой свободного времени. Его научным руководителем там был М.Т.Иовчук. И он ему – Г.П. – сказал, что только что приехал из Парижа, и там этой проблемой активно занимается, далее цитирую Иовчука со слов Орлова – «то ли Мумазедье, то ли Дюмазедье». При этом Иовчук сказал, что если бы нашелся парень, который владеет, хотя бы плохонько, иностранным языком, то было бы здорово, потому что нам надо заниматься критикой буржуазной социологии, а что такое буржуазная социология досуга, никто толком не знает. По существу я получил предложение и тему. Судьба моя была решена, и безвозвратно. Здесь я перейду к ответу на следующий вопрос.

Не припомните, по каким отечественным и зарубежным книгам Вы осваивали теорию и методы социологии?

Я представляю то старшее поколение отечественных социологов, которое не имело возможности получить настоящее

профессиональное образование; парадокс ситуации состоит в том, что в нашей стране социологов-профессионалов готовят в большинстве все еще социологи без соответствующего систематического образования. Понятно, что в молодости приходилось читать по социологии все, что оказывалось перед глазами. С отечественной социологией было просто в том смысле, что литературы выходило не так много, и вся она, так или иначе, доходила до меня. Поэтому читал все, что было и что издавалось. А было и издавалось не так много. По зарубежной социологии были вообще крохи: перевод книги Морено «Социометрия» (1958), «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении» (под ред. Г.Беккера и А.Боскова), 1961. Вышли переведенные материалы (не все, конечно) V Всемирного социологического конгресса (1962 г., Вашингтон). По-моему, они были опубликованы в 1964 г. и готовил их Г.В.Осипов. Поскольку я был членом Советской социологической ассоциации (ССА), то получал информационные бюллетени, они издавались на ротапринте тиражом 980 экз. Это было самое интересное. Там были и переводы зарубежных работ по методике и технике исследований.

Сложнее было с первоисточниками – работами зарубежных социологов: по межбиблиотечному абонементу (МБА) книг высылалось мало, поэтому любую командировку в Москву (кроме самой первой, о которой еще скажу) я стремился сочетать с работой в библиотеках. Это было ужасно, потому что в Москве, кроме библиотек, были еще театры, Большой зал консерватории... Самая большая проблема состояла в том, чтобы успеть как можно больше и поработать, и послушать, и посмотреть.

Работая дома, старался как можно больше заказывать литературы на английском и французском языках по МБА. Присылали книги (правда, далеко не все, в среднем, каждую пятую из заказа), микрофильмы. Помню, что читал на французском Ж.Фридмана (крупнейшего представителя социологии труда, его знаменитую работу «Ou va le travail humaine?» – «Куда идет человеческий труд?»), Ж.Фурастье, Ж.Дюмазедье и др.

Поскольку называл последнего, чуть отвлечусь от канвы изложения. С Жоффром Дюмазедье мне посчастливилось познакомиться лично в Варне в 1970 г., на VII Всемирном социологическом конгрессе, за что огромное спасибо Б.А.Грушину – он был с ним хорошо знаком, очень тепло представил меня французскому социологу, который был президентом исследовательского комитета по социологии досуга и вел его заседание. На этом заседании я делал доклад на английском языке о проблемах теории свободного времени. Перед конгрессом у меня как раз была опубликована брошюра на эту тему. До

сих пор помню публичную полемику Дюмазедье со мной после моего доклада. Он мне сказал тогда, что мы (в СССР) неправильно интерпретируем Маркса. А получилось так, что мы не знали еще его «Философско-экономических рукописей 1857-1859 гг.», они не были переведены в то время на русский язык, это было сделано лет через пять, а там есть целый параграф о свободном времени. Дюмазедье же читал их, так что урок был преподан хороший. Кстати, на самую фундаментальную работу Дюмазедье «К цивилизации досуга» («Vers une civilisation du loisir») я написал большую аналитическую рецензию и опубликовал ее, по-моему, в «Вопросах философии».

Продолжая разговор о том, кого из социологов читал в первой половине 1960-х, должен назвать американцев М.Каплана, Г.Виленски, Н.Андерсона и других – всех уже не вспомню, их было много. Но должен сразу сказать, что «классиков» в оригинале читал мало. Так, Парсонса в спецхране Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР (ФБОН) мне просто не давали на том основании, что у меня нет необходимой формы допуска. Поэтому работал в основном с социологической литературой по проблемам труда и свободного времени. Этому еще способствовал и резкий дефицит времени на научную работу, приходилось тщательно отбирать то, что нужно в первую очередь. А эта очередь – кандидатская диссертация. Жилось бедно, содержать семью на ассистентскую зарплату (105 руб.) было непросто, да еще и выплачивать за кооперативную квартиру. Родился сын. Поэтому первоочередной задачей было написание кандидатской диссертации. Между тем, приходилось зарабатывать деньги (дополнительные к зарплате), в основном путем чтения лекций по линии общества «Знание». На это уходило немало времени.

Мощным фактором, способствующим моему социологическому образованию, стала самая первая научная командировка в московские библиотеки – это было в апреле 1964 г. Я провел в них ровно 30 дней – с 1 по 30, что называется, от звонка до звонка. Приходил первым, уходил последним. Работал в трех библиотеках: в уже названной ФБОН, Ленинке и Библиотеке иностранной литературы (она находилась на ул. Степана Разина в Зарядье, за Красной площадью), без выходных дней. Привез без преувеличения чемодан переводов, что позволило мне за последующие полгода написать кандидатскую диссертацию (которую в начале апреля 1965 г. защитил).

Л.Н.Коган был «своим» во многих социологических центрах: Москва, Ленинград, Поволжье и Сибирь, Эстония... когда Вы начали знакомиться с социологами из других городов? Кто из них в те

годы и позже в большей степени оказал влияние на ваши научные интересы?

Мои знакомства с социологами из других городов никак не были связаны с именем Когана, разве что на мне лежал ответ «славы» человека из города, в котором он жил и которого (Когана) я хорошо знал. Когда люди узнавали, что я из Свердловска, первый вопрос был не о городе, не обо мне, а о Когане: ну как он? И когда слышали, что он в полном порядке, очень радовались и непременно просили передать ему привет (что я старался никогда не забывать делать). Разница между Коганом и мной в возрасте (15 лет) была в годы моей социологической молодости просто громадной. Это потом она стала стираться – вплоть до того, что Лев Наумович неоднократно предлагал мне (уже в начале 1990-х) называть его на «ты» и «Леня», т.е. так, как звали его самые близкие к нему люди. Кстати, я так и не смог перейти, более того, не хотел переходить на такой стиль общения. Он был для меня всегда Учителем на «Вы».

Основным каналом знакомства и общения с социологами было участие в конференциях, я старался по возможности это делать, когда меня на них командировали. Очень много в этом плане дала мне поездка в Польшу летом 1965 г. в составе группы социологов, куда входили О.И.Шкаратан, В.Т.Лисовский, З.И.Файнбург, В.Г.Мордкович и ряд других, менее «маститых» по тем временам. Поездка эта была организована ЦК ВЛКСМ, а поскольку я был связан с молодежной проблематикой и регулярно наведывался в отдел, который возглавлял В. Васильев, то и получил такое предложение поучаствовать в этой поездке. От нее я получил громадную пользу. Мы были в Польше порядка трех недель, причем это была не туристская, а насыщенная по программе рабочая поездка с целью познакомиться с деятельностью польских социологов. Именно тогда я познакомился с З.Бауманом, А.Клосковской, П.Весоловским, З.Скужиньским, К.Жигульским (потом он стал министром культуры Польши) и др. Чрезвычайно полезным с точки зрения знакомства с социологами было участие во Всесоюзной конференции «Молодежь и социализм» (1967 г.).

Как мне кажется, я довольно быстро стал узнаваемым человеком в нашей профессиональной среде. Этому способствовала и моя публикационная активность. Я много печатался в разных журналах – «Философские науки», «Вопросы философии», «Молодой коммунист», «Советская педагогика», «Новые книги за рубежом по общественным наукам» (это был реферативный журнал) и др. В 1970 г. вышла моя первая книга в соавторстве с Г.П.Орловым – «Досуг: действитель-

ность и иллюзии»; ее рецензировал Б.А.Грушин. Естественно, она добавила мне известности как «критику буржуазной социологии» (в то время выход монографии считался совсем не рядовым событием), по этой книге, разумеется, не только по ней, Г.П.Орлов вскоре защитил докторскую диссертацию. Но, пожалуй, первой работой, которая принесла мне известность в профессиональном сообществе, была совместная статья с Г.П.Орловым в «Философских науках» – «Трактовка свободного времени в буржуазной «социологии досуга» (1964, №6). Она была написана в мае – начале июня 1964 г. по горячим следам моей первой поездки в Москву (о ней я говорил выше) и тем материалам, которые я привез оттуда. Судя по информации, полученной из Москвы, статья произвела большое впечатление на Иовчука, который был тогда главным редактором журнала, и он велел из уже сверстанного № 6 (журнал выходил тогда 6 раз в году) перенести в следующий номер какую-то статью, а нашу с Г.П.Орловым срочно поставить в номер. Несколько лет назад мне подтвердил эту информацию Д.И.Дубровский, который был в то время зав. отделом этого журнала.

Теперь о влияниях на меня и мои научные интересы. Из отечественных социологов я бы назвал в первую очередь В.А.Ядова и Л.Н.Когана. Время не изменило моих пристрастий. О Когане уже говорил и больше добавлять ничего здесь не буду. А вот о В.А.Ядове не могу не сказать. Я и сейчас считаю его, как и раньше, самым крупным, самым значительным нашим социологом и поистине благодарен судьбе за возможность учиться у него, причем не столько лично (этого, к сожалению, было крайне мало), сколько по его работам. Если же учесть, что Владимир Александрович был моим оппонентом на защите докторской диссертации, проявив смелость и глубокую порядочность (тогдашний директор ИСИ и председатель ССА, которого перевели из Свердловска в Москву, не хочу повторять его фамилию, ранее уже названную мною, «настоятельно» отговаривал его от этого шага, а ведь на дворе был 1973 год), нетрудно представить мое благодарное отношение к нему. Когда я встретил Ядова ночью в аэропорту Свердловска (куда он прилетел на мою защиту), и мы с ним сели в машину, первое, что он сказал мне, это то, что у меня в Москве есть очень влиятельный «друг» и что я должен быть готов психологически и морально ко всяким пакостям с его стороны. Как же Ядов оказался прав!

С Ядовым (в отличие от Когана) я никогда не был знаком достаточно близко. Конечно, он меня знал с молодости: мои статьи в «Философские науки» проходили через него как члена редколлегии. Опять же докторская диссертация... Я ему

дарил некоторые свои учебники и книги. Не знаю, какого он обо мне мнения (смею только надеяться, что не самого плохого). Важно другое: есть люди, по отношению к которым ты всю жизнь чувствуешь себя учеником. Для меня в социологии из тех ученых, с которыми я общался лично, таких было двое: В.А.Ядов и Л.Н.Коган.

Говоря о людях, с которыми меня свела судьба и которые оказали на меня самое благотворное воздействие, не могу не назвать имени профессора Георгия Петровича Орлова, умнейшего и добрейшего человека. Я не видел руководителя кафедры более мудрого, чем он. И если я чему-нибудь научился в этой области профессиональной деятельности (а заведовал я кафедрами, с небольшим перерывом, почти 40 лет), то в значительной степени благодаря ему. Мы писали с ним вместе первые наши совместные статьи (1965-1968), первую нашу книгу «Досуг: действительность и иллюзии» (1970), первый наш социологический учебник «Введение в социологию» (1992). Я многому у него учился. Нашей творческой и просто человеческой дружбе исполняется в этом году 50 лет, а ему – 85. Как бы хотелось увеличить и первую, и вторую цифру!

Возвращаясь в начала 1960-х, мы вспоминаем многих, кто в той или иной степени занимался изучением бюджета времени. Была небольшая книжечка по свободному времени у Б.А. Грушина, В.А.Ядов и А.Г. Здравомыслов провели свое первое социологическое исследование, под дружеским давлением И.С.Кона, именно по этой проблематике, она же была темой кандидатской диссертации В.В.Водзинской, под руководством Здравомыслова началось обширное лонгитюдное изучение бюджета времени аппарата ленинградских райкомов КССС, в Новосибирске с подачи Г.А.Пруденского активно работали В.Д.Патрушев и В.А. Артемов. Наконец, классика – «Человек после работы» Л.А.Гордона и Э.В. Клопова. Чем вы объясните этот феномен?

Вопрос об интересе к проблематике свободного времени и изучению бюджета времени в целом, отдельных категорий населения в особенности – не простой. Для начала я скажу о том, что во второй половине 1960-х гг. сложилось несколько центров исследования этой проблемы. В Москве это были исследования, которые провел Б.А.Грушин, сотрудничая с «Комсомольской правдой». Газета тогда провела анкетный опрос населения страны. Автором анкеты был он. Результаты были обобщены в книжке Б.А.Грушина «Свободное время: актуальные проблемы» (М., 1967). Чуть позже этой проблемой начали заниматься в Москве же Л.А.Гордон и Э.В.Клопов.

Их знаменитое исследование в Таганроге нашло отражение в книге «Человек после работы» (М., 1972), которая по замыслу должна была стать продолжением ядовско-здравомысловской «Человек и его работа». Насколько я понимаю, тема свободного времени никогда напрямую не интересовала ни того (Ядова), ни другого (Здравомыслова). То, что последний изучал бюджет времени парт. работников, было, по-моему, проходным и всерьёз его не интересовало. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что серьёзных публикаций на эту тему у Андрея Григорьевича не было. По крайней мере, я их не видел. А копал я эту проблему в те годы достаточно серьёзно, и практически все, что выходило в печати, попадало в сферу моего внимания. И если уже говорить об исследованиях в Ленинграде, то их вел Александр Васильевич Неценко, которого я очень хорошо знал. Он очень глубоко и тщательно изучал бюджет времени студентов Питера, издал книгу «Социально-экономические проблемы свободного времени при социализме» (Л., 1975), защитил на эту тему докторскую, а в 1980-е гг. переехал в Минск (он развелся, женился вновь, и ему с женой в Минске дали квартиру и работу. Я у него там был, когда приезжал в Минск оппонировать: это было в день Чернобыльской трагедии, потому и запомнил).

Было в стране еще два центра изучения обсуждаемой проблемы – в Новосибирске (Красноярске) и Свердловске. Самый большой был в Новосибирске, где исследованиями руководил Г.А.Пруденский. Он переехал в Новосибирск из Свердловска, где после войны был сначала ректором Политехнического института (на базе которого и существует сейчас Федеральный университет), а затем секретарем Свердловского ГК КПСС по пропаганде. В Новосибирске Пруденский стал директором Института экономики и организации производства (собственно, он поехал в Академгородок за членкоррством, которое и получил, но до академика не дослужился, поскольку вскоре умер). Вышла у него в 1964 г. книга «Время и труд», где он ввел категорию «внерабочее время» (думаю, с подачи его ученика В.Д. Патрушева, который сначала работал в Красноярске, а потом его перевез в Новосибирск Пруденский; кстати, Патрушев в Новосибирске задержался не очень надолго: как только директором ИСИ стал Руткевич, он пригласил Патрушева в Москву, в ИСИ). Г.А. Пруденского я лично не знал, а В.Д.Патрушева – знал очень хорошо, тем более что он часто выполнял указания директора ИСИ и вел себя далеко не всегда чистоплотно, в том числе по отношению ко мне. Но и эту страницу я хочу быстрее перевернуть и не фиксировать надолго на этом эпизоде внимание. В Новосибирске была очень неплохая

группа исследователей бюджетов времени, в том числе и свободного времени: В.А.Артемов, Б.П.Кутырев, Л.С.Колобов, В.И.Болгов (который тоже потом переехал в ИСИ) и др. Сейчас из этой когорты остался один В.А.Артемов. Справедливости ради я должен сказать, что самые серьезные исследования бюджета времени вели Патрушев и Артемов.

Наконец, не могу не сказать о центре исследований в Свердловске, который возглавили Г.П.Орлов и я. Его особенностью была разработка теории свободного времени, эмпирических исследований во второй половине 1960-х-начале 1970-х гг. по этой проблеме почти не проводилось. В 1970 г. вышла наша совместная работа «Досуг: действительность и иллюзии», в этом же году Г.П.Орлов защитил докторскую. В 1973 г. сделал это и я, тема моей работы – «Свободное время как социологическая категория: социально-исторический анализ». Я попытался показать сквозной характер проблемы свободного времени (в докапиталистические эпохи – досуга) как с точки зрения его практического использования, так и теоретического анализа (сначала в философии, а затем – с XIX века – в социологии), доведя исследование до наших дней. Значительную часть работы составлял анализ зарубежной социологической литературы (на английском, французском, польском, чешском, болгарском языках). Высшей похвалой для меня (помимо единогласного голосования, один бюллетень оказался испорченным) была оценка диссертации В.А.Ядовым и Л.Н.Коганом; оба были моими официальными оппонентами.

Кстати, здесь же отвечу на вопрос о теме кандидатской диссертации – «Критика буржуазной социологии досуга» (защита в апреле 1965 г.). Тогда по-другому работу нельзя было называть, даже и мысли об этом не было. Реально моя задача заключалась не в том, чтобы «разбить идейных врагов», а в том, чтобы показать фактуру, тот материал, который реально люди делали. Я старался как можно больше цитировать зарубежных социологов, принцип же моего писания был такой: умный поймет, а дураку и не надо.

Касаясь работы свердловских социологов по проблеме свободного времени, должен сказать, что они группировались вокруг кафедры философии юридического института, где работали Орлов и я. Это были в основном наши с ним аспиранты и некоторые преподаватели из других вузов города, многие из которых потом защитили не только кандидатские, но и докторские диссертации (но уже не по проблемам свободного времени). Среди них был мой любимый ученик Виктор Григорьевич Черников, которого я вел со студенческой скамьи и который стал моим первым аспирантом. Затем он защитил и доктор-

скую диссертацию – по проблеме социального пространства. Сейчас он профессор, живет и работает в Рыбинске.

Теперь я попытаюсь объяснить, почему в то время (1960-е – начало 1970-х гг.) был такой интерес к поставленной проблеме. Возрождение, или, точнее, новое рождение отечественной социологии (здесь я абсолютно с Вами согласен) шло в разных направлениях – не только тематических и содержательных, но и «методных». Поскольку социология была занята мучительным поиском точных, строгих, адекватных методов, то внимание и было обращено к одному из них. Это был метод изучения бюджета времени. Когда каждый вид деятельности, вся повседневная жизнь могут быть выражены строго в часах и минутах, процентах, удельных весах и т.д., это дает понимание не приблизительности данных оценочного характера, а определенности и точности результатов. Материалы таких исследований могут быть использованы в управленческих решениях (если они кому-нибудь будут нужны). Важно другое: исследуя социальные процессы таким путем, социология обозначала свое место в системе научного знания и претензии на то, чтобы это место занять. Поэтому, когда задавался традиционный вопрос о том, что социология может, тут же из рукава доставалась козырная карта в виде точного метода, с помощью которого можно было получать неявное знание. Думаю, что приведенное объяснение не является исчерпывающим, но, как мне кажется, является каким-то ответом на поставленный вопрос.

Сначала напомню Вам, что самое первое исследование А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова было сделано с подачи И.С.Кона, который прочитал в «Коммунисте» статью Г.А.Пруденского и «зажегся». Что касается отсутствия у Здравомыслова публикаций по изучению бюджета времени, то объяснение лишь одно: и сам факт этого проекта, и – тем более – результаты были абсолютно засекреченными. Надеюсь, в скором времени выйдет статья его коллег Л.П.Абрамовой и Г.Г. Филиппова, в которой многое будет рассказано. И дополнение к предыдущему вопросу: «А не кажется ли вам, что Г.А.Пруденский в своих исследованиях шел от ощущения необходимости изучения реальности и от стремления продолжить работы С.Г.Струмилина? Т.е., к социологии от экономики?»

Отчасти, возможно, что и так. Но я думаю в этой связи немного о другом. Г.А.Пруденский руководствовался, как мне кажется, идеей переструктурирования социального времени, точнее, приспособления его структуры к потребностям конкретного (эмпирического) исследования, а еще больше – изу-

чения общества, его классов (социальных групп), трудовых коллективов и т.д.. Чтобы его осуществить, нужна была операция рационализация социального времени, выполненная на иной, нежели у Струмилина, основе. С.Г.Струмилин исходил из выделения в структуре времени общества двух его частей – необходимого и свободного. Пруденского, по указанной мной выше причине, такой подход не устраивал, равно как не устраивала структура, включавшая в себя рабочее и свободное время. Между ними должны были находиться временные характеристики видов деятельности, которые непосредственно не относились ни к тому, ни к другому. Так появилось вне рабочее время, противостоявшее рабочему и включавшего в себя свободное время. Здесь, конечно, имели еще значение признаки свободы (свободной деятельности), по-разному присутствовавшие в каждой из временных структур. Конечно, Г.А.Пруденский не хотел быть экономистом больше, чем Римский папа – католиком. Но он не хотел быть и таким же экономистом, как папа. Думаю, что в условиях зарождавшейся социологии он хотел быть и тем, и другим – и социологом, и экономистом.

Второй вопрос о З.И.Файнбурге. Я не был с ним знаком, лишь просматривал его некоторые статьи. Но из бесед с Т.И.Заславской, Г.В.Осиповым возникает очень располагающий образ этого человека: многогранный ученый, человек, отлично понимавший свое время, профессор. Что вы могли бы добавить к портрету Файнбурга?

Я достаточно хорошо знал Захара Ильича Файнбурга на протяжении многих лет – с 1965, когда познакомился с ним в Польше (я об этом уже говорил выше), вплоть до его смерти в 1990 г. Его жена – Галина Петровна Козлова, умнейшая женщина и прекрасный экономист, она была к.э.н., вместе они написали ряд работ – после его смерти прислала мне большой (на целую газетную полосу) некролог, и вскоре после этого умерла сама. А с их сыном Григорием – он доктор технических наук, большая умница, мы поддерживаем также очень теплые отношения, но видимся редко, в основном на Файнбургских чтениях, которые регулярно, раз в два года, устраивают пермские социологи из Политеха (ныне Пермский технический университет), где З.И. много лет заведовал кафедрой. З.И. был прекрасным социологом, теоретиком, методологом и эмпириком в равной мере. Он участвовал в составлении самых первых планов социального развития. Сфера его традиционных интересов – не только труд, но и творчество, прежде всего научно-техническое, хотя писал он и о многом другом. Его волновали проблемы будущего общества, особенно в связи с анализом творчества Маркса, на

которое у него всегда были свои собственные, нетрадиционные для советского времени взгляды.

Помимо этого, он очень увлекался научной фантастикой – в том смысле, что занимался научным анализом произведений научных фантастов. Помню, что когда мы были в Польше, он ездил к С.Лему, который жил в то время где-то в горах, по-моему, польских Закопане. Приехал от него счастливый и вдохновленный. Он был намного старше нас и мудрее. Никогда не забуду, как он меня поддерживал во время событий, связанных с появлением моей книги в 1974 г. «Пространство и время как формы социального бытия». Тогда Руткевич спустил на меня всех собак, обвинив в субъективном идеализме, метафизике, потворничестве западным авторам и т.д. Он тогда был в «расцвете» власти – директор ИСИ, председатель президиума ССА, председатель Экспертного совета ВАК и т.д. В общем, был облечен полномочиями по полной. Во всех своих статьях и книгах того времени он не пропускал ни одной возможности лягнуть меня. Его слово было приговором. После выхода в свет «Пространства и времени...» он написал письмо в Свердловский Обком КПСС, чтобы наказали не только меня, но и рецензентов, которые пропустили такое... Потребовал созыва городского семинара преподавателей общественных наук с резолюцией «осудить». Именно в это время Захар Файнбург (мы были с ним на «ты») убеждал меня в том, что все, что делает Руткевич, в конечном итоге обернется для меня хорошо. Его он терпеть не мог, звал только презрительно – «Мишка». А говорил примерно так: Как ты не понимаешь, он придает тебе популярности. Кто бы так узнал о твоей книге, которая издана в Свердловске тиражом тысяча (или две) экз. А так о тебе знает не только вся страна, но и весь мир, вон сколько писем получаешь с просьбой выслать экземпляр книги. Все же знают, если Мишка пишет, что плохо, значит, на самом деле хорошо. И запомни, сказал он мне в конце разговора, Мишки не будет, а книга останется. Сейчас вспоминаю, что аргументы З.И.Файнбурга действовали на меня тогда очень успокаивающе, поскольку мое психологическое состояние было не из лучших. Захар Ильич был не простым человеком, зачастую бескомпромиссным, особенно по отношению к некоторым власть имущим. Не всегда у него складывались отношения и с Л.Н.Коганом, между яркими людьми это бывает. Подчас даже трудно объяснить, почему. Тем не менее, в целом они ладили. Я абсолютно подтверждаю тезис о том, что З.И. был блестящим профессором и очень неординарным человеком. Не зря вот уже больше 20 лет в Перми чтят его память, издают избранные работы и посвящают его творчеству конференции.

Пока Вы предстаєте как социолог-теоретик, методолог. Приходилось ли вам заниматься прикладными (тогда говорили конкретными) исследованиями?

Приходилось ли мне заниматься эмпирическими (конкретными) исследованиями? Да, конечно, и немало. Мне импонирует мысль Н.И.Лапина о том, что социологом может считать себя только тот, кто провел от «А» до «Я» хотя бы одно социологическое исследование. Я и сам так думал с достаточно давней поры. Но от него я услышал это раньше, чем сам сказал (точнее, сказал бы) об этом публично. На раннем этапе (от 1963 г. до начала 1970-х) это было исследование свободного времени школьников, которое мы проводили по заказу АПН СССР и просьбе журнала «Советская педагогика» (в нем была опубликована статья по материалам исследования: Г.Е.Зборовский, Г.П.Орлов. Правильное использование свободного времени школьников – одно из средств воспитания //Советская педагогика, 1966, №6). Это было самое первое эмпирическое исследование в моей жизни. Потом это были исследования бюджетов времени студенчества. Во второй половине 1970-х гг. под моим руководством было проведено многомерное исследование образа жизни учительства Свердловской области (мне кажется, одно из первых в стране), которое мне доставило кучу проблем и неприятностей (об этом нужно говорить специально), из-за этого исследования я чуть было не поплатился работой и партбилетом. В 1980-е гг. я руководил исследованиями в системе профтехобразования, в первую очередь, инженерно-педагогических работников. Кроме того, кафедра, которой я заведовал, вела хозяйдоговорные исследования (опять же под моим руководством) на двух крупных уральских заводах – Турбомоторном в Свердловске и Автозаводе в Миассе (в Челябинской области) – это завод по производству знаменитых (или печально-знаменитых) грузовых «Уралов». В 1990-е – 2000-е гг. мы исследовали проблемы образования (самые разные и в разных типах образовательных учреждений). Из исследований последних лет – только недавно закончили крупную работу по проблемам социокультурной адаптации и обучения детей мигрантов в Ханты-Мансийском автономном округе (это один из самых мигрантоемких регионов, поскольку он очень богат – добыча нефти и газа), издали по его итогам большую монографию (около 30 п.л.): Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах. Ханты-Мансийск, 2012. В «Социсе», уже в этом году, вышла наша статья по материалам этого исследования (Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Обу-

чение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации //Социс. 2013, №2).

И это далеко не весь перечень проведенных эмпирических работ, многое еще можно было бы вспомнить. Думаю, что десятка два исследований, не меньше, было проведено с моим участием и под моим руководством. В этой сфере социологической деятельности я очень активно сотрудничаю последние 20 лет с моей ученицей Шуклиной Еленой Антольевной (она у меня писала кандидатскую и докторскую по проблемам социологии самообразования; она профессор, д.с.н., у меня с ней в соавторстве несколько книг: «Прикладная социология», М., 2004; «Социология образования», М.: Гардарики, 2005; «Социология педагогического образования», Екатеринбург, 2011 – вместе с еще одним моим учеником – д.с.н. В.П.Засыпкиным и очень много самых разных других публикаций). Она прекрасный специалист в области методологии, методики и техники социологических исследований.

Тем не менее, я никогда не считал себя ни прикладником, ни эмпириком и относил (отношу) себя, прежде всего, к теоретикам. Кстати, только сейчас закончил писать статью по заказу главного редактора «Социса» Ж.Т.Тощенко (я в этом журнале член редакционного Совета) «Теоретическая социология: quo vadis» (если опубликуют, поскольку я очень сильно полемизирую с «социологической властной элитой»).

Какие теоретические вопросы социологии Вы изучаете сейчас и какие ответы, пусть в первом приближении, вырисовываются?

Это невероятно сложный вопрос, самый сложный из всех заданных Вами точно, а может быть и из тех, которые еще будут заданы. Причем он сложен своей второй частью. Есть еще и такой элемент сложности ответа, как должная быть его относительная краткость. Иначе получится пространная теоретическая статья. Начну с некоторых итогов за последние 5-6 лет, чтобы было ясно текущее состояние теоретических поисков, потому что именно это время было важным с точки зрения их определения.

За эти годы у меня вышло три больших работы, каждая из которых знаменует определенное направление моих теоретических интересов и соответствующих им исследований. Это «Теоретическая социология XX – начала XXI века» (Екатеринбург, 2007, объем 21 п.л.), «Теория социальной общности» (Екатеринбург, 2009, 18 п.л.), «Знание и образование в социологии: теория и реальность» (2013, 28 п.л.). В перерывах между ними вышло несколько книг, написанных в соавторстве

с В.П.Засыпкиным и Е.А.Шуклиной в рамках социологии образования по материалам эмпирических исследований («Социология педагогического образования», 2011, 27 п.л.; «Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах», 2012, 27 п.л., «Учительство как социально-профессиональная общность: проблемы методологии и методики исследования», 2012, 9 п.л.). Из этого перечня опубликованных работ можно сделать вывод, что одним из актуальных направлений в моей работе является социология образования, причем на протяжении многих лет. Только в рамках этой отраслевой социологии за последние 20 лет я опубликовал пять книг, как монографий, так и учебных пособий (десятков статей не касаюсь). Но об этом я не буду говорить специально, а только лишь тогда, когда речь пойдет о последней монографии, она вышла в свет пару месяцев назад.

Начну с первой работы, посвященной метапарадигмальной модели современной теоретической социологии. Меня давно интересует вопрос о систематике социологических теорий. Когда я писал «Историю социологии», естественно, использовал этапный подход (традиционно выделял классический и современный этапы с разбивкой каждого на периоды). Теорий и парадигм в социологии всегда хватало, и они были «расположены» и рассмотрены мною поэтапно и «попериодно». Я отказался от основного, господствовавшего в литературе способа их изложения – постранового («Развитие социологии во Франции, Англии, США в такой период» и т.д.). Тогда (больше 10 лет назад) я поставил вопрос о необходимости создания в социологии некоего аналога «Периодической системы химических элементов», который позволил бы сгруппировать, проклассифицировать, систематизировать по определенным критериям имеющиеся и будущие теории. Но как это сделать, я тогда не видел. В «Теоретической социологии...», мне кажется, я нашел такой «ключ». Им оказался, как я его назвал, метапарадигмальный подход. Все структуры социологического теоретического творчества (концепции, теории, парадигмы, метапарадигмы) я объединил для рассмотрения в рамках пяти основных метапарадигм: классической, неоклассической, постклассической, неклассической, постнеклассической. В основе подхода – отношение к классической социологии (самое разное, в каждой метапарадигме – свое). Соответственно, с учетом внутренних критериев структурирования (понимание общества, объекта и предмета социологии, объективного-субъективного, макромикросоциологического и т.д.), была предпринята попытка распределить существующие теории и парадигмы по соответс-

твующим клеткам и линиям таблицы. Решению именно этой задачи и была посвящена упомянутая книга.

Совершенно другая цель была поставлена в «Теории социальной общности». Мне давно было ясно, что объект социологии – общество – есть полная абстракция, которая не подлежит реальному и, тем более, эмпирическому изучению. А что тогда подлежит? К ответу на этот вопрос меня подтолкнула идея В.А. Ядова, сформулированная им относительно предмета социологии в году 1990-м. Тогда он писал, а потом несколько раз повторил в последующие годы и в разных работах, что в таком качестве выступают социальные общности. Стало понятно, что общество не только можно, но и нужно рассматривать в качестве взаимосвязи (Ядов писал сначала – совокупности, что менее точно) социальных общностей. Но главным, конечно же, и именно это я и старался доказать, является изучение взаимодействия социальных общностей, выступающего в качестве ядра предметного поля социологии.

Но для теории социальной общности такая трактовка – только исходный пункт, не более того. Оказалось, что те признаки социальной общности, которые ей традиционно приписывались со времен Ф.Тённиса, а в конце прошлого – начале нынешнего века рядом зарубежных и отечественных социологов (включая Смелзера, Щепаньского, Ядова и др.), недостаточны. Нужны новые характеристики, отвечающие реалиям и, тем более, новым типам социальных общностей (например, виртуальным). Помимо социокультурных, этнических, демографических, территориальных, профессиональных, религиозных и др., требует нового подхода признак идентификации (самой идентификации). Существенное значение приобретает хроно-тип социальной общности, выявление ее ресурсов (ресурсный подход), реализация функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и др. Я постарался применить структурный подход к социальной общности и связать его с ее социальным действием (использовал для этого теорию структуризации Гидденса), рассмотрел повседневные практики социальной общности и ее образ жизни, дал классификацию социальной общности и охарактеризовал основные ее виды (по самым разным основаниям).

Наконец, в моей последней монографии «Знание и образование в социологии: теория и реальность» я постарался подвести некоторые итоги своей работы в области изучения образования и знания за последние 15 лет. То, что я делаю сейчас, в известной мере есть продолжение нескольких взаимопересекающихся линий теоретического анализа, наметившихся раньше. Дело в том, что, постоянно отслеживая и анализируя

проблематику общей социологической теории, я испытывал каждый раз необходимость исследования ее взаимодействия с отраслевыми социологиями и разработки таким образом специальных социологических теорий, поскольку каждая из них есть следствие определенного соотношения общей и отраслевой социологии.

Здесь я подхожу к вопросу о необходимости четкого разграничения отрасли социологии и специальной социологической теории, которое, к сожалению, зачастую игнорируется в научной литературе. Если отрасль социологии связана с наличием конкретного предметного поля, специфической сферы исследования, то специальная социологическая теория, также имеющая свою специфическую предметную зону, есть особым образом организованное логическое обобщение изучаемой социальной практики, связывающее общую социологическую теорию с эмпирическим исследованием этой практики. Таким образом, специальные социологические теории могут существовать как в рамках отдельных отраслей социологического знания (например, различные теории образования в границах социологии образования), так и на стыке их с общей социологической теорией (институциональные теории образования).

Работая в границах таких отраслей социологической науки как социологии свободного времени, образа жизни, образования, знания, управления, культуры, я стремился исходить из общих принципов создания, построения конкретного знания. Если этого не делать, можно прийти прямо и непосредственно к разрыву между общей и отраслевой социологиями, общей и специальной социологическими теориями. Многие ошибки, недостатки и проблемы в наших исследованиях возникают уже тогда, когда мы не сопоставляем предмет социологии как науки в целом с предметом той или иной отраслевой социологии. Посмотрите, как в литературе определяют предмет социологии труда, социологии молодежи, социологии города, социологии досуга и т.д., и вы увидите, что зачастую нет никакой связи между определениями и трактовками предмета социологии как науки в целом и предмета той или иной конкретной области социологического изучения.

Особый теоретический интерес в последние годы у меня проявляется к поиску связей между различными отраслями социологического знания, объективно расположенными «близко» друг к другу по объекту, предмету, кругу рассматриваемых проблем, а субъективно – с точки зрения конкретного социологического творчества – никак не связанных между собой. В 2006 г. у меня вышла книга «Социология досуга и культуры» (Зборовский Г.Е. Социология досуга и культуры. М., 2006),

в которой я предпринял усилия к поиску методологических и даже методических связей между социологиями культуры и досуга (досуг – часть культуры, ее сфера, методы ее исследования могут быть применены к изучению досуга; с другой стороны, исследование свободного времени, в том числе и с помощью бюджетного метода, обогатит представление о типах культурно-досуговой деятельности людей и т.д.).

В своей последней работе (Зборовский Г.Е. Знание и образование в социологии: теория и реальность. Екатеринбург, 2013) я рассматриваю проблемы методологии, истории, теории и практики исследования знания и образования как порознь, так и в их взаимосвязи (знание как содержание образования), показываю становление и развитие двух отраслей социологической науки – социологии знания и социологии образования, подчеркивая необходимость их совместных исследований. В центре моего внимания – наиболее значимые проблемы знания и образования вообще, социологического знания и образования в особенности. Но, пожалуй, главное, на что хотелось бы обратить внимание, – это анализ образовательного знания как особого вида знания, в том числе и образовательного знания социологии. Это вид знания, который находится между научным и повседневным, обыденным знанием. В книге исследуются современное состояние и перспективы социологического знания и образования.

А теперь, после того как я попытался описать и объяснить то, чем я занимался в теоретической социологии последние несколько лет, я коротко скажу о том, что делаю сейчас и отчасти – что буду делать дальше. С точки зрения организационной меня не может не волновать удручающее положение теоретической социологии в стране (может быть, я излишне драматизирую ситуацию? Не знаю). Я его называю социологическим провинциализмом (в последней книге я подробно о нем пишу и посвящаю ему целый параграф в главе). Социологи не хотят или не могут работать в области теоретического знания. Я думаю, это следствие низкой культуры (общей и профессиональной), незнания зарубежной социологической литературы, иностранных языков. Даже в Екатеринбурге (согласитесь, не самая большая провинция, четыре социологических факультета в вузах города, два диссертационных Совета, свои журналы и др.) по существу нет серьезно работающих людей в области теоретической социологии. Очевидно, к ней нет интереса, такая деятельность не востребована.

Что касается моего собственного интереса в данный момент, то он связан с попыткой определить некоторые сценарии и тенденции развития теоретической социологии. Я думаю, их

нужно видеть на путях усиливающихся связей теоретической социологии с естественными и социально-гуманитарными науками. По-моему, социология отчасти возвращается на «круги своя» (позитивизм). Не случайно в последние годы все чаще говорят о физически ориентированной социологии, биосоциологии, инвайроментальной социологии, нейросоциологии, наносоциологии. Появилась даже пренатальная социология. Мне очень импонирует с этой точки зрения концепция мобильностей Дж.Урри, в которой теоретическая социология оказывается тесно связанной с развитием современных средств связи, транспорта и т.д. Мне лично кажется очень привлекательной концепция нанообщества, и я подумываю о том, чтобы «подумать» в этом направлении.

Вообще же, если говорить честно и откровенно, безумно устал от этой гонки, от книг, статей, исследований, докторантов, аспирантов, конференций, докладов и т.д. Хочется чуть-чуть отдохнуть, соскучиться по работе, не торопясь подумать. «Служенье муз не терпит суеты...».

В последнее время в статьях Л.Д.Гудкова, А.Ф.Филиппова и ряда других социологов звучат резко критические замечания относительно проводимых российскими социологами теоретико-методологических поисков. Что Вы скажете по этому поводу?

Я хорошо знаю об этой позиции и лет десять назад, не скрою, во многом был с ней согласен и даже где-то об этом писал. Ее впервые озвучил в полной мере А. Филиппов в книге «Теория общества». Если не ошибаюсь, это было в 1999 г., и у него в ней была большая статья «Теоретическая социология». Я ее хорошо помню и помню его аргументы. Они были отчасти убедительны. Спустя лет пять, еще при жизни Ю.А.Левады, аналогичную точку зрения высказал и Лев Гудков (Юрий Александрович, по-моему, на эту тему не высказывался, хотя я могу и ошибиться, но я у него не читал об этом ничего). В последние годы (2009-2011) Л.Д.Гудков довольно резко писал об отсутствии у нас настоящей теоретической социологии, А.Ф.Филиппов же, как мне кажется, чуть «подостыл». Не знаю, так ли это, но ощущения у меня именно такие.

Что касается моих взглядов по этому вопросу, то они по-прежнему не однозначны. С одной стороны, мне представляется, что в условиях отсутствия гражданского общества в нашей стране, господства вертикали власти, полицейского государства, серьезных ограничений в области свободы высказываний и поступков трудно рассчитывать на появление социологических теорий, в которых будет адекватно рассматриваться

то самое негражданское общество, которое имеем. Ведь неизбежным выводом, который должен следовать за такими теориями (и в них самих), должен быть вывод о том, что подлинно научной, аутентичной социологической теорией будет только та, которая укажет на пути и способы замены негражданского общества, неправового государства и власти в нем и создания подлинно гражданского общества и правового государства. Но сегодня вряд ли можно на это рассчитывать – по разным причинам, о которых здесь говорить не буду.

С другой стороны, мы сегодня имеем ряд вполне законченных («приличных») теорий (к примеру, теория трансформаций общества Т.И.Заславской и В.А.Ядова [Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социол. журн., 2009, №1], теория социального неравенства О.И.Шкаратана [Шкаратан О.И. Социальное неравенство. Теория и реальность. М., 2012]), в которых дается глубокий анализ социальных явлений и процессов, характерных для современного этапа российского общества. Причем, эти теории имеют и национальный характер, и в то же время вписываются в мировые тенденции, что как раз и позволяет соотносить их не только с сугубо национальными, но и с интернациональными теориями. Что особенно важно (для меня), они лишены всяких идеологических подпорок. Их отсутствие я считаю обязательным условием «нормальной» социологической теории. Поэтому, делаю я вывод, есть определенные основания говорить пусть и об ограниченном, но все-таки имеющем место в нашей стране теоретико-социологическом пространстве. Перспективы его расширения в настоящее время туманны, многое будет зависеть от отношения социологии и власти (или наоборот). Потому что когда «социологическая властвующая элита» устами М.К.Горшкова заявляет, что социология может и должна быть полезна власти, а власть – социологии и вслед за этим: не нужно пугать власть своими оценками и выводами, а следует доказывать полезность социологического участия в государственных делах (Горшков М.К. Общество – социология – власть // Социол. исслед., 2012. №7), на что можно рассчитывать с точки зрения создания аутентичной теоретической социологии?

Вы были в прошлом году хотя бы на одном из съездов российских социологов? Если да, то что вам запомнилось из новых работ в области теоретической социологии?

Да, был, в Уфе, на конгрессе РОС в октябре. Не мог не быть, я ведь вице-президент Российского общества социологов. Было

много теоретиков и методологов: В.А.Ядов, Н.Е.Покровский, А.Б.Гофман, Ж.Т.Тощенко, Н.Ф.Девятко, Г.Г.Татарова, Е.А.Здравомыслова, М.Ф.Черныш, В.В.Козловский и др., всех сразу не вспомнишь. Причем я не только был и делал доклад «Социологический провинциализм: вчера, сегодня, завтра», но и руководил одним из заседаний – вместе с Ж.Т.Тощенко. Из новых работ (докладов) на конгрессе почти ничего, к сожалению, не запомнилось. Честно сказать, я давно уже не жду на конгрессах и конференциях чего-то очень нового, поскольку знаю правило исследователей: сначала опубликуй, а потом об этом говори. Сам я как раз поступаю наоборот, но давно уже подметил такую особенность у многих других теоретиков. Иное дело – доклады о результатах эмпирических исследований. Тут нового – хоть отбавляй. Я объясняю это обстоятельство не очень крупными, скорее локальными результатами проведенных исследований, на которые желающих покуситься – не так много. В принципе же хочешь узнать что-то новое – читай книги, журналы и Интернет.

Тогда, Гарольд, к Вам вопрос как вице-президенту РОС. Есть разные точки зрения относительно существования в России не одной, а нескольких профессиональных объединений и, соответственно, проведения нескольких социологических конгрессов. Одни считают это нормальным, отражающим многообразие путей развития российской социологии, другие видят в этом конфликт, говоря словами профессора Теодора Шанина, не в социологии, а в социологическом сообществе. Каково Ваше мнение?

Я думаю, что конфликт имеет место не только в социологическом сообществе, но и в социологии. То, что в ней существует несколько профессиональных объединений, является совершенно нормальным. Более того, ряд представителей различных объединений участвует в деятельности других. Так, на конгрессе в Уфе принимали участие члены сообщества профессиональных социологов, общества им. Ковалевского. Суть дела в другом. Нездоровая атмосфера вызвана стремлением руководителей некоторых из них (называю конкретные фамилии – Г.В.Осипова, В.И.Жукова, В.И.Добренькова) поднять под себя все социологическое сообщество, узурпировать власть над ним, добиться изменения ситуации. Ведь Российское общество социологов было объявлено правопреемником Советской социологической ассоциации более 20 лет назад, и с тех пор представляет Россию в МСА и ЕСА. Более того, его авторитет постоянно растет, растет численность членов РОС, большая часть субъектов РФ представлена в РОС. Но именно это и не

нравится тем, кто занимает высокие руководящие должности в своих административных структурах, а общественные объединения оказываются вне зоны их контроля. В нашей стране существует известная традиция, которая называется вертикалью власти. Но в социологии она пока не работает, и очень хотелось бы, чтобы не работала и дальше. Между тем, именно за соблюдение этой традиции и выступают поименованные выше люди. Это – одна сторона конфликта.

Другая находится глубже и касается содержательного и даже идеологического размежевания социологов. Пример: Российская социологическая ассоциация (РоСА), руководителем которой является декан социологического факультета МГУ В.И.Добренков (некоторое время назад официально уличенный в плагиате), совершенно четко проводит линию на сотрудничество с православной церковью и объявляет идеологическими устоями современной социологии православие, самодержавие и народность (см. его статью в журнале «Социс», 2009, №8). Ситуация складывается таким образом, что появляются авторы, которые могут публиковаться в одних изданиях, а в другие им дорога закрыта. Дело доходит до того, что вводится запрет на цитирование тех или иных социологов. Так что существующее противостояние в отечественной социологии имеет совсем не безобидный характер. Я считаю, что оно отражает, по крайней мере, отчасти реальный раскол, который существует в российском обществе.

Расширились ли в последние годы возможности социологов Екатеринбурга и других не столичных городов для ознакомления с достижениями западной социологии?

В последние годы – в связи с распространением Интернета, новых коммуникаций и технологий – у меня на этот счет изменилось мнение. Раньше я считал, что не столичные города обделены возможностями в плане изучения западной социологии. А сейчас, точнее несколько лет назад, понял, что дело в людях, а не в городах. Можно быть социологическим провинциалом в Москве и Питере, не читать, не интересоваться, не работать, не публиковаться, не стремиться к контактам и общению, а можно жить в глухой провинции (конечно, не в самой глухой) и по-современному работать.

Понятие социологического провинциализма имеет не только (а в ряде случаев и не столько) географический, но и содержательный характер. Он означает концептуальное и технологическое отставание социологии и социологов (научных коллективов) от передовых достижений науки. Явление

социологического провинциализма – это иной, более низкий ее уровень. Социология – не математика, физика или биология, передовые рубежи развития которых имеют более строгие и четкие очертания, нежели у социогуманитарных наук. Но и у последних, включая социологию, есть критерии достижений: актуализация современных методов исследования (связанных в том числе с применением компьютерных технологий), появление новых концепций как способов интерпретации возникающих социальных процессов и явлений, использование этих концепций в социологическом сообществе как факт научного признания их ценности и полезности, эффект критического анализа исследований со стороны коллег по сообществу, публичность и общедоступность материалов этих исследований, достигаемая благодаря СМИ и переводам работ на иностранные языки. Стремление соответствовать названным исследованиям – и есть преодоление социологического провинциализма в России, путь развития в ней современной социологии. И еще одно важное обстоятельство: социологический провинциализм – это своеобразное состояние души социолога (группы социологов), ее стремление к покою, а не к активному социологическому продвижению вперед. Это отсутствие мотивации социологического творчества, нежелание проводить социологические исследования и публиковать их материалы, участвовать в научных дискуссиях, писать проекты и бороться за получение грантов и заказов.

К сожалению, как мне кажется (так хотелось бы ошибиться!), социологи Екатеринбурга (в своем большинстве) не очень стремятся быть на уровне современных тенденций, особенно в области теоретической социологии. Это вызывает у меня глубочайший пессимизм. Я ведь член диссертационного совета и ежегодно заслушиваю от 10 до 20 защит, включая несколько докторских. Была бы моя воля, как минимум 70% работ (а, может, и больше) я бы не допускал к защите – мало того, что работы слабые, еще и защиты слабые. Стоит задать вопрос относительно знания диссертантами современных зарубежных работ (причем по их же проблемам), как тут же ступор. Все это свидетельствует о низкой социологической культуре и низком уровне профессиональных знаний.

Кстати, по поводу современной зарубежной социологической литературы, точнее, ее переводов на русский язык. Сегодня переводится достаточно много работ известных зарубежных социологов, но у них у всех (это правило) есть как минимум один общий и довольно существенный недостаток: между публикацией книги (статьи) в оригинальном виде и ее изданием на русском языке имеет место большой интервал времени,

иногда до 20 лет. Читатели часто этого не замечают, и у них создается впечатление, что если книга опубликована в 2012 г., значит, она является новой, прямо-таки новейшей, хотя на самом деле автором могла быть написана очень давно. Вот лишь один пример: концепция структуризации известного современного английского социолога Э.Гидденса была впервые опубликована в виде книги в 1984 г., а на русском языке она вышла в свет спустя почти 20 лет (Э.Гидденс. Устройство общества. М., 2003). Так что часто складывается весьма ошибочное впечатление, что мы читаем книги «с пылу, с жару». К сожалению, нет, и это усложняет общую ситуацию с изучением зарубежной социологии.

Вообще говоря, занятия теоретической социологией предполагают и повышенное внимание к истории социологии. Но Вы этой проблематикой занимаетесь целенаправленно. Когда и в силу каких обстоятельств история нашей науки попала в область Ваших особых интересов?

Я абсолютно согласен с такой постановкой вопроса: действительно, занятия теоретической социологией предполагают и повышенное внимание к истории социологии. Однако мой интерес к ней был вызван не только этой, но и целым рядом причин.

1. Я давно начал писать учебные пособия, а затем и учебники по социологии: первое из них, «Социология для студента» было опубликовано в 1990 г. Оно было небольшое, чуть больше 200 стр. По-моему, это было одно из первых учебных пособий в СССР (про которое мало кто знал, потому что оно было издано в Свердловске). Написание таких работ невозможно без обращения к историко-социологическому «Введению», которое является первым (или одним из первых) разделом в книгах подобного рода. Вслед за этим пособием я написал еще несколько, в том числе и учебник (вместе с Г.П.Орловым), который вышел в Москве в 1995 г. (он был признан победителем сороковского конкурса, и первый в своей жизни долларовый гонорар я получил именно за него).

2. Моя докторская была связана с социально-историческим анализом категории «свободное время», что потребовало выхода на «круг» литературы, выходящей далеко за пределы только этой категории. Понадобилось глубокое и детальное «вхождение» в историю социологии как раздел социологической науки в целом.

3. Я все же историк по образованию, и тяга к историко-социологическому анализу почти что в крови.

Собственно сам учебник по истории социологии я писал и издавал в два этапа. В 2000 г. появилась «История социологии. Классический этап», через год после этого – «История социологии. Современный этап». В 2003 г. в Екатеринбурге я издал большую работу «История социологии» (почти 900 стр.), где обе части были сведены. Появилась глава по истории социологии на Урале (впервые). В 2004 г. «Гардарики» в Москве также издали мою «Историю социологии», потом это сделали еще 2 или 3 раза (но уже без главы о социологии на Урале).

Почему я пришел к необходимости издать этот учебник? Строго говоря, не только его, но и другие. Дело в том, что в 1997 и 1999 гг. у меня вышло два издания большого (по объему почти такого же, как «История социология») учебника по «Общей социологии», потом в Москве – еще одно, третье (в 2004 г.). В 2002-2004 г. была опубликована «Прикладная социология» (в соавторстве с Шуклиной – сначала в Екатеринбурге, затем в Москве), в 2004–2005 гг. – «Социология управления» (в соавторстве с моей докторанткой, ныне профессором, д.с.н. Н.Б.Костиной), затем – «Социология образования», в 2006 г. – «Социология досуга и культуры», также в Москве. Я привел этот перечень учебников и учебных пособий с одной целью – сказать о том, что ощущаю себя в первую очередь не ученым (упаси господь крупным), а профессором. Вероятно, мои самооценки не совпадают с оценками со стороны. Я люблю читать студентам, магистрантам, аспирантам свои авторские курсы, по которым есть мои учебники. Многие мои коллеги считают, что ряд учебников Зборовского имеет монографический характер (что, отмечалось, кстати, и в некоторых рецензиях, в том числе и на «Историю социологии»). Если это, действительно, так, я безмерно рад.

Неожиданно для меня оказалось, что подготовка учебников и учебных пособий таит в себе значительные перспективы творческого роста, подчас гораздо большие, чем проведение исследований по отдельным проблемам и написание на их основе монографий. Эта работа позволяет не просто систематизировать и синтезировать накопленные в самых различных областях социологической науки знания. Она требует постоянного отслеживания и изучения большого объема социологической литературы, что заставляет постоянно находиться, если можно так выразиться, в хорошей научной форме.

С другой стороны, не меньшее значение в этом плане имели для меня постоянное чтение лекций и семинарские занятия со студентами и аспирантами. Это тот педагогический полигон, где можно на практике проверить качество изданных либо готовящихся к изданию учебников. Данное обстоятельство

являлось для меня очень важным при подготовке каждого из них. Я бы не хотел осуждать некоторых моих коллег – авторов учебников и учебных пособий по общей социологии, истории социологии, отраслевым социологиям, но когда читаешь некоторые из этих книг, то сразу возникает вопрос: насколько они апробированы в студенческих аудиториях? Ответ на него часто бывает неутешительным. Я взял себе за правило: не публиковать работ для студентов, пока не будет прочитан (причем желательно не один раз) соответствующий курс в аудитории.

При написании учебников и учебных пособий я руководствуюсь несколькими, для меня наиболее важными принципами. Это, в первую очередь, доступность, учет специфики аудитории. Еще один принцип – ограниченность полемики и ее весьма умеренный характер. Так, при создании учебников по истории социологии передо мной стал вопрос, в какой форме высказывать собственное отношение к творчеству современных социологов и мыслителей прошлого. Конечно же, был соблазн полемизировать, не соглашаться и даже критиковать. Тем более, что речь идет о точках зрения, многие из которых сегодня выглядят наивными. Однако путь был избран иной: показа реальных достижений социологической мысли, позитивного отношения к ним и формирования у читателя аналогичной позиции относительно всей истории социологии.

Подытоживая в целом работу по написанию учебников и учебных пособий по социологии (кстати, за них мне была присвоена премия МГУ им. Петровского в 2003 г.), должен отметить, что это очень важное направление в моей профессиональной жизни. Сразу скажу, что сейчас пока ничего не пишу из работ этого жанра. Нужно бы подготовить новое издание «Основ социологии» (раньше называлась «Общая социология»), но пока выраженного желания нет. Надо чуть-чуть отдохнуть и от этого.

Поговорим немного об истории отечественной социологии? Прежде всего, как вы ее называете – русской или российской и как периодизируете ее развитие?

Отечественную социологию я называю исключительно российской, причем именно ту часть ее истории, которая была связана с дореволюционным (до октября 1917 г.) развитием страны. Эта социология возникла и развивалась на территории России, в этом смысле (для определения названия) ее национально-этническая характеристика не имеет никакого значения. Возникает российская социология после реформы 1861 г. (или реформ 1860-х – 1870-х гг.), связана с появлением

капитализма в России. Конечно, имел место предсоциологический этап, главное место здесь занимали взгляды Чаадаева и Кавелина, хотя я прекрасно осознаю роль Майкова, Вырубова, Новикова, славянофилов и западников в развитии этого этапа. Я считаю, что отечественная социология XIX в. возникла гораздо позднее, чем западная (как минимум, лет на 30, я имею ввиду, прежде всего, позитивистские взгляды, которые были исторически первыми и на Западе, и у нас), и в этом смысле она вторична. Я противник утверждений об оригинальности российской социологии и считаю, что они хорошо иллюстрируют известный анекдот о России как о родине слонов. Оригинальными являются отдельные теории и направления, например, субъективная социология и тесно связанное с ней психологическое направление (Кареев, Лавров, Михайловский, Южак, де Роберти).

За чуть более чем полувековое развитие российской социологии (после 1861 г.) условно можно выделить три периода: первый – 1860-1890-е гг. (господство субъективной социологии и позитивизма), второй – 1890-е гг. – начало XX в. (господство неокантианства), третий – начало 1890-х гг. – рубеж 1910-1920-х гг. (господство неопозитивизма). В моем учебнике по истории социологии рассмотрению этого этапа – я его называю классическим – посвящено около 100 страниц текста (5 глав). Помимо характеристики особенностей российской социологии в целом, каждого периода в частности, подробно рассмотрены взгляды и теории таких авторов, как упомянутые выше социологи, а также Ковалевский, Данилевский, Стронин, Лилиенфельд, Мечников, Хвостов, Кистяковский, Петражицкий, Новгородцев, Тахтарев, Звоницкая и, конечно, Сорокин (российский этап его творчества; американский подробнеем образом охарактеризован во второй части учебника, посвященного современному этапу развития социологии).

В целом я считаю, что российская социологическая «классика» оказалась не столь протяженной во времени, как европейская, и менее насыщенной социологическими открытиями, событиями и исследованиями. В России не произошла хотя бы частичная институционализация социологии: ее не было в вузах, она не была признана правящей верхушкой, не проводилось эмпирических исследований, так и не было создано сообщества социологов (если не считать общества Ковалевского, появившегося после его смерти, но это уже было в конце), Россия не дала миру ни одного социолога крупного, «классического», мирового масштаба (Сорокин не в счет, он стал широко известным уже в США).

Вы знаете письмо А.Г. Здравомыслова ко мне, в котором он писал: «Я отсчитываю начало российской социологии с А.И. Герцена. А Зборовский – с Михайловского и Лаврова. В этом суть того, что я назвал недооценкой, а так учебник неплохой». Как бы Вы прокомментировали эти слова?

Я могу лишь продолжить свои рассуждения, предложенные в ответе на предшествующий вопрос о периодизации российской социологии. Коротко говоря, я не считаю Герцена социологом, а Лаврова и Михайловского – считаю. Как и всех «западников», я его отношу к «предсоциологам», т.е. к тем мыслителям, которые идейно обеспечили появление российской социологии в послереформенный период. Вообще же вопрос упирается в критерии: 1. что считать точкой отсчета российской социологии; 2. кого считать социологом, а кого – нет. Это – сложнейшие теоретические вопросы, и суть моих расхождений как с А.Г.Здравомысловым, так и с названными Вами в следующем вопросе петербургскими социологами А.О.Бороноевым, И.А.Голосенко, В.В.Козловским состоит именно в трактовках этих критериев. Сразу хочу сказать: я не считаю себя достаточным специалистом по отечественной социологии дореволюционного (1917 г.) этапа, достаточным в том смысле, что специально не исследовал творчество подавляющего большинства российских социологов середины и второй половины XIX – начала XX вв., хотя, разумеется, все (или почти все) основные их работы мне хорошо известны. Для написания учебника мне не нужно было детально разбираться в нюансах их идей и взглядов. В конце концов, у меня была другая задача: я писал учебник не по истории российской социологии. Последнюю же рассматривал как часть мировой истории социологии.

Вообще вся эта ситуация и весь этот спор мне удивительным образом напоминает дискуссию о зарождении социологии на Западе. Тот же самый вопрос: кого считать основоположником этой науки? Тот же самый вопрос: кто – социолог, а кто – нет, но объективно готовил своими работами и идеями ее появление? Почитайте Раймона Арона, одного из крупнейших теоретиков и историков социологии середины прошлого столетия, и Вы увидите, что он начало социологии связывает с именем не Конта, а Монтескье. В «Этапах развития социологической мысли» (М., 1993) Арон прямо называет его основоположником социологической мысли, посвящая ему первую главу своей фундаментальной монографии (творчество Конта он рассматривает во второй главе). Но я считаю, что с таким же, а, может быть, большим успехом имеет смысл связывать зарождение

социологии если не с Контом, то скорее с Сен-Симоном, ибо все базовые положения позитивизма были сформулированы именно им (я имею ввиду его «Очерк науки о человеке», 1813 г.). Тем более, что Конт реально был его учеником, проработав 7 лет личным секретарем у своего патрона и постоянно вращаясь все эти годы в мире его идей и суждений. Но предмет, метод, основные понятия, принципы, наконец, проблематику и т.д. социологии сформулировали не Монтескье, не Сен-Симон, а Конт. Кто-то из американских социологов конца прошлого века сказал, что Конт дал социологии не только имя, но и программу. И я с этим согласен. Именно это обстоятельство дает главное основание не только мне, но и значительной части социологов считать Конта основоположником социологической науки. При этом в любом случае, кого бы ни рассматривали в качестве основоположника, французский след в основании социологии оказывается самым сильным и заметным и практически не подлежит сомнению.

В случае с российской социологией ситуация далека от проведения прямой аналогии, но что-то похожее имеет место. Речь идет о том, кто формулировал базовые социологические, подчеркиваю, именно социологические трактовки (предмета, метода, основные взгляды на общество, его структуру, социальную, экономическую и политическую систему, личность и т.д.), а кто – нет. С моей точки зрения, это делали именно те, кого я отношу к представителям социологической науки и кого называю среди них. Еще раз повторяю: при всем величии Герцена как мыслителя я не считаю его социологом. И в этом – суть различий между моим подходом и подходами моих коллег. Такие же рассуждения уместны и в ответе на следующий ваш вопрос (считаю, что по существу уже на него ответил). Не в том дело, кого персонально выделять; главное – на основании каких критериев.

Несколько лет назад Вы изложили свои взгляды на историю социологии в петербургском «Журнале социологии и социальной антропологии». Что объединяет и что разъединяет Вас в трактовке дореволюционного периода российской социологии с петербургскими исследователями? Я имею в виду А.О. Бороноева, И.А. Голосенко, В.В.Козловского и других.

Что же касается трактовки всего дореволюционного периода российской социологии, точнее различий в этой трактовке между мной и уважаемыми мною (Вами названными) коллегами, то еще раз отмечу явную недооценку (и этим подтверждаю мнение А.Г.Здравомыслова) мною оригинальности оте-

чественной социологии (в сравнении с их оценками), причем недооценку не случайную, а осмысленную и подтверждаемую. Я называю отечественную социологию вторичной по происхождению, возникшей в значительной степени под влиянием западных работ. Не случайно отечественная дореволюционная социология не получила (за редким исключением – Ковалевского, де Роберти, Вырубова, Новикова) широкого признания за рубежом России. Возможно, дело в том, что русскоязычные работы мало кто читал на Западе (как это происходит и сейчас). Но многие дореволюционные социологи хорошо владели иностранными языками и публиковались в зарубежных изданиях время от времени, тем не менее, популярность их работ была невелика. О чем-то это, вероятно, говорит. Впрочем, возможно, что какие-то вещи я недостаточно хорошо знаю и не совсем верно оцениваю.

Если Вы заметили, в моем вопросе я спрашивал об истории отечественной социологии в целом, потому, пожалуйста, распространите Вашу периодизацию на весь период советской социологии и до наших дней.

Именно этого – вопроса о периодизации всей отечественной социологии – я как раз и не понял. Как мне показалось, он касался истории отечественной социологии (слова «всей», в целом, не было) и ее названия (русской или российской), а также периодизации. Поскольку Вы меня спросили о периодизации российской социологии, я о ней и говорил, имея в виду, что после 1917 г. начинается советская социология, которая после 1991 г. вновь «превращается» в российскую (такие словесные сложности – хитрости). Периодизация советской (затем российской) социологии мне представляется следующей.

Первый период – с конца 1917 г. (от Октябрьской революции) до начала 1930-х гг. В его рамках я выделяю два подпериода. Первый – с конца 1917 до конца 1922 г. (высылка Сорокина из России, сведение на-нет немарксистских публикаций и социологической деятельности их авторов) – я определяю в самом общем плане как время противоборства немарксистской (антимарксистской) и марксистской социологии, второй подпериод – с конца 1922 г. до начала 1930-х гг. – как время утверждения и победы марксистской социологии, завершившееся, в точном соответствии с логикой развития социальных и идеологических процессов в СССР, реальным запретом и теоретических, и эмпирических социологических исследований. Затем наступает перерыв в развитии социологии (начало 1930-х – конец 1950-х гг.), когда в условиях господства ста-

линского режима социология оказалась под запретом.

Второй период – конец 1950-х – конец 1980-х (начало 1990-х) гг. В его рамках я выделяю два подпериода – конец 1950-х – начало 1970-х гг., который я определял как время возрождения отечественной социологии (но здесь – еще раз говорю – я согласен с Вами, что гораздо точнее определять этот подпериод как время ее нового, второго рождения, поскольку возрождаться было не из чего), и второй подпериод – с начала 1970-х гг. до конца 1980-х гг. – как социологию периода застоя.

Наконец, с 1990-х гг. по настоящее время отечественная (вновь российская) социология переживает новый этап своего развития, характеристику которого я бы не рискнул дать в нескольких словах, поскольку это и институционализация социологии, и социологическое образование, и свобода социологического слова (пока еще), и широкая издательская деятельность, и развитие рынка социологических услуг, и новое социологическое мышление, и интеграция отечественной социологии в мировую науку, и развитие социологии в регионах России и т.д. Считайте, что я дал краткую аннотацию этого этапа.

Что приобрела и что потеряла современная российская социология в результате перестройки и уже длительного постперестроечного периода?

Прежде всего, я думаю, что приобрела гораздо больше, чем потеряла. На первое место из приобретений я бы безоговорочно поставил свободу – свободу социологического слова и свободу действий. Молодое поколение социологов, конечно же, это не чувствует и даже с трудом понимает, о чем идет речь. Приведу лишь один пример. Когда я рассказываю студентам и аспирантам, как меня через год после защиты докторской вызывал к себе первый секретарь Свердловского ОК КПСС Я.П. Рябов, который потом стал секретарем ЦК КПСС, и заставлял идти заведовать кафедрой в другой вуз, против чего я категорически возражал, а в ответ грозил всеми карами – исключением из партии (если я неправильно понимаю ее задачи – это был главный аргумент), лишением ученой степени, невозможностью трудоустроиться по специальности и т.д., они смотрят на меня с выпученными глазами и не верят, что такое может быть. А я им говорю, что именно так и было, что человеческая судьба ничего не стоила, и при этом рассказываю, что двухмесячное противостояние закончилось моим поражением, и я вынужден был согласиться. Правда, потом этот же Рябов на заседании

бюро Обкома партии разливался соловьем в мой адрес («молодой, талантливый ученый, наша гордость» и пр.). К этой истории должен добавить, что такой рассказ не прибавляет мне уважения со стороны слушателей («оказался слабаком, сломался»...). Да, это так, правда, я пытаюсь объяснить, что у меня была семья, я думал о ней больше, чем о себе, но такой аргумент не из самых сильных, это понятно. Зато сейчас я прекрасно понимаю, что значит свобода. Последний случай (двухнедельной давности): меня приглашает губернатор выступить с докладом на каком-то семинаре под его руководством, а я отказываюсь, потому что не испытываю к нему ни капли уважения. Мне ясно, что он ничего не сможет сделать, даже если захочет: ниже профессора не сошлут. И еще: губернаторы приходят и уходят, а профессора остаются. Но это уже «лирика».

При этом я понимаю и сразу хочу сказать, что свобода все равно неполная: в полицейском государстве, в условиях авторитарного режима она по определению не может быть другой. И эта ограниченность так или иначе дает о себе знать, поскольку мерзко и противно, когда невинных людей бросают за решетку, когда появляются политзаключенные, когда гнобят бизнес, когда дикая, откровенная коррупция, когда ... Этого «когда», к сожалению, много, очень много, и оно неизменно, «когда» нет гражданского общества.

Однако я очень отвлекся. Из приобретений российской социологии, помимо определенного уровня свободы, несопоставимого с тем, что было при Советской власти, я бы назвал: новый статус науки и профессии, появившееся социологическое образование, возможность издаваться практически без ограничений, поездки за рубеж – самые разные, с самыми разными целями... Наверняка что-то не назвал, но главное выразил.

Что касается потерь, то некоторые из них, мне представляется, являются продолжением приобретений (так же, как наши недостатки часто бывают продолжением наших достоинств). Я бы сказал о резко снизившемся уровне социологического образования. Конечно, эта ситуация связана не только с социологией, но и в целом с положением дел в образовании страны. Вспоминаю своих студентов первой половины 1990-х гг.: горят глаза, энтузиазм, на семинарах каждый стремится что-то сказать, поспорить, знающие язык переводят источники, издаем хрестоматию по зарубежной социологии и т.д., и сравниваю их с нынешними, которым в подавляющем большинстве вообще ничего не нужно. Конечно, очень разнится исходный уровень, с которым приходили студенты 20, даже 15 лет назад, и то, что есть сейчас. Но оттого, что мы видим и

понимаем и связываем ситуацию с положением дел в стране и в образовании в целом, социологическому образованию легче не становится. Зато становится неинтересно преподавателям приходить в аудиторию, а мотивированные студенты, которых не более 15-20% (в среднем), испытывают сильнейшее негативное влияние группы в целом (не лезь, не высывайся, тебе что, больше всех надо?).

К числу потерь я отношу очень серьёзный «раздрай» в социологическом сообществе, который начался около 7 лет назад событиями на социологическом факультете МГУ и вовлек в свою сферу значительную часть социологов. Я не вижу ему конца-края и предвижу только усиление раскола среди социологов. Совершенно очевидно, что резко упал авторитет соцфака МГУ, равно как и тех, кто его поддерживает. А это очень плохо, особенно для престижа российской социологии за рубежом.

Проблемы на факультете начались с недовольства группы сильных студентов процессом преподавания. Они стали жаловаться на то, что с факультета ушли многие сильные преподаватели, что они не имеют возможности слушать ведущих социологов страны, которых не приглашают для чтения отдельных курсов или даже лекций, что их заставляют чуть ли не по одному учебнику сдавать все дисциплины (имеется в виду «Фундаментальная социология» В.И.Добренькова и А.И.Кравченко) и т.д. Они требовали встречи с ректором, выдвинули свои претензии. Кончилось тем, что ряд студентов был исключен из университета. Слава богу, социологическое сообщество не осталось в стороне, ребят восстановили в других вузах, и они получили социологическое образование. Но в процессе «разматывания» этого клубка были выявлены случаи плагиата в работах декана, о чем было написано письмо ректору В.А.Садовничему. Случаи плагиата выявила специальная комиссия, которая состояла из ведущих ученых. Российское общество социологов вместе с ними обратилось к руководству МГУ с предложением сменить руководство факультета, однако ничего сделано не было. Все осталось по-прежнему. Руководство факультета настолько себя дискредитировало, что стало объектом критики МСА. В частности, об этом неоднократно говорил (в том числе и на III Всероссийском социологическом конгрессе в 2008 г.) президент МСА М.Вевьерка. к этой некрасивой ситуации следует добавить попытку руководства Российской социологической ассоциации – Г.В.Осипова и В.И.Добренькова, а также В.И.Жукова, который возглавил Союз социологов России – узурпировать власть в социологическом сообществе России. Понятно, что из этого ничего не

получилось, но раскол в нем был обеспечен полнейший. Сегодня он еще более усугубился, что проявилось в проведении двух параллельных социологических конгрессов в 2012 г. Немалую роль в этом сыграли действия Г.В.Осипова, который, пользуясь поддержкой Президиума РАН, вопреки протестной позиции Российского общества социологов (в адрес Президиума РАН было направлено специальное письмо), «продал» решение о проведении параллельного конгресса.

Не могу не назвать среди того, что сегодня огорчает, гигантское количество слабых книг по социологии – учебников и монографий. Это – следствие, точнее, продолжение тех больших публикационных возможностей, которые открылись в 1990-е гг. Резко ослабло действие фильтров (рецензенты, общественное мнение, критика и т.д.), а отсюда и низкое качество многих публикаций. Массовизация социологии – так бы я назвал этот феномен – привела к резкому снижению требовательности к ней и усилила неудовлетворенность ею в обществе. Последняя связана еще и с существенной разницей в результатах, полученных в ходе опросов общественного мнения по схожим проблемам, в чем многие видят определенную ангажированность тех или иных социологических служб, а иногда и прямое вмешательство Кремля.

Вспомним, как активно в СССР развивались исследования образа жизни, сколько было сделано в области социального планирования трудовых коллективов (в том числе, и в Свердловске) и по ряду других тем. Как Вы думаете, в обозримом будущем результаты этой работы будут востребованы или останутся лишь частью истории нашей социологии?

Я думаю, что какие-то исследования и их результаты будут востребованы социологами (и не только ими) и в дальнейшем (трудно сказать, насколько обозримом), какие-то – канут в Лету. Всё, что было связано с идеологией советского времени, несомненно, уйдет. Вот, к примеру, проблематика образа жизни. Конечно, вся «накипь», связанная с «преимуществами советского социалистического образа жизни над буржуазным», давно уже никому не нужна. Но теоретические, методологические и методические разработки исследования образа жизни необыкновенно важны и полезны и сейчас. Думаю, что они пригодятся и в будущем, это касается также результатов эмпирических исследований, особенно в сравнительном плане. Кстати, интересно, что в первой половине 1990-х гг., когда мы активно обсуждали и осуждали многое из того, что делалось при социализме, под «горячую руку»

попала и проблематика образа жизни. Поэтому не случайно был большой перерыв в ее изучении (лет десять, не меньше), когда из «ванн вместе с водой выплеснули и ребенка», т.е. под флагом отказа от проблем социалистического образа жизни ушли и от самого образа жизни как социологической проблемы. К счастью, потом опомнились, и сейчас ей уделяется определенное внимание.

Ваш вопрос об образе жизни попал в «самую точку», поскольку эта проблема мне очень близка, а с ее исследованием была связана одна не очень приятная история. Я занимался этой проблемой с середины 1970-х до середины 1980-х гг., выполнил несколько десятков работ в ее русле. Правда, крупных публикаций не было, кроме одной книги («Как стать незаменимым», Екатеринбург, 1987), зато оказалось много брошюр и самых разных статей. Было и одно серьезное эмпирическое исследование – образа жизни учительства Свердловской области, проведенное на основе разработанной мной методологии его многомерного изучения (включая изучение бюджета времени учителей). Оно было осуществлено в 1977-1978 гг., в самый пик интереса к проблематике образа жизни. Мы получили результаты, которые привели нас к выводу о необходимости глубоких и коренных реформ учительства, школы и всей системы образования, в особенности педагогического (это в разгар «застоя»!). Надо ли говорить, что у меня были очень большие неприятности? Брошюра с материалами исследования, несмотря на то, что на ней стоял гриф «ДСП», попала к министру просвещения. Тот, прочитав ее, топал ногами и «брызгал слюной», требуя осудить и запретить впредь подобные исследования, а по отношению ко мне лично – применить самые жесткие санкции административно-организационного и партийного характера. Слава богу, все обошлось, я отделался выговором.

Не исключаю, что можем вернуться и к проблеме социального планирования трудовых коллективов. Но для этого необходимы объективные предпосылки, прежде всего, стабилизация экономической сферы и нормальная работа бизнес-сообщества. Без этого интереса к таким исследованиям не появится. Когда бизнес поймет, что ему необходимы успешно работающие стабильные трудовые коллективы, он сам будет искать социологов для разработки планов их социального (и не только социального) развития. Впрочем, возможно, я и ошибаюсь, и сегодня мало что в нашей стране может об этом свидетельствовать. Но очень хочется так думать и на это надеяться. «Ничто на земле не проходит бесследно», – поется в известной песне советских лет. То, что было в нашей социологии раньше, тоже не должно пройти бесследно, – так коротко подведу я итог своего ответа.

Назову одну из проблем, следующих из отмеченного Вами снижения уровня интереса студентов к науке и слабого знания ими даже недавнего прошлого страны. Может произойти, если уже не произошло, расщепление послевоенной советской/российской социологии на две, скажем: доперестроеную и постперестроеную. И затем – забвение своего прошлого, аналогичное тому, что мы уже пережили: до недавнего времени почти полное незнание дореволюционной и ранней советской социологии. И не говорит ли сказанное о необходимости активизации исследований по истории недавнего прошлого, а то многое окажется невосполнимо потерянным?

Я согласен с Вами. Такая опасность существует, и новое поколение социологов вполне может превратиться в «манкуртов». Причем эта опасность касается не только «доперестроенной», а также дореволюционной и ранней советской социологии, но и вообще классического социологического наследия. Самое любопытное состоит в том, что этот феномен распространен не только у нас, но и за рубежом, там, может быть, даже еще больше. Когда появляется статья с названием «Зачем нам заморачиваться с Дюркгеймом» (Parker D. Why Bother with Durkheim? Teaching Sociology in the 1990s //The Sociological Review. 1997. Vol.45. №1), отражающая на основании проведенного исследования мнение студентов американских университетов относительно изучения истории социологии, что удивляться этому нам? Думаю, что если бы мы провели сегодня такое же исследование среди наших студентов, вряд ли получили бы другое мнение. Но вообще это интересная тема для анализа.

Отсюда – очевидный вывод: необходима не только активизация исследований по истории социологии недавнего прошлого (что само по себе очень важно), но и работа со студентами в этом направлении. Ни одна разработка темы курсовой и дипломной работы не должна обходиться без ее серьезного историко-социологического анализа.

Дорогой Гарольд Ефимович, через несколько месяцев Вы будете отмечать свой 75-летний юбилей. Наша беседа показывает, что Вам удалось многое сделать в области исследования социальных процессов, в разработке теории и истории социологии, в подготовке социологических кадров и организации нашей науки. Поздравляю Вас и желаю Вам сил и куража для продолжения Вашей деятельности по всем дорогим для Вас направлениям научной и педагогической деятельности!

Татарова Г. Г. – окончила механико-математический факультет Казанского университета, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Основные области исследования: методология и методы социологических исследований. В том числе: принципы интеграции методологического знания на современном уровне развития методологии эмпирической социологии; логическая организация анализа данных на различных классах исследовательских практик; форматы существования социологических данных. Логика анализа слабоструктурированных данных. Интервью состоялось в 2012 г.

**Татарова Г.Г.:
«ИНТЕГРАЦИЯ
МЕТОДОЛОГИ-
ЧЕСКОГО
ЗНАНИЯ —
НЕИЗБЕЖНЫЙ
ЭТАП
В СОЦИОЛОГИИ»***

Галину Галеевну Татарову я знаю очень (и очень) давно. Мы с ней одного поколения, пришли одновременно в социологию из математики, формировались как социологи в одном силовом поле. Она – уже долгие годы – москвичка, но так сложилась ее профессиональная жизнь, что многое в понимании ею социологии и в трактовке роли математических методов в социальном познании роднит ее с представителями ленинградской (ядовской) школы. Галя вошла в «социологические воды» в самом начале 1970-х годов, когда ученые, стоявшие у истоков современной советской/российской социологии, столкнулись с проблемами обработки больших информационных массивов и призвали себе в помощь

* «Интеграция методологического знания — неизбежный этап в социологии» (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 6. С. 2-7.

молодых специалистов, профессионально знающих математику и вычислительную технику. Некоторые из математиков оказались в социологии случайно. Галя — осознанно. Она активно занималась комсомольской работой и почувствовала интерес к социальному. Ей повезло, первой социологической книгой, которую она прочитала, была работа Бориса Грушина «Мир мнений и мнение о мире». Так мир социологии стал и ее миром.

Галя, недавно я начал анализировать генеалогию нашего профессионального сообщества, получается весьма интересно. Короткие семейные истории и уходящие в XVIII век, люди, родившиеся и выросшие в Москве и Ленинграде и приехавшие в эти города из деревень и небольших городов, чтобы получить образование... пожалуйста, расскажи о твоей родительской семье.

Боря, твоя исследовательская задача весьма интересна, но крайне трудна и результаты наверняка будут критикуемы научным сообществом. Во-первых, потому, что форматы уже опубликованных интервью различны. Во-вторых, возникнет проблема репрезентативности (не в статистическом смысле) данных. В-третьих, к анализу лейтмотивных интервью с социологами опасно подходить с «мерками» пригодными для «обычных» респондентов. В-четвертых, некоторые интервью носят характер мемуаров, обусловленных онлайн-опросом. В-пятых, И несмотря на это, огромная тебе благодарность хотя бы зато, что в этой суете часто бессмысленной ты заставил задуматься о многих аспектах моей собственной жизни. Более того, если ты кому-то интересен, пусть хотя лишь Б.Докторову, может ты что-то значишь в жизни отечественного социологического сообщества.

А теперь — к твоему вопросу.

Вспомни о своем детстве, школе, интересах, выборе профессии...

Боря, каждое проведенное тобой интервью уникально по типажам, они значимы для отечественной социологии. Вряд ли я своей скромной биографией могу заинтересовать читателя и претендовать на роль значимой фигуры. Но я, безусловно, принадлежу к тому редкому в твоей картотеке социальному типу, которому советская власть дала образование, привила любовь к Родине и тягу к научному мышлению, ничего и никого не отняла. Может этот факт и будет кому-то интересен.

Я родилась в маленьком городке Арск, недалеко от Казани в татарской семье 8-го ноября 1944 года.

Моя мама была удивительная женщина: молодую 17-ти летнюю колхозницу выбрали бригадиром полеводческой бригады, она соревновалась с бригадой моего деда, который стал на старости лет (после тяжелого ранения на Финской) известным саночником. То, что осталось от раннего детства: у меня были самые роскошные санки в городке, и я лихо съезжала на них с достаточно высоких гор не только в детстве, но и в старших классах. Я росла, и габариты санок росли. На них каталась вся детвора.

У мамы коллективное всегда было выше личного. Думается, я от нее переняла любовь к Родине. Правда, как известно, *чем больше Родину мы любим, тем меньше нравимся мы ей*. Мама вступила рано в партию, была очень умной, порядочной, тонко чувствующей, помогала людям своим и чужим. Одним словом – интеллигент без специального образования. Мой отец был суровым, у него было трудное детство, рос без отца и матери с мачехой, но ему удалось получить образование, он окончил ветеринарный техникум. Отец рано ушел из жизни, его типаж остался для меня не раскрытым. Кстати в связи с этим интервью, я подумала о том, что с родителями я ни разу не ссорилась, я от них не получила ни одной выволочки. Это странно, но так и было. Проблем со мной у них не было.

Так что я из *простой татарской семьи*. Легенды в семье о бабушках и дедушках разные имели место быть, но они не столь существенны в данном контексте. Важно то, что я выросла в русской культуре. Поэтому считаю себя *обрусевшей татаркой*. Не случайно я вышла замуж за русского.

В школе я училась с возрастающей мотивацией, с каждым годом лучше и лучше по успеваемости. Родители моим обучением практически не занимались, но окончила я школу с тремя четверками (одна из них по географии). Увлекалась всем и стихами, и музыкой, и общественной работой, и спортом – как и многие другие. Мне очень повезло с *учителем математики*. Красавец, умница и детей любил. Вozил нас (мы три девочки имели приличные успехи по математике) на олимпиады в Казань и, когда мы окончили школу, не было проблем с выбором учебного заведения. Это был механико-математический факультет Казанского университета и новая (только в МГУ была эта специализация) открывшаяся специальность – вычислительная математика. Мы все трое поступили. И вот тут и началась настоящая жизнь. Главное – самостоятельная, увлекательная жизнь. Группа, в которой я училась, на потоке была самая интересная. Девочек было немного, но по сравнению с мальчиками, среди которых был и мой будущий супруг, мы были сначала как серые мышки, но чистые и наивные до

невозможности. Мальчики наши в основном были из казанских школ. О, это были типажи. Каждый уникален по своему: гитарист, поэт, спортсмен, математик-вундеркинд и т.д. Не знаю, как сложилась бы моя жизнь, если бы я попала в другую группу. Все праздники проводили вместе, все пять лет. Походы, песни, чтение стихов, споры о литературе у костра. И никакой пошлости. Дружба и только Дружба.

Что ты имеешь в виду, говоря: «Я принадлежу к тому редкому в твоей картотеке социальному типу»?

Разве непонятно, что стала тем, кем я стала, не благодаря обстоятельствам происхождения и жизнепрживания моих предков, а вопреки. В нашем роду не было значимых для истории личностей, не происходили в его жизнедеятельности интересные социально любопытные события. Простые люди, трудяги – соль земли.

Когда-то ректором Казанского университета был Лобачевский, а в годы войны там работали эвакуированные из Москвы профессора-математики. Так что, наверное, вам преподавали очень сильные специалисты?

Как известно, во времена Лобачевского, закончившего жизнь в нищете и слепоте, Казанский университет был одним из лучших университетов Европы. Математическая школа там всегда была сильна. К сожалению, я знаю только об одном из них – он читал матанализ, маленького роста, с бородкой, совсем старенький. У него были замечательные: манера читать лекции, общаться со студентами, здороваться, прощаться и т.д.

Хорошо, и вот ты окончила университет.. что дальше?

Закончила я университет в 1967 году, получила диплом с отличием. Возник вопрос: Что делать? О науке не помышляла. Выбрала (тогда отличникам можно было выбирать распределение, хотя и по ограниченному списку) - НИАТ (научно-исследовательский институт промышленных районов Казани – Ленинского. Сначала я растерялась, но авиационной технологии). Какая это была скука работать программистом в отраслевом институте (с жестким режимом) среди мрачных старых дев во главе с невзрачным начальником. И это после студенческой жизни, где все бурлило - я была членом комитета комсомола университета, занималась легкой атлетикой, име-

ла второй разряд в беге на средние дистанции, меня выбрали делегатом XV-того съезда ВЛКСМ и т.д. Кроме этого, мой Татаров, будучи ленинским стипендиатом и получив свободный диплом, переехал с родителями в Москву. Но мне помог комсомол; тогда его развал только начинался, но я этого еще не осознавала. В комитете комсомола НИАТ что-то мы затеяли, что-то провели и жизнь наладилась. И вдруг мне предложили стать 2-ым секретарем, это по идеологии, райкома комсомола одного из крупнейших потом согласилась – простое любопытство определило мое решение. Теперь я понимаю, как это было важно для меня, для моей дальнейшей судьбы. Многие в моей жизни происходят на уровне интуиции, а не рациональных представлений.

Работая секретарем райкома, я познакомилась с социологом Геннадием Терентьевичем Журавлевым, если я не ошибаюсь, он, кажется, преподает в Московском государственном университете экономики, статистики и информатики и защитил еще одну докторскую, по экономическим наукам. После моего переезда в Москву он и порекомендовал меня на должность программиста в Институт конкретных социологических исследований. Он руководил в Казане семинаром для секретарей-идеологов и так увлеченно рассказывал о социологии, о ее необходимости для принятия различных *управленческих решений* и, в частности, и в области работы с молодежью. Мне показалось это безумно интересным, и я стала почитать книжки; первой – была книга Бориса Андреевича Грушина «*Мир мнений и мнение о мире*».

Недолго я прибывала в должности секретаря райкома, ибо мой благоверный увез меня в Москву, и естественным образом мне захотелось работать в ИКСИ. Однако сначала не получилось, пришлось поработать программистом в институте «Оргэнергострой». Но в январе 1971 года мне это удалось, и с этого времени я служу в Институте социологии. Именно служу, потому что многие годы обслуживала социологов. Сначала было трудно, как и любой молодой мамочке, у которой ребенок ходит в садик. Потом был снобизм в форме «*математического кретинизма*». Затем возникла любовь к науке, уважение к социологам за их нелегкий труд по проведению эмпирических исследований и понимание того, почему математические методы многомерного анализа не жалуют большинство социологов. В дальнейшем все это привело к желанию дистанцироваться от двух существующих модальных точек зрения на математическую формализацию в социологии. Если упрощенно, то первая – «математизация – путь к новому знанию...», вторая – «математика мало имеет отношение к социологии...».

Кто из твоих ровесников примерно в то же время пришел в Институт? Чем запомнилась тебе та атмосфера, обстановка?

Кажется, Михаил Косолапов пришел на несколько месяцев раньше, Но работал в другом подразделении. Нина Ростегаева пришла раньше в 1969 году, как только был создан ИКСИ. В отделе обработки информации, который возглавлял Виктор Иванович Молчанов, обстановка была не очень радостная, суета и текучка. Кстати, когда появилась ЭВМ МИНСК-32 Павел Лунгин (ныне известный кинорежиссер) работал у нас ночным оператором (вместе с Борей Пинскером). Кажется в 1973 году пришла Юлиана Толстова, она стала руководить группой математических методов, в которой я и состояла.

Дальше отдел обработки (а может сектор, названия менялись, а суть оставалась) объединился с методическими подразделениями и в конце концов превратился в крупное подразделение (во главе был поставлен Валентин Варыгин – доктор технических наук), в котором работали Владимир Шляпентох, Елена Петренко, Михаил Косолапов, Ольга Маслова, Эдуард Андреев и многие другие интересные личности – методически ориентированные и влюбленные в социологию. В общем, было у кого, и чему учиться. Интересным событием был отъезд в США Владимира Шляпентоха, которого мы провожали с жареным поросенком (была у нас в отделе замечательная сотрудница – Клара Аргунова, она это и организовала, в ее доме это и происходило). Потом как-то он сказал: *«Включенное наблюдение показало, что самыми порядочными оказались русские женщины (меня он тоже имел в виду), а самыми не порядочными – мужчины евреи»*, имея в виду историю своего отъезда. Возможно, он еще помнит об этом.

Событий было много (с 1971 года). Это и смена директоров, и текучесть кадров в нашем методическом отделе. Но перед делением Института на два, наш отдел был мощным подразделением; Владимир Андреев уже его возглавлял, он многое сделал для его укрепления. Один методический кабинет чего стоил, Ольга Маслова правила в нем (!). Социологи со всего СССР приезжали, работали в нем, знакомились с различными вопросниками, получали консультации. *Бесплатно и качественно*. Бог мой, почему мы не можем развиваться эволюционно? Почему все время теряем накопленный положительный опыт. *За державу обидно*. Последняя крупная методическая конференция была в 1989 году, я принимала активное участие в ее организации. Какие были секции, какие выступления по уровню. Вот в те годы и были интереснейшие контакты между социологами и математи-

ками. Сейчас и математиков, понимающих социологическую специфику, остались единицы.

По сравнению с сегодняшними методическими тусовками — на этой конференции была наука. И не случайно в 1990 году родилась идея создания первого в России методического научного журнала «Социология: методология, методы, математическое моделирование». В.А.Ядов, уже будучи директором ИС РАН, поддержал эту идею и первый номер вышел в 1991 году.

К «4М» мы вернемся, но сначала потолкуем о 70-х. В моей типологии поколений советских /российских социологов я называю поколение, к которому мы с тобою принадлежим, «призванными помогать». Как ты думаешь, это название распространяется на твой путь в социологию? Если «нет», то, что в твоём опыте оно не фиксирует? Если «да», то какого вида помощь ожидалась от тебя?

Если речь идет о «помогать» как «обслуживать» исследователей проводящих исследования, то я обрабатывала информацию для других и для решения задач не мной поставленных. Более того, несколько лет были потрачены на создание пакета программ по обработке данных о бюджете времени (для сектора, возглавляемого В.Д.Патрушевым) и расчета более десятка видов, точно не помню, таблиц с текстовым оформлением. Это были замечательные полотна — удобные исследователю для визуального анализа. Труд немыслимый, если учесть возможности техники того времени. Правда сами программы я не писала (по договору писал программист Михаил Медин), но в постановке задач принимала прямое участие и вся обработка, включая и ввод данных, проводилась мной. С одной стороны, эта работа меня изматывала и навсегда отбила охоту в дальнейшем заниматься обработкой информации. С другой стороны, работа с В.Д.Патрушевым меня многому научила, он в отличие от других социологов бережно относился к информации: проводилась проверка качества данных, осуществлялся ремонт данных. И не случайно моя кандидатская диссертация была связана со статистикой времяпрепровождения.

Следует заметить, что долгие годы весь архив сектора бюджетов времени хранился у меня. Мне даже удалось на чердаке Института экономики и организации промышленного производства (г. Новосибирск) раздобыть, В.А.Артемов помог, уникальные данные об использовании времени жителями г. Псков. Речь идет об кросскультурном исследовании средних городов, проведенном под рук. Жужи Салаи в 1965 году, где Псков представлял средний город СССР. Данные были введе-

ны в ЭВМ. Какова судьба архива к сожалению я не знаю, но ученики В.Д.Патрушева (Т.М.Караханова, Г.П.Бессокирная) продолжают трудиться в этом секторе. Но само направление, с богатой историей, начатой еще Струмилиным, практически исчезает. А жаль.

Каковы были твои «социологические университеты»? Мне кажется, что тогда все друг у друга учились, постоянно обменивались информацией и опытом. И все же, кто оказал наибольшее влияние на твое профессиональное становление в социологии?

Вот такие были мои университеты. Еще один сюжет связан с обработкой данных В.А.Ядова, но это уже было связано с математикой. Он регулярно приезжал из Ленинграда всегда бодрый, полон идей, ставил какие-то задачи, мы пытались как-то их решать. Правда, продолжалось это не долго, ибо появился Владимир Перекрест — серьезнейший математик и программист. Сначала мы пытались работать совместно, я даже несколько раз ездила в Ленинград, чтобы апробировать его пакет программ по многомерному шкалированию для целей типологического анализа. Он был «чистый» математик, а мы уже к этому времени считались социологически грамотными, но Галина Иосифовна Саганенко сочла, что в этом контакте нет особого смысла. Впоследствии В.Перекрест выступал в качестве оппонента на защите моей докторской и что удивительно приехал на защиту за свой счет. Такие поступки оппонентов в современных реалиях кажутся абсурдными.

Что касается наибольшего влияния — то, это, безусловно, Юлиана Николаевна Толстова. У нее была сильная мотивация к научной деятельности, к математизации в социологии (таковая наблюдается и теперь), и она меня прямо «толкнула» в науку, постоянно повышая мою самооценку. И не случайно она значится научным консультантом в моей кандидатской диссертации. За что я ей всю жизнь благодарна.

Ты уже сказала добрые слова в адрес консультанта по кандидатской и оппонента по докторской. Пожалуйста, теперь расскажи о самих работах.

Прежде всего, следует подчеркнуть, мне не стыдно за свои диссертации — я горжусь ими, хотя это и не скромно. В ситуации *здесь и сейчас* позиционирую себя как «Примитивный методолог», относя к этому социальному типу среди социологов тех, в научной рефлексии которых сбалансированы различные составляющие *технологии* анализа социальных феноменов:

теоретизирование, методические решения в процессе сбора и анализа эмпирии, математическая формализация.

Мои диссертации посвящены теории *типологического анализа* и технологии его реализации в различных исследовательских ситуациях. Что касается кандидатской (1982 г.) на тему: *«Многомерная классификация в изучении типологии использования бюджета времени трудящихся»*, то в ней на данных об использовании бюджета времени рабочими г. Омска рассматривались методические проблемы использования математических методов многомерной классификации (класстерного анализа, как принято говорить сегодня). В рамках типологического анализа рабочих была поставлена достаточно оригинальная задача, при решении которой возникало огромное число методических проблем. В диссертации соответственно были предложены способы их решения.

Главным результатом для меня было то, что типологический метод познания порождает одну из ключевых методологий анализа социальной реальности. Поэтому увлечение этим методом было не случайным и имело продолжение в докторской диссертации на тему: *«Типологический анализ: методологические предпосылки и эмпирическая интерпретация»* (1998 г.). В ней рассматривались языковая и логическая структуры типологического анализа как некой *метаметодики анализа данных* (стратегии, методологии, вида).

Основные результаты моих научных изысканий нашли отражение в книгах *«Типологический анализ в социологии»* (1998 г.), *«Основы типологического анализа в социологических исследованиях»* (2004, 2007 гг.).

Что касается методологических ориентаций в целом, то они не изменились, а лишь более четко оформились.

Выше ты упомянула о журнале «Социология: методология, методы, математическое моделирование», более известном как «4М». Получается, что ему уже свыше двадцати лет. Пожалуйста, расскажи о нем; что удалось и что не получилось? Я давно не видел выпусков этого издания.

Да, журнал – это моя радость и боль одновременно. Двадцать лет (1991-2011 гг.) я отдала ему. Сначала в роли исполнительного директора, затем заместителя главного редактора и главного редактора. В 2011 году, юбилейном для журнала, я решила завершить свою деятельность, журнал передан в «хорошие руки» (главный редактор И.Ф.Девятко, отв.редактор К.А.Гаврилов). К тому же и Институт оказывает теперь регулярную финансовую помощь.

О журнале можно говорить очень долго. Постараюсь покороче. Первые годы его существования было очень трудно его издавать — без людских и финансовых средств. Временами было ощущение, что никто, кроме меня не заинтересован в его выпуске.

Но важен был замысел создания журнала, который состоял не только в том, чтобы внедрять элементарную методологическую грамотность — это неперенные функции каждого профессионального издания. Инициаторы (сотрудники Института социологии РАН — Ю.Н. Толстова, В.Б. Ковчegov, Г.Г. Татарова) были вдохновлены идеей создания *первого в России* методически направленного профессионального журнала. В 1990 г., когда родилась эта идея, существовал всего лишь один профессионально ориентированный научный журнал — «Социологические исследования». Желание помочь отечественным исследователям без специального социологического образования и, соответственно, поднять уровень методологической культуры до лучших международных образцов и, если получится, превзойти их — таковы были целевые установки инициаторов. Эти установки опирались на реалии в виде существующих крупных методических подразделений в академических институтах и научно-исследовательских групп в вузах.

Инициатива наша была поддержана директором ИС РАН В.А. Ядовым, а также Ю.Н. Гаврильцом (зав. лабораторией математической социологии Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) РАН), что и определило учредителей журнала — два академических института и Российское общество социологов (РОС).

За все прошедшие годы трансформационные процессы в России, к сожалению, не только не способствовали эволюционному развитию «*четырёхмной*» области, но и, более того, — привели к исчезновению крупных подразделений методического профиля (в академических институтах), к финансовым трудностям институтов РАН, учредивших журнал (до 2002 г. он выходил всего раз в год).

Существование научной почвы для создания журнала наглядно иллюстрируют материалы теоретико-аналитических обзоров, подготовленных О.М. Масловой и Ю.Н. Толстой. Они приведены в работе «*Социология в России*». В самом деле, по отдельным направлениям «*четырёхмной*» области у нас были серьезные наработки. Прежде всего, в области математического анализа социологических данных.

Разумеется, не все идеи, изначально сформулированные инициаторами создания журнала, удалось реализовать. Не все опубликованные материалы оказались одинаково высоко-

го уровня качества. Вместе с тем исходную предпосылку – *Не позволим отечественной социологии превратиться в поверхностную науку с ярко выраженной фракционной доминантой!* – я пыталась воплотить в жизнь, и она определяла смысл существования журнала.

За эти годы удалось добиться того, что журнал принят научным сообществом как «продукция» высокого уровня качества и занял свою нишу в ряду других научных периодических изданий социологической направленности. Пройдя трудный путь становления и не менее трудный «проживания», журнал регулярно (два раза в год) стал выходить в свет. Это стало возможным благодаря финансовой поддержке научно-исследовательского центра «Демоскоп», которая осуществляется регулярно с 2002 г. (с № 15). Справедливости ради следует отметить, что иногда РОС оказывал финансовую помощь. Разумеется, и дирекция ИСРАН отмечала премиями. ЦЭМИ РАН практически не принимал участие в издании журнала и в связи с этим журнал является изданием ИС РАН.

На него проводится подписка, он входит в *Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий*, рекомендованных для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Экземпляры журнала бесплатно рассылаются по библиотекам российских вузов, выпускающих социологов (от Москвы до Магадана), полновесные тексты постепенно выкладываются на сайт ИС РАН.

С одной стороны, многие социологи-практики, так же как и В.А.Ядова – наш первый главный редактор – в своих размышлениях (по случаю 15-го юбилея журнала) считают, что журнал предназначен лишь для «социологической элиты». С другой стороны, даже поверхностный анализ публикаций, особенно последних пяти лет, иллюстрирует не только расширение предметных теоретико-методических полей, но и повышение уровня «читабельности» материалов для социологов-практиков, включая даже статьи по математическому моделированию (в части постановки исследовательских задач).

Мне думается, что журнал будет существовать. Должен существовать. И существует. Последние номера (32-34) вышли без моего «редакторства», но я хочу теперь, если получится выступить в роли его активного автора.

Когда-то, осваивая социологию по Ядову, мы разделяли методологию, методику и технику социологических исследований. Сейчас эта «триада» существует или она как-то модифицировалась?

На мой взгляд, должна модифицироваться, ибо это разделение не вполне конструктивно. Другое дело, в каком направлении это должно происходить. В современных реалиях становится очевидными: необходимость экспликации многих базовых понятий (репрезентативность выборки, метод, методология,...); возврат к старым понятиям (язык социологического исследования, причинный анализ); обобщение накопленного «инструментального знания» с учетом и того, что наработано в рамках качественной стратегии проведения эмпирических исследований. Это долгий разговор. Такие проблемы не актуализированы в нашем сообществе по понятным причинам.

Я живу почти 20 лет в другом мире, не соприкасаюсь каждодневно с российскими социологам... Я не знаю, почему не актуализированы... кто, что, почему это не делается? Мы пишем историю.. представь, кто-либо будет читать твои тексты через несколько десятилетий.. они еще меньше будут знать.... но ведь хочется... Пожалуйста, поясни.

В самом деле, ты прав, возможно, все это (и в частности мои ответы на твои вопросы) будет кому-то интересно в будущем. Я об этом как-то забываю, считая, что не так много сделала для развития отечественной социологии (женщины в науке зачастую - «мозги утекающие в раковину»). Слегка расширяю интерпретационное пространство.

Представляю себя – как девочку из простой татарской семьи - в сегодняшних реалиях. Учителя такого, какой у меня был по математике вряд ли можно встретить сегодня в маленьких городках (не престижная профессия, женская, плохо оплачиваемая). Даже если бы я поступила на факультет ВМК (вычислительная математика и кибернетика) и закончила его, где бы я работала? Откуда бы в моей жизни появилась социология, если бы не комсомол? И все-таки, в советское время больше было возможностей реализовать себя без денег, без блата. Нравится это кому-то или нет. Люди с хорошим образованием что-то значили, оstepененные тем более. Все социологи в моей молодости – это были личности, а сейчас некоторые доктора наук составляют лишь *социологический планктон*. Разумеется, это относится к социологическому сообществу как целостности (оно крайне не гомогенно по многим параметрам).

Если позволишь, вернемся лучше к не актуализированным профессиональным проблемам и что я думаю по этому поводу. Исхожу в своих рассуждениях из нескольких аксиоматических положений (возможно, их надо обосновывать, но они достаточно очевидны).

1. Процессы развития методологического знания, качест-

венное изменение нашего социологического сообщества, повышение роли социологов в жизнедеятельности общества должны быть *когерентными*.

2. В развитии любой системы знания чередуются два периода. Перманентное состояние дифференциации сменяется интеграцией, которая служит новой основой дальнейшей атомизации.
3. Состояние социологического сообщества и состояние знания взаимообусловлены.
4. Изменения, происходящие в социологии, носят амбивалентный характер.

Дальнейшее вытекает из этих положений. На мой взгляд, существуют два базовых фактора, негативно влияющих на успешное функционирование нашего сообщества: *профессиональные болезни, амбивалентность* факторов развития методологического знания.

О профессиональных болезнях нашего сообщества пишут и другие (В.В.Радаев, А.В.Тихонов). Я бы выделила три группы среди таких болезней.

Группа 1:

- мелкотемье;
- неудовлетворительный характер научной коммуникации;
- дистанцированность от профессиональных проблем при изучении социальных и, наоборот, от социальных при изучении узко профессиональных;
- мода на проблемные поля;
- постановка *проблем-искусений* в рамках отдельного исследования.

Группа 2:

- описательный характер теоретического знания;
- полипарадигмальность как интеллектуальная мода;
- слабая связанность теоретической объяснительной модели с инструментарием;
- понятийный анархизм.

Группа 3:

- отсутствие методологической толерантности;
- методологическая травмированность;
- мода на методы и методологии;
- уход в «локальность» интерпретаций («мир такой, каким мы его видим», «мир такой, каким хочется его видеть»);
- распространение «логики кнопочного моделирования»;
- недоиспользование ресурсов исследований.

Из этого элементарного перечисления следует - часть болезней относится не только к нашей социологии. Например, *мето-*

дологическая травмированность как разновидность культурной травмы, свойственная социологическому сообществу. Ее испытывают исследователи перед обилием социологических теорий, методологий, методов и в ситуации принятия решений о выборе средств изучения социальных феноменов. Этой метафорой хочу подчеркнуть чувство растерянности перед обилием теорий и инструментальных средств в процессе создания архитектоники исследования. Знаний накоплено много, но они трудно поддаются усвоению.

Разве не пишет Джеффри Александер о существовании *эпистемологической дилеммы* в ситуации выбора исследовательской позиции. «В одном случае знание о мире не зависит от социальной позиции и интеллектуальных запросов познающего субъекта, и тогда общая теория и универсальное знание существует; в другом — знание оказывает воздействие на его отношение к познающему субъекту, и в результате возможно только релятивистское и партикуляристское знание».

Что касается амбивалентности, то это касается и *Атомизации проблемных полей, Понятийной модернизации; Институционализации качественной методологии; Математизации социологии, Накопления данных и их архивации, Расширения профессионального образования.*

Очевидно одно, интеграция *методологического знания* неизбежна в широких масштабах. Отсюда необходимость осмысления оснований такой интеграции. В определенной мере и я кое-что предлагаю, разумеется в той части которая мне близка — инструментальной части. Если это интересно могу продолжить.

Оглядывая прошлое, я прихожу к выводу о том, что основные методолого-методические разработки в 60-е - 70-е – годы проводились в рамках крупных проектов. К примеру: «Таганрогский проект» Б.А. Грушина, «Человек и его работа» В. А. Ядова, «Аудитория центральных газет» В.Э. Шляпентоха, «Бюджеты времени» В.Д. Патрушева и ряд других. Что в этом отношении наблюдается сейчас?

С одной стороны, ты прав - «*методная рефлексия*» рождается в рамках крупных проектов. К сожалению, такого рода крупных проектов крайне мало для нашей бескрайней России. С другой стороны, довольно много «мини исследований» с интересными методическими решениями. Знаний накоплено много, но... . Например, необходимо переписывать учебники по методологии и методам с учетом знаний, накопленных в разных областях социологии.

Очень давно начинались разговоры о необходимости создания архива данных и методик, как мне кажется, многое в этом направлении делалось А.В. Жаворонковым и О.М. Масловой. Что из всего этого вышло?

Жаворонкову удалось создать свой собственный архив. И в Институте есть архив (Нина Ростегаева его возглавляет). К своему стыду, я не знаю, как возможен доступ к этим архивам.

Галя, полтора десятилетия прошло после защиты докторской диссертации. Ты продолжаешь работать в той же предметной нише или нашла новую (новые)?

Скорее продолжаю, чем нет. Мои знания о социологической методологии растут (я на это надеюсь) кумулятивно. Предметная ниша постоянно претерпевает изменения и вширь, и вглубь. Многие идеи, заложенные в докторской, требуют апробации на практике. Пример 1. Научная нищета типологий ради типологий очевидна, если *цель*, ради достижения которой ищется знание о социальных типах, не обозначена. На мой взгляд, базовой целью должна быть – интерпретация типов как объектов социального управления / социального контроля в том смысле, что механизм возможного перехода из одного типа с другой предположительно одинаков для объектов, отнесенных к одному и тому же типу. Цель может быть и недостижимой, но она играет роль *путеводной звезды* при создании инструментария исследования.

Пример 2. Рефлексия о языке социологического исследования, по мнению великого Пауля Лазарсфельда, и есть методология. Отсюда моя страсть к структуре этого языка и к его составляющим и в том числе к «языкам анализа» социологических данных и принципам интеграции знания в этой области. Если коротко эти принципы схематично выглядят так:

- Различение макро, мезо и микро уровней в рефлексии по поводу методов.
- Выбор базового основания (измерения или анализа) упорядочения знаний.
- Трактовка «языка социологического исследования» как системы рядоположенных и/или вложенных подсистем.
- Введение языковой и логической структуры языков анализа данных.
- Классификация исследовательских практик (ИП) анализа данных.
- Поиск понятий – инвариантов относительно всех классов ИП.

- Трактовка видов анализа (типологического, факторного (факториального), причинного) как метаметодик анализа данных.

Вот такого рода проблемами я пытаюсь заниматься. Иногда удается аспирантам и дипломникам ставить интересные задачи, решение которых развивает социологическое мышление. Правда, защитившихся у меня немного – всего десять, но работы безумно интересные. Я очень горжусь «своими детьми», каждый из них настоящий профессионал. К сожалению, в науке из десяти остались только трое.

А что, продолжается отток специалистов из науки? Помню, это наблюдалось в 1990-е.

Дело не в оттоке, а в отсутствие достаточного притока (для успешного развития) методически ориентированных исследователей. С институционализацией и расширением профессионального социологического образования и особенно в последние десять лет появилась социологическая молодежь (бойкая, бодрая, с хорошим уровнем знания иностранных языков) с ярко выраженной «методной» рефлексией. Сужу об этом в силу достаточно высокой экспертной компетентности – долгое время являюсь членом экспертного совета ВАК. Но те из них, кто хочет посвятить себя научной деятельности, загнаны в угол – надо зарабатывать на жизнь. Думается, что формальное повышение окладов уже нечего не даст, омоложение руководства не поможет. Есть примеры, когда ректорами вновь организованных (слиянием ряда региональных вузов) становятся молодые кандидаты наук, которые плодят управленческий аппарат и изображают бурную деятельность. Что делать? Вопрос не ко мне.

Как-то ты мне писала о своей большой учебной нагрузке, такая ситуация сохраняется? Какие курсы и где ты читаешь?

Нагрузка не малая. Три учебных заведения. В первом я работаю, потому что оно родное, при ИСРАН – это ГАУГН (декан В.А.Ядов). Здесь я заведующая кафедрой «Анализ данных и моделирование социальных процессов». Во втором, в магистратуре РУДН потому, что хочется мотивированных студентов, которые прошли первичную «социологическую социализацию». В третьем, на социологическом факультете РГГУ потому, что с большим уважением отношусь к его декану - Ж.Т.Тощенко. Здесь подготовила себе замену и собираюсь уйти.

К сожалению, в профессиональном социологическом образовании в моем отечестве самое слабое звено — преподавание дисциплин методологического профиля. Причин тому много. «Социологическая молодежь» либо не хочет преподавать (оплата смешная), либо не обладают широким «методным» кругозором необходимым преподавателю. Методные дисциплины читаются ведь по авторским программам, поэтому и у меня есть свои разработки. Вне зависимости от названия курса: «Измерение в социологии», «Методология анализа данных» я пытаюсь научить студентов принимать методические решения в зависимости от исследовательской ситуации. Насколько это удастся, не мне судить. По гранту фонда Сороса был издан (1998, 1999) мой ученик *«Методология анализа данных в социологии (введение)»*. К сожалению его надо уже давно переписывать. Более того он был издан не качественно (это грустная история). В нем в какой-то степени отражены мои методологические пристрастия. Коллегам может он и не нравится, но студенты воспринимают хорошо.

Вскоре в Уфе состоится очередной IV Всероссийский социологический конгресс. Ты участвуешь в нем? Что ты ожидаешь от этого форума?

Да, я участвую. Буду вести (совместно с М.С. Косолаповым) секцию *«Методология и методы эмпирического исследования»*. И что более для меня важно - заявила мастер-класс на тему *«Типологизация и факторизация как базовые процедуры эмпирической социологии»*. Надеюсь на интерес к нему, особенно со стороны *не столичной* молодежи. Хотелось бы поделиться своим опытом, уберечь от методических ошибок, научить критично относиться к своему творчеству и т.д. Я редко выезжаю из Москвы, но когда удастся, очень люблю работать с талантливой «социологической» молодежью.

Кроме этого такого рода форумы предполагают встречи с коллегами, открытие для себя новых имен, апробацию своих идей и т.д.

Я понимаю, насколько непрост мой вопрос, и все же: «Как ты думаешь, если бы в 1985 году не произошла перестройка, лично ты к настоящему времени могла полнее раскрыться как исследователь или нет? Пожалуйста, постарайся полнее аргументировать свой ответ».

Вопрос не сложный, но ответ на него неоднозначный, потому что неясно как трактовать *«полнее раскрыться...»*. Можно

ответить лаконично «*Затрудняюсь ответить*». С одной стороны, перестройка уничтожила диктат начальства и позволила мне опубликовать (не за свой счет) три книги. Первая - «Типологический анализ в социологии» (1993 г.) - вышла благодаря тому, что директором института стал В.А.Ядов. Небольшая по объему, узко профессиональная, она была подготовлена в период деления Института на два. В этот период все сотрудники только тем и занимались, что обсуждали сей феномен. Я перестала ходить на работу и написала книжку. Вторая и третья книга увидели свет благодаря грантам соответственно фондов Сороса и Международного банка.

С другой стороны, с учетом этапа моего жизненного цикла в 90-ые годы (социологическая зрелость), возможно, удалось бы и больше сделать. Я не знаю. Книжки же нынче издают на «свой», и это в науке, на мой взгляд, недопустимо. Пока существовало изд-во «Наука» отделом *Методики* были подготовлены и изданы коллективные монографии высокого уровня качества - «Типология и классификация в социологических исследованиях» (1982), «Анализ нечисловой информации в социологических исследованиях» (1985), «Интерпретация и анализ данных в социологических исследованиях» (1987), «Математические методы анализа и интерпретация данных» (1989) и т.д. И где теперь книжки такого уровня? В «*Методике*» продуктивно можно работать только в коллективе особо типа (социологи-эмпирики+методисты+математики). А где теперь такие коллективы? Они все испарились. Так что мое отношение к тому, что сделала *перестройка* с моим любимым направлением, отрицательное, несмотря на ощущение свободы в творчестве. В моем отечестве эволюционное развитие всегда подменяется революционным. Это судьба, карма. Но будем надеяться на лучшее.

Ты только что вернулась из Уфы с IV Всероссийского социологического конгресса. Мне приятно отметить, что твое выступление было положительно оценено. Чему оно было посвящено и каково твое общее впечатление от прошедшего форума?

Я выступала дважды. Если ты имеешь в виду секцию «*Методология и методы эмпирических исследований*», которую я вела, то она прошла *неожиданно* весьма успешно. Судя по поступившим статьям, а также по предполагаемым реальным выступающим, трудно было предположить, что пройдет успешно. Но все удалось. Во-первых, мы начали работу с презентации электронной версии учебника М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги («Прикладная социология: методология и ме-

тоды: интерактивное учебное пособие — М.: Институт социологии РАН. 2011). Е.И. Григорьева замечательно ее провела. Во-вторых, я предложила аналитический обзор присланных на секцию статей авторов не присутствующих на заседании. В-третьих, Ольга Терещенко (г. Минск) задала высокую планку научной рефлексии в своем выступлении на тему «Дизайн исследования: вне количественно-качественной риторики». В-четвертых, после выступления всех желающих (к сожалению, ряд из них, включая и О.Терещенко, не представили свои тексты) я представила свою презентацию на тему «Концепт «социальный тип» в эмпирических исследованиях». Мое выступление продолжалось достаточно долго, вызвав интерес присутствующих.

Так что секция, на мой взгляд, удалась. И главное — в ее работе принимали участие социологи-практики. Вместе с тем, хотелось бы, чтобы их число было бы больше. Но такой масштабный форум как *Конгресс* (41 секция, 26 круглых столов, и др.) создает трудности выбора интересующего исследователя мероприятия. В этой связи думается, что «теоретические» и «методические» секции не должны по времени проведения пересекаться в отличие от «содержательных». Разумеется, это нелегко осуществить организационно в ситуации перманентной *дифференциации* социологического знания и социологического сообщества. Но практическая целесообразность требует определенных ограничений. Возможно, я не права, но так считаю не только я.

Кроме секции я выступала (по теме «*От инвентаризации к интеграции методологического знания*») на очередных XIV-ых Харчевских чтениях. Тема чтений была интересной «*Социологическое знание: состояние, критический анализ, пути повышения качества*». Хотелось провести и мастер-класс с начинающими социологами-прикладниками (но не со студентами) на тему «*Типологизация и факторизация как базовые процедуры социологического исследования*», но не получилось.

В целом *Конгресс*, на мой взгляд, прошел весьма успешно — на высоком организационном и научном уровнях (как принято говорить). И правительство Башкирии, и башкирские социологи, и РОС приложили огромные усилия по его подготовке и проведению. На мой взгляд, даже два пленарных заседания были интересны как по форме, так и по содержанию.

Раздел IV. ИНТЕРВЬЮ С СОЦИОЛОГАМИ ЧЕТВЕРТОГО ПОКОЛЕНИЯ

Горшков М. К. – окончил Стоматологический институт имени Н. А. Семашко, директор Института социологии РАН, академик РАН, доктор философских наук, Лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, главный редактор журналов ИС РАН «Социологическая наука и социальная практика» и «Вестник Института социологии». Основные области исследования: теория, методология, методы, история; образ жизни, качество жизни, власть, социальные институты, структура; идеология, общественное мнение, массовая коммуникация, прикладная социология. Интервью состоялось в 2014 г.

**ГОРШКОВ М.К. :
«...ПУТИ
В СОЦИОЛОГИЮ –
ИСПОВЕДИМЫ»**

Путь Михаила Константиновича Горшкова (1950 г.р.) в социологию и его многолетняя работа в науке интересны для историко-биографического исследования. В рамках развиваемого мною поколенческого подхода к строению нашего профессионального сообщества он принадлежит к старшей части четвертого поколения, но в траектории его становления как ученого четко просматриваются элементы событий, характерных для других поколений советских/российских социологов, и совсем необычные «вкрапления». Оригинальна стартовая позиция – продолжая семейную традицию, он поступает в стоматологический институт имени Н.А. Семашко, на лечебный факультет. Подобное начало – уникально. Затем – активная комсомольская деятельность в институте и районном комитете комсомола. Такой вариант досоциологической деятельности часто встречается в биографиях двух первых поколе-

ний социологов, но уже не типично для третьего. Стремление Горшкова поглубже понять психологию молодежи и больших социальных общностей, знакомство с книгами В. Шляпентоха «Социология для всех» и Б. Грушина «Мир мнений и мнения о мире» подвели его к прикладным социологическим исследованиям и породили в нем желание разобраться в природе общественного мнения. Таким маршрутом в социологию проходили представители пятой и шестой когорты. Неоднократно перед ним открывались возможности стать партийным функционером высокого уровня, но каждый раз он предпочитал оставаться диагностом (медицинское образование) и аналитиком (полученное позже философское образование) социальных процессов. Его уход из партийной науки и создание крупной независимой научно-исследовательской структуры – еще одна сингулярность. Продолжать нет смысла, я лишь излагаю сказанное в тексте интервью.

Академик М.К. Горшков – директор Института социологии РАН, Лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, член Союза писателей России, автор большого числа книг, редактор нескольких периодических изданий – публичный человек. Он часто и обстоятельно рассказывает журналистам печатных и электронных СМИ о развитии важнейших социальных институтов страны и о состоянии российского общества в целом.

Эти темы затронуты и в данном интервью, но все же в нашей беседе, состоявшейся 17 апреля 2014 года в Москве, я стремился как можно больше задавать моему собеседнику вопросы биографического характера. И в этом отношении, мне представляется, что рассказанное М.К. Горшковым принципиально расширяет наши представления о механизмах становления сообщества российских социологов и характере межпоколенных связей внутри него.

Борис Докторов

БД: Мой первый вопрос такой: к настоящему моменту в моем историко-биографическом проекте, касающемся социологов разных поколений советского и современного российского периодов, приняло участие более шестидесяти человек. Однако, должен заметить, ни у одного из них нет медицинского образования. Скажи, пожалуйста, твой выбор медицинского образования – это семейная традиция или давняя детская мечта? Что это было?

МК: Выбор образования в советское время, конечно, не отрицал наличие инициативы того, кто его совершал, хотя

в значительной степени основывался на влиянии родителей, среды общения и воспитания. Поскольку моя мама была талантливым врачом-стоматологом, то она меня, как помню не сразу, но с третьего-четвертого раза убедила, что надо поступить в Московский медицинский стоматологический институт имени Н.А. Семашко. Тем более тогда в нем, наряду со стоматологическим факультетом, был открыт и лечебный факультет по всем основным направлениям медицинской специализации. Образование нового факультета должно было решить задачу подготовки врачей для Москвы, которая в конце 60-х годов уже начала испытывать дефицит ряда врачебных специальностей. К тому же, поступая на стоматологический факультет, можно было в течение срока обучения, но не позже, чем за два года до выпуска, окончательно определиться с той медицинской специальностью, которую студент получал в стенах института. Убежденность в том, что медицинское направление само по себе замечательно, а также возможность выбора специализации, после того, как немножко «мозги утрясются» и профессиональная ориентация устоится, побудили меня поступать в медицинский.

БД: То есть у тебя был интерес не столько к обществу, сколько к самому человеку, так можно сказать.

МК: Ну какой осознанный интерес мог быть у выпускника десятого класса советской школы конца 60-х годов? Речь может идти, скорее, о первичной профессиональной ориентации.

БД: Но, все же, ориентации на человека, а не на технику... Интерес к человеку, да?

МК: В этом смысле, конечно, так получилось, что меня всегда интересовал человек. В начале – его физическая, а в дальнейшем – социальная, духовная субстанция.

БД: Действительно, на самом деле, медицина и социальная реальность – явления пересекающиеся. В одном случае больше человека, в другом – больше социальной реальности, но в общем, по большому счету, все это люди...

МК: Скажу больше. Мой личный опыт (может быть, не очень скромно будет сказано) высвечивает будущее социологического образования, которое не должно носить только социогуманитарный характер. Поскольку объектом социологической науки является социальное, но изначально, корнями своими, связанное с биологическим и физиологическим и в синтезированном виде выраженное в человеке и в его

взаимодействии с другими людьми, профессиональная подготовка социолога не может игнорировать хотя бы базовый объем знаний о биофизиологической природе и структуре личности.

Поэтому скажу то, в чем не признавался еще ни в одном интервью. Мне очень повезло в жизни, прежде всего, благодаря получению двух видов образования – медицинского и социогуманитарного (философского). Сначала я получил возможность понять физиологическую материю человека, способы и методы выявления и преодоления его физических недугов. А потом перешёл к пониманию того, что есть духовная составляющая человеческого (шире – общественного) организма, как ставить социальный диагноз различным состояниям человека, группы, общества в целом, и какие средства излечения социальных недугов рекомендовать. Соединение воедино этих двух уровней понимания природы человека и общества – чрезвычайно интересная вещь, позволяющая мне быть точнее в своих оценках и интерпретациях результатов социальных исследований.

БД: Я так и понял. Действительно, это очень редкое сочетание образовательных специальностей. У меня это вообще первый случай.

Поскольку ты человек публичный, год рождения твой – 1950-й – известен, данных о тебе в сети, в прессе и т.п. довольно много, поэтому я некоторые детали пропущу.

В твоих биографических справках отмечается, что в 1973-76 гг. ты работал заведующим отделом студенческой молодежи Свердловского райкома комсомола. В моей классификации социологических поколений ты относишься к четвертому поколению (мы с Францем Шереги – к третьему) отечественных социологов. Для первых трёх поколений движение в социологию через освобожденную комсомольскую и партийную работу – не редкость. Вспомним хотя бы, Б. Фирсова, И. Левыкина, Ж. Тощенко, В. Ядова. Для моего поколения это уже редкость, а для твоего – редкость еще большая. И все-таки, ты «прикипел» к оргработе в институте или работа с людьми, молодежью тебя еще в школе привлекала?

МК: Комсомольским активистом я стал в ВУЗе. Все началось с того, что в период летних каникул, после первого и второго курсов, по направлению комитета ВЛКСМ Института работал пионервожатым в детском лагере «Светлячок» Министерства здравоохранения СССР. А потом был избран членом факультетского бюро комсомола, секретарем факультетского бюро ВЛКСМ, а на четвертом курсе – заместителем секретаря комитета комсомола всего института, комсомольская организация которого насчитывала почти пять тысяч комсомольцев.

Помимо текущей комсомольской работы в течение учебного года, в летние каникулы после третьего и четвертого курсов пришлось освоить и функции командира студенческого строительного отряда. Отряды, которые я возглавлял, работали в Ступинском районе Московской области и в Хакаской автономной области Красноярского края.

БД: То есть вас не использовали как будущих врачей?

МК: В качестве врачей в стройотрядах других ВУЗов работали наиболее успешные студенты старших курсов нашего медвуза. Большинство же студентов первого и второго курсов трудились на строительных и уборочно-полевых работах.

В каждом из стройотрядов, которыми мне пришлось руководить, работало по сто студентов и студенток. И, признаться, нервно-психологического напряжения в мои 20 лет я хлебнул сполна. Когда периодически узнавал сводки о трагических ЧП в других отрядах, сердце, что называется, оказывалось не на месте. Поэтому день начинал с линейки в семь утра и заканчивал отбоем с обходом всех спальных мест с тем, чтобы лично убедиться – все на месте.

Перед выпуском из мединститута, на комиссии ректората по распределению, мне предложили место в аспирантуре. Я, разумеется, с благодарностью согласился, но попросил, чтобы это место было выделено не по клинической, а по одной из теоретических кафедр, а именно, по кафедре биологии. К этому времени я заинтересовался изучением философских проблем существования и развития биологических форм жизни. Ректора Института А.И. Белоусова мой выбор немало удивил, хотя он и пообещал сделать запрос на целевое место аспирантуры по кафедре биологии. И, действительно, такой запрос в Минздрав СССР был сделан. Однако практически одновременно в аппарате Свердловского райкома комсомола, в состав которого входила комсомольская организация нашего Института, оказалась вакантной должность заведующего студенческим отделом. И меня вызвали в партком института, где доходчиво объяснили, что место в аспирантуре за мной сохранится, а годика два-три надо бы поработать в райкоме, куда меня и порекомендовали. Учитывая, что еще на четвертом курсе я был принят в ряды КПСС, отказаться от предложения по понятным причинам я не мог, о чем, в общем-то, никогда не жалел.

БД: И что, для тебя это оказалось интереснее аспирантуры?

МК: Дело оказалось в другом. Как со временем выяснилось, это принципиально изменило мои творческие, познавательные предпочтения.

Чем больше я втягивался в работу с молодежью, тем все интереснее становилось познавать глубины молодежной пси-

хологии, больших социальных общностей в целом. Я стал понимать, что только через канал обычного человеческого общения до сути интересующих меня вещей дойти сложно. Начал читать научную литературу по проблемам молодежи – В.Т. Лисовского, С.Н.Иконникову (ленинградские исследователи). Социальная проблематика становилась все более интересной после того, как в руки попала книга В. Шляпентоха «Социология для всех». Появилось углубленное желание узнать, что такое прикладные социологические исследования, и как они проводятся. Дошёл до анализа опыта работы Института изучения общественного мнения «Комсомольской правды», которым руководил Борис Грушин. А когда прочитал его книгу «Мир мнений и мнения о мире», я понял, что изучение общественного мнения, механизмов его формирования и функционирования – это «мое».

И тут впору опять благодарить судьбу. В период моих творческих исканий, работая заведующим студотделом Свердловского РК ВЛКСМ, я познакомился с Владимиром Соколовым – в тот период старшим научным сотрудником Академии общественных наук при ЦК КПСС, который проводил среди молодежи Свердловского района г. Москвы социологическое исследование. На его предложение – подключиться к проведению последнего – я откликнулся без всяких раздумий. И приобрел первый опыт организации и проведения прикладного социологического исследования. Это было тем более интересно и важно для меня, поскольку Владимир Михайлович Соколов вел и продолжает вести исследования в области нравственности и морали. Я считая, что лучше работ на стыке теории и прикладных аспектов анализа морали в советском и российском обществах, чем у него, нет до сих пор. Кстати, Соколов – ученик А.Г. Харчева. Он же меня с Харчевым и познакомил в бытность того главным редактором журнала «Социологические исследования». После окончания аспирантуры Академии общественных наук при ЦК КПСС (куда можно было поступить только с номенклатурной должности) В. Соколов защитил в этом учреждении диссертацию и был направлен в исследовательский отдел, специально созданный в Академии для анализа конкретных прикладных проблем. В течение нескольких лет этот Отдел возглавлял Жан Терентьевич Тощенко, который был направлен в АОН при ЦК КПСС из Красноярского крайкома КПСС.

Общаясь с Соколовым, я понял, что в данной области проводится очень много исследований, однако, собственно молодежным проблемам посвящены лишь немногие из их числа.

БД: Михаил, а как в дальнейшем сложились твои отношения с Соколовым?

МК: Когда он обнаружил у меня минимальные знания в области социальной, в том числе молодежной, проблематики, социологическую начитанность, и когда я начал выговаривать термины, которых от комсомольского функционера мало кто мог ожидать – «выборочная совокупность», «репрезентативность», «операционализация основных понятий», «корреляция» и т.п., он посмотрел на меня и спросил: «Ты какой вуз заканчивал? Мне говорили, что ты медик?». Я ответил утвердительно, на что в ответ услышал: «А не подумать ли тебе о том, чтобы заняться научной работой, причем в стенах АОН, в недавно созданном исследовательском отделе социологической направленности?». Я подумал, а почему бы нет, хотя понимал, что из райкома комсомола в столь статусное научное учреждение КПСС попасть не так-то просто. Ведь в образовательные и научные учреждения КПСС, главной задачей которых являлась подготовка высших партийных кадров, в аспирантуру можно было поступить только с очень высокой партийной или комсомольской должности. Но поскольку речь шла не о поступлении в аспирантуру, а о работе в исследовательском отделе младшим научным сотрудником, то один шанс из сотни у меня все-таки был, так как все упиралось в решение не приемной комиссии, а непосредственно руководства Академии. И надо представить сцену, о которой мне рассказали потом. Когда Соколов докладывал мою анкету ректору АОН (члену-корреспонденту АН СССР М.Т. Иовчуку), он, прочитав строчку об образовании, посмотрел суровыми глазами на Соколова и воскликнул: «Нам еще медиков, да к тому же стоматологов, не хватает в Академии общественных наук». Объяснения Соколова, что речь идет не о поступлении в аспирантуру АОН, а о научно-исследовательской работе в должности младшего научного сотрудника, судя по всему, не убеждало ректора Академии.

На мое счастье, за его спиной стоял Вячеслав Шестаковский – в тот период ученый секретарь АОН. «Зря Вы этого молодого парня из комсомола обижаете», – заметил он. «Ведь под руководством В. Соколова он ведет исследовательскую работу по молодежной проблематике. А потом, что значит, «только медика не хватает». Я сам оканчивал Львовский медицинский институт, и это не мешало мне защитить кандидатскую диссертацию по философской специальности и стать ученым секретарем Академии общественных наук при ЦК КПСС». После этих слов ректор АОН молча подписал приказ о моем зачислении в штат АОН. Правда, на следующий день вызвал к себе и довольно жестко произнес: «Будешь возглавлять комсомольскую организацию АОН (в ней тогда насчитывалось всего

150 человек, но каких...), а то в последнее время разболтанности стало много». Естественно, пришлось согласиться.

Таким образом, я стал младшим научным сотрудником ведущего в стране научного учреждения КПСС, причем в Отделе по исследованию эффективности партийной пропаганды и политической информации. Это произошло в октябре 1976 года. В тот момент Отделом руководил С. Мосягин, ранее работавший секретарем Астраханского обкома партии. Потом он был избран секретарем парткома АОН. Его заместителем был Ж.Т. Тощенко, в то время уже успешно защитивший докторскую диссертацию. Именно ему было поручено провести беседу со мной первым и объяснить, в чем будут состоять мои научные и научно-организационные обязанности. С тех пор, вот уже почти 40 лет, мы с Жаном Терентьевичем работаем и сотрудничаем в очень тесной творческой связи.

Не могу не сказать о том, что меня очень приветливо встретили в коллективе Отдела. К моему приходу в нем уже работали широко известные в социологии специалисты, в том числе те, кто был причастен к этапу укрепления в стране социологии как самостоятельной отрасли социального знания. Прежде всего, я говорю о Геннадии Журавлеве и Артеме Кулагине, внесших большой вклад в развитие математических методов социологии. Активную и чисто человеческую поддержку оказал Мирослав Никорук – мастер подготовки социолого-аналитических материалов. И, конечно, Владимир Попов, выросший впоследствии в крупного социолога-социального психолога, который стал буквально опекать меня, и с которым у меня сложились не только творческие, но и многолетние дружеские отношения.

Уже через полгода после начала работы в АОН я был направлен в командировку с задачей организовать проведение в Иркутской области, а затем в Приморском крае исследования общественного мнения по обнародованному весной 1977 года проекту новой Конституции СССР. Во Владивостоке ко мне присоединился Володя Юматов – тоже м.н.с. нашего Отдела и, как я позже узнал, любимый племянник широко известного советского актера Георгия Юматова. Социологическая профессия удерживала его недолго, в конечном счете, «сработали» гены. С трудом, но он сумел вступить на актерскую тропу и в последующие годы играл и продолжает играть ключевые роли в самых громких российских детективных сериалах.

Работая вместе с местными социологами, я приобрел очень полезный опыт проведения массовых опросов и подготовки аналитических материалов по их итогам. По сути дела, этот опыт помог мне окончательно определиться с темой кандидатс-

кой диссертации. Я решил посвятить свои научные изыскания проблематике природы, механизмов формирования и проявления общественного мнения.

Мой выбор одобрил и В.М. Соколов, и его наставник, работавший тогда в АОН профессор Александр Константинович Уледов. Он и Борис Андреевич Грушин считались тогда главными знатоками того, что такое «общественное мнение».

БД: В каком статусе ты начал работать над кандидатской диссертацией, как соискатель?

МК: Именно так, другой возможности не было. Надо было писать научно диссерабельный текст без отрыва от производства. Тема диссертации была утверждена на специализированном совете при кафедре теории и методов идеологической работы, а моим научным руководителем был утвержден профессор А.К. Уледов, с которым (скажу, забегаая вперед) меня связали многие годы творческого сотрудничества, что позволяет мне считать себя выходцем из философско-социологической школы Уледова – крупнейшего и, на мой взгляд, еще не оцененного в полной мере советского философа.

Конечно, я старался сильно не докучать своему научному руководителю. Фактически после утверждения плана диссертации я только два-три раза просил Александра Константиновича ознакомиться с подготовленными мною разделами диссертации.

БД: Как ты сдавал кандидатские экзамены?

МК: Сдавать их приходилось с группой аспирантов, обучавшихся на кафедре теории и методов идеологической работы. А для этого нужно было заниматься на всех семинарах для аспирантов и прослушать курс лекций, которые читали известные советские ученые – Г.Е. Глезерман, К.Х. Момджян, П.К. Курочкин, Д.А. Керимов и др. Такая двухлетняя образовательная подготовка в области социального знания стоила не меньше, а, может быть, и больше пятилетнего институтского гуманитарного образования.

БД: Тема диссертации формулировалась так: «Формирование и функционирование социалистического общественного мнения». Если в нескольких словах (давно это уже было, ты защищал диссертацию в июне 1979 года), что ты там обнаружил? Какую идею или вывод мог бы сегодня вспомнить?

МК: Сначала попытался вникнуть и представить свое понимание сущности общественного мнения. Внимательно проштудировал уже опубликованные работы по данной проблематике, в том числе таких авторов, как В. Коробейников, Б. Ерунов, В. Падерин, В. Комаровский, Ю. Замошкин, Р. Сафаров и др. При этом с удивлением обнаружил, что по количеству име-

ющихся дефиниций это явление можно считать «рекордным». Только в отечественной литературе я обнаружил около тридцати определений общественного мнения. А специфику его формирования и функционирования рискнул вывести из уникальной роли, которую выполняет общественное мнение, будучи объединяющей связкой массового сознания и массового поведения. Речь идет о том, что как оценочно-ценностное по своей природе суждение оно способно не только определять духовное (вербальное) отношение людей к событиям, явлениям и процессам, но и влиять на практическую составляющую данного отношения.

БД: Это Тощенко использовал в таких случаях понятие «зрелое общественное мнение» или его еще Уледов применял?

МК: Уледов часто оперировал понятием компетентного мнения. А многолетняя дискуссия с Грушиным возникла на почве трактовки общественного мнения как монистического (Уледов) или плюралистического (Грушин) образования.

БД: Как я понял, первая глава твоей кандидатской носила теоретико-методологический характер. А вторая?

МК: Вся вторая глава диссертации была посвящена опыту изучения общественного мнения в Советском Союзе. Я использовал обширную базу данных исследований, которые проводились Отделом АОН, в котором я работал. Причем результаты массовых опросов, ставшие предметом анализа в диссертации, были связаны не только с общественно-политической, но и с духовно-нравственной проблематикой. Здесь мне очень пригодился исследовательский методический опыт, переданный мне В. Соколовым, в частности, опыт использования в инструментариях опросов прожективных ситуаций.

БД: Выше ты упоминал фамилию Сафарова. По-моему, он предлагал в свое время дать специальное название науке об общественном мнении?

МК: Да, именно он предложил назвать эту науку *опинионикой*. В ряде публикаций Рафаэль Сафаров продвигал данный термин, но он так и не прижился. И все же его монография «Общественное мнение и государственное управление» считается значительным вкладом в разработку теоретических основ изучения данного феномена. В своей кандидатской и в последующих научных работах я не раз на нее ссылался. Это был очень интересный и оригинально мыслящий ученый, общение с которым всегда вызывало у меня творческое и просто человеческое удовлетворение.

БД: Ты защитил кандидатскую в июне 1979 года, но, судя по твоей служебной справке, буквально за месяц до защиты в твоей трудовой биографии произошли существенные перемены?

МК: Действительно, незадолго до защиты меня пригласили к ректору Академии общественных наук, которая годом ранее была реорганизована путем объединения бывшей АОН, ВПШ и заочной ВПШ при ЦК КПСС. Новым ректором АОН был назначен доктор экономических наук, профессор Вадим Андреевич Медведев, ранее работавший зам. заведующего Отделом пропаганды ЦК партии. Разговор был недолгим. Он полистал автореферат моей диссертации, поинтересовался имеющимся у меня опытом проведения социологических опросов и предложил стать референтом ректора АОН при ЦК КПСС. Мог ли я тогда предположить, какое определяющее воздействие на мою профессиональную и творческую судьбу окажет эта встреча. Но в то время все мысли были о предстоящей защите, которая, несмотря на то, что я защищался не в статусе аспиранта АОН, а в качестве соискателя, прошла успешно. Через несколько месяцев я получил диплом кандидата философских наук по специальности 09.00.02 – научный коммунизм; социологических специальностей в то время, как известно, не существовало.

БД: Насколько я знаю, АОН являлась не только высшим научным, но и учебным учреждением КПСС. Удалось ли тебе, наряду с научной, освоить и педагогическую деятельность?

МК: В структуру АОН, помимо Отделения аспирантуры, входило Отделение слушателей, на которое также принимались статусные партийные, государственные и комсомольские чины. Но срок обучения в нем, в отличие от трехлетней аспирантуры, был два года, после которых надлежало защитить диплом.

В первый год работы референтом ректора АОН было не до преподавательской деятельности: все время уходило на освоение многопланового содержания референтских обязанностей. Однако по прошествии адаптационного периода сам В.А. Медведев посоветовал мне подключиться по совместительству к преподавательской работе на одной из кафедр АОН. Я выбрал кафедру теории и методов идеологической работы, которую в новой Академии возглавил Ж.Т. Тощенко, и стал выполнять обязанности и.о. доцента по этой кафедре. За мной для чтения одного из спецкурсов закрепили постоянную группу слушателей и двух потенциальных дипломников.

Конечно, у меня было определенное волнение по части преподавательской деятельности, поскольку на тот момент мне было 30 лет, а большинству слушателей – от 35 лет и выше. К тому же в годы моей работы слушателями АОН были ставшие уже в новое время известными политическими и общественными деятелями Г. Зюганов, Е. Лахова и др.

БД: Мы как-то бегло упомянули Уледова. Хотелось бы вернуться, чтобы вспомнить о нем более обстоятельно.

МК: В процессе становления и развития АОН нового образца по инициативе ректора Академии В.А. Медведева стали создаваться новые кафедры, к руководству которых пришли такие известные ученые, как Л.И. Абалкин, Р.А. Белоусов, Ю.А. Красин, Л.Н. Москвичев, Д.А. Керимов. Одну из новых кафедр, а именно кафедру социологии и социальной психологии, возглавил А.К. Уледов. В процессе формирования научно-преподавательского состава он предложил мне стать заместителем руководителя кафедры по науке и курировать социологическую составляющую учебной и научной работы кафедры.

БД: Но при этом ты еще оставался референтов ректора АОН?

МК: Да, продолжая выполнять функции референта ректора, я совмещал работу в должности заместителя руководителя кафедры. Составлял планы учебной работы, разрабатывал спецкурсы, программы социологических опросов, сам вел спецкурс по прикладной социологии в аспирантских группах. Во всем этом я постоянно ощущал поддержку А.К. Уледова.

БД: Уледов был психологом по образованию?

МК: Уледов был философом. До АОН он работал на философской кафедре МГУ. Его очень сильная сторона – теоретико-методологические обоснование исследований общественных явлений и процессов, установление их причинно-следственных связей. Ему принадлежит авторство первой в СССР книги по общественному мнению. Она вышла в 1963 г. и называлась «Общественное мнение советского общества». Далее была книга, которая и в настоящее время остается классической – «Структура общественного сознания» (1968 г.). Обидно, но как-то незаметно в нашей общественной науке прошли две другие его книги – «Социологические законы» и «Духовная жизнь общества». На мой взгляд, он был редким мастером взаимосвязи научно-теоретического и логического, и остается не до конца оцененным как один из наиболее ярких представителей советской философско-социологической школы. Я горжусь тем, что могу считать себя выходцем из этой школы. И, конечно, я был очень рад тому, что А.К. Уледов согласился стать научным консультантом по моей докторской диссертации. Он сразу же поддержал мою идею положить в основу работы реконструкцию социально-исторических типов общественного мнения и тех функций, которые оно выполняло в условиях различных общественно-экономических формаций, начиная с первобытно-общинной.

БД: Но ведь, по представлениям многих, общественное мнение есть только там, где функционируют средства массовой информации, которых на ранних стадиях развития человеческого общества, естественно, не было.

МК: Извини, но это неверные представления.

БД: Ты их оспариваешь?

МК: Я оспариваю утверждение о якобы принципиальной невозможности существования разных социально-исторических типов общественного мнения без участия масс-медиа. Например, в родовой общине оно не охватывало сотни тысяч и, тем более, миллионы его носителей, однако, реально существовало и оказывало влияние на жизнь общины, пусть и численностью в несколько сотен человек.

БД: Но жизнь родовой общины могла определяться и ее традициями.

МК: А традиции как складывались, и кем поддерживались? Через общественное мнение, через исторически складывающееся единое отношение к правилам совместной (коллективной) жизни. Все, что закреплялось в общем мнении и поддерживалось силой его авторитета, утверждалось в дальнейшем в нормах, традициях. Другое дело, что в процессе исторического развития множилось количество факторов, воздействующих на формирование общественного мнения. И чем шире становился его субъект, тем все более всеохватывающими становились средства, определяющие состояния общественного мнения. Вот так и пришли к тому, что зачастую оно в значительной степени оказывается масс-медийным по своему происхождению.

БД: Об этом обстоятельно писал Б. Грушин, исследуя природу массового сознания. А как складывалось твое общение с ним? Как его «вечный» оппонент А.К. Уледов смотрел на Ваши отношения?

МК: А.К. Уледов воспринимал их вполне конструктивно, поскольку видел, что я стремлюсь разобраться в наиболее дискуссионных теоретико-методологических вопросах сущности общественного мнения. А познакомился я с Грушиным в конце 1970-х годов на учебе комсомольского актива, на которой мы выступали по вопросам методики и практики изучения общественного мнения, в том числе в молодежной среде.

После первого знакомства, когда он узнал, что я всерьез начинаю заниматься докторской по проблематике общественного мнения, и что, по сути, разделяю позицию Уледова относительно монистической природы данного социального явления, мы много раз дискутировали по данному поводу. Это позволяло полнее понимать, в чем, собственно, состоят принципиальные расхождения в уледовской и грушинской концепциях. Но главное, что, в конечном счете, я пришел к выводу: надо не противопоставлять, а взаимодополнять подходы Уледова и Грушина. На стадии зарождения и формирования об-

пественное мнение отличается множественностью суждений (Грушин), а на стадии функционирования – монистическим, внутренне единым характером (Уледов). Именно от такого понимания я отталкивался, выдвигая в своей докторской *динамическую концепцию общественного мнения*.

БД: Как ты познакомился и начал работать вместе с нашим общим другом Францем Шереги?

МК: Это знакомство произошло в 1978 году, накануне XVIII съезда ВЛКСМ, и очень сильно отразилось на овладении мною знаниями и навыками в области прикладной социологии. В тот момент в АОН при ЦК КПСС и в ВКШ при ЦК ВЛКСМ (где работал Франц) пришла директива о проведении среди советской молодежи широкомасштабного опроса, посвященного предстоящему комсомольскому съезду. Каждый из нас получил подобное поручение по своему ведомству. Помню, мы встретились на Садово-Кудринской, дом 9, в старом здании АОН, и после краткого знакомства обсудили возможные варианты осуществления массового опроса молодежи. И уже в конце определения программы наших действий нам пришла идея провести не один, а три опроса: «Молодежь накануне Съезда», «Молодежь во время работы Съезда», «Молодежь после Съезда». Это стало первым методическим опытом изучения общественного мнения в динамике. Конечно, мне это сильно пригодилось в работе над кандидатской диссертацией и в дальнейшем изучении мнений и настроений в контексте их развития, изменения, проявления.

БД: И с тех пор, почти уже сорок лет, вы дружите и проводите совместные исследования.

МК: Именно так. Количество совместно проведенных исследований давно перевалило за сотню. Но немало было и опубликованных в соавторстве научных статей, методических пособий и учебников по прикладной социологии. Все началось с выпуска в центральном партийном издательстве «Политиздат» книги «Как провести социологическое исследование», в которой, кстати сказать, разделы по методам почтового опроса и наблюдения написаны тобой. Причем книга вышла как методическое пособие в помощь идеологическому активу (который в то время «заболел» социологией) первым тиражом в 90 тыс. экземпляров и вторым – в 50 тыс. экземпляров (1989 и 1990 гг.). Сегодня такие тиражи социологической литературы и представить невозможно! А до первого издания книги, ее разделы, посвященные отдельным темам подготовки сбора, методов сбора и анализа социологической информации, печатались в одном из главных партийных журналов – журнале «Политическое самообразование», выходившем тиражом бо-

лее 1 млн экземпляров. Вот и слушай после этого «сказки» о том, что в советское время социологию «зжимали».

БД: Теперь вот, что меня интересует. В какой мере твоя концепция советского общественного мнения распространяется на природу современного российского общественного мнения? Все ли концептуально переносится или в силу многих обстоятельств оно стало иным?

МК: По своей фундаментальной сущности оно такое же. По содержанию и механизмам формирования, конечно, изменилось. Институты влияния на него совсем иные, условия образования и проявления качественно изменились: отношение к восприятию реального стало более острым и оперативным, чем тогда... Расширился предмет его интереса. В нем меньше искусственных наслоений, оно более «прозрачно», чем в советское время, когда можно было четко разделить «публичное мнение» и мнение «в рабочей курилке или на домашней кухне».

БД: Ты думаешь, что сейчас оно более естественное?

МК: Полагаю, что да. В настоящее время с первого социологического замера можно получить отражение реального состояния российского общественного мнения.

БД: В этом смысле я понял. То есть ты даешь свою оценку, с точки зрения интерпретации состояния общественного мнения. Сегодня объяснять его проще и легче, чем в советские годы, тогда надо было додумывать?

МК: Не совсем так. С точки зрения выявления реального состояния общественного мнения, все проще, яснее. А вот с точки зрения его интерпретации – это многоуровневый процесс. И он протекает гораздо сложнее, чем раньше, хотя бы по причине необходимости многофакторного анализа, которым и занимается наш академический Институт. Перед такими известными российскими центрами как ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр подобного рода задача не стоит. Они работают по принципу фабрики по производству оперативной и описательной информации, выполняя важные функции прикладной социологии.

БД: Они же полстеры, а ты и твой научный коллектив – социологи. Они сегодня фиксируют это, а завтра – это, и так далее.

МК: В отличие от таких центров, наша задача работать в аналитическом жанре, производить, главным образом, аналитическую социологическую информацию, дающую понимание причинно-следственных связей, которые определяют природу и особенности проявления исследуемых социальных явлений и процессов. Иными словами, мы стремимся понять, почему

данное явление в жизни возникло, через какие этапы своего развития оно прошло, и чем это обернулось для реальной жизни общества, социальных групп, индивидов, и во что может превратиться завтра. Согласись, если ответить только на два первых вопроса, будет уже немало.

БД: Подобный подход связан с разделением труда внутри исследовательского сообщества. Грушин тоже работал как академический ученый, в полном смысле этого слова, и не как полстер. Но он не был бы услышан, если бы о нем говорили, что он подходит к изучению общественного мнения субъективистски, что он изучает общественное мнение, как и американцы. Нет, Грушин являл собой фигуру классического социолога.

МК: Согласен. Все фундаментальные научные труды Грушина, посвященные природе общественного мнения и массового сознания – это академические труды.

БД: После защиты докторской диссертации в АОН ты был переведен на партийную работу в аппарат ЦК КПСС и всего за два года прошел статусные должности – инструктор, заведующий сектором Отдела науки и учебных заведений, помощник члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС (В.А. Медведева). А в сентябре 1990 года ты стал первым заместителем директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Сегодня ты один из немногих, кто знает «кухню» работы с данными об общественном мнении в высших эшелонах партийной власти и нынешней России. Ты помнишь ту и знаешь эту. На твой взгляд, что изменилось, кто больше доверял данным, старался учитывать их в процессе выработки важных политических решений? Вообще, каково отношение прежней и нынешней властной элиты к результатам социологических исследований?

МК: Честно говоря, каких-то принципиальных различий я не наблюдаю. И тогда, и в 1990-е, и в нынешние годы сказываются сущностные факторы, определяющие характер отношения власти к социологическим данным, особенно к тем, в которых отражается оценка населением деятельности властных структур в разных сферах общественной жизни. Я имею в виду, что никогда и никакая власть не питала «особой любви» к социологии. Причем существует устойчивый стереотип, что все неприятности у отечественной социологической науки начались при Сталине. Это не так. При нем они возобновились. А коренная, так ее можно назвать, реакция власти на социологию проявилась еще в досоветское время, при Николае II. Это выразилось в его отношении к созданной по инициативе Максима Ковалевского и его единомышленников в Париже в 1904 году первой Русской высшей школы общественных наук,

слушателями которой оказались многие впоследствии известные политические оппозиционеры царского режима. Так вот, Николай II потребовал закрытия этой школы (что случилось в 1906 году) под угрозой лишения ее слушателей российского гражданства.

А вот что касается практического использования социологии, то здесь, безусловно, выделяются 70-80-е годы прошлого века, когда во всех региональных партийных комитетах и на крупных промышленных предприятиях работали социологические службы, по результатам деятельности которых принимались политико-управленческие решения, разрабатывались планы социально-экономического развития. В тот период социологические данные активно использовались в аналитическом плане и в аппарате ЦК КПСС. Правда, моя служебная записка о создании системы изучения общественного мнения в партии (в масштабах всей КПСС), направленная, по предложению В.А. Медведева, Горбачеву «потерялась», а несколько позже оказалась в сейфе одного из тогдашних помощников Михаила Сергеевича. Это как раз яркий пример того, что в перестроечные времена было названо «механизмом торможения».

В современных условиях, если исходить из собственных впечатлений, социология и ее данные еще как-то востребованы в регионах, в том числе в органах законодательной и исполнительной власти. Что касается Центра, то здесь все последние годы ставка делается на оперативно работающие социологические службы и на кулуарное использование данных опросов. Исследования академического, фундаментального характера федеральными ведомствами финансируются очень слабо, да и то через тендеры, которые, в силу известных обстоятельств, выигрывают далекие от настоящей науки структуры. Что же касается Российской академии наук, а теперь – Федерального агентства научных организаций (ФАНО), то по их линии финансирование социологических, как, впрочем, и других научных исследований, не осуществляется. В сметы расходов академических институтов заложены только две статьи – на заработную плату и на коммунальные платежи.

БД: Да, прямо скажем, не густо. А, может быть, ты вспомнишь про Российский независимый институт социальных и национальных проблем, который ты возглавил после распада СССР, ликвидации КПСС и всех ее научных и учебных структур? Как он возник, что вы успели осуществить за десять лет его функционирования? Это очень сложный и противоречивый период, и институт, созданный тобой вместе с твоими коллегами, интересный.

МК: Сначала небольшая предыстория. Дело в том, что летом 1990 года, после очередного и, как выяснилось позже, последнего Съезда КПСС, состав руководящих органов КПСС сильно обновился, и такие члены Политбюро ЦК КПСС, как А.Н. Яковлев, В.А. Медведев, перешли на работу в Госсовет в качестве советников Президента СССР. В.А. Медведев предложил мне войти в аппарат Президента СССР, в группу его консультантов. Я размышлял недолго и выразил желание вернуться на научную работу. Тогда были две вакансии, которые могли быть мне предложены, исходя из моего статуса: Академия общественных наук – проректор по научной работе и Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – первый заместитель директора Института. Учитывая, что несколько последних месяцев директор ИМЛ, академик Г.Л. Смирнов, настойчиво предлагал мне перейти к нему первым замом, я выбрал ИМЛ. А утром следующего дня было подписано решение Секретариата ЦК КПСС о переводе меня на эту должность.

Практически сразу после нового назначения я взял отпуск, а в начале сентября вышел на работу в ИМЛ, которая продолжалась ровно год – до начала сентября 1991 г. Причем год моей работы в высшем научном и идеологическом учреждении ЦК КПСС, которым считался ИМЛ, можно поделить на два периода: с сентября 1990 г. по март 1991 г. и с марта по август 1991 г. Первые полгода в качестве первого заместителя директора Института я курировал ряд отделов, в том числе Отдел современных проблем социализма, который возглавлял известный социолог А.Г. Здравомыслов (переехавший тогда из Ленинграда в Москву), а также Центральный партийный архив, входивший в структуру ИМЛ, его международные связи и издательскую деятельность.

В первые месяцы своей новой работы, помимо уже упомянутого Здравомыслова, я тесно познакомился и стал активно сотрудничать с такими крупными учеными-обществоведами как М. Мчедлов, Г. Багатурия, Э. Баграмов, В. Выгодский, В. Горбунов и др. Наряду с этим, очень интересно и творчески насыщенно стали складываться отношения с учеными молодого и среднего по тем временам поколений (а ныне довольно известными социологами и политологами) – А. Андреевым, Б. Славиным, В. Петуховым, Н. Тихоновой, А. Чепуренко, Е. Виттенбергом и др. Все более полно и глубоко входя в дела Института, я знакомился с его уникальной историей, берущей начало в 1922 г., когда был создан Институт Маркса и Энгельса, преобразованный в дальнейшем в Институт Маркса – Энгельса – Ленина, Институт Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина и, наконец, в Институт марксизма-ленинизма

(который стал лично курировать главный советский идеолог Михаил Андреевич Суслов). Но и это оказалось не последней страницей его истории. В марте 1991 г. решением Секретариата ЦК КПСС Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС был преобразован в Институт теории и истории социализма ЦК КПСС (ИТИС ЦК КПСС). Поскольку за месяц до этого директор ИМЛ, академик АН СССР Г. Смирнов перенес тяжелую операцию, исполняющим обязанности директора вновь образованного Института был назначен я (всего-то при сорока годах отроду). Помню, вопрос на заседании Секретариата ЦК КПСС докладывал А.С. Дзасохов (тогда секретарь ЦК КПСС по идеологии, а впоследствии Президент Республики Северной Осетии-Алании). В прениях по данному вопросу выступили секретари ЦК Е. Лигачев, В. Ивашко, В. Фалин. На мое сообщение о том, как я вижу работу нового Института, было отведено ровно десять минут.

Передо мной была поставлена задача (если опустить детали) – придать ИТИСу (который без приставки «при ЦК» приобрел статус Отдела ЦК КПСС) современный облик, развернуть, наряду с фундаментальными исследованиями истории социализма, разработку актуальных проблем современного социализма, сократить количество штатных сотрудников нового института до 400 единиц (было свыше тысячи), сделать ставку на кадровое обновление и омоложение научного коллектива.

БД: Ну да, там еще, наверное, были сотрудники, которые Георгия Димитрова помнили?

МК: Может быть, и были, поскольку в Институте трудилось много лиц пенсионного возраста. Так или иначе, тогда я принял для себя очень важное решение – «не рубить с плеча», а действовать при формировании нового научного коллектива по принципу слияния молодости и опыта. Уже к лету штатная численность ИТИС стала составлять немногим более 400 человек, безо всяких конфликтов и скандалов начал складываться действительно новый и, как мы тогда считали, перспективный научный коллектив. Но... Грянули события августа 1991 г., которые перевернули все наши планы, в том числе заставили поставить точку в подготовке нашего первого научного и идеологического труда – декларации «За гуманный демократический социализм», которую планировалось вынести на обсуждение очередного съезда КПСС.

БД: И что же стало с ИТИС ЦК КПСС после ликвидации всех структур КПСС в соответствии с известными указами Б. Ельцина?

МК: Как и все другие партийные научные и учебные заведения КПСС, он был упразднен, а мне было предписано не

предпринимать никаких действий без согласования с ельцинской администрацией и ожидать той участи, которая позднее может коснуться коллектив ИТИС и меня лично. Причин для подобного указания было как минимум две. Одна, безусловно, была связана с комплексом зданий, в котором в годы Великой Отечественной войны находился аппарат Коминтерна (Третьего Интернационала) и его руководитель Георгий Димитров. Мог ли когда-нибудь предположить, что буду работать в кабинете бывшего руководителя Коминтерна площадью свыше 100 кв. м? Кстати сказать, и территория комплекса довольно уникальная – отведенная часть земли Ботанического сада на ВДНХ.

БД: Помню, помню твои масштабные рабочие пенаты на улице Вильгельма Пика. Вспоминаю и портрет, который висел у твоего рабочего стола с надписью «Здесь работал выдающийся деятель международного коммунистического движения Георгий Димитров».

МК: Вторая причина особого внимания к нам – это высоко квалифицированный состав научного коллектива, который, конечно же, надо было постараться использовать в интересах новой власти. Хорошо понимая это и собрав группу коллег (о них я говорил выше), готовых к нестандартным, но обдуманым и решительным действиям, я предложил не дожидаться, когда новые власть имущие начнут решать за нас нашу судьбу, и самим учредить научный институт нового типа. Предложение было поддержано. Осталось провести учредительное собрание с участием тех ученых, которые выразят готовность идти на рискованное существование. Так мы и поступили: на собрании исследователей-энтузиастов был учрежден первый в России негосударственный многопрофильный институт по социогуманитарным наукам, получивший название «Российский независимый институт социальных и национальных проблем» (РНИСиНП). Я был избран его генеральным директором. Далее события развивались стремительно. Пользуясь тем, что после провала ГКЧП всем было не до нас (по крайней мере, в сентябре – октябре нас никто не трогал, никаких предложений не делал), мы отправили учредительные документы в Межведомственную комиссию Моссовета, которая обладала правовыми полномочиями учреждать общественные объединения. А именно эту правовую форму мы для созданного РНИСиНП поначалу и выбрали. В конце октября 1991 г. у нас в руках уже были утвержденные документы. Последовал вызов меня в Администрацию Президента РФ. Руководитель Администрации Ю.В. Петров резко отчитал меня за несогласованные и несанкционированные действия. Приговор был короткий:

«Пойдешь объясняться к вице-президенту РФ А.В. Руцкому». Тот принял меня настороженно, но, как оказалось, с любопытствующим взглядом. Первый вопрос: «А чем собираетесь заниматься в новом Институте?». Я стал объяснять, какие направления научной работы хотелось бы сделать основными: проблемы теории и практики трансформационных процессов в России, различные аспекты ее социально-политической истории, изучение межнациональных и межконфессиональных отношений, социологические исследования динамики массового сознания, в том числе развитие такой новой для наших условий отрасли социологии как электоральная социология и т.д. «А на что жить будете? Бюджетных денег вы не получите!». Я отвечаю: «Попробуем заинтересовать кого-нибудь своей научной и издательской продукцией. Дайте нам хотя бы какое-то время, а там...». «Ну ладно, – снисходительно произнес А.В. Руцкой, – даем шесть месяцев. Вы живите, работайте дальше. Будете загибаться, помогать не будем!». Петров одобрительно кивнул головой, добавив: «Контролировать буду лично, но не забывайте, что вам еще надо закрепить за Институтом помещения, в которых ранее размещался ИМЛ, а затем и ИТИС».

Слова «еще надо» прозвучали не случайно. Это было сложнее учредительства РНИСиНП. Такой исторически известный комплекс, да со столь живописной территорией. Памятуя о том, что «нет таких крепостей, которые бы не могли взять большевики», мы мобилизовали все возможные (и невозможные) наши ресурсы, чтобы добиться официальной передачи Институту помещений, с которыми многие из нас уже сроднились ранее. Не буду раскрывать всех «тайн», но в начале 1992 г. вышло подписанное Б.Н. Ельциным распоряжение Президента РФ о передаче РНИСиНПу в долгосрочную аренду сроком на 20 лет комплекса зданий по адресу г. Москва, улица Вильгельма Пика, дом 4.

Через неделю после выхода этого, безусловно, исторического для нас документа, я уже находился в кабинете руководителя Госкомимущества РФ, которым в то время являлся А.Б. Чубайс. Предстояло определиться с ценой аренды за 1 кв. м и оформить долгосрочный договор. Чубайс со свойственной ему до сих пор хитроватой улыбкой всматривался в меня, задавал, надо сказать, довольно серьезные вопросы о наших творческих планах и согласился на самые-самые льготные по тем временам ставки арендной платы, которые мы вполне могли потянуть. Долгосрочный договор аренды был подписан, и можно было начинать серьезно заниматься научными делами.

БД: Наверняка, идей было громадье, но сроки для самоутверждения были ограничены, да и проблемы стартовых финансовых средств существовали. Как же вы выкручивались?

МК: С трудом, зачастую, с большим напрягом, но все же двигались по намеченному пути. Решение первоочередных финансовых вопросов взял на себя Наблюдательный Совет РНИСиНП, в который вошел ряд предприимчивых людей. Дирекция Института определила главные приоритеты научной и издательской деятельности. Франц Шереги помог провести два первых массовых опроса с использованием общероссийской выборки (1500 человек) в апреле и июне 1992 г. Активную работу по подготовке ряда издательских проектов развернула группа политических историков Института и, прежде всего – В. Журавлев, А. Ненароков, В. Шелохаев, А. Сорокин и др. М. Мchedlov, наряду с разработкой теоретических проблем переходных состояний в обществе, приступил к религиозно-исследовательским исследованиям. Группа Э. Баграмова начала отслеживать сложные и противоречивые процессы, которые стали происходить в национальных республиках России.

Первые результаты работы РНИСиНПа не заставили себя долго ждать. Все началось с того, что на рабочий стол руководителя Администрации Президента РФ Ю.В. Петрова стали ложиться аналитические записки по итогам наших массовых опросов. Результаты, которые там приводились, показывали, что уже к лету 1992 г. отношение населения к реформам Ельцина – Гайдара стало меняться, причем не в лучшую сторону. А рейтинг доверия первому Президенту РФ приобрел тенденцию к снижению. Реакция Ю. Петрова на записки была краткой и эмоциональной: «Вы, конечно, молодцы! Материал серьезный. Но как я буду его докладывать Борису Николаевичу?». Не знаю судьбу наших социологических записок, но зато очень хорошо знаю и помню реакцию на наш первый документально-издательский проект. Я имею в виду выпущенную издательством «Терра» книгу «Горбачев – Ельцин: 1500 дней политического противостояния». Как мне тогда рассказывали, Ельцин одаривал этой книжкой всех своих официальных коллег на территории СНГ, а Горбачев при первой же после ее выхода встрече сетовал на то, что при подборке документов, опубликованных в ней, общий баланс оценочных положений, дающих понять, кто из оппонентов больше прав, оказался не в его пользу (что, конечно же, было не так).

БД: Я не видел эту книгу. Удивляюсь, как вы смогли подготовить ее так быстро.

МК: Без опытных политических историков, которые имели высочайшую квалификацию, накопленную ранее в ИМЛ

в работе с документами, это было бы невозможно. Кстати сказать, вскоре книга была переведена на китайский и японский языки.

БД: И что же было потом? Вам же давали ограниченный срок для самоутверждения?

МК: После наших первых творческих деяний, о том – быть РНИСиНПу или не быть, уже никто в Администрации Президента не вспоминал. А мы наращивали темпы, объемы и качество наших исследований и изданий. На основе документов (в том числе малоизвестных) вышли такие книги, как «Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия?», «Красное или белое? Драма августа-91». Начал выходить ежегодник РНИСиНП «Обновление России: трудный поиск решений». Продолжали при участии Центра социального прогнозирования и маркетинга, созданного в те годы Ф. Шереги, проводить ежеквартальные мониторинговые социологические опросы. Одновременно периодически «отбивались» от разного рода лиц, «положивших свой глаз» на помещения, которые занимал Институт. Самым наглым в этом отношении оказался Сергей Станкевич – в тот период заместитель председателя Московского Совета и Советник Президента РФ по политическим вопросам. Если выбирать, с кого писать портрет бывших завлабов и младших научных сотрудников, ставших в условиях ельцинских реформ властными распорядителями, так он – один из самых ярких персонажей.

К нашему комплексу зданий у него был особый интерес, так как в него входила бывшая библиотека Коминтерна (после Октябрьской революции 1917 года, по поручению Ленина, ее еще Рязанов начал собирать). В этой библиотеке находились подлинники уникальных изданий. Например, один из дошедших до наших дней томик Кампанеллы «Город Солнца», полное собрание белогвардейских мемуаров, коллекция большевистских листовок. В эту библиотеку были переданы и все книги из личной библиотеки Сталина с его пометками. И все это вместе с нашими помещениями Станкевич пожелал забрать под свою коммерческую структуру, сначала отсудив их у РНИСиНПа. Но трижды заседавший по данному вопросу Арбатский суд принял решение в нашу пользу.

БД: Надеюсь, подобные нештатные ситуации не сильно отразились на исследовательской работе РНИСиНПа?

МК: Нервы, конечно, помотали, но с научного ритма не сбили. Тем более, приближались президентские выборы 1996 г., и открывалась возможность отработать методологию и методике электоральных опросов, а вместе с этим и поддерживать создание в российской социологии самостоятельного направ-

ления – электоральной социологии. Тем более, что на этом поприще начинал работать Нугзар Бетанели, возглавлявший тогда социологическое подразделение ФАПСИ.

БД: Да, да, он раньше работал у Э. Шеварднадзе в ЦК КП Грузии, проводил опросы общественного мнения.

МК: Верно, но в 1987 г. по моему предложению его перевели в АОН при ЦК КПСС на кафедру социологии и социальной психологии. Однако надо сказать, что в середине 1990-х годов к электоральной социологии «примерялись» и другие Центры – ВЦИОМ, ФОМ, РОМИР. Но что примечательно: чем чаще мы проводили опросы электората, тем больше я убеждался в необходимости придавать их результатам публичный характер. Так возникла идея сотрудничества с «Независимой газетой», главным редактором которой в те годы был Владислав Третьяков. Он многие годы сотрудничал с Б. Грушиным, знал толк в социологии, поэтому сразу оценил предложение печатать в преддверии президентских выборов социолого-аналитические материалы в формате целой газетной полосы. Так, появились мои статьи в «НГ»: «За четыре месяца до выборов», «За три месяца до выборов» и т.д. Последняя статья «За две недели до выборов» содержала прогнозы РНИСиНПа возможных результатов президентских выборов. Причем в зависимости от уровня явки. Один из прогнозов оказался довольно точным.

МК: Но ведь электоральные прогнозы не были единственным направлением социологических исследований РНИСиНПа?

БД: Нет, конечно. В каждую программу опроса входили тематические блоки, которые позволяли ведущим исследователям Института вести разработку актуальных проблем трансформирующейся России. Скажем, В. Петухов изучал состояние политического и гражданского участия, Н. Тихонова – качественно-количественные характеристики изменения социальной структуры постсоветского российского общества. Наряду с этим, группа Э. Баграмова анализировала ситуацию, которая складывалась в национально-государственных отношениях после известной ельцинской установки: «Берите суверенитета столько, сколько хотите!». Под руководством М. Мchedлова велось изучение религиозного сознания разных групп населения, а результаты этих исследований, благодаря его высокому авторитету в Московской Патриархии, я имел возможность дважды лично докладывать Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II.

БД: Как вы сумели в статусе негосударственного Института выйти на регулярное проведение общенациональных исследований крупных системных проблем нового общества?

МК: Это, как говорится, «отдельная песня». Все коренится в том, что мы в РНИСиНПе сумели не только сохранить, но и преумножить наши творческие отношения с Представительством Фонда имени Ф. Эберта в РФ, которые были установлены еще в бытность ИМЛ при ЦК КПСС. Ничего странного здесь не было, если иметь в виду стремление М. Горбачева придать КПСС социал-демократическое развитие, и знать, что Фонд имени Ф. Эберта является производным от Социал-демократической партии Германии. Обосновавшись в конце 1980-х годов в Москве, а затем и в Ленинграде и Новосибирске, Представительство Фонда стало не только разворачивать традиционные формы работы – семинары, конференции, круглые столы экспертов и т.п., но и решилось на поддержку крупномасштабных социологических исследований. Научная группа, которую я создал в РНИСиНПе для их проведения, оказалась для Фонда основным и, как показало время, многолетним партнером. До сих пор сохраняется костяк этой группы, в которую в последние годы влилась талантливая молодежь. А тогда пошли наши первые исследования, которые могут составить хрестоматию по социологии становления постсоветского общества. Среди них: «Массовое сознание новой России: мифы и реальность», «Есть ли в России средний класс?», «Молодежь новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится?», «Отношение россиян к собственности и бизнесу», «Социальные неравенства и социальная политика» и многие другие. Забегая вперед, скажу, что за двадцать лет сотрудничества с Фондом нам, находясь в разных Институтах, удалось выполнить около тридцати социологических проектов, без которых, как признают многие эксперты, динамику и суть формирования постсоветского российского общества понять очень сложно.

БД: С некоторыми исследованиями и докладами по их итогам я знаком, что-то размещено на вашем сегодняшнем сайте, а что есть в книжном формате?

МК: Практически все основные проекты изданы отдельными книгами. Самая первая из них, вобравшая в себя шесть аналитических докладов по итогам исследований, «Россия на рубеже веков» вышла в издательстве «РОССПЭН» в 2000-м году. Материалы последних пяти исследований изданы в формате научных монографий издательством «Весь Мир». Среди них: «Готово ли российское общество к модернизации?», «О чем мечтают россияне: идеал и реальность», «Бедность и бедные в современной России».

БД: Есть такой институт – Российский институт стратегических исследований (РИСИ). Так вот, он выпустил доклад, в котором обвиняет ряд научных организаций и ассоциаций,

мягко говоря, в непатриотическом характере их научной деятельности. В список этих организаций попал и Институт социологии РАН.

МК: Знаю про такой доклад. Чуть несусветная. Создает впечатление, что логика авторов этого доклада восходит к каменному веку: если какой-то научно-исследовательский проект финансируется с участием иностранной стороны (у нас, например, с Фондом имени Ф. Эберта правило примерно равного участия), то результаты и выводы его носят вредоносный характер. Если РИСИ претендует, судя по его названию, на стратегическое мышление, то ему лучше бы задуматься над вопросом о том, к каким стратегическим последствиям может привести отсутствие целевого государственного финансирования фундаментальных социальных исследований для понимания состояния и перспективных направлений развития пореформенного российского общества.

БД: Ну, хорошо. А как получилось, что группа ученых независимого, т.е. негосударственного, института, коим был РНИСиНП, стала лауреатами Государственной премии РФ в области науки и техники?

МК: Я думал, что ты не вспомнишь об этом.

Почему же? Сей факт отражен в твоих биографических данных. Но в них нет подробностей – когда, за что и т.п.

МК: Хорошо, коротко о подробностях. Выше я говорил о том, что в РНИСиНПе закрепилась группа бывших сотрудников ИМЛ – специалистов в области политической истории, причем ведущих в стране специалистов. Мы части обсуждали вопросы, а чем еще «удивить» общественность после издания первых трудов документального характера, которые вызвали столь высокий интерес. И пришли к выводу: самое время взяться за подготовку и издание многотомной истории всех существовавших ранее в России политических партий (с конца XIX века по начало 30-х годов XX столетия). Но была одна существенная загвоздка: большая часть необходимых для этого проекта архивных документов находилась в России, а еще одна часть (например, письма Мартова Ленину) – в зарубежных архивах известных научных и образовательных центров (Институт социальной истории в Амстердаме, Институт русской истории Колумбийского университета и архив Гуверовского института в США). Пришлось договариваться. Они нам – недостающие документы, а мы им – право издания подготовленных рукописей на английском языке. Так, в результате огромного труда в течение семи лет, потребовавшего подготовку небывалого по своему объему и сложности справочного аппарата, в издательстве «РОССПЭН» были выпущены 28 томов «Истории

политических партий России». Ядро рабочего коллектива многоотомника (восемь человек, в том числе Ваш покорный слуга) было представлено в 1999 г. к присуждению Государственной премии РФ. Соответствующее решение состоялось в 2000 г. Свои дипломы лауреатов мы получали несколько позже в Кремле из рук тогдашнего Председателя Правительства РФ М.Е. Фрадкова.

БД: Очень интересно. А я и не знал, что тебе пришлось заниматься в РНИСиНПе не только социологией.

МК: Действительно, это так. Но я очень рад данному обстоятельству, поскольку те виды научного творчества, через которые пришлось пройти, очень помогли мне ощущать себя на всем пространстве социальной науки еще увереннее.

БД: Ну, хорошо. А как ты оказался во главе Института комплексных социальных исследований РАН (ИКСИ РАН)?

МК: Честно говоря, мысль о желательности трансформации независимого института в институт академический давно возникала и у меня, и у моих коллег. Но все как-то не до этого было. Подтолкнула ситуация «наезда» на нас, точнее, на помещения, в которых размещался наш Институт. В один прекрасный летний день 2000-го года на территории РНИСиНПа «нарисовалась» компания по хозяйственному обслуживанию зданий с громким названием «Эфес» и предписанием высоких начальников, в котором говорилось о необходимости перевести наши помещения на баланс этой компании.

МК: И что же, пришлось пойти на уступки?

БД: Нет, пришлось действовать по-иному. Быстро оценив, что со статусом независимости (как бы он ни был хорош) подобную проблему не решить, мы подали прошение в Президиум Российской академии наук с просьбой ввести РНИСиНП в структуру РАН, преобразовав его в академический Институт комплексных социальных исследований (ИКСИ РАН). Нашу просьбу поддержало Отделение общественных наук РАН, которое в то время возглавлял академик Б.Н. Топорнин, являвшийся одновременно директором Института государства и права РАН.

МК: А в Президиуме РАН? Неужели все прошло относительно спокойно?

БД: В ходе обсуждения нашего вопроса были тревожные моменты. Все дело в том, что РАН стояла на пороге сокращения количества академических институтов, а тут еще один... Но очень помогла позиция вице-президента РАН академика В.Н. Кудрявцева, которому пришлось выступать дважды и убеждать, что речь идет о небольшом по численности, но очень творческом, высокопрофессиональном и работоспособном кол-

лективе. В итоге, создание ИКСИ РАН было одобрено, а его численность определена до 70 штатных единиц. С 2001 года новый институт РАН приступил к работе, а РНИСиНП завершил свое десятилетнее существование.

МК: Ну, хорошо. Затронем другую тему. Ты, наверняка, знаешь, что в 2018 году Институту социологии исполняется 50 лет. Как ты думаешь, в свете реформы РАН и создания Федерального агентства научных организаций (ФАНО), этот юбилей будет отмечаться как праздник российской социологии или как вечер воспоминаний о былых успехах Института?

БД: Безусловно, это будет не вечер воспоминаний, а серьезное и общественно статусное мероприятие, обязательно с учетом того какую роль социологическая наука призвана играть в современном обществе. Большое внимание будет уделено и тому историческому пути, который прошла отечественная социология. Конечно, на многие вещи придется взглянуть критически, реально оценить перспективы развития социологии в стране и в мире в предстоящие десятилетия. Я думаю, будет также уместным, поскольку этого не сделали ранее, развеять ряд мифов, в частности, миф о первоначальном зарождении прикладной социологии в ряде стран Западной Европы и Северной Америки. На самом деле, достаточно обратиться к опыту проведения опросов в России в начале XX века, и многое прояснится. А вообще-то, Борис, ты перешагнул по времени еще одну очень существенную юбилейную дату.

МК: О чем это ты?

БД: А о том, что в марте 2016 года исполняется 100 лет образования Русского социологического общества, получившего имя одного из его инициаторов – крупнейшего отечественного социолога М.М. Ковалевского.

БД: Да, действительно, предстоит достойным образом отметить две юбилейные даты.

МК: Осенью текущего года мы планируем сформировать Оргкомитет по подготовке научных мероприятий, посвященных этим датам. Надеюсь, ты не откажешься войти в его состав?

БД: Нет, конечно. Готов принять в его работе самое деятельное участие.

МК: Полагаю, что и недавно созданное Общество социальных наук проявит к этим юбилейным датам свое внимание.

БД: Ты имеешь в виду Общество имени М.М. Ковалевского?

МК: Нет, Общество Ковалевского – одно из общественных объединений российских социологов, созданное на базе Санкт-Петербургского университета. А речь идет об учрежденном рядом ведущих университетских центров и академических институтов, в том числе Институтотом социологии РАН, Обществе

социальных наук, инициированном по примеру существующих (возрожденных и берущих свое начало еще в XIX веке) Русского географического общества, Исторического общества, Общества естествоиспытателей.

БД: Какие цели определило для себя это Общество?

МК: Если говорить о главных, то их три. Во-первых, разработка и совершенствование образовательных программ в области социального знания. Во-вторых, развитие в стране социальных исследований и включение их результатов в практику государственного управления. И, в-третьих, пропаганда достижений отечественного социально-гуманитарного знания в кругах международной научной общественности.

БД: Серьезное поле деятельности. И для социологической отрасли социального знания на нем найдется достойное место.

МК: Именно поэтому, как мне думается, в рамках первого Общероссийского Конгресса социальных наук можно было бы отдать должное 100-летию создания Русского социологического общества, а потом – плавно перейти к социологическим мероприятиям 2018 года.

БД: Хорошие задумки, их обязательно надо реализовать. Теперь меня вот что интересует. 14-го ноября 2012-го года в Москве отмечался праздник – «День социолога», и в своем докладе по этому случаю ты сказал: «С учетом конкретного исторического подхода к оценке места и роли социологии в обществе можно утверждать: в любые времена она переживала свои хождения по мукам, была вынуждена преодолевать обусловленные данным временем политические и идеологические противопоказания».

У меня такой вопрос: «Какие муки, прежде всего, вынуждена преодолевать российская социология сегодня?».

МК: Хороший вопрос. На мой взгляд, нынешнее время не столько обуславливает муки социологии, сколько вынуждает ее существовать в весьма неприличной позе – позе вечно просящего, вечно доказывающего, вечно оправдывающегося.

БД: Что ты имеешь в виду?

МК: Что же еще можно иметь в виду как ни выпрашивание (пусть и в неявной форме), прежде всего, академической социологией, государственных средств на проведение фундаментальных исследований. А кому из нас, профессиональных социологов, не приходится сегодня постоянно доказывать свою нужность и полезность государственным структурам, которые, реализуя управленческую деятельность, сами должны осознавать потребность в обращении к социологической информации? А поза оправдывающегося и вовсе нам не к лицу. Что толку объяснять, доказывать, что имеется в виду в оценках

и выводах профессионально выполненных исследований, если их нередко судят по сугубо идеологическим и политическим основаниям?

БД: Не слишком жестко?

МК: Да нет, в самый раз. Другое дело, что нынешняя российская профессиональная социология не должна только жаловаться на недостаток внимания. Уровень востребованности ее возможностей в сфере экспертной работы, научного управления обществом мы и сами должны поддерживать. И, прежде всего, высоким качеством своих исследований.

БД: И что, даже на региональном уровне, сегодня нет каких-то ярких примеров взаимодействия власти и социологии?

МК: Почему, есть. Например, в Тюмени. Именно по инициативе региональных властей там регулярно проводится Тюменский социологический форум. Результаты исследований используются не просто для декора высоких речей (что чаще всего можно наблюдать), а для оценки эффективности управленческой работы, прогнозирования возможных последствий принимаемых решений, в особенности в социальной сфере.

Осенью прошлого года (2013 год), как раз в дни работы Третьего социологического форума в Тюмени, я встречался с Губернатором Тюменской области Владимиром Якушевым. Спрашиваю его: «А скажите, Владимир Владимирович, что окажется дешевле, а, значит, выгоднее – наряду с принятием технико-экономического обоснования реализации какого-нибудь крупного проекта, одновременно осуществлять его социогуманитарную, социологическую экспертизу, или вкладывать деньги в исправление ошибок в процессе его продвижения, прежде всего, вследствие недооценки человеческого фактора?». Не раздумывая, он ответил: «Конечно, одновременная двойная экспертная оценка проекта».

БД: Что же произошло после вашего разговора?

МК: А то, что Тюменская областная дума рассмотрела на своем заседании Договор о многолетнем сотрудничестве с Институтом социологии РАН и утвердила его. Вот после нашего с тобой диалога вылетаю его подписывать. Видишь, бывает и такое. Правда, еще не часто.

БД: О каких направлениях, темах сотрудничества в этом Договоре идет речь?

МК: Договор фиксирует общие принципиальные положения взаимодействия ИС РАН и региональных властей. А дополнительный протокол к нему оговаривает темы и сроки реализации конкретных проектов. Среди этих тем на ближайшие три года: формирование человеческого потенциала в Тюменском регионе, ресурсы формирования и укрепления среднего клас-

са, социальные факторы освоения северных территорий, оценка эффективности правоприменительной практики и др.

БД: Выполнение этих проектов предусматривает участие в них тюменских социологов?

МК: Конечно! В Тюмени на базе Тюменского государственного университета усилиями Г.Ф. Куцева создана крепкая социологическая школа. И мы очень надеемся на самое тесное и активное сотрудничество. Ведь кто, кроме местных социологов, может лучше знать особенности регионального социума...

БД: Согласен. А вообще для меня три главных города существуют в России. Это, естественно, Санкт-Петербург, Москва и Тюмень! Я очень много с Тюменью связываю, поэтому хорошо знаю этот регион. Когда я ездил в Тюмень, там губернатором был Л.Ю. Рокетский, а потом – С. С. Собянин.

И для реализации ваших совместных проектов в Тюмени будет создаваться отдельная структура?

МК: Скорее всего, да. Речь может идти о двух вариантах: о создании межвузовской социологической лаборатории (в Тюмени социологи работают не только в ТГУ), либо о создании в Тюмени филиала Института социологии РАН по примерам уже действующих – Южнороссийского, Приволжского и Башкирского филиалов нашего Института.

Вообще, Борис, хотел бы заметить, что постановка вопроса о социологическом обеспечении экспертно-аналитической работы во властных структурах, причем самого высокого уровня, ведется уже не первый год. Я об этом ни раз беседовал с Сергеем Михайловичем Мироновым в его бытность Председателем Совета Федерации, когда был создан Научно-экспертный совет при нем (НЭС), а я вошел в его состав.

В настоящее время я являюсь членом Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации В.И. Матвиенко. В его состав входит более десяти действительных членов РАН, представляющих как социальные, так и естественные и технические науки. И вот только на днях я получил приглашение принять участие в очередном заседании НЭС, в повестке дня которого первым значится вопрос: «Социально-гуманитарная экспертиза проектов законодательных и нормативно-правовых актов в контексте модернизации социальной сферы регионов России». Как говорится, «лед тронулся». Лучше поздно, чем никогда.

БД: Ну да, конечно. Теперь у меня вот такой вопрос: ты уже много лет занимаешься разработкой социологической теории массового сознания, динамической концепции формирования и функционирования общественного мнения, выявлением структуры российской идентичности. Какие, по твоему мнению, результаты достигнуты в этих областях российской со-

циологической науки за последние полтора-два десятилетия? Как ты вообще оцениваешь сделанное? Есть ли здесь какой-то рывок, какое-то движение?

МК: О рывке, тем более теоретическом, говорить, на мой взгляд, оснований нет, да и, вряд ли, он в принципе может быть в условиях динамично трансформирующегося общества, динамично развивающихся (изменяющихся) явлений и процессов, которые выступают объектом сегодняшних исследований. Глубокие и всесторонние обобщения долговременно-го значения возможны только в устойчивых общественных системах. Поэтому о научных наработках применительно к пореформенному российскому обществу речь вести, конечно, можно и нужно! Но также следует иметь в виду, что эти наработки имеют пока больше характер тенденций, чем сложившихся закономерностей.

БД: Значит, о каких-то тенденциях все-таки говорить можно, учитывая 20-летний период российских реформ?

МК: Применительно к тем областям, о которых шла речь в твоём вопросе, могу выделить следующее. Что касается массового сознания, то оно в ещё более выраженной форме подтвердило свою ситуативную природу, изменчивость вслед за изменениями общественной ситуации. Вот почему «общественное сознание» и «массовое сознание» из разного категориального ряда, что зачастую не принимают во внимание многие исследователи. Речь о том, что если общественное сознание в своих устойчивых формах существования (нормы, традиции, обычаи и т.п.) отражает конкретно-исторический тип общественных отношений, то через состояния массового сознания (социальные умонастроения, социальные чувства, духовно-психологический климат и др.) фиксируется своеобразие периодически меняющейся общественной ситуации.

В свою очередь, мониторинговые исследования динамики общественного мнения дают основания говорить об усилении сдвига духовно-психологической природы этого специфического явления в сторону его духовно-практической сущности.

БД: Что ты имеешь в виду?

МК: А то, что усиливается роль общественного мнения как связующего звена между состоянием массового сознания и направленностью и формой проявления массового поведения. Да и сама социальная скорость трансформации общественного мнения как духовно-психологического отношения в отношении духовно-практическое и собственно практическое (массовая поведенческая реакция населения) явно набирает обороты (особенно в неординарных, критических, психологически взрывных и т.п. общественных ситуациях).

Претерпела изменения за двадцатилетие лет реформ и структура российской идентичности. Причем как в различных видах «Я-идентификация», так и особенно в структуре «Мы-идентификация». Во-первых, за время, прошедшее после распада СССР, в три раза (до 90-95%) возросла доля населения РФ, которая стала идентифицировать себя с понятием россиянин. А, во-вторых, на уровне личностной идентификации явно проявилась тенденция относительного выравнивания значимости этнической и гражданской идентичности. На мой (и не только на мой) взгляд, – это явный признак активизации процесса формирования общероссийской идентичности, которая не противопоставляется сохранению идентичности этнической.

Таков, если очень кратко, наш опыт использования социологии как средства социальной диагностики. В развернутом виде, к тому же на базе более чем тридцати общероссийских исследований, я представил его в своей книге «Российское общество как оно есть» (2011 г.). В настоящее время я завершаю подготовку ее второго издания (дополненного и обновленного). Безусловно, в нем найдут отражение процессы, связанные с консолидацией российского общества, укреплением общероссийской идентичности после воссоединения Крыма с Россией.

БД: В каком издательстве она выйдет?

МК: В издательстве «Новый Хронограф». В нем же выходило и первое издание.

БД: Я знаю, да и по твоим комментариям в нашем диалоге можно понять, что у тебя накоплен многолетний личный опыт научно-организационной, исследовательской и издательской деятельности. Но то, что ты до сих пор рассказывал, относится к прежним руководимым тобою научным структурам. А как ты оказался директором Института социологии РАН?

МК: Случилось это в июне 2005 года. Данному событию предшествовала процедура под впечатляющим названием «Реструктуризация научно-исследовательских институтов РАН».

БД: Это что такое?

МК: На языке Минфина – сокращение бюджетополучателей. А если говорить простым, доходчивым языком – сокращение институтов РАН путем их объединения.

БД: Как же это связано с моим вопросом?

МК: Самым что ни на есть непосредственным образом. Общая установка, насколько я знаю, предполагала сокращение институтов РАН на 50-55 юридически и финансово самостоятельных учреждений. Из структур близкой нам научной области выбор пал на Институт социологии – директором являлась Л.М. Дробижева, Институт сравнительной политологии – ди-

ректором являлся Г.Ю. Семигин, и Институт комплексных социальных исследований, которым руководил я. В результате их слияния и реорганизации должен был появиться один институт Российской академии наук (а у Минфина РФ – сократиться число научных организаций, которым следует перечислять бюджетные деньги).

Естественно, при таком повороте событий в Президиуме РАН встал вопрос о руководителе и названии объединенного института. Л.М. Дробизева не могла выдвигаться по действовавшим тогда для директоров возрастным ограничениям (до 70 лет). Я дал согласие, оговорив при этом наличие поддержки научных коллективов и, прежде всего, ИС РАН как головного академического социологического центра. А Г.Ю. Семигин заявил А.Н. Некипелову – академику, вице-президенту РАН, которому тогда было поручено заняться реструктуризацией учреждений в сфере общественных наук, что он в данной ситуации видит директором объединенного института только себя, и ни на какие иные роли (например, роль первого заместителя директора) соглашаться не будет.

БД: Какой же из такого расклада вывод сделал А.Н. Некипелов?

МК: Ну, какой мог быть вывод? Понимая, что основное значение в определении фигуры директора нового института принадлежит позиции ИС РАН, он провел ряд консультаций с его дирекцией ведущими учеными Института, которые высказались в пользу поддержки моей кандидатуры. Название преобразованного Института было решено не менять, поскольку и в России, и за рубежом оно было наиболее «раскрученным». Так, появилось сначала распоряжение Президиума РАН о создании ИС РАН нового образца путем объединения ИКСИ РАН, ИСП РАН и прежнего ИС РАН и назначении меня и.о. директора объединенного института. А уже через полгода научный коллектив нового ИС РАН на своем общем собрании сотрудников Института избрал меня директором сроком на пять лет. В 2010 году я вновь был переизбран директором ИС РАН.

БД: Были проблемы в процессе объединения трех таких довольно непростых научных коллективов?

МК: Конечно, были. Решение таких задач, которые пришлось решать уже в первые месяцы, беспроblemным не бывает. Но главное, что все осуществлялось в спокойном, конструктивном режиме, без возникновения конфликтных ситуаций. Это относится даже к решению поставленной перед нами задачи сокращения штатных единиц объединенного Института – с 450 до 350. Сам понимаешь, чем подобное могло обернуться, если «рубить с плеча»... Но в течение трех месяцев задачу ре-

шить удалось, причем без судебных разбирательств (в отличие от подобных ситуаций в других объединенных институтах). Выдержать установленные для ИС РАН параметры его численности помогли три обстоятельства: 1) наличие большого числа пенсионеров весьма почтенного возраста (особенно в «крыле» политологов), которые, понимая ситуацию, подали заявления об увольнении; 2) готовность ряда научных сотрудников, в том числе достигших пенсионного возраста, озадаченных вероятностью не выдержать «конкурентной борьбы» с другими учеными Института, уволиться (или перейти на другую работу) по собственному желанию; 3) согласие еще одной группы ученых перейти на 0,5 ставки, что также позволило сократить ряд полных штатных единиц. Еще через год численность ИС РАН была определена до 320 штатных единиц (в настоящее время 310).

Безусловно, и структура нового ИС РАН определялась «не с кондачка» и не путем административного нажима. Несколько раз обсуждали данный вопрос на заседаниях вновь образованного Ученого Совета Института. В итоге пришли к выводу: оптимальным вариантом является организация научной работы Института через образование в его структуре исследовательских центров. Выбор проблемно-аналитической направленности научной деятельности центров определялся как предшествующими наработками ранее функционировавших научных подразделений, так и выдвинувшимися актуальными проблемами последнего времени, получившими отражение в распоряжении Президиума РАН о создании качественно нового ИС РАН.

О направлениях, конкретных проектах работы каждого Центра говорить не буду – все это представлено на портале ИС РАН, причем с приведением оценок и комментариев результатов их деятельности экспертным научным сообществом.

БД: Рискнешь выделить то, что, может быть, составляет «изюминку» нынешнего ИС РАН?

МК: Честно говоря, не вижу здесь большого риска, поскольку какие-то из, как ты выразился, «изюминок» – на поверхности, а какие-то отмечают сами эксперты социологической продукции, причем и российские, и зарубежные. Скажем, в прикладных исследованиях, проводимых по общероссийской выборке, нам удалось перенести «центр тяжести» на аналитический вид изысканий, отличающихся, как известно, от оперативных (зондажных) и описательных социологических опросов нацеленностью на выявление *причинно-следственных связей* изучаемого объекта. Отсюда – возможность при анализе результатов таких исследований выходить на обобщения комп-

лексного характера. Именно такими обобщениями и выводами отличаются аналитические доклады ИС РАН (а впоследствии и издаваемые на их основе монографии), которые довольно быстро привлекают к себе внимание не только научного, но и масс-медийного сообщества.

Вообще, хотел бы заметить, что публичной стороне своей научной деятельности новый ИС РАН стал уделять повышенное внимание. Ведь, согласись, если социология – наука об обществе, то результаты этой науки не могут находиться только на столах и в книжных шкафах ученых. Они непременно должны выходить в публичную сферу. Поэтому, начиная работу в новом ИС РАН, пришлось приложить немало усилий для того, чтобы понятие публичной социологии стало не просто ярким слоганом, но и одним из важных видов деятельности ведущих ученых Института. Помню, ты сам не раз любил повторять такую формулу: если тебя нет на страницах газет и журналов, если тебя нет на радио и в телеэфире, в Интернете, то тебя нет вообще!

БД: Действительно, это моя непреложная установка.

МК: Вот и для нас она стала неотъемлемой частью деятельности. Поэтому сегодня ИС РАН считается одним из самых публичных академических институтов, имеет один из самых посещаемых сайтов среди всех Институтов РАН и к тому же обладает одним из самых высоких индексов в РИНЦ.

И еще, в контексте твоего вопроса, хочу не без особого удовлетворения подчеркнуть, что в серьезных экспертных и политических кругах данные исследований ИС РАН оцениваются как наиболее объективные, надежные.

БД: Теперь хочу задать тебе вопрос, лежащий в несколько иной плоскости. Сколько времени ты уже находишься в составе РАН, если иметь в виде и твое член-корство, и звание академика?

МК: Членом-корреспондентом я был избран в 2006-м году, а действительным членом РАН – в 2011-м году. Получается, 8 лет.

БД: Уже порядочное время. Среди обществоведов ты, наверное, самый молодой академик?

МК: Получается, так, если иметь в виду сферу общественных наук.

БД: На тебе как на академике – действительном члене РАН – лежат какие-либо дополнительные функции?

МК: До реформы РАН дело обстояло следующим образом. Я, как и каждый член Академии, состоял в одном из Отделений РАН, а в структуре Отделения – входил в одну из его секций – секцию философию, социологию, психологию, права и политологии Отделения общественных наук (ООН) РАН. В его состав

входит еще секция экономических наук. Периодически участвую в заседаниях секции, на которые выносятся вопросы как научно-отраслевого, так и междисциплинарного характера. А как член Бюро ООН принимаю участие в обсуждении текущих и перспективных вопросов состояния и развития общественных наук и деятельности институтов, их представляющих.

В настоящее время еще трудно сказать, что после реформы РАН реально останется в сфере компетенции ООН и его секций. Судя по тому, как развивается ситуация, очевидно одно – связь Институтов с РАН будет ослабевать.

БД: Так что, все руководство институтами фактически перешло к ФАНО?

МК: Да, это так. На нашей научно-исследовательской работе сие пока не отражается, если не принимать в расчет безумное количество разного рода справочных бумаг, которые чуть ли не ежедневно приходится отправлять курирующим ИС РАН чиновникам ФАНО. Однако помогает меньше думать о бюрократической возне большой объем научно-исследовательской работы.

БД: Как раз хотел спросить, а у вас есть какой-то постоянный механизм взаимодействия и сотрудничества, скажем с Правительством РФ?

Постоянного механизма нет. А есть практика, проверенная еще советским временем, выполнения разовых поручений, причем (как и в то время) на безвозмездных началах. Например, в недрах правительственного или какого-нибудь ведомственного аппарата подготовлен проект федерального значения. Он направляется в ИС РАН с предписанием его изучить и представить в соответствующий срок свои оценки, дополнения и рекомендации. Аналогичные целевые поручения исходят и со Старой площади (из Аппарата Администрации Президента РФ).

Случаются и иные формы сотрудничества, когда возникает необходимость при разработке документов стратегического характера направлять в создаваемую для этого рабочую группу экспертов-социологов из нашего Института. Один из таких наиболее ярких примеров последнего времени – участие ученых ИС РАН в подготовке правительственной Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ, известной под названием «Стратегия 2020». Первый заместитель директора ИС РАН П.М. Козырева даже была отмечена за участие в этой работе (в части обоснования моделей социальной политики) государственной наградой.

А бывают и такие случаи, когда академические ученые сами, что называется, «напрашиваются» на общение с властью своими инициативами.

БД: Что ты имеешь в виду?

МК: Хотя бы последний случай, который закончился встречей с Президентом РФ В.В. Путиным в его резиденции «Ново-Огарево».

БД: Что-нибудь об этом сказать можешь, или о таких встречах не принято распространяться?

МК: Ну почему же? Об этой встрече было много сообщений и на президентском сайте, и в федеральных СМИ, и в соответствующих комментариях, которыми всегда сопровождаются подобные встречи. Поэтому коротко отмечу следующее. Поводом для такой встречи послужил подготовленный в инициативном порядке доклад группы академиков РАН, посвященный перспективам экономического и социального развития России на ближайшие 10-15 лет. Экономические разделы доклада готовили ведущие ученые экономических институтов РАН, а разделы о социальном положении населения и предпочтительных вариантах социального развития общества – специалисты ИС РАН.

Интрига ситуации состояла в том, что в это же самое время со своими сценариями текущего, среднесрочного и долгосрочного социально-экономического развития страны, в которых предлагалось ориентироваться на весьма скромные показатели роста ВВП как на ближайшие годы, так и на отдаленную перспективу, выступило Минэкономразвития РФ.

Встреча с Президентом РФ состоялась 19-го февраля 2014 года. Со стороны РАН на ней присутствовало 10 человек, главным образом, экономисты – академики РАН А. Некипелов и В. Ивантер (руководители рабочей группы по подготовке доклада), Е. Примаков, О. Богомолов, член-корреспондент РАН Г. Кляйнер и др. Единственным социологом оказался я. На противоположной стороне большого овального стола расположились В. Путин, И. Иванов – руководитель Администрации Президента РФ, А. Белоусов – помощник Президента РФ, А. Улюкаев – министр экономического развития РФ, А. Силуанов – министр финансов РФ, Э. Набиуллина – председатель Центробанка России и академик РАН С. Глазьев – советник Президента РФ по экономическим вопросам.

Обстановка оказалась весьма располагающей, демократичной. У каждого была возможность кратко выступить с обоснованием своей позиции. Например, В. Ивантер убежденно и аргументированно объяснял, как и за счет чего можно поднять темпы роста ВВП до 6% и даже до 8% в год. А. Некипелов сделал акцент на возможности использования для этого кредитно-денежной политики. Г. Кляйнер попытался увязать экономический рост и экономические стимулы, в частности, превращения работника в собственника предприятия и т.п.

БД: О чем удалось сказать Президенту страны тебе? Ведь понятно, что такая возможность появляется крайне редко, может быть, один раз...?

МК: Именно поэтому пришлось выбирать: либо говорить о «нас любимых», имея в виду собственно наши «страдальческие» социологические проблемы, либо исходить из общего контекста разговора, акцентируя внимание на возможностях социологии вести систематический анализ роли неэкономических факторов (социокультурных, психологических, нравственных, политических, информационных и др.) достижения экономического роста страны. Выбрал второе.

Встреча длилась более трех часов. Разговор был довольно оживленный, Президент многим выступающим задавал вопросы и нередко давал свои комментарии.

БД: И что в итоге?

МК: Трудно сказать. Обычно после таких встреч, к тому же в подобном составе, итог в «снятом виде» сразу не определяется, нужно время. А потом последовавшие вскоре украинские события, по понятным причинам, резко переключили внимание руководства страны на иную группу вопросов. Но, разумеется, то, что обсуждалось у Президента, в повестке дня осталось. Более того, с учетом экономических санкций Запада, приобрели еще большую актуальность.

БД: Михаил, задам еще три вопроса, без которых я не могу считать наш диалог завершенным. Одним из главных критериев эффективности научной деятельности институтов считается деятельность издательская. Но как вы можете обеспечивать эту самую эффективность, если, как ты отмечал выше, у института РАН только две статьи расходов – зарплата и коммуналка?

МК: А это, судя по всему, мало кого интересует. Ощущение такое, что те, кто определяет, как и на что должна существовать в нашем Отечестве социальная наука, исходят из установки: захочешь печататься – найдешь на что. Основные «находки» к нынешнему периоду сводятся к следующему. Это может быть издательский грант по линии РГНФ. Но его надо еще выиграть в конкурентной борьбе с другими желающими издать свои научные творения. Это может быть финансовое участие самого научного института РАН, но выделяемые им средства должны иметь внебюджетные источники (например, деньги от сдачи в аренду излишков занимаемых им помещений, если, конечно, они есть). Это может быть заинтересованность издательства в выпуске предлагаемой научной рукописи. Однако подобное с научной литературой случается редко, поскольку издательские структуры преследуют, как правило, коммерческие цели или хотя бы стремятся окупить свои за-

траты. Это может быть и издание по договору (заказу) с какой-либо организацией, чаще всего, общественной. Наконец, когда для автора (авторов) все названные и иные источники не срабатывают, он (они) сами идут на издательские расходы. Но подобное имеет место в самых редких случаях.

Что касается научных изданий ИС РАН, то чаще всего они выходят в свет благодаря грантам РГНФ, по договорам сотрудничества с Фондом им. Ф. Эберта, за счет исследовательских грантов, в смету которых можно включить статью на издательские расходы, и, наконец, на основе авторского самофинансирования. В последние годы ученые Института стали активно практиковать издание своих научных работ на дисках, что значительно снижает затраты. Те же скромные внебюджетные средства, которыми располагает сам ИС РАН, аккумулируются, главным образом, для издания ежегодника и журнальных изданий Института: «Социологическая наука и социальная практика», «Вестник Института социологии» (электронная версия), «Социологический журнал», «Социология: 4М».

БД: Предпоследний к тебе вопрос такой: как ты думаешь, сохранится ли в России двухступенчатая система научных степеней – кандидат и доктор наук?

МК: Трудно однозначно ответить на этот вопрос после того, как за годы реформ в сферах образования, науки и аттестации научных кадров напринали много необдуманных решений. Мы еще не до конца осознаем, чем отзовется для нас в более отдаленной перспективе вхождение России в Болонское соглашение. Поэтому я бы не торопился отказываться от испытанной десятилетиями в нашей стране модели двухступенчатого восхождения к статусу *высококачественного ученого-исследователя*. По крайней мере, для меня и многих моих коллег, довольно часто принимающих участие в различных международных научных конгрессах, конференциях, симпозиумах, разница в уровне российского доктора наук и доктора западного («одноступенчатого») очевидна.

Думаю, что после ряда принятых ВАКом России решений последнего времени, направленных на резкое повышение уровня требований к выносимым на защиту диссертациям (особенно докторским), подобные различия станут еще более очевидными, а очереди на защиту в спецсоветах резко поредеют. Например, количество желающих защищаться в диссоветах ИС РАН и в свете повышенных требований, и в силу высокой требовательности наших спецсоветов, резко поубавилось.

БД: В заключение нашей беседы скажи, пожалуйста, а помимо руководства Институтом ты возглавляешь в нем какое-либо научное подразделение?

МК: Не вижу в этом необходимости. Ведь, наряду с руководством Институтом, я являюсь председателем его Ученого Совета, председателем докторского специализированного совета, главным редактором журналов ИС РАН «Социологическая наука и социальная практика», «Вестник Института социологии», ответственным редактором институтского ежегодника. Кроме того, по сложившейся еще в РНИСиНПе и в ИКСИ практике работы, выступаю научным руководителем наиболее крупных общеинститутских социологических проектов. А вот для регулярного нахождения в творческой форме я, действительно, тесно связан с одним из научных подразделений Института, но не в качестве его руководителя, а в качестве совместителя по штатной ставке главного научного сотрудника. Речь идет о моем участии в проектах НИР Центра комплексных социальных исследований. Как правило, эти проекты направлены на изучение довольно острых и сложных проблем: экстремизм в молодежной среде; социальные факторы коррупции; эволюция политико-мировоззренческих взглядов россиян; гражданская культура и гражданское участие в пореформенном российском обществе и др. При этом мне импонирует, что и опытные, и молодые ученые Центра используют при разработке научных проблем междисциплинарный, комплексный подход.

БД: Большое тебе спасибо, Миша. По-моему у нас состоялась очень бурная, интересная беседа. Признаюсь, что узнал вещи малоизвестные, а то и вовсе мне незнакомые. Думается, для многих, кто знает тебя только по публикациям, твой путь в профессиональную социологию станет откровением.

МК: Возможно. В таком случае можно считать, что в отличие от других путей пути в социологию – исповедимы.

Локосов В.В. – окончил философский факультет МГУ, доктор философских наук, директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН и вице-президентом Российской Академии социальных наук, профессор. Основные области исследования: методология и методика измерения социально-политических и социально-экономических процессов, теория трансформации социальных систем. общественное мнение, анализ рынка. Интервью состоялось в 2012 году.

**Локосов В.В.:
«ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
ОХЛАЖДАЛА
НАКАЛ
РОМАНТИЧЕСКОГО
ВОСПРИЯТИЯ ФИ-
ЛОСОФИИ»***

Беседа с Вячеславом Вениаминовичем Локосовым протекала стремительно. Наше знакомство состоялось в Москве в начале второй декады ноября 2012 года, в конце ноября мы по электронной почте договорились об интервью, первые вопросы я отправил ему 7 декабря, и мы закончили все к середине марта. Мне интересен его жизненный путь, тематика, которой он занимается и его понимание ряда актуальных проблем России. Но сейчас, я пожелаю ему, задумываясь о направлениях своих будущих исследований, включить в них и историю современной отечественной социологии.

Согласно развиваемой мною концепции поколений советских/

* В.В. Локосов: «Прагматика повседневности охладила накал романтического восприятия философии» (Интервью Б.З.Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 3. С. 2-8.

российских социологов, Вячеслав Локосов (1958 г.р.) принадлежит к младшей страте четвертой возрастной когорты. Однако он начал работать в Институте конкретных социальных исследований АН СССР в 1976 году, раньше многих его старших коллег. Таким образом, он наблюдал активный период работы социологов первого и второго поколения, на его глазах набирало опыт треть поколение, тем более – «родное» четвертое. Будучи директором Института социально-экономических проблем народонаселения РАН и вице-президентом Российской Академии социальных наук, профессором, Локосов видит, как работают социологи пятого и шестого поколений, формирует седьмое поколение, а также участвует в определении путей развития российской социологии. Все это – мощная предпосылка для его будущих масштабных историко-наукovedческих исследований. Хорошо, если так и будет.

Вячеслав, многие мои интервью с коллегами, начинаются с истории их семей, аналогично хочу начать и нашу беседу. Есть объяснение, согласно которому Ваша фамилия – Локосов – восходит к латинскому «locos» («locus») – место, трибуна, ораторская кафедра и т.д. Считают, что такую фамилия могли дать талантливому семинаристу, ярко заявлявшему свои ораторские данные. Что по поводу происхождения Вашей фамилии говорят в Вашей семье?

Этимологическим значением фамилии Локосов я не интересовался. Семейные предания на данную тему не передавались, возможно, по той причине, что мой отец остался сиротой в 11 лет, когда в 41 году погиб на фронте дед Локосов Иван Федорович, а ранее скончалась бабушка по отцовской линии Сивкова Мария Алексеевна. Но вряд ли значение фамилии восходит к латинским или древнегреческим корням. Фамилия Локосов, как представляется, происходит из Сибири. По данным переписи 1710 г. в Енисейском уезде в деревне Остечкой проживал Андрей Семенов сын Локосов, принадлежащий к посадским людям. До сих пор в Сибири есть поселения Локосово, например, поселок Локосово Сургутского района Тюменской области, которому более 200 лет и рядом с которым находится колония строгого режима. Мой отец родился в деревне Локосово Лебяжского района Кировской области (сейчас ее нет), в которой половина жителей были с такой фамилией. Иными словами, фамилия в некоторых географических точках России распространена, правда до Москвы мало кто из Локосовых дошел, и согласно телефонному справочнику пятилетней давности в Москве кроме моей семьи иные Локосовы не проживали.

Для меня особенность фамилии состоит в том, что ее постоянно, начиная со школы, произносили с разными ударениями, чаще всего – Локосов или Локасов. У меня есть публикации, в которых автором назван «Локусов», «Логосов». Сходное отстаивание правильности произношения своей фамилии выпало и моим детям, что говорит о трудной воспринимаемости, по крайней мере на слух, фамилии с ударением на первое «о».

Расскажите пожалуйста о своей родительской семье. Есть ли в ней обществоведы, вообще люди, занимавшиеся (занимающиеся) наукой? Могла ли семья повлиять на Ваш профессиональный выбор?

Мои родители – Локосов Вениамин Иванович (он скончался десять лет назад) и Платонова Лидия Ивановна прожили вместе 45 лет. Они не имели отношения к науке, если не считать, что всю жизнь проработали в так называемых «почтовых ящиках» – закрытых научно-исследовательских институтах, отец рабочим, мама инженером-химиком. Родом они из крестьян, и если бы не бурные социальные турбуленции советского периода, вероятно, продолжали бы заниматься благородным крестьянским трудом. Но отца призвали на флот, он шесть лет прослужил подводником в Китае, Порт-Артуре, а потом переехал в Москву. Мама родилась в Москве, поскольку ее родители уехали из подмосковной деревни Колычёво (сначала мой дед Платонов Иван Васильевич, затем бабушка Корнева Анна Ивановна), накануне великого перелома-коллективизации.

Родительская семья предоставила мне свободу профессионального выбора при условии, что выбор будет связан с получением высшего образования. Это типичная забота родителей, тем более, когда у них нет высшего образования. По данной и другим причинам они настойчиво направляли своего единственного ребенка к образовательным высотам, но дальше народной мудрости «ученье свет, а неученье тьма» и житейского прагматизма по поводу зарабатывания куска хлеба речь не шла. Я самостоятельно сделал выбор профессии, связанный с продолжением учебы, и родители этот выбор поддержали.

Вы – москвич по рождению; как проходили Ваши школьные годы? Оглядываясь в прошлое, какие события влияли на Ваше поколение? Что в целом определило Ваш профессиональный выбор?

Я родился в Москве, прожил здесь всю жизнь, хотя москвич только во втором поколении. До школы с ранней весны и до поздней осени я с бабушкой жил в деревне Колычёво, и летние каникулы, как правило, проводил там. Влияние деревен-

ской жизни и бабушки, которая дала мне возможность понять и почувствовать растерянный в советское время русский крестьянский мир, смягчило мое урбанистическое происхождение, и когда Москву называли большой деревней, ничего зазорного в таком названии я не видел.

Школьные годы были определяющими для моей жизни и профессиональной карьеры. В своей автобиографии я указываю, что окончил школу № 45 с углубленным изучением английского языка, отдавая дань уважения школе, учителям и ее основателю, директору, почетному гражданину Москвы Мильграму Леониду Исидоровичу. Он, как фронтовик, по-моему гордился, что номер школы совпадает с годом Победы. В 60-е – 70-е годы во главе с ним сорок пятая стала одной из лучших школ в Москве. Она была элитарной не потому, что в ней учились дети высокопоставленных и известных родителей (их было тоже немало), а по уровню преподавания и атмосфере доброжелательности, свободы, которые позволили всем моим одноклассникам получить высшее образование и сохранить дружеские отношения, теплую память о школе по сей день. Моим самым близким другом остается одноклассник, с которым мы с первого по десятый класс просидели на одной парте.

В остальном школьные годы проходили как обычно: медленно из-за огромной событийной насыщенности детского возраста; интересно из-за чуткой восприимчивости к повседневным открытиям; и энергично из-за обновляемой моторики подрастающего организма. Мы жили в социальном парке советского периода, где были официально очерчены параметры нашего счастливого детства. Примерно с 14 лет осознание имитации этих официальных параметров, расхождение слова и дела стало отчетливым, но мы даже с учителями продолжали играть в некую общую игру. Например, в 8 классе на уроке истории меня спросили, что будет в странах Латинской Америки через 50 лет. Я подумал, кто же знает, что с ними будет в это время, а поразмыслив сказал: там победят социалистические революции и будет строиться социализм. И получил отличную оценку. В 9 классе учитель литературы на уроке попросил нас встать и объявил – сегодня из страны уехал великий писатель А. Солженицын, за что был уволен с работы.

В целом советский строй воспринимался мною и многими моими одноклассниками скептически. Мы слушали в основном зарубежную музыку или Владимира Высоцкого, старались носить джинсы, потешались над «слугами народа». Вступление в комсомол воспринималось как навязанная нагрузка для поступления в ВУЗ, идейная составляющая данного шага всерьез не бралась. Наше сознание с социально-политической точки

зрения было «разложено», и никакие решения партии или выступления учителей не могли изменить юного критиканства. Это не значит, что мы были готовы к протесту, думали о свержении советской власти, нет конечно. Это было обучение жизни с двойными стандартами, мелкому держанию фиги в кармане.

Полеты в космос, пожалуй, были наиболее значимыми общественными событиями, которые влияли на мое поколение. Возможно, здесь сказывается тот запомнившийся восторг родных и близких по поводу полета Ю.А. Гагарина и первых космонавтов. Других крупных событий школьных 1965–1975 гг., которые обсуждались бы в нашей среде, влияли на нас я не припомню. В основном школьная жизнь вертелась вокруг локальных и личных событий: нового диска Pink Floyd или Doors, новой книги, фильма, типа «Искатели приключений», и ежедневного общения с одноклассниками в школе и вне ее. После 7 класса мы каждое лето ездили работать в Латвию, и поэтому общались даже в каникулы.

Мой профессиональный выбор прошел три этапа, каждый из которых определялся сугубо личным интересом. Вначале меня интересовала биология, я любил природу, животных, выписывал много лет журнал «Юный натуралист» и держал банки с муравьями и тритонами, пойманными недалеко от дома. Затем в 8 классе возник интерес к международной экономике, я решил поступать на экономический факультет МГУ. Готовился самостоятельно, разучив столицы всех государств и уровень их промышленного развития. А в десятом классе возник острый интерес к философии, что и определило мое поступление на философский факультет МГУ. Сделанный выбор связан с увлечением Ф.М. Достоевским (оставшимся моим любимым русским писателем), подростковым периодом вечных вопросов, знакомством с очень ярким человеком – поэтом и философом, с которым я общался до его ухода в мир иной в 2010 г., и тем романтическим ореолом, который я видел вокруг философии – науки и искусства, способной открыть истинные тайны человеческого мироздания. На собеседовании в МГУ, перед вступительными экзаменами, меня спросили, есть ли философия в стихотворении А.С. Пушкина «Я Вас любил...». Я был уверен, что есть, но ответ оказался, с точки зрения экзаменатора, неверным.

Наверняка были и другие мотивы профессионального выбора, важно иное: профессия и призвание в юные годы были нераздельно слиты в моем представлении о будущем, я не думал о карьере философа, преподавателя философии, куске хлеба. Цель состояла лишь в познании самого себя и достижении

просветления. Сегодня такая мотивация профессионального выбора мне кажется роскошью.

Среди социологов старших поколений никто не говорил мне, что его профессиональный выбор был сделан – в той или иной степени – под воздействием идей, творчества Достоевского. Скорее всего, дело в том, что их знакомство с его книгами состоялось, в силу понятных причин, в более зрелом возрасте, когда ядра профессиональной ориентации уже сформировались. Но в Вашем поколении – Вы не единственный. Здесь – два вопроса. Во-первых, не могли бы Вы обрисовать в общих чертах, как из чтения Достоевского в юношеском сознании произрастает тяга к философствованию. Во-вторых, один из моих респондентов, открывший для себя Достоевского очень рано, избрал философию профессией, в студенческие годы стал заниматься анализом его творчества, а позже это, естественно, наряду с другими обстоятельствами, привело к кардинальному изменению его мировоззрения. К чему Вас подталкивал Достоевский при изучении философии?

Русская классическая литература по-сути вырастила отечественную философию и социологию. Поэтому путь от Достоевского к философствованию прост. Обучение в школе, в мировоззренческом плане, было зациклено на идее прогресса: за общественный прогресс отвечал марксизм-ленинизм, за научно-технический – передовая советская наука. Достоевский разрывал этот удобный линейный примитив. Он подталкивал к вопросам смысла бытия, густо замешанных на этической анти-тетике, восприятию без атеистического ёрничанья религиозного мироощущения, преемственности русского мира, включая период «прогнившего царского режима». Не случайно, вождь мирового пролетариата считал Достоевского «архискверным писателем». Сегодня ситуация возвращается на круги своя: современных младореформаторов, проводящих неолиберальный скачок в царство свободы, раздражает Достоевский, впрочем, как и русская классическая литература, которую опять пытаются сбросить с паромхода истории, чтобы она не мешала прорабам очередной социальной утопии управлять массами.

Вы с первого захода поступили на философский факультет? По ходу обучения не возникало чувство, что «это не мое»? Вы довольно быстро определились со специализацией или были серьезные раздумья?

Я поступил на философский факультет с первого раза, но на вечернее отделение. Не набрав проходного балла, (хотя

средний балл моего школьного аттестата равнялся «пяти» и он плюсовался тогда к оценкам, полученным на экзаменах), подал заявление на вечернее отделение. После первого курса хотел перевестись на дневное отделение, затем это желание утихло: я втянулся в работу в академическом институте, чем и продолжаю заниматься спустя 36 лет. Не лишней была и зарплата научно-технического сотрудника, которая равнялась около 100 рублей, что сопоставимо по покупательной способности с моим сегодняшним окладом директора академического института, доктора наук, профессора.

По ходу обучения уверенность, что я сделал правильный выбор, укреплялась, но повседневность охлаждала накал романтического восприятия философии. Сначала я писал курсовую по работе Блаженного Августина «О граде Божием». Мой руководитель, прекрасный специалист по патристике, справедливо потребовал изучения латыни, если я намерен продолжить специализацию в этом русле. Я ушел на кафедру русской философии, которая меня тоже интересовала, в том числе, с учетом привязанности к Достоевскому. Ближе к диплому я сделал еще один шаг в сторону от философии и перешел на кафедру социологии. К тому времени я уже четыре года работал в Институте социологических исследований АН СССР и здравый смысл возобладал над тягой к чистой философии, тем более, что социология и социальная философия сливались в трогательной неразличимости под тяжестью исторического материализма.

Когда, при каких обстоятельствах Вы впервые столкнулись с социологией? Кто из профессоров вводил Вас в мир этой науки?

В сентябре 1976 года я устроился на работу в Институт конкретных социальных исследований АН СССР, первый академический институт социологического профиля, в отдел социальной структуры (Ф. Филиппов), сектор социологии деревни (В. Староверов). Это был последний год директорства М.Н. Руткевича, который был поставлен для проведения реорганизации института после «золотого века отечественной социологии 1965-1972 гг.» Впрочем, масштабы разгромной деятельности Руткевича, вероятно, преувеличены, а «золотой век» – скорее красное словцо В. Шляпентоха. Кроме того, я был на низшей ступени научной карьеры, где мало заметны смены директоров или уход из института лучших кадров, которых ты не успел узнать. Столь же мало меня затрагивали партийные страсти, кипевшие между институтом и Старой площадью.

Самым популярным учебником была «Рабочая книга социолога». Посвящение в социологию проходило, в основном, путем освоения практического знания коллег. Режим работы в академическом институте был свободным и демократичным, он сопровождался обязательными, крайне скучными партийными собраниями и чередой посиделок по всякому поводу. Наиболее ярким социологом тех дней мне казался И. Бестужев-Лада, колоритным – И. Чангли. Была возможность участвовать в разработке программных положений, проведении опросов, подготовке отчетов. Иногда по целому месяцу приходилось ездить по деревням, делать выборку на основании хозяйственных книг, вести опросы тружеников села. У меня не было намерений специализироваться по социологии деревни, но расположенность к деревенской жизни скрадывала мои трудовые будни.

Партийная установка направляла сельскую социологию на поиск социальной однородности, сближения города и деревни, формирования нового типа труженика колхозника-интеллекта, и социология по мере сил такие поиски вела. Несмотря на теоретическую бесперспективность искомых построений, собирался обширный эмпирический материал, разрабатывались интересные методики.

После окончания философского факультета я перешел на работу в отдел социологических проблем пропаганды (его возглавлял В.Н. Иванов, будущий директор Института социологических исследований АН СССР). Здесь я занимался социологией межконфессиональных и межнациональных отношений, защитил кандидатскую. Объездил большинство советских республик, что расширило мой деревенский «полевой» опыт. С 1991 г. академические институты лишили финансовой возможности проводить полевые исследования (вернее, каждый сам искал такие возможности на рынке услуг), что пагубно отразилось на качестве методического обеспечения опросов и эмпирическом объяснении новых социальных реалий.

Вячеслав, давно все это было, и все же... не припомните, что Вам читалось по социологии? Кто Вам преподавал этот предмет? Дипломная работа тоже делалась по социологии?

К сожалению, я не помню, как точно называлась кафедра социологии в МГУ. Более того, не припомню фамилии преподавательницы, которая руководила дипломной работой. Нам читали курсы по истории социологии, методам и процессу проведения социологических исследований. Отечественная теоретическая социология в то время базировалась на апологети-

ке исторического материализма и критическом рассмотрении концепций буржуазной социологии. Я имел многолетний опыт изучения предметов этой кафедры на работе и не придавал занятиям на ней должного значения. Дипломная работа банально называлась «Социальный облик сельской молодежи на этапе развитого социализма» и строилась на материалах, полученных мною в секторе социологии деревни ИСИ АН СССР. Надо признать, что диплом по специальности «философ, преподаватель философии» смотрелся привлекательно, хотя в реальности я скорее был аналитик, методист, практикующий социолог-«полевик», чем преподаватель философии. Труды классиков философии остаются для меня пожизненными книгами и косвенно отражаются в моей профессиональной деятельности.

Интересно, что в те годы (похоже, конец 70-х – начало 80-х) представляли собою межконфессиональные и межнациональные отношения? В чем обнаруживались проблемные точки? Можно ли было тогда предположить, что при некоторых обстоятельствах многое взорвется: Прибалтика, Карабах и Кавказ?

Работа отдела социологических проблем пропаганды, в который я перешел в 1983 г., носила закрытый характер. Его создавали при помощи КГБ, часть научных сотрудников служили в этом известном комитете. Закрытый режим работы отдела имел свои сложности, связанные с обычными для подобных структур ограничениями, например, на открытые публикации. Однако эти сложности компенсировались информацией, которую не найдешь в газетных передовицах, и возможностью заниматься самыми острыми социальными проблемами, не опасаясь, что на тебя навесят ярлык антисоветчика. Правда, и тут были свои пределы. Например в своей диссертации я написал, что М. Горбачев не прав по такому-то вопросу национальной политики. При обсуждении кандидатской старшие товарищи мне сказали, что «меня мало били», иначе я не допускал бы таких выходов.

Череда смертей генсеков, растущее социальное недовольство политическим режимом делали советский строй более уязвимым, но у меня не было ощущения, что Советский Союз через несколько лет отойдет в Лету. Этнореспубликанское построение Союза с правом республик выхода из его состава превращало межнациональные и межконфессиональные отношения в один из главных критериев его устойчивости. Исследования, которые проводились в Прибалтике, например, в Эстонии, позволяли прогнозировать сценарий, который потом

и реализовался. В Средней Азии, других республиках и регионах страны, в середине, и тем более, в конце 80-х годов шел рост национального самосознания населения с постепенным переходом к восприятию сепаратистских лозунгов. Я в эти годы проводил исследования в республиках Средней Азии, где в опросники впервые на моей памяти были включены термины «ваххабизм», «исламизм»; два года проводил исследования в областях Западной Украины, где греко-католики (униаты) фактически выдавливали русское население и захватывали (по их терминологии, возвращали) православные храмы.

Результаты опросов, особенно в республиках Средней Азии, надо было «делить на десять», зная понятное нежелание респондентов отвечать на острые вопросы. Кроме того, каждый опрос курировал местный партийный функционер, и, увидев «неправильный» ответ, старался его переправить или порвать анкету. Тем не менее, как ранее говорил М. Горбачев: «процесс пошел», (сегодня Д. Медведев говорит: «задан тренд»), и даже по нашим исследованиям было видно, что ситуация идет в противоположную от дружбы братских народов сторону. Контент-анализ бюллетеней, газет, листовок растущих с каждым днем неформальных объединений, фронтов и иных ростков гражданского общества приводил к аналогичным выводам.

Имеет ли смысл сегодня при проведении исследований по межконфессиональным и межнациональным отношениям рассматривать данные того времени (наверное, не все закрыто) как некие точки отсчета? Или тем данным сложно доверять?

Эмпирическим данным тех лет доверять сложно, особенно по идеологически «опасным» вопросам. Например, верующими себя называли тогда 20-25% респондентов, сегодня 70-75%, но вряд ли уровень религиозности за двадцать лет возрос в три раза. Опубликовать результаты тех исследований было бы интересно с точки зрения истории отечественной социологии.

Чему было подчинено ваше кандидатское исследование?

Кандидатская диссертация по теме «Национальная исключительность как объект социологического изучения» носила гриф для служебного пользования и не опубликована до сих пор. Я разработал методику измерения ориентаций населения на превосходство своей нации (этноса) в основных сферах жизнедеятельности. Проще говоря, измерял тех, кто считает свою национальность самой умной, работоспособной, доброй и т.д., а потом смотрел, как эти высокие самооценки связаны

с конфессиональными, политическими и иными ориентациями респондентов. Исследования проводил в Таджикистане, Кемеровской и Львовской областях. Наиболее склонными к национальной исключительности оказались жители Львовской области.

Прошло более 20 лет с защиты кандидатской диссертации, а проблемы межнациональных отношений остались в России ключевыми. Ложное решение национального вопроса за счет «пролетарского интернационализма» дорого обошлось Советскому Союзу. Если за основу государственного построения берется этнический критерий, то русские (великороссы) юридически должна признаваться государствообразующей нацией, этнический состав России в соответствии с методикой ООН – однополюсным, остальные этносы – равноправно развиваться в статусе национальных меньшинств. Если за основу берется гражданская нация – россияне, то федерация должна перейти на один принцип устройства – административно-территориальный. Каждый из этих путей решения национального вопроса рискован, поэтому «партия власти» по примеру СССР продолжает тянуть время. Ожидать, что новая гражданская нация – россияне, будет, как когда-то советский народ, основываться преимущественно на русской этнонации, а другие титульные этносы в это время станут укреплять ресурсы своего самобытного развития, означает наступать на те же грабли ложно решаемого национального вопроса.

Чем бы вы объяснили такую нерешительность власти, неопределенность в формулировании на перспективу политики России в области национальных отношений? Низким уровнем информированности о проблемах в этой сфере общественных отношений, непониманием глубины конфликтов, отсутствием финансов для научного мониторинга межнациональных отношений...

Нам долгие годы подсовывают крапленые решения национального вопроса, вероятно, в надежде, что за сто лет “ишак” (национальный вопрос) сам содохнет. 90 лет назад учили, что «Октябрьская революция создала условия, которые давали возможность изжить после, конечно, чрезвычайно длительного процесса, который будет тянуться, может быть, не десяток, а сотню лет, те национальные особенности, которые создавались в течение человеческой истории».* В 1936 г. в книге “Итоги разрешения национального вопроса в СССР”, изданной

* Раковский Х.Г. Союз Советских Социалистических Республик. - М., 1923. С.12.

в Москве, автора прогноза Х. Раковского критиковали за излишний социальный пессимизм, через год он был арестован, затем казнен.

Спустя 80 лет нас снова учат, как изжить свой этнос. Например, Б.А. Грушин, призывал двигаться вперед к образцам евро-американской цивилизации, а для обеспечения такого движения, необходимо покончить «с русизмом вообще, русизмом как таковым, т.е. говорить не только о смене политических и экономических одежек, но и о коренных изменениях в самой натуре народа, в привычках, практиках его жизнедеятельности, менталитете и психологии»^{*}.

Нерешительность связана с непониманием и страусиным откладыванием сложного и взрывоопасного национального вопроса. «Партии власти» может быть хочется, чтобы в управляемой массе не было ни эллина, ни иудея, раба и свободного, (далее – мужчины и женщины, что сейчас успешно продвигают на ниве соблюдения прав сексуальных меньшинств), но в реальности они все есть. И этническая структура населения остается не менее важной, чем классовая или гендерная. В Конституции РФ записано, что единственным источником власти является многонациональный народ, т.е. в Конституции принята этническая, а не гражданская трактовка нации. Этноты долгое время будут системообразующими акторами современного российского общества.

Как соотносятся сегодня вопросы «национального строительства» и миграционная политика страны? Представители всех Думских партий заявляют о сокращении относительной части русского (в этническом плане) населения, а значительная часть русских, живущих в бывших советских республиках, не может получить гражданства и помощи в возвращении?

«Национальное строительство» и миграционная политика – сообщающиеся сосуды. Переселение мигрантов стало одним из источников увеличения численности населения РФ, привлечение иностранных работников – необходимостью для национальной экономики. Программы по возвращению соотечественников принимаются и медленно реализовываются. Но мнение о том, что «иммиграция — единственный реальный ресурс, который может сейчас стать источником сбережения и

^{*} Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: “Прогресс-Традиция”, 2001. С. 31.

приращения народа»^{*}, по крайней мере, необоснованно.

Нельзя забывать об обеспечении социокультурной безопасности страны. Каждое общество имеет свои пороговые показатели масштабов переселения людей иной ментальности и культуры. Например, в подразделениях немецкой армии было установлено, что количество переселенцев из бывших советских республик не должно превышать 10% от общего числа военнослужащих, иначе увеличивается риск снижения боеспособности подразделения. Опасности и угрозы сопряжены также с ростом незаконной миграции и латентной занятости мигрантов, которые оказывают существенное воздействие на экономическую ситуацию, социальную сферу и криминогенную обстановку в стране. Стеснительная политкорректность по данному вопросу, запрет на получение статистической информации по этническому составу мигрантов, этнической преступности лишь имитируют сохранение дружелюбного status quo.

Исторический опыт последних десятилетий, опыт Косово, признание провала мультикультуральной доктрины ведущими политиками Германии, Франции, Великобритании, заставляют осторожно относиться к простым выгодам, которые приносит иммиграция, и заглядывать в долгосрочные последствия и риски, которые она несет в себе.

Можно ли говорить о сбалансированности светской и религиозной составляющих в развитии российской государственности? Мне приходится читать о клерикализации государства, с одной стороны, и об ограничении деятельности церкви, конфессиональных общин, с другой.

Тема клерикализации современного российского государства, под которой обычно подразумевают рост политического влияния РПЦ, стала чаще встречается в СМИ, но без требуемого на то основания. Я не замечаю процесса клерикализации. Социологические опросы фиксируют стабильную религиозную ситуацию: доля православных респондентов в последние годы варьируется в диапазоне 60–70% (среди них 15–20% воцерковленных, т.е. исполняющих в той или иной мере церковные предписания); 6–8% мусульман; 15–20% неверующих, остальные – представители других конфессий или религиозных учений. Уровень доверия населения РПЦ близок к доверию самым авторитетным в стране политикам. В этих условиях разрешение священнослужителям участвовать в выборах

^{*} Вишневский А. Величие государства – «не в обширности тщетной без обитателей» // Миграция 21 век . 2010, №1

в различные органы власти дает им хорошие шансы на победу, однако пока мне не встречались подобные прецеденты.

РПЦ пережила критическую атаку «болотной площади», объясняемую недостаточной оппозиционностью церкви политическому режиму, который недавно был столь мил младолиберальным реформаторам. Это не удивительно, чем отчетливее проходит водораздел между традиционной церковью с ее миссией сбережения народа и обновленческим радикализмом, тем острее будут нападки на якобы устаревший уклад, меркантильность и властолюбие РПЦ. С моей точки зрения, светская и религиозная сбалансированность российской государственности сложилась, и если она носит взаимодополняющий характер, в этом больше плюсов, чем минусов.

По Вашему мнению, насколько велика опасность ваххабизма и других агрессивных ветвей ислама на юге страны и в Поволжье?

Масштабы этого явления скрытны, и я могу только приблизительно представить его реальную опасность. Судя по сплоченности и фанатизму, готовности использовать методы прямого действия агрессивный «исламизм» (думаю, неверно в него включать весь ваххабизм) представляет одну из главных угроз национальной безопасности современной России, в том числе, социокультурной безопасности. На Кавказе агрессивный «исламизм» представлен в большей мере, чем в Поволжье, но продвижение радикальных взглядов идет на юг России (Ставропольский, Краснодарский края, Ростовская и другие области) и в Поволжье. Пример Косово убеждает, что мягкое демографическое выдавливание коренного населения рано или поздно примет жесткие формы открытого противостояния, и здесь радикалы «исламизма» могут выполнить роль штурмовых отрядов наведения нового порядка. Борьба с агрессивным «исламизмом» на Кавказе это тоже следствие отложенного по сути решения национального вопроса.

Не является ли развитие казачества на Дону и Кубани, в Сибири фактором усиления межнациональной и межконфессиональной напряженности?

Разделение казаков на реестровых и нереестровых, звучащие иногда высказывания о самостоятельном этническом статусе вряд ли помогает развитию казачества. По заявленной численности (7 млн человек), территориальному охвату казачество может стать одним из факторов консолидации русской нации, и его развитие было бы полезно для сни-

жения межнациональной и межконфессиональной напряженности. Полезно, т.к. помогало бы укреплению русского национального самосознания и выражению интересов русского народа.

Нам сегодня надо разобраться в национальной гордости великороссов, чтобы не попасть в положение, о котором писал В. Ленин, когда человек, утверждающий большое значение этнонациональных отношений, назывался им «истязателем негров» или «плывущим по течению филистером». Этнический нигилизм, будь он под лозунгом пролетарского интернационализма, под вывеской глобального космополитизма, в форме правильного котла и мультикультуральной салатницы мало подходит современной России. Важно не ставить человека любой национальности перед ложной дилеммой выбора этнической или гражданской нации, идентичности: выбирать надо и то, и другое.

Давайте вернемся к рассмотрению траектории Вашей жизни. Мы остановились на том, что будучи сотрудником ИКСИ, Вы защитили кандидатскую диссертацию. Как пережили 90-е? Не было ли раздумий о том, чтобы оставить РАН и заняться прикладными исследованиями, опросами общественного мнения?

В 1991 г. Институт социологии разделился по двум направлениям: большая часть сотрудников остались в Институте с директором В.А. Ядовым, меньшая – перешла в созданный Институт социально-политических исследований РАН к директору Г.В. Осипову. Я перешел в ИСПИ РАН. Затем на полгода (в 1991г.) оставил РАН и стал заниматься исследованиями в частном институте, но найти спрос на социологическое знание оказалось сложно на формирующемся рынке интеллектуальных услуг. В начале 1992 г. вернулся в ИСПИ РАН, где академик Г.В. Осипов подписал со мной контракт № 1, согласно которому я отвечал за подготовку ежегодных докладов «Социальная и социально-политическая ситуация в России: анализ и прогноз», в которых, прежде всего, обобщались результаты научной деятельности института. Руководил этим проектом Г.В. Осипов, он инициировал подготовку сходных по тематике докладов касательно ситуации в СССР в 1989–1991 годах. В течение 20 лет я выполнял эту работу, в изданных докладах велась своего рода научная летопись переломных лет отечественной истории, и надеюсь, что со временем этот проект будет оценен обществом.

Переживал 90-е годы как выживание – не других людей, а как самовывживание. Нищенская зарплата вынуждала вести

поиски сторонних заработков. Широкий спрос на соцопросы был при проведении избирательных кампаний. Инерция ощущения высокого статуса академической научной деятельности, уникальность возможности изучать, как на твоих глазах меняется устройство общества помогали не терять бодрости духа, хотя неэффективность построения новой модели общества – бомжей и олигархов – была понятна. Трагично, что теоретическим обоснованием неолиберальной трансформации был зеркально отраженный марксизм-ленинизм с его экономическим детерминизмом и желанием все отнять и поделить. Только на этот раз отняли и поделили общенародную собственность, созданную кровью и потом трех поколений, что затрудняет возвращение к законному и моральному устройству общества.

Как события развивались дальше? Над какой проблемой Вы работали при подготовке докторской диссертации?

Далее, прошли лихие 90-е, за ними нулевые. В слове «нулевые» есть некая уничижительная коннотация – пустых лет, упущенных возможностей. Отчасти это так, но по сравнению с 90-ми, страна явно замедлила свой путь к пропасти следующего развала. Реальных сдвигов было немного, вместе с тем, появилась надежда на какой-то исход из погружения в Мальстрем. Опросы показывали, что легитимность режима увеличивается, социально-психологическое самочувствие большинства населения повышается, период острой адаптации к новым условиям жизни завершается («человек, такая скотина, ко всему привыкает» Ф.М. Достоевский).

Докторскую диссертацию я защитил в 2002 г. по теме «Трансформация социетальных систем: опыт реформ в современной России». Выбор темы был обусловлен тремя доводами. Философский факультет привил тягу к целостности понимания мира, общества, поэтому холистический, системный подходы, тем более на фоне разъедающей общество постмодернистской фрагментарности, были мне близки. Трансформация представлялась наиболее точным термином обозначения радикальных перемен в обществе, вектор которых сомнителен. Десять лет работы над докладами института позволили иметь под рукой обширный статистический и эмпирический материал, следить, как меняется ситуация в обществе в режиме реального времени.

Работая над диссертацией, хотелось лучше понять общество и себя. В советский период меня среди знакомых часто называли либералом, в том числе, из-за моего упорного нежелания

вступать в партию. В постсоветское время эти же люди, многие из которых торжественно сдавали свои партийные билеты, уверяли меня, что я чуть ли не коммунист, хотя мои взгляды мало менялись.

В диссертации анализировались способы неолиберальной трансформации современного российского общества, давалась оценка её последствий с помощью метода предельно критических показателей развития общества. Доказывалась необходимость перехода трансформации в конструктивное, консолидирующее русло на основе социокультурного синтеза царского, советского и либерального этапов российской истории.

В ходе интервью Г.В. Осипов говорил мне о 24 томах проекта «Социальная и социально-политическая ситуация в России: анализ и прогноз». Я совсем не знаком с методологией и организацией этого исследования, похоже самого масштабного в современной российской академической науке. Не могли Вы рассказать о нем самое главное?

Возможно, что это одно из самых масштабных исследований становления нового российского общества. Ежегодно публиковался доклад, в котором на основании статистических и эмпирических материалов давался анализ развития ситуации в стране, причем во всех основных сферах жизнедеятельности. Поэтому методологически доклад строился как междисциплинарный, в него включались тексты наших коллег из других институтов. В итоге, в режиме 25-летнего мониторинга было собрано и систематизировано уникальное знание о трансформации советского строя в России.

Сложность поставленной научной цели дополнялась намерением уйти от апологетики проводимых реформ, критикой идеологической увлеченности неолиберальных реформаторов рыночным фундаментализмом. Сегодня экономическая неэффективность новой модели общества, низкоинтеллектуальное обеспечение его построения мало у кого вызывает сомнения. Но десять, тем более двадцать лет назад надо было иметь мужество, чтобы объективно анализировать процессы деградации российского общества. Наши доклады с иронией называли «Россия во мгле». Разброс аналитических оценок давал повод не только для научных дискуссий, но и для возвращения в практику некой новой формы «партийности» общественных наук, обвинений в антиреформаторстве, катастрофизме и т.п.

На самом деле, речь шла о том, что политическая, экономическая и другие целесообразности, примитивные лозунги – «иного не дано», которыми реформаторы оправдывали

временную второстепенность интересов большинства людей, закономерно обернулись утверждениями второсортности этого большинства, негативным опытом реформ, далее – возможностью новых потрясений.

Когда Вы перешли в Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН)? Когда его возглавили?

ИСЭПН РАН создан в 1988 году, и недавно мы провели юбилейную конференцию, посвященную его 25-летию. Основателем создания ИСЭПН РАН стала член-корреспондент РАН Н.М. Римашевская. Ядром научного коллектива института был отдел уровня жизни ЦЭМИ АН СССР, который в то время она возглавляла. Институтом руководили Н.М. Римашевская, затем профессор А.Ю. Шевяков. В работах института всегда правдиво анализировались процессы развития народонаселения, научные оценки часто расходились с бравурными текстами апологетов реформ. Коллектив института состоит из специалистов высшей квалификации (50% кандидатов и 30% докторов наук) в области экономики, социологии, демографии, философии, медицины, математики.

В 2012 г. после продолжительной предвыборной кампании Президиум РАН утвердил меня в должности директора ИСЭПН РАН. Прошел год, как я работаю во главе этого очень интересного по научной тематике института.

Каковы сегодня основные направления исследований ИСЭПН?

В соответствии с уставом института основная цель его деятельности – проведение фундаментальных и прикладных научных исследований и разработок в области социально-экономических проблем народонаселения: человеческого потенциала, демографии, институциональных и инфраструктурных условий жизни, измерения социально-экономических процессов.

Главное богатство России – ее народ. В 1761 г. выдающийся русский ученый М.В. Ломоносов написал графу Шувалову письмо «Рассуждение о размножении и сохранении российского народа», в котором он высказывал мысль о том, что от прироста и сбережения народа зависит процветание и могущество государства, и сохранение народа является первоочередной государственной задачей. Эта задача в полной мере остается ключевой и сегодня. Научная миссия института – по мере сил решать эту задачу.

Мне эта задача близка, я отчетливо понимаю, что относительно молодой (по меркам Н. Гумилёва) русский этнос, ко-

ренной российский народ вследствие 90-летнего социального экспериментирования можно скоро будет заносить в Красную книгу.

Вы давно работаете в российской социологии, могли наблюдать и переживать ее разные этапы. Что, по вашему мнению, позитивно-го принесла перестройка и последующие годы для отечественной социологии и каковы ее потери?

Перестройка и ее шоковое продолжение конечно повлияли на научную сферу общества, включая отечественную социологию. Двойственность этого влияния для меня очевидна.

С одной стороны, ушла идеологическая заданность исследований, существенно расширились возможности взаимодействия с международным сообществом социологов, возможности узнавать и применять зарубежные методологические и методические разработки, браться за изучение ранее закрытых тем. Количественно социология пережила период бума: в ВУЗах созданы более ста кафедр социологии, в каждом крупном городе, при каждой региональной администрации организованы социологические службы. В Москве – более 150 социологических исследовательских учреждений. Данными опросов, рейтингами завален интернет и СМИ.

С другой стороны, отечественная социология понесла тяжелые качественные потери: её умаление как науки, способной объяснять общественные процессы, помогать принимать верные управленческие решения, было обескураживающе глубоким. После снятия идеологического контроля (хотя диктат денег не слабее диктата партии) царица социальных наук – социология оказалась «голой». Властным структурам социологическое знание требуется для наукообразного подтверждения уже принятых решений. Данные опросов настолько ангажированы, что им мало кто верит, отдачи от опросов никто не видит, да и людей за двадцать лет постарались разучить думать общественными понятиями. В 90-е и нулевые годы полным ходом шла девальвация научной деятельности, начались защиты докторских диссертаций тридцатилетними соискателями, иногда на основании странных 50-ти страничных текстов. Социальный престиж социологов (впрочем как и учёных в целом) резко снизился.

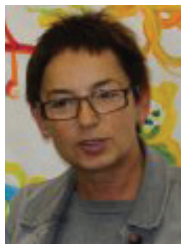
Вероятно, в таком умалении социологической науки виновато, прежде всего, само социологическое сообщество, не давшее прорывных идей, которые бы показали городу и миру значение социологии. Мы продолжаем жить в обществе, которого не знаем.

Возможно, здесь сказывается и глобальная тенденция неготовности социологии дать вразумительные ответы на вопросы в какую сторону и как надо менять общественное устройство, влияние постмодернистского низведения научного знания до уровня индивидуальных изысков.

Причин много, но если сегодня опять объявить в России социологию лженаукой и запретить её, кажется, что кроме самих социологов этого никто не заметит. Хотя для меня понятно, что общество без научного знания о себе сегодня обречено на прозябание.

Вячеслав, вы родились в 1958 году, этот год в моей типологии социологических поколений пограничный. Социологи, родившиеся в интервале 1947–1958 годы, образуют четвертую профессиональную когорту. На основании серии интервью с представителями этого поколения советских/российских социологов мне показалось оправданным назвать его «поколением спасенных перестройкой». В свете того, как Вы ответили на предыдущий вопрос, Вы согласны с таким выводом или нет?

Не согласен с таким выводом. Прошедшая перестройка для меня в принципе не может ассоциироваться с каким-либо спасением. Признаю, что возможности социологов моего поколения (при условности хронологических рамок четвертой профессиональной когорты) перестройка расширила, но удовлетворения от этого расширения за счет развала страны, вымирания населения нет. Если бы провести опрос социологов моего поколения, не только тех, кого Вы интервьюируете, то большинство вряд ли назвали себя «поколением спасенных перестройкой». Возможно, что перестройка-2, которую недавно предложили начать, в большей мере оправдывает название «спасенных перестройкой», но это будет история другого поколения социологов.

Омельченко Е.Л. – окончила факультет философский факультет МГУ, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и директор Центра молодежных исследований Высшей школы экономики, Санкт-Петербург. Основные области исследования: образ жизни, качество жизни, социальная структура, социология культуры. Интервью состоялось в 2013-2014 гг.

**Е. Л. ОМЕЛЬЧЕНКО:
«ПЕРЕЛОМ
ПРИШЕЛСЯ
НА САМЫЙ ОСТРЫЙ
КРАЙ
ВЗРОСЛЕНИЯ»**

Рассказанное Еленой Омельченко позволяет познакомиться с непростой, наполненной драматическими событиями жизнью сильного, целеустремленного человека и социолога, стремящегося к анализу сложных современных социальных процессов. Траектория ее жизни имеет сложный, синтетический характер. В ней просматриваются элементы, характерные для самой молодой части советских/российских социологов четвертого поколения, формировавшегося в среде, еще хранившей себе отголоски послевоенного времени. Вместе с тем, ее студенческие годы пришлись на период, когда в постоттепельной и предперестроечной общественной атмосфере страны происходило становление пятой генерации отечественных социологов. Более того, ее «университетами» были МГУ и мир театральной молодежи, наиболее раскованной, аполитичной, отчасти богемной.

Сейчас, когда количество проведенных мною интервью с советскими/российскими социологами приближается к 60, все отчетливее просматривается – пусть как одна из тенденций – биографичность творчества социологов. Похоже, что многое в предметной направленности и концептуальном каркасе их исследований детерминировано обстоятельствами их ранней социализации и спецификой среды, в которой проходило взросление и профессиональное становление ученого. Содержание интервью с Еленой Омельченко подтверждает высказанное предположение.

Борис Докторов

Лена, давайте начнем нашу беседу с цитирования фрагмента электронного письма В.А.Ядова, полученного мною 24 октября 2013 года: «...А меж тем есть выдающиеся коллеги, у которых ты не взял интервью. По свежей памяти с украинского Конгресса: там была Елена Омельченко. Посмотри Википедию. В...». Что это был за Конгресс и с чем Вы там выступали?

Мы встретились с Владимиром Александровичем на 2 Конгрессе Украинской социологической ассоциации, который проходил в Харькове 18-19 октября 2013 года. В очередной раз была поражена ясностью ума, жизнелюбием и оптимизмом этого удивительного человека и ученого. Не знаю, насколько заслуженно, но считаю его своим учителем и при всяком удобном случае говорю об этом, в частности – своим ученикам. Могу об этом говорить много и долго...

Мой доклад был о новых формах социальности российской молодежи – как в теоретическом, так и эмпирически наблюдаемом фокусах. А также о том, как отечественный опыт осмысления молодежной жизни (в советский и постсоветский периоды, а также в современное время) вписывается (если вписывается) в традиции европейских исследований молодежных культур конца 20 – начала 21 веков. Именно в этом направлении наш центр* развивает концепцию молодежных солидарностей (а что, Лена, слово «солидарность» теперь используется и во множественном числе? – да, можно будет потом объяснить...) как особых форм внутри и межгрупповых коммуникаций. Этот подход помогает, на наш взгляд, преодолеть

* Центр Молодежных Исследований существует в НИУ ВШЭ Санкт Петербург три года. Он задуман как партнерская организация НИЦ «Регион», который до недавнего времени существовал при Ульяновском госуниверситете. О судьбе этого центра я могу рассказать очень много, поскольку он существует с 1995 года, и основной исследовательский багаж и профессиональный опыт – оттуда.

бытующие упрощения в описании культурных молодежных практик, и вместе с тем – раскрыть новые типы объединений (временных, событийных, виртуальных), которые характерны для современности.

В первом абзаце Вашего ответа есть «учитель» и «ученики» и есть «говорить много и долго». Начнем... первый наш учитель – это предки, родители. Расскажите о них, насколько глубоко (далеко) Вы знаете свою семью?

Я знаю историю своей семьи не очень глубоко, к сожалению. Так получилось. О том, что знаю. Моя мама – Волчек Мариам Владимировна, познакомилась с моим папой – Волчеком Леонидом Константиновичем, в городе Омске, летом, на пляже в начале 50-х прошлого века. Они часто об этом рассказывали. История такая: папа был очень интересным и ярким мужчиной, он играл в шахматы с другом, а мама с подругой (они учились в мединституте в Новосибирске) приехали к родителям подруги на каникулы, и вот мама сама решает познакомиться... Они подошли и предложили поиграть, однако играть ни одна, ни вторая не умела... Но какое то впечатление произвести удалось. Зато плавала она профессионально, чего не скажешь про папу. В общем знакомство произошло... Потом было романтическое переживание с заплывом на маленький остров на лодке, с ливнем и пережиданием его потока под лодкой ... Знаю историю жизни папиных родителей, они жили в Челябинске, мой дедушка был зубным техником, а бабушка – домохозяйкой. Она была одной из 13 сестер большой еврейской семьи... Встречались мы с ними нечасто, родители папы были против женитьбы на маме, там очень грустная история... Отец моей мамы – Владимир Сергеевич Бахуташвили рано оставил семью, мама росла со своей мамой и бабушкой в подмосковном Камышине. Эту бабушку я никогда не видела, она умерла от туберкулеза, когда моей маме было 17 лет. Бабушка была врачом-фармацевтом, награждена Орденом Ленина, похоронена в Московском крематории... Я не успела узнать о своих предках больше... лет пять назад, когда родители еще были живы, я попросила их рассказать мне свои семейные истории, но разговор все откладывался и откладывался... Папа был, как это называлось, номенклатурным работником, руководил большими предприятиями, за свою трудовую карьеру он построил три обувных фабрики – в городах Ульяновске, Клинцы и Краснодаре, он был совершенно удивительным и порядочным руководителем, из тех, что не смогли вписаться в меняющийся рыночный бизнес. Мама работала судмедэкспертом и патоло-

гоанатомом... У нас с братом было прекрасное детство, хорошее советское детство с пионерскими лагерями, семейными праздниками, шахматами, лыжами, общими выходами в кино и театр... Наверное, самое главное, что я смогла понять о себе и нашей семье – это чувство доверия и достоинства, а также неоспоримого права каждого на свободу выбора. Родители очень гордились мной, и пока были живы, всегда поддерживали, старались читать мои работы и понимать смысл того, чем я занимаюсь, настолько, насколько им это удавалось в силу их особого жизненного опыта.

Трудно, если вообще возможно писать о своих родителях в столь отвлеченной форме, рассказывать можно много, главное – есть о чем. Поэтому я все чаще думаю о написании отдельной книги, не биографического характера, а в жанре такого очень личного разговора о детстве, родителях и памяти...

Как вспоминаются школьные годы? Может быть и они вспоминаются Вами при изучении социальности российской молодежи?

Школьные годы были яркими и вполне советскими. За время учебы я побывала в пионерских лагерях не только местных – мы всей семьей тогда жили в Ульяновске, но также, во всесоюзных пионерлагерях – Артеке (Крым) и Орленке (Краснодарский край). Пожалуй, да, эти воспоминания во многом помогли социологическому осмыслению советского воспитания молодежи и способов формальной социализации через пионерию и комсомол. Я включалась в разные дела и мероприятия, наверное – во все, какие были в то время: сбор макулатуры и металлолома, собрания, кружки, построения и походы... Расскажу только один случай.

Меня приняли в комсомол вместе с еще пятью активистами, что называется, в первой очереди. Ярko запомнился этот день, странные вопросы на Бюро горкома комсомола про ордена ВЛКСМ, про лидеров дружеских компартий, про героев-комсомольцев. Несмотря на очевидную формальность процедуры – она казалась естественной при столь важном, государственно значимом действии. Через пару недель пришло время платить первые взносы. Я стала искать комсомольский билет, я перерыла весь свой стол, искала везде – в книгах, под диваном, замучила поиском всех домашних... Билета не было. Это был какой-то ужас и почти отчаяние. Мне казалось, что произошло нечто непоправимое. Я не могла терпеть неопределенность – и... пошла в Горком Комсомола. Просидев в приемной часа три – я зашла в кабинет секретаря. По-моему, я если и не плакала, то явно была на грани истерики... Меня выслушали

и вызвали на Бюро. Через неделю Бюро совершенно спокойно и не вдаваясь ни в какие детали вынесло решение – «строгий выговор с занесением в учетную карточку». Это был удар и вместе с тем – мне казалось, что я сделала честно и правильно, камень с души свалился. Пришла домой, открыла томик Пушкина, и из него на пол падает мой комсомольский билет. Я тут же побежала назад, в принципе после решения Бюро не прошло и двух часов. Забежала радостная в приемную, меня впустили на заседание, я сообщила радостную новость. Меня снова выслушали, затем кто-то взял мой билет и на моих глазах, разрезав его на четыре части, выбросил в урну... И это было ужасно. В Комсомол я больше не верила. Эта история имела длинное продолжение. Снять строгий выговор, да еще с занесением, можно было только через два года. В школе я этого не сделала. Потом я работала на ЗИЛе обрубщицей среднего литья – не поступила с первого раза в МГУ на философский, снять выговор было нельзя, так как нужно было не меньше года стажа на одном месте. И только на третьем курсе философского я смогла это сделать, пройдя достаточно долгий путь разговоров и объяснений, потому что строгий выговор с занесением – это было равно приводу в милицию, употреблению наркотиков или не менее серьезным «отклонениям», несовместимым с обучением на «самом идеологическом факультете» МГУ им М.В.Ломоносова.

Я понял, что школу Вы закончили в Ульяновске, в каком году это было? Что определило Ваш выбор философского факультета? Активная общественная деятельность и стремление улучшить общество или желание в будущем изучать сложные философские построения?

Да, школу я окончила в Ульяновске в 1974 году (очень давно...). Трудно точно вспомнить, что определило мой выбор философского факультета. Помню, что в 8 классе я очень увлекалась физикой (скорее, ядерной физикой), нравилось мне и обществоведение. А уже в 9 классе я провела первое в жизни микро социологическое исследование (кстати, папа посоветовал, откуда он об этом узнал – к сожалению, не успела узнать). Нужно было провести какое то «общественно полезное» мероприятие – вот он мне и посоветовал. Провела я опрос среди одноклассников. О чем спрашивала? Что-то про будущие планы, ну и, конечно, о «самом важном в жизни». Тогда все об этом спрашивали. Ну и вероятно, во многом мой интерес к философии был связан с уроками истории. Помню, что особенно увлекали сюжеты Великой Французской рево-

люции, судьбы ее героев, ну и логика «Большого террора». У нас была огромная домашняя библиотека, читала я много и с увлечением, кажется, что много больше, чем сейчас. В 9 классе начала зачитываться Достоевским, так что философия вырисовалась сама собой. Правда, если честно, был и другой вариант. Сначала я поступала в ГИТИС на театроведческий факультет, экзамены тогда были в разное время: в театральный – в июле, а в МГУ – в августе, в первый год после окончания школы я не поступила ни в один из них ... Театром увлекаюсь до сих пор, правда сходить куда то получается все реже. В целом, к сожалению, культурная жизнь сворачивается прямо пропорционально увеличению обязанностей, связанных с работой. Причем большая часть этих обязанностей – бюрократического характера. Про театр и философский факультет – наверное лучше уже отдельно рассказывать.

А на следующий год Вы вы уже не думали о театроведении... что произошло?

Это очень интересный момент, так сложилось. Я поступала в ГИТИС на театроведческий сразу после 10 класса, думаю, что это было рановато во всех смыслах. Я приехала из Ульяновска, подала документы и поселилась у подруги на Стромынке – это такое нереально странное место было около м. Преображенское, исторически там располагались потешные полки Петра 1, а в то время там устроили общежитие нескольких московских Вузов. Я мало, что знала о необходимом уровне готовности к экзамену по специальности. Я приехала за три недели. Честно говоря, сложно было в то время из провинциального города что то толком понять о системе приема в театральный Вуз. И вот мне в приемной комиссии дают список необходимой литературы для поступления, по которой будет проводиться собеседование. А в нем – более 50 текстов: от пьес Древней Греции – до Брехта. Рядом с метро была юношеская библиотека. И я за 2 с небольшим недели прочла практически все. Сейчас я сложно себе представляю, как это было вообще возможно, причем еще и конспектировала. Я читала пьесы и тексты (например Станиславского «Работа актера над ролью») с 8 утра и до закрытия библиотеки, потом шла в общежитие и повторяла конспекты до 4 -5 утра, и так каждый день... Я прочла практически все. Кроме одной пьесы – Афиногенова «Машенька»... А до собеседования надо было еще представить критическую статью по какому то спектаклю. А написала про «Дядюшкин сон», который посмотрела в театре Маяковского. Ну вот. Прихожу на собеседование. Мне – 16 лет. Передо мной – длинный стол, за

которым сидят театральные мэтры, я уже не вспомню сейчас, кто именно, но абитуриенты перед дверью благоговейным шепотом мне поведали, что там – самые-самые... Было страшно. Мне сказали, что за рецензию мне поставили пять. И начался настоящий допрос. «А скажите, ваша фамилия Волчек, а вы случайно не родственница? Кстати, кого мы имеем в виду?». Это в принципе был уже ожидаемый для меня вопрос, и я достаточно бодро перечислила всех, к моему сожалению, однофамильцев. Затем – а писал ли пьесы Некрасов? Перечислите. А Немирович Данченко? И тут ... а теперь расскажите нам, о чем пьеса Афиногенова «Машенька»? Это был удар ниже пояса. Я не знала. Это и был конец. Мне сказали, что ставят мне 4, но учитывая огромный конкурс – тогда он был порядка 25 человек на место, вряд ли мне стоит мучить себя сдачей общих предметов. Последняя фраза председателя была такой: «Приходите на следующий год, заодно и проверите вашу верность и преданность театру».

Было очень и очень тяжело, я бродила по Москве и плакала... Тогда мне казалось, что случилось что-то ужасное, несправедливое и нечестное. Единственная пьеса, которую я не успела прочитать, решила мою судьбу. Я не хотела возвращаться домой, было почему то очень стыдно и горько. И тогда я и решила попробовать поступить на философский. По большому счету для меня эти две возможности были практически равноценны.

Этот год был для меня не очень удачным. Не пройдя по конкурсу на философский я, получив комсомольскую путевку, пошла устраиваться на ЗИЛ, казалось, что это может повысить мои шансы на поступление на следующий год, одновременно устроилась на вечерние подготовительные курсы в МГУ. Правда выдержала только один месяц, потому что работа была в три смены, и было очень сложно вписать в этот график какие либо вечерние занятия.

Больше я поступать в театральное не пыталась. Похоже, что экзамена на верность театру – так и не выдержала.

Может, Лена, это и к лучшему?... правда, никто не знает... Итак, в 1975 году Вы успешно сдали экзамены и стали студенткой философского факультета МГУ. По какой кафедре или по какому направлению Вы стали специализироваться? Кто из профессоров, преподавателей в наибольшей степени повлиял на Ваше профессиональное самоопределение?

Поскольку в то время еще не было отдельного факультета социологии, то я проходила специализацию по кафедре социо-

логии, которая была частью факультета. Но собственно специализация началась только с 3 курса, а до этого я максимально включалась во все возможные «активности». Очень жалко, что я не могу сейчас вспомнить всех тех профессоров и учителей, которые сыграли решающую роль в моем профессиональном самоопределении. Но напишу, как помню. На 2 курсе у нас был предмет – политэкономия капитализма, сейчас это звучит странно, но у нас еще и политэкономия социализма преподавалась. Вела предмет Андреевская Валентина (отчества не помню, к сожалению, да и имя тоже могло быть другим, что делать?) Я пыталась найти точные данные в Интернете- безуспешно... Она была совершенно необыкновенным человеком, ее семинары были каким то удивительным путешествием в другой мир. Я мало что помню из предмета, но помню ее истории о работе в комиссии по возвращению советских детей, угнанных во время ВОВ в Германию. Она рассказывала, насколько сложной и психологически тяжелой была эта работа, поскольку розыск детей упирался в то, что многие не знали русского языка, так как оказались в лагерях в младенческом возрасте, и, как правило, были разлучены с родителями. Она блестяще владела несколькими европейскими языками, и долгое время жила с родителями в Швейцарии, как она рассказывала, их дом был рядом с виллой Чарли Чаплина... Почему она оказалась в СССР – она не рассказывала, но очевидно, что работала в «органах», а во время войны была переводчицей. Но больше всего я ей благодарна за Тарковского. Именно она организовала на философском кино клуб, и мы ездили вместе с группой в какой то пригородный ДК, чтобы смотреть «Зеркало», а потом долго – долго говорили. Впечатление от просмотра было подобно культурному шоку, это было прозрение. Какой то новый мир, без вранья и надоевшей риторики. Можно даже сказать, что эта была спасительная соломинка, ну или такой шанс для иного восприятия и иной духовной жизни, чем то, что предлагалось на занятиях, например, по «Пролетарскому интернационализму», предмету, который практически всеми был мягко говоря, нелюбим...

Это общение стало толчком к участию в студенческом театре МГУ, пожалуй, самому важному, что со мной случилось в те годы. Руководил нашей студией Валерий Персиков, который открыл для нас Александра Вампилова (мы репетировали, например, «Утиную охоту»)... То есть моя любовь к театру нашла достойный выход... Успехи были невелики, но самым важным были ночные репетиции, разговоры, дружба, споры.

Ну и конечно я помню своего научного руководителя по дипломной работе- Подмаркова Валентина Георгиевича, од-

ного из авторов книги «Социолог на предприятии». Мы с подругой проходили практику в НИИ демографических проблем г. Москвы, если я не путаю название, и мы занимались социальным прогнозированием районов в фокусе демографии. К сожалению, за 10 дней до защиты Валентин Георгиевич умер ... Он был, пожалуй, самым важным человеком в моем профессиональном становлении, мягким и тонким, но очень требовательным и критичным в отношении допускаемых ошибок, особенно в отношении профессиональной этики. Так что защищалась я уже без него, одна...

Окончила я философский с красным дипломом и сразу поступила в аспирантуру.

Я стараюсь «коллекционировать» воспоминания о тех, кого сам не мог проинтервьюировать. Пожалуйста, приведите один-два примера, иллюстрирующих стиль деятельности В.Г.Подмаркова.

Валентин Георгиевич был человеком невероятно влюбленным в профессию и очень занятым. Он работал на философском, по моему, не на полную ставку, виделись мы нечасто, но все встречи были по существу. Это был первый ученый в моей биографии, который занимался практической социологией, настоящими исследованиями. И он первый открыл для меня, скажем так, сферу профессиональной этики, особенно что касается грамотного и деликатного составления вопросников и собственно исследовательской коммуникации, того, как следует избегать тенденциозности и агрессии в формулировке вопросов анкеты, а также не идти на компромиссы с заказчиками. Запомнился также его стиль общения со студентами – деликатный и уважительный. А еще он был совершенно не ангажирован идеологией, что в то время было редкостью, тем более на таком «идеологическом» факультете, как наш. Сейчас я понимаю, как жалко, что я так мало могу вспомнить, но мне казалось тогда, что мы будем долго вместе работать. Собственно об этом и шла речь, поскольку он уже в процессе работы над дипломом пригласил меня работать в Институте, которым руководил... Кто же мог предположить, что так получится...

Вели ли у вас на факультете сотрудники АН СССР? Может помните кого-либо?

Честно говоря, я не помню, мы как то тогда не вникали в наличие таких высоких регалий. Я например помню, как мы набивались в поточные аудитории, чтобы слушать Петра Яковлевича Гальперина, его лекции по ориентировочной деятель-

ности субъекта. Эти лекции не входили в учебный план, но все знали, что это круто, и слушали, затаив дыхание. Память отсылает скорее не к академикам, а к самым ярким преподавателям, о которых у нас ходили всякие байки и слухи. Так, например, формальную логику преподавал Старченко А.А. Он говорил с нами, как равными, вел занятия, полусидя на столе или подоконнике, курил в аудитории, получить у него на экзамене 4 – было практически нереально. Ритуальная практика сдавать Старченко зачет 3 раза...

Начало 1980-х, какую тему для кандидатской диссертации Вы выбрали, кто был вашим руководителем?

Тема моей кандидатской диссертации сегодня звучит, пожалуй, странно, ну как впрочем большинство диссертаций того времени по социологии, которая оставалась в маргинальной академической нише: «Формирование эстетических отношений в социалистическом обществе: социологический аспект». Руководил диссертацией Козлов Дмитрий Федорович. Но в целом – это было совершенно самостоятельная работа, хотя отношения с руководителем были очень дружескими. Диссертация была скорее по социологии искусства, хотя в ней много было всего того, что «требовалось» для защиты в те годы. Пожалуй, единственным доказательством моей неполной ангажированности, стала сама защита, когда я получила два черных шара. До сих пор помню речь одного из членов Диссертационного Совета: «Вот мы здесь материалисты, а вы кто»? Я с момента защиты свою работу так и не решилась перечитать, прямо по М. Лифшицу- «Наши первые тексты, это дети-вампиры, никогда не знаешь, в какой момент придет время давать отчет (читай- кровь)». Ну, то есть в какой то мере, работа была все таки связана с искусством, хотя и очень замысловатыми путями...

Лена, Вы – студентка МГУ второй половины 1970-х., закончили – с красным дипломом, включались во все возможные «активности». Значит, человек – активный. Чем Вам вспоминается то время, дух времени?

Вопрос меня поставил в некоторый тупик, или лучше сказать – застал врасплох. Время было с одной стороны – простое, махровый застой, царство двоемыслия, с которым мы как-то уживались, правда, не сказать, что мирно. Высиживали на комсомольских собраниях, воспринимали словесную чепуху спокойно и цинично, но не протестовали. Было какое то странное ощущение египетского времени: было – есть – и будет. Просто, если с рождения и до 23 лет живешь в одном и том

же времени и практически никаких примет возможных изменений... Это, конечно, очень схематично. Потому что сознание конечно же сопротивлялось, мы же читали хорошие тексты... Кроме ПСС Маркса с Энгельсом и Ленина мы читали и другие книги, которые в перепечатанном (от руки на машинке) виде ходили по общежитию. Жила я сначала в ФДС (Дом студента на Мичуринском), как и все на первых 2-х курсах. А потом переехала в Высотку (Высотное здание на Ленинских горах). Жили мы с еще двумя подругами на 21 этаже, в башенке, вид их окна был завораживающим и вдохновляющим. Я писала стихи и песни... И вот на нашей высотной кухне проходили всеобщие бдения с обсуждением работ Ницше, Шопенгауэра, Фрейда, Адорно, Маркузе. Серьезные удары по устойчиво пионерско-комсомольскому задору наносили, так называемые, безвалютные студенческие обмены. Это когда, мы ездили, например, в Прагу и жили в каком то общежитии, и деньги нам давали студенты, которые потом ехали к нам, и, соответственно, мы им в Москве отдавали эквивалент в рублях. Это было невероятно весело, интересно и очень горько. Несмотря на то, что все поездки были по странам «соцлагеря», это было знакомство с совсем другим, «западным» миром. И наши споры, дружбы и симпатии с чешскими, словацкими, венгерскими, хорватскими или сербскими сверстниками были одновременно и болезненными, и отрезвляющими. Моя чешская подруга Катарина Поганова подарила мне тогда книгу Ч.Р.Миллса, это был другой социологический голос, другой, незнакомый академический язык. А еще – первый раз попробовала джин с тоником, настоящий, и до сих пор этот запах возвращает к тому почти детскому чувству возможности другого мира и жизни. Рассказывать о том времени я могу очень долго. Это было время самых ярких чувств и самой сильной любви. Однажды к нам на 21 этаж забрели двое юношей, которые были совсем не похожи на моих однокурсников. Они, как выяснилось, были студентами Школы-студии МХАТ. Так в моей жизни снова появился театр, настоящий, крутой, изменивший и мою жизнь и восприятие времени. Толя Омельченко был очень хорошим актером, точнее сказать – гениальным, лучшим на курсе. Дальнейшая судьба, к сожалению, была не столь блестящей... Сразу после выпуска его пригласили в несколько театров, он выбрал службу в театре Сатиры. Так я стала Леной Омельченко. Увы, он не смог справиться с самой известной российской болезнью, а я не смогла, вероятно, помочь, хотя душевных сил, нервов и всех возможных лечений было использовано максимально. Но, наверное, больше об этом не буду... То время было удивительным и каким то чистым, может быть потому, что это была

юность. Мы все понимали и жили какой то переполненной духовной жизнью, начиная просыпаться от номенклатурного сна и чувствовать себя потерянным поколением... Перелом пришелся на самый острый край взросления. Если будет уместно, я бы еще раз вернулась к этой теме.

Мне показалась очень интересной тема Вашей кандидатской. В чем же было «ядро» эстетических отношений в социалистическом обществе? Что, на Ваш взгляд, произошло с этим «ядром» за четверть века?

Насколько я помню (не пересчитывала ни разу текст), смысл был в том, что ядром эстетического является бескорыстное отношение к предмету или объекту преобразования или любования. В этом отношении фиксировалось некое диалектическое противоречие, когда субъект эстетического отношения стремился слиться с объектом/предметом/субъектом взаимодействия и вместе с тем, отстраниться/отчуждиться от них, чтобы не потерять необходимую для существования эстетического – дистанцию. Это действительное отношение – это не просто некое созерцание, а сотворческое преобразование окружающего мира, очень включенное и вовлеченное присутствие, но в котором нет ожидания или расчета на поглощение или уничтожение другого. Это отношение сопровождается формированием определенных качеств самого субъекта, что реализуется посредством повседневных или эксклюзивных практик разговора с собой и миром. Бескорыстное стремление к гармонии, симметрии, некоему внеопытному (доопытному) пониманию прекрасного могло воплощаться, например, в труде (социалистический фокус), а не только в искусстве, ну и конечно в отношении к природе, окружающей среде, другим людям. Как то так...

Спасибо за ответ, понимаю, что было трудно писать... ценю, но теперь и я Вас лучше знаю, и будущие читатели... пока двинулись дальше... завершились студенческие и аспирантские годы... что дальше? Где Вы начали работать, чем заниматься? Кто из старших коллег помогал Вам войти в новый мир...

Задумалась, а правильно ли я отвечаю на вопросы, вернее так – в тех ли интонациях? Меня как то все время завораживает то в слишком личное, то в театральное (впрочем, все и правда рядом). Защита диссертации совпала с рождением сына. Не в переносном, а в прямом смысле, я родила Митю через две недели после защиты. Мое очевидное положение

никак не было замечено Советом, и, как я уже писала, защита прошла бурно и практически на грани срыва. Понятно, что следующий год я была поглощена материнскими заботами. Самая близкая подруга – Хилари Пилкингтон – о ней я еще обязательно расскажу, всякий раз после очередной истории говорит: «Лена, с тобой всегда что то происходит...» И это правда. Поэтому – расскажу. Забрали меня на скорой помощи, которая доставила в дежурный родильный дом, (он и сейчас находится на Комсомольском проспекте за ТД Москва) где-то в 11 вчера 15 декабря. Но сначала коротко о том, где я в том далеком 1982 году жила.

Мы с Анатолием жили на старом Арбате, в совершенно удивительном доме, где одна из огромных коммунальных квартир была отдана под общежитие театра Сатиры. В квартире было 8 комнат, и в каждой жили актеры – одни или семьями. На одной с нами лестничной площадке была квартира Ивана Дмитриевича Папанина – контр адмирала, знаменитого исследователя Арктики, мне даже посчастливилось с ним познакомиться. Но на момент защиты и родов мы уже вынуждены были переехать опять в Высотку, в мою 8 метровую аспирантскую комнату, поскольку с театром Сатиры к тому моменту уже пришлось проститься. Ну – дальше. Пока я ждала (это конечно не то слово), когда же начнутся роды, я несколько раз слышала свою фамилию, например – «скорее, вроде Омельченко рождает», хотя по всем приметам было еще далеко, да и врача рядом не было. И вот, все случилось, роды закончились. Меня привезли в палату, «выгрузили», через некоторое время я смогла осмотреться. Палата была большая, просторная, и кроме меня – всего одна соседка (хотя, я уже заметила, что в остальных палатах лежало минимум по восемь женщин)... Разговорились. У вас кто? У меня мальчик – она, а у меня девочка. Интересно. А где живете? На Старом Арбате, я – ой, и я тоже. А номер дома? – называет мой...а квартира – называет этажом выше... А фамилия? И тут она говорит – Омельченко. И выясняется история. Что она – дочь министра, если не путаю, тяжелой промышленности, что ее молодой супруг уже служит в посольстве Франции, что они через какие то очень высокие знакомства с трудом договорились об этом роддоме, который оказывается считался самым – самым чистым и престижным. К нам в палату практически через каждый час заходила глав врач, ей приходилось и меня осматривать... Вот такая яркая и очень, на мой взгляд, точная иллюстрация советского: в особые условия можно было попасть, будучи приобщенной к номенклатуре, и просто по ошибке. Одна и та же фамилия и адрес ввели в заблуждение медицинский персонал

роддома, благодаря чему я провела одно из самых включенных социологических наблюдений... Кстати, мы так больше и не встречались с однофамильцами, потому что очень скоро пришлось покинуть Москву – самый дорогой и самый важный для меня город. Я уезжала к родителям в город Клинцы (Брянская область) с абсолютной уверенностью, что обязательно вернусь, и что Митя пойдет в школу в Москве. Во время этой ссылки я читала лекции в Обществе Знания по радио для посетителей парка отдыха, лекции были по эстетике и истории искусства. Через год мы оказались в Ульяновске. После Москвы выбирать можно было любой город на карте СССР, Толю пригласили в Ульяновский драм театр, и для меня это тоже был выход, поскольку до Москвы наша семья жила именно в Ульяновске. Вот так, через десять лет, я снова вернулась в город своего детства. Через год я поступила на работу в Ульяновский пединститут, ассистентом на кафедру философии... Самым важным и интересным в Ульяновске первых пяти лет был наш кино клуб *Синема*, который мы открыли в начале 90-х. Это было самое начало кино клубного движения в Союзе. Мы возили фильмы из посольств Венгрии, Франции, Германии, Польши, к нам приезжали хорошие кинокритики и актеры, мы ездили на московские кинофестивали (для кино клубников существовали квоты бесплатных билетов). Это было невероятное время. Начиналась эра лихих 90-х, которые почему-то вспоминаются чаще, как время братков, а для меня и друзей это было время свободы и открывшегося доступа к настоящему кино, книгам, выставкам. При кино клубе мы создали свой театр, делали капустники, сами писали сценарии, ездили на гастроли, даже были приглашены в ЦДРИ Москвы вместе с другими театральными студиями при кино клубах... А потом рынок начал коммерциализировать кино клубное движение, нас вытеснили из помещения кинотеатра, потом из педуниверситета, ну и потом случился дефолт... Мощное преобразование общества проходило прямо сквозь нашу жизнь. Может мне не хватило тогда воли, чтобы продержаться, не знаю, сейчас легко об этом рассуждать. Тогда мы все таки, пусть и совсем немного, но зарабатывали, мы были одним из первых НКО в Ульяновске, но дефолт лишил последней надежды... После этого меня пригласили в новый университет – открывался первый филиал МГУ им М.В.Ломоносова, я, понятно, не могла отказаться. Тем более, что там обещали открыть кафедру социологии. Так уже через два года я стала зав. кафедрой социологии в УлГУ (в то время – филиал МГУ).

Второе удивительное событие (после второго «попадания» в МГУ) – была встреча с Хилари Пилкингтон. У этой встречи

есть своя история, постараюсь коротко... Британский Совет в Москве объявил конкурс на участие программе ТЕМПУС – на подготовку «новой волны» молодых российских социологов. Я, кстати, уже успела организовать маленькую социологическую лабораторию, которая провела самое первое исследование – про молодежные группировки в Ульяновске, и мы даже с нашей телестудией сняли фильм «Стая»... Ну вот, английский я знала очень плохо, как впрочем не очень хорошо знаю и до сих пор (моя беда). Сконцентрировалась, и начала усиленно заниматься, надо было пройти экзамен и собеседование в Британском Совете. Поехала, ужасно волновалась. Принимали собеседование двое – женщина от БС и профессор Ворвикского Университета – Саймон Кларк. Собеседование я успешно провалила. Вернулась домой, и через месяц получила письмо от Саймона – он писал, что ему очень понравился мой проект (он был про исследование группировок), и что его знакомая – аспирантка Хилари Пиллкингтон, собирается проводить исследование в России, и не хотела бы я ей помочь? Она занимается исследованиями молодежной культуры и хочет приехать в Ульяновск? Это была какая то нереальная удача и тот самый случай, который выпадает лишь раз в жизни – просто какое то чудо. Конечно – я хочу, и, конечно, я встречу! Так началась моя настоящая социологическая карьера и самая крепкая и верная дружба. Саймон взял меня в ТЕМПУС (несмотря на мой провал), благодаря чему я не только стала работать вместе с Хилари, но и познакомилась с будущими коллегами, и, конечно же, – с Владимиром Александровичем Ядовым, который был руководителем этой программы с российской стороны. Собственно этих трех удивительных людей и друзей я и могу назвать самыми близкими и самыми важными учителями как по жизни, так и по профессии. Ну, наверное, об этом уже в следующий раз.

Какие свойства В.А. Ядова как ученого и человека произвели на Вас сильное впечатление?

Самое сильное впечатление на меня произвело с самой первой встречи удивительное качество – открытость и честность, способность этого удивительного человека и ученого выстраивать искренно равные отношения со всеми – как академиками, так и студентами. При общении с Владимиром Александровичем с самой первой минуты пропадало ощущение кафедры и некоего менторского вещания. Мне повезло работать вместе с мастером в нескольких проектах, и, конечно, самое важное – что он был моим научным консультантом на защите доктор-

ской диссертации. К 80 летию мы со коллегами выпустили книгу «Виват, Ядов!», в которую я написала эссе «Уроки вне расписания». Эссе достаточно длинное, решусь привести несколько выдержек:

«Не повезло мне, если честно. Мне не пришлось сидеть на лекциях Владимира Александровича Ядова, выступать на его семинарах, быть его студенткой или аспиранткой. И невероятно повезло потому, что важные для меня уроки жизни и профессии я все-таки «посетила». Уроки, где моим учителем был Владимир Александрович...

Урок истории. 1993 год. (XXIII World Congress of Sociology, Belefeld, Germany)

...Конечно, нам была доступна лишь вершина айсберга, но и этого было достаточно. Это всегда было удивление: «наш Ядов – Во дает!» Можно было не соглашаться, спорить, говорить (всегда внимательно слушает), но ни разу не было разочарования или неловкости. Правда. Никогда. Самое удивительное, что когда я через пять лет зашла в кабинет к Владимиру Александровичу, он помнил, кто я и как меня зовут. Еще одно историческое воспоминание из того же периода. Был какой-то научно-практический семинар. Выступала восходящая молодая звезда, недавно переехавшая в Европу. После первых 10 минут выступления Владимир Александрович вскочил, выбежал к выступавшей: «Что это ты нам тут как школярам сомнительные идейки подкидываешь и предлагаешь отвечать на сомнительные вопросы какого-то теста для пэтэушников?».

Урок демократии, 1996

Это был первый выпуск слушателей курса по «Молодежной культуре и субкультуре» в рамках серии социологических курсов в рамках Программы Европейского сообщества ТЕМПУС (Центр социологии образования в ИС РАН, 1996). ... После выступления одной из слушательниц Владимир Александрович задал довольно каверзный вопрос (по памяти): «Я не понял, так Вы что, порнографию оправдываете что ли? Поаккуратней надо с постмодернистскими штучками». Девушка покраснела, но ответила почти вразумительно. Защита продолжалась. ВА попросил у меня листочек и начал что-то быстро писать, потом попросил передать записку этой девушке. Слезы на ее лице как-то сразу просохли, все хорошо («Не обижайтесь, может быть я действительно не понял Вас. Но защита была блестящей, работайте дальше!»). Не знаю, хранит ли она записку, но наверняка помнит. Я запомнила.

Урок признания

Первый Всероссийский социологический Конгресс (СПб, 2000 год). Самое яркое впечатление: выступление (лекция)

Владимира Александровича Ядова, посвященное острым проблемам российского социологического сообщества. Уже за полчаса до начала самая большая аудитория соцфака госуниверситета СПб была переполнена ... все свободные стулья и даже лавки из других аудиторий были перетасканы на выступление Владимира Александровича. В какой то момент ситуация практически вышла из-под контроля, провоцируя своего рода панику. Потребовалось вмешательство оргкомитета... Стулья выносить перестали, заняли подоконники, потеснились в проходах, слушали на одном дыхании. ... Мне приходилось не раз слышать критику в адрес Владимира Александровича, мол, так нельзя, что он не всегда придерживается принятых рамок приличия и такта. Может быть. Но зато, никто не станет отрицать – насколько он искренен, как-то по-детски открыт, при этом вовсе не беззащитен. Одним словом – профессиональный романтик. И меня это всегда завораживало и завораживает, потому что знаешь, чего ждать, чувствуешь правду и жизнь.

Урок музыки

Удивительный был проект по осмыслению трансформационных процессов в современной России. Вокруг Владимира Александровича собралась сплоченная и заводная команда. Все два года вплоть до написания общей монографии были наполнены рабочими семинарами, поездками, спорами и... посиделками. Сразу хочу сказать, что посиделки в нашей социологической тусовке вещь необходимая. Говоря «в нашей» я с определенной долей наглости, очерчиваю круг всех друзей-единомышленников, где Владимир Александрович – «вместе с нами». Вспоминается одна из них. На определенной стадии разговоров, тостов и откровений, когда ощущение близости и безопасности «своего круга» дошло до момента практического родства, мы начали петь. Сначала пели, как это водится, кэ эс пэшные песни, потом плавно перешли к городскому романсу, потом к русско-украинским напевам. А потом... Потом неожиданно, вспомнив о тематике молодежных субкультур, мы начали читать рэп. Текст рождался сам собой, там было и про засилье британского и американского академического империализма, и про наплевательское отношение к нам, таким продвинутым социологам со стороны власти, про отсутствие нормальных заказов, ну и конечно про то, какие мы тут крутые. Все в лучших и главное правильных традициях жанра «социального протеста депривированных системой работяг». Владимир Александрович подхватил рэп уже со второго куплета, все было четко – и жесты, и «Е» (две точки сверху) в конце самых крутых, срифмованных квадратов и кураж, подогреваемый чувством социальной несправедливости к «бело-

му, зажавшемуся миру академической бюрократии». Жалко, что не было видео камеры. Уверена, что наше спонтанное произведение стало бы хитом, текст и исполнение которого стали бы дерзким вызовом многим высоколобым собраниям. «Если вы решили, что мы – те самые, кто гнется – Е, кто подпекает ради лести, кто жмет к власти – Е! Ответ один – и вы его знаете, хотя нам повторить не в лом – Е». ...все были просто счастливы.

Урок профессиональной дружба

С момента попадания в программу ТЕМПУС меня не оставляла мечта-идея: попросить Владимира Александровича о научном руководстве по работе над докторской (консультантом, как он меня поправит потом). Мне казалось это почти нереальным: как начать разговор, как объяснить мотив такой, как мне казалось, необычной просьбы. «Да, давайте – сказал он мне – я Вас хорошо знаю, только договоримся, что это ваша ответственность. Я мало, что смыслю в молодежной культуре, надеюсь, что чему-то научусь». ...Через год, наверное, я послала текст диссертации. И была, если честно, просто шокирована, что уже через неделю получила письмо с моим текстом, в котором не было ни одной страницы без его правок, вопросов или комментариев. С того момента мы действительно работали вместе. Когда уже завершался процесс корректировки автореферата, он сказал: «У вас тут много всякой ерунды, связанной с постмодернистскими идеями, ну и гендером, конечно. Я ничего в этом не смыслю, и со многими выводами не согласен. Но давайте оставим, пусть будет. Вас, конечно, за это помучают на защите вопросами, народ в Совете у нас разный и попусту его дразнить не стоит. Но вот это сомнительное высказывание пусть будет той маленькой собачкой, на которую все обратят внимание». При чем здесь какая-то собачка? И он рассказал историю. Честно говоря, не помню – о каком художнике была эта притча, и был ли реальный автор у этой идеи. Смысл: художник нарисовал в самом углу своего модернистско-формалистского полотна маленькую собачку. На заседании худсовета, на котором решалась участь произведения, автор долго рассказывал о глубоком философском смысле картины и ее значении для воспитания подрастающего поколения. Члены комиссии недоумевали: ну ладно, это все поиски, но в принципе мысль глубокая чувствуется, да и экспрессия исполнения трогает. Но собачка то зачем? На что художник говорил примерно следующее: собачка является неотъемлемой частью моего замысла, но если уважаемая комиссия считает ее лишней, я ее уберу, хотя это и будет большой потерей. И – закрашивал собачку.

Собачка – понятное дело, метафора, но в моем случае она сработала.

Защита длилась почти пять часов. Мне невероятно повезло. Это было какое-то феерическое действо. Мои официальные оппоненты – глубоко уважаемый и любимый мной Игорь Семенович Кон, а также близкая мне по духу Елена Ярская-Смирнова, хоть и критиковали, но как-то особенно благожелательно и по-доброму. Владимир Александрович волновался пожалуй больше, чем я, и буквально на каждый вопрос или критику членов Диссертационного Совета готов был сам броситься отвечать и защищать пусть и «насквозь постмодернистскую и с привкусом феминизма, но все же такую важную работу».

... в минуты сомнения: в выборе профессии, в смысле бесконечной академической суеты, в направленности мыслей и чувств я вспоминаю ваши уроки, которые Вы преподали мне вне всякого расписания».

Я понимаю, в Ульяновске Вы создали свой «микромир»... сколько времени Вы там прожили. Что в целом удалось сделать? Куда потом...?

В Ульяновске я прожила долго, до 2009 года, когда меня пригласили работать в НИУ ВШЭ Санкт-Петербург. Удалось сделать действительно много – к моменту моего отъезда НИЦ «Региону» было уже 15 лет, он и сейчас продолжает жить... Правда, в прошлом году началась тяжелая история, которая затронула многие НКО в России – к нам пришла прокуратура с проверкой на предмет того, являемся ли мы «иностранными агентами». Но, наверное, об этом стоит рассказать отдельно.

Безусловно, и подробно. И чем закончилось (если) дело с «иностранным агентом»?

Дело с «иностранным агентом» еще не закончено... Это очень тяжелый момент, и рассказывать о нем сложно. Мне даже кажется, что мы были одними из первых в этой кампании борьбы с «иностранными агентами» и западным влиянием... Первой ласточкой была заказная публикация на одном из новостных порталов ульяновской области (Улпресс) – «Зачем университету иностранный агент?», публикация была, как водится, сопровождается «желтым троллингом» в отношении не только собственно центра «Регион», но и людей с акцентом на частную, приватную сферу.

Понять, какие из комментариев к статье были аутентичными, а какие – заказными, целенаправленно направленными на

то, чтобы обидеть, задеть и любыми способами вовлечь нас в провокационную дискуссию, было невозможно. Мы ответили на эту провокацию статей на портале Полит.Ру (<http://polit.ru/article/2012/10/31/delation/>), приведу для иллюстрации несколько выдержек из нашего текста: «Автор пасквиля, на который даже не хочется давать ссылку, объявил, что под видом социологического центра в Ульяновске существует «иностранный агент», который за долгие годы своего существования «успел посотрудничать со многими зарубежными структурами» (далее идет перечисление передовых исследовательских центров и научных фондов в Великобритании, Германии и США). При этом «о последствиях использования результатов исследований, передаваемых «Регионом» за кордон, конечно, никто не задумывался», – вещает анонимный автор. Тот факт, что «зарубежные структуры» – вполне известные и признанные академические организации, а «передаваемые за кордон» результаты – это открытые научные данные, публикуемые в общедоступных журналах и книгах, следуя обычной мировой научной практике, – не мешает анонимному доносчику обвинить исследовательский центр чуть ли не в шпионаже.

Возможно, стоило пропустить этот параноидальный бред мимо ушей, если бы его публикация в «Живом Журнале», а потом и на новостном портале не укладывалась в тревожную тенденцию, которую важно заметить. Мы имеем дело с опасной ситуацией, когда в руки недоброжелателям дан инструмент для шельмования и травли. Как бы ни оправдывались законодатели, что термин «иностранный агент» будет применяться только к ограниченному числу организаций политической направленности, финансируемых из-за рубежа, обыватель уже взял на вооружение этот ярлык, применяя его ко всем неугодным в собственных разборках и играх. Неважно, что юридически НИЦ Регион – даже не НКО, а подразделение государственного вуза. Обозвал иностранным агентом, обвинил в связях с «западными структурами» и отправкой «сведений» «за кордон» – и вот уже запущен механизм подозрений и сомнений... Текст явно рассчитан на то, что в природе **любого** социального ученого, выросшего и получившего образование в СССР или в постсоветской России, продолжает жить страх, который в «нужный момент» обязательно проявится в желании доказать свою лояльность, угодить начальству «правильными» данными и цифрами. Кроме того, подобные публикации должны вызвать не просто испуг, а тревожность столь высокого уровня, что социологи сами пойдут сдаваться и давать признание. Кроме того, подобные тексты рассчитаны и на то, что смогут

поднять волну «праведного гнева» среди населения, поскольку раскрытие новых врагов России помогает быть бдительными, сохраняя национальную безопасность и поставить заслон от тлетворного влияния Запада... ». Вот такая ситуация.

Руководство УлГУ отреагировало быстро и прогнозируемо. Нам предложили поменять юридический статус, чтобы университет перестал числиться в учредителях столь «сомнительной» организации. За прокуратурой к нам в центр пришла налоговая проверка, которая длилась практически год. Проверяли все чеки на «чай», а в прокуратуре внимательно читали научные статьи сотрудников центра, отчеты по проектам, и даже выпущенные НИЦ «Регион» книги (к 2012 году под грифом НИЦ «Регион» УлГУ было выпущено более 10 оригинальных книг, суммирующих анализ по различным исследовательским проектам). Ровно через год – прошлой осенью, на том же портале появляется еще один пасквиль от имени тех, кто, вероятно, разочарованы отсутствием «прямых мер воздействия» на «иностранных агентов»...

Все это очень тяжело и обидно. К настоящему моменту НИЦ «Регион» практически перестает существовать, мы вынуждены были перерегистрироваться в коммерческую структуру(?), выйти из структуры УлГУ, а меня просто сократили, как преподавателя университета и заведующего кафедрой рекламы... Но не все так плохо, конечно. Этот закон, совершенно безумный и неадекватный, приводящий в шок наших зарубежных партнеров, сплотил российское исследовательское сообщество. Мы поняли, как важно поддерживать друг друга, публично солидаризироваться, высказываться, мы с другими центрами и коллегами, попавшими в списки «подозрительных и опасных», писали вместе письма, тексты в СМИ, давали интервью и активно формировали альтернативное общественное мнение. Я как раз была в Харькове на социологическом конгрессе в самый разгар второй волны этой кампании, и советовалась в Владимиром Александровичем Ядовым – хотелось и дальше бороться, доказывать. Он меня успокоил и сказал, что волна возмущения вроде бы в какой-то (ущемленной) форме – но была услышана, и что этот закон будет смягчен... Хочется верить, только к сожалению, НИЦ «Региона», как в свое время и киноклуба «Синема» в Ульяновске уже не будет.

Наверное в моем ответе слишком много личного, сложно с «холодным носом» говорить о целом куске жизни, спокойно и взвешенно смотреть на этот сюжет в контексте более общих изменений в жизни российского общества... Конечно, полученный опыт дорогого стоит, и Центр молодежных исследований,

который мы с коллегами открыли в ВШЭ Санкт-Петербурга, вряд ли бы состоялся, если бы не было долгой и удивительной исследовательской истории «Региона», да и люди все, слава Богу – живы и мы по-прежнему вместе.

Лена, Ваша докторская диссертация была связана с исследованием молодежной культуры. Когда и как Вы пришли к этой теме? В силу каких особенностей Вашей работы она оказалась «насквозь постмодернистской и с привкусом феминизма»? Что это означает?

Тема молодежных культур и субкультур – появилась сразу вместе с началом исследовательской работы. Первая социологическая лаборатория, которую мы открыли в середине 90-х при одном из ульяновских районных отделов по работе с молодежью, с самого начала была ориентирована на это направление. Можно сказать, что это был первый социальный заказ. И я уже писала, что самым первым исследованием был проект, посвященный опросу участников молодежных группировок, бум которых как раз пришелся на начало-середину 90-х годов. Именно в те годы начинают активно изучаться подобные подростковые, часто полукриминальные районные формирования, которые стали знаком постперестроечной России. Так, например, в Ульяновске их было более 25, они, как правило, организовывались вокруг растущих кварталов разрастающихся городов и очень скоро становились своего рода «передовыми отрядами», охраняющими свои территории, а также рынки, автозаправки, частные ларьки. Этот проект во многом и определил ключевое направление всей последующей работы. Уже после перехода в новый университет и открытия кафедры социологии, заведование которой мне и поручили, мы с коллегами организовали центр «Регион», которому уже скоро 20 лет исполнится... Потом была встреча с Хилари Пилкингтон и совместная работа над проектом, пожалуй самым серьезным образом определившим всю жизненную траекторию. Проект был посвящен исследованию восприятия российской молодежью образов Запада. Это было своего рода вызовом широким моральным паникам, развернувшимся в отечественных СМИ и, отчасти, в академическом сообществе, вокруг так называемой «американизации/вестернизации» молодежи, ну и, соответственно, «снижении их патриотических настроений и моральном разложении». По результатам проекта мы опубликовали совместную монографию «Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures», которую потом перевели на русский язык («Глядя на Запад...»). В этой совместной работе как раз и обозначились основные векторы особого, «свеже-

го» взгляда на понимание молодежи, ее особых культурных практик и жизненных стратегий. Пафос и особое внимание были обращены к преодолению проблематизации молодежи, как «социальной проблемы», характерных для отечественной социологии молодежи того времени и переносу акцента на анализ молодежной повседневности, особых способах проживания юношами и девушками периода взросления, включения их в социум, выстраивания жизненных траекторий, собственных, индивидуальных и групповых интерпретаций смысла жизненных выборов – образовательных, карьерных, культурных. Сложно кратко объяснить, почему, по мнению Владимира Александровича, докторская диссертация была «насквозь постмодернистской и с привкусом феминизма»... Первое, вероятно, объясняется моей симпатией, скрыть которую было сложно, к авторам именно этих социально философских школ, проявившихся не только в выборе ключевых авторов, на которых я опиралась в выборе теоретической рамки работы. Так, например, особое место в аргументации новых форм солидаризации, групповых идентичностей молодежи конца 20 – начала 21 века, занимали социальные ученые, развивающие пост-субкультурную теорию. Согласно этому подходу, молодежные культурные практики этого времени значимым образом отличаются от своих «классических» субкультурных образцов второй половины 20 века, становясь некоей временной, частичной идентичностью, не требующей абсолютной верности идеологии, сформировавшейся в качестве протеста в отношении классового наследия родителей (родительской культуры), как «символическое, ритуальное сопротивление» культурному доминированию господствующей идеологии. Иначе говоря, мы в какой то степени подтверждали в своих исследованиях идею формирования фрагментарных, миксовых идентичностей, мозаичности новых культурных форм, прозрачности субкультурных границ, что было характерно для различных молодежных компаний в ситуации мощных социальных трансформаций и усложнения жизненных выборов в России. Вводя понятия культурной стратегии и субкультурной карьеры, связанных не только с принятием того или другого субкультурного стиля, но и с местом проживания, гендером, этничностью, социальным статусом (родительским), социальными ресурсами, культурным капиталом, мы стремились представить различия внутри молодежной среды. Это помогало преодолеть унификацию и проблематизацию, а также юсизм, биологизацию, политико-идеологическое конструирование молодежи как возрастной группы, у которой, по определению, отсутствует опыт и реальная власть. Понятно и в чем-то закономерно мое обраще-

ние к феминистской критике классических субкультурных концепций, которая помогла развить гендерную чувствительность и всегда обращать внимание на то, как по умолчанию молодежь может пониматься исключительно как юноши. Девочки, девушки, молодые женщины до сих пор не только в государственных документах по молодежной политике, но и в академических текстах могут оставаться «невидимыми» и «незначимыми»... Эти подмены понятий могут вовсе не осознаваться как читающими, так и пишущими. Не удивительно, что настаивание на такой очевидной ошибке может вызывать не только недоумение, но и агрессию. В ходе реализации наших проектов, текстах, которые пишем, в преподавании курсов по сравнительным молодежным исследованиям, особое внимание уделяется классовым (стратовым), гендерным и этническим различиям, которые во многом определяют особенности тех или других молодежных практик, активностей, жизненных стратегий и культурных выборов. Эти различия внутренне связаны друг с другом, а их комбинации невероятно значимы для понимания того, что сегодня происходит как на глобальных, так и российских молодежных культурных сценах.

Вы и сейчас изучаете молодежную культуру или нашли новую тему?

Сегодня в фокусе моего исследовательского интереса – молодежные солидарности, как особая форма социальности и особая форма групповой культуры и практики. Это понятие мне представляется более адекватным в применении к тем процессам, которые происходят в молодежной среде. Солидарности могут быть как прямыми, так и опосредованными, реальными и виртуальными, временными (событийными, например, протестными или вокруг какого-то значимого события) или более постоянными, как, например, Интернет форумы молодых матерей или движение «Мусора.нет». Среди значимых примет этих форм молодежных группирований – то, что они могут консолидироваться не только вокруг субкультурных ядер, но и разделяемых ценностей группы, неких значимых на данный момент социальных смыслов. Именно поэтому солидарности могут на более или менее длительное время включать в себя помимо субкультурных групп и мейнстримную молодежь. Не менее важным для формирования солидарностей становится не столько принятие и разделенность общих норма и ценностей, но и консолидированное отрицание тех, чьи ценности воспринимаются как чуждые и неприемлемые. Понятно, что подобная форма современной социальности характерна не только

для молодежи. Но «в молодежном формате» солидарности оказываются более публичными и видимыми, чему способствуют бурно развивающиеся социальные сети Интернета, растущая популярность видео и фото самопрезентаций, профессионализация досуга, развитие неформальной экономики и практик DIY (do it yourself), глобальные ссылки, множественность дискурсивной власти, рост привлекательности волонтерства. В определенной степени можно предположить, что формирование солидарностей – это знак увеличения доли молодежи среднего класса, и роста их влияния на настроения и активности современной молодежи в целом. Исследовательские проекты ЦМИ НИУ ВШЭ вот уже четвертый год направлены на своего рода картографирование актуальных молодежных солидарностей, что помогает выявить основные линии ценностных напряжений, вокруг которых и происходит конфронтация молодежи. Так, например, к основным векторам этого (не только символического) противостояния можно отнести: про и антимигранские, про – и антикапиталистические, про – и антипотребительские отношения. Особую роль играет также и интерпретации «правильного» гендерного порядка: за патриархат – или за гендерное равенство. В последнее время активное формирование солидарностей происходит также вокруг отношения к религии (православию или исламу), прежде всего – к роли РПЦ в контексте светской жизни, что особенно ярко проявилось вокруг феномена Пусси Райт.

Каков Ваш круг обязанностей в «Вышке»?

Мой круг обязанностей в «Вышке» формально обозначен двумя позициями – заведующая кафедрой социологии и директор Центра молодежных исследований. На самом деле обязанности не вписываются в эти функции. Вышка – это, пожалуй, один из самых быстро растущих и интернационализирующихся российских университетов, что означает невероятно высокий темп жизни, сверхплановую загрузку и множество обязательств. Как говорила Алиса из страны чудес, здесь, чтобы хотя бы оставаться на месте, надо бежать в два раза быстрее... Поэтому жизнь состоит из занятий с бакалаврами и магистрантами, семинаров и мастер классов, исследовательских проектов, которых, как правило, пять или шесть параллельно, командировок в Ульяновск, а также поездок на конференции в разные города и страны (не реже 2-3 в месяц).

Каково сегодня значение исследований советских социологов, например, В.Т. Лисовского, С.Н. Иконниковой, Ю.Р. Вишневого

в области молодежной культуры, жизненных планов молодежи? Можно сказать, что они дали вам портрет родителей вашей сегодняшней молодежи, когда они (родители) сами были молодыми?

Работы этих авторов, конечно же, хорошо известны, и в какой то мере конечно отражают ретроспективные портреты молодых родителей, или даже скорее – дедушек и бабушек нынешних молодых поколений. Но насколько в их работах выражены они сами – сказать сложно, все таки академический язык был другим, в нем много было от публичного и политического языка той эпохи и, если честно, меньше о повседневности, о том, как проживалась молодость в то время, каков был язык компаний, с какими проблемами встречались юноши и девушки, о чем спорили, чему следовали не в официальной повестке дня, а своих индивидуальных и групповых выборах.

Не могу не среагировать на вашу «подставку». Лена, в чем, на Ваш взгляд, суть феномена Пусси Райт? Какова цель деятельности этой группы? И каковы следствия для развития определенного круга молодежных солидарностей, каких-то слоев молодежной культуры после всего произошедшего с участницами группы?

За два с лишним года, прошедших после выступления Пусси Райт в Храме Христа Спасителя в Москве несколько раз менялась общая атмосфера вокруг их поступка. Самым «горячим» было время вокруг суда, именно тогда шли самые горячие споры не только в официальных СМИ, но и в Интернете, проходили многочисленные акции протеста во всех крупных городах России, Пусси Райт до сих пор остаются популярным имиджем и во всем мире, неким символом гражданского протеста и женской силы. Думаю, что столь мощный резонанс связан с тем, что своим активистским, художественно окрашенным жестом они вскрыли самые болезненные и самые актуальные проблемы российского общества. Конечно и до них говорили о клерикализации светской жизни, об агрессивно продвигаемой в политических дискурсах требований возврата к консервативно традиционным семейным ценностям, о сращении Церкви и Государства, о свертывании гражданского сектора и сокращении пространства свободы проявления независимого мнения... Наверное, все это звучит уже несколько абстрактно и отвлеченно, но вокруг их выступления споры были невероятно горячими, напряженными, жесткими до публичной конфронтации и предания друг друга анафеме... Язык спора был полон ненависти и горечи. Многие публичные фигуры не прошли тогда тест на толерантность, обнаружив

свой, спрятанный до этого момента, сексизм, шовинизм, гомофобию, женаненавистничество... Сверх жестокий приговор, который получили Мария Аলেখина и Надежда Толоконникова даже и их ярых противников привела в недоумение, приговор был очевидно несправедливым, плохо соотносимым с самим фактом. Он спровоцировал новую волну протеста, связанного уже с правовой системой – ее несостоятельностью, слабостью и трусостью, с полной зависимостью от политического давления, личных амбиций, обид и прямых решений первых лиц государства.

Сроки отсидки девушек в колониях, их выступления против системы обращения с женщинами в российских колониях, бесправностью осужденных, невыносимыми условиями содержания, подавлением любых форм протеста, стали новым мощным стимулом к общественному обсуждению пенитенциарной системы в современной России, ее очевидной зависимостью и связью с системой ГУЛАГа, особыми методами и техниками подавления и унижения человеческого (женского в особенности) достоинства. После их освобождения по «амнистии» они стали активно заниматься гражданской защитой осужденных. Кстати, у нас тоже был и продолжается проект, посвященный исследованию молодых женщин, освободившихся из мест заключения, тому, как происходила их адаптации к нормальной, свободной жизни, и что значит в рамках биографических проектов опыт заключения, что происходит с женской субъективностью, насколько они оказываются способными к включению, и насколько готово принять их общество. По результатам проекта мы опубликовали книгу: «До и после тюрьмы: женские истории», сейчас мы продолжаем это исследование, и обращаемся уже к опыту женщин – родственниц и подруг осужденных (жены, сестры, невесты, «заочницы»), тому, как меняется их собственная жизнь, к тому, что это значит для них, какие экономические и социальные сети возникают, как поддерживаются отношения. т.д. Поэтому мы в своем исследовании сами столкнулись с тяжелыми историями унижения и жестокости тюремной системы в отношении женщин, и все, о чем писали и о чем сейчас говорят Маша и Надя, я оцениваю, как реальную правду. То, что происходит сейчас – мне сложно анализировать, многие из тех, что активно их поддерживали, начали разочаровываться в них по причине слишком «активного пиара»... Я не знаю... Уверенна, что феномен Пусси Райт и сами девушками останутся символами особой российской эпохи, с каким знаком – сказать сложно.

Пожалуйста, «расшифруйте» события киевского Майдана с позиции молодежных движений, солидарностей... это движение – отражение прежде всего политических процессов в Украине или подобное возможно в России?

Насчет событий в Украине – я к сожалению недостаточно вовлечена, для понимания смысла и направленности, мне не хватает информации. Действительно, молодежь активно включена (причем по разные стороны баррикад) в то, что происходит на Майдане, но где и кого используют, а кто реально движим внутренними потребностями и мотивами – сказать сложно. Известно, что официальная (российская) информационная политика делает все возможное, чтобы сформировать общественное мнение о преобладании среди протестующих «подготовленных бойцов», основные сюжеты посвящены националистически настроенным группам и экстремистам.

Идея молодежных солидарностей вполне подходит для анализа происходящего сегодня в Украине: по обе стороны баррикад собираются люди, которых объединяет на какое то время (насколько это может быть продолжительно – трудно сказать) общая идея и разделяемые ценности, значимые в данный момент и в данном месте для четкого отнесения кого-то – к своим, а кого-то – к чужим и даже врагам. В данном случае эти ценности определялись в отношении Запада, Европы, европейского образа жизни, независимости, отчасти – русофобии с одной стороны, с другой – вокруг отказа от присоединения к Евросоюзу, советскими настроениями, консерватизму, ориентации на закрытость... Эти ценности во многом условны, за ними стоит что то более глубокое и тонкое, и конечно не все участники включены сознательно и добровольно... Солидарности такого типа появляются, когда в обществе обостряется моральный разрыв, когда отсутствует разделяемый большинством консенсус в отношении ключевых ценностей и смысла жизни, когда общественные отношения оказываются крайне напряженными. Насчет России – нечто похожее начиналось вокруг ситуации с выборами в Государственную Думу и затем – президента России... Насчет будущего – я лучше воздержусь от прогнозов, дело неблагоприятное. Наши исследования показывают, что определенное напряжение нарастает, и все может определиться каким то очередным, резким и жестким политическим решением... В последнее время законотворчество российских политиков явно ориентировано на крайние меры контроля, регулирования и управления общественной, и прежде всего, молодежной моралью, что, на мой взгляд, сможет в опреде-

ленный момент спровоцировать противостояние различных групп, причем не только в он, но и офф лайн.

Заканчиваю... Ваш сын пошел по социологическому пути? Театральному? Киношному? Или работает совсем в иной сфере?

Мой сын не пошел прямо по социологическому пути, однако то, чем он сейчас занимает самым прямым образом связано с социологией. Он снимает исследовательское кино, последний проект : «Что значит быть молодым в современной Европе» снят в рамках европейского проекта, в котором мы сейчас участвуем. Проект посвящен исторической памяти молодежи. К настоящему моменту готово уже три серии – об анархистах Санкт-Петербурга, об участниках движения «Наши» и об инициативе молодых активистов из Лиссабона, протестующих против безработицы высоко образованной, профессионально ориентированной молодежи. Скоро будет готов еще один фильм о националистической организации молодежи Бирмингема (Великобритания) ... К сожалению, пока не удастся найти какого то институционализированного пути для оформления такого направления исследований, хотя это очень перспективно – говорить с молодежью о разных молодых языком кино.

Раздел V. ИНТЕРВЬЮ С СОЦИОЛОГАМИ ПЯТОГО ПОКОЛЕНИЯ

Григорьева Л.И. – окончила исторический факультет Красноярского государственного педагогического института, доктор философских наук, заведующая кафедрой религиоведения исторического факультета этого университета. Основные области исследования: социология религии, нетрадиционные религии и культы, методология эмпирических социологических исследований.

Интервью состоялось в первой половине 2013 г.

**Григорьева Л.И.:
«В РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ
Я НИ ОТКУДА
НЕ ПРИХОДИЛА.
Я В НЕМ РОДИЛАСЬ,
СФОРМИРОВАЛАСЬ
И ВЫРОСЛА»***

С Людмилой Григорьевой меня заочно познакомила незадолго до своей трагической гибели профессор Юлия Синелина – социолог-религиовед [1]. Ее электронное послание от 3 февраля 2013 года было коротким и интригующим: «Борис, нашла для Вашего проекта по биографиям потрясающую кандидату. Людмила Ильинична Григорьева из Красноярскa – социолог религии, доктор наук, работает методом включенного наблюдения в НРД (новые религиозные движения). Она приезжала к нам на семинар РОС, просто потрясла меня – не жизнь, а приключенческий роман. Могу дать адрес эл. почты. Юлия». Не откладывая в «долгий ящик», я отправил Людмиле три первых

* Григорьева Л.И.: «В религиоведение я ни откуда не приходила. Я в нем родилась, сформировалась и выросла» (Интервью Б.З.Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 5. С. 2–12; № 6. С. 2–12.

вопроса и буквально через несколько дней получил от нее ответ, объемом почти в лист. Далее случилось то, чего я почти за десять лет интервьюирования социологов не разу не делал, я отправил лишь начатый текст «третьему человек». Им был А.Н. Алексеев – эксперт в области проведения различных по форме наблюдений, к тому же знающий методологию биографического анализа. Приведу лишь фрагмент реакции Алексеева: «Текст Л. Григорьевой производит очень сильное впечатление. Она, конечно, социолог-инсайдер, милостью Божьей, по каким бы иным научным ведомствам еще не числилась. ...Этакое тождество субъекта (познания) и объекта (в смысле Ухтомского). ...Сделано ею, действительно очень много (я посмотрел еще и в интернете). С ее талантами – не так диссертации, как романы писать. Кстати, слог и стиль – на очень высоком уровне».

К концу августа наша работа была завершена, – 150000 знаков. Я отправил текст интервью редактору «Телескопа» и спросил его, как быть, обычно публикуемые у нас интервью не превышают половину этого объема. Ответ Михаила Илле снял все проблемы с сокращением текста: «...прочитал не отрываясь интервью с Григорьевой. Потрясающе интересно. Предлагаю опубликовать полностью, с продолжением в 5 и 6 номерах...».

Людмила, похоже, вся Ваша жизнь связана с Красноярском: здесь родились, учились, работаете. История Ваших родителей тоже столь же плотно связана с этим городом. Вы – историк, на какую глубину Вы знаете прошлое Вашего рода?

История нашего рода известна в моей семье до пятого – седьмого колена. Самые старые фотографии в семейном альбоме датируются второй половиной девятнадцатого века...

А генеалогическое древо и мемуары, составленные моими родителями, хранят не только имена людей со старинных фотографий, но и истории их жизни, яркие подробности, бытовые зарисовки.. То, что я опишу ниже, будет лишь самое общее – история семьи, написанная «крупными мазками»..

Мои мама и папа родились на противоположных полюсах бывшей Российской Империи. Папа, Илья Львович Воеводин, в буржуазной Латвии, на территории бывшего Лютенского уезда Витебской губернии, тогда – Латгалии, а мама, Элионора Абрамовна Давыдова, во Владивостоке. Год рождения обоих 1932. Встретились и поженились они в сибирском городе Красноярске, когда им было по 25 лет. Через год родился сын – Алексей Ильич (ныне преуспевающий адвокат), а еще через четыре года – дочь, автор этих строк.

Мамина семья по линии ее матери восходит к польской фамилии Парсницких. Мой прадед Николай Тихонович (которого я немного помню), из мальчика на побегушках при лавочке, поднялся до купца второй гильдии и перед самой революцией купил во Владивостоке пароход. В советское время судьба уберегла его от расправы, он работал продавцом, торговым экспертом, отличался исключительной добросовестностью и трудолюбием, даже имел грамоты «отличника советской торговли». Его супруга, моя прабабушка Мария Константиновна, была домохозяйкой и растила единственную дочку Марианну, мою будущую бабушку. Марианна Николаевна, в возрасте девятнадцати лет познакомилась с симпатичным парнем – Васей Мясниковым, но на первое свидание пришел не он, а его брат – Виталий, который был тайно влюблен, но боялся подойти... Он – то и стал отцом моей мамочки.. Происходил он из дворянской семьи, отец его Федор Васильевич Мясников, родом из Санкт-Петербурга, до революции был довольно известным церковным регентом и православным композитором. Но революция забросила их на самую дальнюю окраину России и о своем дворянстве в те годы старались особо не вспоминать. Поженившись, Виталий Федорович и Марианна Николаевна жить стали вместе с родителями жены, фактически на их иждивении. Молодой муж работал фотографом во Владивостокской газете, сам почти мальчишка, он часто где-то пропадал, о семье заботиться толком не умел... Вместе прожили шесть лет, но отношения не заладились. Марианна Николаевна успела до замужества окончить техникум по специальности «переводчик» (немецкий и английский языки), но была вынуждена, чтобы поддержать семью материально, выучиться на бухгалтера и устроиться на работу во Владивостокский торговый порт. Там-то она и познакомилась с Абрамом Ароновичем Давыдовым, своим вторым мужем, который удочерил мою маму и дал ей свое отчество. Абрам Аронович делал все основательно, и когда в 2001 году мама отправила запрос во Владивостокский архив, то оказалось, что никаких документов, подтверждающих ее родство с Мясниковым Виталием Федоровичем, не обнаружилось. Ее родным отцом был записан Абрам Аронович. Он и правда любил ее как родную дочку, и годы, проведенные вместе, мама вспоминает как самые счастливые годы своего детства. Работал ее отчим начальником снабжения Владивостокского торгового порта и когда пришел 1937 год он узнал или почувствовал, что нужно срочно уходить от опасности. Следующие годы семья меняла места своего жительства каждые два-три года: Магадан, Колыма, Казахстан: сперва Джезказган, затем Каунрад... Там, в Казахстане, Абрам Аронович проработал

всю войну, там же заболел и скончался в 1946 году от туберкулеза. Во время войны моя мама оказалась вместе с дедушкой и бабушкой в оккупированном Ставрополе. Документы с еврейским отчеством и фамилией были сожжены бабушкой сразу, соседи не выдали, и маме посчастливилось не разделить судьбу евреев массово, уничтожаемых фашистами. После войны, когда семья воссоединилась, стало понятно, что привычка менять города и веси стала для них потребностью и переезды продолжались. Так и хочется вернуть модное словечко «номадизм» – тяга к перемещению навстречу новым впечатлениям. За десять школьных лет мамочка сменила восемь школ. И до сих пор она продолжает дружить со многими своими одноклассниками, всю жизнь переписываясь и перезваниваясь с ними, приезжая в гости через всю страну. И во всех школах мама училась только на хорошо и отлично. Все предметы давались ей одинаково легко. Поэтому после школы ей было трудно определиться с тем, где же учиться дальше. Она, гуманитарий по своей природе, выбрала популярное в те годы направление и поступила на радиотехнический факультет Томского Государственного университета. Закончила с дипломом инженера по радиоэлектронике и была распределена в Красноярск. Ее семья в те годы уже жила в Красноярске. И этот город оказался последним пунктом многолетних переездов.

Случилось это так: в 1947 году они оказались во Львове, где сразу получили большую квартиру, работу, неплохой достаток по меркам послевоенного времени. Казалось бы все замечательно, живи да радуйся... но как объясняла мама: «все было не родное, чужое, не свое». Пожив здесь год, семья решила вернуться в Россию, куда-нибудь за Урал. Сперва отправились на Алтай, жили в Бийске, в селе Воеводском, потом переехали в Томск. Прожив там пять лет, поняли, что это им надоело и нужно двигаться дальше. Куда именно решили просто: расстелили на столе карту страны, поразглядывали и, ткнув пальцем наугад, решили отправиться в Якутск. Туда и поехали на поезде всем кагалом. Попутчики, узнав, что они намерены жить в Якутске, стали объяснять им, что такое мороз минус шестьдесят, дикие просторы, и прочее. У всех, особенно у деда – Николая Тихоновича, стали появляться сомнения, туда ли они вообще едут. В Красноярске была долгая остановка – меняли локомотив, и семья отправилась погулять на привокзальную площадь. Посмотрели, обсудили и решили, что этот городок им всем нравится! Не долго думая, выгрузили свои пожитки на перрон, да и остались здесь навсегда. Это был 1956 год.

На следующий же день по газетному объявлению «требуется» Марианна Николаевна устроилась бухгалтером на первый

кирпичный завод. Сразу дали жилье в бараке. А в 1958 году, ей, уже главному бухгалтеру завода, выделили квартиру в трехэтажном кирпичном доме – с печкой для готовки, топившейся дровами, с холодной водой из единственного крана на кухне, но двумя отдельными комнатами. Шли годы, квартира изменялась, печку заменили на газовую, потом на электрическую, провели горячую воду, смонтировали душ, поставили телефон. В этой квартире я родилась и выросла, там родились мои сыновья, в ней и сегодня живут мои восьмидесятилетние папа и мама.

Род по отцовской линии – из крестьян Витебской губернии. Передо мной фотография, сделанная в 1933 году. На ней мой отец, годовалый Илюша, на руках у своего деда, а вокруг родственники, взрослые и дети.. Всех тридцать девять человек. Большая счастливая семья.. Сегодня в живых из них осталось трое. После освобождения из крепостной зависимости папин прадед Иван Федотович, получив небольшой надел земли, немного приторговывал, успешно ведя свои дела. Его сын Алексей, продолжая крестьянствовать, организовал такую прибыльную торговлю льном с питерскими фабриками, что в итоге сумел купить небольшое поместье Пылда. Он с любовью занимался сельским хозяйством, разбил большой фруктовый сад, выращивал лошадей, разводил племенных коров, птицу. Жили не бедно. Все доходы мой прадед вкладывал в покупку земли для сыновей. Алексей Иванович был дважды женат, и детей у него было одиннадцать человек, пять сыновей и три дочери от первой жены, два сына и дочь – от второй. Всем сыновьям прадед сумел дать образование не ниже гимназического, а трое получили высшее образование в московских институтах. Мой дедушка по отцу – Лев Алексеевич был сыном второй жены прадеда, Екатерины Семеновны, в первом браке – Акашевой. Ее сын от первого брака, единокровный брат моего деда – Константин Акашев – первый Нарком советской авиации, легендарный соратник Ленина, расстрелянный в 1931 году. Революция и гражданская война раскололи братьев – большая часть примкнула к белой армии и сражалась против советской власти. Трое погибли, одного – Василия Алексеевича схватили сразу, как только Советские войска в 1940 году вошли в буржуазную Латвию. Найденные нашей семьей в последние десятилетия архивные документы, недоступные в советское время, рассказали о его страшной участи: пытки, Сибирь, расстрел. Мой дед, Лев Алексеевич был еще подростком в те суровые годы и его война не коснулась. Он успел окончить классическую гимназию и два года проучился на Высших агротехнических курсах в Митаве (сей-

час Елгава). Получив свой надел земли, построил дом, женился на любимой девушке, родил сына и дочку. Работали все не покладая рук. Мой отец, Илья начал свою трудовую биографию летом 1939 года в неполные семь лет. Его будили в шесть утра, поили чаем и отправляли пасти скот. Дед пахал землю, бабушка доила коров, вела дом. Наемных работников у них не было, все делали сами. Бабушка рассказывала мне, что на плечах не сходили мозоли от коромысел. При этом она имела гимназическое образование, говорила на трех языках, играла на фортепиано и гитаре, лечила окрестных крестьян, обращавшихся к ней в случае необходимости. Бабушка моя – Эмилия Александровна, в девичестве Мутянко, происходила по своему отцу из обедневшего шляхетского рода. В паспорте ее, в пятой графе, и в советское время было указано «полька». Ее отец Александр Францевич женился на ее матери Франциске – простой польской крестьянке, обвенчавшись с ней, когда уже прижили совместно троих детей. Ксендз его застыдил. Бабушке моей, чтобы обвенчаться, пришлось перейти в православие. Ее польская родня охладела к ней на многие годы. Но до самой смерти бабушка моя молилась по католическому молитвеннику на польском языке, отпеть себя завещала по католическому же обряду.

Беда грянула, как и для многих семей в Латвии, четырнадцатого июня сорок первого года. Ночью за ними пришли. Взяли всех – час на сборы, по телегам и на станцию. Мужчин грузили в одни вагоны, женщин с детьми – в другие. Ни обвинения, ни суда, ни следствия. За что? Они считались защиточными, то есть кулаками, да еще братья в белой армии воевали. Значит – враги народа. Деда бросили в Ураллаг, без права переписки, где он погиб в 1942 году, и был ему сорок один год. Бабушке моей только исполнилось тридцать, сыну Илье – девять лет, младшей сестренке Ольге – семь. Их повезли в Сибирь, в ссылку, везли долго – больше месяца, ведь теперь было не до них – двадцать второго июня началась война. От давки, жары, голода и грязи люди слабели, начались инфекции. В конце пути Эмилия Александровна заболела дизентерией в тяжелой форме и ее забрали в больницу. Детей раздали по людям. Люди их и спасли. Привезли их тогда в большое сибирское село Тасеево. Бабушка моя со слезами на глазах и папа всю жизнь вспоминали и рассказывали о том, как сибиряки несли ссыльным еду, одежду, помогали кто чем мог, делились последним. Как-то местные не боялись видеть в ссыльных просто несчастных людей, может быть этим Сибирь и отличается – большей человечностью и искренностью. «Дальше Сибири не сошлют» – в каждой шутке есть доля шут-

ки. Дома друг для друга всегда открыты, в гости ходили просто так, без приглашения. Это и сегодня так в сибирских деревнях и в городах, особенно северных, у тех, кто остался сибиряком по духу, а не по географической локализации.

Забегая вперед, не могу не упомянуть о том, как мне влетело, когда я, приехав в гости к бабушке и тетке, в Латвию в возрасте шести лет, тут же познакомилась с детьми во дворе и отправилась, как водится, к кому-то из них в гости. Потом бабушка и тетя меня очень ругали и стыдили, а я никак не могла понять – за что? Ведь совесть моя была чиста – ну абсолютно ничего плохого я не делала! Оказалось, что в Латвии не принято вот просто так с улицы к кому-то в дом заходить, невозможно, недопустимо. Меня это просто поразило тогда. В нашей семье гости не переводились все семь дней в неделю.

Но вернемся к истории моего отца. Бабушка выписалась из больницы сильно ослабевшей, однако сразу же пошла работать в колхоз – жить было не на что.. Убрали урожай, пришла зима и ее приписали к в леспромхозу. Работа ее считалась не самой трудной: вместе с другими ссыльными они всю зиму ручную распиливали, а затем кололи и складывала дрова. Папа мой в школу пойти в ту зиму не смог – не в чем было, сидел дома и запоем читал. Напротив жила семья секретаря райкома, ушедшего на фронт, у них была прекрасная библиотека, и можно было брать книжки. К весне немного освоились, посадили картошку, но...

В июне снова по вагонам, красноярская пристань и – на крайний Север. До Туруханска сплавляли на пароходе, а там пересаживали на баржи и вниз – до Туры. Люди на баржах плакали и молились – думали, что везут топить вместе с малыми детьми. Но все обошлось сравнительно благополучно, семья отца повезло – они жили в самом поселке. Тех, кому повезло меньше, высадили прямо на высоком берегу Енисея в тайге. Выжить удалось не многим. Бабушку отправили работать на лесоповал, дети пошли осенью в школу. Но теперь уже десятилетнему Илье пришлось стать старшим мужчиной в семье: ходить в тайгу за дровами, за ягодой. Он научился ловить рыбу, что в эти голодные военные годы очень поддержало семью. А в двенадцать лет Ильа стал кормильцем: создал бригаду из таких же пацанов и они стали подрабатывать, разгружая баржи на причале. За день работы мальчишкам давали булку хлеба. Так и жили до 1946 года. Потом начались послабления: разрешили переехать в Красноярск. Бабушка устроилась работать на почту и жить стало легче. А в 1947 пришло разрешение детям вернуться на Родину, в Латвию. Младшую сестру забрали родственники, их осталось не так много, а Ильа попал

в детский дом. Учился на одни пятерки, одноклассниками стали мальчишки, осиротевшие в войну, выжившие в фашистских концлагерях. Со многими из них отец дружил всю оставшуюся жизнь. В сорок восьмом, по окончании семи классов, переведен в ремесленное училище. В 1950 – радист первого класса и распределение в Тувинскую республику. Два года в Туве радист Илья Воеводин работал с метеослужбами, с аэропортами, одновременно заканчивая восьмилетку в школе рабочей молодежи. В двадцать лет призван в армию. Три года службы в Баку в специальном подразделении радистов. Там же началось увлечение спортом – различные виды борьбы, боевое самбо. В пятьдесят шестом вернулся в Красноярск к маме и сестре, которая блестяще закончила медицинский институт (а позднее станет Заслуженным медицинским работником Латвийской ССР).

Но что интересно: несмотря на все репрессии и трудности, отец мой формировался как пламенный советский патриот. Видимо атмосфера тех лет, военное лихолетье, которое сплачивало, единство судьбы, дружбы и взаимопомощи людей, с которыми вырастал, вера в торжество коммунистических идеалов, все это привело моего отца, к активной общественной деятельности. Вернувшись в Красноярск, поступив работать радистом в Гидрометеослужбу, заканчивая десятилетку, он стал зачинателем и основателем Комсомольских активных отрядов по борьбе с хулиганством (КАО). Боевые комсомольские группы ребят гоняли пьяниц, дебоширов и мелких воришек, помогая милиции делать город чистым и безопасным. В эти же годы отец случайно узнал, что место захоронения погибших от ран солдат из военных госпиталей превращено в мусорную свалку и заброшено. Он поднял на ноги весь комсомольский актив. Сейчас на этом месте Площадь Победы и городской Мемориал, где золотыми буквами на камне восстановленные по архивным документам имена погибших воинов. Писал в местные газеты, столкнувшись с любой несправедливостью.

Вскоре его взяли на работу в горком комсомола инструктором. Для сына «врага народа» почти нереальное событие. Но папа был настоящим комсомольским вожаком. В возрасте двадцати пяти лет Илья поступает на историко-филологический факультет Красноярского педагогического института. Он признавался мне, что поступал убежденным филологом, а закончил вуз убежденным историком. В этом же, 1957 году они встретились и поженились с моей мамой. Знакомы до свадьбы они были фактически пять дней. В воскресенье они оказались вместе со всеми комсомольскими активистами на вокзале, где приветствовали проходящий поезд с китайскими коммунист-

тическими соратниками, и оттуда отец отправился провожать маму до дома. В понедельник папа назначил ей свидание, но перепутал место и встретились с мамой только во вторник. В среду папа заявил, что: «Мы теперь будем самыми лучшими друзьями навсегда», на что мама ответила: «Илюша, может быть нам лучше пожениться?». Папа сказал: «Ну да! Конечно! Как это я сам не догадался!» Весь четверг он раскапывал свой паспорт в кипах книг и бумаг на рабочем столе. В пятницу они с мамой оказались на очередной комсомольской тусовке, где радостно сообщили своим товарищам о принятом решении. Те живо откликнулись: «А чего ждать-то! Давайте сегодня все и организуем!» На робкие возражения Ильи, что хорошие ботинки в ремонте, никто не отреагировал. Их отправили на горкомовской машине в ЗАГС, а в это время вскладчину накрыли большие столы. На маме было летнее зеленое платье, папа в рабочем костюме, свадьба была очень веселой! Родителей своих они оповестили на следующий день о том, что появилась еще одна молодая комсомольская семья. В нынешнем 2013 году, 23 августа исполнилось 55 лет их семейной жизни. Двое детей, шесть внуков, трое правнуков.

Да, при такой семейной истории высока вероятность стать историком, повлияла ли семья на Ваш профессиональный выбор? Или мощнее действовали иные обстоятельства, факторы?

Я не историк. В свою основную специальность, в которой пребываю уже двадцать лет – социологию религии, я пришла из религиоведения. А вот в религиоведение я ни откуда не приходила. Я в нем родилась, сформировалась и выросла. Если меня спрашивают, когда я впервые соприкоснулась со своей темой – исследованием религиозных сообществ – честно отвечаю: «Года примерно в три-четыре, как только стала что-то понимать». Моей первой любимой книжкой с картинками была здоровенная «Библия в картинах (гравюрах)» Гюстава Доре. Папа или мама охотно объясняли мне, что означают эти таинственные роскошные иллюстрации к неведомой мне книге и о каких событиях здесь повествуется. Вечерами у себя дома я регулярно присутствовала на многочасовых диспутах, где за чашкой чая с домашним вареньем отец полемизировал со своими гостями о вере и религии, философии и будущем человечества. Гости были разные: баптисты, православные, пятидесятники, старообрядцы, журналисты и преподаватели, знакомые и друзья, идейные противники и боевые соратники. Папа, блестяще владея библейскими текстами, цитируя классиков марксизма и используя философскую аргументацию,

доказывал правоту коммунистических идеалов и принципов. Он, искренне убежденный в своей правоте, горел одним высоким желанием: вызволить несчастных из тенет заблуждения, мракобесия и суеверия. Спасти хороших людей для общества и будущей светлой жизни.

Эта тема пришла в жизнь моего отца, совершенно неожиданно и при этом для него вполне типично. Папа всегда кого-нибудь спасал. В нашей квартирке время от времени появлялись то пьяница, который свалился и уснул на морозе, и которого отец подобрал и притащил к нам ночевать, то какие-нибудь бедные люди, которым нужно было где-то пожить, чтобы решить проблемы с жильем и работой, то несчастный подросток, который сбежал из дому, и которого нужно было накормить и пристроить. И папа активно включался в решение их проблем. Мамочка моя относилась к этому с полным пониманием.

Однажды, по городскому радио отец услышал необычный для того времени репортаж о девушке, которую выгнали с работы и исключили из института за то, что она была верующей – баптисткой. Возмущенный такой несправедливостью, отец дозвонился на радио, выяснил, где живет эта несчастная и отправился ее спасать. Ему удалось восстановить ее на работе и в институте, но то, что Октябрина (так звали девушку) попала «в лапы сектантов» не давало ему покоя. Год это был примерно шестидесятый. Забегая вперед, замечу, что и сегодня старенькая тетя Октябрина продолжает дружить с моими родителями и стала для нашей семьи почти родным человеком. Но баптисткой так и осталась. Вот эта история и столкнула Илью Львовича впервые с теми группами верующих, которые казались в советские социалистические времена экзотикой и атавизмом темного прошлого.

Протестантов в России и до и после революции и даже сегодня народ, как правило, вне зависимости от своего уровня образования и социального статуса, величает «сектантами». Для моего отца знакомство с этой реальностью было совершенным открытием. Литературы о протестантизме в библиотеке, куда папа отправился за информацией, не было практически никакой. И он решил сам все исследовать и разобраться в этом вопросе. Сегодня мы сказали бы «методом открытого включенного наблюдения», «глубинного неформализованного интервью» и так далее. А тогда это была просто жизнь, просто вера, просто желание вернуть людей в общество, для которого они были «сектантами» или даже «страшными сектантами». Он боролся с явлением, но искренне сочувствовал этим людям, дружил со многими из них. Он приходил к ним на молит-

венные собрания, знакомился, звал к себе в гости. Нередко после домашних диспутов, провожая своих гостей, родители передавали с ними сумки и пакеты с вещами для немущих, зная, что там это все раздадут нуждающимся. Но не все было так лирично. Противостояние в самой сложной и значимой для людей сфере порой выливалось в неожиданно жесткие ситуации. Например, мой старший брат лет с трех стал очень сильно заикаться, едва не погиб. Зимой, переходя около нашего дома замерзшую речку вместе с сынишкой, отец столкнулся с одной знакомой пятидесятницей. И, конечно сразу начал с ней спорить, а сынишка бегал рядом по льду. Вдруг отец заметил, что собеседница, продолжая спорить, слегка изменилась в лице. Он резко обернулся и увидел, что малыш подбегает к глубокой полынье. В два прыжка папа оказался рядом с сыном, успел схватить его, высоко подняв над головой, и провалился под лед по грудь. Проходившие люди помогли им выбраться. А убежавшая пятидесятница, похоже, была разочарована, ведь она, судя по реакции, с замиранием ждала «божьей кары», которая могла бы стать супер аргументом в этой полемике. Такая вот «христианская любовь» к маленькому ребенку. Уже став взрослым, Алексей усилием воли смог полностью избавиться от заикания.

Работая над диссертацией о социальной природе баптизма, отец становится лектором «Общества «Знание» и выступает в различных аудиториях. Лектором он был и остался прекрасным: с хорошо поставленной речью, эрудированным, с тонким юмором. А самое главное – искренним и убежденным в своей высокой миссии. Я, папина любимица, уже лет, наверное, с пяти – шести была привлечена им к участию в этих лекциях. По окончании папиного выступления меня ставили на стул, и я выразительно и звонко читала стихотворение Эдуарда Багрицкого «Смерть пионерки». Килограммы бумаги с материалами так и не защищенной папиной диссертации все еще хранятся в семейных архивах. В те годы написать и защитить кандидатскую диссертацию было чрезвычайно сложно. Когда Илья Львович в 1967 году завершил работу над своим исследованием, рецензент задал ему только один вопрос. «Что это Вы тут баптистов защищать решили?» То, что в западной социологии религии уже в те годы было общим местом – функциональные особенности баптистских церквей характеризовали как «добровольные сообщества взаимного социального страхования», в нашей стране воспринималось как их апологетика и едва ли не антисоветская пропаганда. В общем, отцу порекомендовали все переделать и написать нормальный советский обличительно-разоблачительный опус. Чего он делать не стал из принци-

па. Ни трехкратное увеличение зарплаты, ни квартирные или иные бонусы за написание «нужного текста» отца не интересовали. Он предпочел остаться верным себе и своим взглядам. Так и не защитился, и публиковаться в научных сборниках не стал. При этом он продолжал заниматься своей работой, своими верующими. Постепенно дома большущий книжный стеллаж до потолка заполнился философской, атеистической и религиозно-атеистической литературой. Отец отслеживал все новое и интересное и, часто бывая в командировках, в том числе в Москве и других крупных городах на конференциях и семинарах по научному атеизму, привозил свежую литературу по своей теме. Журнал «Наука и религия» был выписан им с первого изданного номера и продолжал выписываться все годы вплоть до начала девяностых.

И не только. Как и во многих семьях выписывали много чего: четыре-пять газет, без которых своего существования не представляли. Из журналов: «Наука и жизнь», «Знание – Сила», «Юный техник», «Человек и закон» и конечно, любимейший «Вокруг света». Журналы хранили и перечитывали. В моем детстве телевизора у нас не было. Принципиально. Замечу, нет его у меня и сегодня. Новости и все остальное слушали по радио, там было много хорошей музыки, интересных передач, любимый «Театр у микрофона». Вообще приоритеты в нашей семье были совершенно определенные и в этом мои родители были абсолютно солидарны. Книжки, грампластинки, поездки и путешествия, кино и театр, подарки – то, на что тратить деньги и жизнь считалось правильно и позитивно. Поэтому на всем остальном экономили. Точнее, не придавали этой второй стороне жизни – быту во всех его ипостасях – никакого особенного значения. Одежду и обувь я все детство донашивала чью-то. Тогда считалось нормальным, что знакомые и друзья, у которых были дети близкие по возрасту, отдавали еще годные к носке вещи друг другу. Питались мы очень скромно: папа, принимая толпы гостей, любил гордо приговаривать: в нашем доме всегда есть картошка! Мы ее сажали и копали. Лес тогда еще кормил грибами и ягодами, капусту солили в большой бочке, объединяясь с друзьями, у которых в квартире был балкон для ее заморозки. Мясо появлялось редко, чаще минтай, обычные яйца были «дефицитом» и воспринимались мной как изысканный деликатес. Конфеты по праздникам. Слово «фрукты» ассоциировалось только с яблоками. Зато у нас был свой (бабушкин) загородный участок с домиком – «сад», где росла малина и смородина, ранетка и клубника. Варенья наваривали столько, что на всю зиму хватало! Мебель в квартире почти вся – списанные конторские

столы и стулья с драными зелеными сиденьями, самодельные табуретки и полки, но это было нормально!

Хотя на мое профессиональное становление, безусловно, повлиял мой отец, но воспитывала нас все же больше мама. Когда я думаю о маме, сами собой приходят строчки: «в Тебе все – музыка и свет...». Именно мамочка формировала домашнюю библиотеку детской и классической литературы, коллекции поэтических сборников, альбомов по живописи, грампластинок с операми, опереттой, классической музыкой, хорошей эстрадой, детских – со сказками, песнями и стихами, – она этим жила, как дышала. Она пела нам перед сном колыбельные на музыку Шопена и Моцарта, а когда мы подросли, каждый вечер мама садилась около наших кроваток и по часу читала замечательные книжки. Изю дня в день. Из года в год. Забирая меня из детского сада, по дороге домой мама разучивала со мной стихотворения Жуковского и Фета, Есенина и Лермонтова. Помню, когда мы пришли в первый класс на первый урок, учительница предложила нам прочитать любимое стихотворение. Я, конечно, вызвалась и увлеченно начала декламировать многостраничное произведение Пушкина «Женитьба»: «Три дня купеческая дочь, Наташа пропадала, на третий день она во двор без памяти вбежала...» На десятой примерно минуте учительница взмолилась: «Хватит, Людочка, потом расскажешь».

Мама водила нас в театры и на концерты, мастерила карнавальные костюмы для праздников и учила играть в разные интересные игры. Домашние детские праздники, которые начинались утром с сюрпризов – подарков, любовно приготовленных, а заканчивались играми, конкурсами и веселыми соревнованиями с приглашенными ребятами, всегда организовывала мама. Она, инженер по образованию, для души тоже стала лектором «Общества «Знание». Но лекции она читала по истории русской и зарубежной живописи. Дома для друзей проводила поэтические и музыкальные вечера, чудесно рисовала, а фотографиями они увлекались вместе с папой.

Но все же, гораздо больше времени мы с братом проводили без родителей, предоставленные сами себе. Мама работала на заводе шесть дней в неделю с восьми до пяти, папа преподавал, часто уезжал в командировки. Поэтому с моих шести лет и все школьные годы полдня, а иногда и больше оставалось в нашем собственном распоряжении. И мы распоряжались, как хотели! Знали бы наши родители, чем мы занимались... Мы путешествовали! Наш рабочий район на окраине города окружали пологие травяные холмы с перелесками, около дома протекала речушка, в которой тогда еще можно было купаться

и даже ловить пескарей. Рядом находился кирпичный завод, по которому разрешалось беспрепятственно разгуливать, заходя во все цеха, наблюдая, как формуют и обжигают кирпичи и даже бесплатно пить газированную воду из автоматов в горячем цехе. Облазив все ближайшие окрестности, мы решили расширить территорию освоения и стали обследовать город, добираясь «зайцами» на автобусах и трамваях до самых дальних поселков на противоположной стороне Енисея. Гуляли по незнакомым улицам, заглядывали во все переулки и закоулки.. Скучно нам не было!

Но в том же возрасте возникла еще одна пламенная страсть, которая стала для меня главной и определяющей. Самым большим наслаждением оказалось чтение. Читать я научилась как-то незаметно в возрасте пяти лет, перечитала все детские книжки дома и уже в первом классе прорвалась в школьную библиотеку. Меня не хотели записывать, объясняя, что приличный первоклассник должен сперва освоить алфавит. Пришлось продемонстрировать свои умения и цель была достигнута. Потом вторая библиотека, третья. В четвертом-седьмом классах их одновременно было уже пять. Сразу после школы я брала авоську с прочитанными накануне книжками, бежала в одну из библиотек и, вернувшись с новой охапкой, читала запоем до позднего вечера. Родителей это даже тревожило: «Забьется в самый темный угол и читает, читает! Лучше бы погулять сходилa.» Чем старше я становилась, тем больше чтения находилось для меня и в домашней взрослой части нашей библиотеки. Собрания сочинений Гоголя и Куприна, Льва Толстого и Пушкина, Горького и Паустовского... Лет примерно в одиннадцать я стала добираться и до папиного стеллажа. Перечитала все завалы периодики, научно – популярную, историческую и этнографическую литературу по религиоведению. У папы, с которым я обсуждала прочитанное, в те годы появился новый приемчик воспитания студентов-заочников. Иногда он стал брать меня к себе работу во время сессии. И когда бедные дяди-тети не могли ничего рассказать, папа выставлял меня вперед и командовал: «Бери билет и отвечай!» Я отвечала. Как правило, особого труда это не составляло, что-нибудь на заданную тему в памяти всегда обнаруживалось.

На лето родители старались нас куда-нибудь отправить из города. Многие годы я проводила в пионерских лагерях все три сезона. И даже полюбила эти поездки. Там нами не очень много занимались, и в свободное время можно было удрать из лагеря через дырку в заборе в лес и гулять, где хочется, находить для себя в зеленых зарослях уютные местечки, прятаться там, думать, мечтать, фантазировать. Только во Всероссийс-

ком пионерском лагере «Орленок», куда меня отправили от кружка юнкоров, такой возможности не оказалось. Там с утра до вечера мы были в отряде, все время чем-то загруженные и места для спасительного одиночества не оставалось совсем. Но мне повезло. Я попала в съемочную группу кинодокументалистов режиссера Тофика Шахвердиева, снимавшего фильм о счастливых советских детях. Свободу попугаям!! Я убежала из отряда к ним сразу после завтрака, и на целый день спасалась от коллективных маршрутировок и муштровок.

Со сверстниками отношения всегда, всю жизнь складывались приблизительно одинаково. С одной стороны, в нашем рабочем районе мою семью воспринимали как что-то ненормальное и непонятное. Расхристанный быт, толпы народа, странный образ жизни. Еще нас, как я узнала позднее, почти все считали евреями. И имена родителей к этому располагали. И, вероятно то, что понятие «еврей» и «интеллигент» наш народ воспринимает как синонимы, но относится ко всему этому с некоторым специфическим напряжением. С другой стороны, в этом отношении было некое уважение и признание ценности такой культуры. Если кому-то нужна была книжка или консультация, например, по литературе или истории, шли не в библиотеку, а к нам. Понятно, что ребята нашего двора, мои одноклассники, в целом относившиеся ко мне нормально, все же воспринимали меня как «белую ворону». И что странно: я всегда была очень коммуникабельна, и в пионерских лагерях, и в школе, потом в институте меня часто выбирали командиром отряда, членом совета дружины, комитета комсомола, но при этом мне всегда давали понять и почувствовать свою «инаковость».

В итоге, став старше, я находила свою «стаю», где были такие же «странные» люди, и с ними мне было хорошо. В школьные годы это были дети друзей моих родителей, в юности – ребята из КСП – клуба самостоятельной (авторской) песни и «столбисты» – скалолазы и альпинисты, строившие свои спортивные избушки в заповеднике «Столбы». Говоря социологическим языком, это и были первые мне известные локальные маргинальные сообщества со своим сленгом, формой, стилем общения, жизни и понятно, со своей специфической атмосферой. Особая система ценностей, своеобразная субкультура «столбистов» была эпатажной, игровой (в смысле Хейзинги). И контрадикцией, делающей все это предельно живым и настоящим, была смерть. Многие гибли на скалах. Лазить (ходить по скалам) настоящий столбист должен был без страховки. В любое время года, на ходах любой сложности.

Как проходили Ваши школьные годы? Оглядываясь в прошлое, какие события влияли на Вас как представителя конкретной возрастной когорты? Как Вы думаете, есть ли и в чем они заключаются различия в обстоятельствах ранней социализации (детство, школьные годы) между теми, кто жил в крупных европейских городах, и теми, кто рос «далеко от Москвы»?

В том, что я выросла далеко от столиц, были и свои сильные стороны, и наоборот. В Сибири тогда присутствовала атмосфера особой романтики: строились крупнейшие в мире ГЭС, огромные предприятия, здесь разрабатывались космические программы, образовывались новые научные сообщества, много талантливой молодежи приезжало со всей страны. А вокруг – потрясающе красивая природа: голубая, бескрайняя, волнами сопок уходящая за горизонт тайга, могучие скалы над величественным Енисеем. Было чувство свободы, простора какой-то необъятной мощи и радости.

Чего мы не получили – естественного понимания необходимости иностранных языков. Город наш был «режимный», то есть закрытый, иностранцев дальше Урала на восток не пускали. Да и литература на иностранных языках в условиях цензуры была недоступна в принципе. Поэтому, хотя немецкий, который был в учебной программе, мне нравился (в юности даже стихи немножко на нем писала), но в целом отношение было такое: «для чего в стране советской нужен нам язык немецкий?», как и английский. А «китайская грамота» – сегодня актуальное и престижное направление обучения, – тогда была синонимом чего-то непонятного и ненужного. Отсюда – исходная одноязыкость, что, увы, не радует.. В остальном же мы не чувствовали своей обделенности. Тем более, что поездки с родителями в Москву, в Ригу, в Ленинград где были родственники с обеих сторон, случались регулярно. И все самое интересное и стоящее нам показывали и рассказывали.

Люда, многое из рассказанного Вами меняет мой почти типовой план проведения интервью. Обычно я долго пытаю моих собеседников о том, что привело их в – в широком плане – социологию. Похоже, если бы, допустим, Вы не стали социологом религии, то не я, а кто-либо другой, должен был бы спросить «Как же это Вы не стали социологом религии»? И все же, каким был Ваш путь в религиоведение как профессию и затем в социологию религии?

Дальше напрашивается предсказуемая цепочка последовательных шагов: красный диплом – аспирантура – папина тематика – диссертация. Именно так на последних курсах

института считали и многие из моих однокурсников. Меня больно задевали и страшно злили реплики типа: «Ну Воеводина-то в школу работать не пойдет! Она ведь у нас умная...» В аспирантуру я отказалась идти наотрез. Хотя еще с четвертого курса были предложения и на отечественную историю, и на педагогику с психологией. Я собиралась ехать по распределению – куда пошлют. Но под самое окончание института нечаянно нагрянула любовь и свидетельство о браке я получила лишь на месяц раньше диплома. Поэтому и пришлось задержаться в городе – муж заканчивал медицинский институт. В специальности выбрала что поинтереснее: пошла работать в школу – интернат для сирот и детей из проблемных семей. Преподавала историю и обществоведение. Все классы – по одному, параллелей не было, и в каждом классе – от тридцати до сорока пяти детей. Кто работал в школе, тот поймет – совладать с такой оравой, даже на уровне элементарной управляемости, – уже хорошо. Но у меня получалось. И еще был принцип: если я требую, чтобы они отвечали мне урок без подглядывания в тетрадку, то и сама должна все выдавать без конспектов и прочих «шпаргалок» по памяти. Каждый день приходилось готовить по четыре – пять уроков. Выматывалась страшно. Вечерами от усталости и напряжения просто редела. В это время мы уже ждали первенца. Сын родился в конце марта, через год с небольшим у него появился младший братишка. Ко времени выхода из декрета муж получил диплом и мы, как многие молодые семьи, решили начать самостоятельную взрослую жизнь. Распределение было получено в Тувинскую автономную республику, в самую глушь – Тандынский район, поселок Сой, противотуберкулезный санаторий, где требовался фтизиатр – заведующий отделением. Крайний юг Тувы, сто километров от Монголии. Поправляли здоровье в санатории бывшие зеки из числа здешней титульной нации и дети, которым параллельно приходилось вылечивать чесотку, глисты и педикулез. Работа нашлась и для меня. В пяти километрах находилось большое село Балгазын. Здесь была школа десятилетка и не хватало историка. Правда, директор школы Арсен Гурамович Бокучава, тоже был историком, но по – грузински ему говорить было значительно легче, чем по-русски и он с удовольствием предал мне всю нагрузку. Ее набралось аж две ставки – по шесть уроков шесть дней в неделю. Классы, кроме одного были русскоговорящими. А вот четвертый «а», тувинский, сразу хором заявил, устами единственного «толмача», что по-русски они ну никак... На уроке я рассказывала им тему через переводчика, а он, стоя рядом повторал классу по-тувински. Но еще интереснее было спрашивать. Что там отвечал мне

вызванный к доске – бог весть, но хитрый маленький толмач всегда рассказывал то, что требовалось. Спас меня Арсен Гурамович, который, видя мои муки, забрал этот класс себе.

Деревня приготовила нам много сюрпризов. Я наивно полагала, что молоко, мясо, да и все другие продукты мы будем покупать у местных. Но не тот – то было. Мясо и молоко все сдавали в совхоз за комбикорм для скота, овощи здесь на скудной земле росли плохо, и найти продавцов оказалось почти невозможно. В сельпо только хлеб, консервы, тушенка. Ни молочных продуктов, ни свежих мясных, ни овощей, ни фруктов... зато шоколадные конфеты всех сортов. Продавцы резонно объясняли: «Зачем же мы в деревню продукты повезем? У всех свое». Так что первую зиму с едой у нас было сложновато.

Зима пришла с новыми проблемами: в нашем только что отстроенном бетонном доме температура держалась не выше пятнадцати градусов. За стенами всю зиму от минус сорока и ниже. Сырость в квартире стояла такая, что на потолке собирался куржак, плавно переходивший в сосульки и серую плесень. Ходили в валенках, спали только что не в шапках. Чуть теплые батареи местного центрального отопления, вода в кране холодная, в баню ходили к соседям напротив. Сынишки, которым было два и три года, начали простужаться и болеть. А вокруг туберкулезная палочка. Бесконечное лечение в таком доме толку не давало и к весне, когда бесконечный кашель детей стал переходить в явную хронику, муж сказал: «Похоже, придется назначить им тубазид». Это такое лекарство, которое вместе с туберкулезной палочкой заодно убивает в организме много чего еще. Я сказала: «Нет. Вылечу их сама». В мае, как только полезла трава, мы купили корову, куриц, завели трех поросят. Парное молоко, еще теплые яички из-под курочки, через людей раздобыли медвежий жир, варили пихтовые отвары. За лето утеплили дом, сделали собственную печку. Больше дети мои не болели. Такая вот социология... Я доила корову, кормила поросят и курят, вручную перестирывала горы белья. Есть что вспомнить.

Очень боялась потерять интеллектуальную форму, поэтому количество подписных изданий увеличилось в два раза, «толстые журналы»: история, философия, публицистика. Перед отъездом я познакомилась с ТРИЗом (теория решения изобретательских задач Алтшуллера) и летала из Тувы на тризовские семинары в Норильск.

Так бы мы и остались в деревне, но грянули страшные события. В Туве в конце восьмидесятых началась мощная антирусская кампания. Я тогда уже входила в состав каких-то

комиссий, пытавшихся совладать с разворачивающейся агрессией. В соседних деревнях бутылки с зажигательной смесью летели ночью в окна русских жителей, дома полыхали, людям угрожали расправой, участились нападения. На семинарах в Кызыле нам докладывали, что республика занимает первое место по количеству убийств в России. Никогда не забуду, как в учительскую зашли начальники из райцентра и сказали, что сегодня ночью желательно принять меры безопасности. Я, подняв голову от тетрадок, спросила просто: «Это значит, что нас сегодня местные придут резать?» Они смутились, но ответили честно: «Возможно, что и так». Муж был в отъезде, и мне никогда не забыть, и никакими словами не выразить то, что мы пережили. Как мы, несколько русских семей, набившись в один домик, с маленькими ребятишками и двумя мужчинами со смешными берданками, до самого утра не сомкнули глаз, ожидая расправы... Начался исход русских из Тувы. Первыми уезжали учителя, врачи, специалисты. Стало понятно, что даже если мы и останемся, то детям нашим учиться и лечиться будет нигде и не у кого. Пришлось возвращаться в Красноярск.

Этот опыт очень пригодился мне впоследствии, когда я стала заниматься исследованием новых религиозных движений. «Виссарионовцы» и неоязычники, «Анастасиевцы» и различные дауншифтеры с оккультно – мистической подкладкой, антиурбанисты разных мастей были понятны мне со своими исходными пасторальными иллюзиями и прогнозируемыми последствиями суровых деревенских реалий.

Когда мы в девяностом году вернулись в Красноярск, и я снова устроилась в школу. Перестройка бушевала уже во всех сферах жизни, включая религиозную. И вот тут мне стало интересно. Стадионы ломились от страждущих «христианского харизматического пробуждения и исцеления», где слепые прозреют и хромы пойдут. Куда ни повернись – экстрасенсы всех сортов, гуру и ясновидящие. Ну и конечно разноцветные кришнаиты, танцующие и распевające «харе кришна» прямо в центре города. Конечно, не заняться этой темой для меня было просто невозможно. Я сразу как-то решила, что именно кришнаиты станут объектом моего исследования, поскольку для нашей страны это явление на тот момент было принципиально новым и, как мне казалось, малоизученным. Следующие два года я регулярно посещала вайшнавские киртаны, перезнакомилась со всеми, но включиться в культовое действо не решалась. В те годы я руководствовалась почерпнутыми ранее книжными представлениями о специальных формах психологического воздействия, «вовлечения» в «секты» и опасая-

лась слишком глубокого вхождения в группу. Сами вайшнавы к моему постоянному присутствию и пассивному наблюдению за ними относились вполне добродушно. Так же спокойно они восприняли и то, что через время я стала приводить сюда группы студентов, которым начала читать разрабатываемый курс по новым религиозным движениям. Литературы было крайне мало, но вот живого иллюстративного материала – сколько угодно. С первых дней знакомства с новыми религиозными движениями, мне было совершенно ясно, что мой интерес к теме – не праздное любопытство. А начало перспективного научного исследования. С первых посещений этих групп я начала вести дневники, куда заносились результаты наблюдений, начинающиеся с количественных характеристик группы и фиксирующие все, что казалось мне хоть в какой-то степени интересным. На моих полках появились первые папки с материалами, имеющими хотя бы малейшее отношение к теме, литература – первоисточники, материалы самих групп и все то небольшое, что можно было разыскать у специалистов. И когда наработанного материала стало достаточно, чтобы начать оформление его в научные тексты, я пошла к заведующему кафедрой философии родного педагогического университета и попросилась в аспирантуру.

Александр Моисеевич Гендин, который со студенческих лет относился ко мне очень тепло и с уважением, воспринял мою просьбу доброжелательно. Но сказал: «Я этой темой не занимаюсь, если справишься сама, я согласен тебя взять». На том и порешили. Вскоре у меня появилась вторая работа – часы на кафедре философии, потом еще одна – во втором педагогическом училище ввели курс по религиоведению и предложили мне его читать.

Кришнаиты стали первым, но далеко не единственным моим увлечением этого периода. Вскоре в наш город приехал «буддийский лама» датского разлива, который поразил меня своей непосредственностью на первой же лекции, прочитанной в актовом зале технологического института. На вопрос о том, как он, потомок викингов и христианских миссионеров стал буддистом, Оле Нидал ответил так: «В шестидесятые я был хиппи и занимался контрабандой наркотиков из Тибета. Там один чел положил мне руки на голову, и я ощутил такой кайф и увидел такой свет, что сразу понял: это круче наркотиков, гораздо безопаснее и в разы прибыльнее». Его тогдашняя книжка «Открытие алмазного пути» в первом издании и ранняя периодика (по сей день бережно хранимая в моих архивах) беззастенчиво и лихо описывает наркотические и контрабандистские приключения (опечатка, но в тему, потому я решила

ее не исправлять) «гуру» и рекламирует его недюжинные мужские потенции. Уже имея двухлетний опыт общения с кришнаитами, я без особых сомнений тут же «приняла прибежище» и вскоре уже оказалась в квартирке последователей «Карма Кунзанг Дорже линг», как официально стала называться эта группа в Красноярске, зарегистрировавшаяся в качестве религиозного объединения. Краткие медитации «на кармапу» всегда заканчивались дружескими посиделками молодежи самого неформального типа. Здесь царил дух свободы – свободной любви, свободных возлияний и прочих «увлекательных экспериментов» с телом и духом. По счастью меня воспринимали как слишком взрослую «тетю», обремененную семьей и советскими предрассудками, и поучаствовать в неформальной части предлагали не очень настойчиво. Не возникло у меня и желания поэкспериментировать со своей психикой, проходя «пхову» – технику умирания, которая стала в этом направлении своеобразным «брендом». Вот поэтому мое пребывание в данном сообществе было сравнительно непродолжительным. Ровно столько, сколько было необходимо, чтобы собрать достаточное количество социологического материала, характеризующего их параметры и типаж. Впоследствии собранные материалы мне оченьгодились. В первом издании словаря – справочника «Религии народов современной России» под редакцией М.П.Мchedлова среди прочих я написала краткую статью об этом объединении. Последователям Оле Нидала статья так не понравилась, что они пришли к Мchedлову в сопровождении двух адвокатов с рекламацией и требованием опровержения. В мой адрес было сказано, что «автор всю оставшуюся жизнь будут работать на нас, возмещая моральный ущерб». В ответ я с удовольствием прислала Мирану Петровичу большой пакет их собственных материалов и документов, фотографий со своим социологическим комментарием. Получив все вышеозначенное, больше в редакции эти ребята не появились. Забегая вперед, замечу, что «все течет, все изменяется», и сам «гуру» и его горячие поклонники стали старше, слегка остепенились и сегодня очень стараются позиционироваться в качестве вполне пристойного традиционного буддизма линии карма – кагью.

Но самые мои любимые с тех лет и по сию пору, конечно бахай. Знакомство мое с этой религией было весьма неожиданным. На одной из первых лекций в педагогическом училище я с гордостью поведала студенткам, что занимаюсь исследованиями новых религиозных движений. Тут же раздался вопрос: «Пожалуйста, расскажите мне, кто такие бахай». Я, признаться, растерялась... «Может быть бхакты?». Кто такие бахай я не

знала. Мой всеведущий папа не знал тоже. Интернета не было в природе, а в библиотеке, перешарив все что можно, я ничего не обнаружила. Позднее, когда я сама уже консультировала коллег в московских религиозоведческих центрах и по поводу данного направления, я выяснила, что в советской религиозоведческо-атеистической литературе они фигурировали в качестве «бехаизма» – позднейсламской секты, что никак не раскрывало содержания и особенностей этого весьма заметного явления в религиозной жизни цивилизованного мира. Но на тот момент я почувствовала себя достаточно неуютно. Девочка, задавшая вопрос, настаивала на правильности названия, но ее случайное знакомство с бахаи не обнаруживало никакой информации о них и о месте их нахождения. Всю зиму эта проблема не давала мне покоя. Наконец весной в городском приложении к «аргументам и фактам», в рубрике вопрос-ответ я совершенно случайно прочла: «Кто такие бахаи?» – «Бахаи новая мировая религия. Хотите узнать больше – пишите на такой-то абонентский ящик». И я написала. И раз, и второй, а в ответ – тишина. Откуда же мне было знать, что всклокоченный авантюрист Васяка Рагозин, который путешествуя из Нижнего Новгорода в качестве странствующего бахаи, подрабатывал где придется, в том числе в газетах, просто лентяй, которому ответить мне было недосуг. Уже через полтора года, мы вместе с ним в кампании американской путешественницы бахаи Джанет Кестер и других интересных людей впервые посетим ныне хорошо известного специалистам по НРД нашего минусинского «христа» – «Виссариона». А тогда я подумала, что, похоже это хорошо законспирированная секта, которая не желает, чтобы к ним кто-то приходил с улицы. Пришло лето, а вместе с ним традиционное русское развлечение – «дача». В начале июля, вечером, я с двумя ведрами свежесобранной клубники, чуть живая от усталости вывалилась из электрички и села в родной седьмой троллейбус, устроилась у окна и придремала. Благо, что дома не знали, заночую я на даче или нет, ведь сотовых телефонов у нас тогда еще не было. За одну остановку до моей, кто-то ласково и игриво потрепал меня по коленке. Я взвилась от негодования, собираясь завопить и возмутиться, но увидев кто это, просто потеряла дар речи. Около меня сидела женщина, совершенно фантастического вида – смуглая до черноты, в золотистом пенджаби, – которая что-то лопоча по-английски, совала мне на колени большущую книжку с цветными фотографиями. Совершенно ошалевая, я прочитала:

«Религий много – бог один», «Все народы – цветы одного сада», «Вера Бахаи». дочитав до этого места я издала радостный вопль и кинулась к индианке на шею: «Ура!!! Наконец – то

я вас нашла!!!!» Бедная моя Ситара Васудеван от испуга чуть не свалилась с сиденья. Она ожидала, как и положено миссионеру, любой реакции, но такой не ожидала точно. Увидев ее растерянность, я стала громко кричать: «Эй, кто с ней, есть кто-нибудь?» Свою остановку, понятно, я уже проехала. Над моей головой далеко вверху раздались странные звуки. Я посмотрела вверх и увидела огромного мммм (негра), по-вашему «афроамериканца», белоснежно улыбавшегося мне и тоже что-то лопочущего. Для Красноярска, еще вчера «закрытого города», картина маслом... Наконец, через пару минут высунулись две сонные физиономии наших. Парень и девушка. Причем, что характерно, по-английски они тоже не говорили вообще. «Ну да, бахаи, а что.. мы тебе дадим адрес ящика и ты нам напиши..» Ну уж нет. Это мы уже проходили! Выяснив, что они едут к себе ночевать в какое – то общежитие, я твердо и радостно сообщила, что я еду вместе с ними. Во время пересадки мы с Ситарой начали общаться. В голове что-то перешелкнуло, и мы с ней стали вполне сносно понимать друг друга на каком-то невербальном уровне. Я выяснила, что она из Индии, что ее муж – директор крупнейшей в Индии школы для детей бахаи, что она в России впервые и что все ей здесь очень нравится. Особенно подушки. Узнав, что я искала бахаи и очень люблю Индию, Ситара тут же стала звать меня в гости к себе в Панчгени. Но это случится гораздо позже. А пока.. Приехав в их богом забытое чумазое общежитие, я познакомилась со всем миссионерским народом, с которыми мы с удовольствием отметили это событие, слоав оба ведра клубники и решив дружить дальше. Уже через неделю, я ехала в Новосибирск, на встречу с последней хранительницей «Руки Дела Бога», вдовой Шоги Эффенди – внука основателя этой религии Баха – Уллы, Рухией-ханум. Там собрались бахаи из нескольких окрестных городов, в которых тогда проходил международный миссионерский проект. А по возвращении в Красноярск я забрала всю кампанию к себе домой. Мама и папа жили на даче, а в их двухкомнатной квартирке поселились три индианки, две американки, одна японка, одна персиянка и парочка наших девчонок из Улан-Уде. Это была «женская комната». А в «мужской» проживал один Кастадеро, и был этим очень доволен. Тот самый двухметровый афроамериканец, парикмахер из Беверли – Хиллз. Нас удивляло то, что наши гости не переставали удивляться тому, почему мы отказываемся брать с них деньги за проживание. «Ну поймите же, – говорила я – Вы – наши гости. С гостей деньги за проживание не берут!» А они мне: «Гости, это день – два, а мы месяц у вас живем!» Но в итоге они на эту тему расслабились и им даже понравилось.

Папа в шутку называл нашу квартирку «Ноевым ковчегом» и так же безо всякого знания английского с удовольствием общался с нашими гостями на любые темы. Естественно, с этих пор я начала активнейшим образом заниматься выяснением всего, что касалось веры бахаи. И осенью, придя на первое занятие в училище, выдала целую лекцию на данную тему, реабилитировавшись в вопросе своей профессиональной компетентности. А к Ситаре в гости, в город Панчгени, штата Махараштра я все же съездила. Вместе с делегацией бахаи из многих бывших советских республик. Но случилось это только через три года, когда диссертация, в которой я впервые описала, в том числе и веру бахаи в ее современном виде, была уже защищена, а моя новая должность – главного специалиста по делам религий администрации Красноярского края позволила мне собрать достаточную для поездки сумму. С бахаи я дружу по сей день и рассказать об этом движении с позиции инсайдера можно много чего интересного.

Однако самым известным новым религиозным движением из всех, описанных мною в те годы, стали «Белые Братья – юсмалиане». Эта была, выражаясь современным языком, экстремистская организация закрытого типа, попасть в которую с целью проведения исследования было действительно не так просто.

Люда, мне бы хотелось, чтобы в следующем куске – при сохранении вашего стиля и темпа – нашлось место для рассказа о докторской...

...Бахаи и кришнаиты, мормоны и саентологи, муниты и сахаджа – йоги – все, что было для нас в девяностые таким новым, экзотическим, неизведанным, на Западе было изучено, описано, поставлено на полочки и пронумеровано еще в 60-70е годы. Но нам, российским исследователям, в то время была недоступна даже классика зарубежной социологии религии. В советском информационном вакууме, при свирепой цензуре, доступными книжками о «новых религиях» были только специальные брошюры с характерными названиями: «Яд с оставкой на дом», «Сатана там правит бал», «Секты – досье страха» и тому подобное. Чуть солиднее выглядели заказанные государством реферативные сборники с грифами «ДСП» – «для служебного пользования», которые в девяностые уже можно было посмотреть, и немногочисленные компиляционно – идеологические труды с обличением религиозных мутаций в лоне «загнивающего капитализма». Но что характерно: отечественные религиоведы до начала девяностых, а некоторые и по сию

пору верят в то, что религиозные феномены – живые, подвижные, изменяющиеся – можно изучать, не поднимаясь из-за письменного стола и никогда в жизни не общаясь ни с одним верующим, ни с одной религиозной группой. Но для меня, как в свое время для отца, отсутствие готовой информации о том, что было интересно, только стимулировало и вдохновляло.

В начале 1992 года в моем родном городе, как и по всей стране, стены домов, заборы и остановки запестрели красочными фотографиями молодой женщины, в белом хитоне, белой же островерхой чалме, с епископским крестом, египетским царским посохом, и странным именем: Матерь мира – Мария Дэви Христос, угрожавшей всем концом света. Дата грядущего апокалипсиса обозначалась конкретно: 24 октября 1993 г. Сегодня в России «очередные концы света» надоели даже журналистам, но тогда.. Тогда это было впервые на нашей памяти и казалось, что мир сошел с ума! А живой иллюстрацией этого тезиса сделались наводнившие город эпатажные фигуры «юсмалиан», в белых балахонах, сметанных из простыней и наволочек. Молодые ребята и девушки, женщины и мужчины, с утра до вечера стоящие в самых людных местах – у рынков и вокзалов, в центре и в подземных переходах.

С остановившимся остекленевшим взглядом, словно магнитофоны, прокручивавшие один и тот же текст, они призывали к покаянию, пели свои псалмы, раздавали листовки. Но никого к себе не звали и даже не подпускали слишком близко. По городу поползли слухи. Позднее, читая «Апологию» Тертуллиана, я удивлялась, насколько во все века и времена однотипны мифы в отношении «неведомых страшных сект». Как и тогда, говорили про украдываемых и поедаемых младенцев, одурманивающих веществ, и конечно коллективных извращенческих оргиях. Хотя, заметим в скобках, в современной цивилизованной Европе последнее уже считается вполне нормальным развлечением. А потом удивляемся, откуда берется религиозный фундаментализм. «Белые братья» начала девяностых – отдельный, локальный, пожалуй, даже уникальный, но на удивление типичный вариант жестко структурированного экстремистского религиозного сообщества эсхатологического толка. Понятие «brainwashing» тогда еще не было известно у нас. Но то, что мне удалось там увидеть и зафиксировать – истинная классика жанра. Основные результаты моих исследований, продолжавшихся внутри организации чуть более года, в итоге были оформлены в две солидные статьи [2], [3] (причем одна под псевдонимом, так как работа внутри сообщества продолжалась) и во фрагмент кандидатской диссертации.

Хотя все это я накопаю позже. А в начале самым интересным было просто попасть в организацию и начать ее изучать. Говоря приличным языком, речь шла о разведывательно-описательной стратегии, причем вопрос о выборе метода исследования в такой ситуации не стоял в принципе: работа была возможна только в формате закрытого включенного наблюдения. В те годы еще одним повальным увлечением научного и околонаучного сообщества становится психология, и в частности нейролингвистическое программирование. Переводы Бендлера, Гриндера, Эриксона, конференции, семинары, мастер-классы, – все это не обошло и меня. И в итоге достаточно помогло в решении некоторых практических проблем. Убедившись, что напрямую попасть к «белым братьям» не удастся, я решила попробовать одну из «эшелпишных» методик – «присоединение». Подойдя на улице к группе «юсмалиан», активно отбивавшихся от раздраженных граждан, я встала рядом и начала, подхватывая интонации, жесты, словечки отбиваться вместе с ними. Потом еще несколько часов совместной проповеди, подпевания, возникающее ощущение соединения, целостности, и на мой небрежный вопрос: «где сегодня встречаемся?» – адрес нужной квартиры и явочное время.

Проанализировав впоследствии принцип отбора в закрытые объединения подобного типа, уже имея достаточно большой опыт включенных наблюдений, я могу сказать, что как правило, это сугубо личностное эмоционально-интуитивное чувство «своих». Принцип абсолютно иррациональный и искусственно не очень-то моделируемый и воспроизводимый. В этом сообществе я не встретила никого, попавшего сюда при помощи посредника – проводника. Практически все «примагничивались» с улицы. В моем конкретном случае помогало и то, что социологический портрет последователей «новых религиозных движений» – «около-интеллигенция» активного молодого и среднего возраста, особенности их психоэмоционального склада (психическая лабильность, гиперэмоциональность) легко резонировали с моими собственными характеристиками, типом реакций и поведением. С одной оговоркой – постоянным осознанным самоконтролем и анализом происходящего.

Когда я оказалась внутри группы, для меня сразу естественным образом встал вопрос об этическом фундаменте используемых методов. Прежде всего для того, чтобы иметь роскошь продолжать жить с легкой душой и чистой совестью. Объясняя на лекциях студентам, почему я считаю метод включенного наблюдения допустимым и этичным, я ссылалась на опыт своих любимых этнографов – Сундакова, Шапошникова, Маргарет Мид.словно герой Тартюфа, искренне удивленный тем, что

всю жизнь говорил «прозой», так и мы, схватывая интуитивно по ходу развития ситуации проблемное поле исследования, спустя годы узнавали, что нечто так и называлось еще задолго до нас. «Этнографический метод» в социологии, применяемый для исследования религиозных сообществ, в России стал маркироваться соответствующим образом и использоваться, хотя бы иногда, только на рубеже XX – XXI вв. В целом и на сегодняшний день этот метод среди российских исследователей религии не получил большого распространения. Не только из-за сложности в реализации, но, вероятно, и по этическим причинам тоже. Ведь в исследовании религии «этнографический метод» отягощается нормативно-идеологическим императивом в гораздо большей степени, чем при исследовании большинства любых других сообществ. И сегодня мы буксуем, как западная социология десятилетия назад, между Сциллой «святого», «неприкосновенного», «сугубо личного», и Харибдой «шпионажа», «выведывания», «разоблачения» и «пресечения».

Большая часть мною и для себя сформулированных этических принципов оказалась коррелирующей с «этическими кодексами» западных социологов. Если очень кратко:

1. Я иду не к «сектантам», а к людям. Интересным, непонятым, незнакомым. Чтобы познакомиться, узнать, понять. На входе «я знаю только то, что ничего пока не знаю». Примерно то, что Айлин Баркер обозначает в качестве «исходного методологического агностицизма».

2. Доброжелательный, сочувственный интерес. Желание помочь в случае необходимости. Непричинение вреда. В том числе полная конфиденциальность в отношении информантов.

3. Не врать. Даже в закрытых включенных наблюдениях, с позиции инсайдера все знали мое настоящее имя, кто я, где работаю. Здесь – включаюсь, осмысливаю, осваиваю, как любой из членов этой группы. Мне это интересно, важно, значимо.

4. Исследование феномена, явления, процесса на основании научных методов с научными же целями. А не «апологетика», и не «шпионаж», «разоблачение» или «обличение». Хотя идеальные принципы, что всем сегодня понятно, корректируются как ситуациями, так и личностью самого исследователя.

Знакомство с ведущими российскими религиоведами произошло, как и все самое значимое и интересное в жизни, совершенно случайно. В марте 1994 года с большим пакетом разнообразной информации, связанной с новыми религиозными движениями, я отправилась в Москву, чтобы поработать в библиотеках и поискать диссертационный совет для

защиты. Останавливались мы обычно в гостеприимном доме папиного близкого друга и коллеги Вячеслава Леонидовича Харазова – спецкора журнала «Наука и религия». Случилось так, что в день моего прибытия ему позвонил Эдуард Геннадьевич Филимонов – последний директор Института Научного атеизма СССР, так же бывавший у нас в гостях в Красноярске. Оказалось, что завтра в Российской Академии государственной службы (РАГС) при Президенте Российской Федерации должен состояться первый с советских времен семинар для представителей всех регионов России по вопросу как раз-таки новых религиозных движений. Узнав, что есть человек со свежими материалами, меня по-быстрому откомендовали Николаю Антоновичу Трофимчуку, только что создавшему в РАГСе кафедру религиоведения, который включил меня на свой страх и риск в коллектив ведущих этого мероприятия. На заседание я слегка опоздала, полный зал участников и человек пять ведущих. Вопросы с мест были сутобо конкретными: практикам из регионов необходимо было узнать про новые религиозные движения все, что только можно. Ведущим приходилось туго – уважаемые московские коллеги были, как и положено, высокими теоретиками. Чаёв с «белыми братьями» и прочими «виссарионовцами» еще не гоняли. Поэтому в очередную затянувшуюся паузу я рискнула попросить микрофон. И понеслось. В течение последующих двух часов мне пришлось вести это мероприятие в одиночку, с большим удовольствием консультируя коллег по всяческим практическим аспектам деятельности и особенностям разнообразных «новых религий». В перерыве Николай Антонович забрал меня в свой кабинет и за чаем забросал вопросами иного свойства: кто я, откуда, где собираюсь защищаться и так далее. Я честно сказала, что с советом еще не определилась, и он сразу предложил мне защищаться у него. Первым оппонентом и фактическим моим научным руководителем стал Эдуард Геннадьевич Филимонов. Причем мне посчастливилось открыть своей защитой только что сформированный диссертационный совет. На защиту пришел легендарный Лев Николаевич Митрохин. Все заседание он просидел молча в позе критического слушания, но завершил обсуждение диссертации могучим выступлением в мою поддержку. Следующие восемь лет были неразрывно связаны с Николаем Антоновичем Трофимчуком и его замечательным коллективом. До тех пор, пока он был жив. Я продолжала полевые исследования и два-три раза в год прилетала консультировать управленцев из территорий по вопросам «новых религиозных движений».

Уже через год после защиты меня пригласили на работу в Администрацию Красноярского края, в качестве главного

специалиста по работе с религиозными объединениями. Стало еще интереснее. Да и с руководителем мне опять повезло.

Наталья Игнатьевна Григоренко, человек с удивительным сочетанием качеств – опытный политик, волевая, трезвая и при этом мудрая, очень человечная, удивительно женственная стала мне настоящим другом и соратником на все оставшиеся времена. Именно с ней мы разрабатывали и реализовывали первую программу комплексного исследования крупнейшего в России неорелигиозного объединения – Церкви Последнего Завета (ЦПЗ), в народе более известного как «секта Виссариона минусинского». Результаты этой масштабной работы вошли в мою первую монографию с неприлично длинным названием [4], ставшую библиографической редкостью уже вскоре после издания.

Постепенно вызревала докторская, смысл которой заключался в кардинальной, либо достаточно значительной смене методологических оснований понимания сути и качественных отличий феномена новых религиозных движений от всех иных типов предшествующих и параллельно существующих религиозных феноменов.

В ходе лангитюдных полевых исследований, сбора и обработки полученных данных я регулярно напарывалась на жесткое несоответствие между представлениями, почерпнутыми из советских книжек, современной тогдашней религиоведческой литературы, журналистских опусов, и вездесущего, вплоть до академических аудиторий «общественного мнения» и «самособойразумеющихся» выводов с теми реалиям, с которыми работала. Первое и самое простое, на что пришлось обратить внимание – количественные данные. Ведь в статьях, оценивающих численность последователей этих религий «на глазок», размещавшихся даже в весьма солидных светских изданиях, нередко фигурировали миллионы адептов, «завербованных в нашей стране новыми сектами». Еще в период работы с «белыми братьями» я развлекалась на лекциях блиц – опросами такого типа: «Каждый день, – говорила я студентам, – вы видите в городе людей из этого движения. Предположите, какова их реальная численность в Красноярске?» Цифры назывались разные, но всегда речь шла о сотнях и тысячах. Выслушав версии, я комментировала: «В нашем городе их всего двадцать шесть человек. Плюс приезжающие группы, численностью не более десятка». Броские, яркие, скандально – заметные, они создавали впечатление огромной массовки. Но вхождение в группу, знакомство со всеми и с каждым показывало совсем другую, объективную цифру. Локальные сообщества, с численностью, соответствующей параметрам классической

«малой группы» – 20, плюс-минус пять человек составляли, по моим наблюдениям ядро, костяк большинства из калейдоскопа местных неорелигиозных сообществ. Все остальное, с гордостью демонстрируемое в самоотчетах и саморекламе этих объединений – быстро проскальзывающие транзитные посетители. Конечно, есть и условные исключения. Кришнаиты – до сотни добрались только лет через десять от времени появления в крае. Мормоны имеют дело у нас примерно двумя сотнями, частично обновляемых местных прихожан. Самые масштабные – виссарионовцы. Их, с чадами и домочадцами на юге нашего края зарегистрировано около пяти тысяч. Если говорить о выбравших путь сознательно – примерно половина. Но это – практически все, на сто сорок миллионов российских граждан. В филиалах даже самых крупных городов – не более полутора десятков активистов. Процент посчитайте сами.

Еще несколько моментов, на которые невозможно было не обратить внимания: в какую бы группу я не пришла знакомиться или общаться, там непременно обнаруживалось несколько до боли знакомых физиономий хороших людей из всех параллельных, уже освоенных мною, неорелигиозных тусовок. И вне зависимости от вывески с названием, типов молитв и облачений везде и всюду до странности похожие интонации и перепевы одних и тех же сюжетов и вопросов. Постепенно стала выстраиваться система типичных, повторяющихся мотивов, которые в бесконечном разнообразии вариаций напоминали мне коктейль, составленный из одних и тех же ингредиентов, но каждый раз в разных пропорциях. И еще очень похожая, почти одинаковая эмоциональная атмосфера, которую я чувствовала кожей, нутром, солнечным сплетением. Причем все это совершенно отличалось, по моим впечатлениям, практически контрастировало, с атмосферой и содержанием обсуждаемых тем в православном сообществе, в синагоге, в мечети, протестантских церквях, которые я в силу специальности посещала и посещаю достаточно регулярно. Фактически, когда я выявляла критерии объекта и предмета исследования, стало ясно, что речь идет о феномене, называемом западными исследователями *нюэйджевскими культами*, выделяемыми ими в качестве самостоятельного и особенного явления. Но и с зарубежными коллегами наши взгляды совпадали далеко не во всем. Айлин Баркер в одном из своих выступлений поведала нам, что на первой лекции о «странных культах» она показывает студентам коробку конфет и заявляет, что в конце обучения вручит ее тому, кто сумеет обнаружить в этом лоскутном одеяле нечто общее. Свою вторую монографию я подарила Айлин с припиской, что претендую на ту самую коробку...

Уже в первые годы исследовательской практики для меня вдребезги разбились о практические наблюдения два главных клише, наиболее тиражируемых в нашей стране в отношении «новых религиозных сообществ». Первое обозначает исследуемое явление в качестве «тоталитарных сект». Второе повествует о «кодировании – зомбировании – гипнотизировании» их пассивных жертв.

Господи, как я мечтала хоть о каком-нибудь, хоть самом маленьком харизматическом лидере, который навел бы ну самый элементарный порядок в головах и действиях безбашенных старушек «сахаджа – йожек», когда мы с ними полдня болтались в раскаленном автобусе по Бомбею и никто не знал, где бы нам переночевать...

Старая веберовская схема в отношении религиозных «новоделов», предполагавшая сектантскую структуру закрытого типа, где все как в страшной антиутопии контролируется и регулируется могучим харизматическим лидером и его ближайшим окружением, обнаружиться в спектре новых религиозных движений в принципе и с некоторыми оговорками вероятно, может. Хотя и весьма условно, на мой взгляд. И, как следует из веберовского же понимания, с которым я солидарна, при наличии горячего желания самих рядовых участников действия. Но представить себе в виде «тоталитарной секты» не только бахаи, но и разбитных оленидаловцев, романтически – пардон, разгильдяйских рериховцев, вечных девочек-себе-на-уме бабушек – сахаджайожек, колхозноориентированных анастасийцев, и многих – многих других просто нереально, если общаться с ними постоянно и регулярно.

И насчет «кодирования-зомбирования». Сотни формализованных и неформализованных интервью, проводимых мною годами в различных новых религиозных сообществах, начинались примерно одним и тем же вопросом: «Как вы лично сюда попали? Что привело вас в эту веру?» И независимо друг от друга десятки людей говорили мне практически всегда одно и то же: «Прежде чем оказаться здесь, я искал. Я перепробовал то-то и то-то, побывал у кришнаитов, мунитов, (далее – длинный перечень всяких – разных) и вот только здесь почувствовал, что нашел Истину!!!!» Какое уж тут «зомбирование»... Целенаправленный поиск, перемещения, принюхивание, прощупывание, примерка на себя и... Либо остаться, на время или «как там видно будет», – либо дальше, продолжать поиски «того самого места, того самого сообщества, того самого гуру, даже если его уже и нет на свете!». Личная мотивация, глубинные причины этих субъективного поисков, этого конкретного выбора, этого стиля и образа жизни, особенность этих людей,

выявляемая в конкретных параметрах – вот что стало объектом моих серьезных размышлений и темой моего основного фундаментального исследования. Результаты – в докторской, если кому это интересно, разумеется.

Люда, пожалуйста, разверните сказанное о результатах Вашего докторского исследования...

Если «развертывать», со всей требуемой научной аргументацией, боюсь, что получится многовато – порядка пятисот страниц. Поэтому я лучше наоборот «сконцентрируюсь» на ключевых тезисах и выводах.

Первая часть моей докторской касается природы и специфики самого явления НРД или, точнее, объекта моего научного исследования – ньюэйджевских культов. На своей вводной лекции по данному курсу, я предлагаю студентам: «Представьте себе ортодоксального христианина, который искренне веруя, отправится в мечеть, чтобы проповедать Бога Распятого и водрузить крест на киблу... Или мусульманина, который восхитствуется в синагогу, чтобы там, в священном месте, совершать пятикратный намаз... Или иудея, который в Индии начнет, обращаясь к Тримурти, славить Бога в его лице, или точнее, в его лицах...»

А вот у последователей ньюэйджевских культов никаких таких проблем и нет вовсе. На их домашних «иконостасиках» я много лет с любопытством рассматриваю, например, портрет Виссариона (Прахупады, Нирмалы Дэви, Оле Нидала, Кармапы и т.п.) в обрамлении православных иконок и католических картинок, арабской вязи исламских молитв, прилепленных над фигурками китайских и индуистских божеств, священных камушков и веточек, душистых палочек и церковных свечечек. Сергей Борисович Филатов в одной из своих работ сравнил ньюэйджевское пространство с лемовским океаном из «Соляриса» – однородное, аморфное, текучее и пластичное непонятно что, трансформирующееся в мириады любых внешних форм, типажей и проекций.

Иначе говоря, вне зависимости от своих самых разнообразных фасадов, бантиков и рюшечек, символов и лозунгов, харизматичности лидеров и численности последователей, глубинным ядром вероучений ньюэйджевские культы имеют общий принцип, выражаемый краткой формулой «религий много – Бог один». Даже в тех случаях, когда это не очевидно. Изначально обратив внимание на однотипность лиц, интонаций и проблемных полей в различных сообществах, я начала предметно исследовать вероучительные тексты и пражхупа-

довских кришнаитов, претендующих на традиционалистскую аутентичность с классическим бенгальским вайшнавизмом, и сайентологов, называющих себя современной «наукоегической» религией, и Церкви Последнего завета – Виссариона, именующего себя Христом во втором пришествии, и ряда других заметных и влиятельных движений данного типа. В итоге возникшая гипотеза полностью подтвердилась. Везде и всюду мною была обнаружена четко сформулированная идея о том, что все, абсолютно все религии восходят к одному и тому же сакральному источнику. И это: нет, это не совсем тот, а скорее всего и совсем не тот Бог, который когда-то открыл себя на Синае избранному народу... Это: «Космический Разум», «Абсолют», «Вселенское информационное поле», «Божественное, дремлющее начало самого человека», «великое Нечто или Великое ничто», и так далее до бесконечности. Где «тот, который есть то, что он есть» низводится на уровень частного феномена в гранях иных и разных проявлений сакрального первоисточника, а его сыновняя ипостась рассматривается через запятую в перечне великих и весьма абстрактно почитаемых пророков человеческой истории.

Конечно, здесь появляется соблазн апофатического дискурса, но...! Лозунг «религий много – Бог один», по своей сути исходно является антитезой первой из десяти библейских заповедей «да не будет у тебя других богов перед лицом моим».

С этим ньюэйджевским лозунгом вряд ли смогут согласиться и иные мировые и национальные религии, будь то буддизм, исторически сложившиеся верования Индии, Китая или любые другие традиционные религии народов мира. Неприемлемость язычества для авраамических религий, неприятие авраамического монотеизма индуистами, синтоистами, даосами и так далее. В эзотерических традициях, гностицизме, масонстве и тому подобных скрытых течениях, принцип этот имел место быть и в ранешние времена. Так же как и в европейской философии религии Нового и Новейшего времени, прозревавшей начало великой цивилизационной интеграции. Однако в традиционном поле конкретных религий иначе как ересь этот тезис не определялся и не определяется – достаточно посмотреть антикультовую аргументацию так называемого сектоведения любой традиционной религии, особенно ислама или христианства. Общие типичные черты этих культов: всеядность и поверхностность, упор на простые и понятные практические вещи в большей степени, чем на сложное и серьезное собственно религиозное углубление, требующее последовательности, духовной дисциплины и непрерывного труда. Обрывки, кусочки и лоскутики, понадерган-

ные отовсюду, но скрепленные крепкой нитью новых реалий и качественно новых проблем. Лоскутные пестротканые мозаики игрового, но безумно настоящего и кричаще – надрывного постмодернизма.

Причиной, порождающей, подпитывающей и провоцирующей такое принятие универсалистского религиозного дискурса, на мой взгляд, является объективная реальность последних полутора сотен лет, связанная с научно – технической революцией и всемирной интеграцией, сегодня определяемой как глобализация. Насколько же проще жителю интернационального мегаполиса принять означенный ньюэйджевский лозунг, нежели упираться в собственную, представляющуюся уже архаической, традицию. Насколько естественно думать так же виртуальному путешественнику, нажатием кнопки пульта телевизора или компьютерной клавиатуры мгновенно перемещающемуся в разноликие и тем притягательные пространства иных культур и цивилизаций.

Но ньюэйдж говорит и про другое. Комплекс совершенно новых проблем, порожденных качественно новыми реалиями человеческого бытия, вызвал к жизни и новые ответы, в том числе в проекциях новой религиозности. Не случайно, социологи всего мира, исследующие этот бурно развивающийся феномен, солидарны в том, что в его составе тон задают представители среднего класса, активные, образованные, в меру состоятельные, и я бы добавила – креативные. Но если в шестидесятые это были по преимуществу молодые бунтари, что вполне вписывалось в тезис У.Черчилля: «Кто в двадцать не революционер – тот подлец, кто в пятьдесят не консерватор – тот дурак», то сегодня возрастная планка смещается. Задорные и энергичные представители третьего возраста, в нашем случае – недавние комсомольские и профсоюзные активисты, ломая традиционалистские стереотипы, скандируя: «Нам никогда не будет шестьдесят, а лишь четыре раза по пятнадцать!», бодро пополняют ряды искателей новых духовных откровений, исцелений и омоложений.

В целом качественную трансформацию сакральных смыслов онтологического и аксиологического характера, соотносимых с классическими религиозными формами можно кратко обозначить еще несколькими важнейшими позициями:

– теоцентризм сменяется антропоцентризмом. Не «тварь дрожащая», а «человек – это звучит гордо.. так как сиречь сам себе бог есть» (несколько по-советски узнаваемо, хотя здесь не идеологическая, а сугубо религиозная проекция). Издержки человека века двадцатого – «царя природы» и «покорителя мира» в неорелигиозной интерпретации..

– псевдосциентизм: излюбленное вступление, универсальный аргумент манипуляции и бесконечный припев к каждому ньюэйджевскому вероучительному откровению: «в последние десятилетия ученые доказали, что..», «современная наука уже установила..», «академик такой-то выявил потрясающие вещи..» и далее – чакры, мантры, йети, инопланетяне, торсионные поля, фохатизация всей планеты, астральное, ментальное, и прочие энергетические тела, экстрасенсорные способности самоомоложения, тотального холистического исцеления и трансформации в сверхчеловека... уже в процессе! Только у нас, самых передовых и особенных! и по весьма сходной цене... Да и собственные центры иначе как «институтами», «академиями», на худой конец «школами высших (сакральных, эзотерических, тайных) знаний не называют... Понятно, в связи с тем, что роль и влияние, проблемность, полипарадигмальность реальной науки в современном мире, вероятно, не требуют здесь специальных комментариев.

– посюсторонность под лозунгом «спасение здесь и сейчас!». Призрачные до нереальности для человека, воспитанного в секулярной среде, потусторонние перспективы спасения или гибели, в представлениях типичного ньюэйджера замещаются реалистическим духовным гедонизмом в бесконечных вариациях на любой спрос: от авантурных сакрально-мотивированных путешествий до творческого около-аскетического мазохизма, от креативных домашних тусовок до увлекательного коллективного строительства «этого нового прекрасного мира» где-нибудь в сибирской тайге или болотах южной Индии и так далее... Вечная позитивная посюсторонность, вечно розовые очки, в которых посмертное бытие – увлекательное путешествие в стиле Джонатана Ливингстона или ура-реинкарнация с безусловно хорошим продолжением. Парадоксальное внешне, протестное бегство от культа потребления и потребительства, и все новые и новые раздражители, быстро приедающиеся и сосущая, бездонная не наполняемая пустота внутри, требующая все новых и новых попыток ее преодоления. Потеря смысла через ломку того, во что верил изначально, но был обманут, поиск и моделирование новых идеалов, которые оборачиваются старыми граблями... Протест, на фоне всеобщего внешнего благополучия и даже пресыщения, и снова бег по замкнутому кругу. Вокруг себя, любимого, со все теми же жгущими и мало меняющимися внутренними проблемами и состояниями. Неудовлетворенность сквозь видимость вседозволенности и пресыщенности, – фактор, весьма неожиданный, хотя и случавшийся уже в контексте мировой истории. Фактор, не менее грозный, чем

явные катастрофы, как для человека, так и для человеческой культуры. Увы...

– оптимистическая футурология. Конец света уже прошел, расслабьтесь и возрадуйтесь! Это был не тот конец света, который в Апокалипсисе, а тот, который в теософии: это конец Кали – юги и наступление золотого века, конец Эры Рыб (христианской) и наступление Эры Водолея (ньюэйджевской), конец эры мужской грубой силы и наступление эры великого женского начала, конец эпохи Отца небесного и начало эпохи Матери мира и Земли – Матушки ... И вообще, тот конец света, которого ждут почитатели Торы, Библии и Корана – мы не допустим, потому что он ментально моделируется теми, кто о нем думает и говорит. Впереди – сплошной позитив. «Зачем же нам конец света?» – звучит подтекстом в игровой надрывной культуре ньюэйджа. Ведь именно сегодня настоящий, подлинный конец света стал как никогда возможен и абсолютно нерелигиозно реален. Пусть уж лучше будет пир во время чумы, которую мы как бы и не замечаем... или «ментально и духовно преображаем...»

– феминистский дискурс духовного лидерства: женщина – источник жизни, смыслов, пророчица и устроительница (все с большой буквы). Следовательно – не ребро, не «помощница человеку», не жена и мама в традиционной семье, но свободная духовная искательница, вдохновительница, экспериментаторша и лидерша. Елена Блаватская и Елена Рерих, Мэри Профет и Марина Цвигун, Луиза Хей и Барбара де Анджелис, – духовные наставницы и идеалы... Подумалось, что только у одной из всех названных женщин (Елены Рерих) была счастливая личная жизнь и два замечательных сына, поскольку ей одной очень повезло с мужем. Скажу как женщина: мне этот аспект представляется бумерангом, долбанувшим по самим феминисткам. По принципу «за что боролись, на то и напоролись». Или просто неким компенсирующим выходом для тех активных, ярких, неординарных и внешне успешных женщин, которым в свободном полете не случилось встретить своего настоящего мужа, как бы очень того не хотелось... Или не очень счастливым в браке... По крайней мере, в российских ньюэйджевских движениях, по моим личным наблюдениям, такие женщины составляют весьма заметную часть их актива. О современном кризисе института семьи, проблемных межполовых отношениях и демографических диспропорциях, прежде всего в так называемых развитых странах и в России социологи уже написали и продолжают писать столько, что и тут мои пространные комментарии излишни.

– сакрализированный антиурбанизм с призывом: «назад – к природе!» Усталость потомственного горожанина от про-

гресса, вечной гонки, вечного цейтнота, вымороченной жизни офисного планктона или иного винтика холодного социального механизма, бетонно – стеклянных катакомб мегаполисов и одуряющего рутинного бытия по алгоритму дом-работа-телевизор (компьютер). Пасторальные иллюзии «простой и естественной жизни на лоне природы», мечты о бабочках-цветочках – березках, звенящих прозрачных ручьях и чистом-лучистом снеге, вокруг уютной маленькой избушки... Где коровы питаются круглый год подножным кормом, один кедр может прокормить целое семейство, один гектар «родового поместья» – род, где все растет само собой, а белочки и птички, прирученные и счастливые приносят нам семечки и орешки.. И в итоге спектр культовых предложений – от летних неоязыческих фестивалей до реальных избушек, хорошо, если не развалюшек, взамен проданной городской квартиры, коллективных или индивидуальных поселений ньюэйджевского толка под различными вывесками или вовсе без оных, по великим и необъятным просторам нашей Родины...

Вторая часть моего исследования посвящена проблемам личности, точнее личностной мотивации последователей рассматриваемых движений. Путем достаточно наглядных и документально подтверждаемых подсчетов, в работе обосновывается весьма и весьма скромная численность активных участников российских ньюэйджевских движений и объединений. Не абстрактные миллионы или сотни тысяч «зомбированных сектантов», а сотые доли процента населения нашей страны. И здесь возникает вопрос: кто же эти очень немногочисленные и очень странные люди, которые вопреки все тем же страшилкам о «сектах», среди которых формировались и они сами, вопреки общественному мнению и видимому здравому смыслу, будучи совершеннолетними, вменяемыми и дееспособными оказываются неведь где и неведь зачем, резко поменяв привычки, круг общения, самый способ существования...

Как о том уже было мною сказано выше, многолетнее общение с сотнями людей из различных ньюэйджевских объединений привело меня к однозначному мнению о целенаправленном и совершенно осознанном поиске и выборе своего пути подавляющим большинством этих личностей.

Если говорить об этом предельно кратко и сжато, то общим выводом, сделанном на основании огромного числа автобиографических рассказов моих информантов, больше напоминающих исповеди, порой многочасовые, общая причина их поиска и выбора – невозможность продолжать дальше жить «как все». За внешне бодрыми и гордыми, улыбающимися и обаятельными, беспечными и самоуверенными масками открывались

такие изломанные, исковерканные, измученные, растерянные и судорожно, упрямо мечущиеся души, что передать это парой общих фраз боюсь, что у меня просто не получится... Сказать, что это острая неудовлетворенность – значит, почти ничего не сказать. Это просто – вопреки всему жить не по рекламным стандартам телевизора или голливудской продукции, а по зову протестующей души, порой уже болящей или немеющей до такой степени, что все остальное-внешнее (включая пресловутое общественное мнение) становится совершенно неважным. В девяностых для многих это был способ в разверзающихся хлябях нащупать спасительную кочку.. И не важно, уйдет ли эта кочка вместе с тобой в болото через время, главное сейчас – зацепиться и выжить, отключиться от внешнего, навязанного и уплыть вместе со своей пораненной душой в те иные миры, в которых будет хорошо... В которых сразу – хорошо.

Для нашей страны особым стимулом появления ньюэйджевской религиозности стала пресловутая перестройка. В переломные девяностые рухнуло все, что было прежде. И те, для кого отречься от всего прежнего стало равносильно отречению от себя самого, не перестроившиеся, не смирившиеся, не приспособившиеся... стали просто гибнуть. Тихая, неэпатажная статистика прошедшего двадцатилетия – о динамике смертей от сердечно – сосудистых заболеваний, гипертонических кризов, инсультов, алкоголизма, наркомании, суицидов, психических заболеваний... Эти цифры в разы больше, гораздо страшнее, зато не так проявлены и заметны во внешнем мире.. Следовательно, в отличие от ньюэйджеров не провоцируют и не особо будоражат общественное сознание. Все это и многое сюда же... Обесмысливание жизни и нивелирование ее до уровня простого существования. Существования, в котором высокую романтику веры и служения, подвига и самопожертвования, любви и дружбы, бескорыстия и верности заменили эрзацы потребительского бытия с их плоскими утилитарно – прагматическими предложениями, рутинностью, неприкрытым цинизмом и бесстыдством, культом денег, насилия и секса, воинствующей пошлостью, всем тем, что в академических кругах зовется anomie, со всеми вытекающими. «Если Бога нет, то его следовало бы придумать»... Но для постсоветского искателя духовности знаменитая фраза Вольтера на этом месте и заканчивается, ведь видеть, что в этом нет необходимости, ибо «вся природа кричит о том, что Он есть», как завершил сей тезис ироничный француз, его не научили ни в теории, ни в реальности... В самых легких случаях, особенно в последнее десятилетие, – тотальная скука и тоска, протест против обыденности, желание приключений, острых впечатлений, ярких

переживаний, необычных знакомств, нового зажигательного опыта. Не всем по плечу пути Тура Хейердала или Федора Кюнюхова, но в своей собственной жизни безумное стремление к свободному полету в стае таких же «белых ворон» в неведомые дали, для некоторых становится риском, ради которого они готовы поступиться не только общественным мнением, но и собственными близкими, иногда и самой жизнью... Невостребованность, невозможность выплеснуть избыток нормальной жизненной энергии и социальной активности, острая жажда высокого смысла, романтики, самореализации, эксперимента, нонконформизм – все это, оформленное в эпатажные ньюэйджевские культы было названо мною «социальным набатом» – «По ком звонит колокол...?» Не по каждому ли из нас...

Вы консультируете властные структуры по вопросам политики в области религии. С какими проблемами они сталкиваются, в какой мере прислушиваются к Вашим рекомендациям?

Власть и религия – тема совершенно отдельная... Когда-то, в далеком теперь 1994 году, я робко задала вопрос на эту деликатную тему своему первому научному консультанту – Эдуарду Геннадьевичу Филимонову: «Как Вам удалось, будучи сосем не политиканом, не конъюнктурщиком (читай – нормальным, совестливым человеком) стать директором Института научного атеизма СССР?» Эдуард Геннадьевич меня хорошо понял. И мягко улыбнувшись, ответил: «Понимаешь, при всем прочем, властям во все времена в конкретных ситуациях бывают нужны реальные специалисты... И конъюнктурщик тут ничего не сделает». Эту сентенцию я вспоминала потом неоднократно. В моей дальнейшей судьбе не только консультирование, но и мое собственное, пусть не очень продолжительное, но очень интересное «хождение во власть» принесло и еще одно важное понимание. Мифологемы общественного сознания, формирующие представления о власти, как чуть ли не о банде «поголовно коррумпированных бездушных чиновников», жестко контролирующих все аспекты социальной реальности, этих монстрах, прорывающихся к кормилу лишь в целях собственного утверждения и обогащения, так же далеки от реальности, как и мифы о «миллионах зомбированных сектантов». И там и здесь встречаются очень разные люди. Попадают порой весьма экзотические персонажи. Много ярких, неординарных личностей, много просто хороших очень ответственных добросовестных тружеников, ну и любых других, которые в конкретных жизненных ситуациях ведут себя, соответственно, очень по-разному.

Впервые, краевые власти обратились ко мне летом 1994 года, когда перед ними встала непростая задача – разобраться и понять что творится на юге края, в Минусинске и его окрестностях, куда понаехали странные люди со всей страны, поклонники бывшего милиционера ППС и самодеятельного художника Сергея Торопа, объявившего себя ныне «Христом во втором пришествии». Принять участие в готовящейся выездной комиссии я сходу согласилась, тем более, что небольшой опыт личного знакомства с Виссарионом, как стал именовать себя «новый мессия», у меня уже был. Правда отправилась я туда не с официальной делегацией властных структур, на черных «Волгах», а своим ходом, что называется «с улицы». И, как и предполагала, обнаружила за пять дней своего полевого исследования и для себя и для пригласившей стороны весьма и весьма много интересного и даже неожиданного.

Второй звонок из «серого дома» (как называют у нас здание администрации края), прозвучал в нашей квартире уже через год и оказался для меня, свежееиспеченного кандидата философских наук, преподавателя кафедры философии и социологии педагогического университета, совершенной неожиданностью. Мне прямо, без обиняков предложили поменять место работы и стать специалистом по делам религий одного из структурных подразделений администрации края. На тот момент, после упразднения в 1991 году должности Уполномоченного Совета по делам религий, этой темой во властных структурах края никто предметно и тем более профессионально не занимался. Я некоторое время пребывала в легкой растерянности, не очень понимая зачем мне это нужно и нужно ли вообще... Убедил меня в резонности такого изменения профессии мой старший брат Алексей, имевший опыт работы инструктором крайкома комсомола еще в советские времена. На первой встрече с моим будущим начальником, о которой я уже упоминала, Натальей Игнатьевной Григоренко, трудно сказать, кто из нас больше волновался – я или она... Но уже осенью мы вместе с ней и еще рядом руководителей снова отправились к виссарионовцам. И эта поездка получилась достаточно продуктивной. К моим выводам и рекомендациям прислушивались однозначно. В те поры нашим губернатором был интеллигентный и выдержанный профессор-экономист Валерий Зубов, ныне депутат Государственной Думы. При нем в администрации края порядки были очень демократичными. Например, не представляло проблем зайти в здание и прогуляться по всем его этажам и приемным, включая и губернаторскую, любому желающему. Для этого было достаточно сообщить милиционеру на входе, что ты идешь пообедать в местную столовую, что никому не

возбранилось. Посетители официальные шли сплошным потоком, вопросы решались по мере поступления и возможностью. Мне выделили персональный маленький узкий и вытянутый кабинетик (что для рядовых специалистов было роскошью и редкостью), в связи со спецификой моих посетителей.

Да уж, есть о чем вспомнить. Дивный православный священник Н., дедулечка – божий одуванчик, ратовавший за открытие нового монастыря, одновременно отгоняющий бесенят у меня за левым плечом и приветствующий ангелочков за правым... Громила Д., весь фиолетовый от наколок, который дико вращая глазами, требовал, чтобы я призвала к порядку епископа Антония, который не желает признавать их «новое православное братство «Благоразумного разбойника», из таких же, как он сам «недавно откинувшихся» бандюков и убийц. Обаятельный примас (так и хочется написать «примус») местных католиков, поляк Антоний Бадура, огорченный тем, что религиями ведает не мужчина. И вовсе не из женоненавистнических мотивов, а потому, что творчески применяя местные традиции в католических целях (вероятно, в соответствии с решениями второго Ватиканского собора), он проводил неформальные посиделки со всеми значимыми персонами (в том числе протестантскими лидерами) в собственной баньке при хорошем таком домишке – монастыре. А с женщиной этот приемчик не работает, обидно, однако... И очаровательные монашки – кларетинки, которые упражняясь в русском языке на монастырских застольях, куда и меня приглашали несколько раз, увлеченно так распевали под гитару: «Ой цветет калина в поле у ручья, парня молодого полюбила я!». Вереницы протестантов всех деноминаций, которыми так известно в религиозных кругах, отличается наше Зауралье. Председатель Сибирской Христианской Миссии Милосердия евангельских христиан, Виталий Иванович Коломиец, через руки которого проходили сотни тысяч долларов на благотворительные цели, а сам он ютился с женой и семьей детьми в малюсенькой комнатке типового общежития. Молодой и талантливый выпускник Одесской баптистской семинарии, строитель красивой новой церкви «Благодать», реформатор и политик, бесспорный авторитет среди всех тогдашних протестантских лидеров нашего края, Александр Иванович Пузанов. Вынырнувшие из подполья Свидетели Иеговы, их лидер Евгений Николаевич Зинич, интеллигентный, спокойный, с мягким и очень тонким юмором, подтянутые и пока еще мне малоизвестные мормоны, несущие пачки своей литературы и видеокассеты с собственной продукцией... Регулярно наведывавшийся, по поручению правящего архиерея родной РПЦ, светлой памя-

ти молодой и непосредственный о. Валерий С., периодически с детским простодушием сообщавший, что: «...а вот, знаете, вас ведь все считают тайным белым братом..», через год моей работы в администрации: «а вот знаете, ведь вас теперь все считают тайной протестанткой..», еще через год: «а вот знаете, а уж теперь -то вас все считают тайной иудейкой...». Милейший Яков Вольфович Бриль, с которым вместе мы организовывали и курировали визит в наш город директора Института иудаизма в Израиле, похожего на сказочного гнома, удивительного маленького, доброго и очень мудрого раввина Адина Штайнзальца... Странно вспоминать теперь, что в те не столь уж давние времена, мусульмане в Красноярске были представлены в основном сибирскими татарами, а Вильдан Вильданович Авхадиев, возглавлявший местную общину, был спокойным стареньким дедушкой, весьма далеким от политических страстей и проблем межэтнического взаимодействия мусульманских диаспор... Разборки в исламской среде, в основном среди мусульман – азербайджанцев тогда уже были, но на уровне криминальной конкуренции в дележе рынков и других экономических сфер влияния. Что к моей непосредственной теме прямого отношения не имело. С моей любимой Натальей Игнатьевной мы уже летом 1996 года организовали и провели грандиозное обследование виссарионовцев. Собрали в свою команду 36 разных специалистов: врачей, представителей органов образования, соцзащиты, психологов. И конечно же, провели масштабное социологическое исследование, результаты которого были позднее опубликованы мною в первой монографии и двух статьях о Церкви Последнего Завета. Подвел нас в этой экспедиции только один член нашей комиссии – тогдашний главный психиатр края, по совместительству ведавший еще и наркологией. Сразу же, едва успев сесть в поезд, везущий нашу доблестную комиссию в Курагинский район, он начал кушать водку большими порциями, ссылаясь на нервные перегрузки своей особенной работы, утром продолжил столь же рьяно опохмеляться и не просыхал до тех пор, пока мне не пришлось на второй день пребывания в поселениях ЦПЗ просто жестко выставить его обратно, с глаз долой...

Работалось мне легко. Было полное понимание с руководством, мы исходили из единого видения приоритетов – гражданского мира и согласия, примата конституционных принципов, использования социальных ресурсов религиозных объединений в интересах общества, в интересах людей. Самым важным и значимым в работе, для меня была возможность доступа к информации, касающейся всех аспектов нашей темы на официальных и около официальных уровнях, анали-

тика, выработка практических рекомендаций и их итоговая результативность. Как это выглядело со стороны? Сошлюсь на мнение моих уважаемых коллег. Спусти несколько лет после своей работы в администрации, будучи в Москве, зашла по обыкновению в книжный магазин, сняла с полки только что изданный «Атлас религиозной жизни современной России», открыла, как всегда наугад и .. прочитала: «Красноярские власти сотрудничают с различными объединениями, а не только с «традиционными», на практике. Несмотря на то, что в большинстве регионах России представители власти боятся привлекать все конфессии и религии к социальной работе, красноярская политика показывает, что таким образом власти решают массу задач по развитию гражданского общества... В 1990-е годы традиции мирного сосуществования религий и толерантности были сохранены и преумножены. Основы современной политики в определенной степени были заложены при губернаторе Валерии Зубове (в 1993-1998 годах), который стал поощрять благотворительную работу, прежде всего, православных, протестантов и католиков, и без большой симпатии относился к требованиям епархии получить как можно больше собственности. За религиозную политику при Зубове отвечала Людмила Ильинична Григорьева, чья деятельность фактически и сформировала нынешний образец отношений власти и церквей в социальной сфере (в настоящее время Людмила Григорьева – профессор, один из ведущих религиоведов Сибири)» [5].

Чем мы конкретно занимались в эти два с половиной спокойных года? Да много чем: решали вопросы о возвращении культовых зданий их законным владельцам, о выделении земли под строительство новых (например, именно в эти годы были заложены ныне действующие армянская церковь и мусульманская мечеть). Создали Общественный совет по делам религий при губернаторе, который коллегиально решал наиболее сложные и комплексные задачи. Из интересных инициатив вспомнилось наше масштабное, совместное с Фондом медицинского страхования, мероприятие по добровольческой (сейчас бы сказали – волонтерской) помощи больницам краевого центра и края. Проблемой стало то, что в отделениях тяжелых лежачих и послеоперационных больных катастрофически не хватало санитарок. Грошковые зарплаты, тяжелая, грязная работа. Случалось, что несчастному человеку, у которого в городе не было близких, некому было подать стакан воды, поправить подушку, обмыть и уж тем более, поддержать за руку, просто по-человечески поговорить с ним. Главные врачи всех крупнейших больниц – Второй городской, Глазного центра

при краевой больнице, Больницы скорой помощи, Ожогового центра – с большой радостью поддержали этот проект.

После чего мы предложили лидерам всех зарегистрированных конфессий принять участие в этой долгосрочной акции. Одним из ключевых условий нашего соглашения было – помогать людям, но не проповедовать. Соблюдая принцип светскости и реализуя право на свободу совести. Откликнулись, прежде всего, крупнейшие протестантские конфессии и следом – Русская православная церковь. Составили пофамильные списки добровольцев, графики посещения больных, провели необходимое консультирование и теоретическую подготовку, оформили пропуска. Через полгода собрали на нашем Совете всех главврачей и всех представителей церквей, обсудили, что и как получается. Оказалось, что очень даже хорошо получается. Опыт начали расширять, привлекая те населенные пункты, в которых были стабильные организованные религиозные объединения. Эта акция продолжалась на протяжении многих лет и после завершения моей работы в администрации края. Наверное, кому – то покажется крамолрой, но когда администрация одного из районов города, в котором тогда дислоцировались наши социально активные кришнаиты, попросила привлечь их к социальной патронажной службе помощи старикам и инвалидам (пол помыть, за продуктами сходить, книжку почитать), то и здесь мы дали зеленый свет. Поскольку всех своих знаем, могу сказать, что ни один из опекаемых, кришнаитом в итоге не стал, а вот наши вайшнавскоориентированные россияне, очень хороший опыт реальных добрых дел в своей жизни получили.

Все эти годы я продолжала и преподавать, и регулярно, примерно два-три раза в год, летать в РАГС на свою родную кафедру, консультировать коллег из всех регионов России по все той же любимой теме. Но когда после официальной части начинались самые важные неформально – кулуарные и задушевные вечерние общения, мне не очень удавалось вписываться в обсуждение с каждым годом все более насыщенной темы – у кого сколько скандалов и судебных процессов в религиозной сфере в минувший срок состоялось. Здесь похвастаться было просто нечем. Ни одного скандала, и, что сейчас тоже несколько странно вспоминать, ни одной судебной разборки. Все тихо – мирно. В 1998 году меня даже пригласили выступить на Комиссии по делам религий при Президенте, поделиться опытом нашей работы.

Что в этой работе меня не радовало? Да много чего. Ежедневное и круглогодичное обязательное залипание попой на стуле в четырех стенах с 9.00 до 18.00. Спасалась тем, что по

закону о государственной службе преподавать не возбранялось, а согласовывать свое расписание с начальством удавалось без проблем. Огорчало, что возможность свободных полевых исследований так же резко сузилась. Три самых замечательных преимущества преподавательской профессии – июнь, июль и август, теперь проплывали мимо, за окном моего вне-сезонного и вневременного кабинетного пенала. Временами, особенно летом, когда поток посетителей и бумаг резко иссякал, и все затихало, казалось, что это принудительное высиживание стагнирует не только мышцы, но и мозги, и чувства, и самую мою жизнь. Не добавляло энтузиазма превалирование бумажной работы над живой, ее ритмичность и монотонность, что очень диссонировало с моим характером и привычками.

И все же иногда мне удавалось вырываться, используя преимущества новой профессии. Командировки, участие в конференционных официозах, различные нами же организуемые мероприятия, общение с коллегами, забежавшими в перерывах на чашечку чая, нахождение в самом центре политических, быстро меняющихся событий. В целом, скорее нравилось, чем наоборот.

Но продолжалась моя спокойная и интересная жизнь в «сером доме» только до прихода нового губернатора. Которым стал легендарный харизматичный генерал Александр Лебедь. Вследствие этого жизнь моя стала еще интереснее, но вот спокойной быть перестала напрочь.

В те поры бои за власть были самыми что ни на есть настоящими: с компроматами, скандалами, интригами и даже побоищами между представителями конкурирующих претендентов. Мы оторопело наблюдали по телевизору как с воплями и руганью вцеплялись друг другу в волосы борцы за демократическую избирательную кампанию. Не менее шокирующим было и «взятие серого дома» новой властью. Всю первую неделю с музыкой и гамом, залетные разбитные дамочки и хлопцы в кожаных и только что не в наганах на боку, тягали по кабинетам ящики с шампанским и поздравлялись до поросычьего визга. Дым коромыслом от этой гульбы стоял такой, что после интеллигентного Валерия Зубова мы в принципе не понимали, что происходит и как такое возможно.

В команде Лебеда особым боевым задором выделялась некая могучая бабуля лет за шестьдесят, в красных сапожках, украинских нарядах и с косами вокруг головы, яркая и громогласная, как пожарная машина. Себя она называла не иначе, как «мать казачья» или «боевая подруга Александра Ивановича». И действительно, эта выпускница торгового техникума, соратница Лебеда по Приднестровью, пользовалась не-

ограниченным доверием боевого генерала. Вот с нее-то и начались изменения в моей профессиональной сфере. «Мать казачья» оказалась истово – православной и на этом основании решила взять на себя курирование религиозных вопросов. Наша первая с ней стычка, она же и первое знакомство состоялось как раз на этой почве. В первые дни воцарения новой команды коллеги принесли мне в кабинет газетки с новостями о том, что готовится публичное освящение администрации края. Поразвлекавшись шуточками на тему о том, какую же бригаду сюда надо заслать, и о том, что всю ее стоит отправить в мой кабинетик, куда кто только не ходит, я все же сочла необходимым написать служебную записку с указанием всех статей Конституции и законов РФ, согласно которым такое действо в этих стенах выглядело неправомерным и недопустимым. Коллеги слабо верили, что кто-нибудь из новых на это всерьез отреагирует. Однако, паче чаяния, в самый день назначенного освящения, с утра пораньше меня вызвали к одному из советников губернатора, который оказался весьма озадаченным, открывшимися ему вдруг непредвиденными юридическими обстоятельствами. После недолгих обсуждений решили спустить ситуацию на тормозах и попросить отцов отслужить молебен перед крылечком, к радости собравшихся там со всего города православных бабулек. Всех, кроме одной, той самой «казачьей матери». Подлетев ко мне, она грозно возопила: «Это ты что ли отменила, то что я назначила!?». Пришлось скромно объяснить, что отменять – не в моих полномочиях. А вот проконсультировать о законе, да, конечно. С этого дня у меня появился свой личный, персональный враг в лице означенной «боевой подруги». Вскоре все верующие со своими вопросами стали направляться уже не в мой, а в ее кабинет. И это было весело! Скажем, забегают ко мне баптисты, спрашивают: «Как там эта новая?». Я им говорю как есть: «Она протестантов не любит, будьте повежливее!». А через полчаса они снова вваливаются в мой кабинет и уже хохочут: «Мы зашли, она и спрашивает – а вы кто будете?» Мы честно говорим: «Баптисты!» Она с облегчением комментирует: «Слава Богу, что баптисты, а то я уж боялась, что протестанты!». Вскоре хохотал уже весь РАГС, когда потрясая георгиевскими крестами на могучем бюсте, «мать казачья» вещала с большой трибуны, что она думает о религии и религиозной политике. Даже довольные поначалу таким оборотом, православные батюшки, появляясь по своим делам в наших коридорах, вскоре стали заныривать в ближайший кабинет и прятаться чуть ли не за вешалку, увидев издаലെка красные сапожки и вышитую сорочку. Потому что, настигнув священника, «боевая подру-

га» начинала его истово лобызать, засыпать всяческими вопросами и многоэтажными идеями и предложениями. Что же до меня, то я, как тот хакас в степи, продолжала жить по принципу «что вижу, – то пою», комментируя все происходящее с тем же удовольствием, что и сейчас. Надо ли говорить, что вскоре на меня начались гонения, о которых я прежде и подумать не могла. Сперва меня отстранили от любимой работы. Затем перевели от моей Натальи Игнатьевны и определили под начало к новому человеку, приглашенному в команду Лебеда со стороны, его же непосредственным начальником была сама бабуля. Заставили меня выполнять механическую работу по вырезыванию ножницами и складыванию в стопочки каких-то газетных заметок. Начали контролировать мои уходы и приходы на преподавательскую работу, а потом в один прекрасный момент и вовсе запретили преподавать. Далее началось прессингование с требованием написать самой на себя лживую объяснительную, на основании которой меня могли уволить по нехорошей статье безо всякого выходного пособия. Я отбивалась изо всех сил, вместе с Натальей Игнатьевной писала докладные на имя губернатора, но становилось все сложнее и сложнее. И тут снова на выручку пришел мой старший брат. Обсудив со мной все происходящее, он предложил: «Слушай, бабка эта впечатлительная, попробуй сделать то-то и то-то». На следующий день, всем забегаящим ко мне на чашечку чая коллегам, я с горестным и задумчивым видом вещала примерно следующее: «Жалко, конечно, бабу... Но тут уж я не виновата, все видели, я терпела, сколько могла... Не понимает она, бедняга, что в силу своей специальности кое-чем я и сама владею.. я же религией всю жизнь занимаюсь... да еще и эзотерикой всякой.. работа у меня такая... Конечно, начну я с немногого.. только ее же зло на нее же разверну. Урочить ее пока не буду. Глядишь, еще образумится... Пусть уж на себя теперь обижается». Надо ли говорить, что к концу дня по всему серому дому народ с интересом обсуждал эту увлекательную тему и делал стойку на будущее. Конечно, не узнать о моих разговорах «мать казачья» просто не могла. Шел весенний месяц март, на улицах было скользко и ветрено. Следующим утром, торопясь на работу, «боевая подруга» грохнулась на ровном месте, и, увы, поломала себе руку. Серый дом тихо охнул и притих. А я со скорбным видом целый день комментировала: «...вот, предупреждали же ее, не вняла, не покалялась... а ведь дальше и хуже может быть...» С этого дня отношение ко мне круто изменилось. После всплеска реальной паники, когда новый начальник хватал меня за руку на лестнице, трясясь и подергиваясь: «Это правда вы? Это правда вы сделали??» На что я ласково отвечала: «Правда – правда, то

ли еще будет...» – так вот после этого всплеска меня стали побаиваться и диктовать условия стала уже я сама. Оставаться в этой живописной кампании разнокалиберных авантюров у меня уже не было ни малейшего желания, о чем я и заявила начальнице отдела кадров. Оговорила оптимальные для себя условия увольнения, с годом получения полной зарплаты и решила заняться докторской, благо, что и в докторантуре РАГСА уже числилась, и материал был уже набран и осмыслен. А потом, после моего ухода начались и вовсе непредвиденные действия. Проблемы в религиозной сфере нарастали как снежный ком, решать их оказалось некому и мне снова начали звонить из серого дома, с просьбой помочь разобраться, написать ту или иную справку, проконсультировать или посоветовать. В случае необходимости за мной присылали машину, и я ехала делать то, что было реально нужно делать. Текучка кадров в команде Лебеда была колоссальная, новые люди менялись один за другим. В этот второй период мне довелось познакомиться с новым замом по социальным вопросам – Надеждой Ивановой Кольбой, которая позже окажется в том самом вертолете и разделит судьбу губернатора.... Кольба была из наших, красноярских, не знаю, кто порекомендовал ее и почему она согласилась, но человеком она была замечательным. Мы сразу нашли общий язык и вопросы решали легко. А были они очень разные. Вот один из самых забавных: зная, что Лебедь благоволит к православию, архиерей выступил с инициативой, которая повергла генерала и его верхнее окружение в легкий ступор. Епископ попросил профинансировать создание «православной кролиководческой фермы» миллионов этак за двадцать. При всей любви к православию, Александр Иванович финансировать разведение православных кроликов как-то не очень захотел. Но и как грамотно отказать, тоже не знал. Вот и пришлось писать мне официальную бумажку по этому поводу. В конце концов, меня пригласили в кабинет к еще одному загадочному человеку, которого у нас все называли «серым кардиналом». Там мне было предложено вернуться во власть, стать его личным консультантом, с особыми условиями и полномочиями. В подкрепление своего предложения мне вручили уже оформленное удостоверение новой должности со всеми печатями и подписями и.. командировочное удостоверение для поездки в РАГС на ближайшую конференцию. На что я вежливо ответила, что в РАГС я и так уже лечу, а насчет предложения, спасибо, подумаю. Это удостоверение и до сего дня валяется где-то в моих обширных архивах. Потому что еще до начала этой беседы я уже точно знала, что в кабинеты едущие, ни на каких условиях больше не хочу. Уж извините...

Третья серия лебедевского призыва во власть связана для меня с именем человека удивительного, которого пригласили откуда-то с Алтая специально для курирования религиозных и общественных объединений. Мои любимые коллеги из администрации не преминули позвонить мне и весело сообщить, что новый специалист по делам религий по образованию и вовсе... ветеринар! Вскоре он сам пригласил меня познакомиться. Теперь – то я понимаю, что гордыня, это не только грех, но главное – величайшая глупость. Но тогда... Я заявила к нему в кабинет только для того, чтобы сообщить Марку Геннадьевичу Денисову, что еще только вот под началом ветеринара я религиозной проблематикой не занималась. Он выслушал меня как-то очень спокойно и с интересом... Я же через некоторое время с искренним удивлением убедилась в том, что незаменимых у нас и вправду нет, и что новый комитет работает в нашей сфере достаточно грамотно и ровно. Теперь, правда, вопросами религии в администрации занимался уже целый отдел, пять человек, специализирующихся на конкретных направлениях. Вскоре Марк Геннадьевич поступил на религиоведческое отделение РАГСa, где пользовался всеобщим уважением, и блестяще его закончил. Спустя еще пару лет, когда страсти поутихли, этот человек оказался единственным руководителем из команды Лебеда, который был оставлен в команде Хлопонина. И тут волей – неволей, работая в одной сфере, мы вынуждены были снова пересечься. Приезжали коллеги из Москвы с большим семинаром, и готовить и проводить его нам пришлось вместе. Так вот, наш второй в жизни разговор состоялся за обеденным столом, во время перерыва. Где Марк Геннадьевич добродушно заметил: «А вас ведь дезинформировали.. я вовсе и не ветеринар.. я и вообще.. ихтиолог. Рыбовод по первому образованию. Но это не важно, по какой специальности ты получаешь образование.. Важно КАКОЕ образование ты получаешь. Все мои первые профессора были замечательными личностями и прекрасными наставниками». Сегодня, спустя почти десять лет после этого второго разговора я улыбаюсь, думая о том, какая неожиданная штука жизнь. Марк Геннадьевич Денисов, теперь Уполномоченный по правам человека в Красноярском крае, один из самых любимых преподавателей у студентов моей кафедры религиоведения. Один из самых интересных и мудрых собеседников, и даже некоторое время один из лучших моих аспирантов.

Что до моих сегодняшних контактов с властью, то они продолжают периодически случаться. По разным темам. От экспертирования уголовных преступлений, до социологического изучения состояния дел в системе образования и воспитания,

от комментариев по поводу тех или иных событийных прецедентов, до чтения лекций таможенникам или работникам силовых структур по вопросам религиозного экстремизма.

Теперь, о методе сбора информации. Вы знаете, в советской/российской социологии не очень густо, но использовались разные схемы включенного наблюдения... Как бы Вы назвали примененную Вами процедуру? Как Вы к ней пришли? В каких случаях Вы рекомендовали бы ученым обратиться к Вашему опыту...?

Первое, что пришло на ум – бородатый социологический анекдот. Рассказывают, что однажды к Эванс-Причарду явился один из его учеников, трепетно ожидавший вопросов мэтра о степени его подготовленности к полевому исследованию. Вопросов ему было задано два: не забыл ли он взять с собой тетрадь и карандаш для записей, и готов ли он пить со своими информантами.

Если серьезно, то фундаментальные методы в моем случае так и остались фундаментальными. Нас обучали общей стратегии проведения социологических исследований еще в вузе, но, наверное, более значимым для меня было то, что все студенты моего отца не могли прийти на зачет без дневника посещения той или иной религиозной общины. Я эти дневники из любопытства осваивала, с папиными же комментариями, еще до института. А потом, когда моя собственная группа готовилась ему сдавать зачет, мы все, не сговариваясь, дотянули до последнего и отправились, в итоге, к адвентистам седьмого дня. Общинка у них была тогда маленькая и располагалась почти в центре, в крыле домика по улице Игарской, который они арендовали у братьев – православных. Наша доблестная кампания пришла пораньше и уселась в молитвенной комнате, заняв практически все места. Бедные адвентисты все собрание кротко кучковались у входа и вели программу фактически для нас, нерадивых. И тогда же отец говорил мне о том, что невозможно изучать религию, не чувствуя людей, эмоциональной и духовной атмосферы, не понимая внутренних смыслов происходящего. Прежде чем писать о методах, хочется пару слов сказать и о методологии.

Нас учили видеть в частном и даже сугубо личном, объективно – исторические социальные детерминанты и проекции. Что породило англиканскую церковь? Любовь Генриха восьмого к Анне Болейн или контекст разворачивавшейся реформации? В моем видении правильный ответ: и одно и другое. Но второе важнее. Видень нашего Ивана Грозного ортодоксальное православие не остановило в его матримониально – садистских

эксцессах, и даже не притормозило... Так же как и папу Александра шестого его ортодоксальное католичество. Нас учили видеть за деревьями лес, видеть целостность и детерминанты движущегося и изменяющегося социального процесса. Методологический кризис западной социологии с его стыдливой дескриптивно – фиксирующими методами, вызывает у меня ассоциацию с выражением, которое стало у нас модным только после перестройки «это не мои проблемы». Социальные факты и социальные коллизии? – так, всяческие частности, рождающие новые частности, в контексте слабо прогнозируемых или вовсе непрогнозируемых и, следовательно, абстрактно – стихийных социальных протуберанцев.. В свете все того же постмодернизма, только слегка извне и сбоку.

Нас учили другому, например тому, что в нашей стране у нас у всех проблемы общие. И с ними можно и нужно что-то осмысленно делать, искать и находить верные методы, ибо всякая проблема – это, по сути, задача, требующая грамотного решения. А критерий истины – социальная практика и ее реальные последствия (прошу прощения за столь материалистический идеализм). И еще нас учили видеть человека. Не абстрактного «субъекта», а личность, такого же, как и ты сам, но иного и нуждающегося в понимании или для меня, или для него, или для всех нас, потому что все мы «в одной лодке». Может быть, потому, что наша страна полиэтнична, а ментальность соборна, изучать кого-то в жесткой поляризации субъект – объектных отношений представлялось мне, мягко говоря, позицией не слишком этичной. Хотя и с пониманием, как достаточно практичной, инструментальной и даже, быть может, эффективной... В целерациональной парадигме, рождающей инструментализм, аномию и угрозу вырождения целым народам. Поэтому да, «понимающая социология», да, антропологическая парадигма, но с поправкой на исторический объективизм. И снова о методах. Да, позитивизм, да, протоколируемость, да, сбор и анализ максимального количества и разнообразного качества источников информации, документов на любых видах носителей. Только вот столь универсально используемый Интернет, как основной или единственный источник объективной и полной информации (имея ввиду и сайты самих религиозных сообществ), вызывает у меня значительные сомнения, неоднократно проверяемые и подтверждаемые практикой.

Базовым методом было и остается живое, полевое социологическое наблюдение. И включенное и невключенное, и открытое и закрытое, и прямое и косвенное с жесткой, последовательной фиксацией всего, что относится к объекту и

предмету исследования. В соответствии с целями и задачами собственно научного изучения конкретных феноменов.

Причем, мой опыт показывает, что иногда, открытое и неэксклюзивное наблюдение может дать информации не меньше, а даже больше, чем закрытое включенное. Все зависит от конкретной ситуации. Приведу буквально пару примеров из своей практики. Когда в августе 1994 года я согласилась принять участие в работе первой официальной комиссии администрации Красноярского края по изучению нового религиозного движения последователей Виссариона Минусинского, то отправиться в Курагинский район я решила не с членами комиссии на черных «Волгах», а своим ходом и посмотреть на ситуацию, что называется «изнутри». Пришла на городскую виссарионовскую тусовку по объявлению на ближайшем столбе и уже через пару дней ехала на встречу с лидером движения в Курагино. Там по субботам происходил конвейерный прием страждущих, которых «гуру» посылал кого подальше, кого поближе – в одно из его поселений, разбросанных по трем близлежащим районам. Несколько напрягло меня то, что за полгода до этого я весьма несерьезно вела себя на первой такой аудиенции в Минусинске, куда мы съездили с группой разношерстных ньюэйджеров. Когда американка – бахаи Джанет Кестер очень вежливо и серьезно спросила нашего Сергея Анатольевича Торопа: «А вы правда уверены в том, что вы – Христос?», сохранить полностью приличное выражение лица у меня просто не получилось. Но в Курагино все обошлось. Когда я блеющим голосом, покрытая красными пятнами, робко спросила у Виссариона: «...а вы меня не помните?..», он снисходительно улыбнулся и прокомментировал что-то вроде: «много вас таких тут ходит, всех не упомнишь...», что сразу меня и успокоило. Послал он меня в деревню Журавлево, где следующие четыре дня я наблюдала за происходящим и знакомилась с народом в качестве рядового потенциального последователя. Кое-что узнала, но не так чтобы слишком много. И уже собралась было уезжать... как руководством общинного поселения было объявлено, что «к нам едет ревизор, сиречь комиссия из администрации края и надо решить, о чем им говорить, а о чем – нет». Ух ты! Вот это здорово! – подумала я и решила немного подзадержаться. Вечером собралось тридцать девять человек, из них двадцать один мужчина, и стали обсуждать: «а вот про то облако на молении, когда оно засияло, а потом радуга... это комиссии говорить не будем... а то еще решат, что мы тут все чокнутые... А про шерсть, которую мы закупили, и из которой мы хотели коллективно нитки прясть и носки вязать, а потом женщины не договорились и вся шерсть

погнила... тоже не будем... Эх, а помните, мы еще такой мостик красивый хотели построить... Давайте расскажем им, какие мы все дружные... И это..., еще: почему не все сегодня пришли? Давайте на следующий сбор закрепим за активом тех, кто не пришел, и будем за ними заходить и приводить! И вот: мы же женсовет никак не выберем, давайте сейчас и проголосуем!». Чем дольше я все это слушала, тем веселее мне становилась, и тем отчетливее было впечатление, что где-то и не однажды я это все уже наблюдала. Ну, конечно же! Когда под занавес этого бурного собрания кто-то взял гитару и все вдохновенно запели: «Я в мир удивительный этот пришел, отваге и правде учиться, единственный друг, дорогой комсомол, ты можешь на нас положииться!!!» – все стало ясно – понятно. Перед тем как разойтись, было предложено представиться всем новеньким, поскольку тогда еще со всей страны народ подъезжал и подъезжал. По кругу вставали и отрекомендовывались прибывшие из разных мест, моя очередь была последней. Народ уже потихоньку елозил, привставал, посматривал на часы, переговаривался... Когда я кротким голосом сообщила, что вообще-то люди мы местные.. из Красноярска.. интересующиеся.. и .. я и есть та самая комиссия из администрации края! Финальная сцена гоголевского «Ревизора»: все ахнули и замерли в тех позах, в которых застало их это неожиданное сообщение. А дальше... дружный громовой хохот и бурные коллективные аплодисменты. Интуиция меня не подвела, и ребята оценили репризу с соответствующим восторгом!

В последующие два дня я увидела и узнала столько, сколько при закрытых включенных наблюдениях могла бы не узнать и за месяц. До этого я жила в своеобразном «общезитии» для вновь прибывших – опустевшем детском садике, снятом с государственного финансирования, где народа было довольно мало, а тут меня потащили знакомиться по всем домам. Причем увидеть пришлось и много такого, что не только проясняло ситуацию, но показывало и ее проблемные зоны. Вот один из наиболее жестких эпизодов и для меня и для верующих. Чтобы переписать и отдать мне несколько видеокассет с материалами о жизни общины, каковых всегда снималось очень много (а в те первые годы еще и без внутренней цензуры), меня пригласили в гости к Лене З., московской художнице... Дверь домика нам открыла молодая женщина, в длинном платье, с толсто забинтованными ступнями. На мой вопрос она небрежно ответила: «Ах это? Обыкновенная чистка.. всякая грязь выходит...». Словечко «чистка» из ньюэйджевской лексики мне тогда уже было хорошо знакомо. В темноватой, после уличного солнца, комнате, я пошла к окошку на чьи-то слабые стоны.. В кро-

ватке лежала девочка лет семи с закрытыми глазами, в жару, тяжело дыша, вся покрытая гниющими язвами и болячками, слегка замазанными зеленой. «У нее тоже чистка!», – бодро заявила мамаша, – да, температура есть, около сорока, а как же иначе – вся греховная грязь выгорает..., нет, врача не вызывала, и на порог не пущу! Учитель же сказал, что это мы сейчас пройдем, а при трансмутации космоса все остальные вымрут, а мы омолодимся... Ну а если умрет.. значит, карма такая.. учитель же сказал, что просто тело поменяется и ничего страшного...». На следующий день в этот домик по улице Лесной приехала бригада медиков, девочку госпитализировали, семью начали лечить, диагностировав стафилококковую инфекцию. И, конечно же, с моей подачи. А как бы вы поступили в такой ситуации? С позиции нейтрально-научной наблюдающей социологии? Когда через полтора года мы проводили комплексное исследование ситуации в центральных поселениях вассарионовцев, то большую часть наших специалистов в комиссии составили именно медики. Обнаружили и массовые дерматологические инфекции, и проблемные прививки у детей (район этот – один из самых неблагополучных по туберкулезу), у многих людей были выявлены впервые образовавшиеся камни в почках, им всем были переданы соответствующие медицинские заключения. Причины последнего мы указали две: повышенную минерализацию воды в местных колонках и ограничение жидкости в рационе последователей, в связи с тогдашней рекомендацией Вассариона как можно меньше пить, перейдя на... свежесжатые соки. Себе, вероятно, он такую роскошь позволить мог... После нашей комиссии, «мессия» снял ограничения на потребление жидкости и ряд продуктов, в том числе молочных и много на что еще... Последние десять лет он и вовсе предпочитает не только не ссориться с властями, но и сотрудничать, где это только возможно..

К вопросу о качественных методах исследования. Знакомство с разнообразными зарубежными социологическими теориями на эту тему, особенно после появления интернета и информационного прорыва произошло спонтанно и одномоментно. Впечатление от обилия новой и интересной информации было примерно такое же, как у того персонажа из анекдота, которому случайно попал в руки энциклопедический медицинский справочник. Все описанные симптомы всех существующих диагнозов у самого себя были с большим интересом и увлечением выявлены. Кроме, единственно, внематочной беременности и то только потому, что он был мужчиной...

При некотором желании, зарисовки подобные приведенной выше, которых в моей коллекции достаточно большое коли-

чество, можно интерпретировать и в свете этнографического (антропологического) метода, и как иллюстрацию в духе драматургической социологии Гарфинкеля, и как версию драматической социологии с использования метода наблюдающего участия по Алексееву... Кейс-стади? Конечно. Биографическое тематическое интервью? – непременно! Глубокое и длительное погружение в повседневный мир верующего? – разумеется! и многое другое тако же..

С той лишь оговоркой, что многие годы своей научной деятельности, на практике используя едва ли не весь комплекс качественных методов исследования, прежде всего для выявления сути происходящих процессов и обнаружения глубинных личностных мотиваций, я не считала в принципе возможным публиковать имеющиеся у меня материалы личного характера, касающиеся моих информантов. Даже то немногое, что я здесь рассказываю, публикуется впервые, до этого я использовала такого рода примеры только устно и только на лекциях по социологии религии для своих студентов

Практически во всех моих научных публикациях, будь то статьи, монографии или обе диссертации в качестве подтверждающего или объясняющего материала используются в основном цифры – результаты и показатели разнообразных количественных исследований, данные опросников и анкет, документы самого разнообразного типа, безусловно фиксирующие те или иные конкретные факты надличностного характера.

Почему? По целому ряду причин. Во-первых, исходя из этических соображений в отношении своих информантов. Люди мне доверились, открылись, что-то рассказали о себе. И даже не «что-то», а очень и очень личные вещи, включая интимные. Для меня многое стало проясняться. Но я не могу публиковать, запротоколировав и предъявив некие отдельные или уникальные ситуации и судьбы в качестве серьезного объясняющего аргумента, тем более, универсального. Хотя повторяющиеся ряды фактов такого рода многое выявляют. Болезни, чаще всего онкология... Когда хватаются за любую соломинку. Чаще гибнут, но иногда все же исцеляются или консервируют процесс. Мировоззренческие надломы. Психологические травмы. Сексуальные проблемы.. Однажды ко мне обратилась женщина, взрослого сына которой чуть живого, почти умирающего с весом около сорока килограммов, при росте сто семьдесят сантиметров, привезли домой из одной маленькой, но весьма заметной религиозной общины в окрестностях нашего города. Все документы, включая результаты сразу сделанных ему анализов, эта женщина мне передала, и их я предъявить могу, если возникнет такая необходимость. У парня, как и у

большинства членов этой религиозной группы – жесточайшая аутоагрессия, на первый взгляд ничем не мотивированная. Едва поднявшись, он снова стал рваться туда обратно... к своей молодой жене. Людей там было всего пара десятков, все молодые, активные и, на внешний взгляд, чрезмерно аскетично – фанатичные. Все из хороших семей, вчерашние студенты, до этого совершенно обыкновенные, социально адаптированные. И вдруг, ни с того, ни с сего ударившиеся в какую-то очень странную религию. Здесь – посты, больше похожие на перманентное голодание, едва ли не круглосуточные молитвенные бдения, покаяния, ледяные обливания, тяжелейшая выматывающая работа в виде послушаний, холодный плохо отапливаемый дом, «братско – сестринские» отношения между супругами... Так и хочется про «кодирование – зомбирование» вернуть – сразу станет «все понятно»: и кто виноват, и что делать. Пришлось зайти туда при помощи все того же метода закрытых включенных наблюдений. Просто потому, что иначе никак понять происходящее не удавалось. Через несколько недель, влившись полностью в жизнь этой маленькой группы, была открыта совершенно неожиданная вещь – все эти молодые люди и девушки имели сходные проблемы со здоровьем, которые переживались всеми и каждым как личная катастрофа. У девушек поголовно, не излечивающиеся эндометриты и эндометриозы, делающие супружескую жизнь почти невозможной и при любых раскладах – бесплодие, у юношей – импотенция на фоне различных поставленных и не поставленных диагнозов. Отсюда – истовое монашество, рефрейминг в сторону «особой избранности богом», жесточайшая аскеза, плавно перетекающая в отчаявшееся, но внешне бодрое и социально активное, религиозно окрашенное растянутое, медленное самоуничтожение. Откуда эти заболевания – бог весть: экология, образ жизни, да и психосоматику никто не отменял, но.. Попробуйте их переубедить и объяснить, что надо вернуться в город и жить как все... не имея надежды на самое для них главное – семью, супружескую любовь и близость, родных детей. Которых хотят, о которых мечтают, точнее – запрещают себе мечтать. И попробуйте написать строго научную статью по поводу выявленных субъективных мотиваций нетрадиционной религиозной конверсии. Да, это известные социологам – качественникам проблемы депривации и стигматизации, но в данном случае – скрытной, стыдливо – мучительной, прячущейся, не желающей собственного публичного обнаружения ни под каким видом. Такого рода примеров множество, и когда я что-то очень небольшое могу рассказать, то обычно добавляю: быть может в глубокой старости, если удастся дожить, я на-

пишу большую повесть о людях, которых я встречала в этих общинах, об их, таких непростых решениях и судьбах.

Во-вторых, материалы качественных исследований всегда рассматривались мною только как сырье, необходимое для формирования гипотезы и ее дальнейшей тщательной перепроверки. Чего я не понимаю в социологии, да, собственно, к ней и не отношу, так это бездоказательную беллетристику, сколь бы завораживающей и привлекательной она не казалась, и эмоционально окрашенный нормативизм. Да, кейс-стади классная вещь, очень яркая, живая, увлекательная. Иногда многое и очень многое проясняющая. Но если я скорблю о погибшей от артрита и истощения Жене Колпакчи, всеми преданной и брошенной в собственной религиозной общине, то я не имею права игнорировать тот факт, что сотни других людей, постепенно адаптировавшихся различными способами, продолжают здесь жить, рожать детей, строить дома и не желают возвращаться обратно в то «реальный мир», из которого они когда – то эмигрировали в нашу сибирскую тайгу. Из огня, да в полымя... «Я предпочитаю умереть здесь, чем жить с вами, в вашей мерзости, там» – этот эмоциональный тезис я слышала неоднократно из уст многих «сектантов» и от Жени в частности... Когда я пишу все это, то отдаю себе отчет, что данный текст, будучи биографическим интервью, а не моей научной публикацией, в большей степени характеризует меня, нежели объект моего научного исследования. Поэтому и эмоциональные пассажи здесь себе позволяю.

То же самое могу проиллюстрировать и с позиции снова популярного в нашей религиоведческой среде феноменологического подхода. Иногда в исследовательской практике встречались ситуации и вопросы, ответы на которые не удавалось получить никаким из известных социологических методов.. Например, я многие годы никак не могла понять, что находят в своем лидере – Виссарионе его последователи, люди в массе образованные, зрелые, умные и интересные. Каждый раз, просматривая и прослушивая множество записей с его выступлениями и, особенно, оказываясь регулярно (2–3 раза в год) на его живой проповеди я никак не понимала, что так влечет к нему его паству. Тягучие и монотонные рассуждения обо всем и ни о чем. Многочасовой льющийся бесструктурный словесный поток, который у меня вызывал только утомление, раздражение и непонимание. И стоящие на коленях, замершие в тихом блаженстве, расплывшиеся в умилении вчерашние летчик – испытатель и директор юрмальского санатория, чиновник белорусского министерства путей сообщения и учительницы начальных классов, владелец успешного питерского

бизнеса и инженер с Уралмаша. Вариант возможного ответа пришел, как водится, совершенно неожиданно.

Весной 2002 года ушел из жизни Николай Антонович Трофимчук, мой руководитель, наставник и соратник. Его уход я пережила очень тяжело. Возникло чувство, что обрушилось то, на чем мы стояли крепко, рядом с ним. Кафедра религиоведения РАГСА, открытая им в 1994 году, все последующие годы была единственным центром реальных религиоведческих социологических исследований в нашей постсоветской стране. Показалось, что центр рухнул и все разваливается за ненадобностью. С его уходом мы осиротели. И навалилась тяжелая депрессия. Состояние для меня редкое и не типичное. Осенью, как обычно, я пришла в аудиторию на вводное занятие по своей родной теме – новым религиозным движениям. Привычным жестом включила видеокассету с обзорной записью по теме, где мелькали лица наиболее известных «гуру», которую я знала чуть ли не наизусть и, сев на заднюю парту, отключилась, погрузившись в сумрачную апатию. Но вдруг... я почувствовала, что мне становится легче.словно кто-то мягкой, ласковой лапкой гладит душу и проникновенно говорит: не горюй... Все будет хорошо, все уже хорошо... я с тобой...Тебе уже легче, все проходит... Вот тут я мгновенно отрефлексовала, включила мозги, стряхнула непонятную пришлую эмоцию и резко вынырнула во внешний мир. Это лилось с экрана. Виссарион мягко вещал что-то вроде: «да... конец света уже идет, скоро все погибнут, это трансформация, это нормально...». Но моей психике было все равно, что именно он говорит. Важно было – как он это делает, и как я это почувствовала. Такой вот одномоментный резонанс. И если допустить, что это типичная ответная реакция депрессивной психики на данную интонацию, то тогда все его выступления – это непрекращающийся эмоциональный кайф для внимающих.. Такое вот психологически – эмоциональное обезболивание.. Такой вот «опиум народа».. с таким вот специфическим харизматизмом.. Мне снова стало интересно. Вскоре я занялась созданием собственной кафедры религиоведения, которой руковожу и по сей день. Но могу ли я на основании данного эпизода делать обоснованные объективные выводы о природе влияния Торопа на своих последователей? Боюсь, что опять же – нет. В описанном случае все слишком субъективно и ситуативно.

Да, для меня и сегодня остается идеалом и принципиальным методологическим основанием требование максимально возможной объективности исследования, которое только и делает науку наукой. Хотя прекрасно понимаю, что «все мы люди, все мы человеки» и никакой субъект не может быть

абсолютно, стопроцентно объективным по определению. Возможно именно потому, что сама я достаточно эмоциональна и использую эту свою черту характера в качестве эффективного инструмента (но только и именно инструмента!), там, где это, на мой взгляд, уместно и оправданно. Например, в общении, в своих устных выступлениях, в разъяснении чего-то очень важного и личностного на лекциях, или в целях популяризации.. Но стараюсь никогда – в качестве серьезного аргумента или основания для научных оценок и выводов.

И еще немного о профессиональной этике и непреодолимых барьерах в освоении всего исследовательского поля социологии религии, особенно же в моей теме – практическом исследовании ньюэйджевских культов.

Как правило, этические кодексы социологов связаны, прежде всего, с конфиденциальностью информантов, не причинением им вольного или невольного зла, компенсацией их участия в процессе исследования и т.д. Или с проблемами ангажированности или неангажированности самого исследователя. Но иногда возникают и иные ситуации. Например, проблема личной неприкосновенности самого социолога и его право на собственную этическую автономию. Году в 2003 у нас в городе стали появляться «анастасийцы», последователи Мегрэ – Пузакова. Их первая официальная группа была зарегистрирована Минюстом в статусе общественного экологическо-просветительского объединения с лирическим названием «Весна». Мой приход к ним не мог уже остаться незамеченным. Личико мое теперь регулярно мелькало по телевизору с разнообразными религиозедческими комментариями, а в группе, конечно же, оказались люди из разных других однотипных объединений, меня давно знавших. Однако, первое напряжение в мою сторону у народа быстро прошло и я, как всегда, легко и с удовольствием включилась было в культовые действия: медитации на свечу, очищение ауры и тому подобное. Но, входя все активнее и глубже в эти вещи, вскоре я попала в непредсказуемую ситуацию. Однажды было предложено «поработать с энергиями». Все (восемнадцать человек), встали в круг по принципу мальчик – девочка, и, держась за руки, мысленно стали «передавать энергию» сперва по часовой стрелке, потом против, и делиться своими ощущениями. Все было нормально. А вот затем нам велели развернуться направо и начать массировать спину впереди стоящего, а тебе, соответственно, то же самое делал стоящий позади. Замечу, что я вообще терпеть не могу, чтобы меня касались, тем более мало-знакомые мужчины. Стиснув зубы, во имя науки я решила сие действие пережить, но когда дело дошло до обсуждений, честно

сказала, что все это мне страшно неприятно и что продолжать этот эксперимент дальше не хочу. Какое мощное, искреннее, проникновенное сочувствие я получила в ответ от всей этой замечательной группы! Мне хором объяснили, что у меня заблокированы жизненно важные энергетические каналы и их нужно срочно прочистить. Что это комплексы и травмы детского возраста, что мне помогут и меня от меня спасут. Для этого в ближайшее воскресенье все отправляются на чью-то дачу, где в коллективной сибирской бане мне вернут первозданную природную простоту и раскрепощенность. Больше в эту чудную группу я уже, естественно, не пришла. Так же пришлось отказаться и от исследования группы сатанистов, которое мне было в упор предложено одной из его участниц. Я даже проверять не стала, насколько реальным могло быть содержание этого приглашения. И так далее и тому подобное. У каждого исследователя существует свой уровень этических барьеров, позволяющий работать по методу включенных наблюдений. Так же, как и свой уровень экономических возможностей для того же самого. Я всегда посмеивалась, что моя работа, на самом деле – мое дорогостоящее хобби. Спасибо семье, которая всегда в моих путях меня поддерживала. Совмещая приятное с полезным, путешествия с исследованиями, я позволяла себе периодически приличные траты на эти цели. Однако, в последние десять лет и в нашей стране все активнее и напористей нишу ньюэйджевских культов стали занимать культы коммерческие. Бесплатно, как и полагается по законам маркетинга, только первое занятие. Норбековцы и сайентологи, радостицы Дуни Марченко и неоязычники, всяческие йоги и эзотерики теперь уже бодро машут солидными прайсами, зазывая на свои поляны не за интерес, а за звонкую монету. Тут уж точно никакой зарплаты не хватит, по крайней мере российского профессора. Так что, в ряде случаев только опосредованное знакомство и остается. А жаль..

Ну и последняя часть вопроса: в каких случаях я рекомендовала бы ученым обратиться к моему опыту.. Мне кажется, что ученый – это человек, который уже сформировал свои взгляды, умения, навыки и является профессионалом, а то и первооткрывателем в какой-то конкретной сфере. А я уже девять лет обучаю всему вышеописанному своих учеников – студентов кафедры религиоведения. Первую курсовую работу все будущие специалисты – религиоведы пишут у нас на втором курсе по социологии религии и только под моим руководством. Таково официальное решение кафедры. Перед этим мы полтора года их тщательно готовим. Наша любимая шуточка по данному поводу – бедные религиоведы! Им-то

уж никак готовую работу по своей теме не купить, потому что все работы основываются только на полевых конкретных исследованиях. Конечно, и способности, и интересы у всех разные. Но научные методы, это методы инструментальные и воспроизводимые, проверяемые и подтверждаемые. Большая часть наших дипломных работ так же основывается на реальных исследованиях различных аспектов современной религиозной ситуации. Так жаль, что слишком много места займет даже общий обзор хотя бы наиболее интересных студенческих работ. Поэтому упомяну только самый свежий приятный прецедент. Наша выпускница этого года Марина Глазкова два последних лета провела на Урале, неподалеку от Магнитогорска в археологическом музее – заповеднике Аркаим. Вот уже более десяти лет здесь происходит мощнейшее ньюэйджевское действо, в котором количество участников ежегодно варьируется от шести до пятнадцати тысяч человек. И которое, удивительным образом, словно бы и не существует в сфере знания о насущной действительности современных российских религиоведов, включая и социологов религии. Чудны дела твои, Господи...

Марина, используя все то, чему ее научили на социологии религии, за истекшие два года, будучи еще и профессиональным фотографом, собрала интереснейший полевой материал по данной теме и оформила его в замечательную дипломную работу. В апреле текущего года она отправилась с результатами своих изысканий в МГУ на Ломоносовские чтения, где произвела маленький фурор, получила диплом за лучшее сообщение и место в бюджетной аспирантуре, куда она успешно и поступила. Мы уже ее поздравили, пожелали успеха и будущих новых научных достижений.

На сегодняшний день уже несколько наших талантливых дипломников под моим руководством защитили свои диссертации. В интернете можно найти широкое полемичное обсуждение одной из первых таких работ Татьяны Симанженковой «Движение последователей Рерихов в современной России: философские истоки и тенденции эволюции»: диссертация... кандидата философских наук, защищенная в 2006 году. Здесь, на материалах более чем десятилетнего практического изучения доказывается, что «рериховцы» в современной России, это не одно какое-то конкретное движение, а букет разнообразных религиозных направлений, весьма различающихся по всем базовым параметрам. От сугубо культурологических, до махрово-окултноты – мистических. Резонанс в заинтересованных кругах вызвала и работа Елены Дерягиной «Вайшнавизм: процессы трансформации и модернизации в России

на рубеже XX–XXI вв», защищенная в 2009 году. Тут мы доказываем, что наши кришнаиты имеют очень мало общего с аутентичным вайшнавским индуистским течением, но по ряду конкретных признаков явно соответствуют ньюэйджевской культовой религиозной модели. Сибирским лютеранам посвящена диссертация Вероники Гиндер, защищенная в 2010 году. Ирина Скоробогатова, работая на нашей кафедре, написала и защитила в 2011 году под руководством Смирнова Михаила Юрьевича в Санкт – Петербурге замечательную диссертацию «Харизматические церкви в современной России: на материалах Красноярского края». В июне текущего года мой талантливый аспирант Роман Сергиенко защитил одну из первых в России диссертаций по теме «Когнитивные теории религиозного сознания: модели транскультурной репрезентации». Практическая часть исследования проводилась им в общине красноярских кришнаитов – вайшнавов. Сейчас ведется работа еще над несколькими диссертациями. Одним из наиболее интересных, на мой взгляд, является исследование «Христианские церкви и проблема ВИЧ/СПИД в современной России». Его автор Роман Ледков, наш выпускник, христианин, координатор международного центра по профилактике и борьбе с этой «чумой двадцатого века». Человек с очень сложной судьбой, свидетельствующий, что сам пришел к вере через это страшное заболевание, удивительно светлый, искренний, совершенно замечательный, стремительно прогрессирующий в научной области. Практически все эти люди мои близкие и любимые друзья, мои единомышленники и соратники, энтузиасты и работяги. Вся моя кафедра – маленький дружный коллектив из тех, кто ко мне в свое время «примагнитился» и остался рядом, любимые ученики и последователи. Такая вот микросоциология. Ну и напоследок замечу, что методам непосредственно моего авторского исследования посвящено довольно много текста во второй главе диссертации Александры Филькиной «Этнографический метод в исследованиях новых религиозных движений: проблема формирования исследовательской позиции», защищенной в 2009 году в Москве, в Институте социологии РАН [6]. Девушка каким-то непостижимым способом меня разыскала, приехала, записала интервью (она родом из Томска) и сделала в своей работе попытку доброжелательного анализа. Так что, если кому эта тема интересна, то здесь можно найти еще один взгляд на данную проблему.

* * *

Люда, пожалуйста, разверните сказанное о результатах Вашего докторского исследования...

Если «развертывать», со всей требуемой научной аргументацией, боюсь, что получится многовато – порядка пятисот страниц. Поэтому я лучше наоборот «сконцентрируюсь» на ключевых тезисах и выводах.

Первая часть моей докторской касается природы и специфики самого явления НРД или, точнее, объекта моего научного исследования – ньюэйджевских культов. На своей вводной лекции по данному курсу, я предлагаю студентам: «Представьте себе ортодоксального христианина, который искренне веруя, отправится в мечеть, чтобы проповедать Бога Распятого и водрузить крест на киблу... Или мусульманина, который восшествует в синагогу, чтобы там, в священном месте, совершать пятикратный намаз... Или иудея, который в Индии начнет, обращаясь к Тримурти, славить Бога в его лице, или точнее, в его лицах...»

А вот у последователей ньюэйджевских культов никаких таких проблем и нет вовсе. На их домашних «иконостасиках» я много лет с любопытством рассматриваю, например, портрет Виссариона (Праххупады, Нирмалы Дэви, Оле Нидала, Кармапы и т.п.) в обрамлении православных иконок и католических картинок, арабской вязи исламских молитв, прилепленных над фигурками китайских и индуистских божеств, священных камушков и веточек, душистых палочек и церковных свечечек. Сергей Борисович Филатов в одной из своих работ сравнил ньюэйджевское пространство с лемовским океаном из «Соляриса» – однородное, аморфное, текучее и пластичное непонятно что, трансформирующееся в мириады любых внешних форм, типажей и проекций.

Иначе говоря, вне зависимости от своих самых разнообразных фасадов, бантиков и рюшечек, символов и лозунгов, харизматичности лидеров и численности последователей, глубинным ядром вероучений ньюэйджевские культы имеют общий принцип, выражаемый краткой формулой «религий много – Бог один». Даже в тех случаях, когда это не очевидно. Изначально обратив внимание на однотипность лиц, интонаций и проблемных полей в различных сообществах, я начала предметно исследовать вероучительные тексты и прабхупадовских кришнаитов, претендующих на традиционалистскую аутентичность с классическим бенгальским вайшнавизмом, и сайентологов, называющих себя современной «наукологич-

ческой» религией, и Церкви Последнего завета – Виссариона, именующего себя Христом во втором пришествии, и ряда других заметных и влиятельных движений данного типа. В итоге возникшая гипотеза полностью подтвердилась. Везде и всюду мною была обнаружена четко сформулированная идея о том, что все, абсолютно все религии восходят к одному и тому же сакральному источнику. И это: нет, это не совсем тот, а скорее всего и совсем не тот Бог, который когда-то открыл себя на Синае избранному народу... Это: «Космический Разум», «Абсолют», «Вселенское информационное поле», «Божественное, дремлющее начало самого человека», «великое Нечто или Великое ничто», и так далее до бесконечности. Где «тот, который есть то, что он есть» низводится на уровень частного феномена в гранях иных и разных проявлений сакрального первоисточника, а его сыновняя ипостась рассматривается через запятую в перечне великих и весьма абстрактно почитаемых пророков человеческой истории.

Конечно, здесь появляется соблазн апофатического дискурса, но...! Лозунг «религий много – Бог один», по своей сути исходно является антитезой первой из десяти библейских заповедей «да не будет у тебя других богов перед лицом моим».

С этим ньюэйджевским лозунгом вряд ли смогут согласиться и иные мировые и национальные религии, будь то буддизм, исторически сложившиеся верования Индии, Китая или любые другие традиционные религии народов мира. Неприемлемость язычества для авраамических религий, неприятие авраамического монотеизма индуистами, синтоистами, даосами и так далее. В эзотерических традициях, гностицизме, масонстве и тому подобных скрытых течениях, принцип этот имел место быть и в ранешние времена. Так же как и в европейской философии религии Нового и Новейшего времени, прозревавшей начало великой цивилизационной интеграции. Однако в традиционном поле конкретных религий иначе как ересь этот тезис не определялся и не определяется – достаточно посмотреть антикультовую аргументацию так называемого сектоведения любой традиционной религии, особенно ислама или христианства. Общие типичные черты этих культов: всеядность и поверхностность, упор на простые и понятные практические вещи в большей степени, чем на сложное и серьезное собственно религиозное углубление, требующее последовательности, духовной дисциплины и непрерывного труда. Обрывки, кусочки и лоскутики, понадерганные отовсюду, но скрепленные крепкой нитью новых реалий и качественно новых проблем. Лоскутные пестротканые мозаики игрового, но безумно настоящего и кричаще – надрывного постмодернизма.

Причиной, порождающей, подпитывающей и провоцирующей такое принятие универсалистского религиозного дискурса, на мой взгляд, является объективная реальность последних полутора сотен лет, связанная с научно – технической революцией и всемирной интеграцией, сегодня определяемой как глобализация. Насколько же проще жителю интернационального мегаполиса принять означенный ньюэйджевский лозунг, нежели упираться в собственную, представляющуюся уже архаической, традицию. Насколько естественно думать так же виртуальному путешественнику, нажатием кнопки пульта телевизора или компьютерной клавиатуры мгновенно перемещающемуся в разноликие и тем притягательные пространства иных культур и цивилизаций.

Но ньюэйдж говорит и про другое. Комплекс совершенно новых проблем, порожденных качественно новыми реалиями человеческого бытия, вызвал к жизни и новые ответы, в том числе в проекциях новой религиозности. Не случайно, социологи всего мира, исследующие этот бурно развивающийся феномен, солидарны в том, что в его составе тон задают представители среднего класса, активные, образованные, в меру состоятельные, и я бы добавила – креативные. Но если в шестидесятые это были по преимуществу молодые бунтари, что вполне вписывалось в тезис У.Черчилля: «Кто в двадцать не революционер – тот подлец, кто в пятьдесят не консерватор – тот дурак», то сегодня возрастная планка смещается. Задорные и энергичные представители третьего возраста, в нашем случае – недавние комсомольские и профсоюзные активисты, ломая традиционалистские стереотипы, скандируя: «Нам никогда не будет шестьдесят, а лишь четыре раза по пятнадцать!», бодро пополняют ряды искателей новых духовных откровений, исцелений и омоложений.

В целом качественную трансформацию сакральных смыслов онтологического и аксиологического характера, соотносимых с классическими религиозными формами можно кратко обозначить еще несколькими важнейшими позициями:

- теоцентризм сменяется антропоцентризмом. Не «тварь дрожащая», а «человек – это звучит гордо.. так как сиречь сам себе бог есть» (несколько по-советски узнаваемо, хотя здесь не идеологическая, а сугубо религиозная проекция). Издержки человека века двадцатого – «царя природы» и «покорителя мира» в неорелигиозной интерпретации..

- псевдосциентизм: излюбленное вступление, универсальный аргумент манипуляции и бесконечный припев к каждому ньюэйджевскому вероучительному откровению: «в последние десятилетия ученые доказали, что..», «современная наука

уже установила...», «академик такой-то выявил потрясающие вещи...» и далее – чакры, мантры, йети, инопланетяне, торсионные поля, фохатизация всей планеты, астральное, ментальное, и прочие энергетические тела, экстрасенсорные способности самоомоложения, тотального холистического исцеления и трансформации в сверхчеловека... уже в процессе! Только у нас, самых передовых и особенных! и по весьма сходной цене... Да и собственные центры иначе как «институтами», «академиями», на худой конец «школами высших (сакральных, эзотерических, тайных) знаний» не называют... Понятно, в связи с тем, что роль и влияние, проблемность, полипарадигмальность реальной науки в современном мире, вероятно, не требуют здесь специальных комментариев.

– посюсторонность под лозунгом «спасение здесь и сейчас!». Призрачные до нереальности для человека, воспитанного в секулярной среде, потусторонние перспективы спасения или гибели, в представлениях типичного ньюэйджера замещаются реалистическим духовным гедонизмом в бесконечных вариациях на любой спрос: от авантюрных сакрально-мотивированных путешествий до творческого около-аскетического мазохизма, от креативных домашних тусовок до увлекательного коллективного строительства «этого нового прекрасного мира» где-нибудь в сибирской тайге или болотах южной Индии и так далее... Вечная позитивная посюсторонность, вечно розовые очки, в которых посмертное бытие – увлекательное путешествие в стиле Джонатана Ливингстона или ура-реинкарнация с безусловным хорошим продолжением. Парадоксальное внешне, протестное бегство от культа потребления и потребительства, и все новые и новые раздражители, быстро приедающиеся и сосящая, бездонная не наполняемая пустота внутри, требующая все новых и новых попыток ее преодоления. Потеря смысла через ломку того, во что верил изначально, но был обманут, поиск и моделирование новых идеалов, которые оборачиваются старыми граблями... Протест, на фоне всеобщего внешнего благополучия и даже пресыщения, и снова бег по замкнутому кругу. Вокруг себя, любимого, со все теми же жгущими и мало меняющимися внутренними проблемами и состояниями. Неудовлетворенность сквозь видимость вседозволенности и пресыщенности, – фактор, весьма неожиданный, хотя и случавшийся уже в контексте мировой истории. Фактор, не менее грозный, чем явные катастрофы, как для человека, так и для человеческой культуры. Увы...

– оптимистическая футурология. Конец света уже прошел, расслабьтесь и возрадуйтесь! Это был не тот конец света, который в Апокалипсисе, а тот, который в теософии: это ко-

нец Кали – юги и наступление золотого века, конец Эры Рыб (христианской) и наступление Эры Водолея (ньюэйджевской), конец эры мужской грубой силы и наступление эры великого женского начала, конец эпохи Отца небесного и начало эпохи Матери мира и Земли – Матушки ... И вообще, тот конец света, которого ждут почитатели Торы, Библии и Корана – мы не допустим, потому что он ментально моделируется теми, кто о нем думает и говорит. Впереди – сплошной позитив. «Зачем же нам конец света?» – звучит подтекстом в игровой надрывной культуре ньюэйджа. Ведь именно сегодня настоящий, подлинный конец света стал как никогда возможен и абсолютно нерелигиозно реален. Пусть уж лучше будет пир во время чумы, которую мы как бы и не замечаем... или «ментально и духовно преобразуем...»

– феминистский дискурс духовного лидерства: женщина – источник жизни, смыслов, пророчица и устроительница (все с большой буквы). Следовательно – не ребро, не «помощница человеку», не жена и мама в традиционной семье, но свободная духовная искательница, вдохновительница, экспериментаторша и лидерша. Елена Блаватская и Елена Рерих, Мэри Профет и Марина Цвигун, Луиза Хей и Барбара де Анджелис, – духовные наставницы и идеалы... Подумалось, что только у одной из всех названных женщин (Елены Рерих) была счастливая личная жизнь и два замечательных сына, поскольку ей одной очень повезло с мужем. Скажу как женщина: мне этот аспект представляется бумерангом, долбанувшим по самим феминисткам. По принципу «за что боролись, на то и напоролись». Или просто неким компенсирующим выходом для тех активных, ярких, неординарных и внешне успешных женщин, которым в свободном полете не случилось встретить своего настоящего мужа, как бы очень того не хотелось... Или не очень счастливым в браке... По крайней мере, в российских ньюэйджевских движениях, по моим личным наблюдениям, такие женщины составляют весьма заметную часть их актива. О современном кризисе института семьи, проблемных межполовых отношениях и демографических диспропорциях, прежде всего в так называемых развитых странах и в России социологи уже написали и продолжают писать столько, что и тут мои пространные комментарии излишни.

– сакрализованный антиурбанизм с призывом: «назад – к природе!» Усталость потомственного горожанина от прогресса, вечной гонки, вечного цейтнота, вымороченной жизни офисного планктона или иного винтика холодного социального механизма, бетонно – стеклянных катакомб мегаполисов и одуряющего рутинного бытия по алгоритму дом-работа-телевизор

(компьютер). Пасторальные иллюзии «простой и естественной жизни на лоне природы», мечты о бабочках-цветочках – березках, звенящих прозрачных ручьях и чистом-лучистом снеге, вокруг уютной маленькой избушки... Где коровы питаются круглый год подножным кормом, один кедр может прокормить целое семейство, один гектар «родового поместья» – род, где все растет само собой, а белочки и птички, прирученные и счастливые приносят нам семечки и орешки.. И в итоге спектр культовых предложений – от летних неоязыческих фестивалей до реальных избушек, хорошо, если не развалюшек, взамен проданной городской квартиры, коллективных или индивидуальных поселений ньюэйджевского толка под различными вывесками или вовсе без оных, по великим и необъятным просторам нашей Родины...

Вторая часть моего исследования посвящена проблемам личности, точнее личностной мотивации последователей рассматриваемых движений. Путем достаточно наглядных и документально подтверждаемых подсчетов, в работе обосновывается весьма и весьма скромная численность активных участников российских ньюэйджевских движений и объединений. Не абстрактные миллионы или сотни тысяч «зомбированных сектантов», а сотые доли процента населения нашей страны. И здесь возникает вопрос: кто же эти очень немногочисленные и очень странные люди, которые вопреки все тем же страшилкам о «сектах», среди которых формировались и они сами, вопреки общественному мнению и видимому здравому смыслу, будучи совершеннолетними, вменяемыми и дееспособными оказываются невесть где и невесть зачем, резко поменяв привычки, круг общения, самый способ существования...

Как о том уже было мною сказано выше, многолетнее общение с сотнями людей из различных ньюэйджевских объединений привело меня к однозначному мнению о целенаправленном и совершенно осознанном поиске и выборе своего пути подавляющим большинством этих личностей.

Если говорить об этом предельно кратко и сжато, то общим выводом, сделанном на основании огромного числа автобиографических рассказов моих информантов, больше напоминающих исповеди, порой многочасовые, общая причина их поиска и выбора – невозможность продолжать дальше жить «как все». За внешне бодрыми и гордыми, улыбающимися и обаятельными, беспечными и самоуверенными масками открывались такие изломанные, исковерканные, измученные, растерянные и судорожно, упрямо мечущиеся души, что передать это парой общих фраз боюсь, что у меня просто не получится... Сказать, что это острая неудовлетворенность – значит, почти ничего не

сказать. Это просто – вопреки всему жить не по рекламным стандартам телевизора или голливудской продукции, а по зову протестующей души, порой уже болящей или немеющей до такой степени, что все остальное-внешнее (включая пресловутое общественное мнение) становится совершенно неважным. В девяностых для многих это был способ в разверзающихся хлябях нащупать спасительную кочку.. И не важно, уйдет ли эта кочка вместе с тобой в болото через время, главное сейчас – зацепиться и выжить, отключиться от внешнего, навязанного и уплыть вместе со своей пораненной душой в те иные миры, в которых будет хорошо... В которых сразу – хорошо.

Для нашей страны особым стимулом появления ньюэйджевской религиозности стала пресловутая перестройка. В переломные девяностые рухнуло все, что было прежде. И те, для кого отречься от всего прежнего стало равносильно отречению от себя самого, не перестроившиеся, не смирившиеся, не приспособившиеся... стали просто гибнуть. Тихая, неэпатажная статистика прошедшего двадцатилетия – о динамике смертей от сердечно – сосудистых заболеваний, гипертонических кризов, инсультов, алкоголизма, наркомании, суицидов, психических заболеваний... Эти цифры в разы больше, гораздо страшнее, зато не так проявлены и заметны во внешнем мире.. Следовательно, в отличие от ньюэйджеров не провоцируют и не особо будоражат общественное сознание. Все это и многое сюда же... Обесмысливание жизни и нивелирование ее до уровня простого существования. Существования, в котором высокую романтику веры и служения, подвига и самопожертвования, любви и дружбы, бескорыстия и верности заменили эрзацы потребительского бытия с их плоскими утилитарно – прагматическими предложениями, рутинностью, неприкрытым цинизмом и бесстыдством, культом денег, насилия и секса, воинствующей пошлостью, всем тем, что в академических кругах зовется аномией, со всеми вытекающими. «Если Бога нет, то его следовало бы придумать»... Но для постсоветского искателя духовности знаменитая фраза Вольтера на этом месте и заканчивается, ведь видеть, что в этом нет необходимости, ибо «вся природа кричит о том, что Он есть», как завершил сей тезис ироничный француз, его не научили ни в теории, ни в реальности... В самых легких случаях, особенно в последнее десятилетие, – тотальная скука и тоска, протест против обыденности, желание приключений, острых впечатлений, ярких переживаний, необычных знакомств, нового зажигательного опыта. Не всем по плечу пути Тура Хейердала или Федора Кюнюхова, но в своей собственной жизни безумное стремление к свободному полету в стае таких же «белых ворон» в неведомые

дали, для некоторых становится риском, ради которого они готовы поступиться не только общественным мнением, но и собственными близкими, иногда и самой жизнью... Невостребованность, невозможность выплеснуть избыток нормальной жизненной энергии и социальной активности, острая жажда высокого смысла, романтики, самореализации, эксперимента, нонконформизм – все это, оформленное в эпатажные ньюэйджевские культы было названо мною «социальным набатом» – «По ком звонит колокол...?» Не по каждому ли из нас...

Вы консультируете властные структуры по вопросам политики в области религии. С какими проблемами они сталкиваются, в какой мере прислушиваются к Вашим рекомендациям?

Власть и религия – тема совершенно отдельная... Когда-то, в далеком теперь 1994 году, я робко задала вопрос на эту деликатную тему своему первому научному консультанту – Эдуарду Геннадьевичу Филимонову: «Как Вам удалось, будучи сосем не политиканом, не конъюнктурщиком (читай – нормальным, совестливым человеком) стать директором Института научного атеизма СССР?» Эдуард Геннадьевич меня хорошо понял. И мягко улыбнувшись, ответил: «Понимаешь, при всем прочем, властям во все времена в конкретных ситуациях бывают нужны реальные специалисты... И конъюнктурщик тут ничего не сделает». Эту сентенцию я вспоминала потом неоднократно. В моей дальнейшей судьбе не только консультирование, но и мое собственное, пусть не очень продолжительное, но очень интересное «хождение во власть» принесло и еще одно важное понимание. Мифологемы общественного сознания, формирующие представления о власти, как чуть ли не о банде «поголовно коррумпированных бездушных чиновников», жестко контролирующих все аспекты социальной реальности, этаких монстрах, прорывающихся к кормилу лишь в целях собственного утверждения и обогащения, так же далеки от реальности, как и мифы о «миллионах зомбированных сектантов». И там и здесь встречаются очень разные люди. Попадаются порой весьма экзотические персонажи. Много ярких, неординарных личностей, много просто хороших очень ответственных добросовестных тружеников, ну и любых других, которые в конкретных жизненных ситуациях ведут себя, соответственно, очень по-разному.

Впервые, краевые власти обратились ко мне летом 1994 года, когда перед ними встала непростая задача – разобраться и понять что творится на юге края, в Минусинске и его окрестностях, куда понаехали странные люди со всей страны,

поклонники бывшего милиционера ППС и самодеятельного художника Сергея Торопа, объявившего себя ныне «Христом во втором пришествии». Принять участие в готовящейся выездной комиссии я сходу согласилась, тем более, что небольшой опыт личного знакомства с Виссарионом, как стал именовать себя «новый мессия», у меня уже был. Правда отправилась я туда не с официальной делегацией властных структур, на черных «Волгах», а своим ходом, что называется «с улицы». И, как и предполагала, обнаружила за пять дней своего полевого исследования и для себя и для пригласившей стороны весьма и весьма много интересного и даже неожиданного.

Второй звонок из «серого дома» (как называют у нас здание администрации края), прозвучал в нашей квартире уже через год и оказался для меня, свежееиспеченного кандидата философских наук, преподавателя кафедры философии и социологии педагогического университета, совершенной неожиданностью. Мне прямо, без обиняков предложили поменять место работы и стать специалистом по делам религий одного из структурных подразделений администрации края. На тот момент, после упразднения в 1991 году должности Уполномоченного Совета по делам религий, этой темой во властных структурах края никто предметно и тем более профессионально не занимался. Я некоторое время пребывала в легкой растерянности, не очень понимая зачем мне это нужно и нужно ли вообще... Убедил меня в резонности такого изменения профессии мой старший брат Алексей, имевший опыт работы инструктором крайкома комсомола еще в советские времена. На первой встрече с моим будущим начальником, о которой я уже упоминала, Натальей Игнатьевной Григоренко, трудно сказать, кто из нас больше волновался – я или она... Но уже осенью мы вместе с ней и еще рядом руководителей снова отправились к виссарионовцам. И эта поездка получилась достаточно продуктивной. К моим выводам и рекомендациям прислушивались однозначно. В те поры нашим губернатором был интеллигентный и выдержанный профессор-экономист Валерий Zubov, ныне депутат Государственной Думы. При нем в администрации края порядки были очень демократичными. Например, не представляло проблем зайти в здание и прогуляться по всем его этажам и приемным, включая и губернаторскую, любому желающему. Для этого было достаточно сообщить милиционеру на входе, что ты идешь пообедать в местную столовую, что никому не возбранялось. Посетители официальные шли сплошным потоком, вопросы решались по мере поступления и возможностей. Мне выделили персональный маленький узкий и вытянутый кабинетик (что для

рядовых специалистов было роскошью и редкостью), в связи со спецификой моих посетителей.

Да уж, есть о чем вспомнить. Дивный православный священник Н., дедулечка – божий одуванчик, ратовавший за открытие нового монастыря, одновременно отгоняющий бесенят у меня за левым плечом и приветствующий ангелочков за правым... Громила Д., весь фиолетовый от наколок, который дико вращая глазами, требовал, чтобы я призвала к порядку епископа Антония, который не желает признавать их «новое православное братство «Благоразумного разбойника», из таких же, как он сам «недавно откинувшихся» бандюков и убийц. Обаятельный примас (так и хочется написать «примус») местных католиков, поляк Антоний Бадура, огорченный тем, что религиями ведает не мужчина. И вовсе не из женоненавистнических мотивов, а потому, что творчески применяя местные традиции в католических целях (вероятно, в соответствии с решениями второго Ватиканского собора), он проводил неформальные посиделки со всеми значимыми персонами (в том числе протестантскими лидерами) в собственной баньке при хорошем таком домишке – монастыре. А с женщиной этот приемчик не работает, обидно, однако... И очаровательные монашки – кларетинки, которые упражнясь в русском языке на монастырских застольях, куда и меня приглашали несколько раз, увлеченно так распевали под гитару: «Ой цветет калина в поле у ручья, парня молодого полюбила я!». Вереницы протестантов всех деноминаций, которыми так известно в религиозеских кругах, отличается наше Зауралье. Председатель Сибирской Христианской Миссии Милосердия евангельских христиан, Виталий Иванович Коломиец, через руки которого проходили сотни тысяч долларов на благотворительные цели, а сам он ютился с женой и семьей детьми в малюсенькой комнатке типового общежития. Молодой и талантливый выпускник Одесской баптистской семинарии, строитель красивейшей новой церкви «Благодать», реформатор и политик, бесспорный авторитет среди всех тогдашних протестантских лидеров нашего края, Александр Иванович Пузанов. Вынырнувшие из подполья Свидетели Иеговы, их лидер Евгений Николаевич Зинич, интеллигентный, спокойный, с мягким и очень тонким юмором, подтянутые и пока еще мне малоизвестные мормоны, несущие пачки своей литературы и видеокассеты с собственной продукцией... Регулярно навещавшийся, по поручению правящего архиерея родной РПЦ, светлой памяти молодой и непосредственный о. Валерий С., юристический с детским простодушием сообщавший, что: «...а вот, знаете, вас ведь все считают тайным белым братом..», через год моей

работы в администрации: «а вот знаете, ведь вас теперь все считают тайной протестанткой..», еще через год: «а вот знаете, а уж теперь -то вас все считают тайной иудейкой...». Милейший Яков Вольфович Бриль, с которым вместе мы организовывали и курировали визит в наш город директора Института иудаизма в Израиле, похожего на сказочного гнома, удивительного маленького, доброго и очень мудрого раввина Адина Штайнзальца... Странно вспоминать теперь, что в те не столь уж давние времена, мусульмане в Красноярске были представлены в основном сибирскими татарами, а Вильдан Вильданович Авхадиев, возглавлявший местную общину, был спокойным стареньким дедушкой, весьма далеким от политических страстей и проблем межэтнического взаимодействия мусульманских диаспор... Разборки в исламской среде, в основном среди мусульман – азербайджанцев тогда уже были, но на уровне криминальной конкуренции в дележе рынков и других экономических сфер влияния. Что к моей непосредственной теме прямого отношения не имело. С моей любимой Натальей Игнатьевной мы уже летом 1996 года организовали и провели грандиозное обследование вивсарионовцев. Собрали в свою команду 36 разных специалистов: врачей, представителей органов образования, соцзащиты, психологов. И конечно же, провели масштабное социологическое исследование, результаты которого были позднее опубликованы мною в первой монографии и двух статьях о Церкви Последнего Завета. Подвел нас в этой экспедиции только один член нашей комиссии – тогдашний главный психиатр края, по совместительству ведавший еще и наркологией. Сразу же, едва успев сесть в поезд, везущий нашу доблестную комиссию в Курагинский район, он начал кушать водку большими порциями, ссылаясь на нервные перегрузки своей особенной работы, утром продолжил столь же рьяно опохмеляться и не просыхал до тех пор, пока мне не пришлось на второй день пребывания в поселениях ЦПЗ просто жестко выставить его обратно, с глаз долой...

Работалось мне легко. Было полное понимание с руководством, мы исходили из единого видения приоритетов – гражданского мира и согласия, примата конституционных принципов, использования социальных ресурсов религиозных объединений в интересах общества, в интересах людей. Самым важным и значимым в работе, для меня была возможность доступа к информации, касающейся всех аспектов нашей темы на официальных и около официальных уровнях, аналитика, выработка практических рекомендаций и их итоговая результативность. Как это выглядело со стороны? Сошлюсь на мнение моих уважаемых коллег. Спустя несколько лет пос-

ле своей работы в администрации, будучи в Москве, зашла по обыкновению в книжный магазин, сняла с полки только что изданный «Атлас религиозной жизни современной России», открыла, как всегда наугад и .. прочитала: «Красноярские власти сотрудничают с различными объединениями, а не только с «традиционными», на практике. Несмотря на то, что в большинстве регионах России представители власти боятся привлекать все конфессии и религии к социальной работе, красноярская политика показывает, что таким образом власти решают массу задач по развитию гражданского общества... В 1990-е годы традиции мирного сосуществования религий и толерантности были сохранены и преумножены. Основы современной политики в определенной степени были заложены при губернаторе Валерии Зубове (в 1993-1998 годах), который стал поощрять благотворительную работу, прежде всего, православных, протестантов и католиков, и без большой симпатии относился к требованиям епархии получить как можно больше собственности. За религиозную политику при Зубове отвечала Людмила Ильинична Григорьева, чья деятельность фактически и сформировала нынешний образец отношений власти и церквей в социальной сфере (в настоящее время Людмила Григорьева – профессор, один из ведущих религиоведов Сибири)» [1].

Чем мы конкретно занимались в эти два с половиной спокойных года? Да много чем: решали вопросы о возвращении культовых зданий их законным владельцам, о выделении земли под строительство новых (например, именно в эти годы были заложены ныне действующие армянская церковь и мусульманская мечеть). Создали Общественный совет по делам религий при губернаторе, который коллегиально решал наиболее сложные и комплексные задачи. Из интересных инициатив вспомнилось наше масштабное, совместное с Фондом медицинского страхования, мероприятие по добровольческой (сейчас бы сказали – волонтерской) помощи больницам краевого центра и края. Проблемой стало то, что в отделениях тяжелых лежачих и послеоперационных больных катастрофически не хватало санитарок. Грошовые зарплаты, тяжелая, грязная работа. Случалось, что несчастному человеку, у которого в городе не было близких, некому было подать стакан воды, поправить подушку, обмыть и уж тем более, поддержать за руку, просто по-человечески поговорить с ним. Главные врачи всех крупнейших больниц – Второй городской, Глазного центра при краевой больнице, Больницы скорой помощи, Ожогового центра – с большой радостью поддерживали этот проект.

После чего мы предложили лидерам всех зарегистрирован-

ных конфессий принять участие в этой долгосрочной акции. Одним из ключевых условий нашего соглашения было – помогать людям, но не проповедовать. Соблюдая принцип светскости и реализуя право на свободу совести. Откликнулись, прежде всего, крупнейшие протестантские конфессии и следом – Русская православная церковь. Составили пофамильные списки добровольцев, графики посещения больных, провели необходимое консультирование и теоретическую подготовку, оформили пропуска. Через полгода собрали на нашем Совете всех главврачей и всех представителей церквей, обсудили, что и как получается. Оказалось, что очень даже хорошо получается. Опыт начали расширять, привлекая те населенные пункты, в которых были стабильные организованные религиозные объединения. Эта акция продолжалась на протяжении многих лет и после завершения моей работы в администрации края. Наверное, кому – то покажется крамоллой, но когда администрация одного из районов города, в котором тогда дислоцировались наши социально активные кришнаиты, попросила привлечь их к социальной патронажной службе помощи старикам и инвалидам (пол помыть, за продуктами сходить, книжку почитать), то и здесь мы дали зеленый свет. Поскольку всех своих знаем, могу сказать, что ни один из опекаемых, кришнаитом в итоге не стал, а вот наши вайшнавскоориентированные россияне, очень хороший опыт реальных добрых дел в своей жизни получили.

Все эти годы я продолжала и преподавать, и регулярно, примерно два-три раза в год, летать в РАГС на свою родную кафедру, консультировать коллег из всех регионов России по все той же любимой теме. Но когда после официальной части начинались самые важные неформально – кулуарные и задушевные вечерние общения, мне не очень удавалось вписываться в обсуждение с каждым годом все более насущной темы – у кого сколько скандалов и судебных процессов в религиозной сфере в минувший срок состоялось. Здесь похвастаться было просто нечем. Ни одного скандала, и, что сейчас тоже несколько странно вспоминать, ни одной судебной разборки. Все тихо – мирно. В 1998 году меня даже пригласили выступить на Комиссии по делам религий при Президенте, поделиться опытом нашей работы.

Что в этой работе меня не радовало? Да много чего. Ежедневное и круглогодичное обязательное залипание попой на стуле в четырех стенах с 9.00 до 18.00. Спасалась тем, что по закону о государственной службе преподавать не возбранялось, а согласовывать свое расписание с начальством удавалось без проблем. Огорчало, что возможность свободных полевых ис-

следований так же резко сузилась. Три самых замечательных преимущества преподавательской профессии – июнь, июль и август, теперь проплывали мимо, за окном моего внесезонного и вневременного кабинетного пенала. Временами, особенно летом, когда поток посетителей и бумаг резко иссякал, и все затихало, казалось, что это принудительное высиживание стагнирует не только мышцы, но и мозги, и чувства, и самую мою жизнь. Не добавляло энтузиазма превалирование бумажной работы над живой, ее ритмичность и монотонность, что очень диссонировало с моим характером и привычками.

И все же иногда мне удавалось вырываться, используя преимущества новой профессии. Командировки, участие в профессиональных официозах, различные нами же организуемые мероприятия, общение с коллегами, забегавшими в перерывах на чашечку чая, нахождение в самом центре политических, быстро меняющихся событий. В целом, скорее нравилось, чем наоборот.

Но продолжалась моя спокойная и интересная жизнь в «сером доме» только до прихода нового губернатора. Которым стал легендарный харизматичный генерал Александр Лебедь. Вследствие этого жизнь моя стала еще интереснее, но вот спокойной быть перестала напрочь.

В те поры бои за власть были самыми что ни на есть настоящими: с компроматами, скандалами, интригами и даже побоищами между представителями конкурирующих претендентов. Мы оторопело наблюдали по телевизору как с воплями и руганью вцеплялись друг другу в волосы борцы за демократическую избирательную кампанию. Не менее шокирующим было и «взятие серого дома» новой властью. Всю первую неделю с музыкой и гамом, залетные разбитные дамочки и хлопцы в кожаных куртках и только что не в наганах на боку, тягали по кабинетам ящики с шампанским и поздравлялись до поросычьего визга. Дым коромыслом от этой гульбы стоял такой, что после интеллигентного Валерия Зубова мы в принципе не понимали, что происходит и как такое возможно.

В команде Лебеда особым боевым задором выделялась некая могучая бабуля лет за шестьдесят, в красных сапожках, украинских нарядах и с косами вокруг головы, яркая и громогласная, как пожарная машина. Себя она называла не иначе, как «мать казачья» или «боевая подруга Александра Ивановича». И действительно, эта выпускница торгового техникума, соратница Лебеда по Приднестровью, пользовалась неограниченным доверием боевого генерала. Вот с нее-то и началась изменения в моей профессиональной сфере. «Мать казачья» оказалась истово – православной и на этом основании

решила взять на себя курирование религиозных вопросов. Наша первая с ней стычка, она же и первое знакомство состоялось как раз на этой почве. В первые дни воцарения новой команды коллеги принесли мне в кабинет газетки с новостями о том, что готовится публичное освящение администрации края. Поразвлекавшись шуточками на тему о том, какую же бригаду сюда надо заслать, и о том, что всю ее стоит отправить в мой кабинетик, куда кто только не ходит, я все же сочла необходимым написать служебную записку с указанием всех статей Конституции и законов РФ, согласно которым такое действо в этих стенах выглядело неправомерным и недопустимым. Коллеги слабо верили, что кто-нибудь из новых на это всерьез отреагирует. Однако, паче чаяния, в самый день назначенного освящения, с утра пораньше меня вызвали к одному из советников губернатора, который оказался весьма озадаченным, открывшимися ему вдруг непредвиденными юридическими обстоятельствами. После недолгих обсуждений решили спустить ситуацию на тормозах и попросить отцов отслужить молебен перед крыльечком, к радости собравшихся там со всего города православных бабулек. Всех, кроме одной, той самой «казацкой матери». Подлетев ко мне, она грозно возопила: «Это ты что ли отменила, то что я назначила!?». Пришлось скромно объяснить, что отменять – не в моих полномочиях. А вот консультировать о законе, да, конечно. С этого дня у меня появился свой личный, персональный враг в лице означенной «боевой подруги». Вскоре все верующие со своими вопросами стали направляться уже не в мой, а в ее кабинет. И это было весело! Скажем, забегают ко мне баптисты, спрашивают: «Как там эта новая?». Я им говорю как есть: «Она протестантов не любит, будьте повежливее!». А через полчаса они снова вваливаются в мой кабинет и уже хохочут: «Мы зашли, она и спрашивает – а вы кто будете?» Мы честно говорим: «Баптисты!» Она с облегчением комментирует: «Слава Богу, что баптисты, а то я уж боялась, что протестанты!». Вскоре хохотал уже весь РАГС, когда потрясая георгиевскими крестами на могучем бюсте, «мать казацкая» вещала с большой трибуны, что она думает о религии и религиозной политике. Даже довольные поначалу таким оборотом, православные батюшки, появляясь по своим делам в наших коридорах, вскоре стали занюхивать в ближайший кабинет и прятаться чуть ли не за вешалку, увидев издалека красные сапожки и вышитую сорочку. Потому что, настигнув священника, «боевая подруга» начинала его истово лобызать, засыпать всяческими вопросами и многоэтажными идеями и предложениями. Что же до меня, то я, как тот хакас в степи, продолжала жить по при-

нципу «что вижу, – то пою», комментируя все происходящее с тем же удовольствием, что и сейчас. Надо ли говорить, что вскоре на меня начались гонения, о которых я прежде и подумывать не могла. Сперва меня отстранили от любимой работы. Затем перевели от моей Натальи Игнатьевны и определили под начало к новому человеку, приглашенному в команду Лебеда со стороны, его же непосредственным начальником была сама бабуля. Заставили меня выполнять механическую работу по вырезыванию ножницами и складыванию в стопочки каких-то газетных заметок. Начали контролировать мои уходы и приходы на преподавательскую работу, а потом в один прекрасный момент и вовсе запретили преподавать. Далее началось прессингование с требованием написать самой на себя лживую объяснительную, на основании которой меня могли уволить по нехорошей статье безо всякого выходного пособия. Я отбивалась изо всех сил, вместе с Натальей Игнатьевной писала докладные на имя губернатора, но становилось все сложнее и сложнее. И тут снова на выручку пришел мой старший брат. Обсудив со мной все происходящее, он предложил: «Слушай, бабка эта впечатлительная, попробуй сделать то-то и то-то». На следующий день, всем забегающим ко мне на чашечку чая коллегам, я с горестным и задумчивым видом вещала примерно следующее: «Жалко, конечно, бабку... Но тут уж я не виновата, все видели, я терпела, сколько могла... Не понимает она, бедняга, что в силу своей специальности кое-чем я и сама владею.. я же религией всю жизнь занимаюсь... да еще и эзотерикой всякой.. работа у меня такая... Конечно, начну я с немогого.. только ее же зло на нее же разверну. Урочить ее пока не буду. Глядишь, еще образумится... Пусть уж на себя теперь обижается». Надо ли говорить, что к концу дня по всему серому дому народ с интересом обсуждал эту увлекательную тему и делал стойку на будущее. Конечно, не узнать о моих разговорах «мать казачья» просто не могла. Шел весенний месяц март, на улицах было скользко и ветрено. Следующим утром, торопясь на работу, «боевая подруга» грохнулась на ровном месте, и, увы, поломала себе руку. Серый дом тихо охнул и притих. А я со скорбным видом целый день комментировала: «...вот, предупреждали же ее, не вняла, не покаялась... а ведь дальше и хуже может быть...» С этого дня отношение ко мне круто изменилось. После всплеска реальной паники, когда новый начальник хватал меня за руку на лестнице, трясаясь и подергиваясь: «Это правда вы? Это правда вы сделали??» На что я ласково отвечала: «Правда – правда, то ли еще будет...» – так вот после этого всплеска меня стали побаиваться и диктовать условия стала уже я сама. Оставаться в этой живописной кампании разнока-

либерных авттюрюг у меня уже не было ни малейшего желания, о чем я и заявила начальнице отдела кадров. Оговорила оптимальные для себя условия увольнения, с годом получения полной зарплаты и решила заняться докторской, благо, что и в докторантуре РАГСА уже числилась, и материал был уже набран и осмыслен. А потом, после моего ухода начались и вовсе непредвиденные действия. Проблемы в религиозной сфере нарастали как снежный ком, решать их оказалось некому и мне снова начали звонить из серого дома, с просьбой помочь разобраться, написать ту или иную справку, проконсультировать или посоветовать. В случае необходимости за мной присылали машину, и я ехала делать то, что было реально нужно делать. Текучка кадров в команде Лебеда была колоссальная, новые люди менялись один за другим. В этот второй период мне довелось познакомиться с новым замом по социальным вопросам – Надеждой Ивановной Кольбой, которая позже окажется в том самом вертолете и разделит судьбу губернатора.... Кольба была из наших, красноярских, не знаю, кто порекомендовал ее и почему она согласилась, но человеком она была замечательным. Мы сразу нашли общий язык и вопросы решали легко. А были они очень разные. Вот один из самых забавных: зная, что Лебедь благоволит к православию, архиерей выступил с инициативой, которая повергла генерала и его верхнее окружение в легкий ступор. Епископ попросил профинансировать создание «православной кролиководческой фермы» миллионов этак за двадцать. При всей любви к православию, Александр Иванович финансировать разведение православных кроликов как-то не очень захотел. Но и как грамотно отказать, тоже не знал. Вот и пришлось писать мне официальную бумажку по этому поводу. В конце концов, меня пригласили в кабинет к еще одному загадочному человеку, которого у нас все называли «серым кардиналом». Там мне было предложено вернуться во власть, стать его личным консультантом, с особыми условиями и полномочиями. В подкрепление своего предложения мне вручили уже оформленное удостоверение новой должности со всеми печатями и подписями и.. командировочное удостоверение для поездки в РАГС на ближайшую конференцию. На что я вежливо ответила, что в РАГС я и так уже лечу, а насчет предложения, спасибо, подумаю. Это удостоверение и до сего дня валяется где-то в моих обширных архивах. Потому что еще до начала этой беседы я уже точно знала, что в кабинеты дешенные, ни на каких условиях больше не хочу. Уж извините...

Третья серия лебедевского призыва во власть связана для меня с именем человека удивительного, которого пригласили

откуда-то с Алтая специально для курирования религиозных и общественных объединений. Мои любимые коллеги из администрации не преминули позвонить мне и весело сообщить, что новый специалист по делам религий по образованию и вовсе... ветеринар! Вскоре он сам пригласил меня познакомиться. Теперь – то я понимаю, что гордыня, это не только грех, но главное – величайшая глупость. Но тогда... Я заявила к нему в кабинет только для того, чтобы сообщить Марку Геннадьевичу Денисову, что еще только вот под началом ветеринара я религиозной проблематикой не занималась. Он выслушал меня как-то очень спокойно и с интересом... Я же через некоторое время с искренним удивлением убедилась в том, что незаменимых у нас и вправду нет, и что новый комитет работает в нашей сфере достаточно грамотно и ровно. Теперь, правда, вопросами религии в администрации занимался уже целый отдел, пять человек, специализирующихся на конкретных направлениях. Вскоре Марк Геннадьевич поступил на религиоведческое отделение РАГСа, где пользовался всеобщим уважением, и блестяще его закончил. Спустя еще пару лет, когда страсти поутихли, этот человек оказался единственным руководителем из команды Лебеда, который был оставлен в команде Хлопонина. И тут волей – неволей, работая в одной сфере, мы вынуждены были снова пересечься. Приезжали коллеги из Москвы с большим семинаром, и готовить и проводить его нам пришлось вместе. Так вот, наш второй в жизни разговор состоялся за обеденным столом, во время перерыва. Где Марк Геннадьевич добродушно заметил: «А вас ведь дезинформировали.. я вовсе и не ветеринар.. я и вообще.. ихтиолог. Рыбовод по первому образованию. Но это не важно, по какой специальности ты получаешь образование.. Важно КАКОЕ образование ты получаешь. Все мои первые профессора были замечательными личностями и прекрасными наставниками». Сегодня, спустя почти десять лет после этого второго разговора я улыбаюсь, думая о том, какая неожиданная штука жизнь. Марк Геннадьевич Денисов, теперь Уполномоченный по правам человека в Красноярском крае, один из самых любимых преподавателей у студентов моей кафедры религиоведения. Один из самых интересных и мудрых собеседников, и даже некоторое время один из лучших моих аспирантов.

Что до моих сегодняшних контактов с властью, то они продолжают периодически случаться. По разным темам. От экспертирования уголовных преступлений, до социологического изучения состояния дел в системе образования и воспитания, от комментариев по поводу тех или иных событийных прецедентов, до чтения лекций таможенникам или

работникам силовых структур по вопросам религиозного экстремизма.

Теперь, о методе сбора информации. Вы знаете, в советской/российской социологии не очень густо, но использовались разные схемы включенного наблюдения... Как бы Вы назвали примененную Вами процедуру? Как Вы к ней пришли? В каких случаях Вы рекомендовали бы ученым обратиться к Вашему опыту...?

Первое, что пришло на ум – бородатый социологический анекдот. Рассказывают, что однажды к Эванс-Причарду явился один из его учеников, трепетно ожидавший вопросов мэтра о степени его подготовленности к полевому исследованию. Вопросов ему было задано два: не забыл ли он взять с собой тетрадь и карандаш для записей, и готов ли он пить со своими информантами.

Если серьезно, то фундаментальные методы в моем случае так и остались фундаментальными. Нас обучали общей стратегии проведения социологических исследований еще в вузе, но, наверное, более значимым для меня было то, что все студенты моего отца не могли прийти на зачет без дневника посещения той или иной религиозной общины. Я эти дневники из любопытства осваивала, с папиными же комментариями, еще до института. А потом, когда моя собственная группа готовилась ему сдавать зачет, мы все, не сговариваясь, дотянули до последнего и отправились, в итоге, к адвентистам седьмого дня. Общинка у них была тогда маленькая и располагалась почти в центре, в крыле домика по улице Игарской, который они арендовали у братьев – православных. Наша доблестная кампания пришла пораньше и уселась в молитвенной комнате, заняв практически все места. Бедные адвентисты все собрание кротко кучковались у входа и вели программу фактически для нас, нерадивых. И тогда же отец говорил мне о том, что невозможно изучать религию, не чувствуя людей, эмоциональной и духовной атмосферы, не понимая внутренних смыслов происходящего. Прежде чем писать о методах, хочется пару слов сказать и о методологии.

Нас учили видеть в частном и даже сугубо личном, объективно – исторические социальные детерминанты и проекции. Что породило англиканскую церковь? Любовь Генриха восьмого к Анне Болейн или контекст разворачивавшейся реформации? В моем видении правильный ответ: и одно и другое. Но второе важнее. Ведь нашего Ивана Грозного ортодоксальное православие не остановило в его матримониально – садистских эксцессах, и даже не притормозило... Так же как и папу Алек-

сандра шестого его ортодоксальное католичество. Нас учили видеть за деревьями лес, видеть целостность и детерминанты движущегося и изменяющегося социального процесса. Методологический кризис западной социологии с его стыдливой дескриптивно – фиксирующими методами, вызывает у меня ассоциацию с выражением, которое стало у нас модным только после перестройки «это не мои проблемы». Социальные факты и социальные коллизии? – так, всяческие частности, рождающие новые частности, в контексте слабо прогнозируемых или вовсе непрогнозируемых и, следовательно, абстрактно – стихийных социальных протуберанцев.. В свете все того же постмодернизма, только слегка извне и сбоку.

Нас учили другому, например тому, что в нашей стране у нас у всех проблемы общие. И с ними можно и нужно что-то осмысленно делать, искать и находить верные методы, ибо всякая проблема – это, по сути, задача, требующая грамотного решения. А критерий истины – социальная практика и ее реальные последствия (прошу прощения за столь материалистический идеализм). И еще нас учили видеть человека. Не абстрактного «субъекта», а личность, такого же, как и ты сам, но иного и нуждающегося в понимании или для меня, или для него, или для всех нас, потому что все мы «в одной лодке». Может быть, потому, что наша страна полиэтнична, а ментальность соборна, изучать кого-то в жесткой поляризации субъект – объектных отношений представлялось мне, мягко говоря, позицией не слишком этичной. Хотя и с пониманием, как достаточно практичной, инструментальной и даже, быть может, эффективной... В целерациональной парадигме, рождающей инструментализм, аномию и угрозу вырождения целым народам. Поэтому да, «понимающая социология», да, антропологическая парадигма, но с поправкой на исторический объективизм. И снова о методах. Да, позитивизм, да, протоколируемость, да, сбор и анализ максимального количества и разнообразного качества источников информации, документов на любых видах носителей. Только вот столь универсально используемый Интернет, как основной или единственный источник объективной и полной информации (имея ввиду и сайты самих религиозных сообществ), вызывает у меня значительные сомнения, неоднократно проверяемые и подтверждаемые практикой.

Базовым методом было и остается живое, полевое социологическое наблюдение. И включенное и невключенное, и открытое и закрытое, и прямое и косвенное с жесткой, последовательной фиксацией всего, что относится к объекту и предмету исследования. В соответствии с целями и задачами собственно научного изучения конкретных феноменов.

Причем, мой опыт показывает, что иногда, открытое и невключенное наблюдение может дать информации не меньше, а даже больше, чем закрытое включенное. Все зависит от конкретной ситуации. Приведу буквально пару примеров из своей практики. Когда в августе 1994 года я согласилась принять участие в работе первой официальной комиссии администрации Красноярского края по изучению нового религиозного движения последователей Виссариона Минусинского, то отправиться в Курагинский район я решила не с членами комиссии на черных «Волгах», а своим ходом и посмотреть на ситуацию, что называется «изнутри». Пришла на городскую виссарионовскую тусовку по объявлению на ближайшем столбе и уже через пару дней ехала на встречу с лидером движения в Курагино. Там по субботам происходил конвейерный прием страждущих, которых «гуру» посылал кого подальше, кого поближе – в одно из его поселений, разбросанных по трем близлежащим районам. Несколько напрягало меня то, что за полгода до этого я весьма несерьезно вела себя на первой такой аудиенции в Минусинске, куда мы съездили с группой разношерстных ньюэйджеров. Когда американка – бахаи Джанет Кестер очень вежливо и серьезно спросила нашего Сергея Анатольевича Торопа: «А вы правда уверены в том, что вы – Христос?», сохранить полностью приличное выражение лица у меня просто не получилось. Но в Курагино все обошлось. Когда я блеющим голосом, покрытая красными пятнами, робко спросила у Виссариона: «...а вы меня не помните?..», он снисходительно улыбнулся и прокомментировал что-то вроде: «много вас таких тут ходит, всех не упомнишь..», что сразу меня и успокоило. Послал он меня в деревню Журавлево, где следующие четыре дня я наблюдала за происходящим и знакомилась с народом в качестве рядового потенциального последователя. Кое-что узнала, но не так чтобы слишком много. И уже собралась было уезжать... как руководством общинного поселения было объявлено, что «к нам едет ревизор, сиречь комиссия из администрации края и надо решить, о чем им говорить, а о чем – нет». Ух ты! Вот это здорово! – подумала я и решила немного подзадержаться. Вечером собралось тридцать девять человек, из них двадцать один мужчина, и стали обсуждать: «а вот про то облако на молении, когда оно засияло, а потом радуга... это комиссии говорить не будем... а то еще решат, что мы тут все чокнутые... А про шерсть, которую мы закупили, и из которой мы хотели коллективно нитки прясть и носки вязать, а потом женщины не договорились и вся шерсть погнила... тоже не будем... Эх, а помните, мы еще такой мостик красивый хотели построить... Давайте расскажем им, какие

мы все дружные... И это..., еще: почему не все сегодня пришли? Давайте на следующий сбор закрепим за активом тех, кто не пришел, и будем за ними заходить и приводить! И вот: мы же женсовет никак не выберем, давайте сейчас и проголосуем!». Чем дольше я все это слушала, тем веселее мне становилась, и тем отчетливее было впечатление, что где-то и не однажды я это все уже наблюдала. Ну, конечно же! Когда под занавес этого бурного собрания кто-то взял гитару и все вдохновенно запели: «Я в мир удивительный этот пришел, отваге и правде учиться, единственный друг, дорогой комсомол, ты можешь на нас положиться!!!» – все стало ясно – понятно. Перед тем как разойтись, было предложено представиться всем новеньким, поскольку тогда еще со всей страны народ подъезжал и подъезжал. По кругу вставали и отрекомендовывались прибывшие из разных мест, моя очередь была последней. Народ уже потихоньку елозил, привставал, посматривал на часы, переговаривался... Когда я кротким голосом сообщила, что вообще-то люди мы местные.. из Красноярска.. интересующиеся.. и .. я и есть та самая комиссия из администрации края! Финальная сцена гоголевского «Ревизора»: все ахнули и замерли в ех позах, в которых застало их это неожиданное сообщение. А дальше... дружный громовой хохот и бурные коллективные аплодисменты. Интуиция меня не подвела, и ребята оценили репризу с соответствующим восторгом!

В последующие два дня я увидела и узнала столько, сколько при закрытых включенных наблюдениях могла бы не узнать и за месяц. До этого я жила в своеобразном «общечитии» для вновь прибывших – опустевшем детском садике, снятом с государственного финансирования, где народа было довольно мало, а тут меня потащили знакомиться по всем домам. Причем увидеть пришлось и много такого, что не только проясняло ситуацию, но показывало и ее проблемные зоны. Вот один из наиболее жестких эпизодов и для меня и для верующих. Чтобы переписать и отдать мне несколько видеокассет с материалами о жизни общины, каковых всегда снималось очень много (а в те первые годы еще и без внутренней цензуры), меня пригласили в гости к Лене З., московской художнице... Дверь домика нам открыла молодая женщина, в длинном платье, с толсто забинтованными ступнями. На мой вопрос она небрежно ответила: «Ах это? Обыкновенная чистка.. всякая грязь выходит...». Словечко «чистка» из ньюэйджевской лексики мне тогда уже было хорошо знакомо. В темноватой, после уличного солнца, комнате, я пошла к окошку на чьи-то слабые стоны.. В кровати лежала девочка лет семи с закрытыми глазами, в жару, тяжело дыша, вся покрытая гниющими язвами и болячками,

слегка замазанными зеленкой. «У нее тоже чистка!», – бодро заявила мамаша, – да, температура есть, около сорока, а как же иначе – вся греховная грязь выгорает..., нет, врача не вызывала, и на порог не пущу! Учитель же сказал, что это мы сейчас пройдем, а при трансмутации космоса все остальные вымрут, а мы омолодимся... Ну а если умрет.. значит, карма такая.. учитель же сказал, что просто тело поменяется и ничего страшного...». На следующий день в этот домик по улице Лесной приехала бригада медиков, девочку госпитализировали, семью начали лечить, диагностировав стафилококковую инфекцию. И, конечно же, с моей подачи. А как бы вы поступили в такой ситуации? С позиции нейтрально-научной наблюдающей социологии? Когда через полтора года мы проводили комплексное исследование ситуации в центральных поселениях виссарионовцев, то большую часть наших специалистов в комиссии составили именно медики. Обнаружили и массовые дерматологические инфекции, и проблемные прививки у детей (район этот – один из самых неблагополучных по туберкулезу), у многих людей были выявлены впервые образовавшиеся камни в почках, им всем были переданы соответствующие медицинские заключения. Причины последнего мы указали две: повышенную минерализацию воды в местных колонках и ограничение жидкости в рационе последователей, в связи с тогдашней рекомендацией Виссариона как можно меньше пить, перейдя на... свежесжатые соки. Себе, вероятно, он такую роскошь позволить мог... После нашей комиссии, «мессия» снял ограничения на потребление жидкости и ряд продуктов, в том числе молочных и много на что еще... Последние десять лет он и вовсе предпочитает не только не ссориться с властями, но и сотрудничать, где это только возможно..

К вопросу о качественных методах исследования. Знакомство с разнообразными зарубежными социологическими теориями на эту тему, особенно после появления интернета и информационного прорыва произошло спонтанно и одномоментно. Впечатление от обилия новой и интересной информации было примерно такое же, как у того персонажа из анекдота, которому случайно попал в руки энциклопедический медицинский справочник. Все описанные симптомы всех существующих диагнозов у самого себя были с большим интересом и увлечением выявлены. Кроме, единственно, внематочной беременности и то только потому, что он был мужчиной...

При некотором желании, зарисовки подобные приведенной выше, которых в моей коллекции достаточно большое количество, можно интерпретировать и в свете этнографического (антропологического) метода, и как иллюстрацию в духе дра-

матургической социологии Гарфинкеля, и как версию драматической социологии с использованием метода наблюдающего участия по Алексееву... Кейс-стади? Конечно. Биографическое тематическое интервью? – непременно! Глубокое и длительное погружение в повседневный мир верующего? – разумеется! и многое другое тако же..

С той лишь оговоркой, что многие годы своей научной деятельности, на практике используя едва ли не весь комплекс качественных методов исследования, прежде всего для выявления сути происходящих процессов и обнаружения глубинных личностных мотиваций, я не считала в принципе возможным публиковать имеющиеся у меня материалы личного характера, касающиеся моих информантов. Даже то немногое, что я здесь рассказываю, публикуется впервые, до этого я использовала такого рода примеры только устно и только на лекциях по социологии религии для своих студентов

Практически во всех моих научных публикациях, будь то статьи, монографии или обе диссертации в качестве подтверждающего или объясняющего материала используются в основном цифры – результаты и показатели разнообразных количественных исследований, данные опросников и анкет, документы самого разнообразного типа, безусловно фиксирующие те или иные конкретные факты надличностного характера.

Почему? По целому ряду причин. Во-первых, исходя из этических соображений в отношении своих информантов. Люди мне доверились, открылись, что-то рассказали о себе. И даже не «что-то», а очень и очень личные вещи, включая интимные. Для меня многое стало проясняться. Но я не могу публиковать, запротоколировав и предъявив некие отдельные или уникальные ситуации и судьбы в качестве серьезного объясняющего аргумента, тем более, универсального. Хотя повторяющиеся ряды фактов такого рода многое выявляют. Болезни, чаще всего онкология... Когда хватаются за любую соломинку. Чаще гибнут, но иногда все же исцеляются или консервируют процесс. Мировоззренческие надломы. Психологические травмы. Сексуальные проблемы.. Однажды ко мне обратилась женщина, взрослого сына которой чуть живого, почти умирающего с весом около сорока килограммов, при росте сто семьдесят сантиметров, привезли домой из одной маленькой, но весьма заметной религиозной общины в окрестностях нашего города. Все документы, включая результаты сразу сделанных ему анализов, эта женщина мне передала, и их я предъявить могу, если возникнет такая необходимость. У парня, как и у большинства членов этой религиозной группы – жесточайшая аутоагрессия, на первый взгляд ничем не мотивированная.

Едва поднявшись, он снова стал рваться туда обратно... к своей молодой жене. Людей там было всего пара десятков, все молодые, активные и, на внешний взгляд, чрезмерно аскетично – фанатичные. Все из хороших семей, вчерашние студенты, до этого совершенно обыкновенные, социально адаптированные. И вдруг, ни с того, ни с сего ударившиеся в какую-то очень странную религию. Здесь – посты, больше похожие на перманентное голодание, едва ли не круглосуточные молитвенные бдения, покаяния, ледяные обливания, тяжелейшая выматывающая работа в виде послушаний, холодный плохо отапливающийся дом, «братско – сестринские» отношения между супругами... Так и хочется про «кодирование – зомбирование» вернуть – сразу станет «все понятно»: и кто виноват, и что делать. Пришлось зайти туда при помощи все того же метода закрытых включенных наблюдений. Просто потому, что иначе никак понять происходящее не удавалось. Через несколько недель, влившись полностью в жизнь этой маленькой группы, была открыта совершенно неожиданная вещь – все эти молодые люди и девушки имели сходные проблемы со здоровьем, которые переживались всеми и каждым как личная катастрофа. У девушек поголовно, не излечивающиеся эндометриты и эндометриозы, делающие супружескую жизнь почти невозможной и при любых раскладах – бесплодие, у юношей – импотенция на фоне различных поставленных и не поставленных диагнозов. Отсюда – истовое монашество, рефрейминг в сторону «особой избранности богом», жесточайшая аскеза, плавно перетекающая в отчаявшееся, но внешне бодрое и социально активное, религиозно окрашенное растянутое, медленное самоуничтожение. Откуда эти заболевания – бог весть: экология, образ жизни, да и психосоматику никто не отменял, но.. Попробуйте их переубедить и объяснить, что надо вернуться в город и жить как все... не имея надежды на самое для них главное – семью, супружескую любовь и близость, родных детей. Которых хотят, о которых мечтают, точнее – запрещают себе мечтать. И попробуйте написать строго научную статью по поводу выявленных субъективных мотиваций нетрадиционной религиозной конверсии. Да, это известные социологам – качественникам проблемы депривации и стигматизации, но в данном случае – скрытной, стыдливо – мучительной, прячущейся, не желающей собственного публичного обнаружения ни под каким видом. Такого рода примеров множество, и когда я что-то очень небольшое могу рассказать, то обычно добавляю: быть может в глубокой старости, если удастся дожить, я напишу большую повесть о людях, которых я встречала в этих общинах, об их, таких непростых решениях и судьбах.

Во-вторых, материалы качественных исследований всегда рассматривались мною только как сырье, необходимое для формирования гипотезы и ее дальнейшей тщательной перепроверки. Чего я не понимаю в социологии, да, собственно, к ней и не отношу, так это бездоказательную беллетристику, сколь бы завораживающей и привлекательной она не казалась, и эмоционально окрашенный нормативизм. Да, кейс-стади классная вещь, очень яркая, живая, увлекательная. Иногда многое и очень многое проясняющая. Но если я скорблю о погибшей от артрита и истощения Жене Колпакчи, всеми преданной и брошенной в собственной религиозной общине, то я не имею права игнорировать тот факт, что сотни других людей, постепенно адаптировавшихся различными способами, продолжают здесь жить, рожать детей, строить дома и не желают возвращаться обратно в то «реальный мир», из которого они когда – то эмигрировали в нашу сибирскую тайгу. Из огня, да в полымя... «Я предпочитаю умереть здесь, чем жить с вами, в вашей мерзости, там» – этот эмоциональный тезис я слышала неоднократно из уст многих «сектантов» и от Жени в частности... Когда я пишу все это, то отдаю себе отчет, что данный текст, будучи биографическим интервью, а не моей научной публикацией, в большей степени характеризует меня, нежели объект моего научного исследования. Поэтому и эмоциональные пассажи здесь себе позволяю.

То же самое могу проиллюстрировать и с позиции снова популярного в нашей религиоведческой среде феноменологического подхода. Иногда в исследовательской практике встречались ситуации и вопросы, ответы на которые не удавалось получить никаким из известных социологических методов.. Например, я многие годы никак не могла понять, что находят в своем лидере – Виссарионе его последователи, люди в массе образованные, зрелые, умные и интересные. Каждый раз, просматривая и прослушивая множество записей с его выступлениями и, особенно, оказываясь регулярно (2–3 раза в год) на его живой проповеди я никак не понимала, что так влечет к нему его паству. Тягучие и монотонные рассуждения обо всем и ни о чем. Многочасовой льющийся бесструктурный словесный поток, который у меня вызывал только утомление, раздражение и непонимание. И стоящие на коленях, замершие в тихом блаженстве, расплывшиеся в умилении вчерашние летчик – испытатель и директор юрмальского санатория, чиновник белорусского министерства путей сообщения и учительницы начальных классов, владелец успешного питерского бизнеса и инженер с Уралмаша. Вариант возможного ответа пришел, как водится, совершенно неожиданно.

Весной 2002 года ушел из жизни Николай Антонович Трофимчук, мой руководитель, наставник и соратник. Его уход я пережила очень тяжело. Возникло чувство, что обрушилось то, на чем мы стояли крепко, рядом с ним. Кафедра религиоведения РАГСА, открытая им в 1994 году, все последующие годы была единственным центром реальных религиоведческих социологических исследований в нашей постсоветской стране. Показалось, что центр рухнул и все разваливается за ненадобностью. С его уходом мы осиротели. И навалилась тяжелая депрессия. Состояние для меня редкое и не типичное. Осенью, как обычно, я пришла в аудиторию на вводное занятие по своей родной теме – новым религиозным движениям. Привычным жестом включила видеокассету с обзорной записью по теме, где мелькали лица наиболее известных «гуру», которую я знала чуть ли не наизусть и, сев на заднюю парту, отключилась, погрузившись в сумрачную апатию. Но вдруг... я почувствовала, что мне становится легче. Словно кто-то мягкой, ласковой лапкой гладит душу и проникновенно говорит: не горюй... Все будет хорошо, все уже хорошо... я с тобой... Тебе уже легче, все проходит... Вот тут я мгновенно отрефлексовала, включила мозги, стряхнула непонятную пришлую эмоцию и резко вынырнула во внешний мир. Это лилось с экрана. Виссарион мягко вещал что-то вроде: «да... конец света уже идет, скоро все погибнут, это трансформация, это нормально...». Но моей психике было все равно, что именно он говорит. Важно было – как он это делает, и как я это почувствовала. Такой вот одномоментный резонанс. И если допустить, что это типичная ответная реакция депрессивной психики на данную интонацию, то тогда все его выступления – это непрекращающийся эмоциональный кайф для внимающих.. Такое вот психологически – эмоциональное обезболивание.. Такой вот «опиум народа».. с таким вот специфическим харизматизмом.. Мне снова стало интересно. Вскоре я занялась созданием собственной кафедры религиоведения, которой руковожу и по сей день. Но могу ли я на основании данного эпизода делать обоснованные объективные выводы о природе влияния Торопа на своих последователей? Боюсь, что опять же – нет. В описанном случае все слишком субъективно и ситуативно.

Да, для меня и сегодня остается идеалом и принципиальным методологическим основанием требование максимальной возможной объективности исследования, которое только и делает науку наукой. Хотя прекрасно понимаю, что «все мы люди, все мы человеки» и никакой субъект не может быть абсолютно, стопроцентно объективным по определению. Возможно именно потому, что сама я достаточно эмоциональна и

использую эту свою черту характера в качестве эффективного инструмента (но только и именно инструмента!), там, где это, на мой взгляд, уместно и оправданно. Например, в общении, в своих устных выступлениях, в разъяснении чего-то очень важного и личного на лекциях, или в целях популяризации.. Но стараюсь никогда – в качестве серьезного аргумента или основания для научных оценок и выводов.

И еще немного о профессиональной этике и непреодолимых барьерах в освоении всего исследовательского поля социологии религии, особенно же в моей теме – практическом исследовании ньюэйджевских культов.

Как правило, этические кодексы социологов связаны, прежде всего, с конфиденциальностью информантов, не причинением им вольного или невольного зла, компенсацией их участия в процессе исследования и т.д. Или с проблемами ангажированности или неангажированности самого исследователя. Но иногда возникают и иные ситуации. Например, проблема личной неприкосновенности самого социолога и его право на собственную этическую автономию. Году в 2003 у нас в городе стали появляться «анастасийцы», последователи Мегрэ – Пузакова. Их первая официальная группа была зарегистрирована Минюстом в статусе общественного экологическо-просветительского объединения с лирическим названием «Весна». Мой приход к ним не мог уже остаться незамеченным. Личико мое теперь регулярно мелькало по телевизору с разнообразными религиоведческими комментариями, а в группе, конечно же, оказались люди из разных других однотипных объединений, меня давно знавших. Однако, первое напряжение в мою сторону у народа быстро прошло и я, как всегда, легко и с удовольствием включилась было в культовые действия: медитации на свечу, очищение ауры и тому подобное. Но, входя все активнее и глубже в эти вещи, вскоре я попала в непредсказуемую ситуацию. Однажды было предложено «поработать с энергиями». Все (восемнадцать человек), встали в круг по принципу мальчик – девочка, и, держась за руки, мысленно стали «передавать энергию» сперва по часовой стрелке, потом против, и делиться своими ощущениями. Все было нормально. А вот затем нам велели развернуться направо и начать массировать спину впереди стоящего, а тебе, соответственно, то же самое делал стоящий позади. Замечу, что я вообще терпеть не могу, чтобы меня касались, тем более малознакомые мужчины. Стиснув зубы, во имя науки я решила сие действие пережить, но когда дело дошло до обсуждений, честно сказала, что все это мне страшно неприятно и что продолжать этот эксперимент дальше не хочу. Какое мощное, искреннее, проникновенное сочувствие

я получила в ответ от всей этой замечательной группы! Мне хором объяснили, что у меня заблокированы жизненно важные энергетические каналы и их нужно срочно прочистить. Что это комплексы и травмы детского возраста, что мне помогут и меня от меня спасут. Для этого в ближайшее воскресенье все отправляются на чью-то дачу, где в коллективной сибирской бане мне вернут первозданную природную простоту и раскрепощенность. Больше в эту чудную группу я уже, естественно, не пришла. Так же пришлось отказаться и от исследования группы сатанистов, которое мне было в упор предложено одной из его участниц. Я даже проверять не стала, насколько реальным могло быть содержание этого приглашения. И так далее и тому подобное. У каждого исследователя существует свой уровень этических барьеров, позволяющий работать по методу включенных наблюдений. Так же, как и свой уровень экономических возможностей для того же самого. Я всегда посмеивалась, что моя работа, на самом деле – мое дорогостоящее хобби. Спасибо семье, которая всегда в моих путях меня поддерживала. Совмещая приятное с полезным, путешествия с исследованиями, я позволяла себе периодически приличные траты на эти цели. Однако, в последние десять лет и в нашей стране все активнее и напористей нишу ньюэйджевских культов стали занимать культы коммерческие. Бесплатно, как и полагается по законам маркетинга, только первое занятие. Норбековцы и сайентологи, радостейцы Дуни Марченко и неоязычники, всяческие йоги и эзотерики теперь уже бодро машут солидными прайсами, зазывая на свои поляны не за интерес, а за звонкую монету. Тут уж точно никакой зарплаты не хватит, по крайней мере российского профессора. Так что, в ряде случаев только опосредованное знакомство и остается. А жаль..

Ну и последняя часть вопроса: в каких случаях я рекомендовала бы ученым обратиться к моему опыту.. Мне кажется, что ученый – это человек, который уже сформировал свои взгляды, умения, навыки и является профессионалом, а то и первооткрывателем в какой-то конкретной сфере. А я уже девять лет обучаю всему вышеописанному своих учеников – студентов кафедры религиоведения. Первую курсовую работу все будущие специалисты – религиоведы пишут у нас на втором курсе по социологии религии и только под моим руководством. Таково официальное решение кафедры. Перед этим мы полтора года их тщательно готовим. Наша любимая шуточка по данному поводу – бедные религиоведы! Им-то уж никак готовую работу по своей теме не купить, потому что все работы основываются только на полевых конкретных исследованиях.

Конечно, и способности, и интересы у всех разные. Но научные методы, это методы инструментальные и воспроизводимые, проверяемые и подтверждаемые. Большая часть наших дипломных работ так же основывается на реальных исследованиях различных аспектов современной религиозной ситуации. Так жаль, что слишком много места займет даже общий обзор хотя бы наиболее интересных студенческих работ. Поэтому упомяну только самый свежий приятный прецедент. Наша выпускница этого года Марина Глазкова два последних лета провела на Урале, неподалеку от Магнитогорска в археологическом музее – заповеднике Аркаим. Вот уже более десяти лет здесь происходит мощнейшее ньюэйджевское действо, в котором количество участников ежегодно варьируется от шести до пятнадцати тысяч человек. И которое, удивительным образом, словно бы и не существует в сфере знания о насущной действительности современных российских религиоведов, включая и социологов религии. Чудны дела твои, Господи...

Марина, используя все то, чему ее научили на социологии религии, за истекшие два года, будучи еще и профессиональным фотографом, собрала интереснейший полевой материал по данной теме и оформила его в замечательную дипломную работу. В апреле текущего года она отправилась с результатами своих изысканий в МГУ на Ломоносовские чтения, где произвела маленький фурор, получила диплом за лучшее сообщение и место в бюджетной аспирантуре, куда она успешно и поступила. Мы уже ее поздравили, пожелали успеха и будущих новых научных достижений.

На сегодняшний день уже несколько наших талантливых дипломников под моим руководством защитили свои диссертации. В интернете можно найти широкое полемичное обсуждение одной из первых таких работ Татьяны Симанженковой «Движение последователей Рерихов в современной России: философские истоки и тенденции эволюции»: диссертация... кандидата философских наук, защищенная в 2006 году. Здесь, на материалах более чем десятилетнего практического изучения доказывается, что «рериховцы» в современной России, это не одно какое-то конкретное движение, а букет разнообразных религиозных направлений, весьма различающихся по всем базовым параметрам. От сугубо культурологических, до махрово-окултно – мистических. Резонанс в заинтересованных кругах вызвала и работа Елены Дерягиной «Вайшнавизм: процессы трансформации и модернизации в России на рубеже XX-XXI вв», защищенная в 2009 году. Тут мы доказываем, что наши кришнаиты имеют очень мало общего с аутентичным вайшнавским индуистским течением, но

по ряду конкретных признаков явно соответствуют ньюэйджевской культовой религиозной модели. Сибирским лютеранам посвящена диссертация Вероники Гиндер, защищенная в 2010 году. Ирина Скоробогатова, работая на нашей кафедре, написала и защитила в 2011 году под руководством Смирнова Михаила Юрьевича в Санкт – Петербурге замечательную диссертацию «Харизматические церкви в современной России: на материалах Красноярского края». В июне текущего года мой талантливый аспирант Роман Сергиенко защитил одну из первых в России диссертаций по теме «Когнитивные теории религиозного сознания: модели транскультурной репрезентации». Практическая часть исследования проводилась им в общине красноярских кришнаитов – вайшнавов. Сейчас ведется работа еще над несколькими диссертациями. Одним из наиболее интересных, на мой взгляд, является исследование «Христианские церкви и проблема ВИЧ/СПИД в современной России». Его автор Роман Ледков, наш выпускник, христианин, координатор международного центра по профилактике и борьбе с этой «чумой двадцатого века». Человек с очень сложной судьбой, свидетельствующий, что сам пришел к вере через это страшное заболевание, удивительно светлый, искренний, совершенно замечательный, стремительно прогрессирующий в научной области. Практически все эти люди мои близкие и любимые друзья, мои единомышленники и соратники, энтузиасты и работяги. Вся моя кафедра – маленький дружный коллектив из тех, кто ко мне в свое время «примагнитился» и остался рядом, любимые ученики и последователи. Такая вот микросоциология. Ну и напоследок замечу, что методам непосредственно моего авторского исследования посвящено довольно много текста во второй главе диссертации Александры Филькиной «Этнографический метод в исследованиях новых религиозных движений: проблема формирования исследовательской позиции», защищенной в 2009 году в Москве, в Институте социологии РАН [2]. Девушка каким-то непостижимым способом меня разыскала, приехала, записала интервью (она родом из Томска) и сделала в своей работе попытку доброжелательного анализа. Так что, если кому эта тема интересна, то здесь можно найти еще один взгляд на данную проблему.

Спасибо большое, Людмила, за столь интересный, содержательный рассказ о Вашей жизни и работе. Желаю успехов.

Примечания

1. Атлас современной религиозной жизни России. Отв. ред. М. Бурдо, С.Б. Филатов. М.; СПб.: «Летний Сад», 2005, том I // Красноярский край.
2. Филькина А.В. Этнографический метод в исследованиях новых религиозных движений: проблема формирования исследовательской позиции. Автореф. дисс. к.соц.н. М.- ИС РАН. 2009.
3. Памяти Юлии Юрьевны Синелиной (1972-2013) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 3. С. 63-64. <http://cdclv.unlv.edu/archives/memoriain/sinelina_13.pdf>.
4. Григорьева Л. И. История возникновения, особенности вероучения и культовой практики, методы воздействия на психику религиозного движения «ЮСМАЛОС» (Белое братство) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом Информационный бюллетень (Москва) / Составитель: Р. А. Лопаткин. 1994. № 2, С. 22–30.
5. Григорьева Л. И. (под псевдонимом И. П. Никитин) Белое Братство – Юсмалос // Этнографическое обозрение. 1995. № 2, С. 128–140.
6. Григорьева Л.И. Свобода совести и актуальные проблемы государственно – правового регулирования деятельности новейших нетрадиционных религиозных объединений. Красноярск, 1999.
7. Атлас современной религиозной жизни России. Отв. ред. М. Бурдо, С.Б. Филатов. М.; СПб.: «Летний Сад», 2005, том I // Красноярский край.
8. Филькина А.В. Этнографический метод в исследованиях новых религиозных движений: проблема формирования исследовательской позиции. Автореф. дисс. к.соц.н. М.- ИС РАН. 2009.

Темкина А.А. – окончила экономический журналистики Ленинградского государственного университета, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Основные области исследования: социальные проблемы феминизма, социология общественного здоровья и гендера. Интервью состоялось в 2013 г.

**Тёмкина А.А.:
«СОЦИОЛОГИЯ –
ЭТО НЕ НАУКА
ИЛИ ИСКУССТВО
ОДИНОЧЕК,
ВОКРУГ ДОЛЖЕН
КИПЕТЬ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
БУЛЬОН
ДИСКУССИЙ»***

Я несколько лет шел к интервью с Анной Андриановной Темкиной, с которой знаком около трех десятилетий, и к которой в нашей беседе обращаюсь неформально – Аня. Общий рисунок ее профессиональной жизни я мог бы нарисовать и без разговора с ней, но мне хотелось знать, больше. Хотя мы работали в одном секторе, я не помню, чтобы мы в то уже неблизкое время говорили с ней «за науку» или «за жизнь», но я уже тогда замечал в ней какую-то особость, нестандартную смесь глубоко интереса к познанию социального и стремления к личной свободе. Первое мне было знакомо, поскольку оно было присуще многим моим коллегам. Но второе – было для меня

* А.А. Тёмкина: «Социология – это не наука или искусство одиночек, вокруг должен кипеть академический бульон дискуссий» (Интервью Б.З. Докторову // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2014. № 1. С. 2–7.

открытием. Я связывал это новое с принадлежностью Ани к тому поколению ленинградской студенческой молодежи, которое формировалось в период заката «застоя» и отторгало многое, что было «естественным» для моего и более старших поколений. В этой нашей беседе я нашел подтверждение своих догадок. И я благодарен Ане, не только за то, что она помогла мне приблизиться к пониманию пока мало изученного пятого поколения российских социологов, к которому она принадлежит. Но проявила очень нечастые личностные коммуникационные свойства, которые я мог бы назвать умной сдержанностью и интеллигентной интимностью.

Аня, когда Вы начали работать в Институте социально-экономических наук АН СССР, Вы были студенткой экономического факультета ЛГУ. Что определило Ваш профессиональный выбор? Семья? Друзья? Школа? Случайное стечение обстоятельств?

Будучи феминисткой (о том, что это такое – позже) я точно знаю, что женщина должна определять свою судьбу. Но это не мой случай. Мой профессиональный выбор – это бесконечная цепочка случайных обстоятельств, ограничений, упорства и недомолвок. Я подозревала, что в университет я не поступлю по национальному признаку, что и произошло. Хотела поступать на психологический факультет, но испугалась, наверное там был конкурс больше, хотя точно я этого не помню. По любимой математике получила двойку. Когда апелляционная комиссия признала свою ошибку, время экзаменов уже закончилось. Сработало упорство, чтоб не сказать упрямство – поступила на вечерний факультет (а не в Политех, как было положено в нашей семье). Работа полный день в библиотеке Горного института, вечером – занятия. С 8 утра до 11 вечера. Ни к чему из этого я решительно не была готова. В общем-то избалованная девочка из семьи ИТР, английская школа, отличница, не получившая золотую медаль из-за четверки по физкультуре (скорее по национальному признаку), оказалась после школы в ином измерении. Нормальная студенческая жизнь отсутствовала, и после 3 курса я решила ее себе организовать, перевелась на дневной. Кажется, досдавала 17 экзаменов и зачетов из-за различий в программах. Работала в котельной больше 2 лет, отпуск – в Коктебеле. Жила как бы в двух культурных реальностях – получила красный диплом без распределения в ЛГУ и реальный культурный капитал из тусовки архитекторов-журналистов-музыкантов-отъезжантов и пр. О своем образовании я невысокого мнения (особенно вечером), хотя был привит навык чтения сложных текстов

(в основном «Капитала») и получены минимальные знания о том, как устроено общество и его институты (в том числе на собственном опыте).

Можно рассказать свою историю иначе – влюбилась и влюблялась, ушла от родителей в 20 лет (так в те времена приличные девочки не поступали), жила одна в огромной коммунальной квартире (роскошь советского времени), тусовалась с друзьями, конфликтовала с родственниками, строила свою жизнь так, чтобы не быть похожей на них (конфликт поколений и поиски идентичности). Университет был рамкой, организующий жизнь (все-таки отличница), содержание организовывалось через общение, чтение, кино, театры, отпуска в Крыму, романтику, дружеские, эмоциональные и интимные привязанности.

В процессе письма не могу отделаться от ощущения, что создаю иллюстрацию к жизни позднесоветского поколения, структурные особенности которого я, разумеется, поняла гораздо позднее (в т.ч. в наших исследованиях о двойной морали, сексуальной революции, баланс гендерных ролей и пр.). Во-первых, конфликт поколений, связанный с осознанным желанием не жить, как «они» (семья – работа с 8 до 5 – дети – бесконечные очереди за дефицитом, хотя бы и за подпиской на журналы, с ночевкой около почты 1 сентября – всего это в последующей жизни удалось в результате избежать) и отсутствие сколь угодно внятного представления, как строить «мы» и «Я» в позитивном смысле. Во-вторых, метод проб и ошибок, или формирования практического знания об устройстве жизни (например, о еврейской – весьма слабой – идентичности, о лицемерии окружающих, об умалчивании или невозможности произнести – слов таких не было – правду об интимной жизни, о двойных стандартах всего жизненного устройства и необходимости лавировать между ними и п.п.). Времена и потребности менялись вместе с повседневными практиками, а нормы приличия и безопасности сохранялись во многом без изменений. В-третьих, попытка привнести некий смысл в невнятные стороны жизни, чтобы придает им некую связность, поиск тех людей (где они?), которым удалось этого достичь. Ну и не без гендера конечно – в те времена предполагалось, что смысл в жизнь женщины может привнести мужчина, правильный. конечно. Осознание того, что социальная наука делается не только разумом (довольно причудливым в позднесоветское, отчасти и в нынешнее время), но и собственным телесно воплощенным опытом тоже пришлось гораздо позднее и не без помощи феминистской теории.

Ничего этого я тогда не понимала. Но жила так, как будто отчасти понимала. Все время пыталась интерпретировать окру-

жающее, хорошо, что я плохо помню, как именно. Потребность в интерпретации осталась на всю жизнь. Интересовали разные люди с «творческими отклонениями» как потенциальные носители истины. Урок об относительности истины при этом тоже был неплохо усвоен. Политики особой не было, в тусовке откровенно, хотя и тихо, презирали советскую власть. В университете советскую власть не то, чтобы принимали, а упорно формировали – угораздило попасть на идеологический факультет. Дома помалкивали и учили, как и о чем правильно молчать. Много позже я узнала почему. Но это все не было стратегией, были только соответствующие выражения лиц, когда упоминался «Голос Америки», дворяне по русской линии бабушки, антисемиты, Сталин и т.п. Официально изданный том Ахматовой вызывал неодобрение, от иностранных контактов шарахались как от чумных.

Какие направления экономической науки тогда казались вам наиболее интересными?

Вариант 1. Из вышесказанного видно, что, в общем-то, никакого. Скорее интересовало то, что читала по психологии и психоанализу в ограниченном доступе, что-то из буддизма, что-то из йоги. «Правду» о жизни, скорее всего, черпала из более или менее классической литературы и иностранных романов.

Вариант 2. Институциональные теории, о которых написала диплом

Вариант 3. Кое-что из политэкономии капитализма как наименее лицемерной части политэкономии (что тогда скорее еще не вполне понимала)

Какие дороги привели вас в ИСЭП?

Из 50-ти окончивших факультет (1983 год) я получила баллы в первой пятерке сверху. Однако приличного распределения для меня не было – вокруг было достаточно «своих» без всяких там стигм. Вспоминаю об этом – и всплывает из памяти чувство обиды и несправедливости, которое долго преследовало меня, но давно прошло, и вспоминать о нем не хочется. Родители помогли получить фиктивное распределение экономистом на завод к знакомым, потом получила открепление в министерстве, которому подчинялся завод. Свобода, без особых перспектив и романтизма а ля Аксенов. Через пару месяцев – должна же приличная девушка работать – через знакомых знакомых привели в ИСЭП на временную ставку лаборанта (младшего?). 2 месяца работаешь, увольняешься, и опять оформляешься через неделю (подробностей не помню, хотя они зафиксированы

в трудовой книжке). Через полгода освободилась постоянная ставка примерно такого же качества. Нужно было изучать социалистическое соревнование, в первую очередь, перепечатавая бесконечные рукописи в 5-ти экземплярах. Параллельно – все тот же Крым в отпуске, и не так уж тяжело дожить до отпуска, поскольку дружеские и романтические социальные сети и связи интенсивно расширяются в трудовом коллективе, а заодно и культурный капитал прирастает, и некое представление о социальных науках – довольно скептическое – формируется. Ну, еще и библиотечный день – не поверите, ходила в библиотеку. И своя жилплощадь, и гражданский муж, которого постепенно выживают из ИСЭПа, за то, что слишком внимательно читает К. Маркса и не соблюдает правил игры правильно говорить и правильно молчать. И овощная база, и ДНД. И гастроном у станции метро м.Чернышевского. Наверное, от такой жизни, в конечном счете, человеку, склонному к поиску связных интерпретаций, но не слишком радикальному и не слишком уверенному в себе (мне, то есть), можно было сойти с ума. Или, напротив, коллективно-личная жизнь неплохо уравнивала жизнь коллективно-официальную, обеспечивая при известном наборе умолчаний известную гармонию. Не знаю. У меня нет ностальгии по молодости, второй раз мне бы всего этого не хотелось. Но тут начали наступать *1985-е годы*. Биографический turning point, хотя и не вполне и не сразу осознанный. В целом, наверное повезло.

Мне нравятся такого рода ответы на мои вопросы... они открывают множество путей к продолжению беседы. Вы пишите: «Дома помалкивали и учили, как и о чем правильно молчать. Много позже я узнала почему». Можно спросить: «Почему?». Это связано с историей Вашей семьи? Пожалуйста, остановитесь подробнее на дворянстве бабушки корнях ваших еврейских родственников.

Это гораздо сложнее. Достаточно трудно отделить то, что я знаю сегодня благодаря 20-летней архивной работе моей мамы, от общения с родственниками-эмигрантами от того, что я знала/ чувствовала в 80-е годы. Но попробую. Напоминало это некие смутные образы, информации о которых, как тогда казалось, нет и появиться ей неоткуда (которая благополучно лежала в советских архивах – и как только власть до них не добралась?).

Образ первый – совсем смутный. Мать матери (условно русская линия, условно, поскольку, как мне известно сейчас, это линия, кроме русских, имеет шведов-итальянцев-немцев-французов, тех, кто «бродил» по России с 18-19 веков) – дво-

рянка, из бедных и служилых. Собственный дом-дача в Мар-тышкино, который бабушка один раз мне показала в детстве. Она знала языки, недоучилась в консерватории из-за социального происхождения, работала машинисткой. Ее сестра с консерваторским образованием сослана, муж сестры расстрелян в 1937. Об этом просто молчали. Хотя бабушка упоминала о каких-то деталях своего детства, но делала это так, чтобы было ясно – это давняя история, и она не имеет большого значения сегодня. Такая линия плавно вписывалась в линию партии как стратегия выживания. Сейчас знаю, что среди предков было много священников, морских офицеров, чиновников, педагогов и пр., есть там фигуры достаточно высокого ранга.

Образ второй – несколько более четкий, поскольку при упоминании евреев (линия отца) обычно делалось то самое лицо, после которого было понятно, что надо умолкнуть и не задавать вопросов. Эти угрозы были более актуальными, чем дворянские. В этом году на 9 мая я написала в фейсбуке про папу.

«Мой папа, Адриан Самуилович Темкин, умер три года назад, дожив до 87 лет. Три года был в обороне Ленинграда в составе пограничных войск. Лауреат гос. премии за создание синхрофазатрона в Дубне. Еврей. Атеист. В 1970 годы сняли с руководящей должности в НИИ по национальному признаку, не восстановили. Всю жизнь был и оставался рациональным скептиком и хорошим человеком. На 9 мая одевал ордена, ездил в свою часть в Сестрорецк и в основном молчал о войне»

Кроме того, его племянники в конце 1970-х уехали в Америку. Об этом нужно было молчать особенно тщательно. Папу мало интересовали еврейские ритуалы, история, язык. Но он всегда интересовался Израилем. «Голос Америки» не одобрялся, но папа его все равно слушал. Будучи физиком, мастерил что-то сам, и вражьи голоса в очень плохом исполнении были слышны окружающим на даче, которые, впрочем, слушали тоже самое.

Нужно добавить, что и мать, и отец работали в ВПК руководителями отделов с высокими степенями секретности. Кроме того, что компрометирующие обстоятельства воспринимались ими как особенно опасные, они еще молчали и о своей работе. Типичнейшие советские линии умолчания, как я сейчас понимаю. Но, заметим, если бы не советская модернизация, мои родители вряд ли бы встретились в этой жизни.

Образ третий – собирательный. Истории о разных родственниках, о бывших бабушкиных мужьях (инженерах по образованию), по тому времени загадочными обстоятельствами жизни – один сидел в тюрьме в Финляндии во время войны, другой имел отношение к ГУЛАГу, у них другие жены и дети,

первый был вхож в советскую номенклатуру, второй – похоже то же, и т.п. бабушкин брат (дворянского происхождения) – профессор в Москве. Еще один загадочный папин родственник, то ли дядя, то ли двоюродный дед, уехал в Палестину. И все эти истории прозрачностью не отличались, было в них что-то от мифологии.

Меня занимает вопрос, каким образом мы молчали о том, что знали. Но, как я понимаю теперь, знали мы очень мало. История стерлась за одно поколение, оставались лишь некие крупницы или знаки, сигнализирующие нам об опасности. И выучивать мы должны были именно эти знаки.

Еще один срез – «заграница». Про нее и советских людей все более ли менее известно: запретно и притягательно. У меня одно размытое воспоминание, в 1979 родители купили мне путевку в Румынию: им заграница не светила пожизненного (они побывали в 1990-е–2000-е годы в нескольких странах Европы, в Израиле). Нужно было получить более 10 подписей на рекомендации комсомольской и партийной организации для поездки – такова была рутина.

Ваш уход от родителей в 20 лет, действительно, явление не очень частое, но для хиппи и не исключительное. Верно ли я понимаю, что Вы входили (принадлежали) именно к этому типу молодежных движений, или хиппи к тому времени было чем-то пройденным.

Начну с этого вопроса как простого. Не принадлежала ни к какому движению и вряд ли знала что-либо об их существовании. Если что-то и знала о хиппи, то, скорее всего как об «американской странности». Некоторые хипповатые дальние знакомые казались хотя и симпатичными, но странными и далекими, возможно, даже опасными.

Ленинградские котельные – это особая культура, среда; через нее прошли (и ее формировали) поколения Довлатова и Шемякина, потом – Гребенщикова и «Митьков», позже – Цоя. Как Вы вспоминаете то время? Что означает для Вас сегодняшней тот опыт?

Я к этому поколению имела отношение чисто формальное, Мой протест был скорее личным, чем политическим или эстетическим. Можно сказать, прагматика – поскольку я жила одна, мне надо было себя содержать. И это получилось неплохо. Повышенная стипендия (отличница), работа на кафедре (грамотная) – печатала рукописи, сидя в котельной, но совсем не диссидентские, а наоборот коммунистические. Зарплата –

весьма неплохая – в котельной (все вместе порядка 250 рублей, а то и более). И дополнительное место для тусовки. Ну, наверное, и понимание того, что какие-то творческие люди делают что-то аналогичное. Работа простая, там стояла примитивная электроника. Правда летом нужно было пару месяцев чистить мазутные отстойники по колено в мазуте – в жизни всегда найдется место подвигу. Воспринимала в то время как некое правильное действие. Навыки рационализации жизни, например, совмещения двух работ и учебы, очень пригодилось впоследствии. Оттачивались и навыки совмещения разных идентичностей – какое счастье, что это пригодилось в меньшей степени. Сейчас считаю нормальной фазой социализации, но никому не посоветую социализироваться в котельных и отстойниках. Впрочем, таких котельных почти не осталось.

Конец 70-х – начало 80-х, полностью определилась провинциальная судьба столичного Ленинграда, ЛГУ – один из центров консерватизма, экономический факультет – теоретический «танк» городской партократии. И все же, университетское образование – это лучшее, что тогда можно было получить в Ленинграде в области обществоведения. Что Вам дали годы обучения?

Решать интеллектуальные задачи, смысл которых не очевиден, и получать от решения удовольствие – «игра в бисер». Умудряться выучить то, что нужно преподавателю (как студенты медвузов в социологической классике Беккера и компании) – полезный навык. Учиться самостоятельно, практически без всякого руководства и каких-либо заинтересованных в тебе людей. Чувствовать себя чужаком, и хотя это чувство никуда не исчезло, в конечном счете, обрести круг общения, который спустя некоторое время обрел большой смысл. Найти друзей, некоторых – через весьма продолжительное время. Понять к концу обучения, что есть люди, хотя их немного, которые всерьез воспринимают политэкономия, вчитывают и вписывают в нее реальные для них смыслы – некие «творческие деприванты».

1983 год, когда Вы пришли в ИСЭП, – время подавления и разгона «ленинградской социологической школы», но Вы тогда могли всего этого не знать. Вы, насколько я помню, попали в сектор Н.А.Лобанова – слабого экономиста-юриста и человека, весьма зависимого от директора – И.И. Сигова. Вместе с тем, и в секторе, и за его пределами в Институте были сильные молодые исследователи, и было неплохое кафе, где можно было часами тусоваться (тогда это слово входило в повседневность). Чем Вам запомнилось то предперестроечное время?

В этом секторе я работала несколько месяцев, не помню особых впечатлений, кроме первых знакомств с далеко идущими последствиями. Оттуда попала в сектор социалистического соревнования на постоянную ставку, как мы тогда говорили, «младшего помощника старшего дворника». А с сильными молодыми исследователями, по крайней мере, с некоторыми из них, складывалось общение, из которого выросли сотрудничество, соавторство, любовь, дружба, надолго или очень надолго. Застала следы разгона социологической школы, и его осколки, летящие в молодых. Я вряд ли знала тогда, что такое социология и каково ее состояние в СССР. Точно не знала о том, что социология не может иметь значительного места в обществе, где отсутствует рефлексия по поводу себя самого и хотя бы некоторая транспарентность, не говоря уж о гражданском обществе с точки зрения М.Буравого. Потом стало понятно, что если есть несовместимость «общества» и его исследователей, гонители на них всегда найдутся (прошло ли то время?).

Осваивала правила игры, воспринимала их как данность, что не означало как справедливость – на несправедливость уже было некоторое чутье. Постепенно определялись «свои» и «чужие», но не уверена, что критерии были научные/идеологические. Скорее срабатывали личные симпатии и антипатии, чутье на культурные капиталы (рада, что во многом не ошиблась, как поняла позднее). Училась понимать, наблюдала, слушала. Искала объяснения. Общалась. Но что-то мне не давалось, не ложилось, как я теперь понимаю, на мой практический опыт. Да, в общем и не легло до конца 1980-х, может быть и гораздо дольше.

И тогда-то, в середине 80-х, странным для Академии Наук было подразделение, занимавшееся социалистическим соревнованием, а теперь (тем более – в будущем) это представляется совсем непонятным. Давно это было, и все же... мне кажется, тогда существовало множество подходов к интерпретации соцсоревнования: одна – что это «пережиток», сохранившийся с 1920-х годов, другая – советская форма менеджизма, третья – предполагаемая марксизмом форма отстаивания рабочими своих интересов и т.д. Чем в действительности было тогда соцсоревнование?

Я не помню разных подходов, возможно, я в них не особо углублялась, все более сидя за пишущей машинкой. Эта идеологическая риторика и практика, которая еще ждет своего исследователя. Рабочим было наплевать на соревнование, но они должны были, во-первых, соблюдать правила приличия и реагировать на риторику правильно (т.е. не сразу посылать ис-

следователей, и что еще более важно – тех, кто подводил итоги соревнования). Во-вторых, это был и некоторый менеджмент производства и идеологии одновременно, поскольку премии для победителей были реальными и даже чувствительными. Т.е. нужно было все-таки не только воспроизводить нужную риторику, но и считать некие баллы, которые зависели от неких результатов, на бумаге, по крайней мере. Так материально подкреплялась лояльность одной из массовых идеологических форм, а число им было миллион.... Но это я сейчас так думаю. В 86 или 87 году я попыталась что-то осмысленное написать про соревнование, и я очень сомневаюсь в том, что это удалось. Смысл был в том, что соревнование социально-психологически усиливает существующие и без него процессы – всем или многим хочется быть успешным, быть немного лучше (круче, сказали бы сейчас), чем другие, да еще и чтобы это признали. Так и мы – коллеги – соревнуемся друг с другом до сих пор, например, по числу публикаций в реер review журналах, или кого больше цитируют, только соревнованием это назвать неприлично. Кажется, это была единственная статья на эту тему, потом я уже писала про забастовки и рабочее движение,

Такое ощущение, что вскоре Ваша группа под руководством Владимира Костюшева достаточно естественно перешла от изучения соцсоревнования к анализу новых общественных движений. Именно так это было? Чем Вы заинтересовались тогда?

Так и было, и это был важный переход. Я же – от трудовых коллективов – к рабочему движению, писала о забастовках, которые начались с 1987 года в СССР, а потом, с 1989 года на некоторое время примкнула к группе Леонида Абрамовича Гордона (он работал в Институте международного рабочего движения АН СССР), сейчас бы сказали – к проекту по массовым забастовкам. Ездил с ними в Донбасс проводить опросы. Спускалась в шахту, из любопытства более, чем по производственной необходимости, как всегда, ради преодоления себя и обстоятельств. Женщин, вообще-то в шахты не пускают, но уже тогда стало понятно, что социолог – не женщина, на определенных позициях гендер утрачивает принудительную силу (по крайней мере, прямолинейно), хотя слова такого я тогда не знала. Коллега, с которым спускалась вместе, нынче работает полицейским в Израиле – неисповедимы социальные пути. В это время в целом появляется исследовательский азарт и горящие глаза, что резко контрастировало с предшествующей достаточно тусклой научной жизнью.

По-моему, Вам редкостно повезло: вы работали с очень интересным человеком и исследователем, а также – разрабатывали абсолютно новую тему. Если бы Вам пришлось участвовать в дружеской беседе о Гордоне, чтобы бы Вы о нем рассказали?

В 1997 году Леонид Абрамович был оппонентом на моей защите диссертации в Хельсинки, в которой одна часть была посвящено рабочему движению. Накануне защиты я, разумеется, умираю от страха (английский язык, другой ритуал и пр.). Мы пошли с ним в Стокманн покупать ему несколько галстуков – что привело меня в чувство – ибо у меня тут защита, а у него тут галстуки, и очень важно сделать правильный выбор. Его нечеловеческое человеческое обаяние и харизма структурировали все общение. Он требовал, чтобы ему все подчинялись, разделяли его идеи, и одновременно сам смеялся и иронизировал над собой – редкое сочетание. Не знаю, легко ли находится рядом с такой харизмой постоянно – моя работа была краткосрочной. Его смерть была для меня личной потерей (прим. я писала об этом, пришлю, если найду).

Похоже, тема забастовок в России – по-своему уникальна: до второй половины 1980-х ее в СССР не разрабатывали, в последние годы – также. Как Вы попали в тот Проект? Вообще, как Ваша команда постигала ту проблематику? Ведь с «нуля», и даже ниже....

В проект попала, познакомившись с Л.Гордоном на какой-то демократической тусовке, он легко тягивал в орбиту людей, позвал участвовать, формальной стороны дела не помню. Постигали проблематику посредством общих либеральных идей, интереса к протесту и его носителям, с надеждой на формирование новых агентов коллективного/ политического действия. Мне помогало то, что я уже читала всякую литературу по общественным движениям (политические циклы, мобилизация ресурсов и пр.), правда, как выяснилось, для западного контекста рабочее движение находилось в основном в прошлом, за исключением Франции и А.Турена. В академии им занимается довольно узкий сегмент лево-ориентированных исследователей. Сейчас у интеллектуальной молодежи опять появился интерес к рабочему движению, и это не удивительно на новой фазе протеста. Исследователей интересует уже иное теоретизирование, они вдохновлены философией Маркса, Фуко, Агамбена, Хардта и Негри, постструктурализмом, анализом биополитики, критикой неолиберализма и «нового духа капитализма» – знаю от нынешних студентов – но это уже не моя епархия, мы тогда были от этого в начале 1990-х далеки. У рабочего движения

было (и есть, вероятно) революционное обаяние, которое, вместе с обаянием и энциклопедической культурой Л.Гордона, являлось важным двигателем исследовательского интереса с акционистскими интенциями участия.

Аня, в студенческие годы Вы изучали «Капитал» и работы других марксистов, в котельной участвовали в прокоммунистических тусовках, Ваш друг «слишком внимательно читал К. Маркса», сейчас Вы сказали о молодых обществоведах, вдохновленных философией Маркса. Вы знаете, в Америке марксизм – не самая активно разрабатываемая теория, но в том или ином объеме она непременно изучается во всех университетах. У Вас был период увлечения марксизмом? Какое место сейчас он занимает в Ваших теоретических построениях?

Периода увлечения, как такового, не было. В университете мы несколько лет только то и делали, что читали Маркса – основа политэкономии. Это осталось системой референций на всю жизнь, с самыми разными оттенками, хотя очень значимого места он в моей жизни не играет. Говоря про «коммунистические» тексты – я имела ввиду работы преподавателей университета, которое большого интереса не представляли. Это был способ заработка. Олег Вите, мой бывший муж, действительно читал Маркса всерьез, да и Ленина, но меня это содержательно не очень занимало, скорее, вдохновлял его общий творческий подход к делу, за который он и поплатился рабочим местом в ИСЭПе как за нелояльность.

Работу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» я читаю каждый год, в классе по гендерной теории (эта работа была важна и в советское время для социологии семьи). Иногда, что-то дополнительно читаю к теме марксистский феминизм. Для феминизма важен структурный марксизм, Грамши, Альтюссер, аппараты, через которые создаются и воспроизводятся идеологии на уровне повседневности. Важны понятие «гегемонии», роль капитализма, политэкономия домохозяйства, производство вещей и воспроизводство человека, да и много что еще. Важна эпистемология, связывающая знание с позицией угнетенного, категории эксплуатации и власти (в более современном понимании). Важны структурные (патриархат – структура, сходная с капитализмом) и конфликтные подходы. Власть – центральное понятие для феминизма, в первую очередь в интерпретации Фуко, а он сам пережил сильное влияние марксизма (которое многие переживали в западной академии на определенном этапе жизни, и марксизм остается в университетах популяр-

ным скорее латентно или среди молодежи). Пора остановиться, а то будет лекция. Да еще и идеи Коллонтай, в конечном счете, забытые и похороненные в СССР. В общем, марксизм (не только он) плавно вписался в феминистскую теорию. На занятиях выясняю, что знают современные студенты про общественную формацию, базис и надстройку, производство и воспроизводство, производительные силы и производственные отношения. Был период – совсем ничего не знали, сейчас некоторые знают очень хорошо, а про современное развитие теории марксизма – лучше меня. Написав все это, поняла, что недооценивала роль марксизма в своей научной жизни до вашего вопроса.

Интересно, и даже очень... я начал опрос в конце 2004 года, и с тех пор почти каждого собеседника спрашивал о марксизме... я был удивлен резко критическим отношением к нему, и был удивлен, как быстро и безболезненно (?) российская социология отошла от того, на чем базировалась десятилетиями... возможно, маятник пошел в другую сторону? Дело не в самом марксизме, а в том, что его замшелло, идеологизированно подавали... была «усталость» от моноподхода...

Согласна, у марксизма гораздо более сложная судьба, чем она представлялась в советское время, отчасти и сейчас, но с другим знаком

Мне казалось, что концепции Олега Вите были востребованы сторонниками «социализма с человеческим лицом», тех, кто подобно Михаилу Шатрову, Егору Яковлеву, «перечитывали Ленина». Потом социальный заказ на его построения ослаб, но возврат возможен... не так ли?

На этот вопрос лучше бы ответил сам Олег, но в целом согласна. Он теперь интересуется другой областью – психоанализом, а что касается возможности «человеческого лица» – не знаю. Я не сильная в прогнозах.

Гендерная тематика заинтересовала вас в Штатах, когда вы стажировались в Колумбийском университете, или раньше? Чем в принципе Вас привлекала эта тема?

Да, как и многих других российских гендерных исследователей. Выглядело это примерно так – меня (1992 год) постоянно спрашивали американские профессора, и мужчины, и женщины, что происходит с женщинами в СССР/России,

ставя в тупик. Считалось, что с ними не происходит ничего особенного (да и до сих пор так считается, хотя в последние два года все более отчетливо раздаются политические призывы возвращаться, если и не та кухню, то к ценностям традиционной семьи – основы нации). Потом помню стеллажи сотнями книг в академических магазинах под рубрикой Gender/ Feminist studies, и я даже не могу предположить – о чем они. Работало когнитивное любопытство и смутное предположение о том, что эта сфера знания касается меня лично. Вернулась из Штатов – развод. Вокруг тем временем многие начинали интересоваться загадочным гендером. И тематика общественных движений плавно вписывается. Все сошлось один к одному.

Как проходило обучение в Колумбийском университете?

У меня не было никаких формальных обязательств во время семимесячной стажировке. До меня доходило с трудом, что мной никто заниматься не будет, если я сама не буду организовывать свою академическую жизнь. А когда поняла – глаза разбежались. Да и времени было немного, его значительная часть ушла на элементарную адаптацию – практически из Советского Союза да в сам Нью-Йорк. Это было нелегко. Но в результате я прослушала несколько курсов, в колумбийском университете Дж. Сартори по политической теории и демократии (пересказывал собственную книгу), хорошо построенный курс по политической социологии М. Эмирбайера в Новой школе социальных исследований (очень пригодился в дальнейшем), слушала разовые лекции, ксерила и читала бесконечно, все подряд, по темам общественных движений и всего вокруг.

Даже среди наших коллег по ИСЭП были те, кто уехал учиться в США и остался там. У вас не было такого плана? Ведь в России тогда были очень сложно заниматься наукой?

План был, но не очень отчетливый. Я даже сделала одну осторожную попытку в самом начале, неудачную. Предпринимать более серьезные не решилась, отчасти от неуверенности в этом предприятии и в себе, отчасти от того, что уже тогда «вросла» в российский контекст, несмотря на привлекательность западного – несколько раз, когда появлялась возможность «остаться на западе», я эту возможность игнорировала, выстраивая сложные концептуальные построения по этому поводу. Отъезд на запад для меня не был бы исключительно путем для занятия наукой – это путь для *иной* жизни – и вы это знаете лучше меня. До сих пор не знаю, как сформулировать – наверное, опять причина в двойной идентичности, или иден-

тичности чужака, или номады, не готовность отказываться ни от одной из ее сторон (ни от «русской», ни от «западной»). Но, тем не менее, отчасти я училась на западе – кроме Америки и краткосрочных стажировок, около двух лет провела в Хельсинки по программе обмена в середине 1990-х. Это была школа в самых разных смыслах. Осваивала, что такое западная наука, что такое жизнь в Финляндии, что такое «протестантская этика» в действии. Это были очень важные годы, кажется, мой хабитус навсегда впитал нечто финское/ скандинавское. И для исследования гендера лучшей среды трудно было бы придумать. Работу в проектах финская академия зачала мне за аспирантуру, когда мне предложили защитить диссертации в университете Хельсинки.

Вы получили вашу ученую степень доктора (Ph.D) в Хельсинки. Почему вы решили защищаться там? Как в целом российское научное сообщество относится к этой степени?

История от конца к началу. Мою степень признали с сентября 2012 года (через 15 лет после защиты) – я не предпринимала никаких усилий, выжидая, когда это произойдет само собой, если конечно произойдет. И это сделало Министерство, утвердив список 100 университетов, степени которых признаются в России. Защищалась я в Хельсинки можно сказать по причинам, от меня не зависящим. У меня уже было достаточно публикаций на английском языке – о рабочем и женском движении, о трансформациях в России, и мои коллеги (Элина Хаавио-Маннила, Г.П.Руус, Ристо Алапуру, Юкка Гронов, с ними мы много сотрудничали и сотрудничаем) предложили мне оформить их как диссертацию. Моя финская коллега, соавтор и подруга Анна Роткирх меня поддержала. Это было не только замечательно, но и потребовало всего лишь дописать введение, страниц 70 на английском языке, издать все это как книгу и защитить. А замечательно это было, поскольку к тому времени я отказалась от идеи диссертации, надолго или навсегда, и если бы не финские коллеги, то степени у меня бы не было. И, кроме того, я уже начинала работать в ЕУСПб, и его ректор – Б.М.Фирсов – сказал мне, что уволит, если я не защищусь. Шутка, конечно, но серьезные шутки иногда имеют серьезные последствия, а Б.М. играл и играет в моей жизни особую роль. Конец (или начало) предыстории заключается в том, что я окончила заочную аспирантуру в ИЭ АН СССР, прошла предзащиту в 1991 или 1992 году, уже не помню точно за мало значимостью данного события. И уехала в Америку на стажировку, не слишком удовлетворенная качеством диссер-

тации, посвященной трудовым коллективам в духе советской традиции и частично новому рабочему движению. Вернулась из Америки глубоко в ней (диссертации) разочарованной. Тогда я думала, что это моя личная проблема. Потом поняла, перефразируя известный лозунг, что «личное – это политическое», и дело было не в моей неспособности написать устраивающую меня диссертацию, а в тяжелом состоянии социальных наук в целом.

Мой следующий вопрос вы, Аня, и породили в самом начале нашей беседы, написав: «Будучи феминисткой (о том, что это такое – позже) я точно знаю, что женщина должна определять свою судьбу». Вот это позже, на мой взгляд, и пришло. Что значит в современных российских понятиях «феминистка»? Кто определяет себя «феминисткой»? Почему феминистка определяет свою судьбу?

В современных российских понятиях это не означает ничего хорошего. Даже пересказывать не буду, что именно – интерпретации поразительно насыщены аффектами. Это – кроме узкого «когнитивного сообщества», мне близкого по духу, которое хорошо информировано в теории, методологии и разнообразных подходах. Приверженность данному знанию в широком смысле и есть для меня феминизм. У него есть антидискриминационный пафос, который в России обрел специфический политический смысл. И это не случайно, ибо феминизм, как мало что другое, делит сообщества по ценностям. Признание второсортности женщин, других гендерных групп, да и других *иных* – черта традиционалистских обществ. И это особенно актуально и явно на фоне роста антизападных настроений в России в настоящее время. «Феминизм (права, равенство, свободный выбор, ответственность, партнерство, трансгрессия и пр.) = чуждый запад» – это лозунг традиционалистов и традиционалистского сознания. В когнитивном смысле для меня – это междисциплинарная, транснациональная, очень богатая область социальной критики и дебатов, все более распространяющая свое влияние не только на гуманитарные и социальные науки, но и на анализ репрезентаций, кино, искусства, перформансы и пр. Эта область, которая породила или повлияла на те темы, которые без феминизма оставались невидимыми, а сейчас исследуются глубоко и широко, кое-что и в России. Не только гендерные исследования, но и социология эмоций, сексуальности, телесности, исследования репродукции, маскулинности, интимности, домохозяйства, семьи, здоровья, молодежи, инвалидности, детства – все это трудно представимо без вли-

нения феминизма. Постструктуралистская философия и постколониальные исследования находятся в постоянном диалоге с феминизмом. Мне жаль, что российская социальная мысль обедняет себя тем, что во многом не хочет замечать этих процессов. Мы, однако, стараемся менять ситуацию. Ну, а практическом смысле для меня – это жизнь, весьма непростая, в которой делаешь выбор и за которую отвечаешь сам(а), а не государство, не родители, не муж, не начальник и пр., и мне жаль, что я осознала это лишь после 30 лет. Это и есть определение своей судьбы – однако, разумеется, она в любом случае существенно ограничена доступными материальными, информационными, организационными ресурсами, ситуационными факторами, контекстом и пр.

В каких формах феминизм проявляется в России? Феминизм в России это урбанистическое движение или имеются и «сельские модели»? Властям «есть дело» до феминистского движения или не очень?

Властям есть дело на фоне консервативного поворота. Феминизм – это яркая, но далеко не главная угроза для властей, да и власти неоднородны, и внутри них есть те, кто разделяет феминистские идеи, хотя гораздо более заметны их громкие оппоненты. Это угроза скорее идеологического, чем практического характера. Впрочем, сидящие ныне в тюрьме феминистки демонстрируют, что практические санкции и последствия ой как возможны, ибо сила на стороне антифеминизма. Большинство (но не все и не во всем) российских женщин имеют базовые равные права и пользуются ими, и вряд ли они их потеряют, хотя действует, как и во многих других областях социальной жизни, правило «непризнания» (misrecognition) феминистских по сути практик.

Про сельские модели мне ничего не известно, к сожалению, и в целом это движение было движением городского среднего класса, и на западе, и в России. Однако в него активно включались этнические, расовые, сексуальные и пр. меньшинства. Сейчас в исследованиях популярен интерсекциональный подход, который стремится учитывать разные неравенства, специфичные для групп, сообществ, институтов и пр.

Иногда я читаю про постфеминизм, возникновение которого на Западе относят к 1980-ым. Применимо ли это понятие к российской реальности?

Довольно трудно ответить однозначно, слишком разные

феномены объединяют под зонтиком «постфеминизм» – это и постструктуралистское влияние в теории, это и спад общественного движения второй волны, и принятие феминистских ценностей без четко выраженной феминистской идентичности, и отказ от феминизма. Ясно только то, что это «после» широкого и массового движения и интереса к феминизму 1960-х-1970-х годов на западе. Мы отчасти оказались в фазе постфеминизма, пропустив фазу феминизма. Теоретическая деконструкция пришла в российскую общественную мысль одновременно с теми основаниями, которые она разрушает. Разрушение бинарности гендерных категорий происходит одновременно с формированием представления о самих гендерных категориях. В 2010-е годы консервативный поворот к традиционалистским взглядам опередил (а возможно и ускори́л) реальные изменения гендерных ролей и идеологий в духе постиндустриализма.

Это могло бы быть плюсом для теории – не нужно ломать копыта по поводу наличия или отсутствия единого женского опыта, сходства или различия полов (критический аргумент давно сформулирован). Ясны проблемы социального конструктивизма и его ограничения – можно на все это не тратить время и сразу включаться в дискуссию 2000-х-2010-х годов (для социологов – это транснационализм, интерсекциональность, многоуровневый анализ институтов и гендерных практик, учет постструктуралистской критики, проблематизация телесности и власти и пр.). Но для этого желательно владеть не только знанием контекста, но и историей формирования категорий и методологических подходов, быть в курсе современных направлений теоретической дискуссии. А поскольку этого в социологии почти не происходит, то постфеминизм сливается в сознании многих исследователей с антифеминизмом. Задача социологии – за «естественными» феноменами видеть их социальную и культурную суть – оказывается крайне трудно реализуемой в отношении гендера.

Я побаиваюсь проводить линии, разделяющие разные науки, но на уровне подготовки кадров это все же приходится делать, ибо надо формировать программу обучения и прочее. Как вы трактуете свои курсы для студентов: как социологические или политологические?

Я считаю, что работаю в области социологии, и мои курсы числятся в основном по департаменту «социологии». Хотя я часто включаю в курсы размышления о подвижности границ дисциплин и влиянии друг на друга

Куда разлетаются выпускники ЕУ? В частности те, кто специализируется по исследованию феминизма и близких тем.

Мы делали небольшое исследование на эту тему несколько лет назад. Большинство работают в науке или смежных областях, некоторые работают или продолжают учебу за рубежом или переехали туда жить, выйдя замуж, некоторые стали фрилансерами/домохозяйками. В области гендерных исследований специализируются только пара человек (одна уже успешно защитила докторскую диссертацию), но большинство из тех, кто работают в науке, так или иначе включает гендерные аспекты в свои курсы/ исследования /публикации.

Теперь, если можно, раскройте утверждение – «будучи феминисткой», что же это значит?

В академическом смысле это означает разделять набор теорий и подходов, в практическом – писала выше. Но не бывает целостной и непротиворечивой идентичности – любой ярлык всегда условен, относителен и ситуационен. Так же как я не чувствую еврейской идентичности, пока не сталкиваюсь с антисемитизмом, я могу на практическом уровне не чувствовать феминистской идентичности, пока не сталкиваюсь с сексизмом.

Мы как-то проскочили ряд событий в Вашей жизни, мне кажется, важных для понимания и направлений Ваших исследований, и пути, которым Вы пришли в Европейский университет. После ИСЭП мы с Вами оказались в Санкт-Петербургском отделении Института социологии, позже ставшего Социологическим институтом РАН. Там, по-моему, Вы начали работать по каким-то «экзотическим» неформальным образованиям с Виктором Воронковым и Еленой Здравомысловой. Так или не так?

Нет, экзотическими образованиями я не занималась, мой фокус сместился от рабочего к женскому движению и другим вопросам гендерных исследований. Были тогда и другие небольшие проекты, как мы бы сейчас сказали. Одна из наших первых соавторских статей с Леной Здравомысловой (в настоящее время их несколько десятков) была посвящена анализу новых демонстраций в сравнительном аспекте. От Лены я многому научилась и учусь до сих пор.

Что же касается Европейского университета, в котором я начала работать в 1997 года, то я даже не знаю, как передать ощущение его значимости и для меня лично, и для сообщества. Люди с новыми ценностями, соратники по большому счету,

горизонты и просторы – эта так, но не совсем про то. По-моему, это похоже на удачное партнерство, когда это именно то, что надо, и в этом не возникает сомнений, как не возникает и сомнений в том, что это единственно правильная и возможная стратегия, даже не место работы, а образ жизни и мысли. И даже не выбор, потому что выбор делается из существующих возможностей, а тут возможности создавались своими руками в том числе. Хотя часто в повседневности за деревьями не видно леса, и ощущение удачи затирается за рутинной, огромными нагрузками и обязательствами, которые, однако, взяты на себя добровольно. Например, не хочешь, чтобы тобой руководило государство или дядя (или тетя), значит, сиди в управленческих комиссиях, трать время на бюрократические согласования и процедуры, ругайся с коллегами и начальниками, трать много часов на заседаниях для достижения консенсуса, и пр. Или не хочешь, чтобы кто-то диктовал тебе, чему и как учить студентов, – укрепляй свою позицию публикациями в престижных журналах, включая иностранные, пиши книги, привлекай слушателей, выступай на различных конференциях, выстраивай профессиональные сети, публикуйся в СМИ на актуальных темы, ищи проекты и их успешно реализовывай, повышай индекс цитирования и пр. Звучит очень скучно – ибо все это лишено смысла, если нет внутренней потребности в том, чтобы каждый раз выстраивать объяснительные модели разных явлений, заниматься бесконечным пониманием, не отводя от мира социологического взгляда. Подходить если не ко всем, то ко многим ситуациям и институтам с социологическим любопытством: а что тут происходит? И делать это не столько ради высоких целей, сообщества, признания и зарплаты (хотя чего уж там лицемерить – не без этого), а рутинно, для себя лично – поскольку без понимания невозможно обойтись, а его никогда не бывает достаточно и оно никогда не бывает исчерпывающим. В общем, я как всегда, решала и решаю вопросы идентичности, которую, как говорят многие теории, мы сами же и конструируем в институтах и социальных взаимодействиях – именно поэтому среда не просто важна, а она, хочешь – не хочешь, интериоризуется и становится частью тебя. Но это нелегко, ибо требует бесконечных временных, физических и эмоциональных затрат, ну уж не говоря об интеллектуальных, которые, впрочем и не затраты вовсе. Постоянно открываются новые программы, разрабатываются новые курсы, осваиваются новые темы, осуществляются новые проекты, формируются новый спрос и потребности – читать лекции, писать куда-то, выступать где-то, рецензировать и комментировать что-то, и пр. И все это важно, но так и до выгорания недалеко.

На сайте Европейского университета сказано, что Вы получили профессиру по социологии общественного здоровья и гендера от корпорации «Новартис», а с 2012 года Ваша профессура приобрела статус бессрочной. Что это за профессура, в чем заключаются Ваши обязанности?

Обязанности я как раз и перечислила выше, а по содержанию это социология здоровья и гендер, гендер – поскольку я им занимаюсь более 15 лет, а здоровье – поскольку это логично для фармацевтической компании, хотя она особенно ни во что не вмешивается, предоставляя свободу выбора тем и направлений деятельности после согласования первоначального плана. Получив эту профессуру, я во многом продолжила заниматься гендерными исследованиями, но в них был усилен аспект исследования медицины и здоровья, в частности репродуктивного. В область наших интересов попали социальная организация беременности, родов, акушерско-гинекологического обслуживания, доверие во взаимодействия пациента и акушера-гинеколога, институционализация медицинских профессий и пр. Я третий год читаю курс по социологии медицины и здоровья, заканчиваем большой раздел в учебник «гендер и здоровье» и пр.

Можно ли сказать, что Вы, Ваши коллеги по ЕУ уже стали частью европейского, мирового сообщества социологов? Если в какой-либо мере это так, что это за такое ощущение?

Безусловно, к этому есть очень серьезное и вполне осознанное стремление, которое и декларируется, и поощряется (например, публикации в ведущих международных журналах, серьезные международные проекты и пр.), и во многом реализуется. И в этом смысле стали, как интенция, как ценность, как запуск многих механизмов, направленных на поддержание высоких стандартов. Но я бы поостереглась от того, чтобы признать этот процесс свершившимся. Моя личная программа минимум – публикация любого (или почти любого) результата магистерского исследования под моим руководством – в приличном журнале, пусть даже не самом рейтинговом. Иначе, зачем эти магистерские вообще пишутся, и руководители вкладывают в них значительные силы, чтобы потом никогда не попасть в научный оборот? Зачем я тогда руковожу тремя магистрами на каждом курсе (по 6 человек в год)? Ну, я уж не говорю об аспирантах, собственных работах, работах коллег, результатах проектов и пр. А программа максимум (она далека от программы минимум) – не просто включиться в международное научное со-

общество, но найти – создать – осознать – те особенности российского контекста, которые позволяют сделать прорыв в мировой науке, воздействовать на формирование новых парадигм, с более высоким эвристическим потенциалом, чем все ныне существующие в социальных науках. Вырастить новых авторов дискурсивности уровня Фуко или Батлер и пр. которых знает, критикует, цитирует весь социально-научный мир и пр., которые способны воздействовать на академические умы и общественность, объяснять кризисы и динамику обществ, консервативные повороты, или хотя бы российскую коррупцию или гендерный традиционализм. За пределами социологии такие мощные фигуры есть, в искусстве, например, или в филологии, но для социологов – это не самая реалистичная задача. Социология – это не наука или искусство одиночек, вокруг должен бурлить и кипеть академический бульон дискуссий, чтобы осуществлялись интеллектуальные прорывы. Такое кипение существует в нашем университете, есть и в других местах, но их бесконечно мало. Важен и общественный запрос, который отсутствует.

Не кажется ли Вам, что вхождение российских социологов Вашего и следующих поколений в европейское, мировое сообщество социологов может обернуться еще одним разрывом в процессе развития отечественной социологической науки. Не будем забывать, что однажды это было, я имею в виду «яму» 1930-х – 1950-х годов? Или ничего страшного не будет, даже если подобное произойдет?

Не знаю. Это зависит не от социологов, а от гораздо более широкого контекста. Пока что мы можем только стараться делать так, чтобы европейское, мировое и российское сообщества не были антагонистами (по крайней мере в общественных науках), а были единым целым с взаимным влиянием частей на целое и друг на друга.

И последний вопрос: Аня, пусть кратко, пунктирно, но Вы представили траекторию вашего профессионального движения от лаборанта, работавшего на временной ставке, до именной профессуры в одном из лучших в стране университетов. Как в целом Вам видится пройденный профессиональный путь? Как некоторое непрерывное развитие с торможением и ускорением или как ломанная с разрывами, неожиданными поворотами?

Это такой вопрос, на который невозможно ответить однозначно. С одной стороны – это жизненный (не только профессиональный) путь с постоянным преодолением барьеров, бег с препятствиями, и в этом смысле непрерывный, но за одним

препятствием пока следующего может быть и не видно. С другой, это политика малых дел – просто делать каждое дело с полной по-возможности отдачей, иногда из этого не получается ничего, а иногда получается следующее дело (ну а должно-сти просто прикладываются, рано или поздно). Тогда это линия с разрывами. Или это постоянный (хотя и вполне и не всегда рационализированный) выбор из существующих возможностей, когда один сделанный выбор разворачивает следующий веер возможностей. Это и постоянное строительство и расширение сетей из людей, знаний, проектов, ресурсов. Вариант зависит от того, из какой перспективы на себя смотреть. А по субъективным ощущениям – это просто стратегия «не сдаваться» и по-возможности делать то, что любишь и считаешь правильным, хотя это бывает очень непросто.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ТОМУ 4

В структурном отношении этот текст завершает том 4, и потому он является его заключением. Тем не менее, как отмечено в Предисловии, содержание данного тома следует рассматривать в единстве с биографиями советских/российских социологов, включенными в том 2. Таким образом, здесь имеет смысл привести характеристики сводного массива биографической информации.

Прежде всего повторю, в двух томах размещена биографическая информация о 58 социологах. Из них: 8 человек представляют первое поколение (родившиеся в интервале 1923 – 1934 гг.), 12 – второе (последние годы 1920-х–1934 г.), 21 – третье (1935–1946 гг.), 15 – четвертое (1947–1958 гг.) и двое – пятое (1959–1970 гг.).

Все мои собеседники – самостоятельные, известные своим работам специалисты. Самая общая статистика опрошенных такова: 35 (60%) докторов наук, в том числе три академика и два член-корреспондента РАН, 16 (28%) – кандидатов наук или обладателей Ph.D. и семеро (12%) – без научных степеней.

Преобладающая часть респондентов обладает многолетним преподавательским стажем, почти все доктора наук и ряд кандидатов имеют звание профессора, есть опытные доценты. Отмечу также наличие в этой группе ректора Европейского университета в Санкт-Петербурге (Б.М. Фирсов), деканов ряда социологических факультетов, создателей и заведующих кафедрами. Количество студентов, которые слушали их лекции, делали у них свои курсовые и дипломные исследования, неисчислимо. Подчеркну и то обстоятельство, что здесь представлены интервью с авторами многих учебников и учебных пособий по социологии, в том числе – наиболее востребованных: «Социологическое исследование: методология, программа, методы» (В.А. Ядов), «Рабочая книга социолога» (Под ред. Г.В.Осипова) и «Прикладная социология» (М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги). Под руководством некоторых из опрошенных специалистов подготовлено более сотни кандидатских диссертаций, многие консультировали докторантов. Таким образом, можно утверждать, что совокупно участниками проекта внесен значительный вклад в формирование корпуса специалистов высшей категории.

В составе опрошенных – три человека, в разные годы руководившие Институтом социологии РАН (за время своего существования он сменил несколько названий), создатель Института социально-политических исследований РАН, директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, организатор и первый директор Социологического института РАН, руководители крупных подразделений раз-

личных научных организаций, создатели и владельцы независимых аналитических центров. Т.И. Заславская была первым директором Всесоюзного (ныне – Всероссийского) центра изучения общественного мнения.

Здесь же – ключевые фигуры Советской социологической ассоциации (ССА, 1958-1992 гг.), в разные годы во главе ее были пятеро из моих собеседников: Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Г.В. Осипов, Ж.Т. Тощенко и В.А. Ядов. В 1991 году было создано Российское общество социологов (РОС), его первым президентом был избран Н.И. Лапин, с 1992 по 1997 гг. его президентом был В.А. Ядов. Многие респонденты руководили исследовательскими секторами, комитетами в ССА и РОС, в международных социологических ассоциациях.

Все это указывает на весьма заметное место социологов, биографии которых здесь представлены, в организации советской/российской социологической науки.

Среди опрошенных ученых двух первых поколений есть те, кто в 1960-е – начале 1980-х регулярно представлял советскую социологию на Всемирных социологических конгрессах и различных международных форумах. После перестройки в процесс коммуникации с зарубежными социологами активно включились представители всех последующих когорт. Многие из четвертой когорты первыми прошли долгосрочные и краткосрочные стажировки в американских и европейских исследовательских и аналитических центрах.

По моим самым приближенным оценкам, общее количество лишь монографий, авторских книг, опубликованных участниками исследования, не менее 700, так же под их редакцией вышло множество книг, сборников, материалов конференций. Ими самими или под их руководством изданы переводы социологической классики и современных авторов. Количество статей, написанных моими собеседниками может быть оценено минимум в 12000-14000. Есть в этой группе члены редколлегий международных, общенациональных и региональных социологических журналов и периодических изданий.

Не поддается оценке количество академических и прикладных работ выполненных социологами, с которыми проведены интервью. Это и пионерные, многоцелевые, многоэтапные исследования, и исследования по программам социального развития, часто осуществлявшихся университетскими специалистами совместно с заводскими социологами. Несколько человек причастны к становлению в СССР/России опросов общественного мнения и маркетинговых исследований. В третьем поколении выделяется группа социологов, имеющих базовое математическое или физическое образование. Ими проанализи-

зировано множество вопросов методологии и методов обработки социологической информации, создавались первые варианты программного обеспечения для ЭВМ.

На момент проведения интервью 25 человек работали в Петербурге, 23 – в Москве, семеро – в различных городах России, двое (Э.В.Беляев и В.Э. Шляпентох) в США и Л.Н. Столович – в Эстонии. Российская география представлена двумя социологами из Екатеринбурга и по одному от Красноярска, Иваново, Новосибирска, Самары и Тюмени. Но в действительности, воспоминания участников опроса охватывают более широкую хроно-пространственную среду; скажем, до переезда в Москву Т.И. Заславская и Д.Л. Константиновский работали в Новосибирске, Ж.Т.Тощенко – в Красноярске, Ф.Р. Филиппов – в Нижнем Тагиле, В.И. Ильин до Петербурга продолжительное время работал в Сыктывкаре. В моей статистике проживания А.Г. Здравомыслов и В.А. Ядов учтены как москвичи, но, возможно, еще в большей степени они – ленинградцы.

Безусловно, около 60 социологов, биографии которых приведены выше, в статистическом отношении не репрезентируют все сложно организованное многопоколенное и дисперсное сообщество советских/российских социологов. Но эта совокупность респондентов – не группа «случайных» людей, это – «лидерское», рискну сказать – «элитное» множество ученых, во многом определявших развитие советской/российской социологии на протяжении более полувека и давших импульс основным трендам в ее динамике на несколько десятилетий вперед. Методология настоящего историко-социологического изыскания, вообще говоря, не требует наличия группы ученых, статистически репрезентирующих ту или иную генеральную совокупность социологов, к тому же я вообще сомневаюсь в возможности построить такую выборку; уж очень неопределенна природа и параметры этого гипотетического генерального множества. Обсуждаемый проект и задумывался, и сложился как совокупность «кейсов», его можно трактовать как монографическое исследование меняющейся во времени реальности с помощью целенаправленно настраиваемой измерительной технологии.

Здесь нет понятия выборки, как и не существует вопроса о реализации выборочного плана. Скорее, речь должна идти о достижении некоторых апприорных – своего рода экспертных – допущений о том, с кем следовало бы провести интервью. Я даже рискнул бы говорить здесь о стремлении к исследовательской мечте. На первом этапе работы мне очень помогли Б.М. Фирсов и В.А. Ядов, с которыми я многие годы работал вместе. Их согласие рассказать о себе сделало более аргумен-

тированными мои обращения к другим коллегам. И все равно, потребовались годы, чтобы получить согласие некоторых социологов на беседу, и годы, чтобы провести интервью.

Менялась, настраивалась и собственно процедура интервью. По своему типу интервью всегда было неформализованным, мягким, фактически не было прямого переноса вопросов из одного интервью в другое. И была различной форма общения, одна ситуация, если моим собеседником был человек, которого я знал десятилетиями, и другая, особенно в начале интервью, если я к моменту сотрудничества не был с ним знаком.

Монографическое социальное исследование можно считать валидным, если оно в достаточной полноте выявляет и описывает ситуации, процессы, характерные, присущие изучаемому объектно-предметному пространству. В целом о многих свойствах этого образования можно судить априори, но действительная картина изучаемого фрагмента социальной реальности проясняется лишь по мере накопления и предварительного рассмотрения информации о свойствах и динамике этого пространства. Так, в нашем случае, можно было гипотетически, прибегая к принципам макро историко-науковедческого анализа, построить серию траекторий вхождения философов, историков, экономистов, математиков, филологов в социологию, но лишь беседы с ними позволили увидеть, как это происходило, благодаря и вопреки чему.

Конечно, каждый человек, рассказывая историю своей семьи, описывая процесс ранней социализации, получения образования, начало и развитие собственной карьеры, выстраивает нечто уникальное, единственное. Вместе с тем это уникальное во многом является неповторимой цепочкой сюжетов, фактов, аргументов, часто встречающихся, повторяющихся в биографических повествованиях его коллег, прежде всего – его ровесников и представителей его социологического поколения. Скажем, светлые воспоминания о детстве, трагические события конца 1930-х и/или войны, коснувшиеся его семьи, встречи с теми или иными социологами или книгами, повлиявшими на выбор профессии или исследовательской ниши. Многие рассказывали о бюрократических сложностях с публикациями, цензуре, запрете на поездки за рубеж. И напротив, о чувстве радости, подъема, который старшие по возрасту социологи переживали в годы политической оттепели и более молодые – в период перестройки. Все эти более или менее часто встречающиеся жизненные коллизии образуют «матрицу событий», или «событийный каркас» большинства биографий.

Внутри это матрицы располагаются различные событийные зоны. К примеру, есть множество рассказов социологов

первого и второго поколений о трудностях и невзгодах пережитых ими в военные годы, есть несколько воспоминаний об их жизни в блокадном Ленинграде. Такова среда, в которой формировались эти когорты, и каждый новое интервью, в котором отражены переживания военного времени, повышает плотность событийной ткани в соответствующей матричной «ячейке», но не увеличивает количество самих ячеек.

Пока количество интервью оставалось небольшим, содержание каждого нового заметно увеличивало количество матричных ячеек, это означало, что результаты анализа собранной информации имели низкую логическую валидность. Но постепенно, с ростом числа бесед новые ячейки в матрице стали появляться все реже, происходило лишь уточнение границ уже существующих. Вот это-то и позволяет говорить о валидности, или логической репрезентативности, собранного массива информации. Он отражает многие процессы формирования слоя лидеров советской/российской социологии.

Основанием для приведенных рассуждений являются выводы и практика статистического последовательного анализа, предложенного в конце 1940-х американским математиком Абрахамом Вальдом. В нашем случае не ставится задача использования методов проведения последовательного наблюдения и обработки полученной информации, но учитывается лишь философия этого вида исследований. Она задается следующим образом: наблюдения производятся по одному и анализируются в ходе самого эксперимента с тем, чтобы на каждом этапе решить, требуются ли ещё наблюдения или количество наблюдений уже достаточно, чтобы остановить эксперимент.

В нашем случае схема последовательного анализа может успешно использоваться при изучении социологов третьего, четвертого и последующих поколений, поскольку эти профессиональные когорты весьма многочисленны. Принципиально более сложным является накопление данных о социологах первых двух поколений. Во-первых, их исходно и всегда было немного, они стояли у истоков науки. Во-вторых, самые молодые из живущих представителей этих групп в 2014 году отметили свое 80-летие, а старшие – перешагнули 85-летний рубеж. Легко понять, что в течение нескольких последних лет численности этих когорт заметно сократились. Буду считать большой удачей, если в ближайшие годы мне удастся провести интервью еще с несколькими социологами из рассматриваемой совокупности.

Относительная стабильность «матрицы событий», построенной на базе проведенных интервью, позволяет допускать, что уже собранный массив информации достаточно репрезентати-

вен (в указанном выше смысле), а выводы и гипотезы нашего историко-социологического проекта валидны и могут рассматриваться как полигон для продолжения исследований.

В заключении отмечу, что собранная коллекция биографий открывает возможности не только для более глубоко понимания процессов формирования российского социологического сообщества, но и для проведения более широкого историко-культурологического анализа в области социальной структуры и социальной миграции. Таким образом, история советской/российской социологии окажется вписанной в историю СССР/России, а становление сообщества отечественных социологов станет объектом многоаспектного науковедческого изучения.

Научное издание

Докторов Борис Зусманович

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОИСКИ**

В 9-ти томах

ТОМ 4

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСЕД С СОЦИОЛОГАМИ

*Корректурa Бориса Никифорова
Макет издания Евгения Чичилова*

Издатель:
Центр социального прогнозирования и маркетинга

127106, Москва, ул. Гостиничная, 9.

**Тел. (495) 481-18-38, 482-18-47
E-mail: info@sheregi.ru**

**Подготовка электронного издания:
IT центр Института социологии РАН
E-mail: delo@isras.ru**

Тираж: 500 экз.